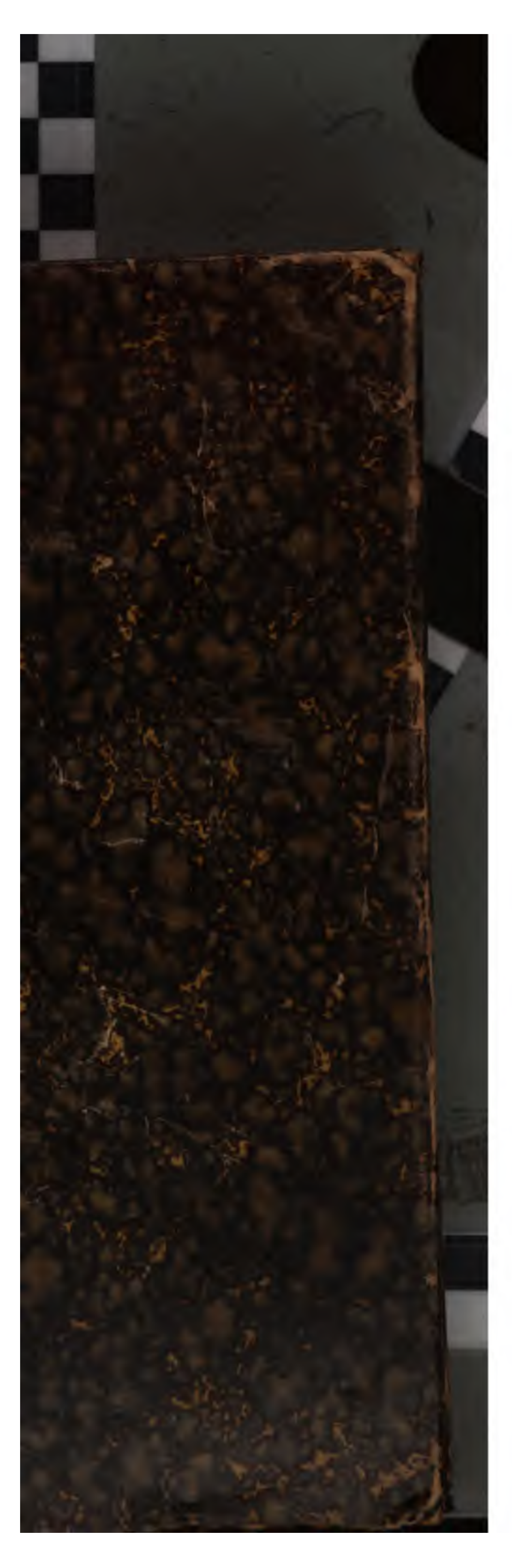
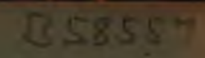

СОЧИНЕНІЯ

П. Н. КУДРЯВЦЕВА.

Съ портретомъ и факсимиле автора.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ А. А. КАРЦЕВА.

МОСКВА.
Типо-Лит. Д. А. Бончъ-Бруевича. Нѣмецкая ул., Бригадирскій пер., д. Т-ва Кувшинова.
1889.

СУДЬБЫ ИТАЛІИ

ОТЪ ПАДЕНІЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДО ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ЕЯ КАРЛОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

Обозрѣніе остгото-лангобардскаго періода италіанской исторіи.

„Non essendo dunque stata la chiesa (Ro-„mana) potente da potere occupare l'Italia, „nè avendo permesso che un altro la occupi, „è stata cagione che la non è potuta venire „sotto un capo, ma è stata sotto più principi „e signori; da quali è nata tanta disunione „e tanta debolezza, che la si è condotta ad „essere stata preda, non solamente de' bar-„bari potenti, ma di qualunque l'assalta".

Machiavelli, Discorsi.

Печатано по изданію 1850 г., свѣренному съ рукописью автора.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разработка исторіи западной Европы по памятникамъ представляетъ у насъ въ Россіи разныя мѣстныя неудобства. Изъ нихъ первое и самое важное есть, безъ сомнѣнія, недоступность частію самыхъ источниковъ, частію же тѣхъ произведеній исторической литературы, которыя могли бы служить ключомъ къ нимъ и объясненіемъ. Кромѣ того, что многіе памятники вовсе не изданы и до сего времени остаются исключительнымъ достояніемъ мѣстныхъ архивовъ и книгохранилищъ (Ватиканъ, Эскуріалъ, Парижъ, Мюнхенъ, и проч.), не всегда можно надѣяться найти въ нашихъ библіотекахъ полное собраніе уже обнародованныхъ памятниковъ, относящихся къ тому или другому періоду западной европейской исторіи. Есть неизбѣжные пропуски, которые могутъ быть пополнены лишь со временемъ. Между тѣмъ никто, конечно, не будетъ спорить противъ важности и даже необходимости самостоятельнаго изученія главныхъ событій исторіи Запада и въ нашемъ отечествѣ. Если нужно основать независимость нашихъ собственныхъ сужденій въ дѣлѣ всеобщей исторіи, то достигнуть этого мы можемъ не иначе, какъ самостоятельнымъ ея изученіемъ. Къ тому же побуждаютъ насъ и успѣхи русской исторіи, сдѣланные ею особенно въ послѣднее десятилѣтіе. Они предполагаютъ извѣстную степень зрѣлости сознанія, на которой историческое знаніе вообще становится одною изъ первыхъ у-

ственныхъ потребностей. Не забудемъ притомъ, что для полноты историческаго созерцанія необходима сравнительная точка зрѣнія, а она можетъ быть пріобрѣтена лишь основательнымъ знакомствомъ, кромѣ исторіи отечественной, съ прочими частями всеобщей исторіи человѣчества.

Мысль о потребностяхъ этого рода была для меня первымъ побужденіемъ къ труду, который теперь предлагается на судъ русскимъ читателямъ. Она внушила мнѣ смѣлость предпринять довольно обширное изслѣдованіе въ области западной европейской исторіи, хотя подъ рукою и не было всего необходимаго запаса источниковъ и литературныхъ пособій. Поощреніемъ служили нѣкоторые предшествующіе труды въ той же самой области, изданные русскими учеными. Укажу особенно на монографію профессора Грановскаго „Аббатъ Сугерій и его время“, которая во многихъ отношеніяхъ могла бы служить образцомъ историческаго изслѣдованія по источникамъ. Мой выборъ палъ на начальный періодъ исторіи новой Италіи. Этому были свои особенныя причины. Извѣстно, какое важное мѣсто занимаетъ Италія въ исторіи новаго европейскаго общества по силѣ своего вліянія на умственное и нравственное его образованіе. Въ разныя эпохи новой исторіи она была какъ бы проводникомъ, посредствомъ котораго новый міръ сообщался съ древнимъ, сколько еще уцѣлѣло его въ историческихъ и литературныхъ памятникахъ, въ произведеніяхъ искусства и наконецъ въ остаткахъ самыхъ учрежденій, хотя уже много измѣнившихся отъ времени. Это стороннее вліяніе Италіи давно уже замѣчено историками, и благодаря многимъ, какъ общимъ, такъ и частнымъ изслѣдованіямъ, приведено почти въ совершенную ясность. Но внутреннее развитіе италіанской исторіи, столь своеобразной и столь непохожей какъ по своему ходу, такъ и по своимъ результатамъ, на все то, что параллельно съ нею происходило

въ другихъ странахъ Европы, по моему мнѣнію, остается до сихъ поръ недостаточно объясненнымъ, несмотря на богатство источниковъ и обильную историческую литературу, въ которую внесли свои вклады, кромѣ туземныхъ ученыхъ, и многіе иностранные изслѣдователи. Германія, Франція, Англія въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе Италіи. Макіавель, который самъ былъ не что иное, какъ самое умное и вѣрное выраженіе всей предшествующей италіанской исторіи, первый далъ ключъ къ уразумѣнію истиннаго хода ея; но, къ сожалѣнію, политикъ рано заслонилъ въ немъ историка, и я не знаю, кто бы потомъ воспользовался его историческими идеями, чтобы при свѣтѣ ихъ распутать хотя главные узлы исторіи его отечества. Впрочемъ надобно признаться, что самыя идеи Макіавеля-историка въ такомъ только случаѣ получаютъ въ глазахъ читателя глубокій смыслъ и полную значительность, когда знакомству съ ними предшествуетъ основательное изученіе началъ италіанской исторіи, хотя оправданіемъ имъ служитъ все дальнѣйшее ея продолженіе. Скажу проще: объясняя ходъ италіанской исторіи своими идеями, Макіавель самъ лучше всего объясняется ею же. Въ бытописаніи каждаго народа важенъ начальный его періодъ, какъ зерно, изъ котораго развивается вся послѣдующая его исторія. Здѣсь полагаются первыя основы его быта, здѣсь образуются главныя черты новой національности, здѣсь же опредѣляются впервые и условія ея будущаго политическаго существованія, частію самыя формы государственныя. Въ исторіи Италіи эта значительность начальнаго періода виднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно бы даже сказать, что вся послѣдующая исторія страны есть прямой и необходимый результатъ того направленія, которое она получила въ первомъ періодѣ своего развитія. Приведенный самымъ ходомъ моего изслѣдованія къ этому необходимому заключенію, я былъ

пораженъ имъ тѣмъ болѣе, что не могъ не узнать въ немъ главной идеи Макіавеля, которая—казалось мнѣ прежде—вовсе не восходила такъ далеко и оправдывалась лишь событіями его вѣка, или по крайней мѣрѣ ближайшими къ его времени! Тогда мнѣ стало понятнѣе какъ то великое значеніе, которое по всему принадлежитъ Макіавелю въ италіанской исторической литературѣ, такъ и необходимая связь всей его политической системы со всею предшествующею исторіею Италіи: первая, очевидно, была непосредственнымъ произведеніемъ послѣдней, и могла вырости лишь на почвѣ, ею приготовленной.

Съ цѣлію содѣйствовать по возможности къ уясненію все еще довольно темнаго вопроса о главныхъ направленіяхъ и событіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось образованіе новой италіанской національности, предпринялъ я мое „Обозрѣніе остгото-лангобардскаго періода италіанской исторіи". Какъ я уже замѣтилъ, у меня не было полнаго запаса всѣхъ источниковъ и литературныхъ пособій, относящихся къ этому періоду. Между первыми назову особенно Breviarium Diaconi Liberati, Liber diurnus, Fantuzzi—Monumenti Ravennati, Marini—I papiri diplomatici, которыхъ мнѣ недоставало: встрѣчающіяся въ книгѣ ссылки и указанія на нихъ сдѣланы по указаніямъ другихъ изслѣдователей. Имѣя впрочемъ подъ рукою самое важное—біографа Анастасія, Павла діакона, „Письма Григорія Великаго", „Каролингскій кодексъ", наконецъ всего Муратори, я не сомнѣвался въ возможности выполнить по этимъ источникамъ мою задачу болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Къ тому же я могъ пользоваться и самыми „Лѣтописями" (Annali), составленными Муратори: по своей полнотѣ и обилію фактовъ, онѣ, въ случаѣ нужды, почти въ состояніи были бы замѣнить собою самые источники. Вообще, что *касается* Муратори, то историческіе труды его заслужива-

ютъ всякаго уваженія и не потеряли своей цѣны даже въ наше время. Въ критической оцѣнкѣ какъ фактовъ, такъ и самыхъ памятниковъ, онъ по своей рѣдкой добросовѣстности и знанію дѣла доселѣ остается самымъ опытнымъ и вѣрнымъ руководителемъ. Матеріалъ же, имъ собранный, такъ великъ, что, читая только его „Лѣтописи", узнаешь изъ нихъ едва ли не болѣе, чѣмъ изъ многихъ другихъ историковъ Италіи, взятыхъ вмѣстѣ. Жаль только, что всѣ событія расположены здѣсь по годамъ, безъ крѣпкой внутренней связи. Для меня, при занятіяхъ моихъ остгото-лангобардскимъ періодомъ, „Лѣтописи" Муратори постоянно были настольною книгою, къ которой я обыкновенно прибѣгалъ во всякомъ сомнительномъ случаѣ,—если не за совѣтомъ, то за справкою.

Изъ литературныхъ пособій мнѣ особенно чувствителенъ былъ недостатокъ книги Джанноне, „Storia civile del regno di Napoli", сочиненія стараго, которое впрочемъ до сего времени не потеряло своихъ достоинствъ. Новѣйшими произведеніями италіанской исторической литературы, сколько они относятся къ исторіи остгото-лангобардскаго періода, я также не могъ пользоваться по желанію, составляя мое „Обозрѣніе". Этотъ важный недостатокъ впрочемъ значительно восполнило мнѣ превосходное сочиненіе Гегеля (ростокскаго профессора, сына знаменитаго философа) „Geschichte der Städtefreiheit v. Italien", которое своимъ подробнымъ и отчетливымъ анализомъ лучшихъ монографій, написанныхъ въ Италіи по этому предмету, отчасти замѣнило мнѣ многія изъ нихъ. Вообще, я такъ много обязанъ сочиненію Гегеля, что могу упоминать о немъ не иначе, какъ съ признательностію. Можно не соглашаться съ нимъ въ главныхъ выводахъ и находить ихъ нѣсколько односторонними, но нельзя не отдать должной справедливости подробностямъ его изслѣдованія. Гегель не пропустилъ ни одного явленія

въ юридической жизни италіанскаго народа въ продолженіе остгото-лангобардскаго періода, и каждое изъ нихъ оцѣнилъ самостоятельно и независимо. Вѣрный историческій тактъ указалъ ему сверхъ того связь этихъ явленій съ самою жизнію народа и необходимое вліяніе ихъ на ходъ его исторіи. Такимъ образомъ получили свой настоящій смыслъ многія событія первоначальной италіанской исторіи, которыя прежде или вовсе пропущены были безъ вниманія, или оставались неузнанными въ своемъ истинномъ значеніи. Замѣчу наконецъ, что кромѣ того, что́ прямо содержится въ самомъ изслѣдованіи Гегеля, на многое оно наводитъ мысль необходимостію логическаго заключенія.

Читателей моей книги считаю также нужнымъ предупредить еще объ одномъ обстоятельствѣ. Не удивлюсь. если книга не удовлетворитъ сполна ихъ требованію занимательнаго чтенія. Лишь въ малое извиненіе себѣ сошлюсь напередъ на характеръ самыхъ источниковъ, которыми я пользовался. Чрезвычайная сухость разсказа и скудость подробностей—отличительныя ихъ свойства, за немногими исключеніями. Даже событія рѣдко разсказаны обстоятельно; что же касается до историческихъ дѣятелей, двигателей этихъ событій, то едва лишь можно уловить самыя главныя ихъ черты. Иногда вмѣсто живыхъ лицъ приходится выводить на сцену почти только голыя имена. Впрочемъ я старался пользоваться всѣми намеками, какіе только находилъ въ источникахъ, чтобы хоть сколько-нибудь помочь этому вопіющему недостатку въ сочиненіи чисто историческаго содержанія.—Очень жалѣю также, что долженъ былъ обременить мою книгу цитатами: но онѣ казались мнѣ совершенно необходимыми, чтобы читатель тотчасъ же могъ повѣрять мои положенія, основанныя прямо на источникахъ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Внутреннее разложеніе римскаго міра. Измѣненіе въ характерѣ учрежденій. Переходъ отъ имперіи къ варварскому владычеству. Задача „Обозрѣнія".

Въ борьбѣ съ германскими народами совершались послѣднія судьбы Римской имперіи. Поднимая въ первый разъ руку на германцевъ, Римъ видѣлъ въ нихъ только новыхъ людей, не узнавалъ приближенія новыхъ временъ и съ ними новаго порядка вещей, какъ не узнавалъ онъ и другого новаго явленія, которое совершалось тогда на Востокѣ. Римскій народъ такъ долго жилъ своею собственною, самостоятельною жизнію; у него еще было такъ много вѣры въ свое величіе, что не могъ онъ тотчасъ же почувствовать всю великость опасности, приходившей извнѣ, не могъ тогда же привести къ своему сознанію мысль, что не вѣчно даже и его всемірное владычество. Были неясныя предчувствія у немногихъ, но правители, а за ними цѣлый народъ, еще думали о новыхъ завоеваніяхъ. Тиберій былъ первый, который, послѣ опытовъ нѣсколькихъ лѣтъ, усомнился въ прочности римскихъ завоеваній въ Германіи.

Событія не замедлили оправдать мысль Тиберія. Каждое вновь возрастающее поколѣніе приносило уже съ собою въ свѣтъ меньше вѣры въ силу римскаго оружія, больше страха передъ именемъ германцевъ. Траянъ, нѣсколько лѣтъ съ честію сторожившій имперію отъ нападеній сѣверныхъ варваровъ, принесъ съ собою на престолъ убѣжденіе въ необходимости провести постоянную границу между римлянами и германцами и защитить ее надежными укрѣпленіями: но даже и укрѣпленная граница не спасала—по крайней мѣрѣ отъ страха

варварскаго имени: онъ проникъ въ самый Римъ. По случаю маркоманскаго движенія при Маркѣ Авреліи, римлянами овладѣлъ такой ужасъ, что всѣ языческіе культы, сколько ихъ ни находилось въ Римѣ, были призваны содѣйствовать, каждый своимъ образомъ, къ умилостивленію боговъ. Двадцатилѣтними усиліями бѣда, казалось, была отвращена, то-есть отбиты были передовыя варварскія дружины, за которыми лежали новые слои, такъ сказать, непочатыхъ еще народностей Германіи. Тамъ копилась самая страшная гроза противъ Рима. Римъ истощился прежде, нежели даже встрѣтился съ нею, и, какъ бы по предчувствію этой новой опасности, римскій богъ Terminus въ первый разъ отступилъ назадъ: завоеванная Траяномъ Дакія оставлена была римлянами при Авреліанѣ.

Еще нѣсколько благородныхъ и вмѣстѣ отчаянныхъ усилій послѣдняго римскаго героизма, представленнаго Деціемъ, Клавдіемъ, Пробомъ, протянули борьбу на нѣсколько времени. Но къ чему вело, что римляне еще продолжали отбиваться отъ внѣшней опасности, когда у нихъ дома, внутри имперіи, происходило разложеніе безпримѣрное?—Оно началось давно, оно началось съ тѣхъ поръ, какъ войско отдѣлилось отъ народа, перестало жить съ нимъ одною мыслію, когда легіоны разошлись даже между собою, такъ что каждая армія, германская, испанская, восточная, хотѣла себѣ полной самостоятельности и подчиненія своей власти цѣлаго народа, когда потомъ эти арміи мало-по-малу наполнились варварами, такъ что римскій народъ, самъ не замѣчая того, защищался отъ варваровъ силами варварскими же. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе усиливался варварскій элементъ подъ римскими знаменами, тѣмъ болѣе истощалось въ рядахъ римскаго войска чувство римской національности. Духъ разъединенія, господствовавшій въ римскомъ войскѣ, скоро нашелъ себѣ и опредѣленную форму: раздѣленіе арміи на восточную и западную взяло верхъ надъ другими болѣе мелкими раздѣленіями и выразилось въ двухъ военныхъ государствахъ, оффиціально постановленныхъ Діоклеціаномъ внутри единой имперіи.

Тогда уже Римъ потерялъ значеніе центра имперіи и резиденціи императорской власти: ему уже предпочитали Миланъ. Но это было лишь начало его паденія. Въ мысляхъ основателя новаго, христіанскаго государства и самая императорская власть приняла иной характеръ. Для новой единодержавной власти нужна была и новая резиденція. Константинополь долженъ былъ не затмить только Римъ своимъ блес-

комъ, но и закрыть его своимъ значеніемъ. Возстановленное Константиномъ единство имперіи однако не удержалось долго: скрывавшееся подъ нимъ внутреннее распаденіе имперіи къ концу вѣка опять вышло наружу. Востокъ и Западъ раздѣлились снова, чтобы потомъ итти впередъ каждый своею дорогою.—Но Римъ не выигралъ ничего и при этой сдѣлкѣ: Римъ обошли еще разъ, ему предпочли Равенну.

Такъ съ каждымъ поколѣніемъ новые элементы все дальше и дальше простирали свои завоеванія внутри стараго зданія—Римской имперіи, и, водворяясь въ нихъ, какъ въ своемъ владѣніи, какъ будто хотѣли осудить Римъ на жизнь провинціальнаго города. Римскимъ именемъ продолжало означать новое государство всѣ свои акты, но это потому лишь, что настоящій смыслъ слова былъ забытъ современниками, а впрочемъ слова „константинопольскій" или „равеннскій" были бы здѣсь гораздо болѣе на мѣстѣ, потому что нигдѣ формы римской общественной жизни не подвергались такимъ существеннымъ измѣненіямъ, какъ въ эдиктахъ императоровъ IV и V столѣтій.—Чтò сталось съ римскими городскими учрежденіями, которыми условливалось цвѣтущее состояніе городовъ въ римскомъ государствѣ?—Куріи, декуріоны, даже прежніе городскіе магистраты продолжали существовать, но то, чтò прежде было почетомъ и льготою, теперь обратилось въ тяжкое бремя; но отъ того, чтò прежде было цѣлію для честолюбія, теперь бѣжали какъ отъ злого несчастія: изъ куріи дезертировали какъ изъ полковъ! [1]) А чтò сдѣлалось съ прежнимъ свободнымъ народонаселеніемъ Италіи, не говоря уже о провинціяхъ? Оно тоже продолжало существовать, было довольно многочисленно и означалось римскимъ именемъ „колоновъ": но какъ измѣнилось значеніе этого слова! Колоновъ въ старомъ римскомъ значеніи больше не знала Италія, а новые—и ими была полна Италія—они были рабами той земли, среди которой жили. Какъ государственное преступленіе наказывалось всякое покушеніе землевладѣльца перевести колона съ одной земли на другую.

Еще Римъ, даже и нисшедшій на степень провинціальнаго города, могъ бы быть опасенъ своимъ вліяніемъ. Недаромъ нѣсколько столѣтій къ ряду былъ онъ центромъ всей политической жизни Италіи, особенно духъ старыхъ сенаторскихъ родовъ, пока они оставались въ Римѣ, былъ несокру-

[1]) См. Walter, Geschichte des röm. Rechts, I, гл. XLIV.

шимъ. Но частію онъ былъ переработанъ христіанствомъ, которое безпрестанно дѣлало новые успѣхи даже между аристократическими фамиліями Рима, частію былъ значительно ослабленъ удаленіемъ многихъ родовъ, бѣжавшихъ въ V вѣкѣ отъ страха имени готскаго и вандальскаго [1]. И тѣ, которые оставались въ Римѣ и были свидѣтелями четырнадцати-дневнаго грабежа, произведеннаго Гензерихомъ, слабые числомъ, безпомощные противъ насилій варваровъ, какъ могли послѣ того не поникнуть головами къ землѣ въ чувствѣ глубокаго моральнаго паденія? Только христіанство могло еще поддерживать бодрость духа, и почти все, что еще было живого между римлянами, переносило туда свою дѣятельность. Епископъ Рима становился уже во главѣ представителей своего города. Старая аристократія разлагалась и нечувствительно уступала мѣсто новой. Такъ, присутствуя при разложеніи элементовъ старой общественной жизни, въ то же время находимъ и зачатки новыхъ зарожденій.

Всѣ несчастія Рима не вызвали никакихъ особенныхъ усилій со стороны имперіи. Не удивительно: имперія была уже на столько варварскою, что не могла питать особенной симпатіи къ Риму. Варвары селились и жили на римскихъ земляхъ, варвары служили подъ римскимъ знаменемъ, варвары начальствовали римскими войсками; они же были и первыми министрами,—наконецъ это была „варварская Римская имперія“. Переворотъ произошелъ прежде, чѣмъ сознаніе римлянъ догадалось о немъ. Реакція открылась, но поздно [2]. Впрочемъ имперія продолжала носить имя „Римской“, какъ будто суждено было, чтобы и послѣдняя заслуга ея европейской исторіи совершилась подъ римскимъ именемъ. Мы разумѣемъ тотъ опасный моментъ, когда зарождающейся европейской цивилизаціи угрожало первое страшное нашествіе азіатскихъ варваровъ. Заслуга дѣйствительно принадлежала римскому началу: ибо въ немъ только заключалась эта сила, соединяющая различныя народности подъ однимъ знаменемъ. Какъ ни велики были силы германскихъ народовъ,—разъединенныя, онѣ едва ли были бы въ состояніи выдержать напоръ азіатскихъ массъ.

Потомъ—для какой бы цѣли продолжало существовать это странное единство, извѣстное подъ именемъ Римской имперіи, въ которомъ было столько чуждыхъ элементовъ? На Востокѣ были еще свои мѣстныя причины, которыя требовали

---

[1]) *См.* Pétigny, Etudes, I, p. 285.—[2]) Реакція противъ варварскаго элемента *возстаетъ съ силою только* при Стиликонѣ. См. Pétigny, t. II.

продолженія римскаго общественнаго устройства, хотя въ измѣненномъ его видѣ: туда обращенъ былъ теперь главный напоръ варварскихъ народовъ, еще не усѣвшихся на прочныхъ мѣстахъ, тамъ нужно было имъ еще самое первое воспитаніе. На Западѣ главная нужда прошла, и имперія, носящая имя „Римской", была лишь безполезнымъ притворствомъ. Наступила пора, когда истина отношеній должна была отозваться и въ самомъ имени. Наконецъ сами варвары, въ рукахъ которыхъ была дѣйствительная власть, устыдились лжи и отмѣнили праздное имя западнаго императора.—Лишь съ тою цѣлію, чтобы не разорвать всѣхъ связей съ Восточною имперіею—потребность, наслѣдованная новыми властителями Италіи отъ прежнихъ императоровъ—Одоакръ удержалъ за собою титло „патриція".

Недостатокъ римскаго универсальнаго начала тотчасъ же далъ почувствовать себя новою катастрофою для Италіи. Варварскій патриціатъ, заступившій мѣсто императорства, не могъ выдержать и перваго нападенія, которое сдѣлано было на него варварами извнѣ. Одно варварское владычество смѣнилось другимъ. Разрушивъ нѣсколькими ударами патриціатъ Одоакра, готы положили основаніе своему королевству. Италія не сопротивлялась, какъ скоро побѣжденъ былъ Одоакръ съ своими дружинами: до такой степени она была истощена, что потеряла почти всякое чувство своей самостоятельности.

Таковъ главный ходъ событій въ большой историческій періодъ, означаемый именемъ Римской имперіи. Въ началѣ—Римъ, слившійся въ одно политическое цѣлое съ Италіею, распространяетъ свое владычество въ трехъ частяхъ извѣстнаго тогда свѣта; въ концѣ, тотъ же самый Римъ—беззащитная добыча варваровъ, и Италія—покоренная страна. Имперію въ старомъ смыслѣ было ужъ не возстановить: ея задача была выполнена; какія же судьбы готовились Италіи въ будущемъ? Должна ли она навсегда остаться покоренною страною и принять отъ своихъ новыхъ владѣльцевъ и новую культуру? Или это покореніе есть только дѣло временное, и старой Италіи еще возможно возрожденіе изъ собственныхъ средствъ и независимо отъ варваровъ? Если послѣднее, то какимъ путемъ возможно это возрожденіе?

На первый разъ возможность національнаго возрожденія для Италіи казалась бы очень сомнительною. Прежде всего потому, что еще не было italіанской національности. До сего времени былъ римскій народъ, извѣстное политическое единство, непремѣнно условливаемое крѣпостію, независимостію и

самостоятельностію Рима. Вліяніе Рима, политическое и нравственное, на всѣ части Италіи, началось слишкомъ поздно; оно не могло сгладить всѣхъ оттѣнковъ различныхъ національностей, на которыя искони раздѣлялась Италія. Съ паденіемъ Рима уничтожилось прежнее политическое единство; сталобыть существовавшія подъ нимъ народныя особенности снова выходили наружу. Послѣднимъ потому только не было простора, что вся Италія въ то время была задавлена варварскимъ нашествіемъ.

Остъ-готы, побѣдители Одоакра, были полными хозяевами страны. Они не ограничивались однѣми военными позиціями, мѣстами укрѣпленными: становища ихъ были разсѣяны по всему протяженію Италіи отъ сѣвера до крайнихъ южныхъ предѣловъ [1]). Мало того: они стали твердою ногою даже въ Сициліи. Прочность ихъ владѣній въ Италіи кромѣ того обезпечивалась многими землями, которыми они располагали на сѣверъ и востокъ отъ Италіи. Воинственный народъ, занимающій страну, истощенную почти систематическимъ разореніемъ, былъ здѣсь какъ у себя дома.

Но самая тяжесть этого давленія, равно испытываемаго во всей Италіи отъ чужеземцевъ, не могла ли служить къ тому, чтобы соединить всѣхъ туземцевъ въ одномъ общемъ чувствѣ неудовольствія и такимъ образомъ положить начало національному италіанскому дѣлу противъ пришельцевъ? По крайней мѣрѣ въ томъ моментѣ, въ которомъ мы находимся, это было совсѣмъ не такъ легко, какъ могло бы казаться. Италія не вдругъ перешла подъ иго чужеземцевъ; цѣлые вѣка работали надъ тѣмъ, чтобы сгладить для нея суровость этого перехода. Императоры никогда не были особенно уважительны къ старымъ привилегіямъ Италіи; часто они поступали съ нею, какъ съ страною завоеванною. Еще Августъ не посовѣстился пожертвовать нѣсколькими городами наглымъ требованіямъ своихъ ветерановъ. Говорить ли объ изнурительныхъ налогахъ послѣдующихъ временъ? Потомъ, чего не вытерпѣла Италія отъ варваровъ, пока еще они состояли на службѣ имперіи? Новое завоѐваніе, совершенное подъ рукою самаго умѣреннаго и кроткаго изъ завоевателей, не могло быть для туземцевъ слишкомъ чувствительнымъ бѣдствіемъ. Не мудрено даже, что подъ управленіемъ Теодериха они чувствовали себя болѣе обезпеченными, чѣмъ подъ властію императоровъ, кото-

---

1) *См. Manso,* Gesch. d. Ost-Goth. Reichs, V Beil. p. 321.

рые внутри своихъ владѣній должны были смотрѣть сквозь пальцы на буйство какого-нибудь Рицимера.

Притомъ, если бы чья воля и восчувствовала живо потребность освобожденія Италіи отъ чужеземцевъ, ей не на что было опереться въ своемъ стремленіи. Индивидуальная воля тогда только крѣпка и сильна, когда она опирается на какое-нибудь изъ національныхъ учрежденій. Въ Италіи же Римъ, главный центръ и узелъ всѣхъ собственно-римскихъ учрежденій, самъ не что иное, какъ великое учрежденіе, вышедшее изъ духа первыхъ народностей Италіи, никогда не былъ въ такомъ бѣдственномъ положеніи, какъ въ концѣ V вѣка. Нѣсколько разъ возобновлявшіеся грабежи стерли его блескъ, убили его богатство, а многочисленныя эмиграціи отняли у него лучшую его гордость, старую римскую аристократію, которая наиболѣе сочувствовала старымъ римскимъ учрежденіямъ [1]). Сенатъ римскій въ эту эпоху могъ представлять собою развѣ совершенное ничтожество. Членамъ его не приходилось показать себя даже въ искусствѣ дипломатическихъ сношеній. Чаще встрѣтишь въ тѣ времена съ важнымъ порученіемъ какого-нибудь епископа, чѣмъ римскаго сенатора. Какъ будто и это свое искусство римская аристократія завѣщала новому учрежденію, которое вездѣ въ предѣлахъ бывшей имперіи возникло изъ устройства христіанской общины.

Итакъ, на кого же могли опереться первые поборники національнаго дѣла въ Италіи, если бы они и явились? По ту сторону Адріатическаго моря лежала имперія родственная, въ одно время составлявшая даже одно политическое цѣлое съ Италіею и продолжавшая видѣть въ ней, по прекращеніи линіи западныхъ императоровъ, какъ бы свою законную часть, которая рано или поздно снова должна была стать подъ власть своихъ, то-есть „римскихъ“ императоровъ. Даже Теодерихъ не могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ знаковъ — не болѣе впрочемъ какъ знаковъ — своего подчиненія императору Анастасію [2]). Учрежденія, законодательство, администрація большею частію оставались общими между Италіею и Восточною имперіею. Здѣсь всего естественнѣе было искать себѣ опоры тѣмъ, которые бы хотѣли освобожденія отъ чужеземнаго ига. Политическія симпатіи Италіи къ Восточной имперіи, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не могли быть очень сильны. Такого рода симпатіи предполагаются между двумя народностями,

---

1) См. Pétigny, II, p. 262.—2) См. Manso, p. 47—53.

которыхъ взаимное вліяніе основывается на общемъ происхожденіи или на единствѣ духа и направленія. О состояніи народности въ Италіи мы уже говорили; въ Восточной имперіи ея было еще менѣе. Восточная имперія началась прямо съ города, почти не предполагая для себя никакой особенной народности, кромѣ общей римской, отъ которой, впрочемъ, она приняла сначала лишь нѣсколько сенаторскихъ фамилій. Оттого она продолжала носить названіе „Римской“, между тѣмъ какъ большая часть ея жителей не понимали даже языка, которымъ говорили настоящіе римляне. Между такими народностями какая могла быть симпатія? Но ея не могло быть даже между жителями двухъ главныхъ городовъ: житель Константинополя оставался чуждъ этой внутренней исторіи Рима, которая для настоящаго римлянина составляла лучшую школу,—и римлянинъ никогда бы не призналъ своимъ того духа, который жилъ между гражданами новаго Рима. Потомъ, содѣйствіе и помощь, оказанныя со стороны Восточной имперіи, не могли быть слишкомъ лестны для Италіи еще и въ томъ отношеніи, что они только перемѣняли одно чужеземное владычество на другое и едва ли въ состояніи были сдѣлать что либо для дѣйствительнаго облегченія страны.

Правда, что эпоха была совершенно особеннаго рода. Однимъ римскимъ политическимъ масштабомъ измѣрять ее невозможно. Политика не только далеко не поглощала всѣхъ высшихъ интересовъ своего времени: наоборотъ, она сама часто подчинялась другимъ, чисто духовнымъ стремленіямъ вѣка. Совершалось великое дѣло, зачинался новый міръ на развалинахъ стараго. Задача не ограничивалась тѣмъ только, чтобы на старые народные элементы наложить слои новыхъ народностей и потомъ произвести въ этой коснѣющей жизни новое броженіе. Настояла еще другая, высшая потребность: надобно было вложить въ это новое созданіе „душу живу“. Такой потребности удовлетворяло одно христіанство. Оно покоряло варваровъ своему кроткому слову въ то же время, какъ варвары покоряли римскій міръ своему мечу. И пока еще варвары не приняли христіанства, въ этомъ состояло лучшее преимущество людей, принадлежавшихъ по своему происхожденію къ старому свѣту, передъ новыми. Для римлянина временъ имперіи въ особенности, который не зналъ, куда бѣжать отъ внутренней пустоты своей, христіанство было вопросомъ жизни и смерти. Только христіанство снова научило его знать цѣну жизни, изъ которой онъ прежде такъ

легко искалъ себѣ выхода въ самоубійствѣ. Потому даже самое ожесточенное озлобленіе людей, которые имѣли несчастіе не понимать духа новой жизни, не могло остановить успѣховъ христіанства въ Римѣ. Въ катакомбахъ заложено было лишь первое основаніе христіанскаго Рима; отсюда онъ вышелъ потомъ на поверхность и перенесъ свою святыню прямо въ базилики, какъ бы въ замѣнъ старой, языческой правды. Новый Римъ уже при самомъ своемъ зарожденіи окрещенъ былъ въ христіанство: такова была воля его основателя. Почуявъ неподалеку отъ себя новый центръ людской дѣятельности, и греческая философія, изъ Аѳинъ и изъ другихъ пунктовъ, гдѣ она еще дышала нѣкоторою, хотя болѣе искусственною жизнію, также пришла въ Константинополь искать себѣ адептовъ. Однажды въ странной самонадѣянности, она предприняла было даже реакцію противъ христіанства, но, несмотря на талантъ и силу своего вѣнчаннаго поборника, скоро должна была сознать тщету своихъ безвременныхъ усилій. Тогда, въ чувствѣ своего безсилія, философія, или точнѣе софистика, взялась за иную систему дѣйствія: принявъ лишь внѣшнимъ образомъ мысль христіанскую, она начала объяснять ее по-своему, подвергать ее тонкостямъ своего утонченнаго анализа. Но это не мѣшало большинству жителей Константинополя, какъ и другихъ городовъ имперіи, оставаться вѣрными ученію правовѣрному. Въ этомъ отношеніи между старыми и новыми римлянами было почти совершенное единомысліе. На такомъ основаніи, то-есть на этомъ единствѣ религіозныхъ убѣжденій, могъ ли основаться и политическій союзъ двухъ народовъ (принимая за одинъ туземцевъ Италіи, за другой — жителей Восточной имперіи) противъ варваровъ? Это былъ очень трудный вопросъ, рѣшеніе котораго предоставлено было будущей исторіи. Для того времени, въ которомъ мы находимся, довольно замѣтить, что нужна была особенная, чрезвычайная постановка этихъ народовъ въ отношеніи къ варварамъ, чтобы это же самое начало послужило и для скрѣпленія политическаго ихъ союза противъ варваровъ. Ибо не забудемъ, что варвары, владѣвшіе тогда Италіею, также носили имя христіанъ.

Отъ прежде бывшихъ областей Западной имперіи Италіи ждать было нечего. Всѣ онѣ въ той или другой степени раздѣляли ту же участь. Наконецъ и та изъ нихъ, которая искреннѣе всѣхъ прочихъ предана была римскому дѣлу, Галлія, и она была покорена воинственными дружинами франковъ.

Равнодушная къ Восточной имперіи, отдѣленная, отрѣзанная отъ своихъ прежнихъ провинцій — Италія предоставлена была лишь самой себѣ, то-есть безсилію своей безпомощности. Какъ очистительная жертва за всѣ прежнія насилія Рима, она осуждена была безмолвно выносить самыя безчинныя грабительства варваровъ и не думать даже о возмездіи. Потому что даже самое владычество готовъ не могло укротить дерзости вандаловъ, которые и послѣ того продолжали дѣлать свои разорительные набѣги на берега Италіи [1]. Они наконецъ привыкли смотрѣть на Италію какъ на свою добычу: приходили на своихъ судахъ, куда хотѣли, выходили на берегъ, гдѣ имъ было удобнѣе, грабили первыя встрѣтившіяся жилища, убивали людей, угоняли скотъ и возвращались домой никѣмъ не преслѣдуемые. Всякое благосостояніе въ западной части полуострова должно было исчезнуть, потому что не было перваго его условія—безопасности. Земля оставалась невоздѣлана за недостаткомъ рукъ и за страхомъ имени варварскаго; плодоносныя провинціи, хлѣбныя житницы прежней Западной имперіи, находясь въ рукахъ варваровъ, не доставляли болѣе своихъ обильныхъ запасовъ для продовольствія страны, и римлянамъ не разъ угрожала опасность даже безъ осады умереть съ голоду. Послѣ того какъ въ войнахъ и тревогахъ исчезли одни за другими богатые римскіе землевладѣльцы, пустѣла и римская Кампанія, и дикимъ быліемъ поростала одна изъ плодороднѣйшихъ равнинъ Италіи. Бѣдность, голодъ и недостатокъ крѣпкой власти приводили съ собою и еще новое зло: толпы разбойниковъ начали появляться подъ стѣнами самаго Рима, и у правителей не было достаточныхъ средствъ, чтобы разогнать эту сволочь [2]. Въ Тосканѣ было не лучше. Одинъ путешественникъ (Rutilius Numatianus), еще въ началѣ V вѣка сдѣлавшій переѣздъ изъ Рима въ Галлію, видѣлъ на пути своемъ лишь печальные слѣды покинутой культуры, разрушенной гражданственности. Какъ будто дичала даже кроткая природа этихъ странъ, оставленная безъ попечительнаго труда, и начинала мстить человѣку за то пренебреженіе, которое онъ волею или неволею оказывалъ къ производительнымъ силамъ ея. Стоячія воды наполняли заброшенныя поля, и отъ нихъ поднимавшіяся зловредныя испаренія разносили болѣзни между жителями. Востокъ Италіи менѣе былъ подверженъ набѣгамъ вандаловъ, однако состояніе страны

[1]) См. Pétigny, II, 264.—[2]) См. ibid., p. 262.

было не менѣе жалкое, какъ и на западѣ. Въ 467 году знаменитый Сидоній Аполлинарій посѣтилъ Равенну и ея окрестности. Точкою сравненія служила для него родная ему Галлія, которая также много потерпѣла отъ варварскихъ нашествій; и однако печальная картина, которую представила путешественнику Равенна съ своими окрестностями, показываетъ, что Галлія еще далеко была отъ такого безотраднаго состоянія [1].

Трудно вообразить испытаніе болѣе тяжелое для страны, которая столько вѣковъ жила великою историческою жизнію, выработала изъ своихъ собственныхъ средствъ первообразъ для будущаго политическаго и общественнаго устройства Европы и вообще такъ много послужила человѣчеству въ его развитіи. Казалось бы, что на вопросъ, войдетъ ли въ европейскую исторію страна, которой прежняя жизнь составила ближайшее введеніе въ нее, надобно отвѣчать отрицательно; казалось бы, что старая Италія должна здѣсь совершенно оторваться отъ зачинающейся европейской жизни, или, погубивъ въ себѣ до конца всѣ остатки старой жизни римской, возродиться лишь изъ новыхъ народныхъ элементовъ и въ новой формѣ, общей съ Галліей, Испаніей, Британіей. Тогда не только была бы нарушена связь древняго міра съ новымъ — ибо Римъ, Италія, должны были служить европейской исторіи проводникомъ и всего того, что завѣщала ей также художественная и философствующая Греція;—тогда не только разорвалась бы эта связь разумная, но и въ жизни европейской было бы однимъ важнымъ элементомъ менѣе. Въ вознагражденіе мы имѣли бы тогда лишь одною пробою больше въ ряду опытовъ—образовать новое государство на германскихъ началахъ.

Таково не было однако назначеніе Италіи. Странѣ, которая предписывала законы древнему міру, суждено было продолжать всемірную роль и въ новомъ. Италія есть почти такой же огромный дѣятель въ новой исторіи, какъ и въ древней. Очевидно впрочемъ, что для такой дѣятельности, для такой роли оказалась бы неспособна Италія временъ императорскихъ. Ей необходимо было пройти напередъ эпоху испытанія, чтобы вылѣчиться отъ нравственной проказы предшест-

---

[1]) Epist. Sidon. Ap. C.-I, V.—Прокопій, Hist. Arc. c. 18, p. 54, говоритъ, что въ его время Италія, хотя втрое болѣе вандальской Африки пространствомъ земли, впрочемъ была несравненно бѣднѣе народонаселеніемъ, чѣмъ послѣдняя.

вующаго періода и возвратить утраченную способность къ высшимъ интересамъ человѣческой жизни и дѣятельности. Не назначено было Италіи навсегда остаться добычею иной народности, потеряться въ разливѣ германскаго начала; но въ многотрудной борьбѣ съ нимъ она должна была воспитать свою новую народность, но въ постоянной враждебности къ нему она должна была возрастить и упрочить въ себѣ чувство своей самостоятельности. Еще менѣе лежало въ ея назначеніи возвратиться вспять и слиться въ одномъ направленіи, въ одной политической жизни съ Восточною имперіею: иначе и судьба ея была бы одинаково печальная. Но здѣсь начиналась для новой Италіи другая, еще болѣе трудная задача— высвободить себя изъ-подъ власти, которая считалась какъ бы родственною и впослѣдствіи имѣла случай возобновить свои обветшалыя права освобожденіемъ страны отъ владычества готовъ. Если бы имперія по крайней мѣрѣ совершенно освободила Италію отъ варваровъ! Но этого не было: послѣ блистательнаго уничтоженія одного германскаго государства внутри Италіи, имперія ничего не сдѣлала, чтобы предотвратить распространеніе и усиленіе другого. Въ свое время молва утверждала даже, что она же, то-есть имперія, оскорбленіемъ своего полководца облегчила возможность перваго вторженія лангобардовъ въ италіанскія владѣнія. Какъ бы то ни было, съ этого времени трудность національнаго италіанскаго дѣла увеличивалась вдвое: новое варварское нашествіе съ свѣжими силами — съ одной стороны, имперія съ своими правами и дѣйствительною властію—съ другой. Откуда взять средствъ странѣ изнуренной, разоренной, раздробленной и завоеванной нѣсколько разъ, прежде чѣмъ всѣ туземные роды успѣли соединиться въ чувствѣ одной національности? Что послѣ лангобардскаго нашествія Италія не могла быть спасена чисто своими собственными средствами, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но какими бы средствами ни произведено было освобожденіе ея отъ двойного ига, надъ ней тяготѣвшаго, такимъ дѣломъ положенъ былъ бы первый камень къ возстановленію ея національности, и тотъ умъ, который бы принялъ на себя главныя заботы по этому дѣлу, или то учрежденіе, которое бы вмѣнило его себѣ въ одну изъ первыхъ обязанностей и съ успѣхами его тѣсно связало бы свое собственное существованіе, такой умъ или такое учрежденіе сослужили бы національному дѣлу Италіи заслугу великую, вѣчнопамятную. Они начали бы собою исторію новой, свобод-

ной Италіи, той Италіи, изъ которой потомъ исходили мысль и слово, производившія величайшія движенія Среднихъ вѣковъ, Италіи, которая въ разныя времена была источникомъ разнаго рода свѣта для всей Западной Европы и которая постоянно была яблокомъ раздора между важнѣйшими европейскими народностями—отъ начала своей исторіи до послѣднихъ временъ.

Мы ограничиваемъ нашу задачу лишь первымъ періодомъ исторіи новой Италіи, который можно назвать періодомъ ея возрожденія. Дѣло многосложное и потому многотрудное, оно совершается очень медленно, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, и слагается изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ моментовъ. Рядомъ съ нимъ и всегда въ самой тѣсной связи идетъ и исторія одного изъ величайшихъ европейскихъ учрежденій, имѣющаго въ Италіи свое особое значеніе. Мы прослѣдимъ одинъ за другимъ эти моменты и постараемся указать главныя силы и средства, наиболѣе содѣйствовавшія освобожденію Италіи отъ чужеземнаго владычества и возстановленію ея самобытности. Величайшее изъ предпріятій Карла Великаго, возстановленіе Римской имперіи, необходимо положитъ конецъ нашему очерку.

II.

Владычество остъ-готовъ въ Италіи. Составъ готскаго государства. Отношенія готовъ къ туземцамъ или римлянамъ. Первыя проявленія національнаго духа въ новой Италіи.

Чтобы точнѣе опредѣлить точку нашего отправленія, мы должны повторить, что первое начало новой Италіи тамъ, гдѣ конецъ Западной Римской имперіи. Это значитъ почти то же самое, что оно современно остъ-готскому владычеству въ Италіи; патриціатъ Одоакра никакого существеннаго значенія не представляетъ: онъ служилъ только переходомъ отъ стараго императорства къ новому королевству. Итакъ первыя страницы исторіи новой Италіи есть исторія ея несвободы; въ этомъ отношеніи впрочемъ участь ея общая съ другими европейскими странами, которыя почти всѣ должны были сами завоевывать свою свободу отъ чужеземныхъ пришельцевъ.

Прошло около шести вѣковъ послѣ большого кимро-тевтонскаго нашествія на римскія земли, а Италія все еще оставалась какъ бы обѣтованною землею для сѣверныхъ варваровъ. Одна половина готскаго племени перешла черезъ Италію въ южную Галлію, другая, увлеченная въ союзъ съ гуннами, еще не видала Италіи даже издали. Наконецъ въ 488 году двинулся изъ Мизіи цѣлый народъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, послѣдуемый необозримымъ обозомъ съ разными припасами и домашнею утварью. [1]) Это были остъ-готы, ихъ велъ Теодерихъ, они направлялись на Италію. Нѣсколькими вѣками позже, подъ другимъ знаменемъ, подобныя же безпорядочныя толпы шли въ другую обѣтованную землю, въ Палестину. Чѣмъ далѣе простирались готы впередъ, тѣмъ болѣе возрастали трудности похода. Держались больше берега Дуная,

---

1) *Iorn. de reb.* Goth. XIX; Procop. de bello Goth; Ennod. in Paneg. et cet.

но во всякомъ случаѣ дорогу надобно было прокладывать вновь. Платье носилось, припасы оскудѣвали, въ странствующемъ народѣ распространялись болѣзни. Зло и такъ уже было велико, но оно дошло до крайней степени, когда вдругъ не стало никакого пути: его заперли гепиды, черезъ земли которыхъ приходилось проходить готамъ, и ни за что не хотѣли дать пропуска. Они были правы, ибо открыть проходъ готамъ значило пустить на свою землю голодную саранчу. Но были по-своему правы и тѣ, которые во что бы то ни стало хотѣли пробиться впередъ: они спасали себя отъ голодной смерти. На этотъ разъ голодъ былъ вдохновителемъ мужества: бились до глубокой ночи, наконецъ голодное воодушевленіе побѣдило, готы сломили гепидовъ и потомъ разсѣялись по ихъ землямъ насыщать свой голодъ. Удовлетворивъ здѣсь первой потребности, они въ слѣдующемъ году продолжали путь черезъ южную Паннонію къ Адріатическому морю. Но недостатокъ переѣздныхъ судовъ скоро заставилъ ихъ снова поворотить къ сѣверу, чтобы огибать Адріатическій заливъ сухимъ путемъ. Трудности пути нигдѣ не уменьшались, и только надежда скоро увидѣть Италію поддерживала въ странствующемъ народѣ остатокъ терпѣнія. Но еще прежде, чѣмъ Италія раскрыла передъ нимъ свои плодоносныя равнины, здѣсь, на самомъ ея порогѣ, ждала остъ-готовъ живая стѣна, которую надобно было пробивать съ оружіемъ въ рукахъ: Одоакръ со всею своею силою готовился встрѣтить ихъ при входѣ въ Италію, у рѣки Изонцо. Напоръ однако былъ неотразимъ, остъ-готовъ воодушевляла теперь мысль послѣдняго дѣла, послѣдняго усилія, за которымъ ждала ихъ богатая награда. Одоакръ не устоялъ, онъ бѣжалъ къ Веронѣ, чтобы подъ стѣнами ея довершить свой стыдъ, свое пораженіе. Открытая борьба послѣ того становилась болѣе невозможною: ему оставалось только запереться въ Равеннѣ. Потери, которыя понесъ самъ Теодерихъ въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ, удержали и его на нѣсколько времени со всѣмъ народнымъ ополченіемъ въ окрестностяхъ Павіи. Подкрѣпленный новыми союзниками, Одоакръ пришелъ искать его на мѣстѣ и заставилъ даже запереться въ самомъ городѣ. Была опасная минута для остъ-готовъ, когда вдругъ цѣлый народъ (въ извѣстномъ смыслѣ) наполнилъ и безъ того населенный городъ, а напоръ со стороны осаждающихъ между тѣмъ усиливался съ каждымъ днемъ. Но перемѣна погоды, неблагопріятная для осаждающихъ, раздѣленіе, возникшее между союзниками Одоакра, и наконецъ походъ вестъ-готовъ,

которые пришли выручать своихъ одноплеменниковъ, охладили жаръ осаждающихъ и спасли Теодериха.—Еще проигранная битва (при Аддѣ, 490) заставила Одоакра снова искать убѣжища въ стѣнахъ Равенны. Мѣстность Равенны представляла множество удобствъ для продолжительной обороны. Кромѣ того, Теодерихъ не могъ предпринять строгой и рѣшительной осады, не обезпечивъ напередъ тылъ себѣ, то-есть не покоривъ прежде всю окрестную страну, гдѣ, кромѣ Равенны, было еще нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ и нашлось довольно много мужественныхъ защитниковъ. Къ этому надобно прибавить неискусство, непривычку остъ-готовъ вести правильную осаду. Неудивительно поэтому, что осада протянулась болѣе двухъ лѣтъ, и только на третьемъ году (493) крайность принудила Одоакра подумать о сдачѣ. Дипломатическимъ посредникомъ между нимъ и Теодерихомъ служилъ епископъ города, Іоаннъ. Теодерихъ клятвенно обѣщалъ сохранить жизнь и свободу Одоакру, и по договору вступилъ въ Равенну. Но прошло лишь нѣсколько дней, и Одоакръ палъ отъ собственной руки Теодериха, вѣроятно увлеченнаго запальчивостію вслѣдствіе нѣкоторыхъ извѣстій о новыхъ козняхъ Одоакра. Какъ бы то ни было, съ этой минуты Теодерихъ съ своими остъ-готами становился полнымъ хозяиномъ Италіи.

Всего страннѣе, что въ цѣломъ ряду этихъ событій, которыми рѣшалась будущая участь Италіи, собственная Италія какъ бы не принимаетъ никакого участія, или по крайней мѣрѣ не видно съ ея стороны никакого непосредственнаго дѣйствія для предотвращенія опасности. Дѣйствуетъ только Одоакръ съ своими, большею частію варварскими ополченіями; Италія даже не подаетъ своего голоса. Впрочемъ эта странность лишь кажущаяся. До сего времени политическое существованіе Италіи выражалось въ формѣ Римской имперіи; какъ скоро не стало имперіи, и Римъ потерялъ свою прежнюю значительность, утратилось и прежнее единство собственно римскаго сознанія. Вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и тотъ сильный духъ, которымъ были крѣпки старые римскіе институты. Оставалась, правда, Италія, то-есть оставалась все та же италіанская почва, лежащая подъ извѣстною географическою широтою, оставались туземные жители, уцѣлѣвшіе отъ варварскаго меча, отъ голода и заразы, и разсѣянные по всему пространству: но чтобы этотъ народъ, котораго жизнь въ продолженіе послѣднихъ столѣтій была отравлена горечью самыхъ тяжелыхъ испытаній, снова почувствовалъ цѣну своей родной почвы

и привязался къ ней, какъ къ своему наслѣдственному достоянію; чтобы между разсѣянными его членами снова пробудилось чувство національнаго единства, для этого еще много нужно было работать времени, и одного нашествія новыхъ варваровъ, которые спорили съ другими за владѣніе Италіею, было вовсе не достаточно. Новая Италія только начиналась тѣмъ, что кончилось существованіе имперіи, но она еще не имѣла своего голоса, и если бы имѣла его, то не было у нея довольно сильнаго органа, которымъ бы она могла подать свой голосъ, когда варвары рѣшали между собою вопросъ объ ея будущей участи. И этотъ голосъ и этотъ органъ она должна была пріобрѣсти впослѣдствіи.

Въ будущности Италіи очень многое зависѣло отъ того, какой образъ дѣйствія примутъ новые завоеватели въ отношеніи къ своему новому пріобрѣтенію, или какъ устроятся они въ завоеванной землѣ. Этотъ вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными, различно рѣшенъ былъ въ Британіи, въ Галліи, въ Бургундіи, въ Африкѣ. Въ одномъ случаѣ замѣтно было рѣшительное преобладаніе германскаго начала, въ другомъ—равновѣсіе его съ римскимъ. На долю Италіи выпало въ этомъ отношеніи особенное счастье. Во-первыхъ, она была завоевана однородною массою, однимъ народомъ, не дружиною, какъ Британія, какъ сѣверная Галлія. Въ первоначальномъ германскомъ обществѣ всякій народъ составлялъ самъ по себѣ одну большую семью, которой единство держалось началомъ кровнымъ, родственнымъ; дружина была уже выходомъ изъ этого первоначальнаго состоянія, первою формою, въ которой выражался произволъ личности [1]. Какъ цѣльный народъ, а не сводное ополченіе, остъ-готы состояли подъ властію не просто избраннаго шефа, но вмѣстѣ и члена извѣстнаго царственнаго дома; какъ народъ, остъ-готы представляли также болѣе ручательствъ за успѣхъ того направленія, въ которомъ бы захотѣлъ дѣйствовать признанный ими глава народа [2]. Сопротивленіе не могло обнаружиться здѣсь такъ рѣзко и такъ насильственно, какъ въ дружинѣ. Но счастіе покровительствовало вновь завоеванной Италіи еще и въ томъ отношеніи, что предводителемъ и главою народа-завоевателей былъ такой человѣкъ, какъ Теодерихъ.

На первый взглядъ уже Теодерихъ рѣзко отдѣляется отъ другихъ шефовъ, которые въ разное время водили германскіе

---

[1]) См Iorn. de reb. Gothicis, III.—[2]) См. Tac. Germ. VI, VII et cet.

народы на завоеваніе областей стараго римскаго міра. Яснѣе, опредѣленнѣе другихъ обрисовывается его фигура на темномъ фонѣ тѣхъ смутныхъ временъ. Охотнѣе останавливается на немъ историкъ, хотя и не совсѣмъ согласный съ эпитетомъ „великій“, который придало Теодериху первое увлеченіе. Если возможно сочувствіе человѣка новаго времени къ героямъ эпохи первыхъ германскихъ государствъ на римской почвѣ, то оно всего скорѣе обратится на Теодериха остъ-готскаго. Между передовыми людьми германскаго міра онъ былъ первый, на которомъ ясно отразилось вліяніе того человѣчественнаго духа, который лежалъ въ самыхъ основахъ міра римско-христіанскаго. Между германцами это первое ощутительное выраженіе того, что́ впослѣдствіи, болѣе опредѣлившись въ своемъ содержаніи, получило себѣ и опредѣленное имя въ названіи „гуманизма“. Что этотъ новый духъ не переродилъ совершенно Теодериха, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: дикіе инстинкты продолжали таиться въ немъ, хотя и противъ его воли, и временемъ обнаруживались жестокостію, мстительностію, даже вѣроломствомъ. Въ такія минуты опять нельзя не узнать въ Теодерихѣ германскаго варвара; но проходили минутныя вспышки, и Теодерихъ опять становился человѣкомъ добра, сочувствующимъ выгодамъ римской цивилизаціи и желающимъ устроить мирное счастіе своихъ подданныхъ. Этому направленію собственно принадлежитъ и тотъ интересъ, который возбуждаетъ въ насъ одно имя Теодериха остъ-готскаго.

Исторія знаетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, какое обстоятельство въ особенности способствовало образованію такой замѣчательной личности среди варварства. Все не было дѣломъ одной природы; она могла дать Теодериху счастливую организацію, но духа, направленія дать не могла: для этого нуженъ былъ еще иной факторъ. Въ послѣднемъ отношеніи многое зависѣло отъ того, гдѣ провелъ Теодерихъ свою юность, гдѣ приняты были имъ самыя горячія впечатлѣнія. Многое въ жизни и направленіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей IV вѣка, каковы Константинъ Великій и Юліанъ, объясняется подобнымъ же вліяніемъ. Въ юности Теодериха также есть одно обстоятельство, которое, можно сказать, опредѣлило характеръ его послѣдующей государственной дѣятельности: еще семилѣтній мальчикъ, онъ отданъ былъ отцомъ своимъ Теодемиромъ въ заложники восточному *императору и* оставался при византійскомъ дворѣ до 18-ти

лѣтъ [1]). Впечатлѣнія, полученныя въ такіе годы, не изглаживаются цѣлую жизнь. Оторванный отъ міра варварскаго, Теодерихъ вдругъ перенесенъ былъ въ самый центръ той обширной и повидимому такъ крѣпко сочлененной государственной машины, которая подъ именемъ Римской имперіи даже издали поражала воображеніе варваровъ. Многое въ этомъ механизмѣ утратило свое прежнее значеніе, многое было съ намѣреніемъ измѣнено, но цѣлый составъ государственнаго управленія носилъ еще на себѣ характеръ стройности и порядка, которыхъ трудно было не предпочесть хаосу, господствовавшему въ подвижномъ германскомъ лагерѣ. У Теодериха была и воспріимчивость и ясный смыслъ: впечатлѣнія, которыя оставило въ немъ десятилѣтнее пребываніе въ Константинополѣ [2]), не подавили крѣпкой энергіи варвара, не убили даже всѣхъ дикихъ инстинктовъ варварской природы, но и не пали на безплодную почву. Теодерихъ вынесъ съ собою изъ Константинополя цѣлое воспитаніе.

Замѣтимъ то особенное положеніе, въ которомъ находился Теодерихъ при завоеваніи Италіи. Онъ началъ завоеваніе съ согласія и по уполномочію императора, хотя и вынужденному [3]). Такимъ образомъ и при новомъ занятіи страны имперія удерживала надъ нею свое формальное право. Новый завоеватель Италіи, казалось, долженъ былъ состоять въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ къ императорамъ, чѣмъ предшественникъ его, патрицій Одоакръ. Теодерихъ сначала и самъ не прочь былъ отъ этой мысли и тотчасъ по взятіи Равенны отправилъ одного изъ сенаторовъ къ византійскому двору хлопотать объ утвержденіи новаго завоевателя въ королевскомъ достоинствѣ. Но энтузіазмъ остъ-готовъ рѣшилъ дѣло иначе: не дожидаясь согласія императора, они, по собственному полномочію свободнаго германскаго народа, провозгласили Теодериха королемъ [4]). Теодерихъ и послѣ того не прервалъ тотчасъ всѣхъ сношеній съ императорами, однако въ силу своего народнаго права и по сознанію своего личнаго значенія

---

[1]) См. Iorn. c. XVII.—[2]) Id. c. XVIII.—[3]) Ср. объ этомъ — впрочемъ нѣсколько разногласящія извѣстія у Iorn. c. LVII и Proc. de bello Goth. I, 1. Также Hist. Arc. XV, p. 99.—[4]) Въ то время, какъ посольство ходило въ Константинополь, тамъ произошла важная перемѣна: императоръ Зенонъ умеръ и мѣсто его занималъ Анастасій.—Vales. Anon. § 57: antequam legatio reverteretur, ingressus est Ravennam (Theodericus) et occidit Odoacrem, Gothi sibi confirmaverunt Theodericum regem, non expectantes jussionem novi Principis. Cp. Manso, p. 47, 48.

правилъ готами и Италіею не какъ вассалъ имперіи, но какъ властитель самостоятельный и независимый. Свои формальныя права на Италію имперія должна была до времени отложить въ архивъ, чтобы предъявить ихъ при болѣе удобномъ случаѣ.

Ничто поэтому не могло связывать воли Теодериха, когда онъ приступилъ къ устройству завоеванной страны, къ опредѣленію отношеній между побѣдителями и побѣжденными. Для Италіи, которая ждала своей будущности, рѣшеніе такого вопроса было чрезвычайно важно. Оно или должно было убить въ конецъ тѣ начала, на которыхъ до сихъ поръ держалась общественная жизнь въ Италіи, или подновить ея истощенныя силы. Естественный порядокъ вещей требовалъ, чтобы Теодерихъ дѣйствовалъ въ духѣ того народа, силы котораго дали ему средства пріобрѣсти своей власти цѣлую страну, — котораго волѣ и согласію онъ обязанъ былъ своимъ королевскимъ титломъ. Но Теодерихъ принесъ съ собою уже готовое убѣжденіе: не измѣняя интересамъ своего народа, онъ однако въ важномъ дѣлѣ политическаго устройства Италіи отдалъ рѣшительное преимущество римскому началу.

Въ одномъ только не могъ Теодерихъ не уступить волѣ своего народа. Это было освященное обычаемъ германскихъ завоевателей право терцій (tertiae), или право на третью часть самой поземельной собственности побѣжденныхъ или прибыли отъ нея [1]). Переходя во владѣніе пришельцевъ, эти доли получали названіе „участковъ", sortes, а самые владѣльцы ихъ назывались „гостями, товарищами", hospites. Подобный же раздѣлъ предпринятъ былъ и Теодерихомъ въ завоеванной имъ Италіи. Мѣра насильственная; она впрочемъ была совершенно неизбѣжна, какъ единственное средство спасти побѣдителей отъ голодной смерти, и много уже смягчалась тѣмъ, что обычаемъ, обращеннымъ въ точный законъ, строго опредѣлялась пропорція, въ какой римскія земли могли быть выдѣляемы членамъ готскаго ополченія. Изслѣдованія, произведенныя въ новѣйшее время, приводятъ даже къ тому заключенію, что римлянинъ еще во времена императорскія привыкъ дѣлиться, если не всѣмъ своимъ достояніемъ, то по крайней мѣрѣ домомъ, съ солдатомъ, поставленнымъ къ нему на постой. Этого требовало узаконеніе, въ силу котораго каждый хозяинъ уступалъ своему постояльцу именно третью часть своего дома

---

1) *См. Manso, p.* 83, 84.

на все время военнаго постоя [1]). Уже Одоакръ позволилъ себѣ новое истолкованіе закона, распространивъ силу его и на всю поземельную собственность. Теодерихъ не сдѣлалъ по крайней мѣрѣ новаго насилія: правило, принятое Одоакромъ и частію приведенное имъ въ исполненіе, онъ только приложилъ къ своимъ готамъ. Но насильственныя мѣры, хотя бы и вынужденныя обстоятельствами, тѣмъ не менѣе противорѣчили въ душѣ Теодериха идеямъ о законности и порядкѣ: допустивъ раздѣлъ только въ опредѣленномъ размѣрѣ, онъ потомъ не хотѣлъ уже потерпѣть ни малѣйшаго отступленія отъ однажды принятаго порядка. „Если кто изъ чужеземцевъ" — предписывалъ онъ—„послѣ переселенія нашего въ Италію захватилъ себѣ землю римлянина, не получивъ напередъ письменной записи со стороны нашихъ уполномоченныхъ, тотъ долженъ немедленно возвратить захваченное имѣніе его прежнему владѣтелю" [2]). Только тридцатилѣтняя давность могла оправдать подобное злоупотребленіе. Что особенно странно, самымъ этимъ актомъ раздѣла, мирнымъ, кроткимъ, при безпристрастномъ наблюденіи законныхъ требованій обѣихъ сторонъ, Теодерихъ думалъ заслужить себѣ расположеніе своихъ новыхъ подданныхъ; онъ мечталъ даже о дружбѣ, почти о любви между готами и римлянами. „Намъ очень пріятно замѣтить"—писалъ онъ рукою Кассіодора о патриціи Либеріи,—„что нашъ уполномоченный, при распредѣленіи терцій, умѣлъ соединить и владѣнія и сердца готовъ и римлянъ: ибо сосѣдство ихъ не только не подаетъ повода ко взаимной враждѣ, напротивъ, общее владѣніе еще болѣе поддерживаетъ согласіе между ними" [3]). У Теодериха и совѣтника его Кассіодора составился даже родъ весьма идеальной теоріи насчетъ отношеній между побѣжденными и побѣдителемъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ того же самаго мѣста: „потерею скрѣплена дружба обоихъ народовъ и уступкою части поля пріобрѣтенъ защитникъ, который и цѣлый участокъ сохранитъ неприкосновеннымъ".

Теодерихъ былъ вѣренъ своей мысли во всѣхъ ея подробностяхъ. Это подробное развитіе могло уже принадлежать ученому Кассіодору, который былъ главнымъ органомъ завоевателя въ дѣлахъ правленія, но нѣтъ сомнѣнія, что оно было

---

[1]) См. Gaupp, Die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des röm. Weltreichs. § 16 и 19.—[2]) Cassiod. I, 18.—[3]) Cassiod. II, 16: Juvat nos referre, quemadmodum in tertiarum deputatione Gothorum Romanorumque possessiones junxerit et animos etc.

исполнено совершенно по видамъ Теодериха и вполнѣ соотвѣтствовало его идеалу. Готы, по его мысли, вовсе не были въ новомъ государствѣ исключительнымъ народомъ, которому бы одному принадлежали всѣ права и привилегіи: кончился раздѣлъ, и они составляли въ государствѣ только военное сословіе, на которомъ лежала обязанность защищать прочихъ, то-есть мирныхъ гражданъ, и потому они одни имѣли право носить оружіе [1]). Подлѣ „воиновъ“, то-есть готовъ, какъ равно уполномоченное съ ними сословіе, хотя между ними и не было ничего общаго въ соціальномъ отношеніи, стояли подъ именемъ privati мирные граждане, то-есть римляне. Они сохранили свои права, удержали свой законъ, свой судъ и управлялись своими гражданскими чиновниками, которые избирались высшею властію изъ ихъ же среды, такъ какъ готы состояли подъ командою своихъ военныхъ начальниковъ [2]). Только для высшаго суда, для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между римлянами и готами, наконецъ частію для общаго надзора за областнымъ порядкомъ и управленіемъ, посылались въ провинцію особые королевскіе чиновники изъ готовъ, которые потому носили названіе comites Gothorum, и въ этомъ состояло единственное политическое преимущество готовъ передъ римлянами, что́ впрочемъ происходило не столько изъ непосредственной мысли Теодериха, сколько изъ самаго положенія народа-завоевателя, въ которомъ такъ естественны были притязанія на высшія мѣста въ государствѣ [3]).

Кромѣ послѣдняго исключенія, которое впрочемъ легко могло быть и отмѣнено со временемъ, что́ новаго представляло это государственное устройство? Мѣсто, которое заняли готы въ государствѣ Теодериха, не походило ли на то, какое

---

1) Cassiod. VIII, 3.—2) Въ провинціяхъ попрежнему оставались для гражданскаго суда rectores, praesides или consulares, они же judices ordinarii или lociservatores. Имъ же принадлежало мѣстное финансовое управленіе и высшая полиція. Cassiod. VI, 21, VII, 2 и въ др. м. См. Hegel, Gesch. der Staedteverfassung von Italien, 1, 117—118.—3) Впрочемъ первое дѣло такъ называемыхъ comites Gothorum было разбирательство тяжбъ между готами. Но какъ готскому военному чиновнику нельзя было не дать предпочтенія передъ римскимъ гражданиномъ, какимъ былъ rector, или judex, то къ нему же относились и спорныя дѣла между готомъ и римляниномъ. Cassiod. VII, 3. За то comes Gothorum не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ тяжебныя дѣла между римлянами, или дѣйствіе его считалось противозаконнымъ. Cass. IX, 14. Вообще лучшее, т. е. самое отчетливое объясненіе запутаннаго вопроса о comites Gothorum представляетъ Гегель, 1, 116—122, который видитъ въ нихъ провинціальныхъ графовъ и главнымъ ихъ назначеніемъ считаетъ смѣшанные суды. Ср. Manso, p. 95.

въ Римской имперіи принадлежало вообще варварамъ? Не только походило, оно было то же самое. Законодатель—а этотъ законодатель былъ не кто иной, какъ самъ Теодерихъ—прямо называетъ готовъ „варварами, состоящими на службѣ республики" [1]. Но на этихъ самыхъ условіяхъ состояли всѣ вспомогательныя когорты въ прежней имперіи. Теодерихъ до такой степени римлянинъ, что для всякой не-римской народности, хотя бы то была даже готская, не хочетъ употребить другого выраженія, какъ „варвары". Человѣкъ, проникнутый римскими началами, дѣйствительно не могъ скрыть отъ себя варварства готовъ. Но Теодерихъ говоритъ такъ, какъ если бы еще существовала „республика", то-есть прежнее римское государство: и въ самомъ дѣлѣ оно нѣкоторымъ образомъ продолжало существовать въ новомъ государствѣ Теодериха, который прямо отличаетъ себя отъ „варварскихъ королей" и называется dominus Romanorum [2]. Правда, что въ идеалѣ Теодериха римское государство вообще смѣшивалось съ новою Восточною имперіею; но дѣло въ томъ, что для устройства своего государства онъ взялъ себѣ римскій образецъ, и въ этомъ поставлялъ свое главное преимущество передъ главами другихъ варварскихъ народовъ [3].

Дворъ равеннскій не могъ безъ сомнѣнія соперничать въ блескѣ съ константинопольскимъ; впрочемъ по внутреннему своему устройству онъ былъ не менѣе близокъ къ образцу, данному Константиномъ Великимъ. Нигдѣ придворный штатъ, учрежденный Константиномъ, не сохранился съ большею подробностью и въ большей чистотѣ, какъ при дворѣ готскаго короля. Это та же самая многосложная администрація съ различными ея отраслями, многочисленными канцеляріями, архивами и съ своею особенною милиціею; это тѣ же самые придворные чины съ ихъ прежними отправленіями [4], даже съ прежними названіями. Есть только самыя легкія, почти нечувствительныя измѣненія. Теодерихъ не по имени и честолюбію только „повелитель римлянъ", но и по самому способу управленія, котораго нельзя не назвать римскимъ, хотя въ

[1]) Edict. Theod. S. 32: Barbari, quos certum est reipublicae militare.— [2]) Cassiod. IX, 21.—[3]) Cassiod. I, 1. Императору Анастасію: Regnum nostrum imitatio vestri est: qui quantum vos sequimur, tantum gentes alias anteimus.— [4]) См. Manso, VIII Beilage, p. 342. Сюда принадлежатъ praefectus praetoris, magister officiorum, comes sacrarum largitionum, comes privatarum largitionum, отъ котораго впрочемъ часть дѣятельности была отнята и перенесена на другого—comes patrimonii и т. д.

немъ и заключалось отрицаніе старыхъ римскихъ правительственныхъ началъ. Не тронуто было даже прежнее административное раздѣленіе Италіи: какъ во времена Константина, и теперь Италія раздѣлялась на два діоцеза, изъ которыхъ въ верхнемъ было семь провинцій, и девять въ нижнемъ — опять старое число [1]. Презесы, ректоры, или простые судьи, стоятъ во главѣ провинціальной администраціи и завѣдываютъ гражданскимъ управленіемъ. Римъ, сохранивъ свое почетное преимущество между городами остъ-готскаго государства, удержалъ и своего „городского префекта", praefectus urbis [2]. Передъ другими мѣстными начальниками ему предоставлены были особыя права и преимущества. Подъ нимъ состояли: начальникъ городской стражи (praefectus vigiliae), начальникъ гавани и другіе чины. Ему или его викарію (vicarius urbis) подавались апелляціи на рѣшеніе судей нѣкоторыхъ провинцій [3]. На него жалобы шли прямо къ преторіальному префекту, главѣ всей администраціи. И нѣкоторые другіе города въ остъ-готскомъ государствѣ: Неаполь, Сиракузы, Марсель, удержали подъ именемъ графовъ, comites, своихъ особыхъ чиновниковъ съ значительною властію; но они далеко не имѣли преимуществъ римскаго префекта. Въ самой Равеннѣ, резиденціи королевской, присутствіе двора и центральной администраціи вѣроятно не давало чувствовать нужды въ особыхъ мѣстныхъ чиновникахъ для города; comes Ravennae, упоминаемый Кассіодоромъ, имѣлъ лишь спеціальное назначеніе [4].

Почти не нужно говорить, что при такомъ составѣ двора и такомъ устройствѣ администраціи, какъ мы находимъ ихъ въ остъ-готскомъ государствѣ, римская система государственныхъ доходовъ была неизбѣжна. Иначе правительство не могло бы покрывать своихъ расходовъ. Теодерихъ дѣйствительно и здѣсь не сдѣлалъ никакого нововведенія и довольствовался сборомъ податей и налоговъ, какіе существовали въ имперіи послѣ Константина [5]. Конечно, этого рода повинности падали прежде всего на римлянъ, или туземныхъ жителей Италіи, и нельзя думать, чтобы подъ готскимъ управленіемъ имъ казалось обременительнымъ то, чтó они давно уже терпѣли и прежде. Но какъ въ распредѣленіи правъ, такъ и въ разложеніи обще-

---

1) Ibid. p. 356.—2) Ibid. p. 364.—3) Объ отношеніяхъ префекта къ викарію см. Manso, p. 358; также Hegel, I, p. 115, п. 3.—4) Manso, 370.—5) Cassiod. IV, 38: Consuetudinem pristinam censemus esse revocandam, ut sicuti Odoacris tempore (а это все равно, что при послѣднихъ императорахъ) tributi solverunt, ita et *nunc ab eis* publicis utilitatibus serviatur.

ственныхъ повинностей, Теодерихъ не былъ исключителенъ: государство его не состояло только изъ римлянъ или только изъ готовъ, оно было римско-готское, и одно имя гота еще не спасало отъ необходимости платить подати. Нѣкоторыя мѣста Кассіодора очень положительно говорятъ о томъ, что готы были обложены податями наравнѣ съ римлянами [1]). Какъ ни стѣснительно казалось германской вольности готовъ такое нововведеніе, они должны были подчиниться ему. На то была рѣшительная воля Теодериха. Черезъ того же министра предписывалъ онъ не допускать никакихъ безпорядковъ въ этомъ отношеніи и наказывать непокорныхъ отобраніемъ въ казну ихъ недвижимой собственности.

Если при такомъ порядкѣ вещей, который былъ не что иное какъ возстановленіе стараго, ничего не выигрывала италіанская національность, то много выигрывала страна во внѣшнемъ благосостояніи. Авторитетъ Теодериха былъ великъ внутри, какъ и внѣ предѣловъ его государства; онъ хотѣлъ строгаго исполненія своей воли и находилъ его не только между римлянами, но и между готами. Между германскими народами едва ли не одни только остъ-готы имѣли столько благодушія, чтобы изъ уваженія къ лицу и власти своего короля укротить свою излишнюю строптивость и такъ скоро измѣнить свои воинственныя наклонности на мирныя. Теодерихъ былъ доволенъ ими—лучшее доказательство, что они умѣли отвѣчать его желаніямъ. Черезъ обыкновенный свой органъ, Кассіодора, онъ очень прямо высказывалъ свое довольство поведеніемъ готовъ, говоря, что и при своихъ воинственныхъ привычкахъ они однако умѣютъ жить и съ римлянами по законамъ [2]). Это было первое и самое необходимое ручательство мира страны. Благодаря мирному настроенію остъ-готовъ, дѣло Теодериха приносило свои добрые плоды. Мало-по-малу возстановлялся общественный порядокъ, возвращалась прежняя правильность гражданскихъ отношеній. Спокойствіе внутри государства поддержано, границы болѣе обезопасены отъ внѣшнихъ нападеній. Частный человѣкъ могъ свободнѣе предаваться своему промыслу и собирать избытки своей дѣятельности. Со временемъ онъ почувствовалъ бы цѣну своихъ, трудомъ и терпѣніемъ собран-

---

1) Cassiod. 1, 19; IV, 14. Манзо, p. 101, принимаетъ, что всѣ готы безъ изъятія были обложены податями наравнѣ съ римлянами, что впрочемъ еще подлежитъ сомнѣнію. Обложенные податями могли быть во всѣхъ частяхъ Италіи, но невозможно, чтобы владѣльцы не различались отъ невладѣльцевъ.—2) Cassiod. VII, 25.

ныхъ богатствъ, вмѣстѣ и цѣну той почвы, которая ихъ произвела. Тогда, вмѣстѣ съ внѣшнимъ благосостояніемъ, сильнѣе заговорило бы въ немъ и его патріотическое чувство.

Отъ многихъ прежнихъ золъ, въ особенности матеріальныхъ, могла исправиться Италія подъ владычествомъ готовъ; но какой могъ быть конецъ всему? Теодерихъ хотѣлъ не одного только мирнаго сожительства готовъ и римлянъ: цѣли его простирались еще далѣе: онъ думалъ и надѣялся, что его готы и римляне составятъ со временемъ одну націю [1]). Лучшимъ выраженіемъ воли его въ этомъ смыслѣ служитъ такъ называемый „эдиктъ Теодериха", составленный изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ статей уголовнаго и гражданскаго римскаго законодательства и назначенный не столько для римлянъ, которыхъ юридическія формы были уже утверждены долговременнымъ обычаемъ, сколько для готовъ, которыхъ еще надобно было пріучать къ римскому юридическому порядку. И должно признаться, при томъ мирномъ духѣ, какой показали остъ-готы въ Италіи, все обѣщало успѣхъ задушевной мысли Теодериха. Разсѣянные по всему протяженію страны, готы и безъ того терялись между туземнымъ народонаселеніемъ, которое въ нѣсколько разъ было многочисленнѣе [2]). Поставленные подъ одни юридическіе обычаи съ римлянами, они должны были сближаться съ ними и въ сферѣ нравственной. Время могло стереть съ нихъ многія національныя черты и дать имъ другія, болѣе мѣстныя, какъ это впослѣдствіи случилось съ народомъ лангобардовъ. На долю же Теодериха выпалъ очень долгій срокъ жизни, въ продолженіе котораго онъ ни разу не измѣнилъ направленія однажды имъ принятаго. Готамъ осталось бы наконецъ только ихъ военное управленіе, но и оно едва ли бы удержалось противъ стараго римскаго порядка, или строя, когда бы римляне попрежнему стали вступать въ военную службу. Однимъ словомъ, если смотрѣть только съ политической точки зрѣнія, дѣло Теодериха очевидно клонилось къ тому, чтобы изъ него выработалось наконецъ возобновленное римское государство съ римскимъ правомъ и римскими учрежденіями, можетъ-быть не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала.

---

[1]) Cassiod. III. 13. Nec permittemus in discreto jure vivere, quos uno voto volumus vindicare.—[2]) Прокопій полагаетъ число всѣхъ вступившихъ въ Италію *готовъ въ* 200,000.

Но для того ли происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ мы снова увидѣли и старое зданіе, переложенное въ томъ же стилѣ и съ тѣми же недостатками?

Не къ такимъ убогимъ цѣлямъ направлялись историческія судьбы новой Италіи. Еще цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, одно другое смѣняющихъ. угрожалъ ей впереди: какъ бы въ возмездіе за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою отъ одного народа на другой, Италіи тоже суждено было въ продолженіе очень длиннаго періода переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но среди самаго плѣна, изъ противодѣйствія враждебнымъ элементамъ, зарождались уже индивидуальныя черты новой Италіи, возникали и новые интересы, которые вовсе не существовали для древняго Рима. Какъ ни благородны были намѣренія Теодериха, какъ ни постояненъ былъ онъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей,—зданіе имъ сооружаемое не носило въ себѣ никакого залога прочности: онъ преслѣдовалъ мечту, которая не могла осуществиться. Все благодушіе готовъ, съ которымъ они, повидимому по крайней мѣрѣ, подчинялись видамъ своего короля, вся безотвѣтность римлянъ, которые должны были принять съ благодарностію новый порядокъ вещей, ни къ чему не служили тамъ, гдѣ между двумя народами проходило глубокое внутреннее раздѣленіе. Отнюдь не всѣ вопросы рѣшались на политической аренѣ: наоборотъ, самое политическое подчинялось во многихъ случаяхъ сознанію религіозному. Это было необходимое слѣдствіе того великаго переворота, который недавно совершился въ человѣческомъ сознаніи вообще. Мысль религіозная составляла въ то время высшій интересъ человѣчества, покрывавшій собою всѣ другіе: она соединяла людей разноплеменныхъ, она раздѣляла кровныхъ. Напрасны были всѣ усилія короля готовъ соединить римлянъ и готовъ политически: они сошлись уже раздѣленные своими религіозными убѣжденіями. Готы были аріане, римляне—католики.

Это была чистая случайность, что готы сдѣлались аріанами. Понятно происхожденіе и распространеніе аріанизма на почвѣ, приготовленной къ нему софистическимъ ученіемъ, особаго рода образованіемъ ума, которое рано раскрывало потребность тонкихъ діалектическихъ различеній и пріучало искать истину въ ловкихъ умственныхъ комбинаціяхъ, не въ самой идеѣ: понятіе приносилось въ жертву подробностямъ, находимымъ посредствомъ анализа. Въ Греціи, въ Малой Азіи софи-

стика долго сохранялась какъ метода: она привилась частію къ неоплатонизму, она дѣйствовала на Юліана и пыталась остановить даже успѣхи христіанства. Не разъ потомъ, отчаявшись успѣть подъ своимъ настоящимъ именемъ, принимала она видъ христіанскаго глубокомыслія и возмущала міръ и спокойствіе церкви. Если обстоятельства были довольно благопріятны, софистическая мысль разрасталась въ цѣлую доктрину и пріобрѣтала себѣ значительное число горячихъ, ревностныхъ послѣдователей. Тогда нуженъ былъ весь авторитетъ соборныхъ рѣшеній, чтобы во-время остановить успѣхи доктрины, увлекавшей за собою умы, приготовленные къ ней извѣстнымъ образованіемъ. Но въ нѣкоторыхъ умахъ доктрина укоренялась до фанатизма: съ жаромъ проповѣдниковъ истиннаго христіанства шли ревностнѣйшіе ея послѣдователи распространять свое ученіе между варварами. Тамъ, въ этомъ воинственномъ мірѣ, но совершенно беззащитномъ противъ умственнаго оружія, легко было имъ разставлять свои сѣти,—тамъ, если ихъ принимали, то принимали за тѣхъ, за кого они хотѣли себя выдать,—и вотъ, вслѣдствіе самаго невиннаго заблужденія, ученіе почти раціоналистическое распространилось подъ именемъ христіанства между цѣлыми народными массами! Таковъ былъ ходъ въ особенности аріанизма. Сильный во второй половинѣ IV вѣка покровительствомъ самого императора (Валенса), который былъ въ числѣ его послѣдователей, онъ перенесенъ былъ къ ближайшимъ сосѣдямъ Восточной имперіи, къ готамъ, скоро укоренился между ними и отсюда распространился между вандалами и потомъ бургундами [1]).

Сынъ своего времени, аріанизмъ впрочемъ былъ явленіемъ самымъ несвоевременнымъ, особенно по отношенію къ новымъ народамъ; оттого вездѣ и долженъ былъ потомъ уступать католицизму. Но печально то, что съ нимъ неразрывно была соединена и участь тѣхъ народовъ, которые его приняли: они также погибли прежде времени, оставивъ по себѣ только память своего кратковременнаго существованія. И тѣмъ печальнѣе это явленіе, что въ другихъ мѣстахъ аріанизмъ удовлетворялъ по крайней мѣрѣ прихоти, приходился по вкусу извѣстнаго рода образованія, а между новыми народами онъ, какъ случайность, былъ совершенно излишнимъ, неудовлетворялъ рѣшительно никакой потребности.

---

1) См. Proc. de bello Vand. I. 1, c. 2. Cp. Gieseler, 1, § 79.

Теодерихъ нисколько не былъ расположенъ разрушать другой рукою то, что̀ созидалъ одною. Онъ не хотѣлъ, чтобы аріанизмъ, имъ исповѣдуемый, сталъ враждебно между нимъ и его новыми подданными. И смыслъ политическій и кроткое человѣческое чувство, котораго также нельзя отрицать у Теодериха, ставили его выше того дикаго фанатизма, съ какимъ вандалы преслѣдовали католиковъ. Независимость религіозной совѣсти руководила политикою короля и его правительства въ отношеніи къ разности вѣроисповѣданій. „Мы не можемъ предписывать вѣры"—писалъ Кассіодоръ—„потому что нельзя заставить человѣка вѣрить силою" [1]),—и мы знаемъ изъ множества примѣровъ, что это правило было строго соблюдаемо въ государствѣ остъ-готовъ во все время правленія его основателя [2]). Не только католицизмъ римлянъ не подавалъ повода ни къ какимъ притѣсненіямъ со стороны Теодериха, даже іудеи находили въ немъ себѣ покровителя въ случаѣ притѣснительныхъ мѣръ со стороны нѣкоторыхъ христіанскихъ обществъ [3]). Явленіе замѣчательное для того вѣка, въ которомъ жилъ Теодерихъ; но оно было выше понятій современниковъ и потому осталось непризнаннымъ. Не вмѣшиваясь во внутреннее управленіе католической церкви, Теодерихъ предоставилъ себѣ только право верховнаго надзора и суда въ спорныхъ случаяхъ, особенно въ тяжбахъ церкви съ міряками [4]). Правда, рѣшенія его не всегда выпадали въ пользу католическаго клира; но это показываетъ только, что клиръ не всегда былъ справедливъ въ своихъ жалобахъ. У Кассіодора есть указаніе, что и аріанскіе епископы однимъ только аріанизмомъ не спасались отъ безпристрастнаго суда Теодериха [5]).

Есть и другое доказательство того, что Теодерихъ не имѣлъ лишнихъ притязаній въ отношеніяхъ своихъ къ католической церкви. По силѣ глубокаго религіознаго раздѣленія, которое проходило между римлянами и готами, весьма важно было мѣсто римскаго епископа. Считаясь по праву старѣйшимъ и первымъ между епископскими престолами на Западѣ, и съ нѣкоторыми почетными преимуществами въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, римскій престолъ могъ при обстоятельствахъ получить и очень важное политическое значеніе. Не даромъ жители Рима и сенатъ римскій перенесли весь сохранившійся

---

[1]) Cassiod. 11, 27. Religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur, ut credat invitus.—[2]) Примѣры въ обиліи приводитъ Манзо въ своей «Исторіи», p. 145—148.—[3]) Cassiod. 11, 33. V, 37. Muratori, Annali d'Italia ad an. 522.—[4]) См. Manso, 147—148, п. ср.—[5]) Cassiod. 11, 18; ср. Manso, 147. п. о.

въ нихъ жаръ и всю страстность увлеченія съ политической арены на выборы епископа своего города, такъ что рѣдкій выборъ обходился безъ сильнаго волненія. Аріанскому королю нельзя было, казалось, не подумать уже и о томъ, что римскій епископъ былъ главнымъ органомъ тѣхъ частыхъ сношеній, которыя происходили тогда между церковію римскою и константинопольскою. Но Теодерихъ не только не препятствовалъ этимъ сношеніямъ, онъ не хотѣлъ искать себѣ обезпеченія даже въ лицѣ избираемаго въ епископы и предоставлялъ выборамъ полную свободу. Увлеченные духомъ партій, жители Рима сами разъ дошли до того, что принуждены были искать посредничества своего аріанскаго короля. Это было по случаю выбора преемника Анастасію II. Сенатъ и клиръ составили двѣ особыя партіи, изъ которыхъ одна держала сторону Симмаха, родомъ римлянина, другая же хотѣла Лаврентія, неизвѣстнаго происхожденія [1]). Какъ ни съ той, ни съ другой стороны не было уступки, и дѣло могло кончиться кровопролитіемъ, то наконецъ согласились отправить депутатовъ въ Равенну и предоставить все дѣло на судъ Теодериха. Мнѣніе короля было въ пользу того, кто былъ избранъ большинствомъ голосовъ и прежде другого. По этому простому, но безпристрастному рѣшенію Симмахъ занялъ мѣсто римскаго епископа. Лишь на первый разъ римляне удовлетворились; черезъ четыре года они подняли дѣло съ прежнимъ жаромъ, съ прежнею нетерпимостію. Теодериху нѣсколько разъ приходилось потомъ мирить враждующія партіи, но ни въ чемъ не сдѣлалъ онъ насилія доброй волѣ римлянъ и дѣйствовалъ, можно сказать, съ излишнею умѣренностію [2]). Даже когда на соборѣ, созванномъ въ Римѣ, рѣшено было отмѣнить старое правило, уцѣлѣвшее отъ временъ Одоакра, по которому римскій епископъ не могъ быть назначенъ безъ совѣта короля, и тогда Теодерихъ не оказалъ никакого неудовольствія [3]).

Нельзя думать, чтобы ближайшимъ мотивомъ мирной политики Теодериха въ отношеніи къ католикамъ было желаніе сохранить миръ съ императоромъ и опасеніе вооружить его противъ своихъ единовѣрцевъ, аріанъ: такая причина была бы слишкомъ слаба, и намъ нѣтъ въ ней нужды, когда мы можемъ прямо объяснять дѣйствія Теодериха изъ его же началъ.

---

[1]) См. Anastasii Bibliothecarii Historia, in vita Symmachi (an. 493).—[2]) Продолженіе исторіи Симмаха и Лаврентія см. у Анастасія, ibid., также въ Acta *Concil. T. V, и въ Script.* eccl. T. III. Ср. Manso, p. 150 et cet.—[3]) Manso, p. 155.

Не забудемъ притомъ, что терпимость его простиралась не на однихъ католиковъ, но и на іудеевъ.

Впрочемъ, откуда бы ни проистекала терпимость Теодериха, дѣло его было одинаково безплодно. Умѣренностію и безпристрастіемъ нельзя было восполнить недостатокъ внутренняго единенія, котораго не было въ самомъ сознаніи двухъ народовъ; политическимъ уравненіемъ римлянъ съ готами нельзя было потушить той религіозной ревности, какою исполненъ былъ католикъ противъ аріанина. Какъ ни бѣдно и несмѣло было еще тогда національное чувство римлянъ, но уже начинало искать себѣ выхода. Продолжительный миръ правленія Теодериха нѣсколько поднялъ благосостояніе страны, почти разрушенное постоянными бѣдствіями прежнихъ временъ. Вмѣстѣ съ этимъ благосостояніемъ оживала въ римлянинѣ память о прошедшемъ, воскресало старое римское чувство. Теодерихъ же открылъ этому чувству такую широкую арену, допустивъ въ Римѣ почти самоуправство по поводу епископскихъ выборовъ. Въ одно время, уже много спустя послѣ утвержденія епископа Симмаха—разсказываетъ Анастасій—президентъ сената Фестъ, бывшій консулъ, и Пробинъ, также бывшій консулъ, въ самомъ Римѣ подняли оружіе на другихъ сенаторовъ, въ особенности на Фауста, эксъ-консула, и отъ взаимной ненависти многіе изъ клира погибли насильственною смертію [1]. Правда, что и собирались на выборы, и раздѣлялись на партіи, и даже брались за оружіе изъ интересовъ религіозныхъ, что дѣло шло объ избраніи достойнаго главы церкви, а не правителя государства; но чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ болѣе эти выборы принимали характеръ политическій. Новое національное сознаніе въ Италіи еще не созрѣло; оно и не могло прямо выразиться въ формѣ ему свойственной: ему еще нужны были боковые выходы, ему пока нуженъ былъ центръ, подъ какимъ бы то ни было именемъ, гдѣ бы оно могло сосредоточить свою дѣятельность и упражнять свои пробуждающіяся силы. Теодерихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать, какъ разыгрывались здѣсь страсти, и далъ имъ возрасти до опасныхъ размѣровъ.

Одно обстоятельство въ Римѣ должно было особенно способствовать къ тому, чтобы съ интересами, которые двигали

---

[1]) Anast. in vita Symmachi: Eodem tempore Festus, caput senatus, exconsul et Probinus exconsul coeperunt intra urbem Romam pugnare cum aliis senatoribus et maxime cum Fausto exconsule, et caedes, et homicidia in clero invidia fiebant.

народныя массы по случаю выбора епископовъ, соединились и чисто политическія цѣли. Сенатъ римскій, хотя въ самомъ жалкомъ видѣ, продолжалъ существовать среди зачинающихся учрежденій, и въ немъ всегда оставалась полу-языческая партія, привязанная къ римской старинѣ родовыми воспоминаніями, своимъ образованіемъ, которое все коренилось на старой классической почвѣ, наконецъ самыми титлами. Она была слишкомъ слаба, чтобы увлечь за собою массу народа; но, вмѣшавшись въ церковныя движенія, которыя вообще управлялись сенаторами, она весьма легко могла передать имъ часть своего направленія, запечатлѣть ихъ своимъ характеромъ. А такіе люди, какъ Альбинъ, Симмахъ, Боэцій, въ которыхъ какъ-будто ожилъ старый философствующій духъ благороднѣйшею своею стороною, способны были пріобрѣсти себѣ обширный кругъ вліянія даже своимъ личнымъ авторитетомъ.

Впрочемъ, если изъ данныхъ элементовъ и могло образоваться свободное національное движеніе, ему бы еще недоставало опоры, чтобы утвердиться надолго. Римляне слишкомъ отвыкли полагаться лишь на самихъ себя, чтобы затѣять большое дѣло, не имѣя въ виду посторонней помощи. Да нельзя отрицать и того, что въ самомъ дѣлѣ трудно было бы имъ бороться съ цѣлымъ народомъ, который весь былъ организованъ на военную ногу и разсыпанъ по всей странѣ. Гдѣ же было искать опоры, поддержки? На Востокѣ или на Западѣ. Кромѣ многихъ общихъ воспоминаній изъ временъ императорскихъ, прежде всего влекли Римъ къ Востоку симпатіи религіозныя. Впрочемъ, въ послѣднее время эти симпатіи были значительно ослаблены усиленіемъ на Востокѣ, одного вслѣдъ за другимъ, еретическихъ ученій, которыя находили себѣ покровителей даже на императорскомъ престолѣ. Тогда римляне начали искать на Западѣ того, чего не находили на Востокѣ. Такъ одна покоренная страна съ давнихъ поръ такъ много усвоила себѣ римскаго, не только въ учрежденіяхъ, но даже въ нравахъ и обычаяхъ, что римляне иногда не отличали ее отъ Италіи [1]). Эта страна была Галлія. Впослѣдствіи отношенія должны были измѣниться: и сюда проникли германскіе завоеватели. Впрочемъ стеченіе обстоятельствъ такъ было благопріятно, что Риму скоро представился случай возобновить свою связь съ Галліею, хотя на

---

1) *Italia verius quam provincia* — говоритъ Плиній о Нарбонской Галліи.

совершенно новыхъ основаніяхъ. Клодвигъ, шефъ франковъ и побѣдитель аріанъ вестъ-готовъ, обратился въ христіанство и принялъ его въ римско-католической формѣ. Ничто болѣе не могло льстить видамъ и надеждамъ римскихъ епископовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ еретиками. Послѣ крещенія Клодвига, римскій епископъ Анастасій, какъ бы исполненный предчувствія, что съ этой стороны нѣкогда должна прійти Риму главная помощь, спѣшилъ привѣтствовать новообращеннаго: „Мы восхваляемъ Господа“—писалъ онъ—„который, въ своей попечительности о церкви, послалъ ей такого государя, который можетъ ее защищать и облечься въ шлемъ спасенія противъ устремленныхъ на нее усилій нечестивыхъ“[1]. Замѣтимъ, что нечестивые, или точнѣе „зараженные“, о которыхъ упоминается въ письмѣ, были не кто иные, какъ еретики, и прежде всего аріане. Впрочемъ надежды римскихъ епископовъ не могли оправдаться вдругъ. Государство, основанное Клодвигомъ, еще должно было напередъ пройти періодъ безпокойной внутренней борьбы, чтобы быть въ состояніи подать руку помощи католической Италіи. Риму не оставалось ничего болѣе, какъ опять обратить свои виды въ другую сторону.

И на Востокѣ впрочемъ, пока царствовалъ императоръ Анастасій, нечѣмъ было польститься римскимъ патріотамъ. До конца своей жизни (518) Анастасій оставался ревностнымъ послѣдователемъ еретическихъ мнѣній и врагомъ правовѣрнаго ученія. Съ восшествіемъ на константинопольскій престолъ Юстина наступили времена болѣе благопріятныя. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго императора было возвращеніе изгнанныхъ Анастасіемъ епископовъ; послѣдователи правовѣрнаго ученія могли наконецъ вздохнуть свободно; отъ нихъ преслѣдованія обратились на сторону еретиковъ. Манихеямъ подъ страхомъ смерти запрещено было имѣть пребываніе въ предѣлахъ имперіи; прочіе еретики не могли быть болѣе опредѣляемы ни къ какимъ общественнымъ должностямъ, ни принимаемы въ военную службу; только для готовъ, служившихъ въ императорскомъ войскѣ, дѣлалось почетное исключеніе[2]. Сношенія между Римомъ и Константинополемъ стали

---

[1]) Dominum collaudamus, qui in tanto Principe providit ecclesiae, qui possit eam tueri et contra occurrentes pestiferorum conatus galeam salutis induere. См. Fauriel, Histoire de la Gaule meridionale, II, 42. А папа Ормиздъ прислалъ Клодвигу золотую цѣпь. См. Waitz, Deut. Verfassungsgeschichte, II, 51, n. d.—[2]) См. Murat. Ann. ad an. 523.

гораздо чаще; ревностный епископъ Ормиздъ успѣлъ, по дѣламъ вѣры, нѣсколько разъ переслаться послами съ императоромъ. Погасшія на время симпатіи готовы были вновь загорѣться съ прежнею силою; а въ нихъ лежало главное сѣмя отчужденія римлянъ отъ готскаго владычества.

Быстро затуманился политическій горизонтъ, какъ почти бы нельзя было и ожидать. Одни кладутъ всю вину на Теодериха, который будто бы вдругъ сдѣлался очень подозрителенъ; другіе, оправдывая его, думаютъ видѣть причину всего зла въ заговорѣ знатныхъ римлянъ, который не могъ не оскорбить самаго великодушнаго изъ людей. Положительнымъ образомъ нельзя доказать существованія заговора: мы знаемъ о немъ только по казнямъ, совершеннымъ надъ мнимыми или истинными виновниками; но едва ли можно и сомнѣваться въ немъ, когда прямо къ нему располагали всѣ современныя обстоятельства. Съ другой стороны, нѣтъ ничего неестественнаго въ подозрительности Теодериха: она не могла не возродиться въ немъ при возобновившихся сношеніяхъ римлянъ съ Константинополемъ, при тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались единовѣрцы короля въ имперіи. Исключеніе, сдѣланное въ пользу готовъ, служившихъ въ императорскомъ войскѣ, не могло простираться на другихъ одноплеменниковъ Теодериха, которые еще оставались на греческомъ полуостровѣ. Какъ аріане, они должны были потерпѣть много притѣсненій. И потомъ, какъ было знать, далеко ли пойдетъ ударъ? При извѣстномъ сочувствіи римлянъ направленію, господствовавшему въ Константинополѣ, какъ было не предполагать, что онъ падетъ со временемъ и на готовъ, живущихъ въ Италіи? Въ положеніи Теодериха трудно было избавиться отъ подозрѣній [1]. Что же, если бы случаемъ мысль его была наведена на существованіе дѣйствительнаго заговора?

Не случай, а прямой доносъ смутилъ Теодериха среди его миролюбивыхъ предпріятій. Минута была крайне неблагопріятна для тѣхъ, на кого должна была пасть тяжесть обвиненія. Теодерихъ только что предпринялъ было новымъ актомъ своей довѣренности къ римлянамъ утвердить за собою ихъ колеблющееся расположеніе: желая устранить мирнымъ образомъ притѣсненія, которымъ подвергались аріане на Востокѣ, онъ отправилъ въ Константинополь миссію, составлен-

---

[1] Подозрѣнія Теодериха выразились прежде всего въ запрещенія *римлянамъ* носить оружіе. См. Murat. Ann. ad an. 524.

ную изъ трехъ сенаторовъ и одного патриція и подчиненную римскому епископу Іоанну (преемнику Ормизда) [1]. Римскій епископъ, глава римскихъ католиковъ, долженъ былъ ходатайствовать предъ правовѣрнымъ императоромъ за аріанъ и, въ случаѣ его неуступчивости, угрожать ему, именемъ аріанскаго короля, опустошеніемъ цѣлой Италіи! [2]). Порученіе въ высшей степени странное, въ которомъ не знаешь чему больше дивиться, рѣшительности ли и великодушію Теодериха, или той легкости, съ какою онъ рисковалъ своими важнѣйшими интересами. Какъ бы то ни было, повелѣніе было дано, миссія отправилась къ мѣсту своего назначенія. Какую тайную мысль уносила она съ собою, мы не знаемъ, но вотъ что извѣстно: когда епископъ Іоаннъ съ своею свитою прибылъ въ Константинополь, весь городъ со свѣчами и крестами вышелъ къ нему навстрѣчу, и самъ императоръ преклонился передъ нимъ съ уничиженіемъ, какъ передъ намѣстникомъ Св. Петра [3]. Тріумфъ вовсе непонятный и почти не имѣющій смысла, если не взять въ соображеніе прежнихъ сношеній Рима съ Константинополемъ, и не предположить, что императоръ смотрѣлъ на епископа скорѣе какъ на представителя католическаго народонаселенія Италіи, чѣмъ на посла аріанскаго короля. Подобнаго пріема не бывало для римскихъ епископовъ со временъ императора Константина [4]).

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что слухи объ этомъ необыкновенномъ пріемѣ уже дошли до Теодериха, какъ явился къ нему референдарій Купріанъ и донесъ о преступныхъ сношеніяхъ, которыя будто бы существовали между восточнымъ императоромъ и однимъ изъ римскихъ сенаторовъ, по имени Альбиномъ [5]. Повторяемъ, ничѣмъ нельзя доказать положи-

---

1) Anastas. in vita Ioann. Manso, p. 161, выражается двусмысленно: Als der Bischof Johannes im Jahre 524 zu seiner Bestimmung nach Constantinopel abgehen wollte, vielleicht schon abgegangen war, trat der Referendar Cyprian, et caet.—2) Anastassius: quod si non, totam Italiam gladio perderet.—3) Anastassius: qui cum ambulassent cum Ioanne papa, occurrerunt beato Ioanni miliario 12 omnis civitas cum caeris et crucibus in honorem beatorum apostolorum Petri et Pauli: tum Justinus Augustus dans honorem Deo humiliavit se pronus et adoravit beatissimum Papam Ioannem. Anonymus Valesius, § 91: Cui Iustinus Imperator venienti ita occurrit, ac si beato Petro.—4) Самъ Анастасій замѣчаетъ: quia veteres Graecorum hoc testificabuntur, dicentes, a tempore Constantini Augusti et beato Silvestro episcopo sedis apostolicae usque ad Iustini Augusti tempora non meruisse partis Greciarum beati Petri apostoli vicarium suscepisse cum gloria. Юстинъ былъ потомъ коронованъ Іоанномъ.—5) Только одинъ Anonimus Valesius, p. 561, перемѣшиваетъ событія, утверждая, будто Теодерихъ отправилъ Іоанна

тельно существованіе заговора между римлянами или римскими сенаторами; но весьма понятно, какое трудное, неудобопобѣдимое ощущеніе должно было возбудить въ Теодерихѣ подобное извѣстіе. За 20 лѣтъ умѣреннаго, кроткаго правленія, въ высшей степени снисходительнаго не только къ матеріальнымъ интересамъ, но даже и къ самымъ вѣрованіямъ римлянъ, Теодерихъ, пожалуй, могъ и не ожидать себѣ большой признательности; но едва ли онъ былъ приготовленъ къ такой неблагодарности съ ихъ стороны. Трудно было ему сохранить равнодушіе и безпристрастіе при такомъ извѣстіи, которое вдругъ угрожало подрывомъ всему, надъ чѣмъ работалъ человѣкъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ и настойчивостію въ продолженіе стольких лѣтъ. И къ какому времени приходилось это извѣстіе? Когда Теодерихъ могъ считать дѣло своей жизни почти конченнымъ и довольно упроченнымъ для будущности, когда преклонность лѣтъ не позволяла уже думать ни о какихъ новыхъ начинаніяхъ. Способъ защиты, принятый друзьями обвиненнаго, едва ли способенъ былъ ослабить сомнѣніе, посѣянное въ душѣ Теодериха. Боэцій, явившись въ Равенну, по глубокому ли убѣжденію въ несправедливости обвиненія, или по чувству крайней опасности, объявилъ королю съ рѣшительностію, что онъ и весь сенатъ раздѣляютъ отвѣтственность Альбина, если не снимутъ съ него взведеннаго обвиненія [1]). Это значило указать подозрѣнію Теодериха гораздо больше опаснаго единодушія въ римскомъ сенатѣ, нежели сколько можно было его предполагать.

Теодерихъ несмотря на то, что такъ усвоилъ себѣ духъ римской цивилизаціи, не былъ однако римляниномъ: были минуты, когда въ немъ пробуждался варваръ, когда опять заговаривала не вполнѣ укрощенная готская кровь. Въ минуту, когда онъ почувствовалъ опасность со стороны романизма своему готскому владычеству въ Италіи, не могъ онъ колебаться

въ Константинополь уже послѣ казни. Явная несообразность! Какъ могъ Теодерихъ въ гнѣвѣ на заговорщиковъ избрать такого ненадежнаго повѣреннаго? Ср. еще у Manso, 158 п. b., слова Кассіодора. Авторъ Historiae Miscellae, напротивъ, прямо говоритъ, что Симмахъ и Боэцій были казнены именно въ то время, какъ посольство находилось въ Константинополѣ, или даже возвращалось оттуда: dum hi in itinere demorantur. Въ томъ же порядкѣ излагаетъ дѣло Анастасій. Ср. также Cassiod. II, 6.—[1]) Anonym. Val. (ed. Ernesti, p. 561): Tum Boethius patricius dixit: falsa est insinuatio Cypriani, sed si Albinus fecit, et ego, et cunctus *senatus uno consilio* fecimus, falsum est, domine rex.

въ выборѣ: онъ долженъ былъ стать на сторону готскаго начала. Видно, что въ немъ тогда говорила страсть, что голосъ справедливости и безпристрастія умолкъ [1]). Когда Ципріанъ распространилъ свой актъ обвиненія и на Боэція и представилъ свидѣтелей, людей довольно сомнительной репутаціи, Теодерихъ удовлетворился ихъ свидѣтельствомъ, не счелъ за нужное даже выслушать Боэція и велѣлъ бросить его въ темницу. Извѣстна послѣдняя участь знаменитаго сенатора. Ни нравственный, ни философическій авторитетъ, чѣмъ онъ такъ великъ былъ между образованными римлянами, не искупили ему свободы. Раздраженіе Теодериха было такъ велико, что его не могло успокоить и самое время. Тотъ самый человѣкъ, который, по свидѣтельству греческаго историка, во все время своего правленія умѣлъ избѣжать упрека въ несправедливости [2]), чувствовалъ теперь потребность крови, чтобы удовлетворить своей подозрительности. Боэцій, сначала осужденный на изгнаніе [3]), былъ потомъ подвергнутъ пыткѣ и казненъ. Симмахъ, тесть Боэція, вскорѣ испыталъ ту же самую участь. Но Теодерихъ еще не былъ доволенъ. Передъ сомнѣніемъ, которое овладѣло имъ въ послѣднее время, не устояла и довѣренность его къ епископу Іоанну, которому была поручена миссія въ Константинополь; наоборотъ, самое это порученіе дало поводъ къ новымъ подозрѣніямъ. Теодерихъ, кажется, видѣлъ наконецъ и въ Іоаннѣ одного изъ самымъ дѣятельныхъ соумышленниковъ Альбина и Боэція. Едва только епископъ возвратился въ Равенну, какъ онъ также, по повелѣнію Теодериха, былъ заключенъ въ темницу, гдѣ вскорѣ потомъ (526) и умеръ [4]). Впрочемъ Теодерихъ и самъ не могъ вынести сильнаго потрясенія, которое неминуемо должно было произойти въ немъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ: онъ умеръ на одномъ году съ Іоанномъ, отъ угрызеній совѣсти, какъ говорили его современники, отъ

---

[1]) Не забудемъ, что, по свидѣтельству Прокопія, I. 1. п. 311 а., Теодерихъ во все свое правленіе до осужденія Боэція не произнесъ ни одного несправедливаго приговора, никому не сдѣлалъ обиды.—[2]) См. выше, not. 1.—[3]) Murat. Ann. ad an. 524.—[4]) Подалъ ли къ этому поводъ одинъ пріемъ Іоанна въ Константинополѣ, или что другое? Анонимъ (§ 91) и авторъ Historiae miscellae (p. 103 c.) согласны въ томъ, что Іоаннъ выполнилъ свое порученіе съ успѣхомъ, кромѣ одного пункта. Но кромѣ оффиціальныхъ сношеній между Іоанномъ и Юстиномъ не было ли еще другихъ, тайныхъ? Не могъ ли также Іоаннъ вести съ императоромъ переговоры и въ качествѣ представителя римскихъ католиковъ? На это по крайней мѣрѣ намекаютъ нѣсколько темныя слова Анастасія: qui vero papa Ioannes, vel senatores viri religiosi omnia meruerunt, et liberata est Italia a rege Theoderico haeretico. Ср. Mur. Ann. ad an. 526.

глубокаго огорченія и внутренняго разлада, какъ можетъ заключать съ вѣроятностію позднѣйшій историкъ.

Здѣсь пунктъ значительнаго поворота въ исторіи новой Италіи. По тому, что мы знаемъ объ участи Альбина, Боэція, Симмаха, епископа Іоанна, трудно рѣшить, были ли они первые патріоты новой Италіи, сложившіе головы за ея независимость, или только невинныя жертвы подозрительности Теодериха. Но то вѣрно, что смерть ихъ повлекла за собою важную перемѣну въ судьбахъ цѣлой страны.

III.

Императоръ Юстиніанъ и война его съ готами. Характеръ войны и составъ императорскаго ополченія. Новое завоеваніе Италіи. Перемѣна въ отношеніяхъ ея къ Восточной имперіи.

Смерть Теодериха была началомъ несчастій готскаго народа, поселившагося въ Италіи. Не одну только свою славу уносилъ Теодерихъ съ собою во гробъ. Передъ смертію онъ самъ вынужденъ былъ наложить руку на свое собственное дѣло, надъ которымъ работалъ цѣлыя тридцать лѣтъ, и которому пожертвовалъ даже многими интересами готской національности; умирая, онъ оставлялъ въ наслѣдство своимъ готамъ вражду оскорбленныхъ имъ римлянъ, а власть, столько крѣпкую въ его рукахъ, передавалъ десяти-лѣтнему мальчику и его матери, то-есть оставлялъ это юное государство подъ женскимъ управленіемъ. Что жъ удивительнаго послѣ того, если однимъ изъ первыхъ актовъ новаго правительства было униженное обращеніе къ восточному императору, чтобы отвратить войну, которою Юстинъ начиналъ уже грозить готамъ въ отмщеніе за предсмертныя жестокости Теодериха [1]). Такимъ искреннимъ признаніемъ въ своей слабости новое готское правительство могло расположить къ себѣ на время императора, но не остановить властолюбивые замыслы имперіи.

Почти въ то же самое время въ имперіи происходило совершенно обратное явленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Юстинъ сталъ на сторонѣ правовѣрія, еретическія мнѣнія менѣе дерзко возмущали общественное спокойствіе, возвращалось по крайней мѣрѣ наружное единство, и правители умѣли по временамъ пышными увеселеніями напоминать жителямъ Константинополя блескъ старой имперіи [2]). Сочувствіе въ Италіи было пробу-

---

1) Murat. Ann. ad an. 526.—2) См. Gibbon гл. 40.

ждено; подданные Теодериха, являясь съ порученіями отъ него въ Константинополь, находили тамъ очень лестный пріемъ, но не показывали особеннаго рвенія къ интересамъ своего короля. На престолѣ константинопольскомъ недоставало только человѣка, который бы въ себѣ самомъ и въ средствахъ, какія представляла тогда имперія, нашелъ довольно вдохновенія, чтобы возобновить и по возможности возвысить еще болѣе ея старую славу, значительно потемненную безславнымъ правленіемъ послѣднихъ императоровъ.

Впрочемъ такой человѣкъ былъ очень близко. Это былъ племянникъ императора Юстина, носившій римское имя Юстиніана, которое было переводомъ его родового славянскаго имени „Управда“. Онъ очень рано былъ вызванъ дядею въ Константинополь, впослѣдствіи назначенъ наслѣдникомъ престола, и благодаря своему уму и талантамъ, еще при жизни Юстина, успѣлъ снискать себѣ расположеніе народа и пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла. Онъ нравился народу своею щедростію, онъ угоденъ былъ духовенству и сенату чистотою и, какъ казалось, постоянствомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Чѣмъ болѣе ослабѣвалъ Юстинъ духомъ и тѣломъ, тѣмъ дѣйствительнѣе становилась власть наслѣдника его престола, такъ что наконецъ Юстину принадлежало только имя императора, а всѣ права его власти были въ рукахъ Юстиніана. Когда Юстинъ умеръ, наслѣднику оставалось принять развѣ только титло императора. Переходъ былъ самый легкій и спокойный; никакая интрига не осмѣлилась возмутить мирнаго вступленія Юстиніана на престолъ.

Это было въ 527 году, слѣдовательно на второмъ послѣ смерти Теодериха. Юстиніану было тогда 45 лѣтъ [1])—возрастъ самаго зрѣлаго мужества, когда человѣкъ трудно рѣшается вновь на большія и опасныя предпріятія, когда сохраненіе пріобрѣтеннаго начинаетъ занимать первое мѣсто въ его дѣятельности. Но Юстиніанъ не принадлежалъ къ числу людей обыкновенныхъ; на его духъ лѣта имѣли мало вліянія [2]). Казалось, онъ приносилъ съ собою на престолъ свѣжія,

---

1) См. Gibbon, гл. 40.—2) Мы имѣемъ два современные и вовсе несходные портрета Юстиніана, начертанные одною рукою. Тѣ славныя черты, которыя съ такою щедростію набросаны въ исторіи «Готской войны» и еще болѣе въ хвалебномъ сочиненіи «О зданіяхъ», совершенно стерты или сильно потемнены скандалезными анекдотами «Секретной исторіи». Тамъ—военная слава, блескъ и величіе предпріятій, здѣсь—тайныя пружины дѣйствія, обнаженная домашняя *интрига, семейный* позоръ и жалкое безсиліе престола передъ партіями цирка.

неутомленныя силы юности. Никто изъ его предшественниковъ, кромѣ Константина, не былъ столько способенъ къ самымъ широкимъ замысламъ, никто не могъ поравняться съ нимъ въ величіи и смѣлости предпріятій, — хотя впрочемъ онъ вовсе не былъ изъ числа людей, которые для исполненія своихъ любимыхъ плановъ готовы на всѣ пожертвованія. Величественныя предпріятія легко давались Юстиніану; превосходное соображеніе облегчало ему трудъ постиженія ихъ; но трудныя подробности самаго исполненія онъ любилъ поручать заботливости другихъ. Можетъ-быть онъ приносилъ съ собою на престолъ и готовые замыслы, постигнутые имъ еще въ прежнее правленіе, для которыхъ теперь только наступало время совершенія; можетъ быть и то, что неясные зачатки прежнихъ идей зрѣли и укрѣплялись въ немъ по мѣрѣ того, какъ благопріятствовали обстоятельства: какъ бы то ни было, новое царствованіе открывало собою блестящую эпоху для Восточной имперіи.

Назадъ тому два вѣка положено было основаніе этой имперіи. Основанія далеко не были чисто римскія. Много новыхъ элементовъ взошло сюда, которыхъ или не знала Римская имперія, или они не были признаны ея публичнымъ правомъ. Иныя народности, хотя подъ тѣмъ же римскимъ

Прокопій-панегиристъ долженъ ли убить въ насъ вѣру въ Прокопія-сатирика, и наоборотъ? Мы не думаемъ. Критика давно помирилась съ этимъ кажущимся противорѣчіемъ, которое смущало ее нѣкоторое время. Она поняла возможность панегирика и памфлета изъ одной руки, она нашла достаточное объясненіе этому явленію въ самой двойственности исторіи Византійской имперіи не только временъ Юстиніана, но и послѣдующихъ вѣковъ. Кто не знаетъ, что слава стараго Рима, по паденіи Западной имперіи, большею частію досталась въ наслѣдство Восточной, и что вся эта слава нѣсколько разъ едва не взлетала на воздухъ отъ одного взрыва той вражды, которою вѣчно раздѣлены были двѣ партіи цирка? Это было при Анастасіи; то же самое движеніе, еще въ сильнѣйшей степени, повторилось при Юстиніанѣ, такъ что едва не унесло въ своихъ волнахъ и самый вѣнецъ его; наконецъ это же явленіе повторилось нѣсколько разъ и позже. Хроника Ѳеофана исполнена примѣрами этого рода. Что интрига никогда не могла пожаловаться на недостатокъ пищи въ Константинополѣ, это мы знали бы и безъ автора «Секретной исторіи». Довольно указать на всю исторію потомковъ Гераклія. Эта сила придворной интриги, такъ легкомысленно играющей величайшими предпріятіями Юстиніана, или—что то же—судьбою исполнителей его воли, и составляетъ главную характеристическую черту его царствованія. Итакъ, для нашего знакомства съ эпохою, считаемъ равно нужнымъ изученіе Прокопія, какъ историка готской войны, и Прокопія, какъ автора «Секретной исторіи»; но въ нашемъ обозрѣніи мы болѣе будемъ совѣтоваться съ первымъ, потому что имѣемъ въ виду собственно отношеніе Юстиніана къ Италіи, или его воинственныя *предпріятія*.

именемъ, стали на переднемъ планѣ въ новой имперіи; иныя начала религіозныя, прежде гонимыя съ ожесточеніемъ, провозглашены были здѣсь господствующими; вмѣстѣ съ ними явилась и новая власть, власть духовная, не признавшая въ своей сферѣ иного авторитета, кромѣ божественнаго. Основатель имперіи, правда, приносилъ съ собою начала крѣпкаго государственнаго единства, какого недоставало въ самомъ Римѣ, послѣ того какъ въ немъ рядомъ съ публичными властями образовалась постоянная диктаторская власть императора; Константинъ хотѣлъ быть одинъ главою своего государства и вообще дѣйствовалъ въ духѣ самой строгой централизаціи; онъ замѣнилъ публичныя должности чинами, устроилъ многочисленный придворный штатъ и учредилъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ быту, образцовую чиноначальственную администрацію, которой многія подробности перешли даже и къ новымъ европейскимъ народамъ; наконецъ, предоставляя церкви свободу внутренняго управленія, онъ хотѣлъ однако отъ духовныхъ властей подчиненія себѣ, какъ верховному главѣ государства. Но, при всей своей многолѣтней дѣятельности, Константинъ могъ положить только начало дѣлу. Однимъ единствомъ администраціи онъ не могъ сроднить различныхъ народностей, входившихъ въ составъ имперіи; не могъ онъ также дать имъ и единства вѣрованія, которое при немъ и послѣ него безпрестанно было нарушаемо различными еретическими мнѣніями; не могъ онъ навсегда устранить и отношеній императорской власти къ духовной, потому что послѣдняя находилась еще тогда въ періодѣ своего образованія.—Константинъ могъ только дать всему тонъ, Константинъ былъ только учредитель новой имперіи, не законодатель ея. А все, чѣмъ послѣ личности правителя и послѣ единства вѣры могло держаться это разнородное соединеніе, которое называлось Восточною имперіею, было единство законодательства.

Новыя юридическія отношенія въ новой имперіи, особенно между свѣтскою и духовною властію, вызывали и новые эдикты со стороны императоровъ. Но запутанность только увеличивалась; подлѣ стараго римскаго права нарождалось новое, и часто между ними не было ничего общаго (напримѣръ: о колонахъ). Болѣе и болѣе чувствовалась потребность привести къ возможному единству эти разнородные источники права, согласить ихъ противорѣчіе, въ одномъ случаѣ возстановить силу стараго закона, въ другомъ утвердить преимущество пе-

редъ нимъ новаго, вообще, сдѣлать право болѣе доступнымъ обществу, для котораго оно предназначалось. Первая попытка кодификаціи, совершенная при Ѳеодосіѣ II, не удовлетворила требованію, или удовлетворила только на короткое время и не во всѣхъ отношеніяхъ. Работа требовала большаго вниманія, большаго изученія подробностей предмета, большей полноты и отчетливости въ цѣломъ изложеніи; наконецъ нужно было болѣе опредѣленности въ началахъ, болѣе сознанія о томъ новомъ порядкѣ вещей, который начатъ былъ Восточною имперіею. Никто не былъ поставленъ обстоятельствами выгоднѣе Юстиніана, чтобы заняться этою мыслію. Онъ имѣлъ случай еще въ юности ознакомиться посредствомъ изученія юриспруденціи съ ея состояніемъ [1]; умъ Юстиніана былъ столько свѣтелъ, что онъ не могъ не ощутить одного изъ самыхъ вопіющихъ недостатковъ въ гражданскомъ быту имперіи; его первая правительственная практика, когда онъ, еще при жизни Юстина, почти управлялъ имперіею, конечно должна была сдѣлать для него этотъ недостатокъ еще чувствительнѣе; наконецъ миръ и безопасность имперіи отъ внѣшнихъ враговъ, при вступленіи Юстиніана на престолъ, сами собою призывали его вниманіе ко внутренней дѣятельности, къ устройству внутренняго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый же годъ своего правленія онъ составилъ особую коммиссію, которой назначеніемъ было пересмотрѣть всѣ прежнія постановленія, сличить ихъ между собою и потомъ составить изъ нихъ систематическій кодексъ дѣйствующихъ законовъ для цѣлой имперіи [2]).

Главная дѣятельность въ этомъ огромномъ трудѣ и безъ сомнѣнія большая часть его успѣха принадлежатъ, какъ извѣстно, знаменитому юристу Трибоніану, которому впослѣдствіи открытъ былъ доступъ и къ высшимъ государственнымъ должностямъ [3]). Извѣстно также, что подъ его же главнымъ руководствомъ совершенъ и другой великій юридическій трудъ, который подъ именемъ „пандектовъ“ содержалъ въ себѣ сводъ мнѣній старыхъ римскихъ юристовъ о различныхъ предметахъ законодательства, памятникъ обширныхъ познаній и неутомимой дѣятельности Трибоніана и главный фундаментъ для позднѣйшей науки римскаго права. Трибоніанъ въ своей практической жизни, въ своей правительственной дѣятельности особенно, далеко не былъ образцомъ безкорыстія; онъ принадле-

---

1) Gibbon, гл 44.—2) Gibbon, ibid —3) Онъ былъ magister officiorum.

жалъ къ тому испорченному поколѣнію римлянъ, въ которомъ превосходно умѣли понимать правду въ теоріи, и въ то же время имѣли довольно низости, чтобы продать ее, какъ товаръ, на практикѣ [1]). Уличенный въ мздоимствѣ, онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ по требованію народному и возвращенъ впослѣдствіи только благодаря снисходительному расположенію Юстиніана, котораго суетности онъ служилъ между прочимъ и своею неумѣренною лестію [2]).

Юстиніанъ впрочемъ былъ правъ, когда дорожилъ этимъ человѣкомъ и старался удержать его при себѣ. Кому всего болѣе, какъ не Трибоніану, обязанъ былъ онъ тѣмъ, что мысль его нашла себѣ столь скорое и удовлетворительное исполненіе? что имперія наконецъ имѣла одно опредѣленное законодательство? что наконецъ вошли въ жизнь и всеобщее признаніе тѣ начала, по которымъ дѣйствовалъ учредитель имперіи? что увѣнчалось послѣднимъ вѣнцомъ и установилось навсегда, какъ бы найдя себѣ самое послѣднее выраженіе, государственное дѣло Константина и его послѣдователей?—Ибо, въ самомъ дѣлѣ, основныя начала и даже большая часть подробностей, утвержденныя санкціею Юстиніана, оставались неизмѣнны въ имперіи по самый конецъ ея. Еще церковь продолжала утверждать на соборахъ свои догматы, но законодательное движеніе въ Восточной имперіи почти прекратилось вмѣстѣ съ Юстиніаномъ [3]). Единственное замѣчательное исключеніе составляютъ „базилики“.

Одного важнаго положенія напрасно бы стали искать въ великомъ трудѣ Трибоніана—положенія о порядкѣ наслѣдованія престола. Редакторъ руководился старыми римскими понятіями, а тамъ такой вопросъ не могъ найти себѣ мѣста. Онъ былъ пропущенъ и въ новомъ, или возобновленномъ правѣ, и этотъ несчастный пробѣлъ остался въ немъ также до конца существованія имперіи!

Направленіе, принятое Юстиніаномъ при вступленіи на престолъ, нисколько не исключало честолюбивыхъ видовъ во внѣшней политикѣ: наоборотъ, они еще тѣснѣе, еще ближе были связаны съ его представленіями объ имперіи, изъ которыхъ вытекала его государственная дѣятельность. Не потому

---

[1]) Gibbon, ibid.—[2]) Объ лести Трибоніана см. Hist. Arc. ed. Eichel, p. 62.—[3]) Въ силу постановленія, изданнаго Юстиніаномъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обнародованія кодекса, только одинъ императоръ могъ быть истолкователемъ законовъ: interpres legum solus imperator juste aestimabitur. См. *Hist. du droit Byzantin, par* Mortreuil, t. I, p. 120.

только честолюбивые или завоевательные планы занимали Юстиніана, что они льстили его славолюбію, его суетности, чего также отрицать нельзя. Имперія, основанная Константиномъ, нашла себѣ въ Юстиніанѣ совершителя; но Константинова имперія никакъ не ограничивалась однимъ греческимъ полуостровомъ и Малою Азіею: она простиралась и на сѣверные берега Африки, она заключала въ себѣ и весь италіанскій полуостровъ съ принадлежавшими къ нему провинціями. Трудно было думать о возвращеніи такихъ отдаленныхъ странъ, какъ Испанія и Галлія; но нельзя было отдѣлить, въ представленіи объ имперіи Константина, Италію и прежнія африканскія владѣнія. Недавно же Италія сама напоминала о томъ, что она не имѣетъ ничего общаго съ своими правителями, что она гораздо болѣе сочувствуетъ Восточной имперіи. Юстиніанъ не могъ оставить этихъ обстоятельствъ безъ вниманія: еще гораздо прежде, вскорѣ по вступленіи на престолъ Юстина, онъ всего болѣе способствовалъ прекращенію старой вражды, которая до того времени раздѣляла римскую іерархію и восточныхъ императоровъ [1]). Нѣтъ нужды говорить объ Африкѣ: христіанская Африка давно страдала отъ аріанскаго изувѣрства вандаловъ; для нея владычество имперіи было бы истиннымъ благодѣяніемъ.

Политическія приличія нѣкоторое время удерживали Юстиніана поднять руку на наслѣдниковъ Теодериха. Было бы слишкомъ безчестно воспользоваться слабостію женскаго правленія и безъ всякаго предлога нарушить миръ, въ которомъ столько лѣтъ состояла имперія и государство готовъ въ Италіи. Въ положеніи Амаласвинты, женщины-правительницы, окруженной недовольными, скорѣе было нѣчто, вызывающее на благородное покровительство со стороны сильнаго союзника, какимъ былъ доселѣ восточный императоръ [2]). Юстиніанъ и сохранялъ до времени видъ покровителя Амаласвинты и ея сына, хотя втайнѣ можетъ-быть не переставалъ поднимать на нихъ враговъ, гдѣ только было можно. Впрочемъ дѣло было и не совсѣмъ вѣрное. Напередъ надобно было съ точностію извѣдать, испытать, не перемѣнилось ли расположеніе римлянъ. Что касается до новаго правительства въ Италіи, при которомъ первымъ совѣтникомъ еще нѣсколько лѣтъ оставался

---

[1]) Gibbon, гл. 44.—[2]) Амаласвинта посылала къ восточному императору съ запросомъ, можетъ ли она, въ случаѣ нужды, надѣяться на пріемъ при византійскомъ дворѣ. Ей отвѣчали утвердительно. См. Manso, p. 185.

вѣрный Кассіодоръ, то оно разными уступками и чрезвычайною благосклонностію къ римскому народонаселенію дѣйствительно успѣло опять расположить его къ себѣ, по крайней мѣрѣ нѣсколько утишить ненависть, вспыхнувшую передъ смертію Теодериха [1]). Оно поняло возникающую силу римскаго епископа и спѣшило задобрить его въ особенности: никто изъ римскаго духовенства не могъ, минуя его, искать высшаго суда [2]). Прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло завоеванія, императору нужно было обезпечить себѣ согласіе римлянъ и ихъ епископа.

Гораздо чище и прямѣе можно было начать дѣло съ Африки. Тамъ во-первыхъ нечего было чиниться съ правителями, объявившими открытую заклятую вражду всему, что не принадлежало къ аріанскому варварству, а потомъ нельзя было сомнѣваться въ единомысліи стараго народонаселенія и готовности его помочь правовѣрному императору противъ вандаловъ [3]). Былъ же и законный предлогъ: похититель престола Гелимеръ захватилъ власть у вандаловъ и держалъ въ плѣну прежняго короля Хильдериха, несмотря на всѣ представленія Юстиніана, его союзника [4]). Только что окончивъ войну съ Персіею, Юстиніанъ снарядилъ экспедицію въ Африку и поручилъ ее Велисарію, который въ персидскомъ походѣ завоевалъ себѣ первую славу. Счастіе удивительно служило Юстиніану въ выборѣ людей. Трибоніанъ въ нѣсколько лѣтъ изготовилъ ему превосходный кодексъ законовъ и свелъ мнѣнія знаменитыхъ римскихъ юристовъ. Велисарій въ нѣсколько мѣсяцевъ завоевалъ ему Африку [5]). Вандалы были разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Карѳагенъ сдался, Гелимеръ бѣжалъ и Велисарій, черезъ три мѣсяца послѣ высадки своей на африканскій берегъ, возсѣдалъ уже какъ побѣдитель на тронѣ Гензериха.

Завоеваніе Африки нѣкоторымъ образомъ сокращало путь въ Италію. Успѣхъ похода Велисаріева прибавлялъ смѣлости завоевательнымъ стремленіямъ. Впрочемъ мысль о завоеваніи Италіи была очевидно установлена прежде: она входила уже въ первоначальный планъ Юстиніана. Едва только Велисарій сталъ твердою ногою въ Африкѣ, какъ онъ потребовалъ себѣ отъ готовъ сдачи Лилибеума подъ тѣмъ предлогомъ, что эта

---

[1]) Посланные Аталариха въ Римъ для принятія присяги римлянъ клялись также за своего короля въ томъ, что онъ будетъ хранить правосудіе и пр. См. Manso, p. 176, n. p.—[2]) Ibid. p. 182.—[3]) На это разсчитывалъ и Велисарій. См. Gibbon, гл. 41.—[4]) Gibbon, ibid.—[5]) Подробности см. у Прокопія de b. Goth. *и у Ѳеофана въ его* Хроникѣ.

крѣпость входила въ приданое Амалафриды (сестры Теодериха, бывшей за Торизмондомъ) и, слѣдовательно, составляла владѣніе вандальское [1]. Въ случаѣ сопротивленія готовъ полководецъ императора угрожалъ имъ не только взять силою Лилибеумъ, но и отнять у нихъ всѣ провинціи, „которыя они присвоили себѣ, насильственно исторгнувъ ихъ изъ-подъ власти законнаго ихъ государя". Это грозное требованіе было послано къ тѣмъ самымъ готамъ, которые незадолго предъ тѣмъ, когда Велисарій на пути въ Африку приставалъ къ берегамъ Сициліи, снабдили флотъ его необходимыми припасами и готовы были рукоплескать его побѣдамъ надъ вандалами! Понятно, что Лилибеумъ самъ по себѣ вовсе не представлялъ столько важности, чтобы изъ-за него стоило дѣлать такія угрозы. Лилибеумъ важенъ былъ для имперіи, какъ предлогъ начать войну съ готами, или вступить съ ними въ дипломатическія сношенія, чтобы другимъ путемъ достигнуть — впрочемъ той же самой цѣли. Посолъ Юстиніана въ самомъ дѣлѣ не замедлилъ явиться при дворѣ Амаласвинты. Требуя въ публичной аудіенціи сдачи Лилибеума, втайнѣ онъ договаривался съ Амаласвинтою объ участи цѣлой Италіи [2]. Между тѣмъ— обстоятельство не менѣе замѣчательное—въ то же самое время прибыли два посла Юстиніана и въ Римъ для переговоровъ съ римскимъ епископомъ о дѣлахъ вѣры [3]. Время, когда дѣло шло объ участи страны, Юстиніанъ конечно находилъ самымъ удобнымъ и для переговоровъ съ римскимъ епископомъ?

А между тѣмъ положеніе готскаго правительства со дня на день становилось запутаннѣе. Амаласвинта должна была наконецъ отказаться отъ мысли приготовить въ Аталарихѣ достойнаго наслѣдника имени Теодериха: римское образованіе было сильно заподозрѣно въ глазахъ готовъ; они хотѣли лучше видѣть въ Аталарихѣ человѣка своего племени, преданнаго всей грубости отеческихъ нравовъ. Онъ умеръ скоро (534) жертвою своего распутства. Теодатъ, которому Амаласвинта подала руку на брачный союзъ, чтобы имѣть въ немъ мужественную опору противъ своеволія своихъ подвластныхъ, оказался первымъ ея измѣнникомъ: дочь Теодериха была лишена имъ сперва лич-

---

[1]) Gibbon, гл. 41.—[2]) Manso, p. 186. d. Cp. Gibbon, ibid.—[3]) Manso, 187.— Анастасій, въ «Жизни Іоанна II», упоминаетъ также (р. 51) и о богатыхъ дарахъ, присланныхъ Юстиніаномъ при этомъ папѣ церкви Св. Петра. Жаль, что нельзя съ точностію опредѣлить годъ этого событія.

ной свободы, а потомъ и самой жизни [1]). Теодатъ ничего не могъ сдѣлать хуже, чтобы подать прямо въ руки Юстиніану поводъ, котораго ему недоставало, чтобы дѣйствовать противъ готскаго владычества въ Италіи. — Юстиніанъ тотчасъ объявилъ себя мстителемъ за смерть Амаласвинты. Робкій Теодатъ думалъ еще потушить дѣло переговорами.

Что же римская Италія? Вѣдь начинавшееся дѣло было также и ея дѣло, вопросъ вновь подтянутый былъ также и вопросъ объ ея будущей судьбѣ? Повидимому римская Италія оставалась пока въ сторонѣ; до исторіи не дошло ни одного голоса, который бы выразилъ требованіе, желаніе, надежды римской Италіи. Но это значитъ только, что римская Италія не пришла къ сознанію своей цѣлостности, что многія части ея еще лежали подъ бременемъ стараго гнета, что онѣ не успѣли еще почувствовать въ себѣ живительнаго огня новой зарождавшейся свободы. Мы знаемъ, что нѣкоторыя отдаленныя провинціи полуострова еще не одно столѣтіе потомъ оставались чужды общему дѣлу Италіи. Но то, чего больше нельзя было у ней отнять, прочная основа для будущихъ созиданій, одинъ главный центръ, въ которомъ бы, какъ въ фокусѣ, соединялись лучи разныхъ мѣстныхъ движеній въ пользу италіанской національности, все это было уже дано Италіи—въ Римѣ и въ его новомъ капитоліумѣ, освященномъ именемъ Св. Петра. Тамъ, въ этомъ самомъ центрѣ, зачиналось и то великое учрежденіе, котораго исторія и интересы такъ тѣсно соединены съ дѣломъ новой Италіи. Тамъ только и можемъ мы наблюдать, предпринимала ли что-нибудь въ эту минуту римская Италія для своего освобожденія.

До насъ, къ сожалѣнію, дошли почти только одни намеки на то, чтó дѣлалось тогда въ Римѣ; изъ нихъ видно однако, что Римъ вовсе не равнодушно смотрѣлъ на послѣднія происшествія при равеннскомъ дворѣ. Онъ старался воспользоваться ими по возможности, не довольствуясь уступками, сдѣланными въ пользу его при вступленіи на престолъ Аталариха. Сенатъ и теперь продолжалъ дѣйствовать за одно съ епископомъ [2]). Послѣдній впрочемъ стоялъ во главѣ всего движенія, былъ главнымъ представителемъ города и въ глазахъ самого

1) См. уничиженныя письма Амаласвинты и Теодата къ императору, римскому сенату и народу, у Cassiod. X, 1—2, 8—4. Но точно ли это былъ брачный союзъ? Ср. Muratori Ann. ad an. 534. Въ Hist. Arcana Прокопій приписываетъ смерть Амаласвинты наущенію Юстиніана.— 2) См. Cassiod. X, 13, 14. Ср. Manso, 192, x, y.

Теодата. Черезъ него римляне доводили до свѣдѣнія короля свои новыя требованія, которыхъ содержаніе не знаемъ, но которыя однако казались Теодату столь важными, что онъ, несмотря на свое невѣрное положеніе, медлилъ еще полнымъ ихъ удовлетвореніемъ и долженъ былъ напомнить сенату о лежащей на немъ обязанности быть посредникомъ и примирителемъ между королемъ и провинціями. Народъ продолжалъ волноваться и обнаруживать сильное нерасположеніе къ готскимъ уполномоченнымъ, которые присланы были въ Римъ новымъ правителемъ, чтобы устроить отношенія между нимъ и римлянами. Напрасно Теодатъ старался внушить имъ, что странно вдругъ начать чуждаться тѣхъ, которыхъ они сами считали недавно людьми себѣ близкими (parentes). Наконецъ, чтобы хоть нѣсколько успокоить ихъ, онъ нашелся вынужденнымъ отправить къ нимъ новыхъ посланныхъ, съ порученіемъ особеннаго рода: они должны были клятвенно подтвердить римлянамъ — какъ надобно думать — неприкосновенность уже полученныхъ ими правъ и привилегій [1].

Нельзя, чтобы эти движенія и эти сношенія остались неизвѣстными Юстиніану. Они конечно также вложили свой вѣсъ въ рѣшеніе его начать войну съ готами. Зная важность своего предпріятія, Юстиніанъ искалъ себѣ союзниковъ не только въ Италіи, даже въ Галліи, между франками [2]. Понятно, что съ римлянами онъ не могъ заключить формальнаго союза: довольно, если онъ былъ увѣренъ въ симпатіи съ ихъ стороны. Мы увидимъ послѣ, что союзъ между императоромъ и римскимъ епископомъ дѣйствительно скрѣпился въ это время болѣе, чѣмъ Теодатъ могъ что-нибудь сдѣлать для своей защиты. Испытанный полководецъ Юстиніана дѣйствовалъ съ обычною своею быстротою и рѣшительностію. Сицилія въ самое короткое время была оторвана отъ готскаго государства. Въ то же время другая армія вступила въ Далмацію и заняла Солону, главный городъ провинціи. Теперь оставалось только обратить ударъ на самую Италію.

Теодатъ былъ въ отчаяніи. Онъ понималъ всю опасность своего положенія, зналъ очень хорошо, какая отвѣтственность падала въ этомъ случаѣ на римлянъ, и, по одному свидѣтельству [3], въ сильномъ раздраженіи писалъ къ папѣ и римскимъ

[1]) Cassiod. X, 17, 18. — [2]) См. Manso, p. 193 — 194. — [3]) Это свидѣтельство принадлежитъ діакову Либерату. Его приводитъ Мураторп въ своихъ Annali, ad an. 536. По моему мнѣнію, это извѣстіе заслуживаетъ полнаго вниманія, хота оно и не подтверждается *другими* источниками.

сенаторамъ, требуя настоятельно, чтобы они употребили всѣ зависящія отъ нихъ средства для отвращенія высадки Велисарія на берега Италіи, и угрожая въ противномъ случаѣ не пощадить самой ихъ жизни. Сгоряча можно было произносить такія угрозы; но обдумавшись, Теодату надобно было поискать другихъ, болѣе вѣрныхъ средствъ, чтобы спасти самого себя отъ погибели. Теодатъ возобновилъ переговоры съ Юстиніаномъ. Онъ соглашался на всѣ уступки, требуемыя императоромъ—уступки безмѣрныя, показавшія съ одной стороны все ничтожество Теодата между готами, съ другой — прямыя намѣренія Юстиніана въ отношеніи къ Италіи. Теодатъ не только соглашался уступить уже завоеванную Сицилію, онъ обязывался послать императору золотую корону, какъ бы въ знакъ того, что признаетъ его верховную власть, и выставить ему на службу 3,000 готскихъ воиновъ. Особеннымъ параграфомъ выговорено было, чтобы приговоры надъ епископомъ, равно какъ и надъ сенаторомъ, имѣли силу только съ согласія императора [1]). Кромѣ того нужно было его же позволеніе для возведенія новыхъ лицъ въ достоинство патриція или сенатора, и если гдѣ въ публичномъ собраніи народъ хотѣлъ бы почтить своего властителя изъявленіемъ своего восторга, то имени короля должно было предшествовать имя императора.

Согласиться на такія условія не значило ли — не только послать въ Константинополь, какъ даръ, золотую корону, но и положить свой собственный вѣнецъ къ ногамъ Юстиніана?

Теодатъ, кажется, и самъ понялъ въ скоромъ времени общій смыслъ своихъ различныхъ уступокъ. Чтобы однимъ разомъ кончить двусмысленное положеніе и сохранить себѣ хоть что-нибудь навѣрное, онъ воротилъ посла Юстиніанова съ дороги и объявилъ ему, что готовъ сложить корону, если только императоръ согласится дать ему ежегодный пенсіонъ въ извѣстную сумму. На посла наложено было лишь одно условіе: показать Юстиніану послѣдній договоръ не прежде, какъ когда онъ найдетъ недостаточными условія перваго. Послѣднее, робкое удержаніе со стороны власти, которая отрекается сама отъ себя и еще думаетъ удержать за собою хотя призракъ возможности своего возстановленія. Около того же времени римскій епископъ Агапетъ, вѣроятно вынужденный угрозами Теодата, и конечно еще ничего не зная о послѣд-

---

1) *См. Manso, 194;* также Gibbon, гл. 41.

нихъ предложеніяхъ его Юстиніану, также отправился въ Константинополь [1]). Большая часть извѣстій также называютъ его посломъ Теодата къ императору. Но мы мало знаемъ о мирныхъ переговорахъ его съ императоромъ: если они и были ведены, то развѣ только для вида; настоящій же характеръ порученія, которое онъ приносилъ съ собою, былъ совершенно иного рода. Это было нѣкоторымъ образомъ повтореніе миссіи епископа Іоанна, но при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ. На часть Агапета не досталось, правда, такого тріумфа, съ какимъ нѣкогда встрѣченъ былъ въ Константинополѣ его предшественникъ; за то впрочемъ скоро оказалось, что Агапетъ могъ располагать еще большимъ вліяніемъ при дворѣ императора. Судя по разсказу Анастасія надобно думать, что римскій епископъ, начиная свои сношенія съ Юстиніаномъ, хотѣлъ прежде всего устранить нѣкоторыя остававшіяся сомнѣнія насчетъ его правовѣрія [2]). Повѣрка казалась тѣмъ болѣе необходимою, что константинопольскую каѳедру тогда занималъ епископъ Антимій, державшійся еретическихъ мнѣній. Сначала Юстиніанъ принялъ сторону своего епископа, то-есть онъ защищалъ не столько его, сколько свое оказанное ему покровительство, но потомъ дозволилъ вступить Агапету въ состязаніе съ Антиміемъ. Разговоръ ихъ происходилъ въ присутствіи императора: оказалось, что Антимій дѣйствительно не признаетъ двойственной природы въ Іисусѣ Христѣ. Обличеніе было слишкомъ очевидно; Юстиніанъ не противорѣчилъ болѣе, и въ угожденіе Агапету удалилъ Антимія отъ константинопольскаго престола. Онъ простеръ свою благосклонность къ римскому епископу и еще далѣе: по предложенію Агапета, нѣкто Менна былъ немедленно поставленъ епископомъ Константинополя на мѣсто низложеннаго Антимія. Все это было лишь введеніе; затѣмъ уже Агапетъ могъ приступить и къ тѣмъ

---

1) По показанію того же діакона Либерата. Другія извѣстія говорятъ, что Агапетъ отправился въ Константинополь по требованію Теодата. Но первое извѣстіе имѣетъ на своей сторонѣ гораздо болѣе вѣроятности. Уже и потому Теодатъ едва ли бы согласился поручить свое дѣло римскому епископу, что онъ имѣлъ предъ собою самый неудачный примѣръ Теодериха. Кромѣ того мы знаемъ, что одного изъ своихъ приближенныхъ, также духовное лицо, Теодатъ отправилъ въ Константинополь вмѣстѣ съ посломъ Юстиніана (см. Manso, 195). Немаловажно также свидѣтельство Кассіодора, что Агапетъ, предъ отправленіемъ своимъ, продалъ или заложилъ нѣкоторые священные сосуды— доказательство, что онъ считалъ крайне нужнымъ свое присутствіе въ Константинополѣ. См. *Muratori, Ann. ad an.* 536. Ср. Manso, p. 198.—2) Anast. in *vita Agapeti, p. 52 (edit. Albin.)*

переговорамъ, для которыхъ онъ собственно предпринялъ свое путешествіе въ Константинополь. Біографъ выражается очень глухо о нихъ, говоря, что Агапетъ достигъ всего, что составляло предметъ его миссіи [1]). Значитъ ли это, что Агапетъ употребилъ все свое усердіе, говоря въ пользу Теодата? Болѣе чѣмъ сомнительно: не къ тому располагали внутреннія обстоятельства Италіи, не къ тому располагала самая довѣренность къ Юстиніану. Если что могъ достигнуть Агапетъ отъ Юстиніана, пользуясь его расположеніемъ, то это могло быть только въ пользу римлянъ, болѣе и болѣе начинавшихъ отдаляться отъ готовъ и ихъ правительства. Вскорѣ послѣ того, постигнутый болѣзнію, Агапетъ умеръ, не успѣвъ выѣхать изъ Константинополя. Что же касается до Теодата, то дѣло его въ Константинополѣ вовсе не находилось въ такомъ благопріятномъ состояніи, чтобы къ нему можно было относить слова біографа объ успѣхѣ миссіи Агапета: Юстиніанъ принялъ лишь самое крайнее изъ предложеній Теодата, — то, по которому онъ долженъ былъ сложить съ себя корону, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ своего посла обратно въ Италію съ большимъ полномочіемъ. Велисарій въ то же время долженъ былъ выступить изъ Сициліи, чтобы отъ имени императора принять во владѣніе Италію.

Такъ легко не могло однако достаться Юстиніану владычество надъ Италіею. Не участь только Теодата, рѣшалась судьба цѣлаго воинственнаго народа. Было бы крайне странно, если бъ этотъ народъ, въ которомъ еще такъ свѣжа была память Теодериха, уступая однимъ угрозамъ, отдалъ въ чужія руки страну, которою онъ владѣлъ по праву завоевателя, и добровольно обрекъ бы себя на политическое ничтожество, а можетъ-быть даже и на притѣсненія. Готамъ было не учиться владѣть оружіемъ, въ мужествѣ у нихъ никогда не было недостатка; никто еще не упрекалъ ихъ и въ изнѣженности, какъ африканскихъ вандаловъ. Какое дѣло, что, начиная борьбу съ Юстиніаномъ, они точно также должны бы были поставить на карту не только свои италіанскія владѣнія, но и свою независимость, нѣкоторымъ образомъ даже самое свое существованіе: этого требовала ихъ народная честь, это необходимо вытекало изъ того сознанія, которое имѣли готы о своемъ національномъ достоинствѣ. Передъ другими герман-

---

[1]) *Anast. in vita* Agapeti, p. 53: Qui vero Agapetus papa omnia obtinuit, *ex qua causa directus fuerat.*

скими народами-завоевателями остъ-готы въ самомъ дѣлѣ имѣли много преимуществъ. Дѣло, которое велъ Теодатъ, вовсе не было дѣло готскаго народа: своею трусливою уступчивостью, своимъ уничиженіемъ передъ императоромъ онъ старался соблюсти лишь свои собственные интересы. Тѣмъ съ большимъ негодованіемъ долженъ былъ возстать народъ, котораго существенныя выгоды такъ безчестно принесены были въ жертву робкому эгоизму одного человѣка.

Юстиніанъ, посылая Велисарія принять во владѣніе Италію, конечно не предполагалъ завязаться въ кровавую войну, которая должна была продолжаться цѣлыя двадцать лѣтъ и кончиться почти совершеннымъ истребленіемъ одной изъ враждующихъ сторонъ. Почти можно сомнѣваться, чтобы онъ предпринялъ это дѣло, если бы напередъ зналъ его размѣры. И однако отъ этого дѣла зависѣла будущая участь Италіи.

Еще Велисарій не успѣлъ перевести свое войско на твердую землю, какъ самъ Теодатъ, ободренный нечаяннымъ успѣхомъ одного готскаго отряда въ Далмаціи, измѣнилъ свои прежнія мысли и началъ думать о сопротивленіи. Онъ, правда, скоро опять перешелъ къ трусости, которая очевидно была его природнымъ недостаткомъ; но всѣ его усилія возвратить себѣ расположеніе Юстиніана остались напрасны. Велисарій явился съ войскомъ въ южной Италіи и покорилъ ее въ короткое время, благодаря сочувствію жителей. Сдача самаго Неаполя нѣсколько замедлена была лишь сопротивленіемъ готскаго гарнизона, тогда какъ граждане открыли уже сношенія съ Велисаріемъ, даже прежде чѣмъ онъ подступилъ къ стѣнамъ города [1]). Тогда вскрылось до сихъ поръ сдержанное негодованіе готовъ: почти въ виду приближающейся грозы воинственный Витигисъ провозглашенъ былъ, по старому обычаю, королемъ, и Теодатъ не могъ болѣе избѣжать насильственной смерти. Тогда только и война приняла свой настоящій характеръ, характеръ борьбы упорной, ожесточенной, гдѣ съ одной стороны испытанные полководцы повѣряли жребіемъ битвъ свою многолѣтнюю славу, съ другой—свободный народъ защищалъ свои семьи, самое бытіе свое. Часто мѣнялись вожди-короли готовъ: одни не соотвѣтствовали потребностямъ этого труднаго времени, другіе падали на полѣ битвы, но готы продолжали стоять до конца за свое дѣло. Мы впрочемъ не намѣрены пересказывать всѣхъ подробностей этой вели-

---

[1]) Procop. de bell. goth. I, 8.

кой войны, не потому только, что онѣ, благодаря обстоятельному изложенію Прокопія, довольно общеизвѣстны, но и потому, что главныя роли здѣсь принадлежатъ готамъ и новымъ римлянамъ, тогда какъ собственные римляне и вообще туземные жители Италіи осуждены до времени лишь на страдательную роль: не завоевывать, имъ оставалось лишь выжидать свою судьбу и развѣ только содѣйствовать полководцамъ императора своимъ единомысліемъ [1]). Извѣстно, что отчаянное мужество готовъ нѣсколько разъ останавливало блестящіе успѣхи императорскихъ войскъ, извѣстно также, что самый Римъ въ продолженіе этой борьбы не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего было то, что зачатки новой жизни, которыхъ присутствіе въ Римѣ такъ ощутительно было въ мирное время, пока должны были пріостановить свое дѣйствіе; но конецъ всего былъ тотъ, что готское владычество въ Италіи было уничтожено, самый народъ готовъ почти истребленъ мечомъ, голодомъ и другими неизбѣжными бѣдствіями войны, и наконецъ вся Италія снова вошла въ составъ имперіи, которой такимъ образомъ почти возвратились объемъ и блескъ царствованія Константина Великаго.

Двѣсти тысячъ однихъ способныхъ носить оружіе считаетъ Прокопій между готами при открытіи италіанской войны Велисаріемъ. Прибавивъ къ этому соразмѣрное число женъ, дѣтей и стариковъ, мы получаемъ приблизительное понятіе о количествѣ готскаго народонаселенія въ Италіи. Едва ли какой изъ германскихъ народовъ, поселившихся на римскихъ земляхъ, могъ поравняться даже въ численномъ отношеніи съ готами. И отъ этого народа не осталось потомъ почти никакихъ слѣдовъ! Было что-то роковое въ судьбѣ остъ-готовъ. Поведенію ихъ послѣ завоеванія и во время войны съ Юстиніаномъ почти нельзя сдѣлать ни одного тяжелаго упрека. Той кроткой, миролюбивой политики, которой держался Теодерихъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ, нѣтъ и слѣдовъ не только у вандаловъ, даже у вестъ-готовъ. Когда открылась

---

[1]) Въ этомъ содѣйствіи завоевателямъ римскіе епископы опять являются на первомъ планѣ. Такъ Велисарій обязанъ былъ въ особенности епископу Сильверію, что Римъ отворилъ передъ нимъ ворота. И потомъ, когда городъ былъ осажденъ готами, а жители много терпѣли отъ голода, епископъ Виталій нашелъ средства доставить имъ хлѣбные запасы изъ Сициліи (См. Manso, 298; ср. Gibb. 41). Трудное дѣло завоевателей такимъ образомъ было нѣсколько облегчено.

война, остъ-готы даже Велисарію не разъ давали почувствовать тяжесть своего оружія, и самымъ упорствомъ, съ которымъ они вели эту столько несчастную для нихъ войну, показали, что въ нихъ нисколько не охладѣлъ воинственный жаръ прежнихъ временъ. Не всегда удаченъ былъ выборъ вождя: такъ самый Витигисъ, избранный на мѣсто Теодата, скоро оказался неспособнымъ соотвѣтствовать требованіямъ времени. Но готы оттого не впадали въ уныніе, и едва только находили себѣ предводителя по душѣ, по мысли, какъ воодушевленіе снова охватывало ряды ихъ, и полководецъ императора снова былъ въ опасности потерять только что сдѣланныя завоеванія. Почти нисколько не поддерживаемые туземцами, которые считали готское владычество тираніею, а византійское — свободою [1]), они боролись съ постоянствомъ, съ настойчивостію, и подвиги мужества со стороны готовъ такъ же не рѣдки были въ эту эпоху, какъ не рѣдко было великодушіе ихъ вождей въ отношеніи къ побѣжденнымъ. И когда наконецъ, уступая новымъ усиліямъ византійцевъ, готы должны были дать имъ послѣднюю рѣшительную битву, они показали въ этомъ случаѣ героизмъ, достойный гораздо лучшей участи. Греческій историкъ, разсказывающій объ этой битвѣ, описываетъ ее чертами почти гомерическими.

Искусною тактикою Нарсеза готы, подъ предводительствомъ храбраго Тейаса, стѣснены были неподалеку отъ Везувія и, по недостатку запасовъ, поставлены въ самое затруднительное положеніе [2]). Имъ оставалось или просить пощады, или умереть съ голоду. Готы нашли для себя третій выходъ— погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. „Внезапно, прежде чѣмъ римляне могли догадаться объ ихъ намѣреніи, готы сдѣлали на нихъ нападеніе. Не успѣвъ построиться въ ряды и не слушая приказаній начальниковъ, римляне въ торопяхъ, какъ кто попалъ, старались противопоставить отпоръ непріятелю. Первые соскочили съ лошадей готы, и съ лицомъ, обращеннымъ ко врагамъ, стали твердо, построившись по старому готскому обычаю. Римляне также спѣшились и сомкнули свой строй подобнымъ же образомъ. Такъ начался между ними замѣчательный бой, въ которомъ Тейасъ показалъ такое му-

---

[1]) Procop. de bel. Goth. I, 8 : His auditis assensum testari voce Neapolitani; clamitare, accipiendum in urbem esse imperatoris exercitum... cuivis rem planam fieri exemplo Siculorum; qui tyrannis barbaris nuper valere ussis, ut se Justiniani imperio subderent, libertate gaudeant, omni molestia vacui.—[2]) Procop. de bell. Goth. IV, 35.

жество, что могъ бы стать на ряду съ величайшими героями древности. Отчаяніе воодушевляло готовъ до дерзости; противъ такой ярости римляне, хотя и видѣли, что дѣло готовъ безнадежно, должны были напрячь всѣ свои силы, чтобы не дать вырвать изъ рукъ своихъ вѣрную побѣду. Съ той и другой стороны съ жаромъ бросались на близъ стоящихъ, одни, чтобы умереть, другіе, чтобы не уступить врагамъ въ храбрости. Рано утромъ начался бой; у всѣхъ въ виду, въ переднемъ ряду своего строя, стоялъ Тейасъ съ немногими, прикрываясь щитомъ и простирая впередъ копье. Римляне поняли, что отъ его смерти должна зависѣть участь сраженія,— и самые мужественные изъ нихъ—а ихъ было не малое число—поставили Тейаса цѣлью своимъ ударамъ. Они устремлялись на него съ копьями, мѣтили въ него стрѣлами, но онъ искусно отводилъ удары щитомъ, потомъ вдругъ врубался самъ въ ряды непріятелей и многихъ полагалъ на мѣстѣ. Иногда стрѣлы въ такомъ множествѣ вонзались въ его щитъ, что онъ принужденъ былъ отдавать его своему щитоносцу и брать другой". Но множество враговъ одолѣло наконецъ Тейаса; онъ палъ, покрытый ранами. Однако „готы и тогда еще не думали прекращать сраженія и бились до самой ночи, хотя всѣ знали, что предводителя ихъ не было больше въ живыхъ. Не прежде, какъ совсѣмъ стемнѣло, разошлись толпы сражавшихся, и провели ночь подъ оружіемъ." Съ разсвѣтомъ другого дня битва возобновилась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Бились опять до ночной темноты, но уже никакія усилія, никакіе подвиги не могли спасти готовъ отъ ихъ судьбы. Сколько еще уцѣлѣло ихъ отъ губительнаго меча, увидѣли себя въ необходимости положить оружіе и просить пощады у римлянъ. Впрочемъ то, что́ даже тогда готы предлагали Нарсезу, вовсе не походило на совершенную покорность. Историкъ прямо говоритъ, что „они соглашались положить оружіе не съ тѣмъ, чтобы служить императору, но чтобы жить по своимъ законамъ вмѣстѣ съ другими варварами." Послѣ нѣкотораго размышленія Нарсезъ согласился оставить ихъ въ покоѣ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они тотчасъ очистили Италію и ни подъ какимъ предлогомъ не начинали вновь войны съ имперіею.

Этимъ договоромъ окончено было завоеваніе Италіи. Отнынѣ Италія опять становилась подъ власть императора. Событіе, значительно отступающее отъ ряда обыкновенныхъ явленій современности: ни Испанія, ни Галлія, ни Британія,

тѣмъ менѣе Германія, никогда не возвращались однако къ единству имперіи; событіе, оставляющее по крайней мѣрѣ послѣ себя важный вопросъ: какими же силами было побѣждено это рьяное мужество, это отчаяніе народа, защищающаго землю, съ которою онъ успѣлъ сродниться какъ съ своимъ отечествомъ? Или: какими силами совершено было это важное дѣло завоеванія?

Прежде всего должно отличить это завоеваніе отъ тѣхъ, которыя совершены были силами *народа*, подъ предводительствомъ его шефа: такъ завоевана была Италія подъ предводительствомъ Теодериха, такъ впослѣдствіи не одинъ разъ покорена была сѣверная и южная Италія германцами подъ предводительствомъ нѣмецкихъ императоровъ. Совершенно иной характеръ носитъ на себѣ завоеваніе Италіи при Юстиніанѣ. Завоеватели, правда, носили прославленое народное имя: они шли подъ римскими знаменами и называли себя римлянами; но понятно, въ какомъ смыслѣ могли быть римлянами тѣ, которые приходили въ Италію съ греческаго полуострова. Завоеватели, ихъ предводители по крайней мѣрѣ, и часть войска дѣйствительно говорили греческимъ языкомъ; но самый этотъ языкъ показывалъ, что то не были древніе греки: это былъ языкъ Константинополя и ближайшихъ областей, составлявшихъ центръ имперіи. Ополченіе, которое Велисарій привелъ съ собою въ Италію, вовсе не было многочисленно: оно никакъ не простиралось свыше 15,000 и легко могло быть набрано изъ греческаго народонаселенія. Но такой однородности далеко не было въ войскѣ завоевателей. Ближайшій свидѣтель всего дѣла, Прокопій, служившій секретаремъ при Велисаріи, очень хорошо знаетъ это дѣло [1]). Онъ даетъ довольно точное понятіе о составѣ греческаго ополченія, которое сражалось съ готами: это были опять готы же, исавряне, лангобарды, герулы, гунны и пр. Подъ тѣми же знаменами, сохраняя свои отличительныя народныя названія (славяне и анты), шли и дружины славянскія. Впрочемъ это какъ будто въ судьбѣ славянскаго племени—биться подъ чужими знаменами для покоренія Италіи. Преемникъ Велисарія—Нарсезъ, посланный во второй разъ оканчивать войну въ Италіи, велъ съ собою подобное же ополченіе. Кромѣ ратниковъ, собранныхъ имъ въ окрестностяхъ Константинополя, во Ѳракіи и въ

---

[1]) См. Procop. 1, 16; 11, 5; 11, 22 (о герулахъ): 11, 26 (о славянахъ, гдѣ еще разсказывается смѣлый поступокъ одного славянина); и другія мѣста.

Иллиріи, онъ имѣлъ еще при себѣ 2,500 „благородныхъ" лангобардовъ, при которыхъ была дружина, состоявшая изъ 3,000 человѣкъ, 3,000 герульской конницы, значительное число гунновъ, гепидовъ и проч. [1]) Вотъ главныя силы, которыми была покорена готская Италія.

Не силами одного народа, но силами *имперіи* было совершено это новое завоеваніе Италіи. Это значитъ—силами варварскими, которыми могла располагать имперія за свои деньги. Передъ нами какъ будто опять та же дряхлая римская имперія, которая нѣсколько времени отбивалась варварскими силами отъ варваровъ же и наконецъ пала подъ ихъ ударами! И однако время италіанской войны есть самая цвѣтущая пора Восточной имперіи. Явленіе довольно странное, что на самой блестящей страницѣ исторіи государства въ то же время читаешь и тайну его внутренней немощи; но оно тѣмъ не менѣе истинно. Въ самомъ дѣлѣ, отнимите у этой огромной имперіи однѣ за другими варварскія силы, которыми она пока располагаетъ: чтó тогда останется ей для собственной защиты?

Говоря, что завоеваніе Италіи совершено было большею частію варварскими силами, мы нисколько не думаемъ уронить славу знаменитыхъ вождей, которые управляли ходомъ войны со стороны имперіи. Намъ кажется, наоборотъ, что съ этой точки зрѣнія великость ихъ дѣла выясняется еще болѣе. Одинъ талантъ нуженъ былъ на то, чтобы выдерживать борьбу съ такимъ мужественнымъ непріятелемъ, какъ готы; другой талантъ требовался для того, чтобы привести эти разнородныя толпы вооруженныхъ къ нѣкоторому единству и содержать въ нихъ должную дисциплину. И тѣмъ и другимъ талантомъ Велисарій и Нарсезъ владѣли въ высокой степени. Безъ ихъ искусной распорядительности, настойчивости и совершеннаго знанія дѣла, завоеваніе Италіи имперіею, даже при содѣйствіи туземцевъ, представляется невозможнымъ. Довольно указать на безуспѣшныя дѣйствія тѣхъ вождей, которымъ ввѣряемо было начальство надъ войскомъ въ промежуточное время, когда Велисарій смѣнялся Нарсезомъ.

За то передъ несомнѣннымъ величіемъ вождей много теряетъ своего блеска слава императора, предписавшаго эту войну. Повторяемъ, никто такъ не способенъ былъ постигать высокіе замыслы, какъ Юстиніанъ, и никто менѣе его не показывалъ настойчивости въ своихъ предпріятіяхъ; никто столько,

---

[1]) Procop. ibid. IV, 24.

какъ онъ, не былъ отвлеченъ придворными интригами отъ того, чтобы до конца поддерживать предпріятіе тою же крѣпкою рукою, какою оно было начато. Трудно повѣрить, до какой степени онъ пренебрегалъ средствами для веденія войны, отъ успѣха которой зависѣла честь имперіи и его собственная слава. Еще разъ беремъ въ свидѣтели Прокопія, не разсказчика закулисныхъ анекдотовъ, а историка готской войны. Во время осады Рима готами, граждане прямо упрекали Велисарія, заключившагося въ стѣнахъ ихъ города, что на такое дѣло, какъ война съ готами, онъ не былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ войска [1]). Римляне были правы. Велисарій самъ не одинъ разъ принужденъ былъ жаловаться на то безпомощное положеніе, въ какомъ оставляли его въ Италіи. Прокопій приводитъ его письма къ Юстиніану [2]). Такъ, осажденный въ Римѣ, Велисарій писалъ къ нему: „По твоему повелѣнію мы вступили въ Италію, овладѣли значительною частію этой страны и заняли самый Римъ, изгнавши отсюда варваровъ. Но поставивъ гарнизоны въ крѣпкихъ мѣстахъ, я остался лишь съ 5,000, а противъ насъ стоитъ непріятель, располагающій 150,000 воиновъ... До сихъ поръ, благодаря ли счастію, или нашему мужеству, дѣла шли очень хорошо; относительно же будущаго могу только пожелать, чтобы они и впередъ шли такъ же удачно. Потому-то и долженъ я высказать тебѣ откровенно все, чего я вправѣ ожидать отъ тебя, зная, что хотя воля Божія свыше располагаетъ судьбами человѣческими, однако какъ одобреніе, такъ и хула падаютъ на вождей, смотря по тому, какъ ведутъ они свое дѣло. Вопервыхъ, нѣтъ у насъ довольно ни оружія, ни войска; пришли намъ того и другого, если хочешь, чтобы мы платили непріятелю равными ударами. Подумай только, что̀ будетъ, если мы принуждены будемъ уступить непріятелю. Между тѣмъ не забудь и то, что однимъ множествомъ войска намъ еще не спасти Рима: вспомни, что такой обширный городъ и притомъ отдаленный отъ моря, долженъ еще терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Римляне пока къ намъ очень расположены, но если бѣдствія продолжатся, то нельзя поручиться, что они не захотятъ искать лучшей участи... Всего меньше можетъ римлянинъ выдержать голодъ: тутъ онъ рѣшается и на то, что̀ противно его склонностямъ“ и проч.

---

[1]) Procop. I, 20. Quare collecti cives aperte Belisario maledicebant, quod ab imperatore minoribus, quam par esset, copiis instructus non dubitasset bellum suscipere Gothicum.—[2]) Procop. 1, 24.

Прошло десять лѣтъ, но положеніе Велисарія въ Италіи, несмотря на всѣ его успѣхи, нисколько не улучшалось: объ немъ иногда какъ будто вовсе забывали въ Константинополѣ, или какъ будто хотѣли отъ него, чтобы онъ самъ находилъ средства содержать свою армію и пополнять въ ней неизбѣжныя убыли. Съ горечью, съ ироніею жаловался заслуженный полководецъ императору. Письмо его чрезвычайно замѣчательно по своему оригинальному тону [1]: „Я прибылъ въ Италію“—писалъ онъ о второмъ своемъ походѣ—„почти безъ людей, безъ лошадей, безъ оружія и безъ денегъ: все это такія необходимыя вещи, что, кто не имѣетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, тотъ, я думаю, едва ли будетъ въ состояніи вести войну. Лишь проѣзжая Ѳракію и Иллирію удалось мнѣ набрать нѣсколько ратниковъ, но и тѣ—такой жалкій народъ: нѣтъ у нихъ ни оружія и никакого знанія военнаго дѣла. Остатокъ войска, который я нашелъ на мѣстѣ, состоитъ изъ неспособныхъ, робкихъ людей, которые отъ частыхъ пораженій потеряли духъ, намѣренно избѣгаютъ встрѣчи съ непріятелемъ и, при первомъ появленіи его, снимаются съ лошадей и бросаютъ оружіе. Доставать деньги здѣсь на мѣстѣ намъ невозможно—по самой простой причинѣ: онѣ ужъ обобраны непріятелемъ. Такимъ образомъ я поставленъ въ положеніе самое незавидное: не могу ни заплатить войску въ опредѣленный срокъ его жалованья, ни командовать имъ, зная, что я еще долженъ ему... Сверхъ всего ты долженъ узнать и то, что большая часть тѣхъ, которые сражались за тебя, перешли на сторону непріятеля (очевидно, что это были варвары). Итакъ если ты хлопоталъ о томъ только, чтобы отправить меня въ Италію, такъ ты какъ нельзя лучше достигъ своей цѣли. Но если ты дѣйствительно думалъ побѣдить твоихъ враговъ, то слѣдовало бы принять и нѣкоторыя другія мѣры: по крайней мѣрѣ я разсуждаю про себя такъ, что генералъ, которому не надъ чѣмъ командовать, есть безсмыслица. Такъ вышли ко мнѣ какъ можно скорѣе хоть моихъ копейщиковъ и щитоносцевъ, а потомъ позаботься о томъ, чтобы набрать побольше гунновъ и другихъ варваровъ, но ужъ на *наличныя* деньги (quibus jam nunc pecunia repraesentanda est)“.

Можно бы подумать, что это письмо принадлежитъ не Велисарію, а взято историкомъ изъ какого-нибудь современ-

---

[1]) Proc. III, 12: De his ad imperatorem scripsit *hoc fere* modo. — Это небольшое ограниченіе придаетъ тексту еще болѣе достовѣрности.

наго памфлета, или имъ же самимъ помѣщено въ «Секретной исторіи». Тамъ бы ему должно быть и настоящее мѣсто. Незавидное понятіе даетъ оно о военной администраціи въ имперіи! Дѣло предводителя арміи было не только начальствовать надъ войскомъ, но напередъ еще собрать, приготовить это войско; не только вести его къ побѣдамъ, но и содержать его во время похода. Словомъ, прежде чѣмъ быть полководцемъ, генералъ долженъ былъ исполнить роль „кондотьери“.

Была минута въ этой войнѣ, когда Юстиніанъ какъ будто готовъ былъ совсѣмъ оставить свое предпріятіе [1]). Это было послѣ второго возвращенія Велисарія изъ Италіи. Весь занятый церковными несогласіями, которыя продолжали волновать умы внутри имперіи, Юстиніанъ не имѣлъ времени серьезно подумать о дѣлахъ италіанскихъ, между тѣмъ какъ положеніе войска, оставшагося въ Италіи, становилось со дня на день затруднительнѣе. По счастію тогда находился въ Константинополѣ римскій епископъ Вигилій, незадолго предъ тѣмъ присланный сюда Велисаріемъ—просить императора о необходимомъ подкрѣпленіи. Когда Велисарій, потерявъ терпѣніе, наконецъ и самъ оставилъ Италію, Вигилій вмѣстѣ съ другими именитыми римлянами, по словамъ Прокопія, не давалъ покоя императору, умоляя его употребить всѣ силы, чтобы отстоять Италію. Юстиніанъ долженъ былъ обѣщать имъ свое покровительство, однако даже и послѣ взятія Рима Тотилою, невдругъ еще принялся за дѣятельныя мѣры, чтобы остановить успѣхи готовъ въ Италіи.

Если новая экспедиція, которая отправлялась въ Италію съ Нарсезомъ, была гораздо лучше снабжена всѣмъ необходимымъ — людьми, оружіемъ, деньгами, то это потому, что новый предводитель не соглашался иначе принять команду надъ войскомъ, какъ выговоривъ себѣ напередъ именно такія условія [2]). Весьма естественно, что при немъ дѣло пошло успѣшнѣе, чѣмъ при его предшественникѣ. Съ того времени Юстиніану дѣйствительно оставалось только считать одинъ за другимъ успѣхи своего полководца.

---

[1]) См. Proc. III, 35.—[2]) Proc. IV, 26: Negligentius quidem ante Justinianus Augustus in hoc bello concubuerat: postmodum vero ad id omnia praeclarissima instruxit, cum Narses ab eo se plurimum impelli videns ad expeditionem Italicam, ambitionem prae se tulit dignam belli imperatore, aperte professus morem se non gesturum mandanti talia Augusto, nisi copias bello gerendo pares ducturus esset. Quo pacto pecuniam, viros et arma ab imperatore pro imperii Romani dignitate consecutus, *summa navitate et diligentia* justum exercitum conscripserit.

Какъ бы то ни было, послѣ многихъ лѣтъ весьма упорной борьбы, Италія была освобождена отъ чуждаго владычества и снова пріобщена къ единству имперіи, или, какъ выражалось константинопольское правительство, смотря на это дѣло съ своей точки зрѣнія, „республикѣ съ Божіею помощію снова было возвращено ея единство“ [1]). Очевидно, что вопроса о самостоятельности Италіи еще не могло и быть: имперія смотрѣла на нее, какъ на свою провинцію, нѣсколько времени оторванную отъ нея и потомъ снова возвращенную силою оружія. Другого освобожденія впрочемъ не имѣли еще въ виду и самые дѣятельные враги готскаго владычества въ Италіи, римскіе епископы. Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, какъ устроитъ имперія свои отношенія къ странѣ, въ которой она видѣла одну изъ частей, необходимо входящихъ въ составъ ея.

Что положеніе Италіи послѣ продолжительной войны и по особенному духу ея жителей было нѣсколько исключительное въ сравненіи съ другими провинціями, этого нельзя было не видѣть. Правительство константинопольское поэтому и назначило для Италіи особаго намѣстника, какъ и для Африки; но при устройствѣ внутренняго управленія страны, оно слѣдовало совершенно другой системѣ. Особымъ закономъ, даннымъ въ 554 году подъ именемъ „прагматической санкціи“, опредѣленъ былъ порядокъ общественнаго устройства, какъ онъ долженъ былъ впредь существовать въ Италіи. Изъ начальныхъ словъ закона видно, что онъ данъ былъ по настоянію римскаго епископа Вигилія, на пользу обитателей „западныхъ областей“ имперіи (occidentales partes) [2]). Впрочемъ для устройства Африки также издана была особая прагматическая санкція. Какъ и должно было ожидать, новымъ постановленіемъ для Италіи отмѣнялся порядокъ вещей, введенный въ ней готами, и утверждался новый. Въ главныхъ своихъ положеніяхъ этотъ новый порядокъ былъ не что иное, какъ возстановленіе стараго, принятаго со временъ Константина въ цѣлой имперіи и распространеннаго также и на Италію. Въ основаніе ему также положено было совершенное отдѣленіе гражданской власти отъ военной. Перевѣсъ, который при готахъ явно клонился въ пользу военной власти, теперь не имѣлъ болѣе мѣста. Особый префектъ стоялъ во главѣ всего гражданскаго управленія Италіи [3]). Ему должны были

---

1) Pragm. Sanc. § 11.—2) См. Prag. Sanctio, § 1: Pro petitione Vigilii venerabilis antiquioris Romae episcopi.—3) Hegel, Gesch. d. Staedtever. p. 129, 143, n. 1.

подчиняться iudices provinciae, или презесы отдѣльныхъ областей, на которыя попрежнему дѣлилась Италія; отъ него же получали они и утвержденіе въ своихъ должностяхъ. Единственная уступка, которую сдѣлалъ законодатель исключительному положенію страны, состояла въ томъ, что право избранія презеса предоставлено было самимъ жителямъ области, къ числу которыхъ долженъ былъ принадлежать и самъ избранный [1]). Обстоятельство довольно важное: оно указываетъ на то, что даже самая война готская не осталась совсѣмъ безплодна для Италіи; что не только въ Римѣ, но и въ другихъ мѣстахъ граждане начинали принимать свободное, самостоятельное участіе въ выборѣ своихъ чиновниковъ и администраторовъ. Ибо, какъ замѣчаетъ весьма справедливо одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей [2]), этотъ порядокъ, столько не согласный съ общимъ порядкомъ, принятымъ въ Восточной имперіи, могъ быть допущенъ здѣсь развѣ только на основаніи обычая, который долженъ былъ утвердиться въ анархическое время войны съ готами. Войско, военное сословіе перестало означать цѣлый вооруженный народъ и вошло въ свои естественныя границы. Оно было распредѣлено по различнымъ областямъ и городамъ, и имѣло, подъ именемъ duces и tribuni, своихъ особыхъ начальниковъ, которые всѣ состояли подъ непосредственною властію намѣстника [3]). Послѣднему, который, какъ и намѣстникъ Африки, носилъ титло „патриція“ или „экзарха“, подчинялся также и глава всего гражданскаго управленія Италіи, такъ что въ рукахъ намѣстника сосредоточивалась высшая и гражданская власть въ провинціи.

Но самымъ полнымъ выраженіемъ того единства, какое могло существовать между разнородными провинціями, принадлежавшими къ составу имперіи, всетаки было единство гражданскаго законодательства: и въ силу новаго постановленія, или прагматической санкціи, кодексъ Юстиніана вмѣстѣ съ новеллами введенъ былъ во всеобщее употребленіе въ Италіи [4]).

Передъ нами на лицо выгоды и невыгоды, которыя открывались для Италіи съ новою политическою перемѣною. Она, во-первыхъ, совершенно освобождалась отъ владычества готовъ, въ которыхъ она ненавидѣла столько же варваровъ, сколько и еретиковъ; для страны, для народа, въ ней жившаго, пока миновалась опасность варварскаго преобладанія. Порядокъ обще-

---

1) Prag. Sanc. § 12.—2) Hegel, p. 144.—3) См. ibid. p. 129. Ср. Gibb. гл. 43.—4) *Prag. Sanc. § 11.*

ственнаго устройства, вводимый прагматическою санкціею, не былъ совершенною новостію для Италіи: тѣмъ скорѣе, тѣмъ легче онъ могъ приняться въ ней: но за то онъ и не приносилъ съ собою никакихъ свѣжихъ началъ для будущности страны; но за то, далѣе, онъ въ прежней силѣ возстановлялъ здѣсь постановленія о куріяхъ и колонатѣ, самое губительное, чтб только придумано было въ позднѣйшія времена имперіи, чтобы остановить всякое движеніе въ сельскомъ народонаселеніи и убить благосостояніе городского [1]. Въ Восточной имперіи это зло доходило въ послѣднее время до такой степени, что нѣкоторые изъ куріаловъ нарочно не вступали въ бракъ, чтобы не оставить отъ себя наслѣдниковъ куріи. Городскимъ общинамъ въ Италіи угрожала не лучшая участь: ибо Юстиніанъ еще болѣе ограничилъ и безъ того стѣснительныя положенія о куріалахъ. До сего времени куріалъ обязывался завѣщать куріи четвертую часть своего имущества; по положенію Юстиніана, только четвертою частію могъ онъ располагать по своему усмотрѣнію, предоставляя три остальныя въ распоряженіе куріи, и т. п. Не уйти было теперь Италіи и отъ другого зла: это разорительная система налоговъ, достигшая въ имперіи въ VI вѣкѣ своей крайности. Упрекъ въ этомъ не падаетъ прямо на Юстиніана: вина лежала въ трудныхъ обстоятельствахъ имперіи, въ большихъ денежныхъ требованіяхъ, наконецъ въ дурномъ финансовомъ управленіи [2]. Юстиніанъ, если бы и хотѣлъ, не могъ прекратить зла. Довольно, что онъ прекратилъ самую вопіющую несправедливость, отмѣнивъ vindices, то-есть откупщиковъ государственныхъ податей, установленныхъ Анастасіемъ, которые, какъ саранча, разсыпались по всей странѣ и выжимали послѣдній сокъ изъ народонаселенія, и безъ того уже истощеннаго [3]. Но Юстиніану самому нуженъ былъ, такъ сказать, постоянный приливъ денежныхъ средствъ, чтобы удовлетворить страсти къ роскоши и расточительности. Къ несчастію, супруга императора, Ѳеодора, была подвержена этой страсти еще въ большей степени, и, изъ угожденія ей, Юстиніанъ жертвовалъ иногда даже преданными ему людьми. Волею или неволею, онъ долженъ былъ поддерживать прежнюю обременительную систему и сохранить нѣкоторые вовсе произвольные налоги [4], не говоря уже о продажѣ, только что не публичной, должностей и чиновъ, которая про-

---

[1]) Ср. Hegel I, 131—133.—[2]) Ср. Gibb. гл. 40.—[3]) Hegel, ibid. Prag. S. § 9.—[4]) *Какъ напримѣръ налогъ на* „воздухъ". См. Gibb. ibid.

изводилась при самомъ дворѣ не безъ согласія Ѳеодоры. Почему бы все это лучше отозвалось въ Италіи, чѣмъ напримѣръ въ Африкѣ?

Классъ, стоявшій во главѣ послѣдняго движенія въ Италіи, выигрывалъ всего болѣе отъ новой политической перемѣны. Этотъ классъ былъ, какъ извѣстно, католическое духовенство, которое питало особенно враждебное чувство къ готскому аріанизму и всего болѣе содѣйствовало къ тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италіи съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ также чисто политическій характеръ. Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ послѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ въ особенности, гораздо больше дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, всего болѣе городовое управленіе, нежели сколько это могло лежать въ ея видахъ. Почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, изгибало, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая, духовная аристократія становилась на его мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигаясь впередъ своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконивало то, что̀ уже вошло въ порядокъ вещей. Уступки, дѣлаемыя новеллами епископскому авторитету, почти заставляютъ забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой имперіи. Не довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ defensor и pater civitatis (quinquennalis) [1]): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые подъ именемъ судей, iudices, поставлялись надъ цѣлою областію. Наконецъ епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самыя отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору [2]). Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право об-

[1]) Novel. 128: sed cujusque urbis sanctissimus episcopus et *primores civitatis*...— [2]) См. Hegel, p. 141.

щаго надзора за нравами,—право, котораго нисколько не думало оспаривать у него гражданское законодательство.

Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ какого высокаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи? Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его умѣлъ уже соединить дѣло своего духовнаго престола съ дѣломъ народнымъ, гдѣ онъ давно уже составлялъ центръ и душу народныхъ движеній, гдѣ онъ былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ наконецъ въ его рукахъ сосредоточивалось все управленіе обширными патримоніями римской церкви и все вліяніе, необходимо соединенное съ этимъ управленіемъ? Далеко пошелъ бы тотъ, кто искусною и дѣятельною рукою взялся бы за это полномочіе.

Одно еще могло бы задержать развитіе этой вновь зарождавшейся власти: это соприсутствіе въ одномъ и томъ же пунктѣ дѣятельности другого лица, облеченнаго также высокою властію и сверхъ того пользующагося особеннымъ довѣріемъ императора. Такимъ лицомъ естественно могъ быть глава всего военнаго и гражданскаго управленія Италіи, ея патрицій или экзархъ. Его собственныя выгоды потребовали бы не допустить усилиться власти, отъ которой онъ не могъ ничего болѣе ожидать себѣ, кромѣ непріятнаго совмѣстничества. Но правительство, въ рукахъ котораго тогда находилась Италія, въ упоеніи отъ своихъ военныхъ успѣховъ, вовсе не показало себя прозорливымъ; благоразуміе не внушило ему даже самой простой осторожности: привыкнувъ смотрѣть на Римъ какъ на добычу варваровъ, и какъ-будто не подозрѣвая присутствія въ немъ новой жизни, правительство константинопольское не удостоило его даже чести быть резиденціею высшей мѣстной власти; оно больше думало о Равеннѣ и по обычаю назначило этотъ городъ мѣстопребываніемъ своего намѣстника. Промахъ огромный, котораго слѣдствія неизмѣримы.

Мы пока предложимъ одинъ вопросъ: что бы произошло, если бы разстояніе, отдѣлявшее равеннскую власть отъ римской, какимъ ни есть постороннимъ вмѣшательствомъ увеличилось вдвое?

IV.

Новый характеръ отношеній между римлянами и Восточною имперіею. Нашествіе лангобардовъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ имперіею. Предѣлы новаго завоеванія.

Отношенія значительно измѣнились. Исчезли столько ненавистные римлянамъ аріане-готы, и вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась потребность защиты противъ нихъ. Антипатіямъ не было больше мѣста, и самыя симпатіи, которыя прежде такъ охотно обращались къ Константинополю, также должны были потерять много прежней горячности. Главный интересъ для нихъ былъ потерянъ, наступало время равнодушія. Но въ такомъ состояніи нѣтъ ничего вѣрнаго: въ политическихъ отношеніяхъ равнодушіе есть часто только переходъ изъ одного состоянія въ противоположное. Отнявъ у готовъ Италію, восточные римляне сами не оставили страны: они остались въ ней полными господами, въ нѣкоторомъ смыслѣ они замѣнили для Италіи готовъ. Положеніе ихъ по отношенію къ настоящимъ римлянамъ было мало выгоднѣе готскаго: правда, что они были ближе къ туземцамъ единствомъ вѣры, но за то владычество ихъ наступило гораздо позже. Именно въ сопротивленіи готамъ римляне положили начало своему возрожденію къ новой политической жизни; въ борьбѣ съ готскимъ аріанизмомъ особенно поднялся и политическій характеръ римскаго епископа. Нововведенное устройство, по недоразумѣнію или по необходимости, лишь благопріятствовало возрастанію этого учрежденія. Еще хорошо, пока восточные римляне не разошлись далеко съ настоящими ни по языку, ни по обычаямъ, ни по характеру учрежденій. Но чего должно ожидать, когда намѣстники, высылаемые для управленія Италіею изъ Константинополя, заговорятъ, напримѣръ, иною рѣчью, когда утратится столько необходимое единство языка между правителями и подданными?

Къ тому же новое владычество было вовсе не такого рода, чтобы изъ какихъ-нибудь тонкихъ приличій не захотѣло тотчасъ же дать почувствовать себя своимъ подвластнымъ. Напротивъ, оно дало знать себя римлянамъ еще гораздо прежде, чѣмъ кончилось самое завоеваніе. Это случилось во время перваго пребыванія Велисарія въ Римѣ (537) [1]. И надобно же было, чтобы первый, кому пришлось испытать на себѣ всю тяжесть новой власти, былъ тотъ самый епископъ Сильверій, который, по показанію Прокопія, всѣхъ болѣе содѣйствовалъ къ тому, чтобы римляне отворили Велисарію ворота города [2].

Дѣло возникло изъ-за одного каприза Ѳеодоры. Она не могла забыть низложенія еретическаго епископа Антимія, которое, противъ ея желанія, сдѣлано было по настоянію римскаго епископа Агапета [3]. Чтобы поправить дѣло, нужно было согласіе новаго епископа, а вынудить это согласіе, казалось, уже не трудно, послѣ того какъ завоеваніе Италіи такъ блестяще начато было Велисаріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ѳеодора не замедлила открыть переговоры съ Сильверіемъ; Юстиніанъ или вовсе не зналъ объ этомъ дѣлѣ, что́ впрочемъ не довольно вѣроятно, или, какъ это случалось нерѣдко, покорился прихоти своей своенравной супруги. Сильверій отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Страсть сильнѣе заговорила въ Ѳеодорѣ. Оскорбленная отказомъ, она теперь хотѣла уже не возстановленія только Антимія, но и низложенія Сильверія. Между клиромъ римскимъ нашелся человѣкъ, который за разныя обѣщанія согласился потворствовать ея видамъ [4]. Это былъ архидіаконъ Вигилій, человѣкъ готовый изъ видовъ перемѣнить свои убѣжденія. Условившись съ нимъ, Ѳеодора отправила къ Велисарію приказъ взвести на Сильверія какія-либо обвиненія и поступить съ нимъ какъ слѣдовало бы съ виновнымъ [5]. Велисарій не смѣлъ ослушаться всемощной императрицы, для которой правой рукою служила еще въ самой Италіи не менѣе знаменитая Антонина, сопровождавшая Велисарія въ италіанскомъ походѣ. За обвинителями дѣло не стало. Они пока-

[1]) См. Murat. Ann. ad an. 537. — [2]) См. Procop. de bello Goth. 1, 14.— [3]) См. Anastas. Bibl. in vita Silverii. Другое свидѣтельство о томъ же дѣлѣ въ Brev. Diac. Liberati.—[4]) По свидѣтельству Либерата (Murat. Ann. ad an. 537) Вигилію обѣщано папство и значительная сумма денегъ, за что онъ, кромѣ признанія Антимія, долженъ былъ еще отвергнуть рѣшеніе халкедонскаго собора. Вальхъ, Hist. der Ketzer, VIII, 51, положительно утверждаетъ, что изъ угожденія Ѳеодорѣ онъ прямо принялъ ученіе монофизитовъ (Ср. еще р. 134).— [5]) Таковъ по крайней мѣрѣ разсказъ Анастасія: vade aliquas occasiones in Silverium papam, et depone illum ab episcopatu, aut certe festinus transmitte eum ad nos.

зали, будто Сильверій сносился съ Витигисомъ, который тогда осаждалъ Римъ, и вызывался предать ему городъ. Судъ былъ короткій. По приказанію Велисарія, обвиненный долженъ былъ явиться въ его дворецъ, гдѣ собрано было все духовенство. Антонина возлежала на своемъ патриціанскомъ ложѣ, Велисарій сидѣлъ у ея ногъ. „Скажи намъ, епископъ Сильверій"— начала она—„что̀ сдѣлали мы тебѣ и римлянамъ, что ты хочешь предать насъ въ руки готовъ?" Еще епископъ не кончилъ своего отвѣта на такое дерзкое обвиненіе, какъ съ него совлекли насильственною рукою епископскія одежды и вывели изъ собранія. Безъ дальнѣйшаго суда, Сильверій былъ потомъ заключенъ въ монастырь, и Вигилій занялъ его мѣсто.

Преемникъ Сильверія не могъ ожидать себѣ лучшей участи потому только, что на первый разъ показалъ себя послушнымъ рабомъ прихотей константинопольскаго двора. Тогда онъ былъ только архидіаконъ, искатель епископскаго престола: теперь онъ самъ заступилъ мѣсто низложеннаго Сильверія, теперь онъ самъ могъ сдѣлаться предметомъ интриги или жертвою совмѣстничества. Восточные римляне продолжали болѣе и болѣе утверждаться въ Италіи, столкновеніе было неизбѣжно. Оно наконецъ случилось. Къ несчастію, Вигилію недоставало если не характера, то постоянныхъ, крѣпкихъ убѣжденій; на поведеніи его скоро отразилось, чему обязанъ былъ онъ своимъ возвышеніемъ; вообще Вигилій болѣе занятъ былъ своими внѣшними отношеніями, чѣмъ достоинствомъ своего сана (это пришло къ нему позднѣе и совсѣмъ не во-время)— и поставилъ себя въ самое фальшивое положеніе.

Открылось же дѣло по поводу одного стараго церковнаго вопроса, который возникъ въ первый разъ еще на халкедонскомъ соборѣ, и былъ снова поднятъ при Юстиніанѣ. Это былъ столько знаменитый въ свое время вопросъ о такъ называемыхъ „трехъ главахъ", или трехъ пунктахъ ученія. Подъ этимъ именемъ разумѣли мнѣнія и писанія трехъ епископовъ, на которыхъ лежалъ упрекъ въ наклонности къ несторіанизму, и которые однако находили себѣ множество приверженцевъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ [1]). Юстиніанъ, вѣрный

---

[1]) См. Gieseler, I, § 103: τρία κεφάλαια, tria capitula. Именемъ „трехъ главъ" означались сочиненія и ученіе трехъ лицъ: Өеодора Мопсвестійскаго (in Mopsvestia), Өеодорита Цирскаго (Cyrrum) и Ибаса Эдесскаго. (См. также Walch, Ketzerhist. VIII, 5). На нихъ лежалъ упрекъ въ наклонности къ несторіанизму. Тѣхъ, которые принимали это ученіе, называли „кефалитами", а противниковъ *его—„акефалами."*

своимъ государственнымъ стремленіямъ, хотѣлъ, во что бы то ни стало, единства спорющихъ сторонъ. Этого можно было достигнуть не иначе, какъ склонивъ перевѣсъ на одну сторону. Собственныя убѣжденія Юстиніана вовсе не были столько чисты и опредѣленны, чтобы онъ могъ рѣшить безошибочно, какой сторонѣ долженъ принадлежать его голосъ; въ подобныхъ случаяхъ онъ обыкновенно состоялъ подъ вліяніемъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, и по счастію, на этотъ разъ внушенія одного епископа, хотя впрочемъ горячаго оригениста, склонили его на сторону правовѣрія, которое не признавало ученія „трехъ главъ“ [1]. Юстиніанъ также объявилъ себя противъ этого ученія и его послѣдователей. Императорскимъ эдиктомъ, котораго авторомъ, какъ полагаютъ, былъ самъ Юстиніанъ, ученіе кефалитовъ было предано анаѳемѣ [2]. Чтобы эдиктъ имѣлъ полную силу и на Западѣ, особенно въ Италіи, нужно было согласіе римскаго епископа [3]. Вигилій еще прежде далъ согласіе на осужденіе „трехъ главъ“: это было даже одно изъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя, по требованію Ѳеодоры, при вступленіи на римскій престолъ. А между тѣмъ нигдѣ не находилось столько приверженцевъ „трехъ главъ“, какъ между западнымъ духовенствомъ, всего болѣе въ Римѣ и въ Африкѣ [4]. Общественное мнѣніе въ Италіи также было на ихъ сторонѣ. Вигилій такимъ образомъ былъ поставленъ между двумя огнями: съ одной стороны общественное мнѣніе въ Италіи, съ другой—воля Юстиніана и Ѳеодоры. Убѣжденіе, мы знаемъ, стоило ему не дорого, но онъ боялся потерять расположеніе римлянъ, западнаго духовенства вообще, и медлилъ отвѣтомъ на требованіе императора. Замѣтивъ нерѣшительность Вигилія, Юстиніанъ вызвалъ его въ Константинополь [5]. Тамъ, передъ лицомъ высшей власти и, можно сказать, въ рукахъ ея, епископъ по-

---

1) Въ Brev. Diac. Liber. (см. у Walch, Ketzerhist. VIII, p. 110). По словамъ Либерата, Юстиніанъ самъ хотѣлъ сначала писать противъ акефаловъ, и слѣдовательно въ защиту „трехъ главъ.“—2) Walch, VIII p. 62 и 152.—3) Впрочемъ въ самомъ Константинополѣ епископъ Менна объявилъ, что онъ готовъ повиноваться эдикту, но съ условіемъ, если на него будетъ согласіе римскаго епископа. Ibid. p. 155. — 4) О согласіи Вигилія не противорѣчить осужденію „трехъ главъ“ свидѣтельство Виктора Тунунскаго см. у Walch, VIII, 134. О послѣдователяхъ того же ученія на Западѣ свидѣтельство Факунда, епископа герміанскаго, ibid. p. 122 — 127. — 5) По словамъ Анастасія ((in vita Vigilii) онъ былъ привезенъ по приказанію Ѳеодоры.: Прокопій говоритъ только о призваніи. Впрочемъ, если при этомъ не было насилія, то едва ли была добрая воля *Вигилія на то, чтобы* ѣхать въ Константинополь. Ср. Murat. Ann. ad an. 545.

чувствовалъ болѣе, нежели когда-нибудь, что онъ — созданіе Ѳеодоры: онъ не колебался болѣе и подписалъ осужденіе „трехъ главъ“,—подъ условіемъ впрочемъ, чтобы согласіе его оставалось тайною. Такъ непрямо и нерѣшительно дѣйствовалъ Вигилій.

Ученіе, подписанное Вигиліемъ, хотя правовѣрное, впрочемъ въ то время еще не было подтверждено вселенскимъ соборомъ [1]). И потому не удивительно, что достоинство его для многихъ казалось еще сомнительнымъ. Тайна Вигилія, разумѣется, скоро стала извѣстна всему свѣту. Въ Римѣ, въ Иллиріи, въ Африкѣ поступокъ римскаго епископа нашелъ себѣ очень многихъ порицателей; они говорили, что Вигилій не оправдалъ ихъ надеждъ, и осыпали его укоризнами. На мѣстномъ константинопольскомъ соборѣ, собранномъ Менною, котораго Ѳеодора успѣла примирить съ римскимъ епископомъ, Вигилій также встрѣтилъ сильныя противорѣчія. Наконецъ возстали противъ него ближайшіе къ нему люди, которые составляли его свиту. Къ тому же подоспѣла смерть Ѳеодоры (548). Вигилій снова поколебался, и когда въ Африкѣ, на карѳагенскомъ соборѣ, произнесено было отлученіе его отъ церкви, онъ обнаружилъ намѣреніе взять назадъ свое прежнее рѣшеніе. Но голосъ римскаго епископа былъ дорогъ для Юстиніана: онъ боялся потерять вмѣстѣ съ нимъ и самый Римъ. Еще на нѣкоторое время обязали Вигилія клятвою не отступать отъ своего перваго сужденія, и эта клятва также должна была оставаться тайною [2]). Между тѣмъ споръ между приверженцами „трехъ главъ“ и ихъ противниками разгорячался болѣе и болѣе. Эдиктъ далеко не достигалъ своей цѣли; Юстиніанъ почувствовалъ тогда необходимость прибѣгнуть къ церковному авторитету, и созвалъ епископовъ на пятый вселенскій соборъ (551). Прибытіе въ Константинополь африканскихъ епископовъ, самыхъ упорныхъ защитниковъ „трехъ главъ“, ободрило Вигилія. Приглашенный императоромъ подписать второй эдиктъ, который былъ лишь подтвержденіемъ перваго, Вигилій отказалъ въ своемъ согласіи и объявилъ, что онъ произноситъ отлученіе надъ всѣми, кто окажетъ повиновеніе новому эдикту.

Нѣтъ нужды говорить, что поведеніе Вигилія не заслуживало никакого одобренія: оно было шатко, измѣнчиво, какъ

---

1) На халкедонскомъ соборѣ изъ трехъ спорныхъ сочиненій два получили даже одобреніе. См. Giesel. I, 525.—2) Walch, VIII, p. 192.

и слѣдовало ожидать отъ человѣка, который не имѣлъ прочныхъ убѣжденій, и только интригѣ, не избранію народному, обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Но и мѣры, принятыя потомъ Юстиніаномъ, чтобы вынудить у Вигилія согласіе, едва ли болѣе безукоризненны.

Въ негодованіи на Вигилія, Юстиніанъ тотчасъ далъ приказъ задержать его [1]). Вигилій однако былъ предупрежденъ и искалъ себѣ убѣжища въ одной церкви. Тогда императоръ послалъ нѣсколько вооруженныхъ людей, приказавъ имъ силою исторгнуть непокорнаго епископа изъ его убѣжища. Но Вигилій не думалъ сдаваться, и когда его стали силою тащить изъ церкви, онъ въ порывѣ отчаянія схватился за столбы, которые, вѣроятно, поддерживали сѣнь надъ алтаремъ [2]). Стража удвоила свои усилія, но Вигилій продолжалъ сопротивляться, такъ что наконецъ столбы, за которые онъ держался, опрокинулись вмѣстѣ съ нимъ. Въ церкви произошло сильное смятеніе, и стража должна была удалиться, не исполнивъ своего порученія. Дѣло огласилось на весь городъ, и Юстиніанъ не рѣшился болѣе прибѣгать къ насилію. Онъ даже далъ Вигилію письменное обѣщаніе не дѣлать ему никакого зла, если только онъ согласится оставить церковь. Но едва только Вигилій, положившись на это обѣщаніе, оставилъ свое убѣжище, какъ къ дому его была приставлена стража, и онъ, чтобы избѣжать новыхъ притѣсненій, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Халкедонъ [3]).

Вигилія едва ли сколько-нибудь уважали самые римляне: но здѣсь важно не столько самое лицо, сколько постъ, имъ занимаемый, его значеніе политическое. Явленіе не совсѣмъ рѣдкое въ исторіи, что общественное положеніе лица, интересы, имъ представляемые, заставляютъ забывать нѣкоторые недостатки его личнаго характера. Въ лицѣ Вигилія не могли не быть оскорблены и сами римляне, которыхъ интересы онъ представлялъ при константинопольскомъ дворѣ. Политическій характеръ римскихъ епископовъ успѣлъ уже довольно опредѣлиться: онъ былъ главнымъ и первымъ органомъ всѣхъ политическихъ стремленій, которыя тогда вновь возникали между римлянами. Притомъ новые повелители Италіи очень мало смотрѣли на нравственныя свойства лица, занимавшаго римскій престолъ: для нихъ точно такъ же ничего не стоило низло-

---

[1]) Ibid. VIII, p. 204. Theoph. Chron. ad an. 539.—[2]) У Θеофана: *ὁ δὲ κατέσχεν τοὺς βαστάζοντας τὸ θυσιαστήριον κίονας.*—[3]) Walch, p. 208.

жить Сильверія, какъ и преслѣдовать Вигилія. Чего могли ждать римляне для себя собственно, когда тотъ, кому общественное мнѣніе въ Италіи придало уже такой высокій политическій характеръ, могъ такъ легко подвергнуться, почти безъ всякой формы суда, не только преслѣдованію, но даже и совершенному низложенію?

Тогда, конечно, время еще было вовсе неблагопріятно для того, чтобы римляне явно могли выразить свое негодованіе или свое неудовольствіе, чтобы даже могли много заняться константинопольскими событіями по поводу „трехъ главъ". Италія еще продолжала быть спорною страною между готами и восточными римлянами; самый Римъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Но память о тѣхъ событіяхъ не могла совершенно потеряться даже среди самаго смутнаго времени; впечатлѣніе, ими произведенное, должно было отозваться при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ. Впрочемъ уже смерть Вигилія подала поводъ народному неудовольствію выразиться довольно открыто, хотя не совсѣмъ прямымъ образомъ. Вигилій умеръ въ Сиракузахъ, на возвратномъ пути изъ Константинополя. Еще за нѣсколько времени до смерти Вигилія Юстиніанъ выразилъ свое желаніе, чтобы преемникомъ ему на римскомъ престолѣ былъ архидіаконъ Пелагій [1]). Это желаніе было вмѣстѣ приказаніемъ, которое тѣмъ легче было исполнить, что вся Италія была уже во власти Нарсеза. Пелагій дѣйствительно занялъ римскій престолъ. Что дѣло обошлось безъ настоящаго выбора, видно изъ того, что съ трудомъ нашлось нѣсколько епископовъ, которые совершили надъ Пелагіемъ обрядъ постановленія [2]). Но тѣмъ еще дѣло не кончилось. Значительная часть духовенства и гражданъ совершенно отложились отъ новопоставленнаго епископа, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не совсѣмъ чистъ въ смерти своего предшественника. Обвиненіе тѣмъ болѣе странное, что Вигилій умеръ отъ естественной болѣзни, и что было время, когда римляне, провожая его изъ Рима, бросали вслѣдъ ему каменьями и напутствовали бранью [3]). Откуда же вдругъ такое участіе къ Вигилію? Ясно, что римляне смотрѣли на него какъ на жертву новой власти, повелѣвавшей Италіею, и хотѣли выместить свое наудовольствіе на томъ, кто этой самой власти одолженъ былъ своимъ возвышеніемъ на престолъ. Какъ ни сильны были покровители

[1]) Murat. Ann. ad an. 555.—[2]) Anastas. in vita Pelagii.—[3]) Id. in vita Vigilii.

Пелагія, однако положеніе его среди недовольнаго народа оказалось очень затруднительно, такъ что онъ наконецъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ крайнему средству: по совѣту Нарсеза, вышедши съ крестомъ и евангеліемъ въ рукѣ на амвонъ въ церкви Св. Петра, онъ далъ клятву передъ всѣмъ народомъ, что не имѣлъ никакого злого умысла противъ Вигилія. Это значило „умыть руки" не только въ смерти Вигилія, но и во всемъ томъ, что сдѣлано было съ нимъ въ Константинополѣ. Лишь послѣ такого объявленія народъ успокоился [1].

Мы съ нѣкоторымъ вниманіемъ остановились на исторіи Вигилія, потому что видимъ въ ней, такъ сказать, первую пробу тѣхъ отношеній, которыя необходимо должны были возникнуть изъ подчиненія Италіи подъ власть Восточной имперіи. На первый разъ дѣло обошлось довольно мирно, безъ важныхъ послѣдствій, потому что, съ одной стороны по крайней мѣрѣ, не могло еще быть сильнаго противодѣйствія, и потому что война съ готами еще не приведена была къ окончанію. Но и потомъ, когда готы были побѣждены и остатки ихъ изгнаны изъ Италіи, раздоръ съ новою властью былъ почти такъ же мало возможенъ, какъ и во время войны восточныхъ римлянъ съ готами. Не потому только, что Италіею управляла та же крѣпкая рука Нарсеза, ея завоевателя; даже и не потому, что далеко не кончилось образованіе новой италіанской національности, которая бы могла взять на себя освобожденіе родной страны отъ чужой власти: но потому главнымъ образомъ, что Италія, освободившись отъ готовъ, вовсе не избавилась отъ опасности, которая постоянно угрожала ей со стороны варварскаго сѣвера, и противъ которой въ послѣднее время она должна была искать себѣ защиты восточнаго императора.

Силы варварскаго міра были неистощимы. Готы были лишь передовой его народъ, которому судьба назначила незавидную роль — первому вступить цѣлою массою на старую римскою почву, чтобы тамъ найти себѣ преждевременную могилу. Самое истребленіе готовъ открывало пустоту въ передовыхъ рядахъ варварскихъ народовъ и приглашало тѣхъ, которые слѣдовали за ними въ ближайшемъ разстояніи, занять

---

[1]) Слѣды церковнаго раздѣленія въ Италіи ученіемъ „трехъ главъ" остаются замѣтны даже еще въ 1-й половинѣ VII вѣка. См. письма Григорія Великаго къ Теоделиндѣ лангобардской и къ нѣкоторымъ епископамъ сѣверной Италіи. *См. также Murat. Ann.* ad an. 638.

ихъ упразднившіяся мѣста. Всего менѣе должно представлять варварскіе народы изолированными, разъединенными одинъ отъ другого. Даже когда одному изъ нихъ удавалось завоеваніе на римской почвѣ, онъ не переставалъ быть въ частыхъ соотношеніяхъ съ другими своими соотечественниками, даже съ тѣми, которые еще лежали въ глубинѣ Германіи. Дитрихъ или Теодерихъ было народное имя не у однихъ только готовъ: его славили и другіе германскіе народы, къ нему слали посольства гепиды, лангобарды, алеманны; его дружбы, его покровительства заискивали многіе германскіе шефы. Все, что дѣлалось внутри предѣловъ готскаго владычества, передавалось потомъ молвою въ отдаленные края Германіи. Паденіе готовъ, народа столько доблестнаго, должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на многихъ; но оно же должно было осмѣлить ближайшихъ ихъ сосѣдей на новое нападеніе на Италію. Римская земля была въ глазахъ варваровъ родъ общаго наслѣдства, которое преемственно переходило отъ одного изъ нихъ къ другому.

Изъ варварскихъ народовъ, которые еще находились въ порѣ движенія, еще не успѣли усѣсться на прочныхъ мѣстахъ, ближайшій къ Италіи и вмѣстѣ самый воинственный были лангобарды. Птоломей зналъ ихъ еще на нижней Эльбѣ [1]). Никогда не славясь числомъ, лангобарды рано составили себѣ имя своимъ упорнымъ, несокрушимымъ мужествомъ, съ которымъ отражали удары народовъ болѣе сильныхъ [2]). Веллей говоритъ о нихъ, что даже между германцами отличаются они дикою воинскою свирѣпостію, gens etiam Germana feritate ferocior. Они охотно мѣшались во внутреннія дѣла стараго херусскаго союза, они бились съ херуссками противъ Марбода. Если не цѣлый народъ, то одна изъ дружинъ лангобардскихъ участвовала и въ войнѣ маркоманской [3]). Большое движеніе готскихъ народовъ съ сѣвера на югъ и востокъ заслоняетъ на время имя лангобардовъ отъ глазъ исторіи. Но тогда же духъ движенія и въ нихъ пробудился съ новою силою; вслѣдъ за другими и они потянулись искать себѣ новыхъ жилищъ. Страна за Эльбою, по восточному ея берегу, лежала вѣроятно открытою передъ ними: по удаленіи готовъ, они заняли ее, но не остановились здѣсь. Не легко удовлетворялась германская

---

1) Zeuss, Die deutschen u. d. Nachbarstämme, p. 109, 110. — 2) Tac. Germ. 40. — Полусказочныя извѣстія о выселеніи лангобардовъ изъ Скандинавіи см. у Paul. Diac. *L. 1.* — 3) *Zeuss,* p. 471.

жадность землевладѣнія. Выступивъ разъ изъ своихъ жилищъ, они потомъ не умѣли удержать себя, не знали гдѣ остановиться. Паденіе царства гунновъ открывало имъ еще болѣе простора. Встрѣченные на пути болгары были отражены съ успѣхомъ [1]). Когда потомъ, вслѣдствіе побѣдъ Одоакра, ругіи большею частію покинули свои земли, лангобарды, вытѣснивъ остальныхъ, сами заняли ихъ мѣста (въ австрійской маркѣ), но всего болѣе распространились въ Панноніи по сѣвернымъ частямъ Тейса [2]). Здѣсь опять узнали о нихъ римляне, но и къ лангобардамъ чаще стала доходить молва о римлянахъ, ихъ благословенныхъ земляхъ и неистощимыхъ богатствахъ: приманка, противъ которой не могъ устоять почти ни одинъ варварскій народъ. Еще путь не только къ Италіи, но даже къ Дунаю заслоняли лангобардамъ герулы и гепиды: но они лишь на самое малое время могли остановить неудержимыя стремленія своихъ новыхъ сосѣдей къ югу. Герулы сами накликали на себя бѣду. Не довольствуясь данью, которую соглашались платить имъ лангобарды, вѣроятно за паннонскія земли, они потянулись отъ Истра къ верховьямъ Тейса, въ намѣреніи сокрушить силы своихъ данниковъ [3]). Но испытанное мужество лангобардовъ выдержало ударъ: въ битвѣ палъ король геруловъ, Родульфъ, и большая часть ополченія. Остатки геруловъ должны были искать убѣжища у гепидовъ. Трудно было и гепидамъ ужиться въ мирѣ съ лангобардами. Тѣ и другіе были горды своими народными воспоминаніями. Восточная имперія заранѣе подавала руку лангобардамъ, чтобы имѣть въ нихъ союзниковъ себѣ противъ гепидовъ [4]). Вражда между двумя народами началась еще при Авдоинѣ, окончательно разрѣшилась при его преемникѣ.

Воинственный геній народа нашелъ себѣ въ Альбоинѣ достойнаго представителя. Новыя судьбы готовились лангобардамъ подъ крѣпкою рукою новаго вождя. Своимъ предпріимчивымъ духомъ, своею неустрашимостію еще при жизни отца составилъ онъ себѣ громкое имя [5]). Старая вражда двухъ народовъ получила себѣ новую пищу въ соперничествѣ Альбоина съ новымъ королемъ гепидовъ Кунимундомъ. Когда Юстинъ II отказался помогать лангобардамъ, Альбоинъ вступилъ въ союзъ съ своими восточными сосѣдями, аварами.

[1]) Paul. Diac. 1, 17.—[2]) Zeuss, 473.—[3]) Procop. II, 14. Иначе разсказываетъ Paul. Diac. 1, 20.—[4]) Procop. III, 34, IV, 18, 25.—[5]) О побѣдѣ его надъ гепидами при Авдоинѣ см. Paul. Diac. 1, 23, и о пребываніи его у гепидовъ *ibid. c. 24.*

По свидѣтельству Менандра, онъ напередъ уступалъ имъ завоеванную землю, только бы устроить погибель гепидамъ. Отчаянное сопротивленіе оказалось безплодно передъ соединенными силами двухъ народовъ. Кунимундъ думалъ напередъ отразить лангобардовъ, но въ кровавой сѣчѣ съ ними палъ самъ, и вмѣстѣ съ нимъ—почти все его ополченіе, такъ что Альбоинъ могъ послѣ располагать рукою дочери его Розамунды [1]. Побѣда, одержанная лангобардами, облегчила аварамъ занятіе земель гепидовъ. Съ того времени этотъ мужественный народъ потерялъ всякую самостоятельность: одна часть ихъ оставалась подъ властію лангобардовъ, другіе „стенали" подъ игомъ аваровъ.

Съ покореніемъ гепидовъ уничтожалась послѣдняя преграда, закрывавшая лангобардамъ путь въ Италію. Предполагать ли въ народѣ воинственномъ, безпокойномъ, еще не знавшемъ приверженности къ одной землѣ, столько умѣренности, что новое завоеваніе совершенно удовлетворило бы ихъ хищническимъ наклонностямъ? Однако занятіе земель въ Панноніи [2] не удовлетворило ихъ даже настолько, чтобы они рѣшились ждать, когда гепиды, подобно ругіямъ, столько ослабѣютъ, что овладѣть ихъ землями послѣ того не стоило бы большого труда; напротивъ, лангобарды были такъ нетерпѣливы, что не посмотрѣли даже на неравенство силъ и лучше рѣшились прибѣгнуть къ посторонней помощи, чѣмъ выжидать всего отъ времени. Думать ли, что предпріимчивый духъ Альбоина могъ остановиться на первомъ предпріятіи, особенно когда оно кончилось полнымъ успѣхомъ? Но въ этомъ было бы явное противорѣчіе. Только тогда успокоивались всѣ варварскіе завоеватели, когда они становились на настоящую римскую почву. Италія притягивала къ себѣ варваровъ на разстояніи болѣе отдаленномъ: какимъ образомъ потерялъ бы ее изъ виду народъ столько близкій къ ней и еще ничѣмъ не умѣвшій ограничивать своихъ желаній? Наконецъ эти готы, только что предъ тѣмъ истребленные восточными римлянами, были народъ, родственный лангобардамъ; великое имя Теодериха было громко между всѣми германскими наро-

---

[1] Paul. Diac. 1, 27. Ср. извѣстіе Менандра Протектора (у Labbe, Corp. Hist. Bysant. p. 110 et seq.), который впрочемъ не упоминаетъ о побѣдѣ лангобардовъ.—По Муратори, Ann. ad an. 556, эта битва случилась въ упомянутомъ году.—[2] По Муратори, Ann. ad an. 568, лангобарды занимали, кромѣ Панноніи, Норику, Австрію по правую сторону Дуная, Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль и можетъ-быть часть Баваріи.

дами [1]). Вырвать Италію изъ рукъ византійцевъ не значило ли нѣкоторымъ образомъ для Альбоина отмстить имъ за истребленіе родственнаго народа?

Что имя Нарсеза нисколько не было грозно для германцевъ, жившихъ внѣ Италіи, доказательствомъ служитъ смѣлое предпріятіе двухъ алеманнскихъ шефовъ, Букселина и Лейтариса [2]), которое уже послѣ побѣдъ Нарсеза надъ Тотилой и Тейсомъ, собравши ополченіе изъ алеманновъ и франковъ, задумали покорить Италію. Они успѣли проникнуть даже въ южную Италію, но вскорѣ потомъ нашли себѣ пораженіе и смерть. Но когда у Нарсеза не оставалось болѣе ни одного явнаго врага въ Италіи, и онъ, въ качествѣ императорскаго намѣстника, перенесъ всю свою дѣятельность на внутреннее управленіе покореннаго края, тогда оказалась еще новая сторона, на которую могли разсчитывать люди предпріимчивые, не терявшіе изъ виду Италіи. Нарсезъ умѣлъ держать власть въ своихъ рукахъ какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ; первые почувствовали силу этой власти готы, теперь же вся тяжесть падала на самихъ римлянъ. Всякое произвольное отступленіе отъ предписаній намѣстника наказывалось, несмотря на лица, со всею строгостію. Такъ одинъ непокорный епископъ былъ имъ смѣненъ и безъ дальнѣйшаго суда отправленъ въ Сицилію на изгнаніе [3]). Римляне были уже не въ томъ страдательномъ состояніи, чтобы безмолвно и безропотно сносить насилія власти, которую они не могли признать своею, національною: они возненавидѣли Нарсеза. Ненависть ихъ выразилась даже гласно: не имѣя никакихъ средствъ сопротивляться Нарсезу, они прибѣгли къ императорской власти и у ней искали себѣ защиты противъ намѣстника. „Ужъ лучше бы намъ повиноваться готамъ, чѣмъ грекамъ", говорили послы римскіе Юстину II: „мы выиграли то, что нами управляетъ эвнухъ Нарсезъ и поступаетъ съ нами какъ съ рабами" [4]). Слова сильныя, не безъ примѣси

---

[1]) См. у Ducange, Rer. Franc. 1. Append., письмо Ницеція (Nicetius), епископа трирскаго, къ Альбоину (увѣщаніе, чтобы онъ отрекся отъ аріанства), гдѣ между прочимъ лангобарды называются готами. Объ Альбоинѣ говорится такъ: Stupentes sumus, quum gentes illum tremunt, quum reges venerationem impendunt, quum potestates sine cessatione laudant, quum etiam ipse imperator ipsum praeponit, quod animae remedium non festinus requiret.—[2]) Объ этомъ говорятъ Павелъ Діаконъ и Прокопій; но обстоятельнѣе всѣхъ излагаетъ дѣло Агатій. Lib. I—II.—[3]) Paul. Diac. 11, 4. Ср. Murat. Ann. ad an. 567.—[4]) Paul. Diac. II, c. 5: Igitur deleta, vel superata Narses omni Gothorum gente, Hunnis quoque pars modo devictis—magnam a Romanis invidiam pertulit (contraxit), qui contra

горькой ироніи: въ нихъ очень ясно высказался тотъ поворотъ, который уже произошелъ въ сознаніи римлянъ не въ пользу грековъ. Прося избавить римлянъ отъ такого притѣсненія, послы угрожали въ противномъ случаѣ передать Римъ и себя самихъ варварамъ. „Или освободи насъ отъ руки его, или пусть варвары владѣютъ нами и городомъ Римомъ“ [1]).

Испуганный этою дилеммою, Юстинъ понялъ опасность и спѣшилъ отозвать Нарсеза изъ Италіи, назначивъ на его мѣсто Лонгина; впрочемъ весьма ясно, что пока новый намѣстникъ не успѣлъ заслужить народной довѣренности, враждебное расположеніе римлянъ къ грекамъ нельзя было считать совершенно погасшимъ. Разъ пробужденная антипатія въ народѣ не покидаетъ его скоро. Что слухи объ отношеніяхъ римлянъ къ новой власти доходили до варваровъ, очень вѣроятно, и Альбоинъ болѣе, нежели кто-нибудь, долженъ былъ принять ихъ къ свѣдѣнію.

Тѣ же историки, которые разсказываютъ о ненависти римлянъ къ Нарсезу, прибавляютъ потомъ, что Нарсезъ, оскорбленный неблагодарностію Юстина, не поѣхалъ въ Константинополь, но удалился на время въ Неаполь и оттуда отправилъ приглашеніе лангобардамъ вступить въ Италію и овладѣть ею. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Нарсезъ оскорбился. Онъ заслужилъ свой высокій постъ своими талантами, своимъ мужествомъ, своею неутомимою дѣятельностію. Былъ ли онъ столько мстителенъ, несмотря на свои, безъ сомнѣнія, уже преклонные годы, чтобъ хотѣть заплатить императору за свою обиду такимъ поступкомъ, который ему самому не приносилъ никакой пользы, этого мы не знаемъ, въ этомъ мы можемъ очень сомнѣваться. Историки тѣхъ временъ немного скоры, когда нужно показать послѣдствія гнѣва или раздраженія въ томъ или другомъ знаменитомъ современникѣ, который нѣсколько лѣтъ сряду наполнилъ славою своего имени [2]). Объ Юстиніанѣ начали же говорить позднѣе, что, разгнѣван-

---

eum Justino Augusto et ejus conjugi Sophiae in haec verba suggesserunt dicentes: quia expedierat Romanis, Gothis potius servire, quam Graecis, ubi Narses imperat eunuchus, et nos servitio praemit, et haec noster piissimus princeps ignorat. Почти тѣ же самыя слова повторяетъ Анастасій in vita Iohannis III.—[1]) Ibid: Aut libera nos de manu ejus, aut certe et urbem Romam et nosmet ipsos gentibus trademus.—[2]) Греческіе историки вовсе молчатъ объ измѣнѣ Нарсеза; говорятъ же о ней, кромѣ Павла, Анастасій, авторъ Historiae Miscellae, Mellitus, Isidorus Ispaliensis, Marius Aventicensis, и нѣкоторые другіе испанскіе хронографы. См. 46 замѣч. Муратори къ Paul. Diac. II, 5.

ный на Велисарія, онъ лишилъ его не только милости, но и зрѣнія. А Павелъ Діаконъ вовсе не изъ тѣхъ историковъ, которые бы мало склоняли слухъ къ народной сагѣ. Мы же очень мало имѣемъ нужды въ извѣстіи объ измѣнѣ Нарсеза, чтобы понять движеніе лангобардовъ на Италію. Какъ будто бы безъ того оно было не въ порядкѣ вещей? Какъ будто бы лангобарды, постоянно подвигавшіеся къ Италіи и теперь стоявшіе почти на ея границахъ, имѣли нужду въ приглашеніяхъ, чтобы вступить въ нее? Чѣмъ же это приглашеніе могло облегчить лангобардамъ трудности завоеванія?

Лангобарды давно были знакомы съ Италіею. Ихъ познакомилъ съ нею первый не Нарсезъ, а еще Велисарій, когда между другими инородцами привелъ сюда съ собою и лангобардовъ. Нарсезъ только слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру своего предшественника. Одною мѣрою дисциплины онъ впрочемъ способствовалъ еще болѣе распространенію между лангобардами извѣстій объ Италіи. Въ 552 году Нарсезъ, въ гнѣвѣ на лангобардовъ, приведенныхъ имъ въ Италію, которые въ завоеванномъ краѣ позволяли себѣ всякія безчинства, отдалъ имъ жалованье и тотчасъ отправилъ ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ назадъ въ Паннонію [1]). То, о чемъ прежде народъ лангобардскій зналъ изъ невѣрныхъ слуховъ, могъ теперь узнать ближе и подробнѣе изъ разсказовъ очевидцевъ. Эти разсказы должны были много возвысить интересъ народа увидѣть чудесную страну, отъ которой болѣе не отдѣляли его неизмѣримыя пространства.

Греческіе историки совершенно молчатъ объ измѣмѣ Нарсеза. Очевидно, что сказаніе о ней родилось въ Италіи. Былъ къ тому и очень близкій поводъ: римляне ненавидѣли Нарсеза, и зная, что вслѣдствіе ихъ жалобъ онъ лишился своего мѣста, не могли не предполагать и въ немъ ненависти къ себѣ. Кому скорѣе могли приписать зло, отъ котораго столько терпѣли впослѣдствіи, какъ не тому, въ комъ они не могли предполагать къ себѣ никакого доброжелательства? Послѣдующіе историки, не раздѣляя этого чувства, перенесли ненависть Нарсеза отъ римлянъ на императора.

Только одну уступку можно бы сдѣлать разсказу о призваніи Нарсезомъ лангобардовъ—даже въ томъ случаѣ, когда бы вполнѣ доказана была его достовѣрность. То-есть, что призывъ, сдѣланный Нарсезомъ, лишь ускорилъ нѣсколькими го-

1) См. Murat. Ann. ad an. 552.

дами нашествіе лангобардовъ на Италію, которое при другихъ обстоятельствахъ совершилось бы позднѣе [1]).

Итакъ и безъ приглашенія Нарсеза все призывало, влекло Альбоина въ Италію. Прибавимъ къ другимъ потребностямъ и одно внѣшнее побужденіе для лангобардовъ: юго-восточные ихъ сосѣди, авары, вовсе не были такого свойства, чтобы можно было ожидать продолжительнаго мира съ этой стороны. Союзы, заключаемые варварами между собою, всегда были весьма ненадежны. Какъ бы то ни было, прошелъ лишь годъ послѣ покоренія гепидовъ, какъ Альбоинъ объявилъ своему народу походъ въ Италію. Для того, чтобы лучше обезпечить свое предпріятіе, онъ пригласилъ и другіе германскіе народы принять участіе въ его походѣ [2]). За охотниками дѣло не стало. Италія для всѣхъ была очень лестная приманка. Одни саксы пришли къ Альбоину въ числѣ 20,000 мужей и привели съ собою своихъ женъ и дѣтей. Кромѣ ихъ, подъ знаменемъ Альбоина собрались гепиды, булгары, сарматы, свевы и другіе. Какъ лангобарды, такъ и соучастники ихъ похода, предпринимали рѣшительное переселеніе: съ ними были жены и дѣти, они забрали съ собою даже домашнюю утварь. Земля была уступлена аварамъ, съ условіемъ возвращенія ея прежнимъ владѣльцамъ въ случаѣ неудачи предпріятія.

Такъ собралась на Италію новая гроза. Какъ будто еще мало было ей домашнихъ, внутреннихъ бѣдствій! А въ нихъ однако у ней вовсе не было недостатка. Кромѣ того истощенія и неустройства, отъ которыхъ терпѣла несчастная страна послѣ двадцатилѣтней ожесточенной борьбы между готами и восточными римлянами, ее безпрестанно посѣщали наводненія, землетрясенія, моровыя язвы. Такъ, около времени смерти Юстиніана (564), страшная язва, начавшись въ Лигуріи, прошла всю Италію [3]). Смертность была такъ велика, что во многихъ мѣстахъ вовсе не осталось жителей, и некому было собирать ни хлѣбъ, ни виноградъ. Гдѣ же бы взяла Италія руки, чтобы защитить себя отъ грозы лангобардской? Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, была она въ правѣ ожидать себѣ спасенія отъ тѣхъ, которые уже присвоили себѣ власть надъ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ приняли на себя и обязанность защищать страну отъ внѣшнихъ непріятелей. Теперь Восточная имперія должна была показать своимъ новымъ подданнымъ, что она

[1]) Нарсезъ былъ отозванъ въ 567, лангобарды вступили въ Италію въ 568.—[2]) Paul. Diac. II, 6, 7, 26.—[3]) Paul. Diac. II, 4. Greg. M. Dial. IV, 26.

искала не однѣхъ только выгодъ власти надъ ними, и исправить то невыгодное впечатлѣніе, которое уже произведено было на римлянъ нѣкоторыми насильственными поступками константинопольскаго правительства противъ римскихъ епископовъ. Если бы оказалось, что имперія не въ состояніи отразить отъ Италіи новый угрожавшій ей ударъ, то какой бы еще интересъ могли питать римляне ко власти, для нихъ безполезной въ минуту опасностей?—Мы сейчасъ увидимъ мѣры, принятыя имперіею для защиты Италіи отъ лангобардовъ.

Выступивъ изъ Паннoніи, Альбоинъ направился на венеціанскую область [1]). Сопротивленія нигдѣ не оказывалось, и Альбоинъ, занявши главный городъ провинціи, Фріауль (Forum Julii), успѣлъ поставить правителемъ въ занятомъ имъ краю своего родственника Гизульфа, который и поселился здѣсь съ нѣкоторыми лангобардскими родами. Самъ Альбоинъ продолжалъ путь далѣе. Отъ страха передъ лангобардскимъ нашествіемъ архіепископъ Аквилеи, захвативъ церковныя сокровища, бѣжалъ на островъ Градо. Но епископъ тревизскій предпочелъ выйти навстрѣчу Альбоину и искать его милости себѣ и жителямъ города. Онъ получилъ желаемое. Виченца и Верона также безъ сопротивленія сдались завоевателю. Во всей венеціанской области оставались только города—Падуя, Монтефеличе и Мантуя, которые затворили ворота передъ лангобардами. Но Альбоинъ не думалъ терять времени на осаду ихъ и пошелъ далѣе, въ Лигурію (часть Ломбардіи и Піемонтъ). Мантуя впрочемъ уже въ слѣдующемъ году была въ рукахъ лангобардовъ [2]). Въ Лигуріи тоже не оказалось большого сопротивленія. Миланъ одинъ изъ первыхъ долженъ былъ уступить силѣ или только страху нашествія лангобардскаго [3]). Архиепископъ города вѣроятно еще прежде бѣжалъ въ Генную, а это значило въ тѣ времена, что городъ оставался безъ главы. Послѣ того лангобарды легко распространились почти по всей Лигуріи. Только Павія (Ticinum) и нѣкоторые приморскіе города остановили на нѣкоторое время успѣхи завоевателей. Богатая Павія съ дворцомъ Теодериха показалась однако Альбоину столько богатою добычею, что онъ не хотѣлъ обойти ея. Отдѣливъ отъ своего многочисленнаго ополченія нѣсколько отрядовъ для занятія остальной Лигуріи и Тосканы, онъ

---

[1]) Paul. Diac. l. II, 9—14.—[2]) Murat. Ann. ad an. 569.—[3]) Landulphus Senior (Rer. It. Script. T. II) разсказываетъ, будто лангобарды разграбили Миланъ; но Павелъ Діаконъ ничего не знаетъ объ этомъ происшествіи, и Муратори (ad an. 569) не хочетъ дать никакой вѣры Ландульфу.

самъ остановился подъ стѣнами Павіи и началъ осаду. Страхъ имени лангобардскаго внушилъ защитникамъ города столько мужества и твердости духа, что они держались слишкомъ три года. Подробности осады неизвѣстны, но можно полагать, что только крайность заставила павіанцевъ сдаться. Ихъ упорное сопротивленіе, по словамъ историка лангобардовъ, такъ раздражило Альбоина, что онъ поклялся истребить мечомъ все народонаселеніе города, и только случайное паденіе его коня при въѣздѣ въ городскія ворота, принятое за недоброе предзнаменованіе, остановило мстительную руку. Между тѣмъ какъ длилась осада Павіи, передовые отряды лангобардовъ заняли всю Эмилію (Пьяченцу, Парму, Реджіо, Модену), распростанились по всей Тосканѣ, отсюда проникли въ Сполето и Умбрію [1]). Только Равенна съ нѣкоторыми городами по одну сторону средней Италіи, и Римъ по другую—уцѣлѣли отъ повсемѣстнаго разлива варваровъ. Но, оставляя Римъ позади, они между тѣмъ подходили уже къ Неаполю [2]).

Три года и нѣсколько мѣсяцевъ тянулась осада Павіи. Что жъ дѣлали въ это время восточные римляне, которые приняли на себя защиту Италіи отъ варваровъ? Въ открытомъ полѣ мы ихъ не видимъ нигдѣ; о томъ, что они составляли гарнизоны въ городахъ, которые оказали Альбоину сопротивленіе, можно только догадываться. Были ли по крайней мѣрѣ приняты какія-нибудь мѣры для отраженія лангобардовъ? Извѣстія очень скудны, но всѣ, сколько ихъ есть, говорятъ очень не въ пользу новыхъ защитниковъ Италіи. Мы уже видѣли, что на мѣсто Нарсеза патриціемъ или экзархомъ Италіи назначенъ былъ Лонгинъ. Кондотьерское искусство было мало ему знакомо, средства его были очень недостаточны, и потому, при извѣстіи о вторженіи лангобардовъ, онъ ограничился только тѣмъ, что старался укрѣпить Равенну, чтобы предохранить ее отъ нечаяннаго нападенія [3]). Въ ожиданіи можетъ-быть подкрѣпленій изъ Константинополя, онъ не смѣлъ выйти изъ Равенны и далъ волю лангобардамъ распространяться по верхней и средней Италіи. Но подкрѣпленія не приходили, и дорогое время, когда Альбоинъ стоялъ подъ стѣнами Павіи, прошло безъ всякой пользы.

---

[1]) Murat. Ann. ad an. Paul. Diac. II, c. 26. — [2]) Начало герцогства Беневентскаго Муратори полагаетъ въ 572 году. Ann. ad an. 572. — [3]) По свидѣтельству Аньела, біографа равеннскихъ архіепископовъ, онъ укрѣплялъ Цезарію, одно изъ равеннскихъ предмѣстій. Rer. It. Script. T. II, p. 123. Ср. Murat. Ann. ad an. 568.

Подкрѣпленія же не приходили къ экзарху потому, что правительство константинопольское очень мало заботилось высылать ихъ. Императоръ Юстинъ II не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы только сохранить завоеваніе, на которое предшественникъ его употребилъ столько усилій, по крайней мѣрѣ столько лѣтъ. Востокъ тогда еще былъ покоенъ; несогласія между персами и Восточною имперіею пока улаживались одними переговорами: со стороны Юстина однако не сдѣлано было ни малѣйшаго усилія, чтобы подать руку помощи вновь покоренной провинціи, или до исторіи не дошло никакой вѣсти о томъ [1]). Неподражаемое равнодушіе! Съ персами, саками, аварами онъ пересылался посольствами; Италія же какъ-будто вышла у него изъ памяти. Еще Равенна была нѣкоторымъ образомъ обезопасена присутствіемъ въ ней самого экзарха и при немъ, безъ сомнѣнія, значительнаго гарнизона; но Риму не оставалось ничего болѣе, какъ положиться на самого себя, на твердость своихъ гражданъ, или ожидать участи Вероны, Павіи, Милана.

Вдругъ, въ самомъ разгарѣ лангобардскаго завоеванія, не стало Альбоина. Смерть была насильственная, но не на полѣ битвы, и не отъ руки враговъ, которые продолжали укрываться за крѣпкими стѣнами: Альбоинъ погибъ послѣ веселаго пира подъ ударами убійцы, подосланнаго женою его, мстительною Розамундой. Нѣсколько сказочныя подробности этого темнаго дѣла, какъ они разсказываются лангобардскимъ историкомъ, довольно извѣстны [2]). Съ воплемъ отчаянія приняли лангобарды вѣсть о смерти своего воинственнаго короля: они чувствовали, что теряли въ немъ не только храбраго предводителя, но и душу всего предпріятія. Они съ негодованіемъ отвергли искательство Розамунды, которая, отдавъ руку своему соумышленнику Гельмихизу, думала доставить ему и королевскую власть. Для защитниковъ Италіи минута была довольно благопріятна: однимъ смѣлымъ ударомъ на лангобардовъ, смущенныхъ внезапною смертію короля, они могли бы исправить ошибку нѣсколькихъ лѣтъ. Но этого не случилось: восточные римляне вовсе не были готовы къ нападенію. Къ стыду экзарха, объ

---

[1]) Единственный слѣдъ того, что Юстинъ думалъ послать помощь Италіи, находитъ Муратори (Ann. ad an. 569) въ посольствѣ его къ сакамъ, народу турецкаго происхожденія, о чемъ упоминаетъ Menand. Prot. (См. Corp. Hist. Bysant. I, p. 151). Но Менандръ Протекторъ вовсе не говоритъ, чтобы посольство именно имѣло цѣлію пригласить саковъ на службу имперіи противъ *лангобардовъ*.—[2]) Paul. Diacon. II, 28.

немъ сохранилось лишь извѣстіе, что онъ способствовалъ бѣгству Розамунды и Гельмихиза, которымъ угрожало народное мщеніе, и когда они довольно трагически погибли въ Равеннѣ, Лонгинъ спѣшилъ отправить привезенныя ими сокровища въ Константинополь [1]). Между тѣмъ шефы лангобардскіе имѣли время сойтись въ Павіи и избрать себѣ новаго короля.

Бездѣйствіе византійцевъ впрочемъ внушило лангобардамъ такъ много самонадѣянности, что по смерти Альбоина они менѣе чувствовали потребности въ единой власти. Не встрѣчая сильнаго сопротивленія ни со стороны туземцевъ, ни со стороны ихъ законныхъ защитниковъ, шефы отдѣльныхъ дружинъ, входившихъ въ составъ лангобардскаго ополченія, начинали находить для себя власть верховнаго шефа или короля безполезною и потому довольно стѣснительною. Они считали гораздо выгоднѣе для себя распоряжаться по собственной волѣ вновь сдѣланными пріобрѣтеніями. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ лангобарды вступили на италіанскую землю, и имъ не представилось ни одного случая, когда бы оказалась нужда въ сосредоточеніи всѣхъ силъ народнаго ополченія. Между тѣмъ новоизбранный король, Клефъ, кажется, слишкомъ былъ ревнивъ къ своей власти, чтобы потерпѣть малѣйшее ея ослабленіе. Извѣстная жестокость его въ отношеніи къ римлянамъ могла иногда обращаться и на непокорныхъ лангобардовъ [2]). По всей вѣроятности общее неудовольствіе выросло еще подъ его правленіемъ, и когда онъ былъ убитъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей, шефы лангобардскіе не допустили до новаго выбора и предпочли остаться безъ короля. За отрицаніемъ власти верховнаго вождя, каждый изъ отдѣльныхъ шефовъ остался полнымъ хозяиномъ въ занятой имъ части земли, могъ по произволу поступать въ ней съ покоренными, и, если доставало силы, простирать свое завоеваніе еще далѣе.

Такихъ шефовъ, или герцоговъ, оказалось болѣе 30: въ Павіи, въ Бергамо, въ Брешіи, въ Тридентѣ, въ Фріаулѣ и другихъ мѣстахъ Италіи. На столько частей успѣло разложиться только-что основанное государство, еще не упрочивъ

---

1) Ibid.—Есть впрочемъ и другое извѣстіе. По словамъ Григорія Турскаго, IV, 41, Розамунда во время своего бѣгства была схвачена лангобардами и умерщвлена.—2) Paul. Diac. II, 31: Hic (Cleph) multos Romanorum potentes alios gladio extinxit, alios ab Italia exturbavit. Iste cum annum unum et sex menses cum Massana sua conjuge regnum obtinuisset, a puero de suo obsequio gladio jugulatus est.

себя на завоеванной наканунѣ землѣ: не была ли эта сама анархія? Для покоренныхъ туземцевъ едва ли это не было самое тяжелое время во всей ихъ исторіи. Въ двухъ словахъ только говоритъ историкъ объ ихъ участи, но эти слова достаточно даютъ видѣть весь ужасъ того безпомощнаго положенія, въ которомъ находились жители беззащитной страны при новомъ нашествіи. Въ это время, говоритъ Павелъ Діаконъ, многіе благородные римляне стали жертвою ненасытимой жадности герцоговъ, а *остальные* были раздѣлены между своими непріятелями, такъ что обязывались вносить имъ третью часть своего сбора, и такимъ образомъ сдѣлались ихъ данниками [1]. Что же, воспользовались ли византійцы хотя этимъ анархическимъ состояніемъ лангобардовъ, чтобы остановить ихъ успѣхи и подать руку помощи утѣсненнымъ? Нисколько. Ихъ равнодушіе простиралось до забвенія самыхъ выгодъ своего положенія, и шефы лангобардовъ продолжали между тѣмъ почти невозбранно раздвигать свои завоеванія. Одни изъ нихъ, уже не довольствуясь своими успѣхами въ Италіи, начинали распространяться въ Галлію, хотя впрочемъ скоро были отбиты оттуда сильными мѣрами храбраго Муммола; другіе старались расширить свои владѣнія во внутренней Италіи, или пробивались еще далѣе на южной оконечности страны. Не ограничиваясь въ средней Италіи одною Тосканою, лангобарды успѣли проникнуть въ Сполето. Утвердившійся здѣсь герцогъ спокойно распространялъ свои владѣнія между Римомъ и Умбріею; онъ проникалъ отсюда до самой Адріатики [2]. Самый Римъ не избѣжалъ совершенно опасности отъ лангобардовъ: онъ также былъ осажденъ ими, и только крѣпости своихъ стѣнъ и мужественной оборонѣ жителей обязанъ былъ своимъ спасеніемъ [3]. Путь въ южную Италію становился для нихъ болѣе и болѣе доступнымъ: они утвердились въ Беневентѣ и отсюда свободно распространялись по Апуліи и Кампаніи. Въ 581 или около этого времени лангобарды обложили даже Неаполь [4]. Монастырь Монте Кассино, основанный Бенедиктомъ Нурсійскимъ, еще прежде того былъ

---

[1]) Ibid. c. 32: His diebus multi nobilium Romanorum ob cupiditatem (ducum) interfecti sunt, reliqui vero per hostes divisi, ut tertiam partem suarum frugum Longobardis persolverent, tributarii efficiuntur. Это мѣсто подало поводъ ко многимъ толкованіямъ и спорамъ, которые и теперь еще не рѣшены окончательно; ясно впрочемъ, что дѣло шло о жизни и свободѣ римлянъ, особенно владѣльческаго класса. См. Hegel, 1, отъ 349 и далѣе.—[2]) Ср. Murat. Ann. ad *an. 579, 580.*—[3]) Anast. in vita Pelagii II (p. 61).—[4]) Murat. ad an. 581.

разрушенъ лангобардами и оставался потомъ цѣлыя сто лѣтъ въ совершенномъ запустѣніи [1]).

Пока лангобарды распространялись въ Италіи, въ Константинополѣ произошла не одна перемѣна въ лицахъ, занимавшихъ императорскій престолъ. Почувствовавъ наконецъ свою безполезность для имперіи, Юстинъ II призвалъ себѣ въ соправители (цезари) Тиберія; черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ онъ самъ провозгласилъ его императоромъ. Въ свою очередь Тиберій еще при жизни своей сдалъ престолъ зятю своему Маврикію (582). Правители мѣнялись, духъ оставался одинъ и тотъ же. Сколько еще оставалось у нихъ вниманія на защиту предѣловъ имперіи, на сохраненіе ея цѣлости, оно все было обращено на востокъ. Какъ будто тогда уже имперія начинала предчувствовать, что ея собственная судьба будетъ зависѣть отъ Востока, не отъ Запада. Только моленія, которыя приходили изъ Рима, истощеннаго осадою, голодомъ и язвою, по временамъ напоминали правителямъ Константинополя, что, употребляя главныя силы на сохраненіе восточныхъ предѣловъ имперіи, они должны подать хотя нѣкоторое пособіе беззащитной Италіи. При всей стѣсненности своего положенія, римскіе епископы не забывали быть представителями и ходатаями своего народа предъ императорскимъ престоломъ въ Константинополѣ. То чрезъ своего апокрисіарія, который постоянно долженъ былъ жить при константинопольскомъ дворѣ въ качествѣ повѣреннаго отъ римскаго епископа [2]), то черезъ нарочныя посольства, въ которыхъ участвовали сенаторы и высшіе духовные сановники, не переставали они напоминать императорамъ о нуждахъ Италіи и призывать ихъ подать ей скорую и дѣятельную помощь. Иногда, тѣснимые неотступными просьбами, императоры какъ-будто вспоминали объ Италіи и употребляли нѣкоторыя усилія если не для того, чтобы защитить страну отъ варваровъ, то по крайней мѣрѣ чтобы напоминать ей и о своемъ существованіи.

Удивительно какъ скупы впрочемъ лѣтописцы даже на подобныя извѣстія. Всю исторію этихъ усилій императоровъ напомнить о себѣ жителямъ Италіи, мы можемъ разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Такъ императоръ Юстинъ II, въ самый годъ своей смерти, отправилъ изъ Египта нѣсколько судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, въ пособіе римлянамъ,

---

1) Chron. Mon. Casin. 1, 2.—Впрочемъ, по мнѣнію Мабильона (Ann. ad an. 580), это случилось въ 582 году.—2) Murat. Ann. ad an. 579.

которые тогда осаждены были лангобардами и терпѣли сильный голодъ [1]). Съ Тиберіемъ нѣкотораго рода дѣятельность опять возвращалась на императорскій престолъ; къ сожалѣнію, его мысль еще труднѣе было оторвать отъ Востока: все его вниманіе было поглощено персидско-аварскою войною, передъ которою всѣ другія происшествія внутри имперіи казались уже ему маловажными [2]). Что касается до Италіи, то онъ очень великодушно помогалъ ей — своими совѣтами. Когда нѣкто Памфроній, посланный отъ римлянъ, явился къ Тиберію просить о помощи противъ лангобардовъ и предложилъ ему отъ имени своихъ согражданъ 130 фунтовъ золота, вѣроятно для того, чтобы императоръ не могъ отказываться на первый разъ недостаткомъ средствъ: Тиберій *обратно подарилъ эту сумму* римлянамъ, и, отпуская посла, далъ ему благоразумный совѣтъ употребить деньги на подкупъ нѣкоторыхъ лангобардскихъ шефовъ; а если изъ нихъ никто не согласится перейти на сторону римлянъ, тѣмъ же способомъ возбудить франковъ, то-есть вооружить ихъ противъ лангобардовъ [3]). Совѣтъ однако нисколько не послужилъ въ пользу римлянамъ. Лангобарды конечно не поддались на приманку, и стѣснили Римъ еще болѣе. Въ такомъ крайнемъ положеніи, чтобы лучше убѣдить императора, епископъ послалъ къ нему чрезвычайную миссію, состоявшую изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и духовныхъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ по всей вѣроятности находился и будущій епископъ Рима, Григорій [4]). Новая миссія имѣла успѣха не много болѣе первой. Излагая причину, почему успѣхъ не могъ быть полный, Менандръ

---

1) Murat. Ann. ad an. 578.—2) Menandr. Protect. de Abaris. l. II (Corp. Hist. Bysant. 1, 124): ο δὲ Καῖσαρ, ἐπεὶ αὐτῷ ὁ πόλεμος ὁ Περσικὸς ἅπαντα ἦν, καὶ ἐνεκεῖτό γε ὅλος, ἐκεῖσε στρατιὰν οὐχ οἷός τε ἦν ἐκπέμπειν. οὐδὲ μὲν ἅμα τῇ ἕῳ καὶ κατὰ τὴν ἑσπέραν πολεμητέα γε αὐτῷ εἶναι ἐδόκει.—3) Менандръ говоритъ такъ, что сначала можно подумать, что Тиберій сдѣлалъ римлянамъ дѣйствительное благодѣяніе, то-есть далъ имъ изъ собственной казны большую сумму денегъ: ὅτι ὁ Καῖσαρ ἔστειλε κατὰ τὴν Ἰταλίαν χρυσίον συχνόν, ἄχρι κεντεναρίων τριάκοντα. Вслѣдъ за тѣмъ онъ продолжаетъ: ἅτινά γε δή που Παμφρόνιος ὄνομα, ἀξίωμα βασιλέως πατὴρ (patricius) ἐκομίσατο ἐκ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης.... etc. — 4) Menandr. Protect. (Corp. Hist. Bysant. p. 126): διοδὴ καὶ ἐκ τῆς συγκλήτου βουλῆς τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, ἅμα ἱερεῦσιν ἐκ τοῦ προεστῶτος τῆς ἐν Ῥώμῃ τῶν ἱερῶν πεμφθέντων τινῶν παρεγίνοντο πρεσβευόμενοι ὡς *τὸν αὐτοκράτορα*, τοῖς ἐκεῖσε μέρεσιν ἐπαρκέσαι.

говоритъ, что война на Востокѣ продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ, и что императоръ не располагалъ достаточною силою, которую бы могъ противопоставить лангобардамъ; хотя онъ и отправилъ въ Италію нѣсколько войска, бывшаго тогда у него подъ рукою, но главной своей цѣли онъ опять думалъ достигнуть не оружіемъ, а деньгами, подарками. По свидѣтельству того же Менандра, ему удалось привлечь нѣкоторыхъ шефовъ на свою сторону, но на общій ходъ войны это обстоятельство не имѣло никакого вліянія. Доказательствомъ служитъ то, что она въ томъ же видѣ продолжалась и по смерти Тиберія.

У преемника его, Маврикія, было можетъ-быть больше добраго желанія помочь Италіи, но та же самая скудость въ средствахъ, то же безсиліе дѣйствовать противъ враговъ имперіи съ оружіемъ въ рукахъ. Маврикій долженъ былъ еще отплачиваться золотомъ отъ аваровъ и при всей своей щедрости къ нимъ не могъ спасти Сирміума. Что на лангобардовъ еще менѣе можно было дѣйствовать деньгами, это могъ видѣть Маврикій изъ примѣра Тиберія. Желаніе сдѣлать что-нибудь въ пользу Италіи заставило императора прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Недостатокъ военной силы онъ хотѣлъ восполнить болѣе искуснымъ военачальникомъ и неспособнаго Лонгина замѣнилъ новымъ экзархомъ Смарагдомъ [1]). Понимая впрочемъ, что перемѣною одного лица еще нельзя поправить всего дѣла, Маврикій рѣшился дѣйствовать еще противъ лангобардовъ путемъ дипломатическимъ. Къ Хильдеберту, королю франковъ, отправлено было чрезвычайное посольство, чтобы возбудить его противъ лангобардовъ. Какимъ образомъ правительство константинопольское могло подумать о такихъ далекихъ союзникахъ, объясняется очень легко: совѣтъ шелъ по всей вѣроятности изъ Рима; незадолго передъ тѣмъ, въ 581 году, епископъ Пелагій II, тотъ самый, который отправлялъ въ Константинополь послѣднее посольство, писалъ къ епископу оксерскому, прося его употребить все свое вліяніе на франкскихъ королей для расторженія союза ихъ съ лангобардами [2]). Какъ бы то ни было, полновѣсныя доказательства, которыя приносили съ

---

[1]) Murat. Ann. ad an. 583. Исторія не знаетъ собственно, когда Лонгинъ смѣненъ былъ Смарагдомъ; но о Смарагдѣ нигдѣ не упоминается до Маврикія.—[2]) Labbe, Concil. T. V, 939 (у Mur. Ann. ad an. 584). См. также письмо Хильдеберта къ Лаврентію, вѣроятно епископу миланскому, у Duchesne. Scrip. R. Franc. I, 874.

собою послы Маврикія (50,000 золотыхъ солидовъ), не замедлили оказать свое дѣйствіе: Хильдебертъ дѣйствительно ополчился, чтобы итти противъ лангобардовъ [1]). Но усердіе его тотчасъ охладѣло, когда лангобарды, почуявъ новую опасность, предложили ему съ своей стороны доказательства, равносильныя византійскимъ. Хильдебертъ благосклонно принялъ ихъ предложеніе и отказался отъ своего предпріятія.

Если вѣрить историку франковъ, то лангобарды предложили Хильдеберту вмѣстѣ съ дарами даже свою покорность. Обстоятельство, указывающее по крайней мѣрѣ на степень ихъ страха передъ лицомъ новой, вовсе неожиданной опасности. Не мудрено, что ими овладѣла нѣкоторая робость: они уже вкусили пріятность владѣнія на завоеванной италіанской почвѣ, а между тѣмъ политическое ихъ состояніе было въ ту минуту очень мало обезпечено. Припомнимъ, что послѣ Клефа лангобарды оставались безъ короля, что у 30 или болѣе самостоятельныхъ герцоговъ не было никакого общаго главы, который бы въ минуту опасности могъ сосредоточить всѣ силы народа для отраженія враговъ. Чего могли ожидать себѣ лангобарды въ такомъ состояніи, если бы на нихъ вдругъ напали съ двухъ сторонъ? Предпріятіе Хильдеберта открыло имъ глаза. На первый разъ они не пожалѣли ничего, чтобы откупиться отъ опасности, но, чтобы она не повторилась въ другой разъ, спѣшили исправить свою ошибку: послѣ десятилѣтняго междуцарствія они вновь избрали себѣ короля въ лицѣ Автари [2]).

Еще разъ потомъ предпринималъ Маврикій вооружить Хильдеберта противъ лангобардовъ, но и эта вторая попытка также мало удалась какъ и первая. Римъ между тѣмъ продолжалъ терпѣть во всемъ недостатокъ, и Пелагій II былъ попрежнему неутомимъ въ представленіяхъ императору о необходимости болѣе дѣятельныхъ мѣръ для спасенія Италіи [3]). Чувствуя все свое безсиліе сдѣлать что-нибудь въ пользу несчастной страны вооруженною рукою, Маврикій напалъ наконецъ на мысль спасти хотя остальныя свои владѣнія въ Италіи посредствомъ мирныхъ договоровъ. Въ томъ же году, въ которомъ Пелагій въ послѣдній разъ писалъ въ Константинополь

---

[1]) Paul. Diac. и Greg. Tur.—[2]) Ср. Mur. Ann. ad an. 584. Къ этому году относитъ онъ избраніе Автари. — [3]) См. письмо его въ окт. 584 къ Григорію въ Константинополь, въ которомъ онъ излагаетъ бѣдствія Рима и угрожаетъ послѣднею бѣдою, какая можетъ случиться съ нимъ, если не подана будетъ *скорая помощь*. *Labbe*, Conc. J. R. Murat. Ann. ad an. 584.

о помощи и едва не угрожалъ потерею Рима, новый экзархъ Смарагдъ, вслѣдствіе даннаго ему полномочія, заключилъ съ лангобардами трехлѣтнее перемиріе [1]. Война на время остановилась, но этимъ самымъ актомъ имперія нѣкоторымъ образомъ признала уже за лангобардами тѣ владѣнія, въ которыхъ они до сихъ поръ успѣли утвердиться. О возвращеніи ихъ къ имперіи можно было теперь думать еще менѣе. Вопросъ могъ быть развѣ только о Римѣ и Равеннѣ.

---

[1]) Murat. ibid.; также ad an. 586.

V.

Разрывъ, произведенный лангобардскими завоеваніями между Римомъ и Равенною. Характеръ лангобардскаго завоеванія. Особенное положеніе римскихъ епископовъ. Григорій Великій и его дѣятельность.

Со времени перемирія 586 года лангобардское завоеваніе стало уже непреложнымъ фактомъ въ исторіи Италіи. Самая имперія отказывалась ему противорѣчить. Новый фактъ приносилъ съ собою и новое измѣненіе въ судьбахъ Италіи. Уже потому только лангобардское завоеваніе не было повтореніемъ готскаго, что оно не распространялось на цѣлую страну. Несмотря на то, что лангобарды могли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ почти безпрепятственно распространяться въ Италіи, нѣкоторыя значительныя части ея совершенно укрылись отъ ихъ нашествія и вліянія. Вообще германское движеніе много утратило своей прежней энергіи: оно уже не достигало тѣхъ предѣловъ, на которыхъ останавливалось прежде. Во всякомъ случаѣ явленіе было новое.

Любопытно взглянуть на эти новыя межи, проведенныя лангобардскимъ завоеваніемъ внутри Италіи. По скудости данныхъ нельзя надѣяться опредѣлить ихъ съ точностію, но можно имѣть о нихъ приблизительное понятіе. Всего прочнѣе утвердились лангобарды въ странѣ, лежащей къ сѣверу отъ По: здѣсь легли главныя массы ихъ народнаго ополченія, здѣсь была и главная точка ихъ опоры. Отбитые далѣе отъ Равенны, они однако не ограничились лѣвымъ берегомъ рѣки, но овладѣвъ особенно срединою ея теченія, черезъ этотъ пунктъ продолжали подвигаться во внутрь страны. Завоеваніе не прекратилось, оно только потеряло свою первоначальную широту. Потокъ лангобардскаго завоеванія не остановился потомъ и *передъ Апеннинами:* занявъ Эмилію, лангобарды показались

и въ Тосканѣ, проникли отсюда даже въ Сполето и могли бросать летучіе отряды до самой Анконы. Такъ обойдена была Равенна съ ея ближайшею областію. Простираясь далѣе къ югу отъ Сполето, лангобарды еще разъ должны были остановиться въ своемъ разливѣ, подъ стѣнами Рима. Въ послѣднее время римляне уже оправились на столько, чтобы не сдаваться врагамъ безъ сопротивленія. Благодаря крѣпкимъ стѣнамъ города, мужеству, терпѣнію его защитниковъ, а также вѣроятно и недостатку большихъ усилій со стороны лангобардовъ, Римъ на этотъ разъ уцѣлѣлъ. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть городомъ, лангобарды нашли гораздо выгоднѣе для себя, оставивъ его въ сторонѣ, итти далѣе все по тому же прямому направленію къ югу. Такимъ образомъ у лангобардовъ была еще одна обойденная Равенна, но уже съ другой стороны. Они еще настолько простирались далѣе впередъ, чтобы, занявъ часть Апуліи и Калабріи, основаться въ Беневентѣ; но здѣсь уже теряется потокъ ихъ завоеванія: они не могли взять Неаполя и не отваживались заходить далеко въ глубину южной Италіи [1]).

Сообразимъ результаты. Лангобардское завоеваніе длинною, но узкою полосою, безъ опредѣленныхъ границъ вправо и влѣво, протянулось глубоко во внутренность страны, постепенно съуживаясь въ направленіи отъ правыхъ береговъ По къ Беневенту. Никогда завоеваніе не выходило такъ безрасчетно, какъ послѣднее. Оно раздѣляло страну на двѣ половины, оставивъ по обѣимъ сторонамъ отъ себя незавоеванныя полосы земель, прилежащихъ и тамъ и здѣсь къ морю. Едва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышли лангобарды къ морю, но мало дорожили занятыми здѣсь пунктами и скоро обратно уступали ихъ римлянамъ. Такое положеніе лангобардскаго завоеванія къ югу отъ рѣки По не представляло за себя большихъ ручательствъ прочности. Но еще важнѣе было то слѣдствіе, что береговыя земли, прилежащія къ Адріатическому морю, разобщались съ противоположнымъ берегомъ Италіи. Первыя были въ ближайшихъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ Византіею; здѣсь была и резиденція экзархата, Равенна. Теперь,

---

[1]) Павелъ Діаконъ (III, 31), говоритъ, что Автари достигъ самого Регіума, подъѣхалъ на лошади къ колоннѣ, которая недалеко отъ берега выходила изъ волнъ морскихъ, и сказалъ: „здѣсь будутъ предѣлы лангобардовъ“. Если даже и справедливо это сказаніе, тѣмъ не менѣе вѣрно то, что лангобарды никогда не могли утвердиться далѣе Беневента. См. Paul. Diac. III, 31. О началѣ герцогства Беневентскаго см. Mur. Ann. ad an. 592. Онъ относитъ его къ 571.

когда между Равенною и Римомъ легло лангобардское завоеваніе, прерывались или значительно замедлялись даже непосредственныя сношенія Рима съ Византіею, потому что они происходили большею частію черезъ Равенну и вообще черезъ берегъ Адріатическаго моря, особенно же ослаблялись тѣ связи, которыя существовали до сего времени между Равенною, резиденціею экзарха, и Римомъ, который состоялъ подъ его администраціею [1]. Земли и города, оставшіеся свободными отъ лангобардскаго завоеванія въ западной Италіи, должны были примкнуть скорѣе къ Риму, чѣмъ къ Равеннѣ. Въ случаѣ, если бы лангобардское завоеваніе не пошло далѣе, они могли бы составить довольно значительную группу около Рима, тяготѣя къ нему какъ къ своему центру, и этотъ Римъ уже обращалъ бы лицо свое не на востокъ, который отрѣзанъ былъ отъ него лангобардами, но скорѣе на западъ. Что же, если тамъ, на западѣ, онъ найдетъ себѣ довольно надежную точку опоры?

Для возникающей вновь національной жизни Италіи не могло быть слишкомъ опасно разобщеніе ея съ главнымъ административнымъ центромъ, послѣ того какъ у нея нашлась своя точка опоры внутри самаго Рима. Все зависѣло отъ того, спасенъ ли будетъ самый Римъ. Онъ былъ спасенъ, и еще прежде чѣмъ миновала опасность, обозначилась уже разность въ отношеніяхъ его къ константинопольскому правительству. Еще по смерти Іоанна III римскій престолъ могъ оставаться празднымъ цѣлые 10 мѣсяцевъ, потому что римляне не рѣшались никого признать епископомъ безъ императорскаго согласія [2], но когда потомъ, во время осады Рима лангобардами, умеръ и преемникъ Іоанна Бенедиктъ, римляне не медлили болѣе выборомъ, и, не дожидаясь согласія императора, провозгласили своимъ епископомъ Пелагія II [3]. Такъ живо

1) Что временемъ совершенно прекращались сношенія съ Равенною, объ этомъ прямо говоритъ Григорій Великій. Epist. lib. IV, 14: Et quidem omnipotenti Deo gratias ago: quod eo tempore, quo ad me hoc pervenit, quod ad aures deccessorum meorum nunquam pervenerat. *Longobardi inter me et Ravennam civitatem positi fuerant.* Даже въ мирное время нужно было военное прикрытіе тѣмъ, которые желали изъ Равенны переправиться въ Римъ. См. Epis. liber. VIII, 2. Григорій пишетъ въ Равенну къ Теодору куратору, прося его о военномъ прикрытіи для жены римскаго префекта, которая должна была переправиться изъ Равенны въ Римъ: Venienti conjugi ipsius gloriae vestrae sinceritas patrocinii sui opem ferat. Et ut securius inter suum (вѣроятно iter suum) peragere valeat, ad Perusinam civitatem militari eam solatio fulciri disponat.— 2) Murat. Ann. ad an. 574.—3) Anast. in vita Pelagii II (p. 81). Ср. Murat. Ann. *ad an. 578.—Paul.* Diac. III, 20.

чувствовалась римлянами потребность въ этой власти: чтобы только не остаться безъ ея руководства, они не побоялись даже обойти авторитетъ императора. Не будучи отреченіемъ отъ его власти, этотъ свободный актъ однако достаточно показывалъ, какъ она стала далека отъ римлянъ. Только дѣятельною помощію противъ новыхъ враговъ могла бы еще имперія сгладить начинающуюся неровность въ отношеніяхъ своихъ къ Риму; но мы видѣли уже, какъ мало способна была она къ тому покровительству, котораго отъ нея ожидали.

Допустить же холодность въ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всѣмъ зачаткамъ національной жизни въ Италіи, значило со стороны имперіи гораздо болѣе, нежели только ослабить тѣ узы, которыя соединяли ее съ Италіею какъ провинціею. Это значило еще дать полную свободу образованію того авторитета, который уже зародился на почвѣ Италіи въ самую смутную эпоху ея существованія. Нравственно-политическое значеніе власти римскихъ епископовъ обозначилось уже при первомъ завладѣніи Италіи чужеземцами: тогда впрочемъ оно не могло пойти далѣе возстановленія старыхъ связей Италіи съ имперіею и перемѣны германскаго владычества на константинопольское. Условія, которыя возбудили дѣятельность римскихъ епископовъ при первомъ германскомъ (готскомъ) завоеваніи, повторялись и при второмъ: то же враждебное чувство къ иноплеменникамъ, та же религіозная ненависть къ аріанамъ. Ибо новые завоеватели Италіи такъ же, какъ и готы, приносили въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ и будущую судьбу свою: лангобарды были также аріане. Почему бы римскіе епископы съ меньшимъ жаромъ стали дѣйствовать противъ лангобардовъ, чѣмъ противъ готовъ? Но послѣ того, какъ разъ допущена была холодность въ отношеніяхъ между Римомъ и имперіею, усиленная еще неудобствами тѣснаго сообщенія, всѣ выгоды отъ патріотическихъ усилій римскихъ епископовъ могли скорѣе обратиться въ пользу ихъ самихъ, чѣмъ въ пользу императоровъ, между которыми не находилось болѣе ни одного Юстиніана. Словомъ, если бы римскому престолу удалось отстоять независимость Италіи передъ лицомъ новыхъ враговъ, онъ вышелъ бы изъ этой борьбы крѣпкимъ и сильнымъ даже противъ имперіи.

Но мы должны прибавить, что лангобардское завоеваніе по своему особенному характеру должно было еще возбудительнѣе дѣйствовать на патріотическую предпріимчивость римскихъ епископовъ, чѣмъ завоеваніе готское.

Мы касаемся здѣсь одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ италіанской исторіи, вопроса объ отношеніяхъ лангобардовъ къ римлянамъ, побѣдителей къ побѣжденнымъ. Главная трудность состоитъ въ томъ, что, несмотря на всю скудость и неопредѣленность первоначальныхъ извѣстій объ этихъ отношеніяхъ, нельзя однако не видѣть съ перваго раза, что всего менѣе можно рѣшать нашъ вопросъ по аналогіи отношеній другихъ германскихъ народовъ къ побѣжденнымъ ими народамъ. Точно ли такъ велика разность въ отношеніяхъ, какъ она представляется съ перваго взгляда? Далѣе, чѣмъ она можетъ быть оправдана? и наконецъ, какъ далеко простираются ея слѣдствія на будущую судьбу народовъ, поселившихся на италіанской почвѣ? Потребность рѣшенія этихъ вопросовъ создала цѣлую особую литературу, въ которую самые богатые вклады внесли ученые италіанскіе и нѣмецкіе послѣдняго столѣтія. При этомъ впрочемъ роли распредѣлились не такъ, чтобы нѣмецкая и италіанская ученость составили двѣ противоположныя стороны, какъ нѣкогда стояли, одна противъ другой, лангобардская и римская національности; наоборотъ, наука можетъ похвалиться тѣмъ рѣдкимъ безпристрастіемъ, съ которымъ старались рѣшить вопросъ съ обѣихъ сторонъ. Доказательствомъ служитъ то, что ни на той, ни на другой сторонѣ нѣтъ недостатка въ противоположныхъ мнѣніяхъ, къ которымъ привели различныя изслѣдованія. Выиграла ли оттого наука? Безъ всякаго сомнѣнія, если она и не достигла еще окончательныхъ результатовъ, то многія стороны вопроса на столько уже приведены въ ясность, что отъ нихъ, какъ отъ твердыхъ пунктовъ, смѣло можно отправляться впередъ въ изслѣдованіи [1]).

[1]) По обширности и многочисленности этого спеціальнаго вопроса въ первоначальной исторіи новой Италіи, я не могу взять на себя подробнаго обозрѣнія всѣхъ его сторонъ и всѣхъ результатовъ, къ которымъ привели новѣйшія изслѣдованія; я могу только мимоходомъ указать на богатство литературы, которая имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе отношеній между лангобардами и римлянами. Сюда принадлежатъ во-первыхъ лучшія имена италіанской исторической литературы. Изъ историковъ и изслѣдователей прошлаго столѣтія я назову въ особенности Giannone, въ Istoria civile del regno di Napoli (T. I—IV), Lupi, въ его Prodromus historico-criticus къ codex diplomaticus civ. et eccl. Bergomtais, Maffei, въ его Verona illustrata. Въ новѣйшей италіанской исторической литературѣ есть цѣлыя монографіи, посвященныя этому предмету; таково сочиненіе Pagnoncelli, Sull'antiquissima origine et successione dei governi municipali nelle città Italiane; Baudi di Vesme e Spirito Fossati, Vicende delle *proprietà in* Italia (Torino, 1836); Sclopis, Dei Longobardi in Italia (Memoria

И во-первыхъ, что касается до обращенія лангобардовъ съ римлянами, то не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, что отъ новыхъ завоевателей побѣжденные всего менѣе могли ожидать себѣ пощады и снисхожденія. Въ томъ согласны показанія главнаго историка лангобардовъ, Павла Діакона, и другого важнаго свидѣтеля, Григорія Великаго, который самъ не разъ былъ очевидцемъ тѣхъ жестокостей, какими обыкновеннно сопровождалось лангобардское нашествіе. Страхъ предшествовалъ самому первому вступленію лангобардовъ въ Италію. Мы уже видѣли, что при первой вѣсти о занятіи ими Фріауля, патріархъ Аквилеи бѣжалъ со всѣми церковными сокровищами на островъ Градо. Напрасно потомъ Альбоинъ думалъ внушить римскому духовенству болѣе довѣренности къ себѣ, утвердивъ за епископомъ тревизскимъ всѣ его права и привилегіи [1]): когда лангобарды стали приближаться къ Милану, архіепископъ Гоноратъ поспѣшно бѣжалъ въ Генуя [2]). Весьма возможно, что страхъ епископовъ былъ нѣсколько преувеличенъ тою недовѣрчивостію, которую они должны были питать къ лангобардамъ какъ къ еретикамъ. Правда, что съ этой стороны лангобарды всего менѣе заслуживали упрека: исторія не знаетъ ни одного факта, который бы обличалъ въ нихъ наклонность къ аріанской пропагандѣ. Но лангобарды скоро доказали, что изъ одной національной вражды, безъ всякой религіозной ненависти, можно быть очень неумолимыми къ побѣжденнымъ. Они пришли въ Италію прямо изъ степей Венгріи, нисколько не испытавши предварительно благотворнаго вліянія римской цивилизаціи; ихъ послѣднею школою были истребительныя войны съ другими столько же варварскими народами; между вождями, которые вели ихъ къ завоеваніямъ, не было ни одного, кото-

dell academia di Torino, XXXIII), также Balbo, Storia d'Italia, T. II; Manzoni, Sopra alcuni punti della storia longobardica (въ предисловіи къ трагедіи Adelchi, Milano, 1822). Наконецъ превосходное изслѣдованіе Carlo Troya, Della condizione de'Romani vinti daï Longobardi, Milano, 1844. Весьма замѣчательно также по многимъ умнымъ и тонкимъ соображеніямъ изслѣдованіе проф. Capei, Sulla dominazione dei Longobardi in Italia, напечатанное въ Archivio Storico, Appendice, T. II. Въ нѣмецкой историко-критической литературѣ кромѣ Савиньи, въ его Gesch. d. v. Rechts, и Лео, въ его Entwickelung der Verfassung der lomb. Städte я Gesch. von Italien, вопросъ спеціально изслѣдованъ въ сочиненіи Беттмана-Гольвега Ursprung der lomb. Städtefreiheit, и еще подробнѣе, шире и основательнѣе въ превосходномъ сочиненіи Гегеля, Gesch. der Städteverfassung v. Italien. Б. Гольвегъ занятъ болѣе опроверженіемъ началъ положенныхъ Савиньи; Гегель старается проложить новый, самостоятельный путь изслѣдованія и указываетъ новые результаты. — [1]) Paul. Diac. II, 12. — [2]) Ibid. cap. 25.

рый бы воспитался въ Константинополѣ и принесъ бы съ собою уваженіе къ римскому закону. Еще видѣнъ нѣкоторый расчетъ въ отношеніяхъ Альбоина къ побѣжденнымъ; но со смертію его исчезаетъ всякій духъ умѣренности. Объ одномъ годѣ правленія Клефа мы знаемъ только, что онъ, избивъ многихъ римлянъ высшаго класса (potentes), другихъ заставилъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Еще тяжелѣе было для римлянъ самоуправство герцоговъ, начавшееся по смерти Клефа: ярость любостяжанія, овладѣвшая тогда лангобардами, открылась новыми убійствами, при чемъ опять пало много благородныхъ римлянъ, и утолилась не прежде, какъ когда всѣ владѣльцы земли, уцѣлѣвшіе отъ истребленія, обязались отдавать побѣдителямъ каждый третью долю собираемыхъ имъ плодовъ [1]). Каждое сохранившееся владѣніе получило такимъ образомъ на свой пай опаснаго „гостя", hospes, каждый владѣлецъ сталъ данникомъ побѣдителя, tributarius. Бѣда бы казалась еще не велика: герулы и потомъ остъ-готы, во время своего владычества надъ Италіею, поступали съ римлянами такимъ же образомъ. Но не забудемъ, во-первыхъ, что у лангобардовъ подобная сдѣлка съ римлянами была уже эпилогомъ къ цѣлому ряду убійствъ, которыхъ вовсе не было при первыхъ завоевателяхъ; что, во-вторыхъ, иное дѣло было для римскаго владѣльца имѣть своимъ гостемъ остъ-гота, за которымъ смотрѣлъ правдивый глазъ Теодериха, и лангобарда, для котораго, особенно въ первую пору завоеванія, не было другого права, кромѣ права сильнаго. Если бы по крайней мѣрѣ однажды принятыя отношенія между лангобардами-побѣдителями и римлянами-данниками установились надолго! Но они измѣнились при первомъ политическомъ переворотѣ въ новомъ государствѣ, и измѣнились опять къ невыгодѣ побѣжденныхъ.

1) Paul. Diac. II, 32: His diebus multi nobilium Romanorum ob cupiditatem interfecti sunt, reliqui vero per hostes (hospites) divisi, ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur. Для лучшаго пониманія этого мѣста отсылаю читателя къ превосходному изслѣдованію Капеи, въ Archivio storico, Appendice, T. II, p. 471. Послѣ его розысканій о значеніи слова tributarii въ эпоху, о которой мы разсуждаемъ, едва ли кто будетъ еще смѣшивать tributarii, то-есть свободныхъ владѣльцевъ земли, обложенныхъ извѣстною податью (противъ Гегеля, I, 404), съ terziatorii — несвободныхъ колоновъ, взносившихъ своимъ патронамъ третью часть плодовъ за пользованіе землею, которая имъ не принадлежала какъ собственность, и слѣдовательно полагать вмѣстѣ съ Лео (Entwick. der Verfass. der Lomb. Staedte, p. 5), что римскіе владѣльцы лишились почти всякой свободы. Скорѣе можно полагать съ Тройа, *что они мало-по-малу* перешли въ полусвободное состояніе „альдіевъ".

Вынужденное обстоятельствами возстановленіе королевской власти обошлось герцогамъ не даромъ: видно, что они дѣйствительно хотѣли себѣ власти крѣпкой и сильной, когда, по словамъ историка, согласились предоставить въ полное распоряженіе новоизбраннаго короля половину своихъ имѣній [1]. Но безвозмездное пожертвованіе было вовсе не въ нравахъ лангобардовъ. Надобно было вознаградить себя за потерю половины достоянія: на чей же счетъ и какими средствами? Всего скорѣе на счетъ тѣхъ же римлянъ, которыхъ судьба была оставаться до времени безотвѣтными, какъ бы ни были притѣснительны мѣры, принятыя противъ нихъ побѣдителями. Въ самомъ дѣлѣ, при всей неопредѣленности выраженій, употребляемыхъ историкомъ, видно однако, что возстановленіе королевской власти у лангобардовъ повело за собою новыя притѣсненія побѣжденныхъ, кончившіяся по всей вѣроятности тѣмъ, что вмѣсто взноса прежде опредѣленной дани, римскіе владѣльцы принуждены были уступить своимъ „гостямъ" половину своихъ земель въ полное ихъ владѣніе. Такимъ раздѣломъ совершенно покрывалась потеря, понесенная лангобардскими владѣльцами въ пользу вновь возстановленной короны [2].

Хотя дѣло и не доходило до лишенія личной свободы, впрочемъ то неоспоримо, что никогда опасность, угрожавшая

---

1) Paul. Diac. III,16.—2) Ibid: Populi tamen aggravati per Langobardos hospites partiuntur. Знаменитое мѣсто лангобардскаго историка, подавшее поводъ къ столькимъ изслѣдованіямъ и породившее столько противорѣчащихъ мнѣній. Объясняя это мѣсто, нѣмецкіе и италіанскіе ученые истощали столько остроумія, что трудно къ ихъ догадкамъ прибавить что-нибудь новое. Да и нѣтъ нужды, кажется: догадка Капеи, которую я привожу въ моемъ изложеніи, и которая въ сущности не разнится отъ предположенія, дѣлаемаго изслѣдователями о судьбахъ собственности въ Италіи (См. Hegel, I, 353, п. 1), по моему мнѣнію, весьма удовлетворительно объясняетъ дѣло. См. Archivio storico italiano, Appendice, T. II, p. 488—489. Я прибавляю только соображеніе, что partiuntur въ смыслѣ половиннаго раздѣла какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тому, что́ историкъ говоритъ намъ о половинѣ имѣній, уступленныхъ герцогами въ пользу королевской власти. Что касается до варіанта patiuntur вмѣсто partiuntur, который принимаетъ и старается оправдать Тройя, то опять нельзя не согласиться съ остроумнымъ Капеи, который называетъ этотъ варіантъ prove di sentimento переписчика (ibid. p. 482). Скуднымъ и неудовлетворительнымъ кажется мнѣ объясненіе Гегеля (I, 358), который въ приведенномъ мѣстѣ Павла Діакона не хочетъ видѣть ничего болѣе, какъ только повтореніе того, что́ историкъ сказалъ прежде объ отношеніяхъ побѣжденныхъ римлянъ къ лангобардамъ. Простое повтореніе уже сказаннаго факта, и притомъ въ другихъ словахъ, не имѣло бы здѣсь никакого значенія. Ср. то, что́ сдѣлали Саксы, прибывши обратно въ свои родныя земли, Paul. Diac. III, 7.

всей римской національности, не была такъ велика, какъ со времени лангобардскаго нашествія. Но всѣ эти жестокости и притѣсненія не были ли можетъ-быть лишь первымъ горячимъ слѣдствіемъ завоеванія, когда враждебно встрѣтились на одной почвѣ двѣ чуждыя одна другой національности? Послушаемъ другого свидѣтеля, котораго показанія относятся къ послѣднему десятилѣтію VI вѣка и тѣмъ важнѣе для насъ, что сдѣланы очевидцемъ событій. Мы разумѣемъ Григорія Великаго. Самъ великій дѣятель въ исторіи своего времени, Григорій не писалъ исторіи, но духъ тревожной современности, страхъ опасности отъ лангобардовъ живо отразились даже на его теологическихъ сочиненіяхъ. Посланія его особенно изобилуютъ живыми изображеніями лангобардской жестокости, которыя совершались въ его глазахъ, подъ самыми стѣнами Рима. Въ его глазахъ, напримѣръ, Аріульфъ, герцогъ сполетскій, во время осады Рима мучилъ и душилъ людей за стѣнами города [1]); въ его глазахъ также, при нашествіи Агилульфа, лангобарды вязали римлянъ, какъ собакъ (more canum), веревками за шею и потомъ отправляли ихъ на продажу во Францію [2]). Бѣдствія этого рода терпѣли римляне не въ окрестностяхъ только Рима, но по всей Италіи, гдѣ только показывались лангобарды. Такъ послѣ взятія Кротона, разсказываетъ Григорій, жители города были уведены въ плѣнъ, дѣти отлучены отъ отцовъ, супруги отъ мужей, многія изъ нихъ были выкуплены потомъ благодаря щедрости римской церкви; другіе оставались въ плѣну, потому что лангобарды назначали за нихъ слишкомъ высокій выкупъ [3]). Воображеніе Григорія такъ было поражено подобными сценами, что онъ не разъ останавливался среди своихъ благочестивыхъ разсужденій, и, уклоняясь отъ предмета, чертилъ картину опустошеній, произведенныхъ лангобардами въ Италіи. Такъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, разсказавъ своему собесѣднику одно видѣніе, бывшее другу Григорія, онъ тотчасъ потомъ переходитъ къ изображенію лангобардскаго нашествія [4]). „Вдругъ свирѣпый народъ лангобардовъ"—говоритъ онъ—„устремившись изъ своихъ первоначальныхъ убѣжищъ, палъ грозою на нашу голову, и многочисленный родъ людской, который на подобіе густой нивы покрывалъ землю сію, изсыхаетъ подсѣкаемый мечами (suc-

[1]) Epist. Greg. l. II, 46. — [2]) Epist. IV, 31. Post haec plaga gravior fuit adventus Agilulphi: ita ut oculis meis cerneram Romanos more canum in collis funibus legatos: qui ad Franciam ducebantur venales.— [3]) Epist. VII, 26.— [4]) Dialog. *lib. III, 38.*

cissum aruit). Лежатъ опустошенные города, ниспровергнутыя укрѣпленія, сожжены и разрушены церкви, монастыри стоятъ опустѣлые, поля оставлены дѣлателями, земля покинута своими жителями, дикіе звѣри заняли тѣ мѣста, гдѣ прежде люди тѣснились во множествѣ. Чтó дѣлается въ другихъ странахъ міра, мы не вѣдаемъ; но судя по тому, чтó происходитъ вокругъ насъ, мы заключаемъ, что міръ не предвозвѣщаетъ только, но уже на дѣлѣ показываетъ намъ свою кончину". И въ своихъ гомиліяхъ на Езекіиля не разъ останавливается Григорій, смущенный мыслію о скоромъ приближеніи лангобардовъ [1]. „Но я долженъ принудить языкъ мой къ молчанію"—заключаетъ онъ свой комментарій: „ибо тоскою исполнилось сердце мое. Напрасно бы старался я обратить умъ мой на божественныя изреченія, ибо на печаль настроена цѣвница моя, и органъ мой вторитъ голосу плачущихъ." [2])

Бѣдная Италія, какою тяжелою цѣною пришлось ей наконецъ поплатиться за свое всемірное владычество, когда въ плачъ и слезы разрѣшались мирныя бесѣды ея церковныхъ учителей!

Другіе германскіе завоеватели, покончивъ раздѣлъ съ побѣжденными, позволяли имъ довольно мирно существовать подлѣ себя и даже пользоваться, въ юридическихъ отношеніяхъ между собою, своимъ собственнымъ правомъ. Взявъ свою долю по праву сильнаго, обезпечивъ себя владѣніемъ и государственною властію, франки, бургунды, готы терпѣли подлѣ себя другое гражданское общество, которое продолжало жить по своимъ, то-есть римскимъ законамъ. Они не хотѣли отнимать у другихъ того, въ чемъ сами пока не чувствовали нужды, и прямо выговаривали въ своихъ законахъ сосуществованіе другого гражданскаго права на ряду съ своимъ. Правда, что возникшая отсюда система такъ-называемыхъ „личныхъ" правъ очень мало говорила въ пользу единства общества; она напротивъ показывала, что между разными его элементами нѣтъ ничего общаго. Но это временное зло могло имѣть свою добрую сторону: съ теченіемъ времени одно изъ двухъ сосуществующихъ юридическихъ началъ должно было побѣдить другое. Какъ было предсказывать напередъ, что побѣда не останется на сторонѣ римскаго, что многія черты не перейдутъ отсюда въ право варварское? Возможность такого явленія мы уже видѣли въ государствѣ остъ-готовъ.

---

1) См. Praefatio ко 2-й книгѣ гомилій.—2) Homel. super Ezechiel, T. II,

Лангобарды приносили съ собою рѣшительную исключительность ко всѣмъ другимъ правамъ, кромѣ своего собственнаго. Они не хотѣли дать полной свободы въ этомъ отношеніи даже товарищамъ своего предпріятія на Италію [1]. Саксы, принимавшіе такое дѣятельное участіе въ завоевательномъ походѣ лангобардовъ, принуждены были потомъ оставить Италію и пробиваться обратно въ свои земли, потому что лангобарды никакъ не хотѣли допустить существованія между ними особаго общества, которое бы жило по своимъ особеннымъ законамъ, какъ этого требовали для себя саксы. Той же участи, вѣроятно, подвергались бы и другія народныя дружины, участвовавшія въ ополченіи лангобардовъ; но менѣе проникнутыя потребностію независимости, онѣ согласились лучше подчиниться лангобардскому началу и остались въ Италіи. Нельзя предполагать, чтобы лангобардами руководило ясное сознаніе потребности государственнаго единства: откуда бы, изъ какихъ опытовъ могло взяться у нихъ болѣе политическаго смысла, чѣмъ сколько было его у другихъ германскихъ народовъ? Другое дѣло предположить, что они сохранили болѣе дикой энергіи, чѣмъ другіе выходцы изъ Германіи, что тотъ же истребительный, непримиримый духъ, который управлялъ ими въ безпощадной войнѣ съ гепидами, перенесли они и на италіанскую землю. Снисхожденіе къ побѣжденнымъ еще не вошло въ нравы лангобардовъ, еще мало дышали они укрощающею римскою атмосферою. Какъ бы то ни было, послѣ опыта съ саксами, римляне не могли ожидать ничего лучшаго для себя по отношенію къ праву. Не считая тѣхъ, которые погибли подъ мечомъ завоевателей или стали ихъ живою добычею, остальнымъ не представлялось впереди даже надежды сохранить то, въ чемъ одномъ, сверхъ языка, могъ бы еще уцѣлѣть нѣкоторый признакъ ихъ когда-то великой, теперь же погибающей національности. Жизнь народная въ Италіи такъ тѣсно слита была съ формами римской юридической жизни, которыя выработались вѣками, что раздѣлить ихъ одну отъ другой было болѣе невозможно: уничтожить дѣйствительное значеніе этихъ формъ значило отнять у италіанской жизни всякій самостоятельный характеръ—лучшее средство къ тому, чтобы совершенно погасить ее во всепоглощающей лангобардской національности.

---

[1] Paul. Diac. III, 6: Sed neque eis (Saxonibus) a Langobardis permissum *est in proprio jure subsistere*, ideoque aestimantur in suam patriam repedasse.

отдаленной эпохи. Между нею и тѣмъ временемъ, въ которомъ мы теперь находимся, прошло такъ много событій, что только ближайшее знакомство съ ними можетъ объяснить появленіе вновь римскаго имени въ лангобардскомъ законодательствѣ. До того мы знаемъ о римлянахъ только одно, что подъ лангобардскою властію они оставались съ своимъ правомъ, но внѣ покровительства чужого закона.

Трудно представить себѣ состояніе болѣе безотрадное, болѣе лишенное всякихъ видовъ на будущее. Итакъ римской національности оставалось лишь столько мѣста въ составѣ новаго государства, сколько она могла занять въ немъ своимъ матеріальнымъ существованіемъ. Послѣ первыхъ неистовствъ, которыхъ жертвою было побѣжденное римское народонаселеніе, произволъ побѣдителя какъ будто оттолкнулъ отъ себя всякую мысль объ его будущности. На первый разъ можно было принять за особенное счастіе, что лангобардское наводненіе не покрыло всего полуострова: по берегамъ его уцѣлѣли еще нѣкоторые свободные пункты, гдѣ римская національность, хотя въ малыхъ размѣрахъ, могла спастись отъ потопленія. Но изъ того, что лангобардское завоеваніе остановилось на время, можно ли было заключать, что оно уже не пойдетъ далѣе? что между вождями лангобардовъ не найдется столько предпріимчиваго человѣка, который бы захотѣлъ раздвинуть границы новаго государства до предѣловъ, указываемыхъ самою природой? что мало-по-малу не войдутъ въ составъ его Римъ и Равенна, какъ вошли Миланъ, Павія и другіе города сѣверной и средней Италіи? Стоитъ взглянуть на карту, чтобы видѣть, что лангобардское завоеваніе совершило развѣ только свой первый періодъ, что границы его нисколько не установились; франки сначала тоже не простирались далѣе Лоары. При тѣхъ убогихъ средствахъ, которыя Римъ и весь экзархатъ могли противопоставить новому движенію лангобардскаго завоеванія, ничего не было вѣрнаго. Только крайнія, чрезвычайныя усилія могли бы еще спасти Римъ и съ нимъ римское имя отъ конечнаго потопленія; только примкнувъ къ спасенному Риму могли бы устоять противъ превозмогающей лангобардской силы и тѣ остатки римской національности, сколько ихъ уцѣлѣло за чертою лангобардскаго завоеванія или внутри его.

По счастію, лангобардское завоеваніе запоздало тремя четвертями вѣка. Будь оно на мѣстѣ готскаго, нельзя было бы поручиться за спасеніе Италіи. Но съ того времени сознаніе народа было уже пробуждено настолько, чтобы не

быть ему равнодушнымъ свидѣтелемъ гибели своей національности; живое стремленіе предотвратить всякій ударъ, угрожающій этой національности, потомъ болѣе не умирало въ Италіи, и, что̀ особенно важно, оно нашло себѣ прочный центръ, къ которому могли примкнуть всѣ живыя силы народа, искавшаго спасенія своей самобытности. Этотъ центръ былъ, какъ мы знаемъ, не въ Равеннѣ, а въ Римѣ. Потому особенно было важно спасеніе Рима отъ потока лангобардскаго завоеванія. Никогда не бываетъ такъ трудно стереть одну національность силою другой, какъ когда первая уже проникнулась сознаніемъ своей самостоятельности и нашла точку для соединенія своихъ силъ въ томъ или другомъ національномъ учрежденіи. Отъ внѣшнихъ средствъ дѣйствительно нельзя было ожидать спасенія Рима; но многое еще могло совершиться въ немъ съ помощью тѣхъ внутреннихъ силъ, которыя онъ успѣлъ развить въ себѣ въ продолженіе VI вѣка; онъ одинъ могъ организовать цѣлую систему защиты и положить предѣлъ лангобардскому завоеванію. Едва ли нужно говорить, что для совершенія такого дѣла необходимо предполагать содѣйствіе особаго таланта, присутствіе великой личности, которая бы умѣла сосредоточить въ своихъ рукахъ сохранившіяся народныя силы и направить ихъ твердою волею на великое дѣло національнаго спасенія. У лангобардовъ, за исключеніемъ одного періода, до самаго конца ихъ владычества въ Италіи не было недостатка въ людяхъ, которые не переставали думать о покореніи всей страны: отчего же между римлянами, особенно въ трудныя эпохи ихъ народной жизни, не могло бы найтись людей, которые, вдохновляясь самою опасностію положенія, развили бы чрезвычайныя силы, чтобы противопоставить твердый оплотъ лангобардскимъ стремленіямъ? Трудныя времена народной жизни и есть та настоящая почва, на которой родится и зрѣетъ истинное величіе.

Положеніе Рима никогда не было такъ опасно, какъ со времени возстановленія королевства у лангобардовъ. Избраніе Автари снова сосредоточивало разрозненныя силы лангобардовъ, чтобы устремить ихъ потомъ на остатки римскаго владычества въ Италіи. Перемиріе, заключенное въ 584 году между Автари и экзархомъ Смарагдомъ, продолжалось не долго [1].

[1] Murat. Ann. ad an. 587. Слова Павла Діакона также указываютъ на трехгодичный срокъ перемирія, хотя безъ точнаго опредѣленія времени: Post haec Authari rex cum Smaragdo patricio *usque in annum tertium* pacem fecit. Paul. *Diac. III, 18.*

отдаленной эпохи. Между нею и тѣмъ временемъ, въ которомъ мы теперь находимся, прошло такъ много событій, что только ближайшее знакомство съ ними можетъ объяснить появленіе вновь римскаго имени въ лангобардскомъ законодательствѣ. До того мы знаемъ о римлянахъ только одно, что подъ лангобардскою властію они оставались съ своимъ правомъ, но внѣ покровительства чужого закона.

Трудно представить себѣ состояніе болѣе безотрадное, болѣе лишенное всякихъ видовъ на будущее. Итакъ римской національности оставалось лишь столько мѣста въ составѣ новаго государства, сколько она могла занять въ немъ своимъ матеріальнымъ существованіемъ. Послѣ первыхъ неистовствъ, которыхъ жертвою было побѣжденное римское народонаселеніе, произволъ побѣдителя какъ будто оттолкнулъ отъ себя всякую мысль объ его будущности. На первый разъ можно было принять за особенное счастіе, что лангобардское наводненіе не покрыло всего полуострова: по берегамъ его уцѣлѣли еще нѣкоторые свободные пункты, гдѣ римская національность, хотя въ малыхъ размѣрахъ, могла спастись отъ потопленія. Но изъ того, что лангобардское завоеваніе остановилось на время, можно ли было заключать, что оно уже не пойдетъ далѣе? что между вождями лангобардовъ не найдется столько предпріимчиваго человѣка, который бы захотѣлъ раздвинуть границы новаго государства до предѣловъ, указываемыхъ самою природой? что мало-по-малу не войдутъ въ составъ его Римъ и Равенна, какъ вошли Миланъ, Павія и другіе города сѣверной и средней Италіи? Стоитъ взглянуть на карту, чтобы видѣть, что лангобардское завоеваніе совершило развѣ только свой первый періодъ, что границы его нисколько не установились; франки сначала тоже не простирались далѣе Лоары. При тѣхъ убогихъ средствахъ, которыя Римъ и весь экзархатъ могли противопоставить новому движенію лангобардскаго завоеванія, ничего не было вѣрнаго. Только крайнія, чрезвычайныя усилія могли бы еще спасти Римъ и съ нимъ римское имя отъ конечнаго потопленія; только примкнувъ къ спасенному Риму могли бы устоять противъ превозмогающей лангобардской силы и тѣ остатки римской національности, сколько ихъ уцѣлѣло за чертою лангобардскаго завоеванія или внутри его.

По счастію, лангобардское завоеваніе запоздало тремя четвертями вѣка. Будь оно на мѣстѣ готскаго, нельзя было бы поручиться за спасеніе Италіи. Но съ того времени сознаніе народа было уже пробуждено настолько, чтобы не

ляне, и во главѣ ихъ префектъ города, приняли свои мѣры: они перехватили письмо Григорія и съ своей стороны обратились съ просьбою къ императору, чтобы Григорій не могъ уже потомъ сослаться ни на какое препятствіе. Говорили впрочемъ, что, когда уже императорское рѣшеніе стало извѣстно въ Римѣ, Григорій думалъ бѣжать, но былъ схваченъ и силою введенъ въ церковь, гдѣ потомъ совершено надъ нимъ посвященіе. Мы поймемъ лучше упорство Григорія, когда увидимъ, какое понятіе имѣлъ онъ о дѣятельности, соединенной съ властію римскаго епископа. Но не испытавъ еще своихъ силъ, онъ не имѣлъ довольно вѣры въ себя и какъ бы боялся не удовлетворить своему назначенію.

Между тѣмъ къ этому предназначенію вела уже нѣкоторымъ образомъ вся предшествующая жизнь и дѣятельность Григорія [1]). Онъ происходилъ отъ одного изъ сенаторскихъ римскихъ родовъ. Въ нихъ административная мудрость была часто наслѣдственнымъ качествомъ. Григорій также приносилъ съ собою въ свѣтъ много практическаго смысла. Въ своей юности онъ воспользовался тѣми средствами образованія, которыя еще можно было найти въ Римѣ; но самую важную часть его воспитанія составило, кажется, сообразное съ потребностями времени, духовное просвѣщеніе Впослѣдствіи онъ особенно любилъ питать мысль свою чтеніемъ твореній блаженнаго Августина. Подобныя занятія если не развили въ немъ высокаго созерцательнаго направленія (что́ впрочемъ едва ли бы и могло согласоваться съ чисто римскою натурою), то много способствовали образованію въ немъ глубокаго христіанскаго духа, особенно обращеннаго на нравственную сторону жизни. Должность городского претора рано открыла Григорію возможность ознакомиться ближе съ административнымъ состояніемъ Рима и узнать короче его нужды; но въ то же самое время развилось въ немъ и аскетическое направленіе, всего болѣе, вѣроятно, вслѣдствіе той болѣзненности, которой онъ былъ подверженъ еще въ молодыхъ лѣтахъ [2]). На соб-

1) См. Neander, Gesch. d. christ. Kirche, III, p. 282 et seqq.—2) См. Vita Gregorii papae при его твореніяхъ. Въ одномъ мѣстѣ, Epist. lib. VIII, 127, Григорій самъ говоритъ о себѣ: Quosdam de Sicilia venientes affectu quo debui de sospitate vestrae excellentiae requirere curavi. Sed de assiduitate aegritudinum mihi tristem responderunt. Haec autem dicens nec ego vobis de me ipso invenio aliud quod debeam nunciare: nisi quod peccatis meis exigentibus ecce jam undecim menses sunt, quod valde rarum est, si de lecto surgere *aliquando potuero.* Въ другомъ мѣстѣ, lib. VII, 53: Sed scire te necesse est, fili

енный счетъ Григорій основалъ шесть монастырей, и напецъ въ одномъ изъ нихъ самъ затворился отъ міра. Папа пагій однако снова вызвалъ его къ дѣятельности изъ монастырскаго уединенія, поставивъ его въ число 7 діаконовъ иской церкви и отправилъ его своимъ повѣреннымъ (апосіаріемъ, responsalis) въ Константинополь. Это значило учить Григорію заступать передъ византійскимъ дворомъ тересы римской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ римскаго народа. нимая этотъ важный постъ нѣсколько лѣтъ къ ряду, подникъ между римскимъ епископскимъ и императорскимъ столами имѣлъ очень много данныхъ, чтобы спокойно обцить тогдашнее состояніе Италіи, и видѣть, чего можно по ожидать для нея отъ имперіи [1]). Изъ Константинополя, в въ послѣдней инстанціи разбирались отношенія римскихъ ископовъ къ экзарху и другимъ мѣстнымъ властямъ Италіи, къ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, едва ли не удобнѣе всего по оцѣнить то значеніе, которое пріобрѣталъ римскій престолъ отношенію къ цѣлой Италіи. Роль была такого рода, что пичія еще не замѣчалось, а трудности были со всѣхъ стоъ. Возвратившись изъ Константинополя, Григорій снова ключился въ монастырѣ. Римляне, какъ мы видѣли, взысли его въ минуту опасности, когда потребовался человѣкъ честною волею и неусыпно-дѣятельнымъ умомъ. Понимая шь добросовѣстное исполненіе обязанности, мало занятый имуществами власти, Григорій принялъ выборъ римлянъ большимъ принужденіемъ. Но римляне своею непреклонною стойчивостію рѣшили очень важное дѣло: отъ этого выбора висѣло многое въ судьбахъ не только Рима, но и цѣлой таліи.

Прежде всего участь Италіи зависѣла отъ рѣшенія лангордскаго вопроса: взглянемъ сначала на дѣятельность Грирія по отношенію къ лангобардамъ.

Недавно еще говорили мы о новыхъ успѣхахъ лангобаровъ въ Италіи. Однако въ самый годъ вступленія Григоя на престолъ, владычество ихъ вдругъ потерпѣло сильное трясеніе. Не потому, чтобы лангобарды впали снова въ

---

rissime, quod tantis podagrae doloribus tantisque curarum tumultibus premor, quamvis unquam me aliquid fuisse reminiscero, valde tamen me videam non e qui fuerim.—1) Трудно опредѣлить въ точности время пребыванія Григорія Константинополѣ. Муратори полагаетъ начало его въ 579 и до 585 (см. Ann. ду этими годами). Вѣрно впрочемъ то, что просьбы Пелагія о помощи проъ лангобардовъ передаваемы были императору Григоріемъ.

анархію герцогскаго правленія: мужественный Автари еще продолжалъ носить лангобардскую корону; и не потому, чтобы противники его открыли новыя средства, которыя бы необходимо должны были склонить перевѣсъ на ихъ сторону: не дѣлая никакихъ чрезвычайныхъ усилій, имперія дѣйствовала на этотъ разъ съ помощію своихъ старыхъ союзниковъ, франковъ. Но ударъ веденъ былъ такъ дружно, что лангобардское королевство на минуту было поставлено въ весьма опасное положеніе. Хильдебертъ выслалъ двѣ большія арміи, составленныя изъ франковъ и другихъ, покорныхъ ему, германскихъ народовъ [1]. Одна, подъ предводительствомъ Авдоальда, проникла въ Италію черезъ Рецію и подступила къ самымъ стѣнамъ Милана; другая же, которую велъ Хединъ (Cedinus), спустилась къ самой Веронѣ, разрушивъ на пути своемъ множество лангобардскихъ укрѣпленій [2]. Въ то же время, или еще даже до прибытія франковъ, предпріимчивый Романъ выступилъ изъ Равенны, взялъ города Мантую, Альтино и Модену [3]; такимъ образомъ онъ сталъ между сѣверными и южными владѣніями лангобардовъ, и чтобы совершенно разорвать всякую связь между ними, готовился приступить къ осадѣ Пармы, Реджіо и Піаченцы. Едва ли даже не были взяты и эти города, и уже была рѣчь о соединеніи императорской арміи съ королевскою, которая стояла близъ Милана. Автари, захваченный врасплохъ, не могъ соединить всѣхъ отрядовъ лангобардскаго ополченія и принужденъ былъ запереться въ Павіи. Но его не хотѣли и здѣсь оставить въ покоѣ: съ императорской стороны открыты были переговоры съ Хединомъ, стоявшимъ подъ Вероною, чтобы условиться объ осадѣ Автари въ самой его резиденціи.

Участь остъ-готовъ могла бы повториться надъ лангобардами, если бы послѣдовало предположенное соединеніе императорской арміи съ франкскою, и Автари былъ бы осажденъ соединенными силами въ Павіи. Доказательство, какъ еще непрочно было, при всей энергіи лангобардовъ, владычество ихъ въ Италіи, и какъ многое могъ бы сдѣлать Маврикій въ пользу этой страны, если бы преслѣдовалъ мысль о свободѣ ея съ

---

[1]) Paul. Diac. III, 30, который въ этомъ случаѣ опять держится Григорія Турскаго. Ср. Mur. Ann. ad an. 590. См. также письма Хильдеберта, Брунегильды, императора, у Duchesne, Hist. Franc. Scripp. 1.—[2]) Ibid: Per Placentiam vero exercitus Francorum usque Veronam venerunt. Cedinus въ другомъ мѣстѣ называется Chenus.—[3]) См. у Дюшена письма императора и экзарха къ Хильдеберту.

настойчивостію, или если бы предпріимчивости новаго экзарха Италіи соотвѣтствовали и высокія стратегическія способности.

Но благопріятное время было почему-то потеряно даромъ. Въ продолженіе трехъ дней должно было соединиться войско императорское съ франками, но они напрасно ждали его цѣлые шесть дней [1]. Вмѣсто того, чтобы спѣшить соединеніемъ, экзархъ предпочелъ напередъ занять своими войсками Истрію. Климатъ Италіи не замедлилъ между тѣмъ произвести свое дѣйствіе на непривычную натуру франковъ: между ними открылись повальныя болѣзни. Оставляя всякую мысль о побѣдѣ и завоеваніи, вожди франкскіе думали уже только о томъ, какъ бы спасти свое войско отъ распространяющейся смертности, и спѣшили перемиріемъ съ лангобардами обезпечить себѣ отступленіе изъ Италіи [2]. Но ихъ преслѣдовалъ еще другой врагъ, съ которымъ нельзя было даже заключить никакого перемирія — голодъ; чтобы только спасти себя отъ голодной смерти, франки принуждены были дорогою продавать свое платье и даже самое оружіе.

Греки еще надѣялись, что союзники ихъ воротятся съ новыми силами ко времени жатвы, чтобы не дать воспользоваться ею лангобардамъ; но если бы франки дѣйствительно снова пришли въ Италію, нельзя было бы ожидать, чтобы вмѣстѣ съ ними возвратились и прежнія благопріятныя обстоятельства. Предпріятіе рушилось, потому что не умѣли воспользоваться минутой. Автари, вздохнувъ свободно, тотчасъ вступилъ въ переговоры съ Гунтрамномъ бургундскимъ, чтобы при его посредствѣ заключить миръ съ племянникомъ его Хильдебертомъ. Онъ, правда, умеръ во время переговоровъ; но, благодаря уму и твердости королевы Теоделинды, правительство лангобардское оттого нисколько не потерпѣло въ своей силѣ и продолжало итти прежнимъ путемъ къ своей цѣли. Новые послы лангобардскіе, извѣстившіе Хильдеберта о смерти Автари, имѣли полномочіе продолжать переговоры о мирѣ. Теоделинда, по происхожденію своему, была баварская принцесса [3], и не болѣе какъ за годъ до смерти Автари, была

[1] Paul. Diac. ibid: Quo loco (близъ Милана) ad eos imperatoris legati venerunt, nunciantes adesse exercitum in solatio eorum dicentesque: quia post triduum cum eisdem veniemus. Sed... expectantes Francorum duces diebus sex juxta placitum, nullum ex eis, quos legati imperatoris promiserant, venisse contemplati sunt.—[2] О десяти-мѣсячномъ перемиріи Хедина съ лангобардами упоминается въ томъ же письмѣ императора къ Хильдеберту.—[3] См. Murat. Ann. ad an. 589. Романическую исторію перваго свиданія Автари съ Теоделиндою разсказываетъ Павелъ Діаконъ, III. 29.

анархію герцогскаго правленія: мужественный Автари еще продолжалъ носить лангобардскую корону; и не потому, чтобы противники его открыли новыя средства, которыя бы необходимо должны были склонить перевѣсъ на ихъ сторону: не дѣлая никакихъ чрезвычайныхъ усилій, имперія дѣйствовала на этотъ разъ съ помощію своихъ старыхъ союзниковъ, франковъ. Но ударъ веденъ былъ такъ дружно, что лангобардское королевство на минуту было поставлено въ весьма опасное положеніе. Хильдебертъ выслалъ двѣ большія арміи, составленныя изъ франковъ и другихъ, покорныхъ ему, германскихъ народовъ [1]). Одна, подъ предводительствомъ Авдоальда, проникла въ Италію черезъ Рецію и подступила къ самымъ стѣнамъ Милана; другая же, которую велъ Хединъ (Cedinus), спустилась къ самой Веронѣ, разрушивъ на пути своемъ множество лангобардскихъ укрѣпленій [2]). Въ то же время, или еще даже до прибытія франковъ, предпріимчивый Романъ выступилъ изъ Равенны, взялъ города Мантую, Альтино и Модену [3]); такимъ образомъ онъ сталъ между сѣверными и южными владѣніями лангобардовъ, и чтобы совершенно разорвать всякую связь между ними, готовился приступить къ осадѣ Пармы, Реджіо и Піаченцы. Едва ли даже не были взяты и эти города, и уже была рѣчь о соединеніи императорской арміи съ королевскою, которая стояла близъ Милана. Автари, захваченный врасплохъ, не могъ соединить всѣхъ отрядовъ лангобардскаго ополченія и принужденъ былъ запереться въ Павіи. Но его не хотѣли и здѣсь оставить въ покоѣ: съ императорской стороны открыты были переговоры съ Хединомъ, стоявшимъ подъ Вероною, чтобы условиться объ осадѣ Автари въ самой его резиденціи.

Участь остъ-готовъ могла бы повториться надъ лангобардами, если бы послѣдовало предположенное соединеніе императорской арміи съ франкскою, и Автари былъ бы осажденъ соединенными силами въ Павіи. Доказательство, какъ еще непрочно было, при всей энергіи лангобардовъ, владычество ихъ въ Италіи, и какъ многое могъ бы сдѣлать Маврикій въ пользу этой страны, если бы преслѣдовалъ мысль о свободѣ ея съ

---

[1]) Paul. Diac. III, 30, который въ этомъ случаѣ опять держится Григорія Турскаго. Ср. Mur. Ann. ad an. 590. См. также письма Хильдеберта, Брунегильды, императора, у Duchesne, Hist. Franc. Scripp. 1.—[2]) Ibid: Per Placentiam vero exercitus Francorum usque Veronam venerunt. Cedinus въ другомъ мѣстѣ называется Chenus.—[3]) См. у Дюшена письма императора и экзарха къ Хильдеберту.

настойчивостію, или если бы предпріимчивости новаго экзарха Италіи соотвѣтствовали и высокія стратегическія способности.

Но благопріятное время было почему-то потеряно даромъ. Въ продолженіе трехъ дней должно было соединиться войско императорское съ франками, но они напрасно ждали его цѣлые шесть дней [1]). Вмѣсто того, чтобы спѣшить соединеніемъ, экзархъ предпочелъ напередъ занять своими войсками Истрію. Климатъ Италіи не замедлилъ между тѣмъ произвести свое дѣйствіе на непривычную натуру франковъ: между ними открылись повальныя болѣзни. Оставляя всякую мысль о побѣдѣ и завоеваніи, вожди франкскіе думали уже только о томъ, какъ бы спасти свое войско отъ распространяющейся смертности, и спѣшили перемиріемъ съ лангобардами обезпечить себѣ отступленіе изъ Италіи [2]). Но ихъ преслѣдовалъ еще другой врагъ, съ которымъ нельзя было даже заключить никакого перемирія — голодъ; чтобы только спасти себя отъ голодной смерти, франки принуждены были дорогою продавать свое платье и даже самое оружіе.

Греки еще надѣялись, что союзники ихъ воротятся съ новыми силами ко времени жатвы, чтобы не дать воспользоваться ею лангобардамъ; но если бы франки дѣйствительно снова пришли въ Италію, нельзя было бы ожидать, чтобы вмѣстѣ съ ними возвратились и прежнія благопріятныя обстоятельства. Предпріятіе рушилось, потому что не умѣли воспользоваться минутой. Автари, вздохнувъ свободно, тотчасъ вступилъ въ переговоры съ Гунтрамномъ бургундскимъ, чтобы при его посредствѣ заключить миръ съ племянникомъ его Хильдебертомъ. Онъ, правда, умеръ во время переговоровъ; но, благодаря уму и твердости королевы Теоделинды, правительство лангобардское оттого нисколько не потерпѣло въ своей силѣ и продолжало итти прежнимъ путемъ къ своей цѣли. Новые послы лангобардскіе, извѣстившіе Хильдеберта о смерти Автари, имѣли полномочіе продолжать переговоры о мирѣ. Теоделинда, по происхожденію своему, была баварская принцесса [3]), и не болѣе какъ за годъ до смерти Автари, была

[1]) Paul. Diac. ibid: Quo loco (близъ Милана) ad eos imperatoris legati venerunt, nunciantes adesse exercitum in solatio eorum dicentesque: quia post triduum cum eisdem veniemus. Sed... expectantes Francorum duces diebus sex juxta placitum, nullum ex eis, quos legati imperatoris promiserant, venisse contemplati sunt.—[2]) О десяти-мѣсячномъ перемиріи Хедина съ лангобардами упоминается въ томъ же письмѣ императора къ Хильдеберту.—[3]) См. Murat. Ann. ad an. 589. Романическую исторію перваго свиданія Автари съ Теоделиндою разсказываетъ Павелъ Діаконъ, III. 29.

взыскана имъ по молвѣ объ ея прекрасныхъ качествахъ, но она въ короткое время успѣла войти во всѣ важнѣйшіе интересы лангобардскаго государства, несмотря на то, что рѣзко отдѣлялась отъ народа своими католическими вѣрованіями. Теоделинда нисколько не потерялась по смерти мужа. Ея будущность представлялась не въ самомъ свѣтломъ видѣ: никакой законъ не обезпечивалъ продолженія королевской власти, по смерти короля, въ лицѣ его супруги. Тѣмъ, что тотчасъ по смерти Автари не началось опять самовластіе герцоговъ, Теоделинда обязана была лишь особенной благосклонности къ ней лангобардовъ [1]). Но это личное расположеніе не представляло еще довольно ручательствъ въ будущемъ. Теоделинда хотѣла лучше воспользоваться согласіемъ лангобардовъ на то, чтобы она вновь избрала себѣ супруга, и такимъ образомъ вновь обезпечить свое состояніе среди чуждаго ей народа мужескимъ совѣтомъ и помощію крѣпкой мужской руки. Она не замедлила своимъ рѣшеніемъ. Выборъ ея палъ на Агилульфа, герцога туринскаго, красиваго по наружности, воинственнаго по духу. Агилульфъ получилъ приглашеніе видѣться съ королевою. Она сама выѣхала къ нему навстрѣчу и, послѣ первыхъ привѣтственныхъ словъ, поднесла ему кубокъ съ виномъ, отвѣдавъ напередъ сама. Агилульфъ выпилъ и почтительно поцѣловалъ руку королевы. Тогда, съ краскою въ лицѣ, Теоделинда замѣтила, что онъ можетъ взять ту же самую дань прямо съ ея губъ [2]). Черезъ нѣсколько времени потомъ, Агилульфъ былъ провозглашенъ королемъ, и однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было заключеніе мирнаго договора съ франками.

Переходъ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія совершился впрочемъ не безъ потрясенія. Гордость лангобардскихъ герцоговъ была оскорблена предпочтеніемъ Агилульфа. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли потерпѣть надъ собою власти того, кого они привыкли считать равнымъ себѣ. Неудовольствіе скоро выразилось открытымъ возстаніемъ [3]). Три герцога,

---

[1]) Paul. Diac. III, 34: Reginam vero Theodelindam, *quae satis placebat Langobardis*, permiserunt in regia consistere dignitate, suadentes ei, ut sibi quem voluisset ex omnibus Langobardis virum eligeret, talem scilicet, qui regnum regere utiliter posset.—[2]) Paul. Diac. III, 34: Quae (regina) cum prior bibisset, residuum Agilulfo ad bibendum tribuit. Is cum reginae accepto poculo manum honoratiliter osculatus esset, regina cum rubore subridens, non debere sibi manum osculari ait, quem osculum sibi ad hos jungere oporteret. Moxque eum ad suum basium erigens, ei de suis nuptiis, deque regni dignitate aperuit.—[3]) Paul. Diac. IV, 3.

бергамскій, тревизскій и съ острова Камо (de insula Comacina), подняли знамя бунта. Но Агилульфъ доказалъ мятежникамъ, что онъ былъ предпочтенъ Теоделиндою не за одну только красоту. Мятежники должны были смириться передъ его крѣпкою рукою. Обезпечивъ себя еще миромъ съ аварами [1], Агилульфъ могъ потомъ съ полною свободою обратиться противъ римлянъ. Онъ ожидалъ только случая, чтобы возобновить военныя дѣйствія, и этотъ случай не замедлилъ представиться.

Надобно сказать, что экзархъ Романъ также не оставался безъ дѣйствія, пока лангобарды заняты были происходившею у нихъ перемѣною. Онъ очень хорошо понялъ необходимость обезпечить свои сношенія съ Римомъ занятіемъ срединныхъ лангобардскихъ владѣній. Съ этою цѣлію онъ самъ явился въ Римъ и, умноживъ свои силы тамошнимъ гарнизономъ, выступилъ отсюда на покореніе окрестныхъ городовъ, которые были во власти лангобардовъ. Герцогъ Перуджіи былъ имъ подкупленъ заранѣе, и потому Перуджія сдалась безъ сопротивленія [2]. Кромѣ того экзархъ занялъ Сутри, Полимарцо, Амерію и нѣкоторые другіе города, и возвратился въ Равенну.

Это дѣло, повидимому столько выгодное, вызвало впрочемъ только новую грозу со стороны лангобардовъ, и она обратилась всего болѣе на Римъ. Агилульфъ не хотѣлъ простить римлянамъ ихъ дерзкой попытки разорвать сѣверныя лангобардскія владѣнія съ южными; онъ думалъ не только возвратить Перуджію, но и отмстить римлянамъ за оскорбленіе. Выступивъ самъ съ войскомъ изъ Павіи, онъ въ то же время далъ приказаніе Аріульфу, герцогу сполетскому, двинуться съ своими силами противъ Рима [3]. Ударъ послѣдовалъ быстро. Еще въ Римѣ не знали хорошо, куда обратится Аріульфъ, какъ онъ уже появился въ окрестностяхъ города, обозначая свой путь кровію. На городъ впрочемъ онъ не осмѣлился сдѣлать открытаго нападенія, вѣроятно по недостатку силъ; но по слѣдамъ его шелъ Агилульфъ: онъ пролагалъ себѣ путь черезъ мѣста, недавно занятыя экзархомъ, взялъ обратно Перуджію, казнилъ измѣнившаго ему герцога и затѣмъ подступилъ къ самому Риму. Григорій занятъ былъ объясненіемъ пророка Іезекіиля, когда распространилась вѣсть

[1]) Paul. Diac. IV, 4.– [2]) Объ этомъ Муратори ad an. 592. Павелъ Діаконъ (IV, 8) впрочемъ не упоминаетъ о подкупѣ.—[3]) Murat. Ann. ad an. 592. О современномъ же нападеніи герцога Беневентскаго на Неаполь см. ibid.

о приближеніи Агилульфа съ главными лангобардскими силами [1]). Ужасъ объялъ народъ. Передъ грозою непріятельскаго нашествія, передъ общимъ смятеніемъ Григорій долженъ былъ прервать нить своихъ мирныхъ занятій.

Риму угрожала участь его опустошенныхъ и облитыхъ кровію окрестностей. Средства для защиты у него были самыя скудныя. Экзархъ, выступая противъ Перуджіи, вывелъ изъ Рима почти все войско и оставилъ въ немъ для гарнизона лишь одинъ теодосіанскій полкъ, который, не получая въ срокъ жалованья, показывалъ очень мало усердія къ своему дѣлу. Въ Римѣ въ это время не замѣтно присутствія никакой другой власти, кромѣ Григорія: ни городского префекта, ни военнаго начальника, такъ какъ бы ихъ вовсе не было. За то бдителенъ и неусыпенъ былъ Григорій. Онъ въ самомъ дѣлѣ взялъ на себя обязанность другихъ властей; какъ будто бы дѣло спасенія Рима лежало прямо на его отвѣтственности, онъ принялъ на себя всѣ распоряженія, ободрялъ народъ, давалъ приказанія военнымъ начальникамъ. Еще Аріульфъ только двинулся изъ Сполето, какъ Григорій писалъ уже къ генералу, стоявшему съ отрядомъ войска въ той странѣ, чтобы онъ наблюдалъ за движеніями герцога и въ случаѣ нужды старался бы сдѣлать на него нападеніе въ тылъ [2]). Нѣсколько позже предостерегалъ онъ отъ нападенія Аріульфа другихъ императорскихъ генераловъ, стоявшихъ въ Тосканѣ. Но военные начальники или мало внимали побужденіямъ римскаго епископа, отъ котораго они не считали себя въ зависимости, или не имѣли достаточно средствъ остановить движеніе Агилульфа. Помощь могла прійти только отъ экзарха; но экзархъ не трогался съ мѣста, а вмѣсто его подъ стѣнами Рима стоялъ Аріульфъ. Григорій былъ не военное лицо; сколько бы онъ не носилъ мужества въ груди, не броситься же ему въ бой, чтобъ отбить врага. Ему оставалось одно средство: выговорить пощаду Рима посредствомъ мирныхъ переговоровъ съ непріятелемъ. Ведя искусно это дѣло, особенно съ помощію нѣкоторыхъ вспомогательныхъ средствъ, можно было добиться довольно удовлетворительныхъ условій. Вынужденный крайнею необходимостію, Григорій вошелъ въ сношенія съ Аріульфомъ,-

---

1) Ср. Murat. Ann. ad 593. См. также Paul. Diac. IV, 8, который, противорѣча себѣ, говоритъ, что, взявъ Перуджію, Агилульфъ обратно перешелъ По.— 2) Ad Velocem magistrum militum, et caet. Эти письма приводитъ Муратори ad an. 592. Я не нашелъ ихъ въ собраніи писемъ Григорія, которымъ пользовался. Вѣроятно, Муратори взялъ ихъ изъ другого собранія.

и уже былъ близокъ къ своей цѣли, какъ вдругъ встрѣтилъ противорѣчіе со стороны экзарха [1]). Письменныя сношенія съ Равенною, какъ видно, не прерывались, и экзархъ далъ знать епископу, что онъ не хочетъ мира.

Противорѣчіе, странное съ перваго взгляда, но въ сущности довольно понятное. Его нельзя объяснить твердымъ намѣреніемъ экзарха продолжать войну. Онъ начиналъ чувствовать присутствіе въ экзархатѣ другой власти, которая уже обходила его самого. Новый римскій епископъ бралъ на себя вести переговоры съ Аріульфомъ: итакъ онъ могъ даже заключить и миръ съ непріятелемъ? Не значило ли это нѣкоторымъ образомъ присвоить себѣ право, принадлежащее высшей власти?

Неизвѣстно положительно, чѣмъ кончились сношенія Григорія съ Аріульфомъ. Письма самого Григорія, почти единственный источникъ для исторіи этихъ переговоровъ, не упоминаютъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Лишь изъ письма Маврикія къ Григорію [2]) можно заключить, что Григорію удалось заключить перемиріе, но оно не было признано другою властію. За то Аріульфъ потомъ уже не соглашался болѣе ни на какія условія. Вѣроятно, онъ поджидалъ короля съ главными лангобардскими силами. Понятно, что римляне съ ужасомъ должны были видѣть приближеніе Агилульфа къ стѣнамъ города. Надобно замѣтить, что новые успѣхи лангобардовъ отозвались уже и на югѣ Италіи: по примѣру Аріульфа, герцогъ беневентскій Арихисъ также поднялся съ мѣста и обложилъ Неаполь. Собственныя средства, которыми располагалъ Римъ для своей защиты, должны были показаться теперь еще скуднѣе. Ужъ и въ томъ была нѣкоторая заслуга со стороны римлянъ, что они въ первомъ ужасѣ не отворили воротъ непріятелямъ: они хотѣли еще защищаться. Но упорная оборона только раздражала непріятеля. Опять надобно было приняться за то средство, которое было всего вѣрнѣе съ лангобардами. Григорій взялся за него, и взялся такъ дѣятельно, что Агилульфъ согласился на сдѣлку и удалился въ свои предѣлы. Римъ еще разъ былъ спасенъ [3]).

Но сдѣлка, основанная на деньгахъ, далека была отъ прочнаго мира. Мысль Григорія работала не для Рима только:

---

[1]) Murat. ibid.—[2]) См. ниже.—[3]) Paul. Diac. IV, 8. Rebus compositis... Муратори, ad an. 593, предполагаетъ просьбы и подарки. Въ письмахъ самого Григорія впрочемъ нигдѣ не упоминается о сдѣлкѣ съ Агилульфомъ.

его патріотизмъ обнималъ цѣлую страну, онъ хотѣлъ спокойствія для всей Италіи. Это спокойствіе могло быть упрочено только постояннымъ и всеобщимъ миромъ съ лангобардами, миромъ, который бы простирался и на прочія части экзархата. Глазъ Григорія видѣлъ далеко; мысль его не любила обращаться лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ ближайшаго круга дѣятельности. При видимомъ недостаткѣ оборонительныхъ силъ идея о всеобщемъ мирѣ въ Италіи стала любимою идеею Григорія. Нельзя было надѣяться на успѣхъ, дѣйствуя непосредственно на Агилульфа: кромѣ того, что въ немъ не обнаруживалось мирныхъ наклонностей, онъ былъ еще аріаниньъ. Григорій нашелъ себѣ другой путь: въ качествѣ духовнаго пастыря онъ открылъ письменныя сношенія съ Теоделиндою. Расчетъ былъ очень вѣрный — не потому только, что Теоделинда была искренно предана церкви, но и по ея умѣнью взяться за дѣло. Едва ли даже это не было единственное средство, которымъ ученіе церкви могло проникнуть въ заповѣдную ограду аріанскаго государства и утвердить тамъ свое вліяніе—и оно не укрылось отъ проницательнаго взора Григорія. Для открытія сношеній съ Теоделиндою онъ, кажется, воспользовался извѣстіемъ миланскаго архіепископа, что Теоделинда принимаетъ сторону тѣхъ, которые держатся „трехъ главъ" [1]. Потому что—должно замѣтить—ученіе о „трехъ главахъ" продолжало еще находить себѣ многихъ приверженцевъ въ сѣверной Италіи. Григорій сначала сдѣлалъ пастырское обличеніе Теоделиндѣ. Впрочемъ, вслѣдъ за тѣмъ, отправилъ онъ къ ней, по свидѣтельству Павла Діакона, книгу своихъ діалоговъ [2]. Сношенія производились черезъ довѣренныхъ людей Григорія, такъ что они могли передать королевѣ и другія желанія Григорія [3]. Потомъ онъ уже прямо писалъ къ Теоделиндѣ, убѣждая ее склонять всѣми мѣрами своего супруга къ миру съ „христіанской республикою", разумѣя подъ этимъ обычнымъ выраженіемъ римское государство [4].

Дѣйствіе этихъ сношеній скоро оказалось на самомъ Агилульфѣ. Видно, что Теоделинда не была невнимательна ко-

[1]) Epist. III, 2: ad Constantcm episcopum Mediolanensem. См. также посланіе Григорія ad Theodelindam reginam, III, 3. Впрочемъ, дѣйствительно ли это было первое письмо Григорія Теоделиндѣ?—[2]) Paul. Diac. IV, 5.—[3]) См. конецъ того же письма къ Теоделиндѣ: Si quid in vestro animo dubietatis fuit, veniente filio meo Ioanne abbate atque Hyppolito notario ex corde vestro arbitror fuisse sublatum.—[4]) Paul. Diac. IV, 9: Salutantes vos praeterea paterna dilectione hortamur, ut apud excellentissimum conjugem vestrum illa agatis, quatenus *christianae reipublicae* societatem non renuat.

внушеніямъ Григорія. Если подвержено сомнѣнію обращеніе *Агилульфа* къ ученію церкви [1]), то вѣрно, что онъ совершенно вошелъ въ виды Григорія относительно общаго мира. Агилульфъ былъ наконецъ не прочь войти въ переговоры. Но какъ дѣло шло о всеобщемъ мирѣ, то-есть о мирѣ съ имперіею, то переговоры слѣдовало вести, хотя по побужденію римскаго епископа, не съ нимъ самимъ, но съ экзархомъ, какъ представителемъ императора въ Италіи. Но затрудненіе, которое встрѣтилось при переговорахъ съ Аріульфомъ, повторилось и на этотъ разъ: у экзарха съ королемъ лангобардскимъ дѣло никакъ не ладилось, не потому чтобы не могли согласиться въ условіяхъ, но потому что экзархъ вовсе не хотѣлъ мира [2]). Объяснять ли упорство экзарха его воинственнымъ духомъ, или вмѣстѣ съ Муратори [3]) полагать, что въ продолженіи войны онъ находилъ свои выгоды? Кажется ни то, ни другое предположеніе не имѣетъ достаточнаго основанія. Превосходя дѣятельностію своего предшественника, экзархъ Романъ, повидимому, не отличался особенною воинственностію; сомнительно также, чтобы въ разоренной Италіи, въ виду сильнаго противника, можно было надѣяться пріобрѣсти гораздо болѣе въ военное время, чѣмъ въ мирное. Вѣроятнѣе, что экзархъ не искалъ опасности, а хотѣлъ отвратить ее отъ себя. Опасность была въ той политической силѣ, которая возрастала въ Италіи въ лицѣ римскаго епископа. Экзарха почти обходили въ одномъ изъ тѣхъ актовъ, которые всегда составляли привилегію высшей власти или ея ближайшихъ представителей. Миръ, предложенный римскимъ епископомъ, могъ быть плодомъ только его же усилій. Въ какое положеніе былъ бы онъ поставленъ, если бы Григорію удалось заключить миръ съ Агилульфомъ и потомъ еще тѣснѣе соединиться съ нимъ, пользуясь тѣмъ расположеніемъ, которое начинало обнаруживаться въ немъ къ истинной церкви? Надобно было употребить всѣ средства, чтобы не допустить до этого союза, хоть бы то съ опасностію для Италіи.

Видя, что экзархъ уклоняется отъ мира, Григорій принялъ намѣреніе вести переговоры мимо его, отъ имени „республики“, что̀ могло означать не столько вообще Восточную

---

1) Ср. Murat. Ann. ad an. 594.—2) Ep. IV, 2: Si autem videritis, quia cum patricio nihil facit Langobardorum rex, de nobis ei promittite: quia paratus sum in causa ejus impendere, si ipse utiliter aliquid cum republica voluerit ordinare. (У Гегеля, 1, 167). Пока это было только предположеніе, но оно впослѣдствіи оправдалось.—3) Ann. ad an. 595.

Римскую имперію, сколько въ особенности Римъ съ его областію. О намѣреніи своемъ онъ впрочемъ тогда же далъ знать экзарху черезъ схоластика Севера [1]. Экзархъ съ своей стороны также принялъ мѣры, чтобы помѣшать Григорію исполнить его планы. Онъ писалъ къ императору, и конечно для того, чтобы болѣе предубѣдить его противъ всякаго мира съ лангобардами, представилъ ему въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ то перемиріе, которое Григорій еще прежде заключилъ съ герцогомъ сполетскимъ. Представленія экзарха не остались безъ дѣйствія. Императоръ сдѣлалъ Григорію выговоръ за то, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло [2]. Онъ порицалъ епископа за то, что тотъ будто бы позволилъ себя перехитрить Аріульфу, и смѣялся надъ его простотою, называя его fatuus. — Не одному только Григорію, досталось и другимъ властямъ, которыя распоряжались вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ при нашествіи Аріульфа: всѣ они получили отъ императора строгій выговоръ.

Если Григорій зашелъ слишкомъ далеко, заботясь объ умиреніи Италіи, то упрекъ, присланный ему изъ Константинополя, былъ слишкомъ неприличенъ для достоинства лица, къ которому относился, и вовсе не соотвѣтствовалъ его политическому значенію. Григорій не смолчалъ передъ такимъ незаслуженнымъ упрекомъ. Кромѣ того, что не былъ уваженъ его высокій санъ, въ немъ оскорблено было его личное достоинство, наконецъ въ лицѣ его была нѣкоторымъ образомъ оскорблена цѣлая Италія. Обида была почувствована имъ горячо, таковъ же былъ и отвѣтъ его императору. „Осуждая нѣкоторыя мои дѣйствія“—писалъ онъ Маврикію—„ты назвалъ меня, взявши слово изъ просторѣчія, fatuus. Въ какомъ же смыслѣ? Въ смыслѣ ли простоты только? Простотѣ учитъ насъ писаніе: будьте просты яко голуби, учитъ оно насъ; но съ простотою голубя оно же научаетъ насъ соединять мудрость змѣи. А ты отрицаешь у меня это послѣднее качество: ты говоришь что я простъ, потому, что дозволилъ обмануть себя Аріульфу. Итакъ простота моя равна глупости, и въ этомъ смыслѣ ты называешь меня fatuus. Ты, правда, этого

---

[1]) Epist. IV, 29: Sapienter itaque sicut consuevistis agite, ut excellentissimus exarchus ad hoc sine more debeat consentire: per eum pax renui (quod non expedit) videatur. Si enim consentire noluerit, nobiscum quidem *specialem* pacem facere repromittit. Sed scimus, quod et diversae insulae et loca sunt alia procul dubio peritura.— Схоластиками назывались въ Восточной имперіи принадлежавшіе къ сословію адвокатовъ. См. Montreuil, 1, 303.—[2]) См. Epist. IV, 31: *Mauritio Augusto.*

не говоришь, но показываешь довольно ясно, чтобы я самъ могъ сознаться [1]". „Но"—продолжалъ онъ далѣе—„я говорю не за себя только, я говорю за цѣлую страну, Что на меня навлекло только упрекъ въ лживости, отъ того же происходитъ несчастіе цѣлой Италіи, которая каждый день должна терпѣтъ плѣнъ лангобардскій: вотъ что печалитъ меня особенно. Пока словамъ моимъ не хотятъ дать никакой вѣры, силы враговъ нашихъ растутъ неимовѣрно. Но я одно скажу моему высокому повелителю: пусть онъ будетъ обо мнѣ самаго дурного мнѣнія, только бы въ дѣлѣ, касающемся спасенія Италіи, не на всякія рѣчи склонялъ онъ свой высокій слухъ, и вѣрилъ бы больше дѣламъ, нежели словамъ". Въ послѣднихъ словахъ слышался намекъ на тѣ недоброжелательныя внушенія, направленныя противъ Григорія, которыя приходили въ Константинополь изъ Равенны. Но Григорій не ограничился только отраженіемъ личной обиды: не однѣ только свои заслуги дѣлу Италіи хотѣлъ онъ напомнить императору, но и оскорбленный въ немъ санъ епископа. Маврикію пришлось такимъ образомъ выслушать еще урокъ о томъ, какимъ почтеніемъ пользовались епископы у его предшественниковъ. Характеръ независимый, Григорій возвышался по мѣрѣ того, какъ его думали унизить оскорбленіями. Въ немъ заговорило теперь чувство его собственнаго достоинства, и изъ глубины души его поднялся голосъ, на который нельзя уже было отвѣчать однимъ презрѣніемъ, ибо онъ отзывался силою нравственною. Заключая свое посланіе, Григорій говоритъ: „Скажу коротко: хотя я недостойный грѣшникъ, я впрочемъ болѣе полагаюсь на милосердіе грядущаго Іисуса, чѣмъ на твое правосудіе" [2]).

Прямого отвѣта на посланіе Григорія или вовсе не было, или онъ не дошелъ до насъ. Императоръ былъ какъ будто въ нерѣшимости. Посланіе, какъ увидимъ послѣ, не осталось вовсе безъ впечатлѣнія, но еще нѣкоторое время Григорій

---

[1]) Приводя это мѣсто, мы позволили себѣ парафразъ. Ходъ мысли въ подлинникѣ представляетъ нѣкоторыя трудности. Ibid. Ego igitur qui in serenissimis dominorum jussionibus ab Ariulphi astutia deceptus non adjuncta prudentia simplex denuncior. Constat proculdubio quod fatuus apellor: quod ita esse ego quoque ipse confiteor. Nam si hoc vestra pietas taceat, causae clamant, et caet.—[2]) Ibidem: hoc tamen breviter dico: quamvis indignus peccator, plus de venientis Jesu misericordia, quam de vestrae pietatis justitia praesumo.—Къ тому же времени относится и знаменитый споръ Григорія съ Іоанномъ, архіепископомъ константинопольскимъ. Murat. ad an. 595.

долженъ былъ имѣть дѣло съ экзархомъ, то-есть бороться съ его интригами. Экзархъ между тѣмъ становился все неутомимѣе въ своей враждѣ къ римскому епископу. Онъ видѣлъ, какъ покрывалъ его своимъ вліяніемъ, своею популярностію нежданный соперникъ, и приводилъ въ движеніе всѣ пружины, чтобы только не дать хода мирнымъ планамъ Григорія. Годъ былъ очень трудный: никогда вниманіе и дѣятельность римскаго епископа не были такъ заняты обстоятельствами самыми разнородными. Кромѣ того постояннаго, бдительнаго надзора, котораго требовало внутреннее состояніе церквей Италіи и который обыкновенно Григорій принималъ на себя, надобно было еще позаботиться о защитѣ страны отъ лангобардовъ, которые угрожали Неаполю, Калабріи, островамъ; тамъ же, гдѣ не доставало средствъ для защиты, надобно было, какъ это было въ обычаѣ Григорія, собирать средства для выкупа плѣнныхъ, которыхъ лангобарды уводили въ неволю [1]); наконецъ надобно было еще вести новыя, весьма затруднительныя сношенія съ Константинополемъ по случаю новаго спора, возникшаго между каѳедрами константинопольскою и римскою. Но какъ бы ни были затруднительны обстоятельства, Григорій никогда не былъ ниже своего положенія. Онъ успѣвалъ вездѣ, замѣняя недостатокъ средствъ неусыпною дѣятельностію: онъ продолжалъ свои сношенія съ епископами не только въ Италіи, но даже за ея предѣлами, посылалъ деньги въ Кампанію для выкупа плѣнныхъ, писалъ къ императрицѣ, ходатайствуя передъ нею за участь острововъ, которые еще больше терпѣли отъ внутреннихъ правителей, чѣмъ отъ страха лангобардскаго, съ достоинствомъ продолжалъ поддерживать права своего престола передъ каѳедрою константинопольскою, и имѣлъ еще время подумать объ отдаленной Британіи, куда отправилъ въ томъ же году миссіонеровъ для насажденія и распространенія христіанской вѣры [2]). Но при всѣхъ заботахъ мысль о заключеніи мира съ лангобардами не оставляла его попрежнему. Его настойчивость какъ будто росла вмѣстѣ съ препятствіями. Несмотря на всю трудность сообщеній, сношенія съ Равенною у него не пре-

---

[1]) Ср. Murat. ad an. 596. — [2]) Миссіонеровъ Августина и Кандида Григорій отпустилъ не съ однимъ только добрымъ словомъ: онъ далъ имъ рекомендательныя письма почти ко всѣмъ важнымъ лицамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ: къ епископамъ марсельскому, арльскому, вьеннскому, турскому и пр., къ патрицію Галліи, къ королямъ Теодериху и Теодебету, къ королевѣ *Брунегильдѣ. См. Epist.* L. V, 52, 53, 54, 57, 58, 59.

кращались. Нѣкоторое время онъ еще надѣялся дѣйствовать на экзарха чрезъ тамошняго епископа Мариніана. Но Мариніанъ скоро оказался человѣкомъ малонадежнымъ: онъ „заснулъ", какъ выражался Григорій [1]). Чтобы подвинуть дѣло и дать ему рѣшительный ходъ, Григорій наконецъ отправилъ въ Равенну своего нотарія Касторія и вмѣстѣ съ нимъ настоятельнѣйшее требованіе прежнему повѣренному—какъ можно стараться о заключеніи мира [2]). Касторій прибылъ въ Равенну, но едва только въ городѣ огласилось данное ему порученіе, какъ показался памфлетъ, прибитый въ одномъ мѣстѣ, подъ прикрытіемъ ночи, къ стѣнѣ, въ которомъ отъ имени гражданъ порицаемо было порученіе, данное нотарію, и сверхъ того дѣлались нѣкоторыя вовсе не лестныя замѣчанія, относившіяся къ самому Григорію [3]). Явно, что кто-то хотѣлъ возбудить народъ противъ мира съ лангобардами и тѣмъ подать поводъ вновь отклонить его заключеніе. Едва ли можно сомнѣваться, что памфлетистъ, кто бы онъ ни былъ, дѣйствовалъ не безъ согласія стараго недоброжелателя Григоріева. Извѣстіе объ этой новой уловкѣ враговъ мира произвело въ Римѣ очень непріятное впечатлѣніе. Григорій тотчасъ писалъ епископу, клиру и всему народу равеннскому, жаловался на своихъ враговъ, которые поднимаютъ на него руку, не сказывая своего имени, и наконецъ произносилъ надъ виновникомъ и всѣми его соучастниками отлученіе отъ церкви. Этотъ ударъ косвенно могъ быть направленъ на самого экзарха; но, рѣшившись на такой важный шагъ, Григорій тѣмъ болѣе долженъ былъ оставить всякую надежду на согласіе экзарха въ своемъ предпріятіи, и съ того времени началъ дѣйствовать инымъ образомъ.

Не трудно понять, почему Григорій такъ неуклонно хотѣлъ мира съ лангобардами. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ ему, какъ невѣренъ былъ бы расчетъ на успѣхъ войны съ ними. А между тѣмъ гроза лангобардскаго нашествія почти

---

[1]) Epist. V, 29. Secundino servo Dei: Fratrem nostrum Marinianum episcopum verbis quibus vales excita: quod obdormisse eum suspico. О недѣятельности его онъ узналъ изъ разспросовъ отъ нѣкоторыхъ „стариковъ нищихъ", senes mendicantes, которые пришли въ Римъ изъ Равенны.—[2]) Ibid: Ab eo (Castorio), quae sunt agenda cognoscens esto sollicitus et omnimodo immine, ut pax ista *debeat* ordinari. — [3]) Epist. V. 30: Quidam maligni spiritus consilio repletus contra Castorium notarium ac rerponsalem nostrum nocturno silentio in *civitatis loco* (?) contestationem posuit in ejus crimine loquentem, mihique etiam de facienda pace callide contradicentem.

не отходила отъ воротъ Рима и другихъ городовъ Италіи, и стучала въ нихъ каждый разъ съ возобновляющеюся силою. Надобно было подумать объ отвращеніи грозы и надобно было избрать иное средство, нежели война, которая вела только къ новымъ разореніямъ. Григорій открылъ средство дѣйствовать на лангобардовъ инымъ образомъ. Это средство было обращеніе ихъ къ истинной вѣрѣ. Присоединивъ ихъ къ своей церкви, Григорій могъ надѣяться укротить ихъ варварскій духъ и побѣдить ихъ аріанскую ненависть къ римлянамъ. Примѣръ Теоделинды и частію Агилульфа доказывалъ, что распространеніе ученія церкви между лангобардами не было дѣломъ невозможнымъ. А благодѣтельныя послѣдствія оказывались тотчасъ на согласіи Агилульфа заключить миръ съ римлянами. Но сношеніями Григорія съ Теоделиндою было положено только начало дѣлу. Чтобы утвердить и распространить новое насажденіе между лангобардами, необходимымъ условіемъ къ тому былъ прочный миръ, безъ котораго не могло имѣть успѣха мирное дѣйствіе. Какихъ плодовъ не въ правѣ былъ ожидать Григорій, если бы аріанизмъ наконецъ совершенно былъ побѣжденъ между лангобардами?

По упорству экзарха война продолжалась и въ слѣдующихъ годахъ, хотя безъ особенныхъ усилій съ той и другой стороны. Лангобарды потеряли Мантую, за то овладѣли Террачиной и утвердились въ Сардиніи [1]). Послѣдній ударъ былъ заранѣе предвидѣнъ Григоріемъ, и онъ заблаговременно предупреждалъ о немъ жителей острова, совѣтуя имъ быть осторожными; но они не хотѣли его послушать и нѣкоторымъ образомъ сами были виною своего несчастія. Григорій между тѣмъ ни на минуту не терялъ изъ виду своей главной цѣли: пока военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ, онъ неутомимо хлопоталъ о мирѣ. На этотъ разъ онъ, кажется, не считалъ болѣе нужнымъ сноситься съ экзархомъ и велъ дѣло помимо его [2]). По крайней мѣрѣ переговоры ведены были повѣреннымъ Григорія. Посланный имъ аббатъ Пробъ до тѣхъ поръ оставался при дворѣ Агилульфа, пока тотъ согласился на сдѣланныя ему предложенія о мирѣ. Около этого времени не стало наконецъ и экзарха Романа. Нѣтъ никакой нужды предполагать, что онъ умеръ (какъ дѣлаетъ Муратори): гораздо естествен-

---

[1]) Murat. Ann. ad an. 597, 598. См. также Epist. VII, 2.—[2]) Впрочемъ ср Epist. VII, 2, Januario episcopo Caralitano (Cagliari): Cognoscatis autem abbatem, quem ad Agilulphum *ante multum jam tempus* transmisimus, pacem cum eo (*Deo propitio*), quantum vobis ab excellentissimo exarcho scriptum est, ordinasse.

нѣе можно думать, что императоръ внялъ наконецъ внушеніямъ Григорія и отозвалъ экзарха, какъ главное препятствіе къ заключенію мира, въ Константинополь. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что занявшій его мѣсто Каллиникъ вовсе измѣнилъ свою политику въ отношеніи къ римскому епископу: онъ дѣйствовалъ совершенно въ его видахъ, такъ что Григорій былъ вполнѣ доволенъ новымъ экзархомъ [1]. Едва ли не это обстоятельство было причиною, почему наконецъ Агилульфъ согласился принять мирныя предложенія. Теперь затрудненія заключались только въ немъ самомъ. Дѣло точно не обошлось безъ нѣкотораго упорства со стороны Агилульфа, даже послѣ того какъ уже были положены условія мира, такъ что на первый разъ надобно было ограничиться только заключеніемъ перемирія [2]. Но въ слѣдующемъ же году (599) усиліе Григорія увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: миръ былъ заключенъ между Агилульфомъ и Каллиникомъ [3]. Благодарственныя письма, писанныя Григоріемъ по случаю сего мира, доказываютъ, что заключенію его, кромѣ аббата Проба, особенно содѣйствовали Теодоръ, кураторъ равеннскій, дѣйствовавшій отъ имени экзарха, и королева Теоделинда, которой голосъ имѣлъ довольно рѣшительное вліяніе на Агилульфа.

Еще одно важное обстоятельство повстрѣчалось, когда дѣло коснулось самой формы утвержденія мирнаго договора: Агилульфъ потребовалъ, чтобы Григорій также подписалъ вновь заключенный трактатъ. Требованіе весьма понятное. Если Агилульфъ наконецъ искренно хотѣлъ мира, то долженъ былъ желать ручательства въ немъ такого лица, которому принадлежала не только мысль о мирѣ, но и котораго дѣятельность и высокое политическое значеніе не могъ онъ не замѣчать на пространствѣ цѣлой Италіи. Агилульфъ очень хорошо видѣлъ, что онъ заключаетъ миръ скорѣе съ римскимъ епископомъ, чѣмъ съ экзархомъ равеннскимъ и самимъ императоромъ, съ которымъ онъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній. Какъ ни настоятельно было требованіе Агилульфа, Григорій однако отказался приложить свою подпись къ договору, ссылаясь на то, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ только „проситель и посред-

[1]) Apud excellentiam vestram—писалъ Григорій нѣсколько позже экзарху—nobis quod petimus, velut impetrata jam credimus. Epist. VII, 97.—[2]) Это видно изъ словъ Григорія въ письмѣ къ тому же епископу: quod *finita hac* pace Agilulphus Langobardorum rex pacem non faciat. VII, 5. Ср. Murat. ad an. 598.—[3]) Epist. VII, 12, 13, 102.– Этотъ миръ потомъ былъ возобновляемъ съ году на годъ. См. Paul. Diac. IV. 42.

никъ", и не можетъ принять на себя никакой отвѣтственности [1]). Дѣло впрочемъ едва ли состояло въ томъ только, что Григорію не хотѣлось принять на себя отвѣтственность. Въ другомъ случаѣ онъ вызывался же заключить миръ мимо экзарха, отъ имени „республики". Но тотъ вызовъ былъ вынужденъ крайностію; теперь, когда можно было обойтись и безъ того, Григорій хотѣлъ отклонить отъ себя со стороны византійскаго правительства всякій упрекъ, что онъ мѣшается не въ свое дѣло. Приложивъ подпись къ договору, Григорій сталъ бы нѣкоторымъ образомъ наравнѣ съ экзархомъ, какъ одна изъ независимыхъ договаривающихся сторонъ. Это повело бы еще къ бóльшимъ непріятностямъ, чѣмъ тѣ, которыя заключались въ эпитетѣ fatuus. Устроивая одно дѣло, Григорій не хотѣлъ портить другого.

Итакъ миръ былъ заключенъ безъ подписи Григорія. По формѣ онъ состоялся только между королемъ лангобардовъ и восточнымъ императоромъ, отъ лица котораго дѣйствовалъ экзархъ равеннскій. Кто же однако не видитъ, что въ сущности мирный трактатъ былъ дѣломъ Григорія и, по крайней мѣрѣ въ мысли Агилульфа, гораздо болѣе относился къ римскому престолу, чѣмъ къ восточному императору. Допуская такого рода дѣятельность со стороны римскаго престола, императоры нѣкоторымъ образомъ отступались въ его пользу отъ одного изъ самыхъ важныхъ преимуществъ своей короны по отношенію къ Италіи. Удерживая за собою форму, они позволяли самому праву переходить въ новыя руки.

Новый миръ, заключенный съ лангобардами, также не былъ довольно проченъ; но роль, принятая при этомъ случаѣ Григоріемъ, оставалась за нимъ. Имперія была слишкомъ мало внимательна къ тому важному явленію, которое происходило теперь въ Италіи. На основаніи духовнаго авторитета и при помощи остатковъ старой національности, здѣсь полагались основанія новой общественной власти. Еще никѣмъ не признанная, еще сама не довольно сознавая свое новое значеніе, она уже далеко вокругъ себя простирала свое дѣйствіе. Въ то время, какъ экзархъ, стѣсненный обстоятельствами, болѣе и болѣе сокращалъ свою дѣятельность въ предѣлахъ подлежащей ему области, авторитетъ римскаго престола распространялъ

---

1) Epist. IX: 98.—ne nos, qui inter eum et excellentissimum filium nostrum dominum exarchum *petitores sumus et medii*, si quid forte clam sublatum fuerit, *falli in* aligno videamur.

свое вліяніе даже за предѣлы экзархата. Подъ этимъ вліяніемъ раздѣленная Италія опять начинала находить нѣкоторое единеніе. Начинали съ того, что признавали духовный авторитетъ римскаго престола, оканчивали тѣмъ, что не отвергали и нѣкотораго правительственнаго надзора съ его стороны. Въ той степени, какъ распространялось римское вліяніе, падалъ авторитетъ экзарха.

Распространенію духовнаго авторитета римской церкви помогло самое нашествіе лангобардское. Въ сѣверной Италіи, именно въ Миланѣ, былъ особый архіепископскій престолъ, который по своему положенію и авторитету могъ бы соперничать съ римскимъ, по крайней мѣрѣ быть отъ него совершенно независимымъ. Спорное ученіе о „трехъ главахъ", на сторону котораго въ послѣднее время склонялся архіепископъ миланскій [1]), дѣлало раздѣленіе между ними еще болѣе рѣзкимъ. Нашествіе лангобардское, внесши съ собою аріанизмъ, почти сгладило имъ тотъ слабый оттѣнокъ, который до сего времени раздѣлялъ два престола въ религіозномъ отношеніи. Бѣжавъ отъ аріанъ-побѣдителей, миланскій архіепископъ искалъ себѣ убѣжища въ Генуѣ [2]). Вмѣстѣ съ нимъ удалился въ Геную и весь миланскій католическій клиръ. Это обстоятельство также обратилось въ пользу римскаго авторитета. Проживая въ Генуѣ, миланскій архіепископъ не могъ обойтись безъ поддержки со стороны римскаго престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на независимость и не противорѣчить, принимая поставленіе отъ римскаго [3]). Впослѣдствіи, если бы даже архіепископъ возвратился въ Миланъ, ему бы уже не легко было снять съ себя это подчиненіе. Не менѣе опаснымъ соперникомъ римскому престолу въ Италіи могъ бы быть епископъ равеннскій. Но Равенна была также резиденціей экзарха, и положеніе епископа въ ней вовсе не было такъ свободно и самостоятельно, какъ въ Римѣ. Не отрицая подчиненія Риму, онъ хотѣлъ лишь удержать нѣкоторыя отличія, издавна принадлежавшія его престолу, впрочемъ уже не отрицалъ болѣе высшаго авторитета римской церкви [4]). А впереди еще лежала возможность новыхъ успѣховъ католической церкви среди аріано-лангобардскаго міра, которые должны были обратиться въ пользу того же авторитета.

---

1) Murat. Ann. ad an. 594. Ср. Hegel, 1, 366.—2) См. Hegel, 1, 359.—3) Id. 1, 161.—4) См. напр. Epist. VII, 10.

Но гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнимъ распространеніемъ круга своей дѣятельности, власть утверждается прямымъ, непосредственнымъ участіемъ въ главныхъ отправленіяхъ общественной жизни, силою и постоянствомъ того вліянія, которое она на нихъ оказываетъ, и наконецъ общимъ достоинствомъ своего поведенія. Мы уже видѣли частію ту дѣятельность, которую обнаруживалъ римскій престолъ въ принятіи мѣръ для безопасности Италіи отъ лангобардскаго нашествія,—мы видѣли ее въ большихъ и малыхъ размѣрахъ. Внутренняя жизнь Италіи того времени терпѣла впрочемъ не отъ внѣшнихъ только враговъ. Предсмертное разстройство имперіи оставило по себѣ много печальныхъ слѣдовъ, ощутительныхъ особенно во внутреннемъ управленіи страны, въ судебномъ порядкѣ, въ разложеніи и собираніи налоговъ, вообще въ тѣхъ отправленіяхъ гражданской жизни, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ общественное благосостояніе. Это были коренные, вопіющіе недостатки, исправленіемъ которыхъ однако не могла озаботиться Восточная имперія, овладѣвъ Италіею, потому что сама страдала тѣмъ же недугомъ. Едва ли даже могли желать этого исправленія въ Константинополѣ, гдѣ вообще такъ мало думали о настоящихъ интересахъ Италіи. Изъ Равенны тоже смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки во внутреннемъ управленіи страною, потому что экзархи не приносили съ собою, сколько мы знаемъ, ни твердой воли, ни довольно средствъ, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ злоупотребленій. Пришельцы изъ чужой земли, они не показывали ни большого усердія къ выгодамъ Италіи, ни особенной способности въ управленіи ею. Иначе чувствовали и думали въ Римѣ, чѣмъ въ Равеннѣ. Тамъ интересы Италіи принимались какъ свои собственные, тамъ хотѣли облегчать не внѣшнія только раны ея, но внутреннія болѣзни; тамъ никогда не оставались равнодушны при видѣ тѣхъ страданій, которыя терпѣлъ народъ отъ злоупотребленій правителей, но старались войти во всѣ нужды жителей, и по мѣрѣ возможности подавать нуждающимся пособіе, дѣйствовать и авторитетомъ и увѣщаніемъ, чтобы останавливать злоупотребленіе. Въ дѣятельности этого рода Григорій былъ не менѣе неутомимъ, какъ и въ усиліяхъ своихъ помогать Италіи противъ нашествій лангобардовъ.

Римская церковь имѣла очень вѣрное средство на то, чтобы наблюдать за дѣйствіями разныхъ мѣстныхъ правителей и держать нѣкотораго рода контроль надъ ними. Это были, во-первыхъ, богатыя патримоніи римской церкви, разсѣянныя почти

ю всей Италіи, особенно же въ Кампаніи и въ Сициліи; во-вто-рыхъ, мѣстные италіанскіе епископы, которые почти всѣ на-ходились въ зависимости отъ римскаго престола и жили боль-шею частію въ тѣхъ же городахъ, гдѣ правители имѣли свои резиденціи. Что касается до патримоній, то онѣ соединены были въ нѣсколько округовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ подъ управленіемъ особаго ректора [1]. Эти ректоры были не кто иные, какъ субдіаконы или нотаріи римской церкви, ко-торые посылались изъ Рима или на мѣстѣ получали полномо-чіе управлять ея землями и завѣдывать ихъ жителями. Во владѣніяхъ римской церкви меньшаго объема такіе управи-тели извѣстны были болѣе подъ именемъ дефенсоровъ. Это управленіе, сосредоточивавшее почти всю власть въ однѣхъ ру-кахъ, представляло много простоты и единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало вѣсъ и силу дѣйствіямъ правителей. Всѣ они имѣли непосредственное отношеніе къ римскому престолу, чѣмъ и поддерживалось неослабно его вліяніе на разныя части Ита-ліи. До какой степени велико было полномочіе, ввѣряемое рек-торамъ и дефенсорамъ римскихъ патримоній, можно видѣть изъ того, что имъ поручался даже нѣкотораго рода надзоръ за епископами. Ректоры въ такомъ случаѣ представляли какъ бы лицо самого римскаго епископа и считались его викаріями, намѣстниками [2]. Это было первое подчиненіе, въ предѣлахъ римской церкви, духовнаго авторитета интересу правительст-венному, несмотря даже на санъ подчиняемаго. Римская церковь начинала уже чувствовать подъ собою, кромѣ духов-наго авторитета, еще другое основаніе.

Григорій болѣе всѣхъ предшественниковъ старался дать администраціи церковныхъ имѣній правильную организацію. Чтобы придать еще болѣе единства дѣйствіямъ правителей, онъ поставилъ надъ ними особую коллегію изъ семи членовъ, которые назывались regionarii и назначались также изъ суб-діаконовъ [3]. Не безъ особенной мысли была проведена Григо-ріемъ и строго наблюдаема эта организація. Управители па-

---

[1]) См. Hegel, I, 162.—[2]) Epist. IV, 21: Quaedam ad nos de Pisaurensi episcopo pervenerunt—пишетъ Григорій Кипріану *діакону*—quae indiscussa nullo modo sunt relinquenda. Propterea experientiae tuae praecipimus, ut de vita et actibus ipsius subtili indagatione studeat perscrutari. Et si quid fortasse repererit, quod sacerdotii (quod absit) integritatem valeat maculare: ad nos eum cum scriptis tuis de his, quae in veritate cognoveris, omni modo sub competenti cautela transmitte: ut informati deo revelante subtilius veritatem quid fieri debeat pertractemus.—[3]) Hegel, I, 163.

тримоній, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, служили въ самомъ дѣлѣ лучшими проводниками правительственныхъ идей Григорія и были первыми посредниками между нимъ и народомъ. Черезъ нихъ зналъ Григорій всѣ нужды; они обязаны были доводить до свѣдѣнія его всѣ важные сомнительные случаи, отъ него ждать рѣшенія и наставленій. Григорій дѣйствовалъ какъ умный домостроитель, который хотѣлъ, чтобы отъ него не укрывалось ни одно дѣйствіе подчиненныхъ ему, чтобы безъ его вѣдома не дѣлалось ни одного важнаго распоряженія въ этомъ обширномъ хозяйствѣ. Есть причины думать, что дѣйствія управителей патримоній подвергаемы были по временамъ контролю особыхъ повѣренныхъ въ родѣ миссовъ Карла Великаго, такъ что Григорій всегда могъ быть извѣщенъ о настоящемъ состояніи земель, состоявшихъ во владѣніи римскаго престола [1]). Мы имѣемъ одно очень любопытное посланіе его къ Петру, управителю патримоній въ Сициліи [2]). Оно можетъ служить образцомъ того вниманія, съ которымъ Григорій входилъ въ подробности управленія, и его попечительности объ участи колоновъ римской церкви. Облегченіе разныхъ финансовыхъ повинностей, которыя тяжелымъ бременемъ лежали на колонахъ, составляетъ главный предметъ посланія. Самая первая забота Григорія о томъ, чтобы колоны римской церкви въ Сициліи не терпѣли ни малѣйшей несправедливости при сборѣ хлѣбныхъ запасовъ, которые назначались для Рима. Извѣстно, что Сицилія издавна служила житницею для римскаго народонаселенія; Григорій особенно умѣлъ воспользоваться тѣми выгодами, которыя представляло богатое сициліанское хозяйство, чтобы питать изнуренную Италію въ тѣ трудныя времена, когда многія земли ея по нѣсколько лѣтъ сряду оставались невоздѣланными. Для этой цѣли отправлялась въ Сицилію флотилія судовъ; повѣренные Григорія дѣлали тамъ большіе заказы, гдѣ только было можно, скупали между прочимъ хлѣбъ и у колоновъ римской церкви, и потомъ весь сдѣланный запасъ переправляли въ Римъ, гдѣ онъ поступалъ въ распоряженіе епископа. Отъ колоновъ римской церкви хлѣбъ принимали, какъ видно изъ посланій Григорія, также на наличныя деньги. При всемъ томъ однако здѣсь еще оставалось мѣсто несправедливости. Колоны жало-

---

[1]) Это видно изъ слѣдующаго посланія, о которомъ ниже: Sed si qua talia inveneris, frange et nova et recta constitue: quod et filius meus et servus Dei diaconus jam talia invenit, quae ipsi displiceremt, sed licentiam haec immutandi non habuit. Epist. lib. I, 13.—[2]) Epist. I, 42.—Ср. также I, 70.

вались, что въ случаѣ добраго урожая, хлѣбъ отъ нихъ принимали не по настоящей цѣнѣ. Считая несправедливымъ такое произвольное пониженіе цѣнъ, Григорій предписываетъ, чтобы впередъ, несмотря на обиліе хлѣба, закупщики сообразовались съ рыночною цѣною [1]). Но заботливость Григорія простиралась и еще далѣе. Онъ хотѣлъ, чтобы при пріемѣ хлѣба отъ колоновъ, самая мѣра никакъ не превышала той величины, какая принята была въ церковныхъ житницахъ [2]). Малѣйшее увеличеніе этой мѣры казалось ему „крайне нечестнымъ и несправедливымъ". Не забыты были также и обыкновенные, то-есть обязательные поборы съ колоновъ: и здѣсь Григорій находилъ всякій излишекъ чрезмѣрнымъ лихоимствомъ, и здѣсь хотѣлъ онъ назначить постоянную границу, далѣе которой не могли бы простираться сборщики податей [3]). Чтобы при этомъ колоны не терпѣли ни малѣйшей обиды, онъ наказываетъ все принимать отъ нихъ не иначе, какъ на вѣсъ, и предписываетъ субдіакону строжайше смотрѣть за правильностію вѣсовъ [4]). Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, чтобы ни одна копѣйка изъ собственности колона не переходила даромъ въ руки сборщиковъ податей. Лишь только самые грубые и низкіе матеріалы дозволялось принимать отъ колоновъ безъ вѣсовъ. Замѣчательно еще одно распоряженіе Григорія въ пользу колоновъ римской церкви, которое находимъ въ томъ же посланіи. Оно касается особеннаго рода налога, который взимался съ каждаго новаго супружества. Григорій и здѣсь не хотѣлъ потерпѣть никакого произвола: онъ предписываетъ, чтобы брачный налогъ съ колоновъ никакъ не простирался свыше одного солида, прибавляя, что даже богатые изъ нихъ не обязаны платить болѣе, для бѣдныхъ же и эта плата не должна быть обязательною [5]).

---

1) Текстъ нѣсколько теменъ. Вотъ какъ объ этомъ выражается Григорій: Cognovimus rusticos ecclesiae vehementer in frumentorum praeciis gravari: ita ut instituta summa eis in comparatione abundantiae tempore non servetur: et volumus, ut juxta praecia publica omni tempore, sive minus, sive amplius frumenta nascantur, in eis comparationis mensura teneantur.—2) Ibid: Valde autem iniquum et injustum esse prospeximus, ut a rusticis ecclesiae de sextariaticis aliquid accipiatur et ad majorem modium dare compellantur, quam in horreis ecclesiae infertur. Unde praesenti admonitione praecipimus, ut plusquam decem et octo sextariorium modium nunquam a rusticis ecclesiae frumenta debeant accipi.—3) Ibid: Cognovimus etiam in aliquibus massis ecclesiae exactionem valde injustissimam fieri, ita ut a septuaginta ternis semis (quod dici nefas est) conductores exigantur, et caet.—4) Ibid: Ante omnia hoc te volumus sollicite attendere, ne injusta pondera in exigendis pensionibus ponantur.—5) Ibid: Pervenit etiam ad nos, quod de nuptiis rusticorum immoderata commoda percipiantur, de quibus precipimus, ut omne commodum nuptiarum unius solidi summam nullatenus excedat.

Не исчисляемъ прочихъ благодѣтельныхъ распоряженій Григорія, которыми наполнено его превосходное посланіе. Довольно сказать, что почти всѣ они направлены къ тому, чтобы беззащитный колонъ могъ находить себѣ покровительство противъ насилій со стороны сборщиковъ податей, и всѣ одинаково свидѣтельствуютъ о той отеческой заботливости, которую имѣлъ Григорій къ участи низшаго класса во владѣніяхъ римской церкви. Мы замѣтимъ лишь нѣкоторые мотивы его распоряженій, ибо они также приводятся въ посланіи. Такъ, предписывая отбирать назадъ у сборщика все, что будетъ взято имъ не по праву у колона, онъ не хочетъ, чтобы отобранное обращалось въ пользу церкви, но было бы немедленно возвращено собственнику; ибо въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ, „и мы бы сами явились виновниками насилія“ [1]). При другомъ распоряженіи, въ силу котораго церковь также должна была потерять нѣкоторыя выгоды, онъ приводитъ за основаніе свое прямое отвращеніе, чтобы церковь обогащалась изъ нечистыхъ источниковъ [2]). Все это достаточно показываетъ, какой кроткій, благородный и безкорыстный духъ управлялъ дѣйствіями человѣка, который возсѣдалъ тогда на римскомъ престолѣ.

Само собою разумѣется, что это благодѣтельное управленіе не могло простираться за предѣлы римскихъ патримоній. Тамъ были свои особые правители, военные и гражданскіе, оставшіеся еще отъ римскаго порядка вещей временъ имперіи, дуки, военные трибуны и провинціальные презесы, болѣе извѣстные подъ именемъ „судей“, iudices; всѣ они находились, по крайней мѣрѣ должны были находиться въ непосредственной зависимости отъ экзарха [3]). Существенная часть внутренняго управленія лежала на презесахъ; но военныя обстоятельства страны придали особый вѣсъ военнымъ начальникамъ: во многихъ провинціяхъ презесы должны были подчиниться дукамъ и военнымъ трибунамъ, и вообще военная власть взяла рѣшительный перевѣсъ надъ гражданскою [4]). Такой перевѣсъ вовсе не могъ служить къ выгодѣ мирнаго народонаселенія Италіи. Надобно признаться, примѣръ Григорія въ управленіи патримоніями римской церкви вовсе не

---

[1]) ...Et utilitati nostrae non proficiat: ne nos ipsi auctores violentiae esse videamur—[2]) Quia nos sacculum ecclesiae ex lucris turpibus nolumus inquinari.—[3]) Что уложеніе Юстиніана было нарушаемо, и гражданскіе правители поставлялись не по народному выбору, а по назначенію экзарха, это видно изъ Anast. *in vita Conon.* Ср. Hegel. I, 226.—[4]) См. Hegel, 1, 180.

служилъ образцомъ для свѣтскихъ правителей провинцій. Здѣсь давно исчезъ духъ справедливости, кротости, снисхожденія къ нуждамъ тѣхъ, которые были подчинены этому управленію. Притѣсненія и насилія были въ порядкѣ вещей. Помощи противъ внѣшнихъ враговъ почти не было, а между тѣмъ жителямъ Италіи такъ часто приходилось еще жаловаться на несправедливости своихъ попечителей! Не даромъ Григорій, сравнивая внѣшнихъ враговъ Италіи съ внутренними, утверждаетъ, что отъ послѣднихъ она терпитъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ первыхъ. „Тѣ враги" — говоритъ онъ, разумѣя лангобардовъ—„убиваютъ насъ мечомъ, а эти своею злобою, своимъ корыстолюбіемъ и происками терзаютъ насъ до отчаянія." [1]). Италія, вся Италія въ цѣломъ своемъ объемѣ никогда не была чужою для сердца Григорія. Тотъ, который такъ много дѣлалъ для облегченія нуждъ Рима и патримоній римской церкви, могъ ли остаться равнодушнымъ къ участи прочихъ земель Италіи и ихъ жителей? Не долженъ ли былъ онъ стараться и сюда перенести ту ревность, которою было проникнуто все его патримоніальное управленіе? И въ самомъ дѣлѣ, въ его собственныхъ глазахъ оно было какъ бы только нормою, которую онъ желалъ распространить на всю Италію.

Проводить свои мѣры управленія тамъ, гдѣ существовала и дѣйствовала другая власть, Григорій не могъ, безъ сомнѣнія. Онъ избралъ другой путь для того, чтобы покровительство римскаго престола было дѣйствительно даже и за предѣлами патримоній. На основаніи того полномочія, которое уже Юстиніанъ давалъ епископамъ по отношенію ко всему управленію въ провинціяхъ [2]), Григорій присвоилъ себѣ право высшаго надзора за дѣйствіями правителей. Надзоръ болѣе моральнаго свойства, нежели правительственный, который могъ однако вести очень далеко, будучи поддерживаемъ общимъ сочувствіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ римскаго престола. Средства же держать эту моральную цензуру надъ правителями итальянскихъ провинцій были всегда въ рукахъ Григорія. Рѣдкій значительный городъ не имѣлъ своего епископа; а кому лучше было знать о распоряженіяхъ мѣстнаго управленія, какъ не мѣстнымъ епископамъ? Всѣ они, или почти всѣ, уже подчи-

---

1) Epist. lib. IV, 35: Breviter tamen dico, quia ejus in vos malicia (т. е. экзарха Романа) gladios Langobardorum vicit: ita ut benigniores videantur hostes, qui nos interimunt, quam reipublicae judices, qui nos malicia sua, rapinis atque fallatiis in cogitatione consumunt.—2) См. выше стр. 85.

нены были римскому престолу, и кромѣ того, что находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, время отъ времени съѣзжались въ Римѣ для совѣщаній съ Григоріемъ [1]). О томъ, что происходило въ провинціяхъ, Григорій могъ быть также постоянно извѣщаемъ черезъ своихъ респонсаловъ (responsales), или апокрисіаріевъ, особыхъ чиновниковъ, черезъ которыхъ римскій епископъ сносился съ своими субдіаконами, и которые, часто переѣзжая съ мѣста на мѣсто, почти всегда были въ состояніи лично узнать состояніе той или другой провинціи. Григорію лишь оставалось соображать факты, собранные изъ такихъ вѣрныхъ источниковъ, и по нимъ произносить обличеніе или даже и осужденіе правителей.

Говоримъ такъ не на основаніи только соображеній, но утверждаемъ нашу мысль на положительномъ свидѣтельствѣ собственныхъ писемъ Григорія, которыя въ этомъ случаѣ имѣютъ для насъ всю цѣнность и все достоинство важнаго историческаго документа, потому что одни только показываютъ настоящее состояніе Италіи въ концѣ VI и началѣ VII вѣка. Изъ нихъ узнаемъ мы съ достовѣрностію, какъ велика была въ это время потребность въ надзорѣ за дѣйствіями провинціальныхъ правителей, и какъ неослабно былъ онъ производимъ Григоріемъ вездѣ, гдѣ только представлялся случай къ тому. Въ дѣятельности этого рода ревность Григорія не ограничивалась лишь предѣлами твердой земли Италіи: она простиралась и на всѣ близъ лежащіе острова, на всю область равеннскаго экзарха, временемъ заходила даже въ предѣлы африканской провинціи. Пренебреженіе религіозными интересами со стороны свѣтскихъ правителей было естественно первое, чѣмъ они навлекали на себя строгую цензуру Григорія. Но она точно также падала потомъ и на тѣ злоупотребленія власти, которыми они грѣшили противъ гражданской совѣсти. Въ важныхъ случаяхъ, когда злоупотребленія пустили уже глубокіе корни, Григорій, минуя экзарха и всякое посредство, доводилъ свои жалобы прямо до свѣдѣнія константинопольскаго двора. Одно изъ посланій его къ императрицѣ Констан-

[1]) Такъ мы знаемъ объ епископахъ Сициліи, что они приглашались въ Римъ къ празднику Св. Петра. Epist. lib. I, 70: Quia fratres et coëpiscopos nostros in Sicilia insula commorantes ad beati Petri apostoli natalitium diem convenisse volumus, scriptis praecedentibus agnovisti — пишетъ Григорій къ Петру, субдіакону Сициліи. Или еще опредѣленнѣе, Epist. lib. VI, 19: Novit dilectio tua hanc olim consvetudinem tenuisse: ut fratres et coëpiscopi nostri Romam *semel in triennio* de Sicilia convenirent.

ціи особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи. [1]) Въ интересѣ церкви и народа Григорій излагаетъ въ немъ злоупотребленія власти мѣстныхъ правителей въ Сардиніи, Корсикѣ и Сициліи. На островахъ, какъ наиболѣе удаленныхъ отъ непосредственнаго надзора центральной власти, зло было гораздо ощутительнѣе. Въ Сардиніи Григорій открылъ потворство идолопоклонникамъ, которое тѣмъ болѣе казалось ему преступнымъ, что происходило изъ самыхъ корыстныхъ побужденій [2]): правители или судьи брали съ язычниковъ деньги за то, что позволяли имъ поклоняться идоламъ. Въ Корсикѣ нашелъ онъ другое зло, противъ котораго также возставалъ со всѣмъ негодованіемъ своей чистой души. Тамъ правители до такой степени обременяли народъ произвольными поборами, что многіе принуждены были продавать своихъ дѣтей, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ [3]). Наконецъ въ Сициліи злоупотребленіе власти явно уже переходило въ насилія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не было болѣе неприкосновенной собственности; нѣкоторые чиновники, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія, позволяли себѣ даже безъ всякаго предлога вторгаться во владѣнія частныхъ людей и дѣлать въ нихъ свои самовольныя распоряженія [4]). Обо всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ и насиліяхъ Григорій долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія императрицы, чтобы на него „не пала вина“ [5]). Онъ уже считалъ себя какъ бы подлежащимъ отвѣтственности въ случаѣ недостатка высшаго надзора съ его стороны, точно такъ же, какъ онъ считалъ своею обязанностію принимать мѣры для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тамъ особенно, гдѣ злоупотребленія происходили отъ второстепенныхъ чиновниковъ въ пра-

---

[1]) Epist. lib. IV, 33. — [2]) Ibid: Sed quidam jam mihi sacrilegum nunciavit: quod hi, qui in ea idolis immolant, judici praemium persolvunt, ut eis hoc facere liceat.— [3]) Ibid: Corsica vero insula tanta nimietate exigentium et gravamine premitur exactionum, ut ipsi, qui in illa sunt, eadem quae exiguntur complere vix filios suos vendendo sufficiant. Unde fit, ut derelicta pia republica possessores ejus insulae ad nefandissimam Langobardorum gentem cogantur effugere.— [4]) Григорій особенно жалуется на одного начальника приморскаго края, носившаго титло хартуларія. Ibid: In Sicilia autem insula Stephanus quidam marinarum partium chartularius tanta praejudicia tantasque oppressiones operari dicitur, invadendo loca singulorum, atque *sine dictione causarum* per possessiones ac domos titulos ponendo: ut si velim acta ejus singula, quae ad me pervenerunt, dicere, magno volumine haec explere non possim.— [5]) Ibid: Unde mihi hoc breviter suggessisse sufficiat, ne si ea, quae in his partibus aguntur, pietas vestra non cognosceret, me apud districtum judicem silentii mei culpa mulctaret.

вительственной іерархіи, римскій епископъ обращался прежде всего къ тѣмъ, которые были надъ ними поставлены, и настоятельно требовалъ отъ нихъ возстановленія правды и строгаго наблюденія за подчиненными. Нѣкто Теодоръ, военный начальникъ одной изъ африканскихъ областей (magister militum), позволялъ себѣ разныя несправедливости и притѣсненія тамошнихъ жителей, особенно бѣднаго класса [1]). Черезъ мѣстнаго епископа жалобы дошли до Григорія. Онъ тотчасъ отписалъ къ экзарху Африки, вызывая его, именемъ справедливости, взять во вниманіе недостойное поведеніе магистра Теодора и не замедлить исправленіемъ злоупотребленій. „Если же"—писалъ онъ въ заключеніе письма—„Теодоръ не способенъ понять справедливости, то пусть по крайней мѣрѣ угроза нашего повелѣнія удержитъ его впредь отъ подобныхъ дѣйствій" [2]). Въ другомъ письмѣ Григорій беретъ подъ свою защиту жителей острова Прочиды, которые терпѣли отъ лихоимства мѣстнаго правителя (comes), и ходатайствуетъ за нихъ передъ военнымъ начальникомъ Мауренціемъ, котораго власть распространялась на цѣлую область и которому подчинено было мѣстное начальство острова [3]). Но не всегда нужно было ходатайство передъ высшими начальниками: нерѣдко они сами позволяли себѣ злоупотребленіе и потому также нуждались въ хорошихъ урокахъ. Тогда Григорій обращалъ прямо къ нимъ свой укоръ и выговаривалъ его безъ утайки, съ достоинствомъ нравственнаго судьи, съ суровостію учителя. Такому обличенію подвергся, напримѣръ, проконсулъ Италіи Іоаннъ, который не постыдился присвоить себѣ хлѣбные запасы, собранные въ Неаполѣ и принадлежавшіе, какъ кажется, управленію римскими патримоніями [4]). Величая Іоанна по достоинству его званія, чествуя его титлами то eminentia, то sapientia, Григорій тѣмъ не менѣе высказалъ ему весь стыдъ и

[1]) Epist. lib. I, 59.—[2]) Ibid: Et quod omnia vestram excellentiam convenit emendare, salutans eminentiam vestram postulo, ut ea ulterius non sinatis... ut si non rectitudinis contemplatione, saltem formidine nostrae jussionis a talibus se gloriosus Theodorus vel homines ejus abstineant.—[3]) Epist. liber VII, 70. Comites и vicecomites Гегель считаетъ за военныхъ начальниковъ низшаго разряда. I, 182.—[4]) Epist. lib. VIII, 20. Письмо надписано Johanni proconsuli Italiae. Трудно опредѣлить съ точностію, какое значеніе имѣли въ это время „проконсулы". Но судя по самымъ титламъ, которыми чествуетъ Григорій Іоанна, и потому, что онъ называется проконсуломъ Италіи, можно думать, что это былъ одинъ изъ викаріевъ италіанскаго экзарха. Ср. Hegel. I, 177—178. Почти не менѣе суровъ урокъ, сдѣланный Григоріемъ Кудискальку, дуку Кампаніи, за насилія *его, произведенныя* въ одномъ монастырѣ. VIII, 12.

все неприличіе его поступка и не задумался прибавить еще хорошее назиданіе на будущее время.

Съ другой стороны Григорій никогда не забывалъ послать свое одобрительное слово тѣмъ, которые показывали особенную ревность и усердіе къ интересамъ церкви, къ исполненію закона вообще. Такъ изъявляетъ онъ отъ своего лица благодарность Гульфару, военному начальнику Истріи, за его ревность по управленію и по благочестію, и поощряетъ его на дальнѣйшіе подвиги [1]). Такъ выхваляетъ онъ военныя доблести Геннадія, экзарха Африки, и его гражданскія заслуги государству и римскому престолу [2]). Такъ свидѣтельствуетъ онъ свою признательность и благоволеніе нѣкоторому Гавдіозу, жителю африканской провинціи, о которомъ онъ наслышанъ, что его благоразумные совѣты были полезны многимъ тамошнимъ правителямъ или судьямъ [3]).

Въ одобреніяхъ и порицаніяхъ этого рода, въ похвалахъ дѣятельности, усердію и правдивости, и въ обличеніяхъ и осужденіяхъ несправедливыхъ поступковъ, притѣсненій правителей, состоялъ тотъ высшій нравственный надзоръ, который принялъ на себя Григорій. И замѣтимъ, что слово, сказанное Григоріемъ, произносилось не втунѣ: оно всегда имѣло силу и вѣсъ въ Италіи; оно само въ нѣкоторомъ смыслѣ было правительственнымъ актомъ. Рекомендація Григорія такъ уважалась въ италіанскихъ провинціяхъ, что рѣдкій изъ вновь назначаемыхъ чиновниковъ, не только гражданскихъ, но и военныхъ, отправлялся къ мѣсту своего назначенія, не запасшись напередъ рекомендательнымъ письмомъ римскаго епископа къ высшей мѣстной власти, духовной и свѣтской [4]). Григорій, кажется, охотно снабжалъ такими письмами просителей; но въ тѣхъ, которыя были адресованы на имя мѣстнаго епископа, онъ не забывалъ еще прилагать увѣщаніе къ нему, чтобы онъ старался внушать вновь поступающему дѣятелю нравственныя правила и поддерживать его своимъ совѣтомъ и вліяніемъ. Вообще, это вліяніе, которое имѣлъ онъ самъ на свѣтскихъ правителей, Григорій старался передать и другимъ епископамъ. Онъ очень ясно сознавалъ назначеніе епископовъ своего времени и потому строго наблюдалъ, чтобы выборы

---

1) Epist. lib. VII, 95.—2) Epist. lib. II, 73.—3) Ibid. ср. ep. 74.—4) См. особенно Epist. lib. VIII, ep. 7, 48, 49, 54, 55, также X 5, 6, 20, 21, и пр. Даже частные люди, отправляясь изъ одной провинціи въ другую, старались запасаться письмами Григорія. Въ нихъ находили себѣ лучшую рекомендацію и въ случаѣ нужды лучшую опору.

падали на людей не только извѣстныхъ своимъ благочестіемъ, но и умомъ, такъ сказать смысломъ политическимъ. „Ибо мы живемъ въ такое время“, говорилъ онъ, „что епископъ долженъ озаботиться не только спасеніемъ душъ, но и внѣшнею пользою своей паствы и ея охраненіемъ“ [1]).

Требуя отъ другихъ своихъ собратій и вмѣстѣ подчиненныхъ политическаго смысла, Григорій, очевидно, для себя не имѣлъ нужды искать его на сторонѣ: онъ одаренъ былъ имъ въ высшей степени. Кромѣ своей неутомимой внутренней дѣятельности, онъ еще показалъ этотъ смыслъ въ своихъ церковно-дипломатическихъ сношеніяхъ, выходившихъ изъ предѣловъ Италіи. Внутренняя запутанность нисколько не стѣсняла его широкаго умственнаго кругозора. Ни одно изъ прежнихъ политическихъ отношеній римскаго престола не было имъ прервано или нарушено; многія заведены имъ были совершенно вновь. Поддерживая старыя сношенія съ королями франковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество писемъ его къ Брунегильдѣ, къ Хильдеберту, Теодериху, Теодеберту и Хлотару, королямъ франковъ, къ вельможамъ и епископамъ Галліи [2]), онъ открывалъ вновь сношенія съ королями лангобардскими и вестъготскими, несмотря на ихъ аріанство; онъ началъ списываться съ королями англо-саксонскими [3]). Широкая мысль лежала въ основаніи всѣхъ этихъ сношеній; мысль о старомъ единствѣ и централизаціи римскаго міра какъ бы опять оживала въ Григоріи, хотя выступала уже подъ другимъ знаменемъ, опиралась на иныя начала. Еще только начиналось дѣло освобожденія Италіи, какъ уже выходила мысль о покореніи ея началу, ея авторитету, всего западнаго христіанскаго міра. И не безъ успѣха: епископы Галліи начинали свыкаться съ

---

[1]) Такъ писалъ Григорій къ жителямъ Неаполя по случаю избранія ими нѣкотораго Петра: Petrus autem idem diaconus, quem a vobis electum esse asseritis, omnino (quantum dicitur) *simplex est*. Et nostis: quia talis hoc tempore in regiminis arce debeat constitui, qui non solum de salute animarum, verum etiam de extrinseca subjectorum utilitate et cautela sciat esse sollicitus. VIII, 40. — [2]) Epist. lib. V, 6, 51, 53, 54, 57, 58, 59, et caet. Также lib. VII, отъ 112 до 121. Первое изъ приведенныхъ посланій замѣчательно по одному особенному обстоятельству. Оно адресовано къ Хильдеберту. Восхваляя его ревность по вѣрѣ, Григорій, въ знакъ особенной пріязни, между прочимъ посылаетъ ему *для ношенія на шеѣ*, конечно какъ святыню, *ключи*, которые онъ самъ называетъ *Петровыми*, и въ которые, по его словамъ, вложена частица отъ узъ Св. Петра. Вотъ его слова: Claves praeterea s. Petri, in quibus de vinculis cathenarum ejus inclusum est excellentiae vestrae direximus, quae collo vestro suspensae a malis vos omnibus tueant.— [3]) Epist lib. VII, 41, 42; 124, 126; IX, 59, 60.

авторитетомъ римскаго епископа; въ Италіи Григорій имѣлъ удовольствіе видѣть начало обращенія къ церкви лангобардовъ; въ отдаленной Англіи усиліями миссіонеровъ Григорія основалась новая церковь, признававшая римскую своею матерію. На самыхъ широкихъ основаніяхъ полагалось основаніе будущему единству западнаго христіанскаго міра. Германія еще оставалась недоступною христіанству; но сосѣдственная Англія уже готова была принять на себя этотъ трудъ, чтобы заплатить Риму покореніемъ его новому началу страны, изъ которой вышли народы, положившіе конецъ римскому міру, то-есть Германіи.

Не входимъ во всѣ подробности этой послѣдней дѣятельности Григорія, ибо она выходитъ изъ предѣловъ нашего обозрѣнія, имѣющаго своимъ предметомъ внутреннюю исторію Италіи. Замѣтимъ только, что здѣсь начало новаго стремленія римскаго престола, которое впослѣдствіи, раскрывшись яснѣе, произвело явленіе, извѣстное подъ именемъ папскаго всевластія, и въ которомъ потомъ потерялось національное значеніе власти римскаго епископа. Необходимо впрочемъ строго различать стремленія Григорія отъ идей, изъ которыхъ исходила дѣятельность Гильдебранда. Открывая новое стремленіе, Григорій вовсе не сознавалъ его послѣднихъ, крайнихъ результатовъ, особенно какъ они были раскрыты въ XI вѣкѣ. Мы можемъ сказать болѣе: стоя въ исходномъ пунктѣ направленія, открывая ему первые выходы, Григорій въ то же время противодѣйствовалъ тѣмъ крайнимъ результатамъ, которые оно могло дать отъ себя. Все среднее пространство между исходнымъ пунктомъ тенденціи и ея крайнимъ предѣломъ было еще сокрыто для умственнаго взора Григорія. Отсюда происходило то, что неутомимо распространяя авторитетъ своего престола далеко на западѣ, что утверждая здѣсь за нимъ первенство, въ своихъ сношеніяхъ съ восточными престолами Григорій старался избѣжать всякаго излишняго притязанія, которое могло нарушить господствовавшее въ церкви согласіе. Сохраненіе единства всей церкви было одною изъ первыхъ заботъ Григорія; боязнь нарушить, возмутить чѣмъ бы то ни было это единство, заставила его, по примѣру предшественниковъ, отложить даже титло universalis, „вселенскій“, какъ оно впрочемъ ни лестно было для римскаго престола [1]). Въ противополож-

---

1) Epist. lib. IV, 32: Certe pro beati Petri apostolorum principis honore per venerandam Chalcedonensem synodum Romano Pontifici oblatum est (id est no-

ность Іоанну, епископу константинопольскому, который принялъ это титло, Григорій хотѣлъ лучше называть себя „рабомъ“ всѣхъ священнослужителей. Онъ съ жаромъ оспаривалъ право на этотъ почетный эпитетъ и у Іоанна, говоря, что не заключая въ себѣ ничего существеннаго, оно однако могло бы повести къ соблазну, то-есть къ нарушенію добраго согласія и къ раздору внутри церкви [1]). Онъ видѣлъ въ подобномъ притязаніи прямое оскорбленіе церкви; онъ не могъ даже удержаться отъ укора тѣмъ, которые до того суетны, что готовы для пустого титла пожертвовать спокойствіемъ христіанскаго міра. Когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ спора Григорія съ Іоанномъ, Евлогій, епископъ александрійскій, въ письмѣ своемъ къ римскому употребилъ о немъ же выраженіе „какъ вы приказали“, Григорій опять не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать на это сильнаго возраженія [2]). Ему казалось, что ему навязываютъ притязаніе, которое онъ отвергаетъ отъ себя всѣмъ сердцемъ. „Слово *приказаніе*“—отвѣчалъ онъ ему—„прошу впередъ устранить отъ моего слуха. Ибо я знаю, кто я и кто вы. По сану вы мнѣ братъ, а по жизни—отецъ. Итакъ я не могъ приказывать вамъ, а развѣ только старался указать, что́ мнѣ казалось полезнымъ“.

Довольно примѣровъ скромности и умѣренности Григорія. Тѣ, которые мы привели, достаточно показываютъ, что Григорій, при всей своей ревности къ возвышенію римскаго престола, не предвидѣлъ, не предчувствовалъ у себя впереди, въ ряду своихъ будущихъ преемниковъ, одного, также съ именемъ Григорія, но съ идеями и стремленіями Гильдебранда; онъ не предчувствовалъ, что придетъ время, когда сильный укоръ, сказанный имъ съ римскаго престола, будетъ всего болѣе относиться къ тому же самому престолу. Впрочемъ одинъ ли только былъ строитель, который полагалъ основаніе храму и не подозрѣвалъ, что со временемъ потомки обратятъ зданіе на иныя потребности?

---

men „universalis“). Sed nullus eorum unquam hoc singularitatis vocabulum assumpsit, nec uti consensit... nos hujus vocabuli gloriam et oblatam non querimus... Ego enim cunctorum sacerdotum servus sum, inquantum ipsi sacerdotabiliter vivunt.—[1]) Ibid: Ille coërcendus est, qui sanctae universali ecclesiae injuriam facit, qui corda sumet, qui gaudere de nomine singularitatis appetit... Ecce omnes hac de re scandalum patimur. См. также VI, 30, гдѣ эпитетъ „universalis“ называется уже прямо „stultum vocabulum“. — [2]) Epist. lib. VII, 30: Quod verbum jussionis peto a meo auditu removere: quod scio quis sum, qui estis, vos enim mihi fratres *estis, moribus* patres. Non ergo jussi, sed quae utilia visa sunt, indicare curavi.

Возвратимся еще разъ къ первой дѣятельности Григорія, которой мы наиболѣе посвятили вниманія. Какое значеніе имѣло оно въ эту эпоху для Италіи? Въ эпоху, когда вновь начинающаяся италіанская національность въ одно и то же время терпѣла и отъ ударовъ внѣшняго врага и отъ насилій своихъ, отнюдь не болѣе великодушныхъ попечителей, когда Италія такъ много нуждалась и въ оборонѣ своихъ слабыхъ границъ, и въ покровительствѣ закона внутри—и не находила ни того, ни другого со стороны той власти, которой ввѣрена была судьба ея? Въ эту эпоху, столько трудную и тяжелую для Италіи, какъ мы видѣли, только на римскомъ престолѣ были поняты и приняты къ сердцу всѣ существенныя нужды Италіи, всѣ ея боли и страданія; только здѣсь еще жила неусыпная забота о томъ, чтобы не дать почувствовать странѣ этого недостатка правительственной дѣятельности, чтобы на всѣхъ пунктахъ содѣйствовать ея жизненнымъ усиліямъ, чтобы слышать или угадывать всѣ ея жалобы и потомъ доставлять ей, сообразно съ ея нуждами, то вооруженную защиту, то выгоды мира, то покровительство закона или иного авторитета, противъ всякаго произвольнаго нарушенія справедливости въ гражданскихъ отношеніяхъ. Не довольно того, что римскій престолъ принялъ на свое попеченіе внѣшнія отношенія экзархата къ самымъ опаснымъ его врагамъ и велъ ихъ неуклонно къ одной цѣли, онъ взялъ на себя еще контроль внутренняго управленія Италіи, въ которомъ, за недостаткомъ высшаго надзора, личный произволъ правителей бралъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ закономъ. Такъ, пренебреженная своими властителями, новая италіанская національность нашла себѣ свой центръ для своей самодѣятельности и сама создала для себя новую общественную власть. То, чтó по праву принадлежало правительству экзархата и должно было составлять его исключительное преимущество, переходило за его бездѣйствіемъ на римскій епископскій престолъ. Устраненіемъ опасности со стороны лангобардовъ и наблюденіемъ за правдою внутри страны оказавъ великую заслугу національному дѣлу, римскій престолъ со времени Григорія получаетъ значеніе въ высокой степени *національное* и восходитъ на степень первой общественной власти въ Италіи.

Безъ сомнѣнія, въ этой новосозданной власти не заключалась еще развязка труднаго положенія новой Италіи, но лишь новая перемѣна въ ея отношеніяхъ, для которой нужно было свое, не менѣе трудное разрѣшеніе въ будущемъ. Новая власть

вышла не изъ побѣды надъ равеннскимъ правительствомъ, но мирно образовалась въ виду и нѣкоторымъ образомъ подъ его сѣнію, вызванная силою обстоятельствъ, возвышенная и облагороженная дѣятельностію геніальнаго человѣка. Въ одну критическую минуту, по недостатку энергіи, Равенна могла допустить подлѣ себя это возвышеніе новой власти на прежде приготовленныхъ основаніяхъ; но не могла она навсегда остаться равнодушною къ ея соприсутствію, потому что ихъ дѣятельность отнынѣ должна была распространяться въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ, потому что власть новая естественно стремилась къ исключенію старой; не могла отказаться Равенна отъ своихъ правъ еще и потому, что за нею стояла цѣлая имперія, которая эти права считала своими собственными, и въ болѣе благопріятное время могла еще развить, для поддержанія ихъ во всей силѣ, очень большія средства. Столкновеніе между новою національною властію въ Италіи и Восточною имперіею въ будущемъ было неизбѣжно. Съ другой стороны лангобарды не были укрощены совершенно: остановлены только успѣхи ихъ завоеванія внутри экзархата и положено начало введенію между ними католичества. Но въ политическомъ отношеніи государство лангобардовъ оставалось неприкосновеннымъ; своими крайними владѣніями оно попрежнему лежало какъ бы на плечахъ экзархата, и было еще вопросомъ, навсегда ли заснула съ нимъ первоначальная энергія, и не проснется ли она со временемъ, чтобы устремиться на новыя завоеванія. Тогда—какая будетъ роль новой власти въ экзархатѣ, и какой средній путь изберетъ она между двумя опасностями? Все это пока были только вопросы, которыхъ разрѣшеніе лежало въ ближайшей за тѣмъ исторіи Италіи.

Пока былъ живъ Григорій, видно было только образованіе новой власти и ея дѣятельность, но еще не успѣли обозначиться неизбѣжно отсюда проистекавшія новыя отношенія римскаго престола къ имперіи. Самъ Григорій, по своему умѣренному и миролюбивому духу, не только уклонялся отъ всякаго столкновенія съ высшею властію, пребывавшею въ Константинополѣ, но и прямо выражалъ свою преданность ей и покорность ея повелѣніямъ. Только незаслуженныя оскорбленія, отъ кого бы ни выходили они, Григорій отражалъ отъ себя съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и того авторитета, который соединялся съ саномъ римскаго епископа. Въ выраженіяхъ же своей преданности Григорій простирался иногда гораздо далѣе, чѣмъ требовало строгое чувство справедли

вости. Когда (въ 602) вслѣдствіе одного изъ переворотовъ, столько обыкновенныхъ въ Византійской имперіи, императоръ Маврикій погибъ вмѣстѣ съ пятью своими дѣтьми подъ ножомъ убійцы, и безчестный устроитель всего убійства, сотникъ Фока, поднятый тупымъ и безсмысленнымъ восторгомъ константинопольскихъ партій, утвердился на императорскомъ престолѣ, Григорій изъ своего отдаленія спѣшилъ привѣтствовать его лестнымъ посланіемъ и призывать, по случаю восшествія на престолъ Фоки, не только всѣхъ жителей имперіи, но и самое небо и землю къ участію въ общей радости и ликованіи [1]. Григорій еще не могъ, конечно, предвидѣть въ Фокѣ одного изъ отвратительныхъ тирановъ, которые на вѣчный позоръ оставляютъ свои имена въ исторіи; но довольно уже было одного акта восшествія его на престолъ, основаннаго на насиліи и убійствѣ, чтобы, если не осуждать его гласно, то подъ безукоризненнымъ безмолвіемъ скрыть свое глубокое негодованіе... Къ сожалѣнію, Григорій, тогда уже ослабленный лѣтами и болѣзнями, думалъ только о томъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія новаго константинопольскаго правительства. По счастію, впрочемъ, это дѣйствіе, одно, которое бросаетъ нѣкоторую тѣнь на память великаго человѣка, нисколько не могло повредить дѣлу, имъ совершенному для Италіи.

---

[1] Epist. lib. XI, 36. Ср. Gibbon, гл. 46.

VI.

Италія по смерти Григорія Великаго. Государство лангобардовъ въ VII вѣкѣ. Византійская имперія при Гераклія и его преемникахъ. Отношенія къ нимъ новой власти въ Италіи.

Великая дѣятельность Григорія опредѣлила направленіе новой Италіи болѣе, чѣмъ на одно столѣтіе. Въ этой дѣятельности не только былъ ключъ будущихъ отношеній Италіи, черезъ ея новую власть, къ имперіи, но въ ней же заключалось начало новаго оборота вещей и для самаго лангобардскаго государства.

Мы обратимъ наше вниманіе прежде всего на состояніе лангобардскаго государства въ VII вѣкѣ. Усилія Григорія остановить посредствомъ обороны, мирныхъ договоровъ и наконецъ католичества разливъ лангобардскаго завоеванія, пришлись какъ нельзя болѣе во-время. Это было послѣднее свободное стремленіе чистой лангобардской національности, еще не поддавшейся италіанскому вліянію, распространить свои предѣлы на остальную Италію. Остановившись въ этомъ движеніи при Григоріи, она обратилась потомъ сама на себя, на разработку внутреннихъ элементовъ жизни въ своихъ новыхъ предѣлахъ. Въ продолженіе VII вѣка мы встрѣтимъ еще нѣсколько новыхъ завоеваній, сдѣланныхъ лангобардами внутри Италіи; но (до Ліутпранда) не найдемъ ни одного столько рѣшительнаго движенія, которое бы угрожало опасностію цѣлому экзархату.

Однимъ изъ главныхъ орудій, которымъ Григорій думалъ дѣйствовать на обузданіе лангобардскаго своеволія, было католичество. Въ немъ же заключалось и первое средство для того, чтобы смягчить то рѣзкое раздѣленіе, которое до сего времени существовало между національностями италіанскою и

'обардскою. Сѣмена, брошенныя Григоріемъ, не вдругъ ıко начали приносить свои плоды. По смерти Григорія ›личество, хотя медленно, продолжало дѣлать успѣхи между 'обардами. Особенно благопріятное время для его успѣховъ 'ало по смерти Агилульфа, когда Теоделинда отъ имени а своего Адельвальда (Adeloaldus) управляла государствомъ[1]. годаря ея покровительству и щедрости, сѣверная Итавидѣла возстановленіе своихъ разрушенныхъ или оставленъ храмовъ и обогащеніе ихъ новыми приношеніями. Впроь аріанизмъ былъ еще въ силѣ между лангобардскими огами, и очень вѣроятно, что покровительство, которое сынъ целинды продолжалъ оказывать церкви, также не мало способствовало къ возбужденію ихъ ненависти, которая произвела ѣстный заговоръ, кончившійся насильственною смертію ıьвальда [2]. Но смерть его вовсе не была побѣдою аріаıа, ибо католики нашли себѣ новую покровительницу въ ›ри Теоделинды Гундебергѣ, женѣ новаго короля Аріо›да. Гундеберга далеко не имѣла того вліянія и уваженія, ıми пользовалась мать ея; однако, пока на престолѣ ланго›скомъ оставались лица, принадлежавшія къ роду Теодецы, католичество между лангобардами не оставалось безъ ›ы и защиты. Оно незамѣтно могло продолжать свои усı подъ покровомъ мира, которымъ государство лангобард› пользовалось почти во все время, пока имъ правилъ Аріо›дъ (636). Нѣсколько стѣснительное состояніе для успѣь католичества наступило по смерти Аріовальда со вступıіемъ на престолъ Ротари, герцога брешіанскаго. Онъ самъ ъ аріанинъ, и несмотря на то, что обязанъ былъ престоь выбору Гундеберги, которой лангобарды предоставили право, скоро далъ ей почувствовать свое самовластіе: нѣıько лѣтъ сряду онъ держалъ ее въ нѣкотораго рода за›ніи внутри своего дворца, такъ что Гундеберга только ıтайству короля франковъ, своего родственника, обязана а освобожденіемъ отъ такого заточенія [3]. Останавливаться ›дъ насильственными средствами было вообще не въ нравѣ ›ри: не мало „благородныхъ лангобардовъ" (въ которыхъ ›зя не узнать самовластныхъ герцоговъ) погибло отъ его и по одному подозрѣнію, что они позволяли себѣ сопроти-

---

[1]) См. Paul. Diac, IV, 43. — [2]) См. Gesch. v. Italien, von Hein. Leo, 1, -157. Римскій епископъ былъ противъ Аріовальда и продолжалъ держать ›ну Адельвальда. См. письмо епископа Гонорія 1 въ Murat. Ann. ad an. 625. — 'edeg. Chron. cap. 70.

вленіе его власти или противорѣчіе его волѣ [1]). Но счастіе продолжало покровительствовать католичеству: на него нисколько не простирались насилія Ротари. Вѣроятно онъ нашелъ, что было уже поздно думать о томъ, чтобы искоренить его во владѣніяхъ лангобардскихъ и рѣшился лучше оставить его въ покоѣ. Сказавъ объ еретическихъ мнѣніяхъ Ротари, Павелъ Діаконъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ [2]), что въ его время почти во всѣхъ городахъ лангобардскихъ было по два епископа—одинъ аріанскій и другой католическій. Осязательное доказательство того, что тогда въ каждомъ лангобардскомъ городѣ явно существовала католическая община. Переворотъ, послѣдовавшій въ лангобардскомъ государствѣ при наслѣдникѣ Ротари, Родоальдѣ, снова передалъ власть баварской линіи въ лицѣ Ариперта, племянника Теоделинды, и слѣдовательно утвердилъ возрастающую силу католичества. Скоро на сторонѣ католиковъ оказался рѣшительный перевѣсъ, такъ что время Гримоальда (ок. 670) можно считать временемъ окончательнаго обращенія лангобардовъ въ католической церкви. При одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Гримоальда становится даже весьма ощутительно вліяніе католическаго духовенства на замѣщеніе лангобардскаго престола [3]).

Почти три четверти столѣтія продолжается утвержденіе католичества между лангобардами, и во все это время только однажды нарушенъ былъ ими миръ съ экзархатомъ. До такой степени ихъ завоевательныя стремленія подъ разными мѣстными вліяніями потеряли свою прежнюю энергію. Это было при Ротари, королѣ-аріанинѣ, въ которомъ какъ бы ожилъ на время старый лангобардскій духъ. Неизвѣстны ближайшія причины, побудившія Ротари къ нарушенію мира съ римлянами: вѣроятно, что онѣ лежали прежде всего въ его личныхъ наклонностяхъ; но мы знаемъ, что нападеніе было очень стремительно и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ со стороны лангобардовъ [4]). Впрочемъ предпріятіе Ротари не было направлено ни на Римъ, ни на Равенну. Онъ хотѣлъ лишь легкой добычи и устремился прямо на приморскую Лигурію, какъ на страну, наименѣе защищенную изъ всѣхъ областей экзархата. Прежде чѣмъ экзархъ могъ подать какую-либо помощь Лиг[у]

---

1) Ibid: Crotharius, cum regnare coepisset, multos nobilium Longobardoru[m] quos sibi senserat *contumaces*, interfecit.—2) Paul. Diac. IV, 44.—3) Paul Diac. 38. — 4) Id. IV, 48. Fredeg. Chron. c. 71. — Павелъ Діаконъ, вмѣсто всяк[аго] оправданія похода, ставитъ лишь обычное igitur. Годъ событія остается та[кже] *неизвѣстнымъ*. Муратори полагаетъ его въ 641 году. См. Murat. Annal. ad an. 6[41]

ріи, Ротари былъ уже здѣсь съ своимъ войскомъ и занялъ всѣ приморскіе города вверхъ отъ Тосканы. Тѣмъ же духомъ разрушенія былъ ознаменованъ этотъ походъ, какъ и первыя завоеванія лангобардовъ. Генуя, Альбенга, Варикотти, Савона и другіе города, лежавшіе при Лигурійскомъ морѣ, были разорены почти до основанія; жители же большею частью отведены въ плѣнъ; на мѣстѣ прежнихъ городовъ остались лишь незначительныя селенія [1]. — Экзархъ, по имени Исаакій, не хотѣлъ однако оставаться празднымъ зрителемъ новаго лангобардскаго завоеванія; онъ думалъ еще оспаривать его у Ротари, и собравъ сколько было силъ, выступилъ съ ними по направленію къ Лигуріи. У Модены, близъ рѣки Панаро (Scultenna), встрѣтилъ его Ротари. Данная здѣсь битва была, какъ кажется, довольно упорна и кровопролитна. Извѣстіе Павла Діакона, хотя вѣроятно преувеличенное, полагаетъ число павшихъ римлянъ до 8000 человѣкъ. Несмотря на побѣду Ротари не думалъ продолжать завоеванія, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ съ его стороны ни одного новаго наступательнаго движенія. Должно полагать, что новымъ договоромъ вновь были опредѣлены отношенія къ имперіи, и Лигурія съ того времени осталась во власти лангобардовъ [2].

Новое завоеваніе значительно округлило лангобардскія владѣнія въ одну сторону. Вновь пріобрѣтенный край, начинаясь отъ Тусціи или Тосканы, простирался на сѣверо-западъ до крайнихъ предѣловъ Италіи. Лангобарды такимъ образомъ еще въ одномъ мѣстѣ приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ франками [3]. Замѣтимъ это обстоятельство, потому что оно также осталось не безъ вліянія на будущую судьбу государства.

При Ротари же находимъ мы и другой признакъ того, что лангобардская національность обратилась сама на себя и старалась установиться въ завоеванныхъ ею предѣлахъ. Мы уже упоминали о немъ прежде: это первый опытъ письменнаго лангобардскаго законодательства, извѣстный подъ именемъ „эдикта Ротари" [4]. И въ этомъ отношеніи лангобард-

---

1) Fredegavius: Chrotharius cum exercitu—civitates litoris maris de imperio auferens vastat, rumpit, incendio concremans, populum diripit, spoliat, et captivitate condemnat, murosque earum usque ad fundamentum destruens, vicos has civitates nominare praecepit. — 2) Совершенное молчаніе Анастасія объ этомъ событіи указываетъ на то, что опасность вовсе не угрожала на этотъ разъ Риму.—3) Paul. Diac. IV, 47: Rothari rex civitates—usque ad Francorum fines cepit.—4) Id. IV, 44.

ская національность имѣла въ Ротари самаго вѣрнаго своего представителя. Въ его эдиктѣ лангобардское право, до сихъ поръ „храненное только памятью и обычаемъ" (слова Павла Діакона), нашло себѣ самое полное и прочное выраженіе. Ни одни только преступленія и наказанія, какъ они существовали въ обычномъ правѣ, эдиктъ заключалъ въ своихъ законныхъ опредѣленіяхъ также и семейныя и гражданскія отношенія. Всматриваясь пристальнѣе, найдемъ въ немъ же и первые признаки вновь зачинающагося государственнаго права. Имя лангобардскаго законодателя вполнѣ прилично Ротари: онъ опредѣлилъ и упрочилъ лангобардскій законъ въ широкомъ значеніи слова.

Не считаемъ нашею задачею входить въ подробности эдикта [1]). Въ нашемъ обозрѣніи можетъ занять мѣсто лишь самый фактъ и его общее значеніе. Одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ этого факта составляетъ то, что эдиктъ есть письменная редакція собственно лангобардскаго или германскаго обычнаго права. Ни въ одномъ изъ законодательствъ, изданныхъ германцами на римской почвѣ, не сохранилось оно въ такой чистотѣ, какъ въ эдиктѣ; нигдѣ не потерпѣло оно такъ мало отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Самое названіе римлянина встрѣчается въ эдиктѣ только одинъ разъ— говоря точнѣе, названіе римлянки—и то какъ будто лишь для того, чтобы выразить все презрѣніе законодателя къ этой униженной національности [2]). Здѣсь найдете вы узаконеніе этой грубой нравственности первоначальнаго германскаго быта, по которой мужъ имѣлъ полное право убить жену за нарушеніе вѣрности, и отецъ свободной женщины—совершить ту же казнь надъ рабомъ, который имѣлъ бы дерзость вступить въ брачныя отношенія съ его дочерью [3]). Здѣсь же найдете узаконенною самую высокую таксу денежнаго штрафа (900 солидовъ) хотя бы за ничтожное оскорбленіе свободной лангобардки, и рядомъ—самую низкую (3 солида) за побои, нанесенные жен-

---

1) Edictum Rotharis напечатанъ въ Corpus juris Germanici, ed. Walter, T. I, также у Murat. Scr. R. It. T. I, per. 2. См. о немъ Hegel, 1, отъ 382. Ср. также Leo, Gesch. v. Italien, T. I, отъ 99.—2) Edict. Rothar. § 194: Si quis cum ancilla gentili fornicatus fuerit, componat domino ejus solidos XX. Et si cum Romana, XII solidos. — 3) Ed. Roth. § 213: Si quis cum uxore sua liberum, aut servum fornicantem invenerit, potestatem habeat eos ambos recidendi, et si eos reciderit, non requiratur. — Ibid. § 222: Si servus liberam mulierem aut puellam ausus fuerit sibi conjugio sociare, animae suae incurrat periculum; et illam, quae servo fuerit consentiens, habeant parentes potestatem recidendi, etc.

щинѣ беременной, но не свободной, хотя бы отъ того зависѣла участь самаго рожденія [1]). Передъ нами въ немногихъ примѣрахъ вся первоначальная грубость лангобардскихъ нравовъ вмѣстѣ съ надменною исключительностію ихъ старыхъ свободныхъ родовъ! Возьмемъ и еще нѣкоторые образцы. Смертію наказывается измѣна отечеству; смертію же — постыдное бѣгство предъ лицомъ врага съ поля битвы [2]). Формы суда чисто германскія. Судебный приговоръ произносится не иначе, какъ на основаніи клятвеннаго показанія 12 присяжниковъ, въ числѣ которыхъ находится и самъ обвиненный. Въ случаѣ несогласія показаній, хотя бы обвиненный одинъ былъ противъ сприсяжниковъ, дѣло рѣшается судомъ Божіимъ, обыкновенно судебнымъ поединкомъ [3]). Впрочемъ полное развитіе этого учрежденія принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ [4]).

Итакъ эдиктъ былъ выраженіемъ права исключительно лангобардскаго, въ томъ смыслѣ, что въ основаніе его были положены чисто національные юридическіе обычаи лангобардовъ. Что́ еще важнѣе, это лангобардское право, какъ находимъ его въ эдиктѣ, должно было имѣть силу закона не только для самихъ лангобардовъ, но и для всѣхъ побѣжденныхъ жителей, то-есть для римлянъ [5]). Въ государствѣ лангобардовъ не было мѣста особымъ личнымъ правамъ, вопреки тому, что́ находимъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ, поселившихся на римской землѣ. Римлянамъ, жившимъ въ лангобардскихъ предѣлахъ, не оставалось ничего болѣе, какъ составить въ лангобардскомъ обществѣ особое, полусвободное сословіе „альдіевъ“, и пользоваться лангобардскимъ правомъ на основаніи своего новаго состоянія [6]). Только въ городахъ, гдѣ римляне жили вмѣстѣ съ лангобардами, но гдѣ не было извѣстныхъ отношеній, посредствуемыхъ землею, первые вѣроятно пользовались большею свободою, хотя также оставались въ податномъ со-

---

1) Ed. Roth. § 26: Si quis mulieri liberae aut puellae in via se anteposuerit, aut aliquam injuriam intulerit, DCCCC solidos componat, etc. — Ср. § 77, et seqq. Si quis aldium alienum, aut servum ministerialem percusserit, si livor, aut vulnus apparuerit, pro una ferita componat solidum unum. Si duas fecerit, solidos II. Si tres, solidos III. Si quatuor IV. *Si vero amplius fuerunt, non numerentur*, etc. Ср. также Leo, Gesch. v. It. I, 116.— 2) Ed. Roth. 4, 7. — 3) Ibid. 364, 371.— 4) См. Leo, 124, и Hegel, 1, 469. Послѣдній здѣсь же излагаетъ свои доказательства противъ Бетмана-Гольвега, который вовсе не допускаетъ существованія Schöffen у лангобардовъ. — 5) Доказательства см. у Гегеля, 1, 383. Никѣмъ еще этотъ вопросъ не былъ обслѣдованъ съ такою основательностію и отчетливостію, какъ Гегелемъ.— 6) См. Ibid. 397 и 401. Лео почти того же мнѣнія о происхожденіи альдіевъ. См. Gesch. v. Ital. 1, гл. 2, § 1.

стояніи [1]). Даже самые варганги, подъ которыми надобно разумѣть всѣхъ пришельцевъ въ Италіи нелангобардскаго происхожденія, также обязаны жить по лангобардскому закону; если и могло быть сдѣлано какое исключеніе, то лишь за особенныя заслуги и съ особаго дозволенія короля [2]). Такъ на всемъ видна старая лангобардская исключительность, которая никогда не могла ужиться даже съ саксами. Прошло около ста лѣтъ, а между лангобардами и римлянами проходила все та же рѣзкая черта. Только тѣ римляне вошли въ составъ лангобардскаго общества, которые были покорены оружіемъ, но и то съ потерею своихъ правъ и вообще съ большими утратами для своей національности. При всемъ томъ поворотъ, обозначаемый этимъ самымъ эдиктомъ, которымъ лангобардская національность такъ рѣзко отдѣлялась отъ римской, былъ очень значителенъ. Отъ внѣшняго распространенія государство возвращалось само къ себѣ, къ своей внутренней жизни и старалось укрѣпить и упрочить ея ходъ однимъ постояннымъ закономъ. Времена броженія проходили; наступала пора внутренняго образованія, полной осѣдлости и самостоятельнаго развитія.

Несмотря на явное преобладаніе національнаго, то-есть лангобардскаго элемента въ юридическихъ отношеніяхъ, это былъ еще впрочемъ вопросъ, успѣютъ ли лангобарды въ цѣломъ развитіи своей жизни съ такою же чистотою сохранить себя отъ посторонняго, то-есть римскаго вліянія. Римскій элементъ былъ, можно сказать, втоптанъ ими въ землю; но въ нравственной атмосферѣ страны, въ юридическихъ воспоминаніяхъ, въ остаткахъ нравовъ и въ языкѣ лежало еще слишкомъ многое, чтó опять возвращало къ нему, хотя и не всегда сознательно. Нельзя частію не приписать римскому вліянію и эту главную заботу законодателя, которой выраженіемъ былъ эдиктъ его. Потребность постояннаго, прочнаго закона нигдѣ не чувствовалась такъ скоро, какъ на римской почвѣ. Языкъ, принятый законодателемъ для письменной редакціи лангобардскаго права, былъ римскій же. Вводя его въ законодательную практику, не вводилъ ли законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ и свой народъ въ область римскаго литературнаго міра, не облегчалъ ли ему по крайней мѣрѣ это общеніе? Или, даже самое упо-

[1]) Leo, Entw. d. Verf. d. Lomb. Staedte, 20. Что лангобарды жили также и въ городахъ, на это прямо указываетъ Павелъ Діаконъ, V, 36: Brexiana denique civitas magnam semper nobilium Langobardorum multitudinem habuit.—[2]) Ed. Roth. 390.

требленіе этого языка въ практикѣ не говоритъ ли о томъ, что римскій языкъ своею правильностію и строгою отчетливостію начиналъ уже брать перевѣсъ надъ языкомъ побѣдителей въ ихъ собственной области? Наконецъ самое имя законодателя въ своей формѣ не измѣнилось ли отъ вліянія языка побѣжденныхъ?

Кромѣ общей законодательной мысли есть еще одна частная забота, видимо занимающая законодателя, которая также всего скорѣе могла вырости на римской почвѣ. Нельзя упрочить государства, не укрѣпивъ государственной власти. Власть короля была болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, не прочна въ новомъ государствѣ лангобардовъ, утверждаясь лишь на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ въ началѣ похода утверждалась власть шефа народнаго ополченія, возвышенная, правда, самымъ актомъ завоеванія, но тѣмъ не менѣе во всякое время подверженная своеволію почти независимыхъ герцоговъ, которые нерѣдко любили дѣлать ее цѣлію своихъ стремленій [1]). Не безопасна была она даже отъ ударовъ личнаго мщенія, на какой бы низкой ступени ни стояло лицо оскорбленное: изъ предшественниковъ Ротари только двое умерли естественною смертію [2]). Ненадежною казалась Ротари даже наслѣдственность престола, введенная родомъ Теоделинды. Онъ имѣлъ уже новыя понятія о королевской власти и хотѣлъ укрѣпить ее другими средствами. „Сердце королей въ рукѣ Божіей"—говоритъ между прочимъ законодатель въ одномъ мѣстѣ своего эдикта [3]). Каковъ бы ни былъ судъ короля, частный человѣкъ не долженъ останавливать ходъ его. Въ такомъ представленіи оказывается уже вліяніе не просто римское, но римско-христіанское, которое вездѣ такъ много содѣйствовало къ возвышенію новой королевской власти. Въ силу такого представленія Ротари хочетъ освободить прежде всего королевскую власть отъ слѣдствій личнаго мщенія, которому онъ неизбѣжно подвергается какъ верховный судья своего народа, который можетъ произносить смертные приговоры надъ своими подданными. И потому самымъ первымъ положеніемъ эдикта осуждается на смертную казнь всякій, кто бы дерзнулъ покуситься на жизнь короля [4]). Вторымъ же высшее покрови-

---

1) См. Hegel, 1, 447.—2) См. Leo, Gesch. v. Ital. 1, 159.—3) Edict. Roth. § 2: Quia postquam corda regum in manu Dei esse credimus, non possibile est, ut homo possit idoneare eum, quem rex occidere jussit.—4) Ed. Roth. § 1: Si quis contra animam regis cogitaverit, aut consiliatus fuerit, animae suae incurrat periculum, et res ejus infiscentur.

тельство закона распространяется и на всякаго, исполняющаго смертный приговоръ отъ имени королевской власти [1]). Кромѣ того строгіе штрафы положены за всякое оскорбленіе, нанесенное королевскому чиновнику.

Такъ, стремясь къ своимъ государственнымъ цѣлямъ, Ротари долженъ былъ наносить самые тяжелые удары одному изъ самыхъ основныхъ правъ лангобардской національности, праву личнаго мщенія [2]). И это въ томъ самомъ эдиктѣ, который былъ самымъ чистымъ выраженіемъ національнаго лангобардскаго права!

Важная государственная задача, которой въ жертву Ротари приносилъ одинъ изъ коренныхъ обычаевъ стараго лангобардскаго быта, не могла осуществиться вдругъ. Престолъ долженъ былъ испытать еще много потрясеній, прежде чѣмъ бы успѣла упрочить себя королевская власть. Но стремленіе уже обозначилось и обратило, привязало къ себѣ надолго большую часть прежнихъ направленій новаго государства. Дѣйствіе его продолжало обнаруживаться столько же въ борьбѣ утверждающейся королевской власти съ противодѣйствующими силами, съ властію герцоговъ, сколько въ приливѣ интересовъ и страстей лангобардскаго народонаселенія къ одному главному пункту, къ королевскому престолу, который послѣ Ротари не разъ становится предметомъ раздора и кровавыхъ междоусобій. Какъ скоро почувствовался въ странѣ начинающійся дѣйствительный перевѣсъ престола надъ всѣми другими внутренними учрежденіями, хотя бы они также имѣли характеръ власти, сюда обратились самыя безпокойныя честолюбія, полагая престолъ крайнею цѣлію своихъ стремленій. Недостатокъ закона о наслѣдствѣ и здѣсь много способствовалъ къ тому, чтобы увеличивать запутанность и питать честолюбіе искателей престола. Первые стояли на очереди сильные герцоги; впрочемъ, если были лица съ ближайшими правами на престолъ, они составляли имъ партію, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда могли бы дѣйствовать прямо для себя.

Первое такое междоусобіе открылось по смерти короля Ариперта, которымъ возобновилась баварская линія на лан-

---

[1]) Ibid. 2: Si quis cum rege de morte alterius fuerit consiliatus, aut hominem per ejus jussionem occiderit, in nullo sit culpabilis, etc.—[2]) Весьма справедливо замѣчаніе Лео: König Rothari—in allen Fällen, wo nicht das Gericht dem Beleidigten ein unmittelbares Strafverfahren erlaubte, die Blutrache ganz und gar *aufzuheben strebte.*—*Gesh.* v. It. I, p. 115—116.

гобардскомъ престолѣ (663). Ближайшимъ поводомъ было то обстоятельство, что Арипертъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Бертари и Гундеперта. Одинъ изъ наслѣдниковъ поселился въ Павіи, другой въ Миланѣ. Каждый хотѣлъ управлять своею частію самостоятельно и независимо: вмѣсто того каждый злоумышлялъ противъ другого и составлялъ около себя партію, чтобы возстановить единовластіе въ свою пользу [1]. На подобный призывъ никто не былъ такъ скоръ, какъ герцоги. Гундепертъ особенно могъ похвалиться сильною опорою, имѣя на своей сторонѣ герцоговъ Гарибальда туринскаго и Гримоальда беневентскаго. Но то, что̀ повидимому составляло его силу, скоро обратилось на его же голову. По согласію съ Гарибальдомъ Гримоальдъ не замедлилъ явиться въ Павіи съ вооруженною силою, но первою жертвою этой силы былъ самъ Гундепертъ, павшій отъ меча ея предводителя. Чтобы спасти себя отъ подобной же участи, Бертари бѣжалъ къ аварамъ. За Гундеперта нашлись тотчасъ мстители между его родственниками; но мщеніе пало не на Гримоальда, а на сообщника его, герцога туринскаго, который скоро погибъ отъ руки убійцы. Гримоальдъ остался королемъ лангобардовъ.

Крѣпкая рука Гримоальда возвратила государству на нѣсколько лѣтъ единство и силу. Думая воспользоваться лангобардскимъ неустройствомъ и удаленіемъ на сѣверъ беневентскаго герцога, императоръ Констанцій сдѣлалъ нападеніе на южныя владѣнія лангобардовъ и приступилъ къ осадѣ самаго Беневента; но городъ былъ защищаемъ мужественнымъ сыномъ Гримоальда, Ромуальдомъ, и когда самъ король явился сюда съ большою силою, императоръ безъ успѣха долженъ былъ оставить все свое предпріятіе [2]. Черезъ нѣсколько лѣтъ, мстя грекамъ за это нападеніе, Ромуальдъ самъ выступилъ противъ Тарента и Бриндизи, покорилъ ихъ, и весь этотъ край присоединилъ къ своимъ владѣніямъ [3]. Это было новое распространеніе лангобардскаго владычества въ Италіи. Франки, которыхъ привелъ Бертари, братъ убитаго Гундеперта, были разбиты на голову самимъ Гримоальдомъ при Асти [4]. Своеволію герцоговъ также не было никакого потворства со стороны мужественнаго, твердаго, но вмѣстѣ хитраго и мстительнаго Гримоальда. Вышедши самъ изъ ихъ рядовъ, онъ потомъ

---

1) Paul. Diac. IV, 53.—2) Paul. Diac. V, 6—10.—3) Id. VI, 1: Et omnem illam quae in circuitu est latissimam regionem suae ditioni subjugavit. Ср. Murat. Ann. ad an. 668.—4) Муратори относитъ это событіе къ 665 году. См. Annal. подъ тѣмъ же годомъ.

неумолимо каралъ ихъ съ высоты престола. Чтобы укротить безпокойнаго Лупа, герцога фріульскаго, Гримоальдъ не задумался призвать противъ него даже сосѣдственныхъ аваровъ, и когда авары, побѣдивъ Лупа и покоривъ страну, располагались присвоить ее себѣ какъ свою добычу, у Гримоальда достало хитрости, чтобы удалить ихъ отсюда, не прибѣгая къ оружію [1]). Какъ далеко простиралась мстительность Гримоальда, можно видѣть на примѣрѣ несчастнаго города Одерцо (Opitergium). Когда-то, еще прежде чѣмъ Гримоальдъ получилъ во владѣніе герцогство беневентское, два брата его, Тазо и Сакко, вѣроломно были убиты римлянами въ Одерцо, куда явились по приглашенію Григорія, экзарха равеннскаго. Помня эту старую обиду и отъ всего сердца ненавидя грековъ (собственно Romanos), Гримоальдъ, какъ только вошелъ въ силу, выместилъ свою злобу на самомъ городѣ, гдѣ совершено было убійство: Одерцо былъ разрушенъ имъ до основанія, несмотря на то, что находился во владѣніи лангобардскомъ [2]). Не лучше была участь, которой подверглись жители Форлимпополя [3]) за какое-то оскорбленіе Гримоальду во время похода его въ южную Италію на помощь Беневенту. Однажды вечеромъ, наканунѣ самой Пасхи, когда жители спокойно приготовлялись встрѣтить великій христіанскій праздникъ, и въ соборной церкви происходило крещеніе дѣтей, сверхъ всякаго чаянія лангобарды вторглись сюда подъ предводительствомъ самого короля, съ неистовствомъ устремились на беззащитныхъ жителей и избили ихъ такое множество, что долго потомъ въ городѣ чувствовался недостатокъ народонаселенія: сцена, напоминающая собою первыя времена лангобардскаго завоеванія въ Италіи.

Думая уничтожить потребность личнаго мщенія въ цѣломъ народѣ, короли лангобардскіе до такой степени сами еще не могли побѣдить въ себѣ духа мстительности, что для удовлетворенія ему разоряли цѣлые города, жертвовали ему интересами народа, государства! Мудрено ли, что тотъ же самый духъ продолжалъ жить въ народѣ?

Преемникъ Гримоальда, Бертари, и сынъ его Куниперть также могли еще довольно прочно держаться на престолѣ, хотя въ безпрестанной враждѣ съ герцогами [4]). Но со смертію

---

1) Paul. Diac. V, 21. — 2) Paul. Diac. IV, 40. V, 28. — 3) Forum Popilii, городъ въ Тосканѣ, принадлежавшій экзархату. Ibid. V, 27.— 4) Кунипертъ впрочемъ утвердился на престолѣ не прежде, какъ побѣдивъ Алахиза, герцога тридентскаго, предъ которымъ онъ самъ прежде долженъ былъ бѣжать изъ Павіи. *Paul. Diac. V, 38–40.*

Куниперта престолъ опять становится предметомъ раздора между тѣми, которые по крови считали себя въ правѣ занять его, и между герцогами, которые также не теряли его изъ виду, дѣйствуя повидимому за другихъ. Малолѣтный наслѣдникъ Куниперта скоро встрѣтилъ себѣ опасныхъ совмѣстниковъ въ своемъ двоюродномъ братѣ и его сынѣ. Онъ погибъ въ междоусобіи, и вмѣстѣ съ нимъ одинъ изъ преданныхъ ему герцоговъ; другой, по имени Анспрандъ, успѣлъ бѣжать въ Баварію. Однако это разсѣяніе партіи доставило лишь кратковременное торжество Ариперту II, который тогда занялъ лангобардскій престолъ. Анспрандъ не замедлилъ возвратиться въ Италію, ведя съ собою ополченіе герцога баварскаго, и несмотря на то, что въ первой битвѣ перевѣсъ остался за Арипертомъ, скоро принудилъ его бѣжать къ франкамъ. Цѣлыя десять лѣтъ прошли въ этихъ междоусобіяхъ. Нравы лангобардскіе, и безъ того не отличавшіеся кротостію, дичали еще болѣе. Ожесточеніе партій дошло до такой степени, что и здѣсь начали повторяться позорныя сцены убійствъ и разнаго рода насильственныхъ искаженій, которыя были въ обыкновенномъ порядкѣ вещей при константинопольскомъ, особенно со второй половины VII вѣка. Сынъ Куниперта былъ лишенъ жизни въ банѣ. Захвативъ Ротари, герцога бергамскаго, который также объявилъ себя королемъ, Арипертъ велѣлъ сначала обрить ему голову и бороду, и потомъ предать смерти. По его же приказанію одному изъ сыновей Анспранда были выколоты глаза, а у жены и дочери его — отрѣзаны носъ и уши [1]). Потрясенному государству еще разъ нужна была крѣпкая рука Гримоальда. Таковъ былъ сынъ Анспранда, Ліутпрандъ, съ 713 занявшій лангобардскій престолъ. Только ему удалось возстановить спокойствіе государства и возвратить ему прежнюю силу и достоинство.

Въ смутную эпоху внутреннихъ междоусобій болѣе нежели когда-нибудь лангобардской Италіи было самой до себя. Попрежнему былъ близокъ къ ней экзархатъ, попрежнему не прочна была римская граница; но лангобарды были слишкомъ заняты своимъ внутреннимъ неустройствомъ, чтобы еще думать о новыхъ завоеваніяхъ, или много заниматься тѣмъ, что́ про-

---

1) Paul. Diac. IV, 20, 22. Что восточные римляне подавали лангобардамъ не очень добрый примѣръ, это видно изъ поступка экзарха Григорія съ братьями Гримоальда, о которомъ мы упоминали выше: вѣроломство въ самомъ низкомъ своемъ видѣ. Хорошъ также совѣтъ, данный грекомъ Евсевіемъ, посломъ Маврикія, одному королю лангобардскому, о чемъ см. Fredeg. c. 49.

исходило тогда внутри экзархата. Впрочемъ, какъ мы видѣли, еще прежде чѣмъ открылось междоусобіе, вниманіе лангобардовъ уже было отклонено въ другую сторону. Почти съ самаго начала столѣтія государство лангобардовъ обратилось само на себя, на первыя условія своей внутренней жизни. Никогда, казалось, завоеваніе не было такъ легко, какъ при Ротари; однако и онъ удовольствовался немногимъ, и даже побѣдивъ грековъ, нисколько не хотѣлъ угрожать цѣлому экзархату. Мы съ намѣреніемъ вошли прежде всего въ подробности главныхъ направленій государственной жизни лангобардовъ въ VII вѣкѣ, чтобы показать, что послѣ Григорія новая власть, образовавшаяся въ Римѣ, въ продолженіе цѣлаго вѣка не имѣла опасаться ничего съ этой стороны. Она спокойно могла продолжать свое развитіе, если только съ другихъ сторонъ не встрѣчала препятствій. Но если не далеко была отъ Рима лангобардская Павія, то еще ближе къ нему въ политическомъ смыслѣ была Равенна. Равенна—это значило цѣлая Восточная имперія. Безъ сомнѣнія, отсюда не угрожало варварское нашествіе; но въ отношеніяхъ новой власти, болѣе или менѣе утверждающейся на основаніяхъ національныхъ, къ старой, въ основаніи которой лежало завоеваніе, нельзя было обойтись безъ большой запутанности, которой слѣдствія могли быть иногда непріятнѣе самого нашествія лангобардовъ.

Мы обратимся теперь къ исторіи этихъ отношеній, какъ раскрылись они въ продолженіе того же вѣка; но такъ какъ Равенна для римской Италіи была пока только органомъ Константинополя, то считаемъ необходимымъ напередъ познакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ состояніемъ Восточной имперіи въ соотвѣтствующую эпоху.

Дѣйствіе обратное тому, какое видѣли мы въ лангобардскомъ государствѣ, находимъ въ соотвѣтствующую эпоху въ Восточной имперіи. Не возвращеніе государства къ самому себѣ, не усиленная внутренняя дѣятельность, даже не утвержденіе внѣшнихъ границъ имперіи, но совершенное равнодушіе ко внутреннимъ интересамъ государственной жизни и безсиліе поддержать неприкосновенность извнѣ, составляютъ, къ сожалѣнію, главную черту исторіи константинопольскаго правительства послѣ Юстиніана до 2-го десятилѣтія VIII-го вѣка. Только съ однимъ именемъ соединено воспоминаніе о высскихъ военныхъ доблестяхъ; но это доблести человѣка, отчаяннымъ усиліемъ спасающаго имперію отъ конечнаго паденія, *безъ высокаго* воодушевленія своимъ дѣломъ, безъ средствъ

воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, чтобъ упрочить государственный порядокъ на будущее время. Притомъ глубокое паденіе, если не совершенное отсутствіе, національнаго духа, съ любопытствомъ присутствующаго лишь при кровавыхъ столкновеніяхъ партій цирка и при тѣхъ безчеловѣчныхъ увѣчьяхъ, которыми сопровождается почти каждая перемѣна на престолѣ, и равнодушнаго къ самому наглому нарушенію внѣшняго спокойствія имперіи. Когда падалъ старый Римъ, глубокіе вопли отчаянія нерѣдко вырывались изъ груди лучшихъ его гражданъ, и самое это отчаяніе придавало новыя силы послѣднимъ героямъ умирающаго римскаго міра; когда же Византія, одряхлѣвъ прежде времени и уступая въ то же время внутренней немощи, должна выдерживать самый сильный напоръ новыхъ варваровъ, когда она теряетъ, одну за другою, свои лучшія области и не разъ видитъ волны варварскаго нашествія у самыхъ стѣнъ своихъ: у нея не находится ни одного поэтическаго таланта, чтобы справедливою укоризною смѣшать малодушныхъ защитниковъ отечества, ни одного историка, который бы имѣлъ столько искренности и твердости, чтобы сказать всѣ великія потери имперіи! Вѣкъ ужасающихъ несчастій и глубокаго паденія духа! Почти совершенное отсутствіе поэзіи и убожество исторіи въ народѣ, который относительно внѣшнихъ условій образованія стоялъ выше всѣхъ другихъ современныхъ народовъ, не обличаетъ въ немъ, конечно, ни высокихъ способностей творческихъ, ни даже настоящаго пониманія трудностей своего положенія. И то и другое указываетъ на оскудѣніе духовныхъ силъ, на усыпленіе мысли, на утраченный тактъ живой дѣйствительности.

Юстиніанова попытка возстановить единство имперіи, внѣшнее и внутреннее, не носила въ себѣ залоговъ великой будущности. Мы видѣли къ чему повело въ Италіи возстановленіе политическихъ и правительственныхъ связей съ Восточною имперіею. Законодательное движеніе, повидимому въ такихъ широкихъ размѣрахъ предпринятое Юстиніаномъ, не пошло далеко впередъ. Впрочемъ онъ самъ, утверждая единство закона, вовсе не былъ особеннымъ ревнителемъ успѣховъ юриспруденціи внутри имперіи. Изъ спеціальныхъ школъ для изученія права двѣ были имъ уничтожены въ 533 году, и оставлены только константинопольская и беритская, но и въ нихъ органическое развитіе науки подвергнуто разнымъ ограниченіямъ; школа аѳинская, гдѣ также сверхъ философіи препо-

даваемо было право, была закрыта имъ же еще прежде [1]. Даже истолкованіе закона въ судебной практикѣ было весьма стѣснено особымъ постановленіемъ Юстиніана, предоставлявшимъ это право, наравнѣ съ самымъ законодательствомъ, исключительно высшей власти [2]. Между тѣмъ, несмотря на разныя стѣснительныя мѣры, наука права, слѣдуя ли тому новому побужденію, которое заключалось въ самой кодификаціи, или все еще находясь подъ вліяніемъ старой римской юриспруденціи, при Юстиніанѣ еще могла сохранить хотя тѣнь прежней самостоятельности: мало стѣсняясь существующими постановленіями, комментаторы довольно открыто позволяли себѣ высказывать свои мнѣнія [3]. Со смертію Юстиніана не только померкаетъ внѣшній блескъ, который онъ умѣлъ придать на время имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается и движеніе законодательства, погасаетъ мало-по-малу и тотъ слабый свѣтъ, которымъ оживлены были труды ученыхъ комментаторовъ въ предыдущую эпоху. Нужды государства растутъ, но законодательство болѣе не приходитъ къ нему на помощь съ новыми постановленіями; число вновь издаваемыхъ новеллъ уменьшалось съ каждымъ новымъ царствованіемъ, и тѣ, которыя появлялись, касались болѣе случайностей, чѣмъ существенныхъ потребностей государства [4]. Нѣкоторые юристы даже вовсе отказались принимать ихъ въ свои собранія [5]. Еще чувствительнѣе упадокъ въ наукѣ права и слѣдовательно въ развитіи юридическихъ понятій. Уже начиная съ конца VI вѣка комментаторы до такой степени теряютъ всякое значеніе, что объ нихъ почти не упоминается въ позднѣйшихъ памятникахъ [6]. Равнодушіе заступило мѣсто прежняго участія къ праву, къ закону, и самое чувство гражданской правды вмѣстѣ съ тѣмъ должно было глохнуть въ народѣ.

За то возрастала дерзость и наглость партій въ Константинополѣ. Далѣе этого города дѣйствія партій почти не простирались, хотя вѣтви ихъ находились всюду; но и власть самаго правительства константинопольскаго послѣ Юстиніана иногда также не простиралась далѣе. Начало этихъ партій

---

[1]) Двѣ первыя находились въ Александріи и Кесаріи. См. Mortreuil, I, 100; также 152.—[2]) Cui (imperatori) solum concessum est leges et condere et interpretari. Ibid. p. 120.—[3]) Id. I, 121.—[4]) Мы имѣемъ сполна или же знаемъ по заглавію семь новеллъ Юстина II, изъ нихъ двѣ—лишь въ латинскомъ переводѣ, шесть Тиберія, изъ нихъ одна также въ латинскомъ переводѣ, и четыре Маврикія, четыре Гераклія и т. д. См. Ibid. 65, 81, 86, 343.—[5]) См. Mortr. *I, p. 339.*—[6]) *Id. p.* 181.

восходитъ къ самымъ первымъ временамъ Константинополя; со времени Анастасія онѣ явно начинаютъ свирѣпствовать одна противъ другой на городскихъ улицахъ: первое кровавое столкновеніе партій кончилось лишь избіеніемъ 3,000 человѣкъ, но второе возстаніе, бывшее при Юстиніанѣ, стоило жизни 35,000 людей, обагрило кровію самые алтари, разрушило многіе дома и храмы, и едва не увлекло въ своихъ кровавыхъ волнахъ самого императора [1]. Что это за партіи, которыя наводняли своею и чужою кровію улицы константинопольскія, какой былъ девизъ каждой изъ нихъ, какія мнѣнія или интересы они выражали собою? Партіи двухъ цвѣтовъ, синіе и зеленые, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ хронографы, венеты и празины: другихъ различій между ними почти не знаетъ исторія. Циркъ былъ точкою ихъ соединенія, придворныя интриги были пружиною, приводившею ихъ въ движеніе, народныя страсти—средствомъ дѣйствія; но ни у одной изъ нихъ не было постояннаго девиза, потому что ни одна изъ нихъ не представляла собою никакого существеннаго интереса, не выражала никакого опредѣленнаго мнѣнія. Смотря по обстоятельствамъ, съ оттѣнкомъ то религіознымъ, то политическимъ, онѣ потѣшались безсиліемъ власти и любили держать себя отъ нея независимо, чтобы всегда имѣть свободу рѣзаться на улицахъ и при удобномъ случаѣ произвести переворотъ во дворцѣ. Страшное избіеніе, постигшее синихъ и зеленыхъ при Юстиніанѣ, не уничтожило партій, не стерло даже ихъ прежняго крамольнаго духа. По мѣрѣ того, какъ слабѣла память объ Юстиніанѣ, опять пробуждалось ихъ наглое своеволіе. Въ VII вѣкѣ онѣ уже снова начинаютъ буйствовать въ Константинополѣ и играть престоломъ. Не безъ участія ихъ совершилось низложеніе Маврикія и возведеніе Фоки [2]. Но это не помѣшало одной изъ партій, по случаю конскаго ристалища, даннаго народу въ циркѣ, при чемъ присутствовалъ самъ императоръ, позорить его въ глаза, говоря: „опять ты пилъ, опять свой умъ сгубилъ“ [3]. Тогда—разсказываетъ хронографъ—по приказанію Фоки, городской префектъ многимъ обрубилъ крайніе члены и повѣсилъ ихъ въ циркѣ на цѣли, другихъ обезглавилъ, а нѣкоторыхъ, завязавъ въ мѣшки, приказалъ бросить въ море. Празины, партія которыхъ

---

1) Theoph. Chronogr. ad an. 524. Cp. Gibbon, гл. 40.—2) См. Gibbon, гл. 46. —3) Theoph. Chron. ad an. 601: πάλιν εἰς τὸν χαῦχον ἔπιες, πάλιν τὸν νοῦν ἀπέλεχες.

подверглась этимъ казнямъ, не хотѣли однако оставить своихъ безъ отмщенія: собравшись вмѣстѣ, они подожгли преторій, государственные архивы и наконецъ тюрьмы, откуда, пользуясь случаемъ, бѣжали всѣ заключенные. Фока, разгнѣванный на празиновъ, воспретилъ впредь принимать ихъ къ государственнымъ должностямъ. Когда же, послѣ цѣлаго ряда злодѣйствъ, Фока самъ былъ въ опасности передъ Геракліемъ, только празины соглашались еще защищать его, но народъ и самая стража ворвались во дворецъ и не пощадили самой жизни императора. Истерзанный трупъ Фоки былъ потомъ сожженъ ими на огнѣ [1].

И въ какую пору возрасла до такой степени сила партій, что онѣ почти безнаказанно могли производить свои буйства въ самой столицѣ имперіи? Въ ту пору, когда имперія всего болѣе нуждалась въ крѣпкомъ внутреннемъ единствѣ, въ сохраненіи строжайшаго порядка, въ неослабной дисциплинѣ какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Ибо на долю Восточной имперіи досталась дѣйствительно тяжелая судьба: послѣ того, какъ черезъ ея земли прошли первыя тучи варваровъ, чтобы разрушительною грозою пасть на другую половину бывшаго римскаго міра, ей предстояло еще выдерживать второй приливъ варварскихъ народовъ и спасать отъ нихъ остатки древней цивилизаціи, защищать отъ ихъ свирѣпыхъ набѣговъ благосостояніе страны. Этотъ новый приливъ варварскихъ народовъ открывается вторымъ нашествіемъ гунновъ, около половины VI вѣка вновь явившихся въ сосѣдствѣ Восточной имперіи подъ именемъ аваровъ [2]. Почти непосредственно за ними слѣдовали столь же дикіе булгары и потомъ еще необозримыя массы славянъ, которые всѣ начинали приливать къ Дунаю. Передовыя толпы послѣднихъ, впрочемъ, еще въ началѣ столѣтія успѣли проложить себѣ путь во внутрь имперіи, вездѣ оставляя слѣдъ страшнаго опустошенія. Послѣ того они уже не переставали навѣщать имперію, и почти каждый годъ правленія Юстиніана былъ ознаменованъ новымъ вторженіемъ задунайскихъ народовъ. Движеніе аваровъ дало новый толчокъ этому стремленію, а политика ихъ хановъ умѣла даже придать ему нѣкоторое единство и правильность, подчинивъ разрозненныя усилія отдѣльныхъ массъ одному общему

1) Ibid. ad an. 602. Cp. Gibbon, ibid.—2) Современные хронографы прямо называютъ аваровъ гуннами, то-есть народомъ одного происхожденія съ ними. См. Theophyl. Hist. l. 1, c. 3; также VII, 8. Cp. Fallmerayer, Geschichte der Halbinsel Morea, 1, 166.

плану [1]). А между тѣмъ недалеко уже было и то время, когда новый энергическій народъ, возбужденный новымъ религіознымъ ученіемъ, долженъ былъ двинуться съ юга на сѣверъ и пробивать въ разныхъ пунктахъ слабые предѣлы имперіи. Арабы, когда они выступили поборниками ислама, не приносили, правда, съ собою тѣхъ дикихъ инстинктовъ истребленія, какими отличались сѣверные и восточные варвары, но, фанатически преданные ученію своего пророка, они тѣмъ болѣе враждебны были собственно христіанской культурѣ. Этотъ новый врагъ готовился имперіи съ той самой стороны, гдѣ она и безъ того уже истощена была долговременною и упорною борьбою съ персами, доставшеюся ей въ наслѣдство отъ стараго римскаго міра. Гроза съ сѣвера, гроза съ востока и юга, сбирались разразиться надъ имперіею въ предѣлахъ одного столѣтія (отъ половины VI до половины VII), чтобы потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній къ ряду, наносить ей постоянные удары.

Великъ былъ бы нравственный подвигъ имперіи, если бы она съ честію и достоинствомъ могла выдержать эту дѣйствительно неравную борьбу. Но для того надобно было имѣть болѣе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, нежели сколько ихъ находилось въ распоряженіи византійскаго правительства. Въ самую блестящую свою эпоху, въ эпоху Юстиніана, имперія совершила свои завоеванія большею частію чужими силами; за недостаткомъ туземныхъ ратниковъ Велизарій и Нарсезъ принуждены были наполнять ряды своихъ ополченій варварскими дружинами. Мало измѣнился составъ и духъ войска послѣ Юстиніана: только не находилось болѣе вождей, которые бы могли со славою поддержать прежній блескъ имперіи, и съ каждымъ годомъ уменьшалось число чужеземцевъ, служившихъ подъ ея знаменами. Въ то время, какъ несмѣтныя толпы варваровъ врывались въ предѣлы имперіи, она едва въ состояніи была выставлять противъ нихъ отряды въ 6—10,000 ратниковъ; рѣдко численное количество войска превосходило эту цыфру, но никогда не простиралось оно свыше 30,000 человѣкъ [2]). Духъ этого войска былъ отнюдь не лучше

[1]) См. Fallmerayer, 1, 151—166. Онъ впрочемъ не довольно отличаетъ древнихъ булгаровъ отъ славянъ, принимая ихъ за народъ того же племени. Самыя ужасныя вторженія происходили въ 539, 550 и 558 годахъ.—[2]) Fallmerayer, 1, 178.—Не всегда видно, изъ кого именно составлялись эти войска, но между вождями еще продолжаютъ явно встрѣчаться варварскія имена. Такъ упоминается объ одномъ лангобардѣ—Theoph. Hist. II, 7. Юстиніанъ II былъ первый, который принялъ на службу имперія славянскія ополченія. См. Mortreuil, 1, 329.

того, какимъ отличались нѣкогда преторіанцы. Отсутствіе дисциплины, самоволіе и отсюда происходящія насилія были въ порядкѣ вещей. Случалось, что вождя, назначеннаго самимъ императоромъ, принимали въ лагерѣ буйствомъ, достойнымъ самого ипподрома. Когда Прискъ, по назначенію Маврикія, прибылъ къ лагерю, стоявшему близъ Тарса, солдаты, подъ предлогомъ уменьшенія провіанта, съ обнаженными мечами и съ камнями устремились къ его ставкѣ. Чтобы утишить волненіе, Прискъ приказалъ обнести по лагерю нерукотворенное изображеніе Спасителя; но толпа разсвирѣпѣла еще болѣе, камни посыпались на самую святыню, и Прискъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ [1]). Солдаты поставили на своемъ и утвердили своимъ вождемъ нѣкотораго Германа. Но смуты, возникшія изъ этого возстанія — говоритъ хронографъ — имѣли бѣдственное вліяніе на всю восточную префектуру. Это тѣмъ понятнѣе, что имперія въ то время вела войну съ персами. Не отличались притомъ ни особеннымъ мужествомъ, ни искусною распорядительностію и самые вожди имперіи. Изъ того же хронографа мы имѣемъ образчикъ рѣчи, произнесенной однимъ вождемъ почти въ виду непріятеля не для ободренія войска, но для того, чтобы вселить ему недовѣрчивость и къ самому себѣ и къ предводителю, и отклонить его отъ боя! И рѣчь достигла своего эффекта: войско дѣйствительно пришло въ ужасъ и какъ бы оцѣпенѣло при словахъ своего вождя [2]). Удивительно ли при такой настроенности, что войска нерѣдко бѣжали безъ сраженія, и сами вожди безъ боя отдавались въ плѣнъ непріятелю, хотя тамъ ждали ихъ жестокіе побои и разнаго рода мученія [3]). Отъ такого войска и такихъ вождей нельзя было ожидать твердой и правильной обороны предѣловъ имперіи: она была открыта варварскимъ вторженіямъ, и только длинныя стѣны, выведенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по границѣ, и городовыя укрѣпленія составляли еще надежду византійскаго правительства и давали хотя городскимъ жителямъ временное убѣжище отъ неистовства варваровъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно, что̀ еще нѣсколько задерживало ихъ разливъ по всему пространству

---

[1]) Theoph. Histor. III, 2, 3.—Что это было изображеніе Спасителя, видно изъ словъ хронографа: τὸ θεανδρικὸν ἴνδαλμα. Онъ называетъ его сверхъ того ἀχειροποίητον, нерукотвореннымъ. Оно было передано имъ нѣкоторому Илифреду, Εἰλιφρέδα, по всей вѣроятности германскаго происхожденія.—[2]) Id., II, 13. Этотъ достойный вождь назывался Коменціолъ, Κομεντίολος.—[3]) Ibid. c. 11 и 12.

имперіи, были укрѣпленные города, какъ Филиппополь, Адріанополь и другіе. Не владѣя осаднымъ искусствомъ, варвары должны были или останавливаться передъ ними на долгое время, или обходить ихъ послѣ безуспѣшнаго приступа. Но даже и здѣсь, въ осажденныхъ городахъ, честь обороны принадлежала не гарнизону, не войску, а самимъ гражданамъ, которые, будучи воодушевляемы отчаяніемъ, запирали ворота города и принимали свои мѣры для отраженія непріятеля [1]. Тамъ же, гдѣ не было укрѣпленій, не находилось и защитниковъ. Во внутреннихъ областяхъ имперіи было не лучше, чѣмъ въ римской Италіи во время нашествія на нее лангобардовъ!

Отъ 572 началась открытая борьба имперіи съ аварами и другими восточными народами, чтобы, продолжаясь потомъ черезъ многія столѣтія, не найти себѣ окончательнаго разрѣшенія. Мы видѣли прежде, что императоры Тиберій и Маврикій, занятые другими войнами, не могли подать должной помощи Италіи и предоставили ее самой себѣ. Если бы по крайней мѣрѣ это пренебреженіе интересовъ экзархата они оправдали достойною защитою внутреннихъ областей имперіи! Но событія говорятъ противное. 100,000 славянъ, перешедшихъ въ 578 году Дунай [2], разлились по всей Ѳракіи, вездѣ истребляя не только плоды человѣческаго труда, но и самыхъ жителей, прорвались черезъ Ѳермопилы, разорили Элладу, не остановились и передъ Истмомъ, и проникли въ самую глубь Пелопоннеса. Рѣки человѣческой крови пролились отъ Ѳермопилъ до Тенара, и вмѣстѣ съ ними навсегда унеслись древнія названія мѣстностей, послѣдніе живые слѣды классическаго эллинизма. У Тиберія же — говоритъ одинъ современникъ — не нашлось довольно строевого войска для того, чтобы хоть часть непріятелей встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ, не говоря уже о томъ, чтобы сражаться съ цѣлою ихъ массою, такъ что, вмѣсто обороны отъ непріятеля, онъ искалъ посредничества хана аварскаго [3]. Маврикій лучше понималъ дѣло. Онъ пони-

---

[1]) Говоря объ осадѣ Діоклеціанополя, Филиппополя и Адріанополя ханомъ аварскимъ, Симокатта вездѣ употребляетъ выраженіе: ἡ πόλις или οἱ τοῦ ἄστεος, явно разумѣя подъ ними самихъ гражданъ. См. Theoph. Hist. 11, 17.—[2]) Menand. de Legat. p. 124.—Ср. Fallmerayer, 1, 170.—[3]) Excerp. de Legat. p. 164: ὅτι κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἁπανταχόσε ἀλλ' ἐπαλλήλων αὐτῇ ἐπηρτημένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβέριος ουδαμῶς δύναμιν ἀξιόμαχον ἔχων, οὐδὲ πρὸς μίαν μοῖραν τῶν ἀντιπάλων, μή τιγε καὶ πρὸς πᾶσαν... πρεσβεύεται ὡς Βαϊανὸν τὸν ἡγεμόνα τῶν Ἀβάρων.

малъ, что Дунай есть ключъ къ нападеніямъ варваровъ, и что только твердою защитою Дуная можно заградить имъ путь во внутренность имперіи [1]). Но въ томъ состояніи, въ какомъ находилась тогда имперія, легче было угадать задачу, чѣмъ выполнить ее. Потому что ни одинъ полководецъ не былъ увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ непріятеля въ своемъ собственномъ лагерѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось переходить Дунай и проникать даже во внутреннія земли варваровъ: но могли ли быть прочны эти успѣхи, когда первый приказъ войску, который имѣлъ несчастіе ему не понравиться, возбуждалъ въ немъ открытое возстаніе, такъ что вождю приходилось думать напередъ о своей собственной безопасности, чѣмъ о побѣдѣ надъ варварами [2]). Что же, если и самые вожди, изъ преступной робости или изъ корыстныхъ видовъ, измѣняли своему дѣлу и тайно сносились съ непріятелемъ [3]). Мятежный духъ и вмѣстѣ малодушіе въ войскѣ, трусость и предательство со стороны вождей, вотъ во что переродились наконецъ старыя римскія доблести. Тѣ однако, которые стояли подъ знаменами имперіи, все еще продолжали называться „римлянами".

Особенно тяжелыя воспоминанія для всѣхъ неравнодушныхъ къ остаткамъ древняго міра и успѣхамъ культуры вообще, соединяются съ страшною катастрофою, постигшею имперію около 590 года [4]). Какъ бы грозная буря промчалась по всему сѣверозападному пространству греческаго полуострова, сметая и послѣдніе слѣды древней образованности, уцѣлѣвшіе отъ прежнихъ нашествій. Прорвавшись черезъ естественный оплотъ Дуная и обойдя „длинную стѣну", несмѣтныя полчища аваро-славянъ разлились по Ѳракіи, Македоніи, Албаніи, Истріи, Ѳессаліи, Элладѣ, Пелопоннесу, сорвали вихремъ встрѣтившіеся города и укрѣпленія, избили все живое, разрушили и сожгли все, что было доступно огню [5]). Съ корнемъ вырвано было старое народонаселеніе, и на мѣстѣ его селилось новое племя людей, занесенное сюда бурею нашествія. Тогда въ неравной

---

1) Theoph. Hist. VI, 6: Ἔφασκε γὰρ ὁ αὐτοκράτωρ τῷ Πρίσκῳ, οὐκ ἂν ἠρεμοίη τὸν βάρβαρον, εἰ μὴ τὸν Ἴστρον ἐς τὰ μάλιστα τὸν Ῥωμαϊκὸν περιφρουρήσοιτο.—2) Симокатта, довольно подробно разсказывающій о походахъ за Дунай, безпрестанно упоминаетъ о мятежахъ въ императорскомъ войскѣ. См. Theoph. Hist. VI, 7, 10; VII, 1; VIII, 4 и пр.—3) Id. VII, 13, VIII, 1.—Здѣсь рѣчь идетъ о томъ же Коменціолѣ, котораго весьма сомнительныя военныя достоинства мы замѣчали уже прежде. — 4) Собственно 589. См. Fallmerayer, I, 185.—5) Почти въ такихъ словахъ передаетъ, хотя кратко, ужасы этого нашествія *Эвагрій* въ своей Hist. Eccles. VI, 10.

борьбѣ окончательно погибъ отжившій свое великое время элленизмъ, и некому было принять его послѣдняго вздоха. Древняя Скиѳія вдругъ передвинулась черезъ Дунай и протянулась далеко во внутрь полуострова, и имперія, не проигравъ ни одной большой битвы, сжалась въ небольшомъ пространствѣ земель вокругъ Константинополя.

Уже и Гемусъ, другой естественный оплотъ, не удерживалъ болѣе своими тѣсными проходами дерзости варваровъ. Они подступили къ Адріанополю, они начинали угрожать самой столицѣ имперіи. Наконецъ самъ императоръ, заклиная опасность грозящую съ сѣвера и обезпеченный съ другой стороны заключеніемъ мира съ персами (591), хотѣлъ стать во главѣ своего войска и лично вести его противъ варваровъ [1]. Тогда новый страхъ объялъ жителей Константинополя. Совѣтники, министры, патріархъ, сама императрица съ дѣтьми заклинали императора не подвергать себя лично опасности. Маврикій однако остался непреклоненъ, вѣроятно думая ободрить народъ своимъ примѣромъ. Начались приготовленія. Цѣлую ночь провелъ императоръ въ храмѣ Св. Софіи, ожидая небеснаго явленія, которое бы возвѣстило ему волю Божію и обнадежило въ успѣхѣ похода. Но напрасны были ожиданія Маврикія: ни одно видѣніе не явилось на помощь его робкой рѣшимости. Еще день потомъ провелъ императоръ вмѣстѣ съ народомъ въ мольбахъ и церковныхъ процессіяхъ, и наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Константинополя. Войско дѣйствительно ободрилось въ присутствіи императора, но духъ императора замѣтно началъ падать въ присутствіи войска. Скоро показались и недобрыя предзнаменованія. Въ одномъ мѣстѣ свинья непомѣрной величины выбѣжала навстрѣчу Маврикію, такъ что испуганная лошадь едва не сбросила своего сѣдока; въ другомъ, почти на его глазахъ, родилось отъ одной женщины безобразное чудовище безъ рукъ, безъ глазъ и даже безъ бровей, такъ что императоръ тотчасъ приказалъ убить его. Потомъ самый лучшій конь Маврикія вдругъ палъ на дорогѣ; затѣмъ повстрѣчалось цѣлое стадо оленей и т. д. [2]. Смущенный такими недобрыми встрѣчами, Маврикій ждалъ только благовиднаго предлога, чтобы опять возвратиться въ Константинополь. По счастію, въ это самое время явились туда послы персовъ и франковъ, и императоръ не медлилъ болѣе возвращеніемъ. Общее воодушевленіе прошло, и войско

[1]) Theoph. Hist. V, 16.—[2]) Theoph. Hist. VI, 1 и 2.

снова поступило подъ начальство своихъ вождей, къ которымъ впрочемъ вообще мало имѣло довѣрія. Всѣ походы, ими предпринятые (числомъ шесть), не привели ни къ какому заключенію. Иногда варвары, захваченные врасплохъ, были избиваемы безъ милосердія, въ другой разъ испуганное народонаселеніе Константинополя располагалось даже вовсе оставить городъ и переселиться въ Халкедонъ, по другую сторону пролива, чтобъ жить въ безопасности отъ варварскаго нашествія [1]). Еще защищали границы, а между тѣмъ самыя внутреннія области оставались въ рукахъ варваровъ или лежали совершенно опустѣлыя. Нѣкоторые внутренніе пути были вовсе оставлены, и чтобы добраться до Дуная и Савы, императорскія войска принуждены были дѣлать обходъ по берегу Чернаго моря [2]). Миры не представляли ни малѣйшаго обезпеченія, и Маврикій долженъ былъ продолжать свои безплодныя усилія до тѣхъ поръ, пока не погибъ вслѣдствіе одного возстанія въ войскѣ, которое, вопреки настоятельному требованію Маврикія, не хотѣло зимовать за Дунаемъ и провозгласило императоромъ одного изъ своихъ сотниковъ [3]).

Переворотъ, произведенный въ Константинополѣ насильственнымъ вступленіемъ на престолъ новаго лица, ни въ какомъ отношеніи не былъ знакомъ благопріятной перемѣны въ управленіи имперіею. Не таланты и не заслуги проложили путь Фокѣ къ престолу, но буйная дерзость солдата. Власть была для него добычею, захваченною помимо закона, съ которою не соединялось никакого понятія о нравственномъ долгѣ. Только тиранство, на которое впрочемъ Фока имѣлъ всѣ нужныя качества, могло поддержать его нѣсколько времени на престолѣ, но оно же неминуемо должно было привести къ новому перевороту. Съ именемъ Гераклія, который заступилъ мѣсто Фоки, соединялось въ глазахъ народа по крайней мѣрѣ титло избавителя отъ тирана. Но на одномъ этомъ титлѣ нельзя было успокоиться имперіи, когда дѣло шло объ ея существованіи. Ибо напоръ варваровъ съ сѣвера не прекращался; дерзость ихъ возрастала по мѣрѣ успѣховъ ихъ въ безпрерывной войнѣ съ имперіею; недавно замиренный Востокъ снова приходилъ въ движеніе, Персія еще разъ предпринимала воевать

---

1) Ibid. VII, 15: ἐς τηλιχοῦτον τοίνυν χαχοῦ τὰ τῶν Βυζαντίων ἐχώρει, ὡς χαὶ τὴν Εὐρώπην χαταλιπεῖν ἂν δοχιμάζειν αὐτοῖς, χαὶ πρὸς τὴν Ἀσίαν μεταφοιτᾶν, πρός τε Χαλχηδόνα ποίησασθαι τὴν μετάστασιν.— 2) Fallmerayer, I, 178.—3) Theoph. Hist. VIII, 7.

имперіею, стѣсненною съ сѣвера, ограбленною, разоренною съ ада. Первая вѣсть, полученная Геракліемъ по вступленіи престолъ, была потеря Антіохіи, занятой войскомъ Хозроя. былъ лишь первый важный шагъ персидскаго завоевателя, орому самый Константинополь не казался очень отдален- цѣлію. Теряя одну область за другою и вмѣстѣ съ ними вныя средства войны, имперія наконецъ сама должна была онуть въ приливѣ варварскаго нашествія, которое устре- лось на нее со всѣхъ сторонъ. Константинополь, предоста- нный самому себѣ, не долго могъ оставаться островомъ среди общаго наводненія.

Первая половина седьмого вѣка почти вся занята этимъ ашнымъ кризисомъ, который угрожалъ конечною погибелью точной имперіи. Ея спасеніе, если оно еще было возможно, ло зависѣть только отъ геніальнаго усилія со стороны того, у ввѣрена была въ то время судьба государства. Нельзя было ждать великихъ патріотическихъ подвиговъ ни отъ зиновъ, ни отъ венетовъ, ни отъ войска, потерявшаго вся- довѣріе къ своимъ вождямъ, ни даже отъ цѣлаго народо- еленія, котораго духъ былъ убитъ правленіемъ столькихъ ъ безъ началъ, безъ сердца и безъ мужества. Бываютъ уты въ исторіи, когда самая крайность положенія пора- етъ и крайнее усиліе, которое по самой силѣ своего на- женія носитъ на себѣ какъ бы печать геніальности и про- одитъ результаты, какіе можетъ дать только истинно-гені- ная дѣятельность. При вступленіи на престолъ Гераклій обѣщалъ изъ себя генія. Цѣлыя двѣнадцать лѣтъ прошли омъ, и несмотря на то, что передъ нимъ постоянно было рыто широкое поле дѣйствія, ничто не заставило подозрѣ- ъ въ немъ человѣка съ необыкновенными силами. Персы престанно подвигались впередъ въ своемъ завоеваніи. Послѣ тіохіи пала Цезарея, столица Каппадокіи. Іерусалимъ, ко- аго напрасно домогался Нуширванъ, былъ взятъ, сожженъ разграбленъ Хозроемъ. Изъ Палестины побѣдители устреми- сь къ Египту и въ одинъ славный походъ прошли всю до- ну Нила до самой Эѳіопіи. Въ то же время другая армія боко проникла въ Малую Азію. Халкедонъ сдался, и персы яли въ виду Константинополя. Между тѣмъ авары и за ми славяне не переставали разносить убійства, пожары и стошенія на сѣверѣ имперіи, гдѣ старый рубежъ давно ъ стертъ ихъ почти непрерывными вторженіями. Они съ гой стороны подвигались къ Константинополю, и нѣкото-

рое время вся Восточная имперія заключалась только въ стѣнахъ столицы, въ нѣсколькихъ кантонахъ старой Греціи, Италіи и Африки, и небольшомъ числѣ приморскихъ городовъ Малой Азіи отъ Тира до Требизонда [1]). Чтó столько лѣтъ удерживало Гераклія поднять руку, чтобы поддержать государство, видимо погибавшее подъ ударами сѣверныхъ и восточныхъ враговъ— великость ли отчаянія и недовѣрчивость къ своимъ силамъ, или безпечность, овладѣвавшая столькими способными людьми на византійскомъ престолѣ, рѣшить трудно изъ тѣхъ данныхъ, какія сообщаютъ византійскіе историки. Вообще, что касается до личныхъ свойствъ правителей, до внутреннихъ мотивовъ ихъ дѣйствій, обо всемъ этомъ византійскіе историки наименѣе способны сообщить настоящія понятія. Внутреннихъ сторонъ человѣка для нихъ какъ бы не существовало: они вели только запись внѣшнимъ его дѣйствіямъ, и то не довольно исправную. Что не одно только отчаяніе такъ долго удерживало Гераклія, объ этомъ можно судить по его дѣятельности, или, лучше сказать, по его недѣятельности послѣ войнъ съ персами и аварами. Развлекать интригою и разслаблять нѣгою лучшія силы духа, было однимъ изъ обыкновенныхъ свойствъ византійскаго двора. Вѣроятно подъ тѣмъ же усыпительнымъ вліяніемъ долго ничего не предпринималъ и Гераклій, равнодушно смотря на успѣхи враговъ имперіи [2]). Но когда новая бѣда, язва, пришла искать какъ бы его самого въ Константинополѣ, когда на всѣхъ лицахъ изобразились безнадежность и уныніе, въ эту минуту крайняго упадка народнаго духа, левъ пробудился и, оставивъ свое прежнее рѣшеніе перенести свою резиденцію въ Карѳагенъ, произнесъ въ храмѣ Св. Софіи торжественную клятву жить и умереть съ своимъ народомъ [3]). Минута великая, какихъ немного въ исторіи восточнаго Рима, ибо она знаменовала пробужденіе великихъ силъ, которымъ недоставало только рѣшимости, чтобы предпринять подвигъ спасенія погибающей имперіи. Отсюда, отъ самой этой рѣшимости идетъ рядъ великихъ воинственныхъ предпріятій Гераклія, которыя своею напряженностію и своимъ успѣхомъ достаточно показали, что въ немъ жили силы, которыя были въ уровень съ самыми крайними опасностями.

Прежде всего Гераклій положилъ справиться съ однимъ непріятелемъ, съ которымъ по крайней мѣрѣ можно было вести правильную войну, и для того думалъ замирить другого,

---

[1]) *См.* Gibbon, гл. 46. — [2]) Ibid. — [3]) Niceph. Hist. ad an. 618.

то-есть хана аварскаго. Опытъ не удался [1]), но Гераклій не отсталъ отъ своего намѣренія. Онъ началъ съ самаго необходимаго: церковь должа была удѣлить часть своихъ сокровищъ для восполненія истощенныхъ средствъ казны, и на эти деньги наняты были *варвары*, которые должны были составлять главную милицію, средство самое вѣрное, безъ котораго не могла быть достаточно безопасна имперія. И потомъ онъ не вдругъ еще открылъ кампанію, но переправился напередъ въ Киликію, собралъ тамъ вокругъ себя остававшіеся и растерянные греческіе гарнизоны, старался возстановить между ними дисциплину и воодушевить ихъ новымъ духомъ, самъ подавая примѣръ рвенія къ дѣлу, неутомимаго терпѣнія и ревности къ военнымъ заслугамъ. Войска были вновь обучены, между ними введенъ новый порядокъ и устройство. Тогда только императоръ рѣшился повести ихъ противъ враговъ [2]). Побѣда скоро увѣнчала его усилія. Но этотъ первый успѣхъ былъ важенъ только для ободренія духа въ войскѣ. Непріятель располагалъ огромными средствами. Гераклій понималъ, гдѣ лежитъ конецъ его подвига, и не остановился на первыхъ успѣхахъ. Пройдя побѣдителемъ до Константинополя, онъ переплылъ моремъ въ Требизондъ, спустился отсюда въ Арменію и искалъ врага въ его собственныхъ владѣніяхъ. Наступившая зима лишь на время остановила успѣхъ его похода. Впрочемъ онъ оставался неподалеку отъ театра войны, не отлучался отъ войска и, едва открылась весна, опять искалъ Хозроя внутри его страны. Высланныя противъ него войска были искусно обойдены или отбиты смѣлыми ударами; Мидія была во власти побѣдителя. Съ открытіемъ второй весны Гераклій уже спускался внизъ по Тигру, и никакія преграды не въ состояніи были остановить его побѣдоноснаго хода. Въ озлобленіи досады Хозрой вдругъ выставилъ три арміи и вступилъ въ тѣснѣйшія сношенія съ ханомъ. Одна изъ персидскихъ армій явилась снова у Халкедона, и въ то же время массы ава-

---

[1]) По словамъ Никифора, Niceph. Hist. ad an. 616, Гераклій едва не былъ вѣроломно захваченъ въ плѣнъ аварами при свиданіи съ ханомъ. Онъ бѣжалъ, и по его слѣдамъ авары подступили къ самому Константинополю. Они ограбили его окрестности, и уходя, увели съ собою до 270,000 плѣнныхъ!— [2]) По разсказу восточныхъ историковъ почти нѣтъ возможности слѣдить за Гераклiемъ въ его походахъ. Они путаютъ событія, смѣшиваютъ одинъ походъ съ другимъ. Я слѣдовалъ въ моемъ обозрѣніи превосходному изложенію Гиббона (гл. 46). Вообще византійцы не способны были даже ни понять ясно, ни разсказать обстоятельно величіе подвига Гераклія!

ровъ, славянъ, булгаровъ обложили Константинополь. Столица имперіи была въ крайней опасности. Но Гераклій не потерялъ духа и, отправивъ 12,000 надежныхъ ратниковъ на помощь Константинополю, самъ продолжалъ держаться оборонительно противъ вновь направленныхъ на него дѣйствій Хозроя. Усилія защитниковъ Константинополя скоро увѣнчались полнымъ успѣхомъ: авары были отбиты, и персы съ другой стороны пролива оставались лишь свидѣтелями ихъ отступленія. Но Гераклій хотѣлъ еще полнаго торжества: принявъ вновь въ свою службу 40,000 *варваровъ* (хазаровъ), онъ снова спустился съ ними отъ Аракса до береговъ Тигра. Тамъ ждалъ его Хозрой съ войскомъ, которое своими размѣрами способно было напомнить ополченіе Ксеркса. На могильной насыпи древней Ниневіи произошла послѣдняя великая битва новыхъ грековъ съ новыми персами. Еще разъ рѣшалась судьба двухъ народовъ, бились отъ утра до глубокой ночи, но искусныя движенія и личное мужество вождя такъ называемыхъ новыхъ римлянъ наконецъ восторжествовали надъ самымъ отчаяніемъ персовъ. Своею рукою Гераклій убилъ трехъ лучшихъ персидскихъ вождей и, носясь на своемъ борзомъ конѣ, вездѣ распространялъ ужасъ въ рядахъ непріятельскихъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія персы разсѣялись, и вся Ассирія была въ рукахъ побѣдителей. Гераклій уже приближался къ Ктезифону, какъ однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обыкновенны на Востокѣ, Хозрой былъ брошенъ въ темницу, и одинъ изъ его сыновей, Сироэсъ, занялъ мѣсто отца. Переворотъ, стоившій цѣлой побѣды для Гераклія: явившись въ лагерь его, послы новаго обладателя Персіи приносили и мирныя предложенія. Гераклій принялъ ихъ съ великодушіемъ героя: онъ удовольствовался возвращеніемъ провинцій, занятыхъ Хозроемъ. Честь имперіи была возстановлена, цѣлость ея сохранена, и Гераклій съ тріумфомъ возвратился въ Константинополь.

Странное дѣйствіе производилъ Константинополь, въ особенности же дворъ, въ немъ находившійся, на духъ своихъ правителей! Еще въ то время, какъ Гераклій былъ на обратномъ пути къ своей резиденціи, дошли до него слухи о нападеніи новыхъ враговъ на юго-восточныя области имперіи [1]. Это были арабы. Имперія знала ихъ и прежде, но больше подъ другимъ именемъ; она еще не догадывалась, что, явля-

[1]) *Nicept. Hist.* ad an. 631. Ср. Theoph. Chron. ad an. 625.

сь подъ новымъ именемъ, они приносили съ собою опасный ухъ религіознаго фанатизма. Арабы не ограничились первы- и успѣхами: скоро они заняли всю Сирію и Палестину, от- ода распространились въ Египетъ. Области, только что воз- ращенныя отъ персовъ, опять отторгаемы были одна за дру- ю отъ имперіи. Что же побѣдитель Хозроя? Теперь не могъ нъ больше имѣть недовѣрчивости ни къ своимъ собственнымъ иламъ, ни къ духу войска, прославленнаго недавними побѣ- ами. Но на этотъ разъ опасность не спѣшила подвигаться ь самому Константинополю, и Гераклію все недоставало ослѣдняго сильнаго побужденія, чтобы возвратиться къ преж- ій дѣятельности. Первое время еще не безъ мужества дер- ались войска, имъ образованныя, на юго-восточныхъ пре- ѣлахъ имперіи; но ихъ не воодушевляло болѣе присутствіе арственнаго вождя, который до сего времени лично водилъ хъ къ вѣрнымъ побѣдамъ, и духъ защитниковъ имперіи адалъ по мѣрѣ того, какъ возрастала гордость и самоувѣрен- ость послѣдователей ислама [1]. Гераклій опять полюбилъ раздность. До конца его царствованія арабы продолжали ылать новые успѣхи; Гераклій также до конца продолжалъ таваться въ Константинополѣ и ничего болѣе не предпри- нималъ на защиту разъ спасеннаго имъ государства [2]. Благо- ря этой недѣятельности новые, еще болѣе опасные враги огли спокойно утверждаться въ предѣлахъ имперіи.

Впрочемъ это былъ пока врагъ болѣе будущій, нежели на- оящій. Послѣ успѣховъ въ Сиріи и Палестинѣ арабы больше ратились на югъ и на востокъ. Главная опасность имперіи ь VII вѣкѣ, когда она въ самомъ дѣлѣ стояла на краю по- ибели, была отвращена, и какъ Гераклій имѣлъ въ своемъ ынѣ прямого наслѣдника, то, казалось, въ имперіи начина- сь династія, и по крайней мѣрѣ внутреннее ея спокоствіе рочивалось на долгое время. Въ самомъ дѣлѣ родъ Гераклія небольшими перерывами продолжался даже до 712 года. чѣмъ наполнено это время? Не одними только именами няющихся и слѣдующихъ одинъ за другимъ правителей: наполнено еще болѣе дѣлами самыми темными и безчест- ыми, которыя роняютъ всякое уваженіе къ лицамъ, зани-

---

[1] О первой войнѣ между византійцами и арабами см. между прочимъ il, Geschichte der Chalifen, 1, гл. 2.—[2] См. Gibbon, ibid. (окончаніе главы). да арабы заняли Египетъ, Гераклій послалъ прежняго правителя Египта юнить" ихъ (πρὸς τὸ πεῖσαι αὐτούς), чтобы они возвратились къ преж- ъ *условіямъ! Theoph. Chron.* ad an. 626.

мавшимъ тогда престолъ имперіи. Это исторія непрерывной придворной интриги, прикрывающейся то тѣмъ, то другимъ именемъ, и расточающей силы государства на перемѣны безсмысленныя и потому совершенно безплодныя; это исторія безполезныхъ насилій, казней, изгнаній и другихъ жестокостей, которыхъ крайнимъ результатомъ было только то, что, вмѣсто одного имени, на престолѣ являлось другое, столько же непрочное и такъ же лишенное всякаго достоинства, какъ и предшествующее. Сухая хроника Ѳеофана нигдѣ такъ не краснорѣчива, какъ тамъ, гдѣ она въ короткихъ выраженіяхъ ведетъ перепись этихъ переворотовъ. Сказавъ о смерти Гараклія, хронографъ продолжаетъ [1]: „Шесть мѣсяцевъ власти Гераклеона (сына Гераклія). Въ томъ же году сенатъ устранилъ отъ управленія имперіею Гераклеона, мать его Мартину и Валентина (временщика). Мартинѣ отрѣзанъ языкъ, Гераклеону вырѣзаны ноздри, оба они отправлены въ ссылку, и Констанцій, сынъ Константина и внукъ Гераклія, возведенъ на престолъ“. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ неудачныхъ предпріятіяхъ противъ арабовъ, въ теологическихъ преніяхъ, которыя также не обходились безъ насилій, и въ безчестныхъ грабительствахъ, произведенныхъ лично въ отдаленныхъ провинціяхъ имперіи, Констанцій возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть и погибъ насильственною смертію въ Сиракузахъ. Престолъ перешелъ къ сыну его Константину. Часть войска, приступивъ къ Константинополю, требовала отъ императора, чтобы братья его имѣли дѣйствительное участіе въ правленіи. Мятежъ былъ укрощенъ не столько силою, сколько хитростію, и вся тревога кончилась тѣмъ, что „императоръ приказалъ отрѣзать носы своимъ братьямъ“ [2]), хотя имена ихъ, какъ соправителей, цѣлыя 12 лѣтъ потомъ оставались вмѣстѣ съ именемъ Константина во главѣ всѣхъ публичныхъ актовъ! Самъ Константинъ избѣжалъ участи своихъ братьевъ: онъ умеръ естественною смертію, завѣщавъ престолъ своему сыну. Новый императоръ носилъ славное имя Юстиніана, не имѣя впрочемъ ни духа, ни талантовъ своего знаменитаго предшественника. Рядомъ политическихъ ошибокъ и жестокостей онъ приготовилъ себѣ ту несчастную судьбу, память о

1) Theoph. Chron. ad an. 653 et seqq. Впрочемъ, что касается до лѣтосчисленія, то хронографъ ведетъ годамъ особенный счетъ. Такъ смерть Гераклія онъ полагаетъ десятью годами ранѣе, нежели какъ она случилась; такъ походъ Констанція въ Италію относитъ къ 653 вм. 663. Вообще, онъ считаетъ постоянно 10 годами ранѣе. — 2) Ibid. ad an. 661.

которой осталась неразлучна съ его именемъ въ прозваніи „Ринотмета“. Переселивъ мардаитовъ, храбрыхъ защитниковъ Ливана, онъ открылъ арабамъ южные предѣлы имперіи [1]). Неудачи, понесенныя въ войнѣ съ арабами, хотѣлъ онъ вымещать на своихъ же подданныхъ. Логоѳетъ Ѳеодотъ и префектъ города позволяли себѣ не только безъ законной причины, но даже безъ благовиднаго предлога [2]), неслыханныя жестокости надъ гражданами Константинополя, однихъ держа по нѣскольку лѣтъ въ заключеніи, другихъ вздергивая на веревкахъ и подпаливая зажженною внизу соломою. Отъ этого безпримѣрнаго произвола и насилія со стороны мѣстныхъ администраторовъ не ушла даже сама мать императора: однажды, во время отсутствія Юстиніана, она „какъ дитя была высѣчена плетьми“ по приказанію Стефана, родомъ перса, которому поручено было наблюденіе за строеніемъ новаго великолѣпнаго дворца [3]). Наконецъ, желая доставить удовольствіе одной изъ партій цирка, Юстиніанъ приказалъ на мѣстѣ одной церкви построить особое зданіе для представленія венетовъ императору. Патріархъ приглашенъ былъ освятить своимъ благословеніемъ закладку зданія. Онъ отказался произнести молитву по желанію императора, и былъ ослѣпленъ. Есть даже извѣстіе, можетъ-быть впрочемъ порожденное избыткомъ ненависти къ Юстиніану, будто имъ дано было приказаніе тому же Стефану — въ одну ночь произвести въ Константинополѣ всеобщее избіеніе [4]). Но и безъ этого злодѣйства мѣра терпѣнія подданныхъ имперіи была уже истощена, и общее недовольство вскрылось возстаніемъ, вслѣдствіе котораго Юстиніанъ потерялъ престолъ и съ „обрѣзаннымъ носомъ и языкомъ“ долженъ былъ отправиться въ Херсонесъ въ заточеніе [5]). Сообщники его тиранства были сожжены огнемъ, и патрицій Леонтій провозглашенъ императоромъ.

Не здѣсь еще впрочемъ конецъ Юстиніана и всей фамиліи Гераклія. Имперія и послѣ продолжала терять свои провинціи извнѣ и истощать свои силы въ безплодныхъ внутреннихъ переворотахъ. При одномъ новомъ возстаніи Леонтій

---

[1]) Theoph. Chr. ad an. 682. — Cp. Schlosser, Gesch. der bilderstürmenden Kaiser, p. 99—101. — [2]) Εἰκῇ καὶ μάτην ἀπροφασίστως. Theoph. ad an. 686.— [3]) Объ этомъ разсказываетъ Ѳеофанъ, и за нимъ Кедринъ и Зонарасъ. Никифоръ упоминаетъ лишь объ угрозахъ. — [4]) Theoph. Chron. ad an. 687.— Если даже принять подобное извѣстіе за клевету, — каковъ однако правитель, котораго характеръ подавалъ поводъ къ выдумкамъ такого рода? — [5]) Theoph. ibid

также потерялъ носъ и былъ заключенъ въ монастырь. Генералъ Апсимаръ, подъ именемъ Тиберія, занялъ его мѣсто, но не надолго. Юстиніанъ въ своемъ заточеніи не только не оставлялъ мысли о возвращеніи престола, но еще обдумывалъ планъ мщенія тѣмъ, которые не потерпѣли его тиранства. Въ наемныхъ хазарахъ и непримиримыхъ врагахъ имперіи, булгарахъ, онъ нашелъ себѣ вѣрныхъ союзниковъ. Во главѣ ихъ вступилъ онъ въ Константинополь и черезъ нѣсколько дней торжествовалъ возстановленіе своей тираніи играми въ циркѣ, возсѣдая на престолѣ и попирая ногами Леонтія и Апсимара, которые лежали связанные у подножія его престола [1]). Когда же кончилось торжество, начались казни. Безъ всякаго изслѣдованія, кто правъ, кто виноватъ, однихъ вѣшали, другихъ зашивали въ мѣшки и бросали въ море. За семь сотъ лѣтъ до турецкаго владычества христіанствующій Константинополь видѣлъ уже въ своихъ стѣнахъ всѣ сцены самаго грубаго азіатскаго варварства! И это было съ небольшимъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ появилось законодательство Юстиніана, заключавшее въ себѣ цвѣтъ всей юридической мудрости стараго Рима! Никогда еще формальное право и событія жизни народной не были въ такомъ явномъ противорѣчіи между собою. Какъ если бы тамъ, гдѣ оканчивалось развитіе права, начиналась и величайшая неправда. Впрочемъ Юстиніанъ еще разъ не избѣжалъ судьбы, которую онъ вторично пришелъ искушать своимъ безчеловѣчіемъ въ Константинополь. Херсониты, тѣ самые, между которыми провелъ онъ годы своего заточенія, не вынося новыхъ жестокостей тирана, первые начали возстаніе и провозгласили императоромъ своего намѣстника Бардана (подъ именемъ Филиппика). Войско не задумалось измѣнить Юстиніану, и на этотъ разъ онъ поплатился за свои безумія не однимъ искаженіемъ, но самою жизнію. Отрубленная голова его, по приказанію Филиппика, обошла почти всю имперію. Сынъ Юстиніана, Тиберій, только что принявъ титло императора, искалъ себѣ спасенія за святынею алтаря: его силою вытащили изъ храма и закололи „какъ животное“ при дверяхъ его. Это былъ послѣдній изъ потомковъ Гераклія.

---

[1]) Черта, сообщаемая по этому случаю хронографомъ о жителяхъ Константинополя, также не очень говоритъ въ ихъ пользу. Пока Юстиніанъ теръ ногами шеи своихъ побѣжденныхъ соперниковъ, народъ, кощунствуя, вопіялъ: „наступишь на аспида и василиска и попрешь льва и змія“. Theoph. Chron. ad an. 698.

Не много пунктовъ въ исторіи, гдѣ бы въ одномъ періодѣ скоплялось такъ много недостоинства, безнравственности и позора всякаго рода, и гдѣ бы такъ мало было добрыхъ началъ и даже простого здраваго смысла въ политикѣ. Такъ странно отдѣляется отъ всего подвигъ Гераклія, по обѣимъ сторонамъ котораго видимъ только незнающее себѣ мѣры тиранство, безплодныя жестокости, самыя антихристіанскія изувѣченья и безсмысленныя волненія партій, ликующихъ при видѣ попираемаго ногами несчастія! Какъ будто для того была спасена имперія, чтобы еще разъ обнажить передъ міромъ всю свою нравственную нищету! Если когда могло бы казаться, что исторія возвращается вспять, то это конечно въ Византійской имперіи, въ бѣдственную эпоху потомковъ Гераклія.

И однако въ этотъ несчастный вѣкъ судьба не-лангобардской Италіи точно такъ же была соединена съ судьбою имперіи, какъ и прежде! Мы не могли обойти общаго обозрѣнія исторіи имперіи въ VII вѣкѣ, потому что въ продолженіе всего этого времени Италія, за исключеніемъ лангобардскихъ владѣній, оставалась на прежнихъ основаніяхъ ея провинціею. Исторія провинціи можетъ быть понятна только взятая вмѣстѣ съ исторіею цѣлаго государственнаго тѣла. Общія явленія государственной жизни должны отзываться тѣмъ или другимъ образомъ и въ каждомъ членѣ организма. Или отъ центра всей государственной дѣятельности къ нимъ безпрестанно приливаютъ новыя жизненныя силы, новыя потребности и вмѣстѣ новыя средства, или они сами истощаются, отдавая ему свои лучшіе соки.

Чего изъ двухъ могли бы мы ожидать для какой бы то ни было провинціи имперіи отъ Византіи въ такой періодъ ея существованія, когда она, со всѣхъ сторонъ обступленная врагами, думала только о самой себѣ, не всегда о своемъ спасеніи, больше о томъ, чтобы дать полный просторъ своимъ страстямъ, чтобы удовлетворить своей наклонности къ сценамъ, какого бы впрочемъ онѣ ни были характера и содержанія?

Къ Италіи были здѣсь равнодушны и прежде. Ея главные интересы были пренебрежены, средства защиты оставлены самыя ненадежныя, и Римъ обязанъ былъ почти только своимъ собственнымъ усиліямъ тѣмъ, что лангобардское завоеваніе не простиралось и на него. Могъ ли онъ ожидать себѣ болѣе вниманія и доброжелательства въ эпоху династіи Гераклія? Естественно, что этого не могло быть ни по положенію имперіи, ни по ея средствамъ, и всего менѣе по духу

ея правителей. Лангобардское завоеваніе, правда, утратило въ этомъ періодѣ свой угрожающій характеръ, и римская Италія меньше, чѣмъ когда-нибудь, имѣла нужду въ помощи метрополіи. Но кромѣ враговъ внѣшнихъ, римская Италія, мы знаемъ, имѣла еще своихъ враговъ внутреннихъ; она терпѣла отъ внутренняго неустройства, дурного управленія, отъ того, что обнищала всѣми средствами жизни: чѣмъ въ этомъ отношеніи могла помочь ей имперія, которая сама терпѣла у себя то же самое зло въ высшей степени и никогда не была такъ мало склонна подумать объ его исправленіи, какъ при Геракліи и его потомкахъ? Римъ, уже получившій возбужденіе къ новой жизни, долженъ былъ пробавляться своими собственными средствами, если хотѣлъ продолжать начатое дѣло.

Есть потомъ нравственныя узы, которыми крѣпче всего держится связь государства съ отдѣльными его частями. Это узы симпатіи и родства, которыя возбуждаются даже въ отдаленныхъ провинціяхъ нравственнымъ характеромъ власти, достоинствомъ ея дѣйствій. Симпатія стараго Рима къ новому потеряла свою главную основу еще въ то время, когда Византія оставила Италію на жертву лангобардскому завоеванію. Оставался нѣкоторый родъ уваженія, соединеннаго съ подобострастіемъ, которое заставляло Григорія отклонять отъ себя все, что могло казаться нарушеніемъ правъ имперіи по отношенію къ завоеванной ею провинціи. Въ VII вѣкѣ этому чувству, сколько его оставалось между римлянами, готовилось самое тяжелое искушеніе. Подвиги Гераклія не касались прямо экзархата, которому не угрожали ни персы, ни авары; однако ни въ какомъ случаѣ не могли они уронить въ жителяхъ экзархата прежняго уваженія къ имперіи. Но за Гераклiемъ слѣдовали Констанціи и Юстиніаны; но подвиги мужества скоро замѣнились постыдными интригами, тираніею, сценами междоусобія, убійствъ, ссылокъ, рѣзанья носовъ и другими видами варварства. Это исторія болѣе нежели половины столѣтія; это подвиги, за немногими исключеніями, остальныхъ членовъ дома Гераклiева. Какое нравственное чувство могли возбудить къ себѣ подобныя дѣйствія, вошедшія наконецъ въ обыкновенный порядокъ при константинопольскомъ дворѣ? Не говоримъ объ уваженіи, ибо тутъ было мѣсто развѣ противоположному чувству: но могла ли Италія сохранить хотя тѣнь прежняго подобострастія къ имперіи, когда она сама, руками своей власти, стирала съ себя печать всякаго величія и достоинства.

Нравственныя узы, связывавшія экзархатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Римъ съ имперіею, падали сами собою, потому что исчезала самая прочная ихъ основа. Но отсюда же проистекало еще новое зло: больше и больше стирался нравственный характеръ и съ тѣхъ частныхъ отношеній, которыя продолжали существовать между Италіею и имперіею, какъ между провинціей и ея метрополіею. Начиналось отношеніями къ странѣ ея ближайшаго мѣстнаго правителя, экзарха—ибо онъ оставался попрежнему главнымъ представителемъ власти имперіи въ Италіи—оканчивалось отношеніями къ ней же самихъ императоровъ, которые иногда, въ минуты свободныя отъ столичныхъ волненій, являлись сюда лично и переносили на италіанскую почву способъ дѣйствія, усвоенный ими въ Константинополѣ.

Изъ исторіи этихъ отношеній слагается почти вся исторія римской Италіи въ VII вѣкѣ. Нѣтъ нужды говорить, что она вся привязана къ тому центру, который такъ прочно постановленъ былъ Григоріемъ въ концѣ предыдущаго столѣтія. Чѣмъ болѣе отношенія къ имперіи теряютъ своей прежней чистоты, тѣмъ болѣе опредѣляется характеръ новой власти въ Италіи. Отнынѣ съ этимъ учрежденіемъ неразлучна и исторія самой страны, ибо въ немъ выразилась вся самостоятельность, сколько она вновь успѣла пріобрѣсти ея послѣ паденія старой римской имперіи. Удары, наносимые ему, были вмѣстѣ ударами для всей вновь пробудившейся національности; за то впрочемъ и каждый опытъ его твердости былъ новымъ залогомъ прочности цѣлаго вновь воздвигаемаго зданія.

Но пусть говорятъ за себя самыя событія. Замѣтимъ прежде всего появленіе совершенно новаго духа въ Италіи, какъ онъ обнаруживается черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Григорія. Ближайшіе его преемники также заботливо старались избѣгать всякаго рода столкновеній съ имперіею и пока пользовались своими мирными отношеніями къ ней для возвышенія своего церковнаго авторитета [1]). Экзархъ попрежнему оставался во главѣ управленія Италіею. Весьма вѣроятно, что съ этимъ управленіемъ были неразлучны и прежнія злоупотребленія; но они не были болѣе сносимы съ прежнимъ терпѣніемъ. Не въ Римѣ только, котораго положеніе

---

[1]) По свидѣтельству Анастасія, in vita Bonifacii III (p. 63), епископъ Бонифацій III настоялъ на томъ, чтобы Фока согласился дать римской церкви титло главы всѣхъ церквей: первое отступленіе отъ начала, котораго такъ строго держался Григорій.

впрочемъ было довольно исключительное, временемъ весьма нетерпѣливый духъ пробуждался и въ другихъ мѣстахъ экзархата, до того, что самая Равенна перестала быть безопасною резиденціею для греческихъ намѣстниковъ. Года черезъ четыре по вступленіи на престолъ Гераклія, въ Равеннѣ произошло кровавое возстаніе, въ которомъ погибъ экзархъ Іоаннъ Лемигій, заступившій мѣсто Смарагда, и вмѣстѣ съ нимъ другіе члены равеннскаго правительства [1]). Причиною возстанія, должно полагать, были или нѣкоторыя насильственныя дѣйствія экзарха, или новые обременительные налоги, имъ предписанные. Въ то же самое время замѣчаемъ другое значительное движеніе на другомъ концѣ Италіи, хотя, за недостаткомъ извѣстій, и не можемъ утверждать, чтобы оно было въ связи съ первымъ. Новый экзархъ Элевѳерій, прибывъ въ Равенну и казнивъ зачинщиковъ мятежа, долженъ былъ потомъ отправляться къ Неаполю, гдѣ нѣкто Іоаннъ Компсинъ (Compsinus), по всей вѣроятности италіанскій уроженецъ, также поднялъ знамя бунта и провозгласилъ себя независимымъ владѣтелемъ города. Впрочемъ Элевѳерій, какъ кажется, привелъ съ собою довольно значительныя силы: онъ взялъ городъ силою, низложилъ Компсина, и такимъ образомъ—прибавляетъ біографъ, кратко пересказывающій это происшествіе—„возстановилъ миръ въ Италіи" [2]). Римъ, какъ видно изъ того же повѣствованія, не принималъ въ этихъ движеніяхъ никакого участія: его епископъ и экзархъ очень благосклонно встрѣтились въ городѣ, когда Элевѳерій направлялся къ Неаполю.

Хорошо началъ Элевѳерій, но не выдержалъ своей роли до конца. Онъ самъ подъ конецъ увлекся тѣмъ отчужденіемъ отъ имперіи, которое замѣтно начинало овладѣвать умами Италіи, особенно въ большихъ городахъ, и думалъ воспользоваться имъ, чтобы провозгласить свою независимость отъ византійскаго престола. Подъ какимъ титломъ? По всей вѣроятности—подъ титломъ императора. Такъ обыкновенно называли себя всѣ узурпаторы въ имперіи, которые возставали противъ законной власти [3]). Время было благопріятно. Имперія была

---

[1]) Въ 615 или 616 году. См. Murat. Ann. ad an. 616.—Анастасій говоритъ объ этомъ происшествіи въ жизни еп. Deusdedit.—[2]) Anast. ibid.—Ср. Murat. ad an. 617.—[3]) Анастасій, упоминающій о послѣднемъ предпріятіи Элевѳерія, выражается такъ, что онъ—assumpsit regnum (in vita Bonifacii V). Но это лишь общее выраженіе для означенія независимости власти. Павелъ Діаконъ, IV, 35, хотя для него, очевидно, источникомъ служитъ тотъ же Анастасій, употребляетъ болѣе близкое къ дѣлу выраженіе: imperii jura suscepit.

въ крайней опасности отъ персовъ и аваровъ. Гераклій пока не обѣщалъ изъ себя ничего особеннаго. Италія была имъ совершенно забыта. Вдругъ мы видимъ Элевѳерія на походѣ къ Риму. Не видно, чтобы передъ тѣмъ у него были сношенія съ римлянами, но можно полагать, что онъ разсчитывалъ на ихъ сочувствіе и только здѣсь надѣялся утвердить свою новую власть на прочныхъ основаніяхъ. Риму представлялся случай замѣнить собою въ извѣстномъ отношеніи Равенну — честь, не совсѣмъ выгодная для римскаго престола. Но когда уже экзархъ подходилъ къ городу, войско вдругъ обнаружило себя противъ его намѣренія. Элевѳерій былъ убитъ, голова его отправлена въ Константинополь, и все предпріятіе рушилось [1]. Впрочемъ не такъ рушилось, чтобы не оставить по себѣ никакого слѣда: мысль была брошена, и съ того времени не была уже совершенно чужда сознанію новой національности въ Италіи.

Новый экзархъ, прибывшій въ Равенну заступить мѣсто Элевѳерія, былъ армянинъ Исаакій. Въ Италіи опять наступила тишина. Наученный несчастными примѣрами двухъ своихъ предшественниковъ, Исаакій велъ себя, какъ кажется, довольно благоразумно, стараясь избѣгать всякаго повода къ раздраженію народа и войска. Онъ оставлялъ въ покоѣ Римъ, откупался деньгами отъ лангобардовъ [2]. У него не было недостатка и въ мужествѣ, чтобы въ случаѣ нужды встрѣтить враговъ въ открытомъ полѣ, какъ это было при Ротари, но въ подобныхъ предпріятіяхъ онъ не былъ довольно счастливъ [3]. Впрочемъ, какъ мы видѣли, опасность съ этой стороны далеко была не такъ велика, какъ прежде. На римскомъ престолѣ современникомъ Исаакія былъ епископъ Гонорій (626—638), человѣкъ самыхъ миролюбивыхъ свойствъ, посвятившій себя богоугоднымъ дѣламъ, преимущественно строенію церквей и болѣе всего уклонявшійся отъ споровъ и несогласій [4]. Въ начинавшемся тогда дѣлѣ моноѳелитовъ онъ хотѣлъ

[1] По словамъ Анастасія, Элевѳерій былъ убитъ „равеннскими воинами", a militibus Ravennatis. Едва ли можно сомнѣваться, что Ravennati значитъ здѣсь только приведенные изъ Равенны, но вовсе не то, что́ послѣ называлось равеннской милиціей. Самый недостатокъ сочувствія въ нихъ къ предпріятію Элевѳерія показываетъ, что они не были италіанцы. Ср. впрочемъ Hegel, I, 251.— [2] Murat. Ann. ad an. 635.— [3] См. выше стр. 145.— [4] Anast. in vita Honorii (p. 65). См. также Neander, III, 361. Миролюбіе впрочемъ нисколько не мѣшало Гонорію продолжать, по примѣру Григорія, нравственный надзоръ за поведеніемъ высшихъ особъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго управленія. См. Hegel, 1, 223, 4.

въ которыхъ хранилась казна римской церкви [1]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ извѣстилъ обо всемъ Исаакія и приглашалъ его въ Римъ, чтобъ распорядиться добычею, которая теперь была въ ихъ рукахъ. Первымъ дѣйствіемъ экзарха, когда онъ прибылъ въ Римъ, было выслать изъ него главнѣйшихъ церковныхъ сановниковъ, отъ которыхъ онъ ждалъ сопротивленія своимъ насильственнымъ мѣрамъ. Потомъ онъ уже безпрепятственно вступилъ въ латеранскій дворецъ и провелъ тамъ восемь дней, то-есть пока не расхищенъ былъ весь запасъ, собранный въ продолженіе многихъ лѣтъ римскими епископами. Такая легкая пожива могла впрочемъ возбудить зависть въ Константинополѣ и нажить экзарху опасныхъ враговъ вблизи самаго двора. Чтобы предотвратить подобный оборотъ дѣла, Исаакій отдѣлилъ часть добычи и отправилъ ее прямо къ Гераклію. Кроткій Северинъ, вѣроятно угрозами, вынужденъ былъ хранить молчаніе. Такимъ образомъ экзархъ могъ совершенно оправдаться въ глазахъ константинопольскаго двора, и безчестный поступокъ его прошелъ ему безъ всякихъ непріятностей [2]).

Лишь между собою плохо ладили устроители всего грабежа. Маврикій, который имѣлъ причины приписывать себѣ главный успѣхъ предпріятія, можетъ-быть недовольный частію, полученною имъ при раздѣлѣ добычи, замышлялъ низвергнуть самого экзарха. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Исаакій хочетъ объявить себя императоромъ, онъ опять привлекъ на свою сторону римскій гарнизонъ и войска, стоявшія въ окрестностяхъ города, и заставилъ ихъ клятвенно отречься отъ повиновенія экзарху. Даже нѣкоторые гражданскіе правители (judices) были въ заговорѣ съ Маврикіемъ. Но Исаакій немедленно принялъ самыя дѣятельныя мѣры. Миръ съ лангобардами вѣроятно еще не былъ нарушенъ въ это время, и потому ничто не мѣшало ему двинуть къ Риму войско, которое оставалось въ непосредственномъ его распоряженіи [3]).

---

1) Anast. ibid: Intrantes sub specie pacis sigillaverunt omne vestiarium Ecclesiae seu cymbilia Episcopii. — 2) О кротости нрава Северина говоритъ Анастасій. Впрочемъ почти нѣтъ сомнѣнія, что онъ не согласился подписать эктезисъ Гераклія, привезенный въ Римъ Исаакіемъ, и былъ посвященъ едва ли не безъ утвержденія константинопольскаго двора. См. Walch, IX, 148—149.— 3) Муратори относитъ это событіе къ 644 году и полагаетъ, что оно случилось послѣ извѣстій о битвѣ Ротари съ экзархомъ (см. выше, стр. 145), но почему—не приводитъ никакого основанія. Не естественнѣе ли предположить, что возстаніе Маврикія произошло скоро послѣ грабежа въ Латеранѣ, хотя бы *даже въ первый годъ* управленія Теодора (Анастасій разсказываетъ о возстаніи

На этотъ разъ мятежники показали еще меньше присутствія духа. Едва только Донъ, генералъ, посланный Исаакіемъ, появился съ войскомъ въ Римѣ, какъ они всѣ отступились отъ Маврикія и заставили его искать убѣжища въ одной церкви. Его взяли оттуда силою и вмѣстѣ съ главными соучастниками отправили въ колодкахъ къ Исаакію. Въ небольшомъ разстояніи отъ Равенны, по приказанію экзарха, Маврикій былъ безъ всякаго суда обезглавленъ, а сообщники его брошены въ городскія тюрьмы, гдѣ и должны были ожидать себѣ приговора. Впрочемъ, прежде чѣмъ рѣшена была ихъ участь, нечаянная смерть пресѣкла жизнь самого экзарха, и заключенные опять получили свободу. Платонъ, вновь присланный изъ Константинополя, занялъ мѣсто Исаакія [1]), и дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Удивительно, какъ менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе измѣнились направленія и вмѣстѣ съ ними характеръ событій въ Италіи. Еще не далѣе какъ въ концѣ VI вѣка Римъ дрожалъ отъ страха лангобардскаго разоренія и съ воплями отчаянія звалъ къ себѣ на помощь военныя силы имперіи; но лангобардское разореніе обошло Римъ, и не исполнилось полныхъ пяти десятилѣтій, какъ мнимые покровители Рима приходили непризванные въ его стѣны и нагло грабили его казну, его лучшее достояніе, собранное умною бережливостію римскаго престола! Въ Константинополѣ постоянно жили апокрисіаріи, повѣренные римской церкви; черезъ нихъ римскій престолъ могъ бы злоупотребленія мѣстныхъ правителей довести до свѣдѣнія высшей власти. Но какого удовлетворенія могъ ожидать себѣ ограбленный престолъ, когда часть его же сокровищъ употреблена была грабителями на то, чтобы напередъ закупить въ свою пользу самое высшее правосудіе въ имперіи?

Не только Риму не было никакого удовлетворенія, Римъ имѣлъ еще несчастіе обратить на себя вниманіе Константинополя въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ уже смотрѣла на него власть, пребывавшая въ Равеннѣ. Отсюда рядъ новыхъ бѣдствій для Рима, какихъ онъ никогда не испыталъ даже во время стѣсненія лангобардами. Ближайшій поводъ къ нему былъ въ монофелитской ереси, которая возникла непосредственно изъ положеній монофизитовъ, и при Геракліи, пользуясь несчастнымъ заблужденіемъ духовныхъ и свѣтскихъ

ъ жизни этого папы), то-есть въ 642, и слѣд. прежде чѣмъ открылась война съ лангобардами?—[1]) См. Murat. Ann. ad an. 648.

властей въ Константинополѣ, усиливалась взять перевѣсъ надъ правовѣрнымъ ученіемъ. Старый недугъ, которымъ страдала Восточная имперія, проявился еще разъ въ новой формѣ, и императоры, которыхъ дѣло было бороться съ недугомъ, еще разъ повторили старую ошибку, думая силою однихъ эдиктовъ, даже безъ помощи соборныхъ рѣшеній, возстановить потрясенное единство вѣрованія. Гераклій попалъ первый на этотъ ложный путь по отношенію къ новой ереси. Не столько по рѣшительной наклонности къ монофелитизму, сколько для того, чтобы прекратить всѣ споры и тѣмъ заглушить самую ересь, Гераклій согласился на обнародованіе „изложенія вѣры", ἔκθεσις τῆς πίστεως, составленнаго патріархомъ Сергіемъ и предписывавшаго совершенное молчаніе относительно спорныхъ пунктовъ, хотя съ явною наклонностію къ ученію монофелитовъ [1]). Это значило попасть на дорогу Зенона, который своимъ «Генотиконъ» думалъ помирить монофизитовъ съ церковію, и Юстиніана, который своими эдиктами хотѣлъ заставить молчать кефалитовъ; это значило—въ дѣлахъ вѣры дѣйствовать мѣрами устрашенія и, вмѣсто мира, производить лишь новое раздраженіе въ противникахъ. Пока былъ живъ Гераклій, исполненіе эдикта обходилось безъ насилій, хотя цѣль его далеко не была достигнута. Еще до изданія эдикта императору удалось получить согласіе нѣкоторыхъ епископовъ, въ томъ числѣ Кира, епископа фазійскаго, который вскорѣ послѣ того сдѣлался патріархомъ въ Александріи. Въ то же время впрочемъ положенія Сергія встрѣчали себѣ и сильныхъ противниковъ на востокѣ. Въ самой резиденціи Кира жилъ нѣкто Софроній, простой монахъ, но въ которомъ ученіе о двухъ воляхъ нашло ревностнаго и энергическаго защитника. Голосъ Софронія былъ тѣмъ важнѣе, что черезъ четыре года послѣ возвышенія Кира, онъ самъ былъ возведенъ на іерусалимскій патріаршескій престолъ. Желая противопоставить ему равносильный авторитетъ, патріархъ Сергій искалъ согласія римскаго епископа. Робкій Гонорій, которому казалась страшною самая мысль о несогласіи внутри церкви, легко склонился на сторону эктезиса [2]). Такъ на первый разъ благоразумно довольствовались одними мирными средствами. Но даже и послѣ обнародованія эдикта, которое послѣдовало уже въ 638 году, не видно, чтобы мѣра сопровождалась какими-нибудь насильственными дѣйствіями.

---

[1]) О содержаніи эдикта и о степени участія Гераклія въ этой мѣрѣ см. Neander, III, 358—364; также Walch. IX, 139.— [2]) О переговорахъ Сергія съ Софроніемъ и о перепискѣ его съ Гоноріемъ см. Neander, III, p. 358—360.

Между тѣмъ послѣдователи правовѣрнаго ученія на востокѣ не только не молчали, но еще болѣе увеличили свою ревность, когда явился эдиктъ, явно стремившійся обратить въ постоянную норму ученіе, которое отзывалось сильною наклонностію къ монооелитизму. Къ прежнимъ защитникамъ правовѣрія не замедлили присоединиться новые. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ Максиму, которому въ борьбѣ съ монооелитами суждено было, впрочемъ гораздо позже, увѣнчать свой подвигъ и вѣнцомъ мученичества. Происходя отъ одной изъ благородныхъ константинопольскихъ фамилій, Максимъ получилъ философское образованіе, нѣкоторое время занималъ должность тайнаго секретаря (proto a secretis) при императорѣ Гераклія, но потомъ оставилъ свѣтъ и удалился въ монастырь. Изданіе эктезиса пробудило его ревность по вѣрѣ и вызвало его изъ монастырскаго заключенія. Тогда же началъ онъ открытую борьбу противъ новаго заблужденія. Изъ всѣхъ противниковъ монооелитизма это былъ самый глубокомысленный и краснорѣчивый. Правда, что Максимъ скоро долженъ былъ перенести свою дѣятельность въ Африку; можетъ-быть онъ и дѣйствительно искалъ здѣсь себѣ болѣе безопаснаго убѣжища, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ удалился прямо отъ преслѣдованій. Иной характеръ приняла мѣра Гераклія по смерти его. Черезъ десять лѣтъ послѣ обнародованія эктезиса Констанцій счелъ нужнымъ замѣнить его новымъ эдиктомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Образца вѣры», τύπος τῆς πίστεως. Въ новомъ эдиктѣ, составленномъ подъ вліяніемъ патріарха Павла, было гораздо меньше догматической опредѣленности, чѣмъ въ первомъ; за то еще рѣшительнѣе предписывалось обѣимъ сторонамъ молчаніе, и назначены были строгія наказанія за малѣйшее отступленіе отъ закона. Монахамъ угрожала ссылка, заточеніе, чиновникамъ — отрѣшеніе отъ должностей, гражданамъ—конфискація имѣнія, людямъ низшаго происхожденія— тѣлесное наказаніе [1]). Актъ принималъ характеръ чисто правительственной мѣры, а свойства Констанція вовсе не были таковы, чтобы изданное имъ предписаніе оставалось пустою формальностію. Строгіе ревнители правовѣрія на востокѣ были поставлены въ самое крайнее положеніе: только молчаніемъ или бѣгствомъ могли они спасать себя отъ преслѣдованій.

Несчастіе Рима состояло въ томъ, что римскій престолъ тотчасъ же по смерти нерѣшительнаго Гонорія, явно принялъ

---

[1]) См. Walch, IX, 167 et seqq. Ср. Neander, III, 372—373.

сторону правовѣрнаго ученія противъ монофелитовъ и гласно выражалъ свои мнѣнія. Есть причины думать, что уже Северинъ отвергалъ и осуждалъ эктезисъ Гераклія [1]). Послѣдовавшій за нимъ Іоаннъ дѣйствовалъ въ томъ же самомъ духѣ, хотя съ большею умѣренностію. Отъ него тѣ же самыя убѣжденія перешли и къ его преемникамъ. Установившееся мнѣніе римскихъ епископовъ скоро сдѣлалось мнѣніемъ цѣлой страны. Африканская провинція также не отказала въ своемъ сочувствіи Италіи. Пребываніе здѣсь грека Максима, самаго неумолимаго противника монофелитовъ, оставило по себѣ глубокіе слѣды. Тогдашній правитель Африки оказался однимъ изъ самыхъ горячихъ послѣдователей Максима и замышлялъ даже въ его интересѣ возстаніе противъ имперіи [2]). Вообще, чѣмъ болѣе тѣснимы были послѣдователи правовѣрнаго ученія на востокѣ, тѣмъ болѣе удалялись они на западъ. Въ Африкѣ и Италіи находили они себѣ самое вѣрное убѣжище. Главную же точку опоры для нихъ составлялъ авторитетъ римскаго престола. Къ нему относились и примыкали всѣ тѣ, которые не выносили молчанія, налагаемаго эдиктами, и однако чувствовали все ничтожество своихъ отдѣльныхъ усилій [3]). Неблагоразумная политика константинопольскаго двора приносила достойные ея плоды. Римъ, еще недавно такъ нагло оскорбленный, въ лицѣ своего духовнаго гла́вы, императорскимъ намѣстникомъ, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался центромъ умственнаго движенія, которое охватило большую часть западныхъ провинцій и угрожало подорвать и остатокъ прежнихъ симпатій къ имперіи. Наконецъ и это движеніе и то негодованіе, которое лежало въ основѣ его, нашли себѣ достойный органъ, когда на престолъ римскій вступилъ Мартинъ. Онъ, правда, не приносилъ съ собою блестящихъ свойствъ, но непреклонность въ убѣжденіяхъ была существенною чертою его нравственнаго характера. До своего вступленія на престолъ онъ занималъ важный постъ апокрисіарія при константинопольскомъ дворѣ. Тамъ уже онъ показалъ себя ревностнымъ противникомъ монофелитовъ. Едва ли даже не этой самой ревности обязанъ былъ онъ тѣмъ, что по смерти Теодора выборъ палъ на него.

---

[1]) См. Murat. Ann. ad an. 640. Замѣчательно, что почти къ тому же времени относятся и послѣдніе слѣды секты кефалитовъ въ Италіи: аквилейскіе епископы, которые еще держались ученія „трехъ главъ“, наконецъ отреклись отъ него при Гоноріи. Ibid. ad an. 638. — [2]) Neander, III, 371. — [3]) См. письмо африканскихъ епископовъ къ папѣ Теодору у Walch, IX, 164. Ученый Максимъ *также стремился въ* Римъ и былъ въ Африкѣ лишь мимоходомъ. См. ibid. p. 178.

Антимоноѳелитскія убѣжденія составляли въ то время самый живой мускулъ въ той оппозиціи, которую имперія приготовляла себѣ въ Италіи [1]. Выборъ на римскій престолъ въ такихъ обстоятельствахъ былъ для Мартина лишь поощреніемъ къ тому, чтобы онъ еще съ большею энергіею и всѣми зависящими отъ него средствами началъ дѣйствовать на защиту своихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ 648 году послѣдовало вступленіе Мартина на престолъ, въ томъ же году изданъ былъ эдиктъ Констанція.

Такъ какъ главное убѣжище и главныя силы противниковъ моноѳелитизма находились всего болѣе на западѣ, то можно сказать, что и новый эдиктъ преимущественно былъ направленъ противъ западныхъ провинцій, въ особенности противъ Рима [2]. Въ силу его открывшіяся преслѣдованія пали прежде всего на представителей римскаго престола въ самомъ Константинополѣ. Исполнителямъ эдикта ничего не стоило ворваться въ церковь римскаго апокрисіарія и воспретить въ ней богослуженіе [3]. Отсюда потомъ преслѣдованія распространились на городское духовенство и на мирныхъ гражданъ Константинополя, не раздѣлявшихъ моноѳелитскаго заблужденія. Отъ константинопольской каѳедры нельзя было ждать никакого покровительства: тогдашній патріархъ Павелъ былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ моноѳелитизма. Мысли притѣсняемыхъ поневолѣ устремлялись къ Риму: туда обращались они съ своими жалобами [4]. Мартинъ могъ теперь взять на себя защиту притѣсненныхъ, когда онъ располагалъ всѣмъ авторитетомъ римскаго престола. Дѣйствовать протестаціями Мартинъ не хотѣлъ: такое средство казалось ему не довольно дѣйствительнымъ, и могло лишь безплодно продлить нужды преслѣдуемыхъ. Чтобы однимъ разомъ дать почувствовать виновникамъ эдикта все достоинство авторитета, который соединялся съ титломъ римскаго епископа, Мартинъ положилъ немедленно созвать соборъ въ Римѣ и передъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ объявить мѣру, выходившую изъ Константинополя, незаконною, какъ нарушающую права церкви и недо-

---

[1]) Въ какомъ смыслѣ сдѣланъ былъ выборъ Мартина, можно уже видѣть и изъ того обстоятельства, что онъ былъ посвященъ безъ утвержденія императорскаго. См. Murat. Ann. ad an. 649.—[2]) Кромѣ Максима, который на первое время удалился въ Африку, мы находимъ въ Италіи и другихъ выходцевъ съ востока. Такъ патріархъ константинопольскій Пирръ, отказавшійся вмѣстѣ съ моноѳелитскими мнѣніями и отъ самаго престола, жилъ потомъ также въ Римѣ. Murat. ad an. 648.—[3]) Anast. in vita Martini.—[4]) Walch, IX, 22A.

стойную христіанской власти. Въ этомъ важномъ рѣшеніи поддерживалъ римскаго епископа и ревностный Максимъ, который тогда перенесъ свою дѣятельность на новую сцену—изъ Африки перешелъ въ Италію. Сто пять епископовъ явились въ Римъ на приглашеніе Мартина. Между ними находились многіе епископы изъ лангобардскихъ владѣній, патріархъ города Градо и депутаты отъ равеннскаго архіепископа, несмотря на то, что доброе согласіе между римскимъ и равеннскимъ престолами незадолго передъ тѣмъ снова было нарушено [1]). На соборѣ, открывшемся въ 643 году въ латеранской церкви, представлена была такимъ образомъ вся церковная Италія. Совѣщанія не были продолжительны: одинъ духъ господствовалъ въ собраніи, которымъ управлялъ римскій епископъ [2]). Эдиктамъ Гераклія и Констанція единогласно было произнесено осужденіе, и всѣ поборники эдиктовъ, между которыми былъ и Павелъ, патріархъ константинопольскій, отлучены отъ церковнаго общенія. Приговоръ собора въ многочисленныхъ экземплярахъ тотчасъ разосланъ былъ по всѣмъ западнымъ и восточнымъ провинціямъ имперіи.

Явленіе совершенно новое въ исторіи Италіи: та же самая власть, которая въ концѣ VI вѣка взяла на себя главное управленіе лангобардскими отношеніями, теперь принимала еще на себя важную отвѣтственность въ отмѣненіи такой мѣры, которая имѣла на своей сторонѣ высшій авторитетъ въ цѣлой имперіи. Особенную важность рѣшенію латеранскаго собора придавало то обстоятельство, что оно было произнесено въ присутствіи императорскаго намѣстника и слѣдовательно съ явнымъ пренебреженіемъ того авторитета, отъ котораго исходила законная сила эдикта. Передъ самымъ открытіемъ собора прибылъ въ Италію новый экзархъ Олимпій, какъ для того, чтобы принять управленіе провинціею послѣ Платона, почему-то отозваннаго въ Константинополь [3]), такъ еще съ особеннымъ порученіемъ—употребить всѣ зависящія отъ него средства для введенія типа въ экзархатѣ. Для послѣдней цѣли ему указаны были два средства, съ правомъ избрать то, какое он

---

[1]) Murat. Ann. ad an. 649.— [2]) Что Мартинъ управлялъ ходомъ совѣщан и былъ главнымъ ораторомъ, это видно изъ актовъ собора. См. Walch, I § 27; ср. его же Historie der Kirchenversammlungen, p. 419—421. — [3]) Его в роятно не нашли довольно способнымъ управлять экзархатомъ въ такое труд время. О томъ, что онъ не умеръ, но былъ отозванъ въ Константинополь и п должалъ быть совѣтникомъ правительства по дѣламъ Италіи, можно заключ изъ словъ Анастасія, p. 71.

найдетъ болѣе полезнымъ по обстоятельствамъ. Напередъ онъ долженъ былъ испытать духъ страны, и если между жителями не окажется особенной враждебности къ новому эдикту, немедлено обязать ихъ подпискою въ ненарушимомъ его исполненіи; если притомъ еще можно будетъ разсчитывать и на содѣйствіе военнаго сословія, какъ обнадеживалъ правительство прежній экзархъ, то постараться захватить въ свои руки Мартина, бывшаго римскаго апокрисіарія въ Константинополѣ. (Ненависть къ Мартину, очевидно, вела свое начало еще отъ поведенія его какъ апокрисіарія). Въ случаѣ же, если бы духъ военнаго сословія оказался неблагопріятнымъ новой мѣрѣ, экзарху поручено было хранить о ней совершенное молчаніе и втайнѣ склонять войско, какъ въ Равеннѣ, такъ и въ Римѣ, на сторону эдикта, чтобы потомъ можно было ввести его силою, несмотря на противорѣчія жителей [1]). Скорая рѣшимость Мартина разстроила нѣсколько планы Олимпія. Онъ долженъ былъ спѣшить въ Римъ и употребить тамъ все свое вліяніе, чтобы сколько возможно разстроить дѣйствія собора. Но напрасны были всѣ усилія Олимпія произвести несогласіе между его членами и отклонить единодушное рѣшеніе, принятое соборомъ противъ эдикта. Также безуспѣшна была попытка его вооружить римлянъ противъ Мартина. Наконецъ, если вѣрить одному преданію, оскорбленный безуспѣшностію всѣхъ своихъ интригъ, Олимпій не прочь былъ даже отъ злодѣйскаго покушенія на самую жизнь епископа, и только счастливый случай или внезапное смущеніе убійцы остановили его руку въ ту минуту, какъ онъ уже готовился нанести ударъ [2]). Это ли обстоятельство имѣло довольно сильное вліяніе на духъ Олимпія, или послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ онъ весьма естественно убѣдился въ своемъ безсиліи, достовѣрно впрочемъ то, что разочарованный экзархъ послѣ того совершенно охладѣлъ къ своему порученію и, оставляя прежнюю вражду, вошелъ въ болѣе искреннія сношенія съ Мартиномъ [3]). Какъ бы желая потомъ смыть съ себя позоръ

---

[1]) Anast. ibid.—[2]) Anast. ibid. Впрочемъ, этотъ разсказъ слишкомъ носитъ на себѣ характеръ чудеснаго, и мы не рѣшаемся принять его буквально.—[3]) Объ этомъ также—Анастасій, прибавляющій, что Олимпій не скрылъ передъ Мартиномъ даже тѣхъ замысловъ, съ которыми пріѣхалъ въ Италію. Что послѣ того между Мартиномъ и Олимпіемъ дѣйствительно начались довольно близкія отношенія, доказательствомъ служитъ то обвиненіе, которое впослѣдствіи было взводимо на экзарха — будто онъ былъ въ заговорѣ съ папою на жизнь императора. См. Murat. Ann. ad an. 652. Былъ ли дѣйствительно такой заговоръ со стороны

своихъ первыхъ дѣйствій въ Италіи, онъ отправился изъ Рима на югъ защищать Сицилію отъ нападенія арабовъ и въ несчастной битвѣ съ ними нашелъ свою смерть.

Не такъ подѣйствовали римскія происшествія на главныхъ виновниковъ эдикта. Злоба, которую давно уже питали въ Константинополѣ противъ Мартина, во-первыхъ за его дѣйствія какъ апокрисіарія римской церкви, во-вторыхъ за самое избраніе его на престолъ безъ константинопольскаго правительства, возросла до крайней степени, какъ скоро тамъ извѣстны стали рѣшенія латеранскаго собора и безсиліе передъ нимъ экзарха. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать снисхожденіе къ справедливымъ требованіямъ римскаго престола и взять назадъ незаконную мѣру, преимущественно противъ него направленную, въ Константинополѣ рѣшили навязать ему осужденный эдиктъ силою, и тѣмъ, которые позволили себѣ судъ надъ нимъ, дать почувствовать и безъ суда всю тяжесть тѣхъ наказаній, которыя были назначены ослушникамъ эдикта. Самую страшную опалу готовилъ монофелитизмъ самому опасному своему противнику на западѣ—Мартину. Мало казалось обвиненія въ ереси, его уже обвиняли въ crimen majestatis. Уличенный въ такомъ преступленіи, Мартинъ долженъ былъ отвѣчать за него головою. Экзархъ Феодоръ Калліопа съ чрезвычайнымъ полномочіемъ отправленъ былъ въ Италію. И какъ не надѣялись болѣе на туземныя войска, то наняли арабовъ (сарацинъ), которые должны были сопробождать новаго экзарха и служить опорою его насиліямъ [1]). Какъ бы для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями самого экзарха, прибылъ въ Италію вмѣстѣ съ Калліопою кубикуларій Феодоръ въ качествѣ чрезвычайнаго императорскаго комиссара. Мартинъ зналъ напередъ, чтó ему готовится, и несмотря на болѣзнь, которою онъ страдалъ тогда, имѣлъ присутствіе духа спокойно оставаться въ Римѣ въ ожиданіи своей участи [2]). Не думая отражать силу силою, онъ впрочемъ надѣялся еще подѣйствовать на экзарха священнымъ характеромъ своего сана и, окруживъ себя духовенствомъ, заключился въ церкви Константина. При-

Олимпія, и какъ далеко онъ простирался, объ этомъ трудно судить по недостатку данныхъ. Ср. Neander, III, 376, п. 1. Было и еще обвиненіе на Мартина, будто онъ сносился съ сарацинами. Ibid. р. 379.—[1]) См. Murat. Ann. ad an. 653.—[2]) О слѣдующихъ событіяхъ Анастасій упоминаетъ лишь кратко. Но сохранилось подробное письмо самого Мартина; его приводитъ между прочимъ Walch, IX, 245. Ср. также Murat. Ann. ad an. 653. Изъ греческихъ историковъ о тѣхъ же событіяхъ упоминаютъ Феофанъ, Кедринъ и Зонарасъ.

ıвъ въ Римъ, экзархъ поспѣшилъ во дворецъ епископа; тамъ, ıнавши къ удивленію своему, что епископъ вмѣстѣ съ духонствомъ ожидаетъ его въ церкви, онъ объявилъ, что наѣренъ засвидѣтельствовать свое почтеніе папѣ, однако не ıказалъ желанія итти къ нему въ церковь, говоря, что отıгаетъ это посѣщеніе до завтра. О настоящей причинѣ приıтія экзарха въ Римъ не было сказано ни слова. Слѣдуюій день былъ воскресный. Римъ остался спокоенъ, но экзархъ ıасался большого стеченія народа въ церкви, гдѣ продолжалъ таваться Мартинъ, и послалъ сказать ему, что, утомленıй путешествіемъ, онъ вынужденъ отложить свиданіе съ ıимъ еще до другого дня. Положеніе, принятое Мартиномъ, ıевидно, смутило экзарха, такъ что онъ въ первую минуту ı зналъ, какъ взяться за исполненіе своего порученія. Даже ı третій день онъ не рѣшился явиться самъ, но вмѣсто себя ıислалъ своего хартуларія, который отъ имени экзарха объıилъ Мартину, что онъ напрасно ждетъ себѣ какого-либо ıсилія, собираетъ вокругъ себя вооруженныхъ людей и ıтовитъ каменья для обороны, что во всемъ этомъ нѣтъ ниıкой нужды. На такое странное объясненіе Мартину не ıталось ничего болѣе отвѣчать, какъ чтобы обыскали его ıѣжище и своими глазами убѣдились, что вооруженные люди камни существуютъ только въ напуганномъ воображеніи ıзарха. Обыскали и ничего не нашли. Тогда экзархъ могъ ıке безъ всякаго опасенія приступить къ тому, что́ казалось ıу такимъ труднымъ подвигомъ. Угадывая, чѣмъ должны ıнчиться всѣ эти розыски, больной Мартинъ велѣлъ переıсти свое ложе ближе къ алтарю, чтобы подъ прикрытіемъ ıятыни спасти себя отъ возможныхъ оскорбленій. Среди ıчи тишина мирнаго убѣжища вдругъ была нарушена стуıмъ оружія: это были солдаты Калліопы, занявшіе церковь ı его повелѣнію. Онъ и самъ былъ съ ними, не боясь болѣе ı скрытаго оружія, ни камней. Но насиліе должно было ıсить видъ законнаго дѣйствія. Въ церкви оставались, кромѣ ıископа, многія духовныя лица; къ нимъ прежде всего обраıлся экзархъ съ требованіемъ, чтобы они выдали ему Марıна какъ незаконно захватившаго престолъ [1]), и избрали ı его мѣсто другого. Никто изъ присутствующихъ не смѣлъ ıотиворѣчить требованію экзарха, лучше сказать — всякій

---

[1]) Объ этомъ слова самого Мартина въ письмѣ его: Quod irregulariter et *ne lege episcopatum arripuissem.*

находилъ противорѣчіе безплоднымъ. Мартинъ безъ сопротивленія отдался въ руки экзарху. „Я не готовилъ никакого сопротивленія“ — говоритъ онъ о себѣ: „потому что считалъ лучше умереть десять разъ, чѣмъ довести до пролитія человѣческой крови“. Увлекаемый силою, Мартинъ просилъ, чтобы ему по крайней мѣрѣ дозволено было взять съ собою нѣкоторыхъ изъ духовныхъ, находившихся вмѣстѣ съ нимъ въ церкви. Сохраняя видъ безпристрастнаго исполнителя закона, Калліопа отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ тѣмъ, кто изъявитъ такое желаніе, но принуждать никого не намѣренъ. Нѣкоторые тогда же объявили, что они готовы жить и умереть съ своимъ епископомъ. Но, когда надобно было отправляться въ дорогу, ему дозволено было взять съ собою лишь одного служителя и нѣсколько мальчиковъ. Все еще опасаясь возстанія въ Римѣ, экзархъ опять избралъ для выѣзда ночное время. Тайно вывезенъ былъ Мартинъ изъ города, и городскія ворота оставались заперты до тѣхъ поръ, пока его не привезли въ гавань, гдѣ онъ былъ посаженъ на корабль. Отсюда начался длинный трехмѣсячный путь по морю. Мартина стерегли какъ преступника; корабль служилъ ему тюрьмою; дорогою приставали къ разнымъ островамъ, но ему, изнуренному морскимъ путешествіемъ и болѣзнію, не давали выходить на берегъ, чтобы хотя вздохнуть свободно и оправиться. Такъ достигли наконецъ до острова Наксоса, гдѣ Мартинъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы въ заключеніи.

Преслѣдовать ли далѣе судьбу несчастнаго епископа? Время нисколько не смягчило его ожесточенныхъ гонителей [1]). Пока онъ былъ на островѣ Наксосѣ, стража отнимала у него все, что ему приносили со стороны. Того, кто не скрывалъ пріязни къ нему, называли „врагомъ государства“. Въ Константинополѣ заранѣе огласили Мартина злоумышленникомъ противъ всей Восточной имперіи. Наконецъ привезли его къ Константинополю, и цѣлый день оставался онъ на кораблѣ предметомъ вниманія любопытныхъ, вовсе не снисходительныхъ къ несчастіямъ старика. Вечеромъ пришла стража, подняла его съ ложа—ибо онъ не могъ вставать отъ изнуренія— и въ носилкахъ перенесла его въ новое, еще болѣе тѣсное заключеніе. Въ три мѣсяца, которые провелъ онъ здѣсь, ему ни съ кѣмъ не дано было сказать слова. Опять въ носилкахъ принесли его потомъ въ сенатъ, гдѣ готовился судъ надъ

---

1) *Walch, IX,* § 31.

нимъ. Судьи хотѣли непремѣнно, чтобы подсудимый стоялъ на ногахъ, но какъ ему негдѣ было взять силъ, то двое стражей поддерживали его по сторонамъ. Около 20 свидѣтелей, большею частію солдаты, бывшіе въ Римѣ съ Олимпіемъ, начали одинъ за другимъ свои показанія. Главное показаніе состояло въ томъ, будто Мартинъ участвовалъ съ Олимпіемъ въ заговорѣ противъ императора. Мартинъ съ трудомъ могъ говорить въ свою защиту. По выслушаніи свидѣтелей, пока происходилъ докладъ императору, римскій епископъ былъ выставленъ на позоръ народу на публичной площади. Затѣмъ высокій судъ снялъ съ него священную одежду и, напутствуя анаѳемою, передалъ городскому префекту. Съ безчестіемъ вели его до преторія, преднося мечъ, потомъ заковали въ желѣза и бросили въ темницу вмѣстѣ съ убійцами. Мартину готовилась позорная казнь, и уже къ нему приставленъ былъ палачъ, какъ вдругъ надъ нимъ умилостивились: черезъ 85 дней тѣснаго заключенія, его, сверхъ чаянія, вывели изъ тюрьмы, посадили на корабль и тайно отправили въ Херсонъ въ заточеніе—какъ будто для того, чтобы проложить путь одному изъ потомковъ Констанція, который впослѣдствіи долженъ былъ явиться туда съ искаженнымъ лицомъ. Страданія совершенно истощили Мартина, и онъ скоро умеръ на мѣстѣ своей ссылки (654).

За то моноѳелитизмъ могъ, хотя на время, восторжествовать въ имперіи—или не столько моноѳелитизмъ, сколько покровительствующая ему политическая система, которая, какъ во время Декія и Діоклеціана, не хотѣла потерпѣть внутри имперіи ни малѣйшаго отступленія отъ предписанной ею нормы въ религіозныхъ понятіяхъ. Какъ скоро удалось связать языкъ и руки главному противнику моноѳелитовъ, не трудно уже было привести къ молчанію остальныхъ, которыхъ вся сила заключалась лишь въ твердости ихъ убѣжденій. Между ними всѣхъ выше личными талантами и потому всѣхъ опаснѣе казался Максимъ, умъ строго послѣдовательный, характеръ непреклонный и энергическій. Вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, Анастасіемъ, онъ привезенъ былъ въ Константинополь и также заключенъ въ темницу. Убѣжденія того и другого оказались гораздо крѣпче тѣхъ обольщеній, которыми старались склонить ихъ на признаніе эдикта. За невозможностію догматическаго обличенія, и противъ нихъ прибѣгли къ разнымъ политическимъ обвиненіямъ [1]). Но угрозы были такъ же безплодны,

[1]) Какого рода были эти обвиненія можно судить по тому, какое между прочимъ взведено было на Анастасія: его обвиняли въ томъ, что онъ не при-

какъ и лесть, поколебать твердую непреклонность Максима. Наконецъ обратились къ помощи авторитета. Когда-то имѣлъ для Максима большое значеніе авторитетъ римскаго престола. Новый римскій епископъ Евгеній, подъ страхомъ судьбы своего предшественника, принужденъ былъ допустить новую формулу соглашенія, которая нарочно была изобрѣтена для Максима. Но Максимъ отвѣчалъ, что хотя бы даже римскій епископъ отпалъ отъ истины, впрочемъ ни Павелъ, ни самъ ангелъ съ неба не можетъ проповѣдать новаго Евангелія. На первый разъ Максима присудили къ заключенію во Ѳракію. Но духъ Максима оставался точно также несокрушимымъ въ ссылкѣ, какъ онъ былъ на свободѣ. Ярость овладѣла тогда сердцами его враговъ: въ 662 году онъ снова былъ призванъ въ Константинополь, и послѣ публичнаго бичеванія, ему отрѣзанъ языкъ и отрублена правая рука. И на томъ еще не успокоилось безчеловѣчіе тирановъ: изувѣченный Максимъ былъ сосланъ въ отдаленную землю лазовъ доживать тамъ послѣдніе дни своей страдальческой жизни.

Таково было въ этотъ вѣкъ правосудіе въ имперіи, которой въ наслѣдство досталось все богатство римскаго права, и которая ранѣе, чѣмъ другія государства въ Европѣ, узнала законъ христіанской правды!

Если бы византійская политика отличалась дальновидностію или хотя предусмотрительностію, мы могли бы догадываться, что вся исторія двухъ послѣднихъ эдиктовъ нарочно была устроена такъ, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ сокрушить силу римскаго престола и уничтожить однимъ ударомъ его вліяніе, далеко распространившееся на западныя провинціи имперіи. Но послѣ Юстиніана имперія не смотрѣла далеко ни впередъ, ни назадъ: она жила лишь моментами даннаго существованія. Моноѳелитскіе эдикты и насилія, ихъ сопровождавшія, были лишь дѣломъ случайности и чистаго произвола правителей. Побѣда осталась на сторонѣ эдиктовъ, то-есть на сторонѣ той силы, которая требовала ихъ исполненія; страна, которая показала наиболѣе антипатіи къ моноѳелитизму и сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ его противниковъ, потерпѣла жестокій ударъ въ лицѣ того, кто представлялъ собою высшій ея авторитетъ и былъ во главѣ всего національнаго движенія. Но какую пользу принесла эта побѣда суще-

---

знаетъ императора между прочимъ и „священникомъ", по примѣру Мельхиседека, который былъ въ одно время и священникомъ и царемъ, но считаетъ его *принадлежащимъ* лишь къ сословію міранъ, лаиковъ! См. Neander, III, 386.

ственнымъ интересамъ имперіи? Чтó сдѣлала она для уравненія отношеній между имперіею и Италіею, между которыми въ послѣднее время отчужденіе почувствовалось такъ рѣзко и сильно? Во-первыхъ, своими насильственными мѣрами противъ свободы религіозныхъ мнѣній и своимъ явнымъ покровительствомъ монофелитизму политики константинопольскаго двора безъ всякой нужды вызвали римскихъ епископовъ на то, что они, опираясь на церковный авторитетъ своего престола, вынуждены были открыто вступить въ оппозицію даже высшимъ покровителямъ монофелитизма. Столкновеніе произошло въ сферѣ вопросовъ *религіозныхъ;* но слѣдователи и судьи сами старались дать ему характеръ *политическій.* И оно въ самомъ дѣлѣ скоро могло выродиться въ политическое противодѣйствіе провинціи, ищущей отторженія отъ своей метрополіи. Что касается до побѣды, то она дѣйствительно смирила на нѣкоторое время непреклонность римскаго престола даже въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Ближайшіе преемники Мартина (Евгеній и Виталіанъ), хотя не показывали особеннаго усердія къ монофелитскимъ эдиктамъ, впрочемъ старались избѣгать всякаго повода къ разногласію съ тѣми, которые имъ покровительствовали, и были очень исправны въ завѣреніи своихъ правъ на престолъ въ самомъ Константинополѣ [1]. Но едва въ половину приведенъ былъ къ покорности римскій престолъ, какъ тѣ элементы, на которыхъ утверждалась его національная сила, пришли въ сильное возбужденіе. Что Мартинъ своимъ противодѣйствіемъ „типу" защищалъ не личное только мнѣніе, но былъ органомъ церкви и народонаселенія, лучше всего показываетъ одно обстоятельство, которое случилось въ Римѣ при Евгеніи. Новый патріархъ константинопольскій Петръ, заступившій мѣсто Павла, счелъ за нужное, по обычаю, обмѣняться съ Евгеніемъ посланіями. Отправляя къ нему свою грамоту, онъ изложилъ въ ней и свое мнѣніе относительно спорнаго пункта. Вновь придуманная имъ формула имѣла своею цѣлію согласить монофелитское ученіе съ ученіемъ его противниковъ [2]. Прежде чѣмъ Евгеній обнаружилъ свое согласіе или несогласіе на предложенную ему формулу, въ городѣ распространилось извѣстіе о посланіи патріарха, и клиръ и народъ римскій пришли въ сильное волненіе. Принять или одобрить мнѣніе, такъ торжественно отвергнутое соборнымъ рѣшеніемъ, казалось народу

---

1) Anast. in vita Vitaliani: Hic direxit responsales suos cum synodica juxta consuetudinem in regiam urbem apud piissimos principes, significans de ordinatione sua.—Ср. Walch, IX, 312.—2) Walch, ibid.

величайшимъ церковнымъ соблазномъ. Евгеній колебался, поставленный между народнымъ требованіемъ и страхомъ не понравиться константинопольскому двору. Но первое превозмогло. Народъ до тѣхъ поръ держалъ епископа какъ бы въ осадѣ и даже не допускалъ его служить обѣдню, пока онъ не далъ торжественнаго обѣщанія отказать въ своемъ согласіи на предложеніе константинопольскаго патріарха [1]). Такимъ образомъ византійская политика вела лишь къ тому, что еще болѣе скрѣплялась та солидарность, которая уже существовала между римскимъ престоломъ и римскимъ народонаселеніемъ по отношенію къ имперіи. При первомъ же случаѣ, какъ только ослаблено было то стѣсненіе, въ которомъ римскій престолъ находился со времени Мартина, она уже начинала приносить свои плоды. Ближайшій же преемникъ Виталіана не боялся разорвать всѣ связи съ константинопольскими патріархами, какъ зараженными ересью монофелитизма [2]). Пока еще крѣпки были политическія узы, связывавшія Италію съ имперіею, ревностные защитники монофелитизма уже подготовляли церковное отдѣленіе провинціи!

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи тѣхъ отношеній Рима къ Константинополю, въ которыхъ вполнѣ раскрылась эта взаимная связь между римскимъ народонаселеніемъ и римскимъ престоломъ, мы должны еще упомянуть о послѣднемъ предпріятіи Констанція, которымъ онъ заключилъ свое весьма неблагословенное правленіе. Въ томъ самомъ году, когда вторичною ссылкою Максима рѣшено было торжество монофелитизма, предпринялъ онъ переселиться въ Италію и перенести свою резеденцію изъ новаго Рима въ старый. Считалъ ли онъ себя небезопаснымъ въ Константинополѣ отъ ожесточенія тѣхъ, которыхъ онъ не переставалъ преслѣдовать своимъ эдиктами, и отъ варваровъ, которые продолжали тѣснить имперію съ востока и сѣвера, думалъ ли онъ прочнѣе утвердить свой престолъ въ Римѣ, послѣ того какъ въ немъ была поражена церковная оппозиція, или онъ имѣлъ въ виду другія цѣли, —обо всемъ этомъ византійскіе историки не въ состояніи сообщить сколько-нибудь обстоятельное понятіе [3]). Впрочемъ во-

[1]) Anast. in vita Eugenii. — [2]) См. Neander, III, 389. — [3]) Өеофанъ, подъ 653 годомъ, упоминаетъ объ этомъ событіи лишь въ слѣдующихъ словахъ: τούτῳ τῷ ἔτει καταλιπὼν ὁ βασιλεὺς Κωνσταντινοπόλεως, μετέστη ἐν Συρακούσῃ τῆς Σικελίας, βουληθεὶς ἐν Ῥώμῃ τὴν βασιλείαν μεταστῆσαι. Никифоръ не упоминаетъ вовсе о предпріятіи Констанція. См. также Мура Ann. ad an. 663.

общее трудно добиться твердой и положительной мысли тамъ, гдѣ дѣло идетъ о дѣйствіяхъ Констанція. Мы только не можемъ отказать во вниманіи вновь обнаруживающемуся стремленію возстановить Римъ въ значеніи резиденціи высшей власти въ имперіи: тѣ, которые незадолго передъ тѣмъ предпринимали отложиться отъ Константинополя, вѣроятно имѣли въ виду то же самое. Константинопольскій сенатъ, какъ ни ревниво смотрѣлъ на возвышеніе Рима, не могъ впрочемъ удержать императора, и ограничился лишь тѣмъ, что, въ противность приказанію Констанція, присланному изъ Италіи, не соглашался выпустить его семейство изъ стѣнъ города. Если Констанцій дѣйствительно хотѣлъ перенести свою резиденцію въ Римъ, то естественно было ему позаботиться о томъ, чтобы хоть нѣсколько связать свои италіанскія земли, разорванныя владѣніями лангобардскими. Въ этомъ побужденіи можно искать причины того нападенія, которое сдѣлано было Констанціемъ, по переправленіи его въ Италію, на герцогство Беневентское, и о которомъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ. Констанцій разсчитывалъ лишь на отсутствіе Гримоальда, но нисколько не соразмѣрилъ силъ своихъ съ трудностію предпріятія, и скоро долженъ былъ отказаться отъ него, потерявъ напрасно людей и время. Нельзя думать, чтобы предпріятіе было направлено вообще противъ лангобардскаго владычества въ Италіи: для подобныхъ великихъ замысловъ не рожденъ былъ Констанцій; но хотя бы даже нападеніе на Беневентъ предпринято было и не безъ участія подобной мысли, то исполненіе ея было самое безразсудное. Какъ бы то ни было, изъ войны съ беневентскими лангобардами Констанцій вынесъ только лишнее раздраженіе. Кончивъ войну ненадежнымъ перемиріемъ, онъ спѣшилъ съ войскомъ въ Римъ, чтобы тамъ дать полную свободу своему произволу и въ безмолвной покорности жителей найти вознагражденіе за свои военныя неудачи [1]). Его и ждали въ Римѣ не какъ побѣдителя, но какъ человѣка располагающаго высокою властію и значительною военною силою, чье самолюбіе оскорбить очень опасно. Епископъ—это былъ второй преемникъ Мартина, по имени Виталіанъ—своею предупредительностію старался отвратить всякое непріятное впечатлѣніе, которое могло бы возбудить гнѣвъ императора. Еще за нѣсколько миль до Рима онъ встрѣтилъ его,

1) О пребываніи Констанція въ Римѣ говорятъ — Anast. in vita Vitaliani, и Paul. Diac. V, 11.

вмѣстѣ съ духовенствомъ, со всѣми знаками уваженія, и потомъ, когда Констанцій вступилъ въ городъ и началъ посѣщать церкви, къ нему вездѣ выходили навстрѣчу со свѣчами. Такой пріемъ польстилъ Констанцію, такъ что нѣкоторымъ церквамъ онъ сдѣлалъ свои приношенія. Но эти приношенія не были безвозмездныя. Даря церкви, Констанцій не постыдился обобрать городъ, то-есть взять у него украшенія, сдѣланныя изъ бронзы. Кромѣ матеріала, Римъ долженъ былъ потерять много памятниковъ искусства. Не пощадили даже купола церкви Маріи-Ротонды: какъ сдѣланный изъ мѣди, онъ тоже былъ снятъ по приказанію Констанція. Такимъ образомъ, послѣ двѣнадцатидневнаго пребыванія въ Римѣ, Констанцій оставилъ его — не безъ добычи. Таковъ былъ конецъ предпріятія, которое, казалось, назначено было послужить къ возвышенію Рима и могло даже обѣщать освобожденіе Италіи отъ лангобардовъ. Вопреки неяснымъ показаніямъ историковъ, можно бы подумать, что и все оно было вызвано лишь примѣромъ Исаакія; но ограбленная церковная казна уже не заключала въ себѣ прежнихъ богатствъ, и городу пришлось поплатиться за дары Констанція своимъ лучшимъ достояніемъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Констанцій много вывезъ съ собою изъ Рима; но какую память оставилъ онъ здѣсь по себѣ?

Впрочемъ Сицилія, куда онъ прибылъ потомъ и гдѣ внезапно нашелъ свою смерть, сохранила еще болѣе тяжелыя воспоминанія объ его посѣщеніи. Въ Римѣ по крайней мѣрѣ церкви удостоились приношеній отъ Констанція, но церкви въ Сициліи сами должны были отплачиваться своею казною и даже священными сосудами. Такъ несоразмѣрны и многосложны были налоги, предписанные имъ во время пребыванія въ Сиракузахъ, и взиманіе ихъ производилось съ такою неумолимою строгостью, что разлучали мужей отъ женъ, дѣтей отъ отцовъ, чтобы только вынудить уплату требуемой суммы. Одну участь съ Сициліею впрочемъ терпѣли еще Африка, Калабрія и Сардинія [1]).

[1]) Anast. in vita Vitaliani: Et habitavit in civitate Syracusana, et tale affictionem posuit in populo, seu habitatoribus, vel possessoribus provinciaru Calabriae, Siciliae, Africae, Sardiniae, per diagrapha, seu capita, atque nauticati nes per annos plurimos, quales a saeculo nunquam fuerant, ut etiam uxores maritis, vel filios a patre separarent, et alia multa inaudita perpessi sunt, ut al cui spes vitae non remaneret, sed et vasa sacrata, vel cymilia sanctarum D ecclesiarum tollentes nihil demiserunt. Cp. Paul. Diac. ibid. (Онъ выражаетс *почти тѣми же словами*).

Пребываніемъ Констанція въ Италіи воспользовались и старые совмѣстники римскаго престола, которые находились въ самой Италіи, чтобы возобновить свои прежнія требованія и утвердить ихъ ко вреду римскихъ епископовъ. Равеннскіе архіепископы, по самому значенію города, который былъ ихъ резиденціею, всегда имѣли особенныя притязанія на церковную самостоятельность. Своимъ авторитетомъ и своею энергіею Григорій заставилъ ихъ признать зависимость равеннскаго престола отъ римскаго; въ продолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ они, казалось, примирились съ мыслію объ этой зависимости, какъ униженіе римскаго престола въ лицѣ Мартина и появленіе Констанція въ Италіи снова пробудило ихъ надежды. Престолъ равеннскій былъ занятъ тогда архіепископомъ Мавромъ. До какой степени онъ сначала чуждъ былъ мысли объ отдѣленіи отъ Рима, показываетъ присутствіе его пословъ на латеранскомъ соборѣ: они участвовали въ его совѣщаніяхъ и подписали его рѣшенія [1]). Не было никакого сомнѣнія въ полномъ согласіи Мавра съ дѣйствіями Мартина. Инымъ языкомъ заговорилъ архіепископъ, когда Мартинъ былъ отправленъ въ заключеніе, и, послѣ Евгенія, робкій Виталіанъ принялъ на себя управленіе римскою церковію. На вызовъ Виталіана подтвердить подчиненіе равеннской церкви новому римскому епископу, Мавръ, сверхъ чаянія, отвѣчалъ совершеннымъ отказомъ въ повиновеніи. Завязалась горячая переписка, которая кончилась тѣмъ, что въ жару взаимнаго раздраженія оба епископа предали другъ друга церковному отлученію. Виталіанъ обратился съ жалобою къ Констанцію, но Мавръ не хотѣлъ уступить ему ни одного шага передъ собою: онъ также перенесъ свои жалобы къ императору, и, какъ кажется, умѣлъ очень искусно воспользоваться его пребываніемъ въ Италіи, чтобы разъяснить ему тѣ выгоды, которыя естественно вытекали для самой имперіи изъ освобожденія равеннскаго престола отъ римскаго супремата. Экзархъ также употребилъ все свое вліяніе, чтобы поддержать требованія архіепископа [2]). Благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ цѣль была достигнута.

---

[1]) См. Observationes ad vitam Mauri, Rer. Ital. Scripp. T. II, p. 146. Agnellus, біографъ равеннскихъ архіепископовъ, умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Онъ болѣе старается поставить на видъ новыя привилегіи равеннскаго престола, которыя вытекли изъ спора его съ римскимъ. Ср. также Murat. Ann. ad an. 666. — [2]) Участіе экзарха обличается словами грамоты — *suggestio gloriosi exarchi nostri*. См. Privilegiae Constantini ad Maurum, Rer. It. Scripp. II, 146.

Констанцій не былъ глухъ къ подобнымъ внушеніямъ, и грамотою, данною въ Сиракузахъ, не только призналъ прежнія привилегіи равеннской церкви, но и въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ подтвердилъ на вѣчныя времена ея самостоятельность (αὐτοκεφαλείαν) то-есть полную и совершенную независимость отъ римскаго престола, съ правомъ архіепископамъ — принимать утвержденіе въ своемъ званіи непосредственно отъ императора [1]).

Такія привилегіи были не столько полезны для самого равеннскаго престола, который, находясь по близости съ экзархомъ, никогда не могъ освободиться отъ его непосредственнаго надзора, сколько вредны для римскаго, который терялъ въ равеннской церкви одно изъ звеньевъ установленнаго имъ церковнаго единства въ Италіи. Поощряя и другія церкви къ подобному отдѣленію, имперія могла бы мало-по-малу подорвать опасный для нея римскій авторитетъ въ самомъ его основаніи. Ибо церковное единство служило лучшимъ проводникомъ для распространенія вліянія римскаго престола даже въ томъ національномъ значеніи, какое было придано ему особенно Григоріемъ. Но не простирались такъ далеко и не были столько постоянны виды константинопольской политики. Привилегіи, утвержденныя Констанціемъ за равеннскимъ престоломъ, немного пережили его самого. При первомъ же преемникѣ Мавра, Репаратѣ, опять было постановлено за правило, чтобы равеннскіе епископы принимали свое поставленіе отъ римскаго; только что пребываніе ихъ въ Римѣ во время поставленія было ограничено осмью днями [2]). Наконецъ при епископѣ Теодорѣ, который заступилъ мѣсто Репарата, произошло полное возстановленіе прежнихъ отношеній между равеннскою церковію и римскимъ престоломъ. Ея „автокефалія“ едва ли пережила и полное десятилѣтіе [3]).

Римъ опять становился силенъ возстановленіемъ іерархическаго единства въ Италіи: онъ избавлялся отъ самаго опаснаго совмѣстника, и съ новою ревностію могъ возвратиться

---

1) По мнѣнію Муратори, грамота должна относиться къ 666 году. См. замѣчаніе его на Privilegiae Constantini, ibid. — 2) Анастасій (in vita Doni) говоритъ положительно: Hujus temporibus ecclesia Ravennatum—denuo se pristinae sedi Apostolicae subjugavit. Повидимому прямо противъ него направлены слова біографа равеннскихъ архіепископовъ, in vita Reparati: non sub Romana se subjugavit. Но онъ самъ обличаетъ себя, упоминая объ ограниченіи пребыванія въ Римѣ осмью днями: Et hoc decrevit (imperator), ut in tempore consecrationis non plus quam octo dies Romae electus moram vertat. Ibid. — 3) Agnellus in vita *Theodori*, cap. IV. (Rer. Ital. Scripp. T. II, 153). Cp. Anast. in vita Agathonis.

къ своимъ прежнимъ стремленіямъ. Это было при сынѣ Констанція, Константинѣ Погонатѣ. Послѣ бурь и тревогъ разнаго рода, казалось, вообще наступило для римскаго престола и для Италіи лучшее время, время примиренія и спокойствія, когда она могла забыться отъ нанесенныхъ ей оскорбленій и въ тишинѣ мирныхъ занятій приготовлять источники своего будущаго благосостоянія. Даже моноѳелитскій споръ, главный источникъ стольких неудовольствій и насильственныхъ дѣйствій со временъ Мартина, вдругъ принялъ оборотъ самый благопріятный для римской церкви. Наслѣдственная черта жестокости довольно рѣзко проходила и въ характерѣ Константина, но на его долю досталось по крайней мѣрѣ то счастливое исключеніе, что онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ моноѳелитизма. Почти каждый годъ осаждаемый въ самой столицѣ арабами, онъ болѣе, чѣмъ отецъ его, чувствовалъ потребность внутренней силы и думалъ найти ее прежде всего во внутреннемъ единеніи. Возстановленіе церковнаго согласія стало потому одною изъ первыхъ его заботъ. Послы римскаго епископа Агатона, явившіеся по вызову самого Константина въ столицу имперіи для совѣщаній о спорномъ пунктѣ ученія, которымъ римская церковь раздѣлена была отъ константинопольской, нашли себѣ самый благосклонный пріемъ отъ императора [1]). И средство, избранное Константиномъ для соглашенія враждующихъ сторонъ, было внушено гораздо лучшими примѣрами, нежели какими руководились его предшественники: устраняя всѣ насильственныя мѣры, онъ предоставилъ самимъ представителямъ церкви на соборномъ совѣщаніи оцѣнить оба спорныя мнѣнія и произнести имъ свободный приговоръ. Соборъ, созванный имъ по сему случаю, открылся въ самомъ императорскомъ дворцѣ (680), отъ котораго и получилъ свое названіе. Послѣ продолжительныхъ преній мнѣніе, защищаемое послами римской церкви, къ которому примкнули и всѣ доселѣ утѣсненные приверженцы правовѣрнаго ученія на Востокѣ, одержало верхъ надъ моноѳелитизмомъ, и приговоромъ собора всѣ послѣдователи этого ученія преданы проклятію [2]). Это

---

1) Anast. in vita Agathonis. — Cp. Neander, III, 389. — Въ 677 году, при Адеодатѣ, между церковію римскою и константинопольскою послѣдовалъ временный разрывъ: осуждая константинопольскаго патріарха въ моноѳелитизмѣ, Адеодатъ прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. — 2) Между ними находилось и имя бывшаго римскаго епископа Гонорія. — Замѣчательно, что главный поборникъ моноѳелитизма, Макарій антіохійскій, расположилъ свои доказательства по логикѣ Аристотеля. См. Walch, IX, 649.

общее торжество церкви имѣло видъ особеннаго тріумфа для церкви римской, которой представители управляли ходомъ совѣщаній собора и такъ много содѣйствовали его рѣшеніямъ въ пользу правовѣрія. По особенной благосклонности къ нимъ одному изъ членовъ посольства дозволено было въ самомъ храмѣ св. Софіи отправить службу на латинскомъ языкѣ, и на томъ же языкѣ провозглашены были всѣ привѣтствія, сдѣланныя патріархомъ и народомъ въ честь императора [1]). Два посланія самого императора къ римскому епископу были вручены вслѣдъ за тѣмъ римскимъ легатамъ, и они съ честію отправились обратно въ Италію. Однажды перемѣнивъ гнѣвъ на милость, Константинъ былъ потомъ такъ же неумѣренъ въ изъявленіяхъ своей благосклонности къ римскому престолу, какъ предшественникъ его былъ щедръ на оскорбленія. Наконецъ, неблагоразумно забывая интересы своей собственной власти, онъ до того простеръ свою уступчивость, что дозволилъ (при Бенедиктѣ II) впредь поставлять вновь избранное лицо въ санъ епископа безъ всякаго замедленія, то-есть не дожидаясь императорскаго утвержденія [2]). Странная политика! То отвѣчать оскорбленіями на самыя справедливыя требованія, то безъ всякой нужды отступаться отъ своихъ собственныхъ привилегій въ пользу власти, которая и безъ того была опасна своими стремленіями!

Единственный счастливый моментъ въ исторіи несчастнаго раздѣленія, которое большую часть вѣка проходитъ между Италіею, состоящею подъ вліяніемъ Рима, и центральною властію, поддерживающею еретическое мнѣніе — этотъ моментъ по крайней мѣрѣ обѣщалъ многое исправить въ настоящемъ, если и не заключалъ въ себѣ твердаго ручательства въ полной гармоніи будущихъ отношеній. Къ сожалѣнію, онъ былъ только счастливымъ исключеніемъ въ ряду тѣхъ событій и направленій, изъ которыхъ слагается эта исторія; онъ могъ загладить многія тяжелыя воспоминанія, но не могъ совершенно стереть того насильственнаго характера дѣйствій, который лежалъ какъ бы въ самой натурѣ потомковъ Гер

---

[1]) Anast. ibid.—Впрочемъ, за рѣшеніемъ собора также слѣдовалъ импер торскій эдиктъ, которымъ, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, воспрещались въ свою очередь монофелитскія мнѣнія. Walch, IX, 349.—[2]) Anast. in vita Ben dicti II: Hic suscepit divales jussiones clementissimi Constantini magni principis per quas concessit, ut persona, qui electus fuerit ad sedem apostolicam, e vestig absque tarditate pontifex ordinaretur. Но Юстиніанъ II снова уничтожилъ эту пр *вилегію.*

Времена Констанція скоро опять воротились для имперіи. Сынъ основателя династіи преемникъ Константина, Юстиніанъ есть безъ сомнѣнія самое рельефное лицо въ цѣломъ родѣ; въ чемъ состоитъ его рельефность? Въ особенной энергіи насильственнаго дѣйствія, которую онъ умѣлъ сохранить въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ [1]. Все равно, какихъ бы религіозныхъ мнѣній онъ ни держался: тѣмъ, которые имѣли несчастіе расходиться съ нимъ въ понятіяхъ, предстояли тяжелыя искушенія. Онъ точно также былъ противникомъ монофелитизма, какъ и его отецъ, какъ и римскіе епископы, слѣдовавшіе за Агатономъ. Но, по несчастію, появились новыя причины къ разногласію, явились новые пункты, если не въ ученіи, то въ церковной практикѣ, которые были утверждены въ Константинополѣ, но не нашли себѣ пріема въ Римѣ, и недавно устроенный союзъ былъ разорванъ безъ всякаго снисхожденія, и римскій престолъ еще разъ обреченъ былъ на оскорбленія и насилія, какимъ подвергался онъ при Мартинѣ. Юстиніанъ не любилъ озираться на прошедшее, еще менѣе думалъ о будущемъ.

Это было вскорѣ послѣ 690 года [2]. По опредѣленію Юстиніана епископы снова собрались въ Константинополѣ, чтобы постановить нѣкоторыя правила, касающіяся церковнаго благоустройства, какъ бы въ дополненіе шестому собору, который ограничился лишь догматическою частію. Замѣчаютъ какъ довольно странное обстоятельство, что нѣтъ никакого слѣда, чтобы легаты римскаго престола участвовали въ этихъ дополнительныхъ совѣщаніяхъ, и полагаютъ, что тѣ, о которыхъ упоминаетъ Анастасій, были никто иные, какъ обыкновенные апокрисіаріи римскаго престола въ Константинополѣ [3]. Такое обстоятельство, если бы достовѣрность его была вполнѣ до-

---

1) Здѣсь довольно одной черты вмѣсто доказательства. Ѳеофанъ (Chron. ad an. 686) разсказываетъ: во время возвращенія Юстиніана въ Константинополь, когда онъ долженъ былъ съ немногими вѣрными людьми спасаться бѣгствомъ въ рыбачьей лодкѣ отъ злоумышленій хазарскаго хана, бѣглецовъ застигла въ морѣ страшная буря. Тогда одинъ изъ приближенныхъ Юстиніана, для предотвращенія опасности, совѣтовалъ ему дать обѣтъ — не мстить никому изъ своихъ прежнихъ враговъ, если ему посчастливится снова овладѣть престоломъ. На такой совѣтъ Юстиніанъ отвѣчалъ слѣдующими словами: ἐὰν φείσωμαί τινι ἐξ αὐτῶν, ὁ θεός ἐνταῦθά με καταποντίσῃ. (Пусть сейчасъ же потону я на днѣ моря, если кому-нибудь прощу возвратившись). — 2) Годъ событія не извѣстенъ съ точностію. Вальхъ полагаетъ его въ 691 или 692 году. См. Walch, IX, 447.— 3) Anast. in vita Sergii. Cp. Murat. Ann. ad an. 691; также Walch, IX, 448.

казана, давало бы поводъ заключать, что тогда уже была нѣкоторая холодность въ отношеніяхъ между Римомъ и Константинополемъ. Есть впрочемъ одно гораздо позднѣйшее свидѣтельство (Бальзамона), прямо упоминающее между присутствовавшими на соборѣ и римскихъ легатовъ, именно Василія митрополита гортинскаго и равеннскаго епископа. Какъ бы то ни было, собраніе разошлось, окончивъ свои засѣданія, и постановленныя имъ правила (каноны) были отправлены между прочимъ для подписанія и римскому епископу. Случилось такъ, что вновь установленные каноны какъ бы прямо были направлены противъ нѣкоторыхъ обычаевъ, особенно утвердившихся въ римской церкви и несогласныхъ съ духомъ церкви вселенской. Было ли простое желаніе удержать мѣстные церковные обычаи, или за этимъ желаніемъ скрывались другія менѣе извѣстныя намъ побужденія, только епископъ Сергій, бывшій тогда на римскомъ престолѣ, отказался скрѣпить своею подписью поданный ему протоколъ засѣданій собора [1]). Въ этомъ отказѣ заключался внѣшній поводъ къ разрыву между римскимъ престоломъ и константинопольскимъ правительствомъ, и съ этой стороны, безъ сомнѣнія, тяжелый упрекъ падаетъ на епископа за его упорство. Но одинъ внѣшній поводъ не объясняетъ всего. Чтобы понять раздраженіе, которое отказъ епископа возбудилъ въ Константинополѣ, необходимо взять еще въ соображеніе нѣкоторыя предшествующія обстоятельства. Они заключаются въ самомъ вступленіи Сергія на римскій престолъ. Когда умеръ предшественникъ его Кононъ, явились два искателя престола, пресвитеръ Теодоръ и архидіаконъ Пасхалій [2]). Каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію въ народѣ, но Пасхалій сверхъ того думалъ еще обезпечить свой выборъ помощію экзарха, котораго согласіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣй-

---

1) Что это былъ цѣлый протоколъ засѣданій собора, а не одни правила, видно изъ словъ Анастасія: sex tomi. Онъ говоритъ, что Сергій не хотѣл удостоить ихъ даже чтенія. Не ясно ли, что были нѣкоторыя особенныя причины предубѣжденія его противъ послѣдняго собора. Между принятыми внов канонами было воспрещеніе поста въ субботу и позволеніе поставленнымъ в духовный санъ (пресвитерскій и діаконскій) оставаться въ сожитіи съ женами и проч. См. Murat. Ann. ad an. 691; Gieseler, § 119.—Здѣсь въ первый раз выходятъ наружу тѣ произвольныя отступленія, которыми римская церковь м ло-по-малу начинаетъ отдѣляться отъ восточной; отсюда же и мы, для означе нія римской церкви съ ея особенностями, можемъ начать употребленіе слов „католицизмъ“, вм. прежняго „католичество“, которымъ означали мы совершен ное единство вѣрованій на Востокѣ и на Западѣ.—2) Anast. ibid. Ср. Mura Ann. ad an. 687.

ствіе зависящей отъ него внутренней римской администраціи, купилъ онъ напередъ обѣщаніемъ щедраго вознагражденія изъ казны римской церкви. Партія Теодора успѣла однако прежде занять внутренность Латеранскаго дворца, такъ что Пасхалій съ своими долженъ былъ расположиться извнѣ его. Каждая сторона хотѣла настоять на выборѣ своего кандидата и не уступала ни шага другой. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, благоразумнѣйшіе граждане, поддерживаемые римскою *милиціею*, согласились между собою, мимо обоихъ совмѣстниковъ, избрать и провозгласить третьяго. Этотъ выборъ палъ на Сергія. Уступая требованію большинства, двѣ первыя партіи должны были отступиться отъ своихъ кліентовъ. Не такъ легко впрочемъ было заставить самого Пасхалія отказаться отъ его притязаній. Для вида онъ согласился признать Сергія, а между тѣмъ втайнѣ не переставалъ дѣлать новые посулы экзарху и звать его какъ можно скорѣе въ Римъ, пока еще можно было поправить дѣло. Передъ искушеніями такого рода экзархи равеннскіе, мы знаемъ, не отличались особенною твердостію. Бывшій тогда экзархомъ Іоаннъ Платинъ (Ioannes Platyn—Platys?) не менѣе своихъ предшественниковъ былъ падокъ на даровыя деньги. Онъ въ самомъ дѣлѣ поспѣшилъ въ Римъ и прибылъ сюда такъ неожиданно, что римская милиція едва успѣла выйти изъ города, чтобы встрѣтить его, по обычаю, съ должною почестью. Однако самое присутствіе экзарха не могло измѣнить рѣшенія римлянъ. Видя, что ничего нельзя сдѣлать въ пользу Пасхалія, экзархъ пересталъ объ немъ заботиться и думалъ лишь о томъ, какъ бы взять свое. Средство дѣйствительно было въ его рукахъ: отъ него зависѣло представить дѣло въ томъ или другомъ видѣ императору. Ультиматумъ экзарха, объявленный римлянамъ, состоялъ въ томъ, что онъ не согласится иначе подтвердить ихъ выборъ, какъ взявъ обѣщанные ему сто фунтовъ золота. Напрасно возражалъ Сергій, что онъ и не обѣщалъ, и не въ состояніи заплатить необѣщаннаго; вынужденный наконецъ настоятельнымъ требованіемъ экзарха, Сергій думалъ по крайней мѣрѣ устыдить его, приказавъ въ его присутствіи взвѣсить лампады и вѣнцы, которые изстари висѣли передъ алтаремъ въ церкви Св. Петра. Біографъ, разсказывающій эти происшествія, впрочемъ не говоритъ, чтобъ эта мѣра произвела желанное дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ можно полагать, что экзархъ выѣхалъ не съ пустыми руками изъ Рима. Что касается до Пасхалія, то онъ черезъ нѣсколько времени ока-

зался виновнымъ въ нарушеніи христіанскихъ правилъ и былъ заключенъ въ монастырь.

Между вступленіемъ Сергія и новымъ трулланскимъ соборомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Мы ничего не знаемъ о тѣхъ отношеніяхъ, какія были потомъ между экзархомъ Іоанномъ и Сергіемъ. Но изъ того, чтó мы знаемъ о выборѣ, какъ предполагать, что Сергій сохранилъ доброе расположеніе къ экзарху, или что послѣдній хорошо рекомендовалъ его императору?

То, чтó произошло послѣ отказа Сергія подписать протоколъ дополнительныхъ совѣщаній собора, еще замѣчательнѣе. Юстиніанъ избралъ самый короткій путь, чтобы побѣдить упорство римскаго епископа [1]). Посланный имъ чиновникъ, прибывъ въ Римъ, захватилъ двухъ важнѣйшихъ совѣтниковъ Сергія и привезъ ихъ съ собою въ Константинополь. Такъ какъ этотъ опытъ удался безъ всякаго шума, то Юстиніанъ вслѣдъ затѣмъ отправилъ въ Римъ своего протоспаѳарія, по имени Захарія, съ повелѣніемъ захватить тѣмъ же порядкомъ самого Сергія. Захарій, какъ видно, считалъ данное ему порученіе очень легкимъ, нисколько не боялся его гласности и думалъ, что ему стоитъ только приказать, и епископъ самъ отдастся въ его руки. Но въ Римѣ готовилось ему самое непріятное разочарованіе. Не знаемъ, какъ принятъ былъ протоспаѳарій самими римлянами; прежде чѣмъ впрочемъ онъ успѣлъ сдѣлать что-нибудь, Равенна и весь Пентаполисъ ополчились, и вооруженная ихъ милиція подступила къ самымъ стѣнамъ города. Захарій съ ужасомъ узналъ объ ихъ приближеніи. Въ страхѣ за безопасность своей жизни, онъ бросился къ Сергію и требовалъ отъ него, чтобъ онъ немедленно велѣлъ запереть городскія ворота и поставить къ нимъ стражу. Но было уже поздно. Толпы вооруженныхъ людей проникли въ городъ и подошли къ Латеранскому дворцу, говоря, что они хотятъ видѣть епископа, о которомъ распространилась молва, что онъ схваченъ ночью и посаженъ на корабль. Двери дворца оставались заперты. Нетерпѣливая толпа съ шумомъ приступала ко входамъ и угрожала разбить двери, если не отворятъ ихъ въ скоромъ времени. Положеніе Захарія становилось съ минуты на минуту опаснѣе. Напрасно Сергій старался успокоить его, увѣряя въ своемъ заступленіи. Гордый протоспаѳарій совершенно потерялъ присутствіе духа; думая только

---

1) Anast. in vita Sergii.—См. также Paul Diac. lib. V, 11.

о томъ, какъ бы спасти себя отъ ненависти раздраженной толпы, онъ забился подъ постель епископа и лежалъ тамъ почти безъ чувствъ и дыханія [1]). Тогда Сергій приказалъ отворить двери дворца, самъ вышелъ къ народу и благодарилъ его за содѣйствіе апостольскому престолу. Его появленіе и рѣчь, исполненная кротости и миролюбія, подѣйствовали успокоительно. Народъ казался удовлетвореннымъ, но до тѣхъ поръ оставался на стражѣ около дворца, пока ненавистный протоспаѳарій съ бранью и позоромъ не былъ выпровожденъ не только изъ дому, но даже вонъ изъ города.

Это происшествіе, какъ ни безчестно кончилось оно для константинопольскаго повѣреннаго, пока не имѣло впрочемъ дальнѣйшихъ слѣдствій—не потому, чтобы у Юстиніана не достало мстительности, но потому что онъ самъ вскорѣ за тѣмъ подвергся еще болѣе тяжелому поруганію, которое также кончилось его изгнаніемъ изъ Константинополя.

Седьмое столѣтіе приходило къ концу, постепенно ослабѣвали удары варваровъ на имперію, фамилія Гераклія теряла престолъ, который не умѣла хранить съ достоинствомъ, и Восточная имперія, а вмѣстѣ съ ней и ея италіанская провинція, казалось, готовились вступить въ новый періодъ существованія. Здѣсь останавливаемся мы въ обозрѣніи исторіи отношеній между потомками Гераклія и римскимъ престоломъ. Послѣднее обстоятельство, нами разсказанное, всего лучше показываетъ, въ какой степени эти отношенія касались цѣлой Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ римскому престолу приливала тогда вся національная жизнь Италіи; къ нему привязаны были всѣ ея надежды, въ немъ была и ея главная точка опоры въ борьбѣ съ чужеземными властителями. Потому-то всякое сдѣланное римскому епископу притѣсненіе или насиліе быстро отзывалось въ цѣлой странѣ, заставляло ее крѣпко стоять за свои церковныя особенности и наконецъ произвело возстаніе почти половины экзархата въ первый разъ, какъ только имѣли наглость приступить къ исполненію насильственной мѣры безъ пособія вооруженной силы. Потому-то эти отношенія, по нашему мнѣнію, и должны стоять на первомъ планѣ въ исторіи римской Италіи въ продолженіе VII-го вѣка.

---

[1]) Слова Анастасія: Prae nimia timoris angustia et vitae desperatione Zacharias spatharius sub lectum pontificis ingressus sese abscondit, ita ut mente excideret et perderet sensum. Quem beatissimus papa confortavit, dicens, ut nullo modo timeret.

Между епископами, занимавшими римскій престолъ въ этомъ періодѣ, было много честныхъ, твердыхъ и непоколебимыхъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ готовы были, ради своихъ убѣжденій, на лишенія всякаго рода и на самыя страданія, но ни одного конечно, который бы умомъ, сердцемъ и дѣятельностію могъ достойно напомнить великаго Григорія. Какъ же воспользовалась имперія этимъ недостаткомъ великихъ личностей между тѣми, которые стояли во главѣ новой италіанской національности, чтобы исправить свои прежнія отношенія къ провинціи, возбудить къ себѣ ея довѣренность, привлечь ея расположеніе? Наше обозрѣніе служитъ тому отвѣтомъ. Если въ началѣ вѣка было только недовольство и холодность къ власти, которая какъ будто вовсе забыла объ Италіи въ минуты крайней ея опасности, то къ концу вѣка это чувство должно было переродиться въ совершенное отчужденіе отъ тѣхъ, которые вмѣсто покровительства напоминали о себѣ только насильственными дѣйствіями; если сначала была недовѣрчивость, то теперь, послѣ столькихъ оскорбленій, не могло не народиться даже опасное раздраженіе противъ оскорбителей народной чести и народнаго достоинства въ лицѣ первыхъ его представителей. Какъ далеко въ самой массѣ народа простирались и это отчужденіе его отъ константинопольскаго правительства, и это его раздраженіе, мы лучше увидимъ въ слѣдующей главѣ.

VII.

Городская община въ Италіи по паденіи Римской имперіи. Состояніе городовъ въ экзархатѣ и въ лангобардской Италіи. Новое движеніе, обнаруживающееся въ городахъ экзархата въ продолженіе VII-го вѣка. Римскія и равеннскія происшествія послѣ Сергія.

Прежде чѣмъ будемъ продолжать обозрѣніе общаго хода событій, мы должны объяснить одно новое явленіе въ исторіи Италіи, которое, встрѣчаясь въ первый разъ въ VII вѣкѣ, имѣло впослѣдствіи важное вліяніе на судьбу цѣлой страны. Въ самомъ дѣлѣ, чтó это за вооруженная милиція Равенны и Пентаполиса, которая такъ быстро и такъ неожиданно явилась на помощь Сергію, когда ему угрожала участь Мартина? Принимать ли ее за обыкновенное греческое войско, состоявшее подъ начальствомъ экзарха, или это была новая вооруженная сила, совершенно отличная отъ первой? Въ послѣднемъ случаѣ, откуда она возникла, чѣмъ держалась, и какое было ея значеніе? Вотъ вопросы, которые останавливаютъ наше обозрѣніе, и безъ которыхъ многое было бы не ясно въ послѣдующей исторіи Италіи.

Нѣтъ нужды останавливаться долго на первомъ предположеніи. Самое простое соображеніе можетъ показать, что вооруженная сила, которая пришла въ Римъ для освобожденія Сергія, не имѣла ничего общаго съ греческимъ войскомъ, получавшимъ приказанія отъ центральной власти или отъ ея равеннскаго намѣстника. Само собою разумѣется, что экзархъ не могъ дѣйствовать въ противность предписаніямъ, которыя даны были отъ той же власти протоспаѳарію, какъ чрезвычайному ея повѣренному. Предположенію, что экзархъ по какимъ-либо особымъ побужденіямъ принялъ на этотъ разъ сторону римскаго епископа, уже потому не можетъ быть здѣсь

мѣста, что имя экзарха вовсе не упоминается въ дошедшемъ до насъ повѣствованіи о предпріятіи равеннской милиціи: оно, очевидно, было исполнено мимо его воли и согласія. Еще менѣе можно допустить, чтобы греческое войско само собою, безъ своего непосредственнаго начальника, приняло подъ свою защиту интересы римскаго престола и въ его пользу сдѣлало возстаніе противъ представителя законной власти. Это было бы прямымъ противорѣчіемъ всему, что мы знаемъ объ отношеніяхъ грековъ къ римлянамъ со времени нашествія лангобардскаго; это было бы, однимъ словомъ, происшествіе невѣроятное, отъ котораго скорѣе можно было бы отречься какъ отъ невозможнаго, чѣмъ думать найти ему удовлетворительное объясненіе.

Намъ остается второе предположеніе и съ нимъ вся его неопредѣленность. Изъ Анастасія ясно видно только то, что вооруженная сила, двинувшаяся на освобожденіе Сергія, вышла изъ городовъ Равенны—тѣхъ, которые входили въ составъ Пентаполиса, и нѣкоторыхъ другихъ, съ ними сопредѣльныхъ. Отвергнувъ всякое участіе въ подобномъ движеніи со стороны собственно греческаго войска, мы необходимо должны допустить, что города экзархата имѣли въ это время свою особую милицію. Что впрочемъ эта милиція не составилась нарочно лишь для того предпріятія, въ которомъ мы находимъ ее дѣйствующею, но существовала гораздо прежде и притомъ не только въ Равеннѣ и Пентаполисѣ, но и въ самомъ Римѣ, это даетъ замѣчать тотъ же самый Анастасій. Еще разсказывая о выборѣ Сергія, онъ упоминаетъ о „римской милиціи“, exercitus Romanae militiae. Подобныя же указанія находимъ въ жизни Конона. Восходя еще выше, у него же находимъ очень опредѣленое упоминаніе о „войскѣ города Рима“, exercitus Romanae civitatis [1]). Послѣ такихъ указаній фактъ существованія особой городской милиціи въ экзархатѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Откуда же взялась эта городская милиція, какими потребностями она была вызвана, и какое было ея отношеніе къ общему движенію, происходившему тогда въ Италіи?

Такимъ образомъ вопросъ нашъ значительно расширяется. Не опредѣлить только одинъ частный случай, мы должны объяснить себѣ происхожденіе цѣлаго учрежденія, и какъ милиція, о которой идетъ рѣчь, оказывается учрежденіемъ го-

1) *Anast. in vita* Benedicti II (p. 81).

родскимъ, то задача наша естественно возвращаетъ насъ къ исторіи городской общины въ новой Италіи. Мы припомнимъ себѣ по крайней мѣрѣ главныя ея черты.

По идеѣ Савиньи, исторія городской общины въ новой, особенно бывшей лангобардской Италіи сводится большею частію къ исторіи старой римской куріи, въ томъ предположеніи, что она не переставала существовать, именно въ Ломбардіи, до извѣстнаго движенія ломбардскихъ городовъ въ XII вѣкѣ: гипотеза, съ перваго взгляда бросающаяся въ глаза своею кажущеюся простотою и естественностію и, повидимому, представляющая легчайшій путь къ разрѣшенію одной изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Въ послѣднее время однако она встрѣтила себѣ сильное противорѣчіе даже отъ нѣкоторыхъ послѣдователей самого автора, и весьма основательно. На чемъ въ самомъ дѣлѣ основана гипотеза Савиньи? Прежде всего — на вѣроятныхъ соображеніяхъ, чтобы даже не сказать — на однихъ вѣроятныхъ соображеніяхъ [1]). Утвердившись на нихъ, авторъ старался потомъ прибрать къ своей мысли во всѣхъ вѣкахъ и доказательства историческія. Послѣднія, къ сожалѣнію, оказались гораздо слабѣе самыхъ соображеній, но авторъ уже слишкомъ убѣдился въ *вѣроятности* своего предположенія, чтобы повѣрить потомъ недостаточности историческихъ доказательствъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ цѣлую систему.

Споръ, естественно, можетъ быть веденъ прежде всего относительно вѣроятныхъ основаній предположенія. Такъ и поступаетъ авторъ «Происхожденія свободы ломбардскихъ городовъ». Всего страннѣе, что на самомъ первомъ планѣ Савиньи ставитъ „аналогію событій при основаніи другихъ германскихъ государствъ на римской почвѣ". Но эта аналогія идетъ вовсе не такъ далеко, чтобы сходство простиралось на всѣ явленія. Чтó, напримѣръ, общаго между тѣми началами, по которымъ дѣйствовалъ устроитель остъ-готскаго государства, и тѣмъ духомъ, который управлялъ лангобардами, когда они утвердились въ Италіи? Второе вѣроятное основаніе состоитъ

---

[1]) См. прекрасный анализъ его доказательствъ въ сочиненіи Бетмана-Гольвега: Ursprung der lombard. Städtefreiheit, cap. 71. Естественно, что мы не можемъ взять на себя полнаго изложенія всѣхъ доводовъ Савиньи и всѣхъ доказательствъ, приводимыхъ его противниками: довольствуемся лишь самыми видными, отсылая читателя за подробностями къ сочиненіямъ Бетмана-Гольвега и Гегеля, равно какъ и ихъ предшественника, Тюрка, въ его Das langob. Volksrecht.

въ сходствѣ самыхъ городскихъ учрежденій XII вѣка съ старыми муниципальными римскими учрежденіями. Но кромѣ того, что это сходство ограничивалось лишь общими чертами, какую силу можетъ имѣть подобное основаніе, какъ скоро оно тутъ же, на мѣстѣ, не подкрѣплено настоящими историческими указаніями, которыя бы положительно засвидѣтельствовали дѣйствительное существованіе куріи во всѣ вѣка даннаго пространства времени? Безъ доказательствъ же не равно ли сильно другое предположеніе, то-есть, что учрежденія XII вѣка были взяты изъ непрерывно продолжавшейся традиціи? Какъ на послѣднее вѣроятное основаніе указываетъ авторъ на непрерывное продолженіе римскаго права въ Италіи. Но, во-первыхъ, не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для новыхъ предположеній такая мысль, которая требуетъ болѣе твердыхъ доказательствъ, нежели тѣ, какія приведены авторомъ [1]). Во-вторыхъ, непрерывное существованіе римскаго права, если бы оно было положительно доказано, не доказывало ли бы также возможности непрерывной римской традиціи и относительно самыхъ учрежденій? Если римское вообще не умирало въ народѣ, то почему бы умерла въ немъ память о томъ, чтó нѣкогда было ему особенно дорого?

На подобныхъ зыбкихъ основаніяхъ едва ли можно воздвигать многое,—или на нихъ можно строить такъ же мало, какъ и на основаніи совершенно противоположныхъ вѣроятностей, если только онѣ тотчасъ же не подкрѣплены дѣйствительными историческими свидѣтельствами. Итакъ *вѣроятныя* основанія Савиньи имѣютъ силу только по мѣрѣ значительности *историческихъ* свидѣтельствъ, приводимыхъ имъ. Но, какъ мы уже замѣтили, эти свидѣтельства еще менѣе удовлетворительны. Каково бы ни было ихъ численное количество, во всякомъ случаѣ сила ихъ уже значительно ослабляется тѣмъ, что прямого доказательства въ пользу мысли Савиньи—нѣтъ ни одного. Авторъ долженъ былъ ограничиться собираніемъ лишь косвенныхъ указаній, какъ бы предполагающихъ существованіе куріи. Но даже и при такой умѣренности требованія жатва вовсе не оказалась обильною. Скудно отвѣчала исторія автору на требованіе доказательствъ въ пользу такой истины, которой она можетъ-быть не знаетъ, но къ которой уже крѣпко прилѣпилась его мысль на основаніи нѣкоторыхъ вѣроятностей. Едва каждое столѣтіе изъ тѣхъ, черезъ кото-

1) См. Bethmann-Hollweg, p. 12—14.

рыя онъ долженъ былъ проводить свою мысль, можетъ похвалиться, что есть для него хотя одно такое косвенное указаніе. Скудость поразительная, особенно при извѣстной тщательности изслѣдователя, такъ хорошо знакомаго съ историческими памятниками данной эпохи. Нельзя представить себѣ, чтобы учрежденіе, которому приписывается столько жизненности, что оно могло непрерывно существовать въ продолженіе многихъ вѣковъ, оставило однако такъ мало видимыхъ слѣдовъ своего существованія. Когда потомъ, взявши каждый отдѣльный фактъ, выдаваемый намъ за историческое свидѣтельство, ищемъ, какъ глубоко идетъ въ землю его корень, почти всегда открывается, что онъ не простирается далѣе поверхности. Однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу существованія куріи казались бы надписанія епископскихъ посланій къ городамъ, такъ часто встрѣчающіяся особенно у Григорія. Надписывая свои посланія „clero, ordini et plebi", Григорій хотѣлъ, казалось, прямо означить три городскія сословія, и въ такомъ случаѣ ordo означало бы сословіе куріаловъ. Но слова давно утратили свое первоначальное значеніе, сохранилась только неподвижная формула, въ которой они употреблялись прежде, и новѣйшіе изслѣдователи положительно утверждаютъ, что если искать въ ней указанія старой куріи, то скорѣе можно находить ее подъ словомъ plebs, чѣмъ ordo, которымъ уже въ V вѣкѣ стали означать болѣе почетное сословіе honorati [1]). Есть еще между приводимыми доказательствами такія, у которыхъ вовсе нѣтъ дѣйствительной почвы, и которыя едва держатся на искусственномъ основаніи. Въ одной грамотѣ 721 года упоминается excerptor civitatis Placentinae; а какъ excerptor было обыкновенное титло письмоводителя куріи, то отсюда авторъ заключаетъ и о существованіи самаго учрежденія. Но—замѣчаетъ критикъ—археологъ, которому мы обязаны изданіемъ въ свѣтъ этой грамоты, самъ признается, что самыхъ рѣшительныхъ словъ въ ней почти

---

[1]) Мы не входимъ въ подробности изслѣдованія объ этомъ вопросѣ. Читатели найдутъ ихъ въ превосходномъ изложеніи Гегеля, I, 190—193. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ свой анализъ: Wenn also jener Ausdruck „Ordo et plebs" nicht bloss die herkömmliche Umschreibung für die kirchliche Plebs ist, so kann Ordo nur den städtischen Adel bezeichnen: das war aber damals nicht mehr die Curia, der versunkene Rest des altes Stadtsenats, sondern der Stand der Honorati und Possessores.—Ср. Bethmann-Hollweg, p. 15—18; Türk, Forschungen, III, p. 197.—Подобную же силу имѣетъ доказательство, основанное на канонѣ одного собора изъ XI вѣка, въ которомъ также упоминается курія. См. ibid. p. 21—26.

нельзя было разобрать. Итакъ надобно было возстановить ихъ искусственнымъ образомъ, при помощи напередъ придуманнаго предположенія [1]). Пробираясь по такимъ невѣрнымъ указаніямъ, мысль автора теряетъ въ силѣ по мѣрѣ того, какъ подвигается далѣе, ибо съ каждымъ шагомъ впередъ оставляетъ позади себя и новое сомнѣніе.

Самое прочное изъ историческихъ основаній, приводимыхъ Савиньи для подтвержденія своей мысли, есть, по его собственному признанію, ломбардская переработка вестъ-готскаго lex Romana изъ X столѣтія, извѣстная подъ спеціальнымъ названіемъ lex Romana Uticensis [2]). Въ томъ соглашается съ Савиньи и одинъ изъ критиковъ, котораго мы особенно имѣемъ въ виду, хотя по его мнѣнію дѣйствіе закона ограничивалось лишь одною провинціею съ преимущественно римскимъ народонаселеніемъ (Истріею) [3]). Другой, послѣ анализа болѣе основательнаго и подробнаго, не только переноситъ дѣйствіе закона на другую, болѣе отдаленную провинцію (Рецію), но и далеко не находитъ въ немъ тѣхъ признаковъ, которые хочетъ видѣть Савиньи—въ подтвержденіе своей мысли о продолженіи куріи. Напротивъ, нѣкоторые изъ этихъ признаковъ гораздо легче и естественнѣе объясняются изъ учрежденій франкскихъ и лангобардскихъ, чѣмъ изъ стараго порядка римскаго [4]). Такъ мало прочности даже въ самомъ видномъ доказательствѣ, которое приводится для поддержанія теоріи, прежде его придуманной.

Гораздо яснѣе признаки существованія куріи въ тѣхъ частяхъ Италіи, которыя остались за предѣлами лангобардскаго завоеванія. На пространствѣ нѣкотораго времени они даже совершенно неоспоримы. Живой слѣдъ существованія куріи въ продолженіе всего остъ-готскаго періода мы имѣемъ въ равеннскихъ муниципальныхъ протоколахъ, собранныхъ Марини [5]). Новеллы Юстиніана, опредѣляющія права и обязанности дефенсоровъ и другихъ чиновниковъ куріи, не оставляютъ со-

[1]) Bethmann-Hollweg, p. 20. — Ср. также Hegel, I, 488. — [2]) Такъ называется по мѣсту своего нахожденія въ Удине. О немъ см. Savigny, Gesch. d. R. R. I, § 123—131. Ср. также объ его происхожденіи Hegel, II, 119. — [3]) Bethm. Hollweg, p. 49. — [4]) См. Hegel. II, особая статья о L. R. Uticensis, p. 104 et seqq. Въ особенности это относится къ boni-homines, упоминаемымъ въ законѣ, въ которыхъ Савиньи непремѣнно хочетъ видѣть прежнихъ декуріоновъ. Но не есть ли чистый произволъ видѣть въ boni-homines декуріоновъ, когда у франковъ это было обычное выраженіе для означенія того, что въ германскомъ правѣ называется Schöffen?—Ср. Ibid. p. 113.—[5]) См. Hegel. I, 145.

ѣнія о продолженіи этого учрежденія и подъ греческимъ адычествомъ [1]. То же самое можно сказать о времени Грирія Великаго. Слѣды куріи сохранились не въ надписаніяхъ семъ Григорія, какъ думалъ Савиньи, но въ самыхъ письхъ [2]. Затѣмъ всѣ признаки становятся по крайней мѣрѣ видимы [3].

Мы впрочемъ думаемъ, что нѣтъ особенной нужды ни орно отвергать существованіе куріи, ни усердно отыскивать нѣйшіе признаки ея продолженія вплоть до освобожденія аліанскихъ городовъ въ XII вѣкѣ. Курія продолжала сущезовать, или нѣтъ,—отъ того очень мало зависѣлъ успѣхъ наінальнаго дѣла Италіи. Задача была совсѣмъ не въ томъ, обы ожили прежнія формы, но чтобы духъ народа, пораемый въ продолженіе стольких вѣковъ бѣдствіями всякаго да, нашествіями варваровъ, голодомъ, язвою, опустошеніями, ятый горькимъ сознаніемъ своего безсилія въ борьбѣ, коая была для него неравною, могъ возстать снова и, позствовавъ въ себѣ новыя, свѣжія силы, опять вышелъ бы большую дорогу историческаго существованія. Тогда все вно—возвратился ли бы онъ къ прежнимъ формамъ и оживъ ихъ своимъ дыханіемъ, или пробилъ бы себѣ новые пути создалъ новыя формы жизни. И въ томъ и другомъ случаѣ ультатъ для національнаго дѣла былъ бы равно выгодный. отъ куріи можно было ждать въ Италіи подобнаго прокденія національнаго духа. Курія неоспоримо продолжала которое время существованіе въ римской части Италіи, тамъ началось впервые и національное движеніе, но это были направленія одно другому крайне противоположныя. Уже деніе имперіи застало курію въ состояніи нѣкотораго рода менѣлости, въ которой замерло всякое свободное движеніе: , что чувствовало въ себѣ потребность къ употребленію нѣлько свободному своихъ жизненныхъ силъ и средствъ, силось вонъ изъ нея, убѣгало въ самыя низкія состоя-, чтобы только избавиться отъ отяготительной чести придлежать куріи. Состояніе, когда-то почетное, внушало къ ѣ ужасъ и отвращеніе. Тѣ, которые принуждены были лючиться въ немъ, съ завистію смотрѣли на простыхъ жданъ, оставшихся за непреходимою извнутри куріальною тою. Чѣмъ болѣе потомъ длилось существованіе куріи, тѣмъ становилось жалче, тѣмъ больше изсякали изъ нея и по-

[1] Ibid. 134, 137.—[2] Ibid. 183-185.—[3] Ibid. p. 237.

слѣдніе жизненные соки. „Кто захочетъ узнать куріи нашего государства"—говоритъ съ горькимъ чувствомъ законодатель имперіи въ VI вѣкѣ— „тотъ найдетъ въ нихъ лишь малое число членовъ и почти безъ всякаго имущества" [1]). Чтобы спасти куріи отъ совершеннаго распаденія, Юстиніанъ принужденъ былъ еще болѣе ограничить куріаловъ въ личныхъ и владѣльческихъ отношеніяхъ и прибавить еще новый разрядъ преступленій къ числу тѣхъ, которыя влекли за собою зачисленіе въ куріи какъ наказаніе [2]). Если же съ другой стороны хотѣлъ онъ возвысить авторитетъ дефенсора, то этого также требовала необходимость, ибо дѣло дошло до того, что, по признанію одной новеллы, „во многихъ мѣстахъ должность дефенсора служила больше къ стыду, чѣмъ къ почету" [3]). Но никакія мѣры не въ состояніи уже были поддержать куріи, послѣ того какъ въ ней убита была всякая жизнь, и она не переставала падать послѣ Юстиніана, до тѣхъ поръ пока не стерлись и послѣдніе слѣды ея. Это ли учрежденіе могло возбудительно дѣйствовать на упавшій духъ народа? Оно ли, отталкивавшее отъ себя всякаго порядочнаго гражданина, который былъ неравнодушенъ къ своему благосостоянію, и терявшееся въ своемъ собственномъ ничтожествѣ, могло привлечь къ себѣ общественную мысль и возродить въ ней сильныя надежды? Когда само общество по вѣрному инстинкту рвалось прочь отъ куріи, на которой какъ будто легла печать отверженія, то значитъ еще дальше отъ этихъ формъ уходила мысль его, обращенная къ будущему, и искала себѣ выходовъ совершенно въ иную сторону.

Первымъ условіемъ для возрожденія городской общины было накопленіе новыхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Подъ первыми разумѣемъ численное количество жителей городовъ и средства, которыми они могли располагать. По счастію, курія не была тождественна со всею городскою общиною; все, что было силою въ матеріальномъ или нравственномъ от-

---

[1]) Nov. 38 (an. 546): Si quis denumerat nostrae respublicae curias, attenuatas inveniet virorum, neque alias quidem, neque rerum copias habentes, aut paucorum forsan hominum, rerum autem nihil penitus.—Или: Quando autem per partes quidem coeperunt se eximere albo curiae et occasiones invenire, per quas liberi his efficerentur, sic paulatim diminutae sunt curiae, innumeris excogitatis occassionibus, per quae potuissent specialia quidem bene habere, communia autem etpublica diminui. Ibid.—[2]) См. Hegel, I, 133.—[3]) Nov. 15 (a. 535):.. ita contemptum, ut in injuria quidem potius, quam in qualibet jaceat honestate.—Ср. Hegel, *1, p. 134.*

ношеніи и однако оставалось внѣ куріи, не истреблялось, не пропадало даромъ, но слагалось подлѣ нея, какъ элементъ для будущихъ зарожденій. Уже въ V вѣкѣ honorati и possessores не сливаются въ одно съ куріей, но стоятъ подлѣ нея, какъ особое сословіе, и вмѣстѣ съ куріалами составляютъ почетнѣйшее общество города [1]). Принявъ характеръ наслѣдственной касты, курія естественно не могла вмѣщать въ себѣ ни выслужившихся чиновниковъ, отличаемыхъ по службѣ (honorati), которыхъ число должно было умножаться съ каждымъ поколѣніемъ, ни тѣхъ свободныхъ владѣльцевъ (possessores), которые вновь пріобрѣтали свои имѣнія и потому также оставались за предѣлами куріи. Это были новыя силы, которыя копились и росли въ тишинѣ, между тѣмъ какъ курія истощалась подъ бременемъ наложенныхъ на нее тяжестей. Мы видѣли, какъ остъ-готское владычество въ первой своей половинѣ способствовало поправленію матеріальнаго благосостоянія Италіи, видѣли даже первые признаки вновь оживающаго національнаго духа въ послѣдніе годы Теодериха. Послѣдовавшая потомъ большая готская война и особенно лангобардское нашествіе остановили на время начинавшееся развитіе. Послѣднее испытаніе было вмѣстѣ и самое тяжелое, но оно не убило вовсе броженія, потому что само не пошло далѣе извѣстныхъ предѣловъ, и потому что возрождающаяся Италія успѣла найти для себя прочный центръ въ Римѣ. Тѣмъ не менѣе однако лангобардское завоеваніе положило начало новой эпохѣ въ исторіи городской общины въ Италіи—тѣмъ самымъ, что совершенно отдѣлило участь однихъ городовъ отъ участи другихъ, такъ что послѣ того одинъ порядокъ начинается въ Ломбардіи, и другой, вовсе не похожій на первый, въ остальной Италіи.

Изъ всѣхъ завоеваній, которымъ подвергалась Италія, лангобардское было самое насильственное и самое безпощадное. Новые завоеватели не приносили не только уваженія, но даже снисхожденія къ правамъ туземцевъ и считали ихъ, вмѣстѣ съ землею, своею добычею. Мы видѣли уже изъ многихъ примѣровъ, чѣмъ почти всегда ознаменовано было появленіе ихъ въ той или другой области Италіи. Города подвергались опустошеніямъ, стѣны ихъ были разрушаемы, и жи-

[1]) См. Hegel, I, 96—97. Отдѣленіе honorati и possessores отъ собственной куріи есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ Гегеля. Къ сожалѣнію, авторъ останавливается лишь на общихъ признакахъ *этого сословія*, не входя въ подробности.

тели безпощадно отводимы въ плѣнъ. Не скоро укротилась лангобардская ярость даже и послѣ того, какъ установились предѣлы завоеванія. Жители завоеванной земли, много потерпѣвшіе при нашествіи, должны были еще терпѣть подъ управленіемъ побѣдителей. Обезпечивъ себя во владѣніи страною, лангобарды предпринимали въ ней новые раздѣлы римскихъ земель, причемъ прежніе собственники лишались не только своихъ имѣній, но и самой жизни. Такъ погибли въ покоренной лангобардами странѣ можетъ-быть лучшіе граждане стараго римскаго происхожденія. Тѣхъ, которые остались, ждала самая незавидная участь: хорошо, если нѣкоторые изъ нихъ спасли часть своего достоянія и личную свободу, но большая часть должна была поступить въ полусвободное состояніе альдіевъ, иные даже низойти до рабства. Обнародованный позже лангобардскій законъ какъ будто вовсе не хотѣлъ знать римскаго имени и вѣдалъ только различныя сословія по *лангобардскому* праву. Римлянинъ лишь настолько признаваемъ былъ членомъ государства, насколько онъ вошелъ въ эти новыя отношенія.

Мы должны были припомнить себѣ эти общія черты лангобардскаго завоеванія, чтобы лучше понять участь городовъ, которымъ выпалъ жребій поступить подъ лангобардское начало. Какъ самые видные пункты, города всего менѣе могли избѣжать тѣхъ несчастій, которыя тяготѣли надъ цѣлою страною. Цѣлымъ рядомъ насильственныхъ потрясеній разрушено было ихъ столь юное благосостояніе. Тѣ, которые избѣжали ужасовъ перваго нашествія, еще не были спасены,—и оттого, что завоеваніе приходило къ нимъ нѣсколькими десятками лѣтъ позже, участь ихъ была нисколько не легче. Точно такъ же падали ихъ стѣны, и жители считали за особенную милость, если имъ позволяли, оставивъ разрушенные дома, удалиться въ изгнаніе. Падуя взята была только при Агилульфѣ, современникѣ Григорія. Несчастная участь, постигшая городъ послѣ взятія его лангобардами, изображена историкомъ въ нѣсколькихъ словахъ: „наконецъ онъ былъ сожженъ пожирающимъ пламенемъ и, по приказанію Агилульфа разрушенъ до основанія; впрочемъ защитникамъ его позволено удалиться въ Равенну“ [1]). Подобную же участь имѣла и Кре—

---

1) Paul. Diac. IV, 24. Историкъ говоритъ собственно о „воинахъ“: mil[illegible]tes tamen, qui in ea fuerant, Ravennam remeare permissi sunt. Впрочемъ ед[illegible] ли не должно разумѣть подъ ними и самыхъ гражданъ города, принимавши[illegible] *участіе* въ оборонѣ. Или, въ противномъ случаѣ, мы должны, по разруше[illegible] *города, представлять* себѣ участь ихъ еще болѣе тяжелою.

ı, которую Агилульфъ взялъ и разрушилъ, мстя за плѣненіе й дочери греками, и вѣроятно также Мантуя, хотя исто- › и не говоритъ прямо о судьбѣ ея [1]). Когда потомъ, еще въ нѣсколько десятилѣтій, король Ротари, раздвигая пре- ı государства на западъ, занялъ всю Лигурію, на мѣстѣ еванныхъ имъ городовъ остались только незначительныя ıія [2]). Тѣмъ, которые видѣли разрушеніе отеческихъ до- › и были послѣ того или отводимы въ плѣнъ, или разсе- ы по новымъ мѣстамъ, до того ли было, чтобы думать о еніи куріи?

Разрушеніе впрочемъ не простиралось до того, чтобы сте- самый слѣдъ городовъ. Развалины снова привлекали къ людей, на полуразрушенныхъ основаніяхъ высились новыя ія, и опальное селеніе опять выростало до значенія города. ı лангобарды не могли противиться силѣ этого притяженія. ›рода, наиболѣе сохраненные, съ самаго начала сдѣлались ıновеннымъ мѣстопребываніемъ герцоговъ, которые отсюда вляли цѣлою областію. Въ другихъ, менѣе значительныхъ, и гастальды, управители королевскихъ имѣній, завѣдывая ке цѣлымъ округомъ. Найдя готовое территоріальное раз- ıніе съ городами какъ центрами, лангобарды сохранили въ томъ же самомъ видѣ и воспользовались имъ для ствъ своей собственной администраціи [3]). Съ того времени да, оставшіеся подъ лангобардскимъ началомъ, снова на- ıютъ подниматься, но уже не какъ римскія городскія ıны, а какъ резиденціи герцоговъ (Павія особенно, какъ денція короля) и какъ центры ихъ областного управле- На мѣстѣ прежней муниципальной куріи, въ нихъ по- ıются такъ называемые curtes regiae, королевскіе дворы, ›рые въ прочихъ городахъ занимали то же самое мѣсто, ›е въ Павіи королевскій дворецъ, то-есть были главнымъ ıтомъ для всѣхъ судебныхъ отправленій, куда обращались ıалобами, гдѣ искали защиты и справедливости [4]). Публич- зданія, городскія имѣнія, даже церковныя земли, все отнынѣ переходило въ завѣдываніе „королевскаго двора", рый такимъ образомъ получалъ значеніе главнаго прави- ственнаго мѣста въ цѣлой области. Сдѣлавшись резиден- › власти, центральнымъ мѣстомъ лангобардскаго управленія,

---

1) Id. IV, 29.—2) См. выше стр. 194.—Онъ же разрушилъ Одерцо (Opiter- . Paul. Diac. IV, 47.—3) О тождествѣ понятій civitas и ducatus см. Hegel 5.—4) О значеніи *Curtis regia* см. его же, 1, 482 и seqq.

тели безпощадно отводимы въ плѣнъ. Не скоро укротилась лангобардская ярость даже и послѣ того, какъ установились предѣлы завоеванія. Жители завоеванной земли, много потерпѣвшіе при нашествіи, должны были еще терпѣть подъ управленіемъ побѣдителей. Обезпечивъ себя во владѣніи страною, лангобарды предпринимали въ ней новые раздѣлы римскихъ земель, причемъ прежніе собственники лишались не только своихъ имѣній, но и самой жизни. Такъ погибли въ покоренной лангобардами странѣ можетъ-быть лучшіе граждане стараго римскаго происхожденія. Тѣхъ, которые остались, ждала самая незавидная участь: хорошо, если нѣкоторые изъ нихъ спасли часть своего достоянія и личную свободу, но большая часть должна была поступить въ полусвободное состояніе альдіевъ, иные даже низойти до рабства. Обнародованный позже лангобардскій законъ какъ будто вовсе не хотѣлъ знать римскаго имени и вѣдалъ только различныя сословія по *лангобардскому* праву. Римлянинъ лишь настолько признаваемъ былъ членомъ государства, насколько онъ вошелъ въ эти новыя отношенія.

Мы должны были припомнить себѣ эти общія черты лангобардскаго завоеванія, чтобы лучше понять участь городовъ, которымъ выпалъ жребій поступить подъ лангобардское начало. Какъ самые видные пункты, города всего менѣе могли избѣжать тѣхъ несчастій, которыя тяготѣли надъ цѣлою страною. Цѣлымъ рядомъ насильственныхъ потрясеній разрушено было ихъ столь юное благосостояніе. Тѣ, которые избѣжали ужасовъ перваго нашествія, еще не были спасены,—и оттого, что завоеваніе приходило къ нимъ нѣсколькими десятками лѣтъ позже, участь ихъ была нисколько не легче. Точно такъ же падали ихъ стѣны, и жители считали за особенную милость, если имъ позволяли, оставивъ разрушенные дома, удалиться въ изгнаніе. Падуя взята была только при Агилульфѣ, современникѣ Григорія. Несчастная участь, постигшая городъ послѣ взятія его лангобардами, изображена историкомъ въ нѣсколькихъ словахъ: „наконецъ онъ былъ сожженъ пожирающимъ пламенемъ и, по приказанію Агилульфа, разрушенъ до основанія; впрочемъ защитникамъ его позволено удалиться въ Равенну“ [1]). Подобную же участь имѣла и Кре-

---

1) Paul. Diac. IV, 24. Историкъ говоритъ собственно о „воинахъ“: milites tamen, qui in ea fuerant, Ravennam remeare permissi sunt. Впрочемъ едва ли не должно разумѣть подъ ними и самыхъ гражданъ города, принимавшихъ *участіе* въ оборонѣ. Или, въ противномъ случаѣ, мы должны, по разрушеніи *города, представлять* себѣ участь ихъ еще болѣе тяжелою.

za, которую Агилульфъ взялъ и разрушилъ, мстя за плѣненіе ей дочери греками, и вѣроятно также Мантуя, хотя исто- къ и не говоритъ прямо о судьбѣ ея [1]). Когда потомъ, еще езъ нѣсколько десятилѣтій, король Ротари, раздвигая пре- ы государства на западъ, занялъ всю Лигурію, на мѣстѣ оеванныхъ имъ городовъ остались только незначительныя енія [2]). Тѣмъ, которые видѣли разрушеніе отеческихъ до- ъ и были послѣ того или отводимы въ плѣнъ, или разсе- мы по новымъ мѣстамъ, до того ли было, чтобы думать о сеніи куріи?

Разрушеніе впрочемъ не простиралось до того, чтобы сте- ь самый слѣдъ городовъ. Развалины снова привлекали къ ѣ людей, на полуразрушенныхъ основаніяхъ высились новыя нія, и опальное селеніе опять выростало до значенія города. ми лангобарды не могли противиться силѣ этого притяженія. 'орода, наиболѣе сохраненные, съ самаго начала сдѣлались кновеннымъ мѣстопребываніемъ герцоговъ, которые отсюда авляли цѣлою областію. Въ другихъ, менѣе значительныхъ, ли гастальды, управители королевскихъ имѣній, завѣдывая же цѣлымъ округомъ. Найдя готовое территоріальное раз- еніе съ городами какъ центрами, лангобарды сохранили въ томъ же самомъ видѣ и воспользовались имъ для бствъ своей собственной администраціи [3]). Съ того времени юда, оставшіеся подъ лангобардскимъ началомъ, снова на- наютъ подниматься, но уже не какъ римскія городскія цины, а какъ резиденціи герцоговъ (Павія особенно, какъ иденція короля) и какъ центры ихъ областного управле- і. На мѣстѣ прежней муниципальной куріи, въ нихъ по- яются такъ называемые curtes regiae, королевскіе дворы, горые въ прочихъ городахъ занимали то же самое мѣсто, кое въ Павіи королевскій дворецъ, то-есть были главнымъ ктомъ для всѣхъ судебныхъ отправленій, куда обращались жалобами, гдѣ искали защиты и справедливости [4]). Публич- я зданія, городскія имѣнія, даже церковныя земли, все отнынѣ переходило въ завѣдываніе „королевскаго двора", 'орый такимъ образомъ получалъ значеніе главнаго прави- тьственнаго мѣста въ цѣлой области. Сдѣлавшись резиден- ю власти, центральнымъ мѣстомъ лангобардскаго управленія,

---

1) Id. IV, 29.—2) См. выше стр. 194.—Онъ же разрушилъ Одерцо (Opiter- n). Paul. Diac. IV, 47.—3) О тождествѣ понятій civitas и ducatus см. Hegel, 175.—4) О *значеніи Curtis* regia см. его же, 1, 482 и seqq.

городъ естественно привлекалъ къ себѣ и тѣхъ изъ лангобардовъ, которые, хотя не имѣли доли въ управленіи, впрочемъ не были равнодушны къ выгодамъ общественной жизни. Право римской собственности перестало быть дѣйствительнымъ, и лангобардъ всегда могъ занять домъ римлянина, который оставался только домоуправляющимъ [1]. Какъ мы знаемъ изъ весьма опредѣленныхъ показаній лангобардскаго историка, города въ самомъ дѣлѣ начали наполняться „благородными" лангобардами [2], а за ними безъ сомнѣнія слѣдовали и тѣ, которые не могли похвалиться особеннымъ благородствомъ рода. Такъ около центровъ лангобардскаго управленія собиралось мало-по-малу и лангобардское общество.

Предполагать, что курія, и безъ того готовая къ распаденію, сохранила свое жалкое существованіе даже и послѣ такого насильственнаго переворота, какъ лангобардское завоеваніе, можно бы было лишь на основаніи опредѣленныхъ историческихъ указаній. Но исторія не знаетъ вовсе куріи въ государствѣ лангобардовъ, и свидѣтельства, вынужденныя у нея напередъ принятымъ предположеніемъ, слишкомъ отзываются произволомъ толкователей [3]. Все, что мы можемъ предположить здѣсь безъ насилія историческимъ свидѣтельствамъ, это—существованіе римскаго общества подлѣ новаго, лангобардскаго. Естественно впрочемъ, что положеніе этого общества среди побѣдителей было самое незавидное. Составленное изъ однихъ побѣжденныхъ, лишившихся лучшихъ своихъ правъ и своей самостоятельности, вынужденное потерпѣть всю тяжесть чужого закона, который долго не могъ побѣдить какъ бы врожденнаго ему презрѣнія ко всему, что не происходило отъ лангобардской крови, общество римское оставалось почти безъ всякихъ гарантій и должно было смиренно довольствоваться тѣмъ мѣстомъ, какое назначила ему въ государственномъ организмѣ національная лангобардская гордость. Гражданскія отношенія въ новомъ государствѣ устроивались по понятіямъ лангобардскимъ, а въ этихъ понятіяхъ то самое мѣсто, какое

---

[1]) См. Hegel, I, 485.—[2]) Главное мѣсто у Павла Діакона, V, 36, также 38.—См. также Bethmann—Hollweg, 61, п 3. — [3]) Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые органы прежняго учрежденія, нѣкоторые его чиновники вошли, какъ подчиненныя части, въ составъ управленія „королевскаго двора", который даже могъ имѣть нужду въ нихъ для управленія подданными римскаго происхожденія. Такъ еще въ грамотахъ VIII вѣка (у Brunetti) встрѣчаются кураторы, и пр. Но все это очень далеко отъ того, чтобы курія сохранила свою прежнюю *самостоятельность*. См. Hegel, I, 486—489.

въ старомъ римскомъ государствѣ принадлежало „гражданину“, cives, занималъ уже miles, exercitalis, arimann, то-есть человѣкъ благороднаго происхожденія и способный носить оружіе. Римлянамъ, какъ безоружнымъ и притомъ еще какъ покореннымъ посредствомъ оружія, не оставалось другого мѣста въ государствѣ лангобардовъ, какъ между полусвободными, альдіями, и несвободными, рабами [1]. Даже тѣ, которые сохранили личную свободу, не могли избѣжать лангобардскаго патроната; домъ, которымъ римлянинъ владѣлъ въ городѣ или внѣ города, былъ casa tributaria, котораго онъ не могъ заложить безъ согласія своего патрона, какъ неполную собственность [2]. Состоя подъ исключительнымъ лангобардскимъ началомъ, римлянинъ долженъ былъ понести всѣ его слѣдствія и въ управленіи. Въ городахъ лангобардскихъ римляне не имѣли тѣхъ сильныхъ и твердыхъ защитниковъ, какими были для жителей городовъ римской Италіи ихъ епископы: сначала потому, что католическіе епископы сами были безсильны подъ правительствомъ аріанскихъ королей; впослѣдствіи, когда аріанизмъ былъ побѣжденъ, потому, что епископы сами большею частію принадлежали лангобардской націи, и какъ выборъ ихъ, такъ и вся дѣятельность, находились подъ непосредственнымъ надзоромъ самихъ королей или ихъ чиновниковъ [3]. Даже апелляціи къ римскому престолу не могли имѣть мѣста безъ особеннаго королевскаго разрѣшенія. Безъ представителей и покровителей, хотя подъ непрерывнымъ патронатомъ, общество римское въ государствѣ лангобардовъ осуждено было на дѣятельность чисто пассивную. Поэтому нисколько не удивляешься, читая лангобардскаго историка и въ продолженіе всего его разсказа встрѣчая почти только лангобардскія имена. Дѣятелями лангобардской исторіи въ самомъ дѣлѣ были исключительно сами лангобарды, и изрѣдка попадающіяся римскія имена или принадлежатъ лицамъ духовнаго сословія, или указываютъ на такія наклонности въ римлянахъ, которыя могли быть возбуждены въ нихъ только совершеннымъ отчужденіемъ отъ высшихъ общественныхъ интересовъ [4].

---

[1]) Объ этихъ планахъ см. Hegel, I, 395—397. О значеніи слова arimann тамъ же, p. 429. — [2]) Таковъ, кажется, смыслъ начальныхъ словъ 257-й статьи эдикта Ротари, сообразно съ объясненіемъ Гегеля, I, 401, n 2. — [3]) Id. I, 374. — Случай съ Іоанномъ, епископомъ бергамскимъ, также показываетъ, какъ немного вѣсилъ епископскій авторитетъ въ глазахъ лангобардскихъ королей. См. Paul. Diac. VI, 8. — [4]) Paul. Diac. VI, 40: Circa haec tempora Petronax, civis Brexianae urbis, divino amore compunctus, Romam venit, hortatuque Gre-

Впрочемъ, какъ ни невыгодно было поставлено римское общество въ отношеніи гражданскомъ, рѣзкое отдѣленіе его отъ лангобардскаго не могло продолжаться долго. Самое подчиненіе, въ которомъ держалъ римлянъ лангобардскій законъ, ставило ихъ въ ближайшее соприкосновеніе съ лангобардами. Человѣкъ съ умомъ и честолюбіемъ не могъ иначе удовлетворить своей потребности дѣйствовать, какъ — или вступая въ духовное сословіе, или усвоивъ себѣ лангобардскія понятія и стараясь пробиться въ тѣ классы, съ которыми нераздѣльно соединенъ былъ политическій характеръ. Это послѣднее стремленіе, если только оно не оставалось совершенно безплодно, должно было вести прямо въ лангобардское общество. Одно только еще могло бы поддержать и даже нѣкоторымъ образомъ изострить взаимную исключительность между побѣжденными и побѣдителями, это—религіозное несогласіе; но, когда восторжествовалъ католицизмъ, сгладилась и самая рѣзкая черта раздѣленія между римлянами и лангобардами. Что же касается до лангобардскаго закона, то къ чести его должно замѣтить, что при всемъ своемъ предубѣжденіи противъ римскаго имени, онъ впрочемъ еще ранѣе отказался отъ совершенной исключительности. Не дѣлая ничего для римлянина какъ такого, онъ по крайней мѣрѣ не мѣшалъ ему разными законными средствами выбираться изъ прежняго состоянія и искать себѣ фортуны въ иномъ, болѣе близкомъ къ состоянію побѣдителей. Для этого, какъ видно изъ эдикта Ротари [1], были приняты закономъ три рода „отпущенія", которыми римлянинъ могъ постепенно освобождаться отъ патроната и слѣдовательно занимать мѣсто между свободными гражданами. Особенно полезно было это установленіе для городскихъ жителей, негоціантовъ, нотаріевъ, ремесленниковъ и другихъ, которые такимъ путемъ могли достигать высшихъ гражданскихъ правъ и мало-по-малу уравниваться съ людьми лангобардскаго происхожденія [2]. Но, сверхъ того, былъ одинъ еще

---

gorii Ap. S. papae, Cassinum castrum petiit, atque ad sacrum corpus beati patris Benedicti perveniens, ibi cum aliquibus simplicibus viris, jam ante resedentibus, habitare coepit, qui eundem venerabilem virum Petronacem sibi seniorem statuerunt.—[1]) Edict. Roth. §§ 224—227. Ср. Hegel, I, 397, также p. 416.—[2]) Между ремесленниками особенно знаменитъ строительный цехъ Magistri Comacini, о которомъ не разъ упоминается въ эдиктѣ Ротари, §§ 144—145. Негоціанты, какъ видно изъ одного постановленія Айстульфа, впослѣдствіи были раздѣлены на 3 класса, и первый изъ нихъ по вооруженію совершенно равнялся съ высшимъ классомъ лангобардовъ: такъ въ одномъ классѣ соединялись уже понятія *cives* и *miles*. См. Hegel, I, 431.

болѣе живой нервъ, который связывалъ оба общества и облегчалъ переходъ изъ одного въ другое. Строго различая между несвободными и альдіями, законъ лангобардскій предоставилъ послѣднимъ полную свободу относительно браковъ. Если свободная женщина, то-есть женщина лангобардской крови, вступая въ бракъ съ альдіемъ, должна была раздѣлять съ нимъ его обязательства въ отношеніи къ патронату; то свободный мужчина, женясь на женщинѣ полусвободнаго состоянія, тѣмъ самымъ, безъ всякаго иного обрядоваго дѣйствія, возводилъ ее на одну степень съ собою, то-есть вводилъ ее въ состояніе свободной женщины [1]. Такимъ образомъ для лангобарда въ бракѣ съ римлянкою—ибо, по всей вѣроятности, сословіе альдіевъ состояло большею частію изъ людей римскаго происхожденія — не было ничего безчестнаго, для римлянки же въ подобномъ замужествѣ были всѣ выгоды. А что лангобарды, несмотря на всѣ свои аристократическія притязанія, были неравнодушны къ красотѣ римской женщины, это показываетъ Павелъ Діаконъ на примѣрѣ короля Куниберта [2]. Изъ него же знаемъ мы по примѣру Ромильды, какъ мало смотрѣли лангобардскія женщины при своихъ выборахъ на различіе крови [3]. Дорогъ былъ лишь первый случай, за нимъ не могло уже быть недостатка въ подражателяхъ. Въ городахъ, гдѣ для римлянъ было всегда болѣе источниковъ для пріобрѣтенія благосостоянія и выхода „въ люди", относительное положеніе римлянъ и лангобардовъ мѣнялось скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Когда одни пріобрѣтали трудолюбіемъ и экономіею, другіе теряли отъ расточительности и недѣятельности; источники же лангобардовъ не были неоскудѣвающіе. Чѣмъ болѣе уравнивались средства римлянъ и лангобардовъ, тѣмъ больше спадала спесь послѣднихъ, тѣмъ возможнѣе было сближеніе ихъ съ побѣжденными посредствомъ брачныхъ союзовъ. По мѣрѣ того, какъ поколѣнія, нарождавшіяся изъ такихъ браковъ, вытѣсняли старыя, должна была вымирать и прежняя вражда, раздѣлявшая два народонаселенія, и уступать свое мѣсто совершенному равнодушію къ родовымъ отличіямъ.

Мы еще не такъ далеко простерлись въ исторіи лангобардской или ломбардской Италіи, чтобы излагать самые результаты

---

[1]) Hegel, I, 399.—[2]) Paul. Diac. V. 37: Quae (regina) cum in balneo Theodotem puellam ex nobilissimo Romanorum genere ortam, eleganti corpore, et flavis prolixisque capillis pene usque ad pedes decoratam vidisset, ejus pulchritudinem suo viro Cuniberto regi laudavit. Qui ab uxore, hoc libenter audire dissimulans, in magnum tamen puellae exarsit amorem, etc.—[3]) Idem. IV, 38.

того взаимодѣйствія, которое, особенно въ городахъ, выходило изъ близкаго соприкосновенія двухъ столько разнородныхъ обществъ: это лежитъ уже за предѣлами нашего обозрѣнія. Но мы не считаемъ излишнимъ обозначить, хотя въ общихъ чертахъ, тотъ путь, которымъ шло развитіе въ Ломбардіи, и указать ту цѣль, къ которой оно направлялось. Два общества, нѣсколько не похожія одно на другое, но поставленныя рядомъ, стремятся, каждое впрочемъ своимъ образомъ, къ тому, чтобы сгладить раздѣляющую ихъ черту и слиться въ одно. Это главная черта, которая проходитъ черезъ все развитіе, хотя и мало сознается современниками. Но какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе? Гдѣ для него центръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ — скажемъ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насильственнаго покоренія римскаго общества *своему* закону; римлянинъ, ищущій для себя полноты гражданскихъ правъ, старается пробиться болѣе ловкостію, нежели силою, также внутрь *лангобардскаго* общества. Итакъ послѣднее остается идеаломъ для той и другой стороны; къ его осуществленію направлены общія усилія. Но вступая въ права свободнаго гражданина, или, что́ то же, занимая мѣсто въ лангобардскомъ обществѣ, римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои нравы, свои понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ его варваровъ: онъ скорѣе самъ служитъ образцомъ для подражанія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы, принимая римлянъ въ свое общество (или, что́ то же, дѣлая ихъ свободными), лангобарды не перенимали и ихъ образованныхъ понятій, какъ они усвоивали себѣ ихъ языкъ, обычаи, одежду [1]). Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* общества: *оно* привлекало, притягивало къ себѣ римлянъ; но, входя въ общество лангобардовъ, римлянинъ вносилъ въ него съ собою свои народные элементы, которые вытѣсняли, или закрывали собою соотвѣтствующіе имъ элементы лангобардскіе. Удерживая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу духа, прежнюю энергію, лангобардское общество въ то же время переработывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи и принимало болѣе или менѣе римскія формы. Новое общество, которое выходило отсюда, не было ни лангобардское, ни рим-

---

[1]) Перемѣна лангобардскихъ нравовъ началась уже съ принятія христіанства. Необразованный языкъ лангобардскій также рано долженъ былъ уступить преимущество римскому, какъ это видно изъ латинской редакціи законовъ. О томъ, что они даже и въ костюмѣ стали подражать римлянамъ, см. Paul Diac. IV, 23.

но въ немъ былъ элементъ *матеріальный*—лангобардскій, ементъ *формальный*—римскій, или, говоря другими словами, ѣдимая лангобардская энергія соединялась въ немъ съ развитымъ римскимъ смысломъ. При такомъ счастли- соединеніи матеріальныхъ и формальныхъ силъ нельзя опасаться за будущую судьбу общества. Пойдетъ ли его ь путемъ свободнаго мирнаго развитія, или встрѣтитъ івъ себя всю непримиримость враждебныхъ началъ, ему а можно было обѣщать, что оно заслужитъ себѣ почетное въ исторіи. Оправданіемъ этой мысли — вся исторія рдскихъ городовъ въ эпоху Гогенштауфеновъ.

Оставляя результаты процесса, совершавшагося въ горо- и частію въ цѣломъ народонаселеніи лангобардской Ита- какъ еще отдаленное будущее для того періода, въ кото- мы находимся, перенесемъ наше вниманіе на тѣ измѣ- , которыя въ то же самое время происходили въ состояніи ской общины въ остальной половинѣ полуострова. И здѣсь, мы уже замѣтили, дѣло состоитъ не въ томъ, сохранила урія нѣкоторые остатки своего жалкаго существованія, а акопленіи новыхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ внѣ аго круга, занимаемаго куріею. Хотя лангобардское на- віе отозвалось и на нѣкоторыхъ городахъ римской Италіи, ко далеко не въ той степени, чтобы совершенно разру- ихъ благосостояніе, которое вновь начало возникать ѣ переворота, кончившаго существованіе Западной импе- Самая трудность положенія вызывала гражданъ на от- ныя попытки, на чрезвычайныя усилія, чтобы не довести анный запасъ до истощенія, а при возможности—чтобы нить его и новыми средствами пріобрѣтенія. Жители при- кихъ краевъ были первые въ предпріимчивости. Бѣглецы енетскихъ береговъ не боялись ввѣрить своего существо- зыбкой почвѣ лагунъ, гдѣ они искали себѣ убѣжища меча Аттилы и послѣдующихъ варваровъ. Пока еще они отбивались отъ волнъ и устроивали свою свободную ну, жители Пизы уже искали себѣ на судахъ выхода въ [1]). Стоило только обезпечить этотъ выходъ, и дорога къ стантинополю была открыта. Тотъ же самый путь, хотя олько позже, долженъ былъ открыться и для Амальфи. тренніе города имѣли свои довольно обильные источники существованія. Если, какъ должно предполагать, былъ

---

[1]) Объ этомъ упоминаетъ Григорій въ письмахъ. См. Hegel, I.

постоянный приливъ денежныхъ средствъ къ Равеннѣ, какъ мѣстопребыванію провинціальнаго правительства, то и Римъ также служилъ центромъ большихъ финансовыхъ оборотовъ, каждый годъ принимая въ себя обычную дань богатыхъ патримоній римской церкви и вслѣдъ за тѣмъ пуская ее въ дальнѣйшее обращеніе. Ибо казна римской церкви—этому мы видѣли множество примѣровъ—не была закрыта для нуждъ Италіи: въ минуты тяжелыхъ нашествій варварскихъ она употреблялась на выкупъ плѣнныхъ, во времена болѣе покойныя избытки ея шли на большія церковныя постройки, извѣстіями о которыхъ полна біографическая лѣтопись Анастасія. Рѣдкая изъ его біографій не оканчивается исчисленіемъ построекъ и новыхъ украшеній къ церквамъ, предпринятыхъ папою, о дѣлахъ котораго она разсказываетъ [1]). Эти предпріятія требовали искусныхъ исполнителей и много рабочихъ рукъ, поддерживали ремесла и пускали въ обращеніе новые капиталы. Вредъ отъ притѣсненій, которыя терпѣли жители, какъ показываетъ Григорій, отъ недобросовѣстности мѣстныхъ правителей, ни въ какомъ случаѣ не могъ простираться такъ далеко, чтобы разрушительно подѣйствовать на капиталы уже основанные. Послѣ Григорія страхъ лангобардскаго нашествія, за самыми малыми исключеніями, въ продолженіе цѣлаго вѣка не приходилъ возмущать мирныя занятія городскихъ жителей въ римской Италіи, и благосостояніе ихъ, кромѣ разныхъ мѣстныхъ злоупотребленій, не подвергалось болѣе никакимъ сильнымъ испытаніямъ.

Положеніе куріи вовсе не благопріятствовало успѣхамъ гражданскаго благосостоянія, и потому оно продолжало накопляться за предѣлами ея тѣснаго круга. Чѣмъ больше возрасталъ классъ новыхъ почетныхъ и зажиточныхъ гражданъ (honorati и possessores) внѣ старой куріи, тѣмъ ниже падалъ въ ихъ глазахъ ея обветшавшій авторитетъ, тѣмъ болѣе стѣснялся кругъ ея дѣйствія. Высвобождаясь изъ-подъ вліянія куріи, новые граждане болѣе и болѣе пріучались знать одну прямую и ближайшую къ нимъ власть, которой они непосредственно были подчинены, вмѣстѣ съ куріалами, въ своихъ главныхъ гражданскихъ отправленіяхъ. Это были ближайшіе мѣстные правители, носившіе разныя названія, но ко-

---

1) См. напримѣръ у Анастасія—vitae Sixti III, Leonis I, Hilarii, Simmachi, Pelagii II, Honorii и пр. Замѣчательно, что послѣ разграбленія римской казны Исаакіемъ, извѣстія о новыхъ постройкахъ на нѣсколько времени совершенно прекращаются.

торые всѣ были въ зависимости отъ намѣстника, имъ большею частію поставлялись и соединяли въ своихъ рукахъ съ военною и гражданскою властію и право полицейскаго надзора. Этимъ соединеніемъ въ однѣхъ рукахъ самыхъ разнородныхъ отправленій власти, характеръ ея до того упростился въ понятіи римлянъ, что они мало различали правителей по титламъ, которыя они носили, и соединяли ихъ всѣхъ подъ общимъ названіемъ judices [1]). Понятіе нѣкоторымъ образомъ утратило свою индивидуальность и расширилось до понятія власти вообще, какого бы она ни была происхожденія. Римлянинъ могъ не любить власти, происходившей не изъ національныхъ началъ, но живое представленіе было слишкомъ близко къ его мысли, чтобы власть вообще, власть свѣтскую онъ могъ представить себѣ иначе, какъ въ видѣ дуковъ, трибуновъ и наконецъ консуловъ, подъ управленіемъ которыхъ онъ находился всю свою жизнь. Власть, вновь возраставшая въ Римѣ, оставалась для него символомъ національной независимости и потому центральнымъ пунктомъ, къ которому были устремлены его обѣты и желанія, и однако въ ближайшей къ нему дѣйствительности онъ зналъ только одну форму правительственнаго авторитета, ту именно, которую видѣлъ на своихъ правителяхъ, ибо курія, другое учрежденіе, которое у него было въ глазахъ, могло скорѣе внушить ему понятіе о безсиліи, чѣмъ о какомъ бы то ни было авторитетѣ.

Какъ ни крѣпка казалась эта власть, она имѣла впрочемъ за собою одинъ важный недостатокъ: не имѣя подъ собою никакихъ національныхъ основаній, она держалась только военною силою. Отъ того-то и зависѣло извѣстное уже намъ явленіе, что правительственная власть въ римской Италіи, какого бы она ни была происхожденія, скоро приняла преимущественно военный характеръ. На первый разъ едва ли и возможно было другое основаніе; но какъ скоро оно уже было введено, его постоянствомъ и крѣпостію условливалась и проч-

1) Объ этомъ значеніи слова judex см. Hegel, I, 224. Judex provinciae, или просто judex, могъ означать и префекта, и дука, и трибуна. Поэтому наконецъ потерялось строгое различеніе между спеціальными титлами. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ и въ Неаполѣ judices, поставляемые экзархомъ, носятъ названіе то duces, то magistri militum. Въ Неаполѣ, впослѣдствіи и въ другихъ мѣстахъ, они еще называются третьимъ почетнымъ именемъ, столько знакомымъ римскому слуху—*consules*. (Свидѣтельства ibid. p. 226—230. Ср. Murat. Ann. ad an. 741). Но объ этомъ послѣднемъ титлѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить послѣ.

ность самой власти, на немъ утверждавшейся. Опасность была, опасность дѣйствительная: она была со стороны развитія народнаго духа, со стороны того національнаго движенія, котораго ходъ въ главныхъ чертахъ мы слѣдили уже въ продолженіе двухъ вѣковъ. То, отъ чего такъ сильно потерпѣлъ авторитетъ центральной власти по отношенію къ цѣлой провинціи, могло ли совершенно обойти власть мѣстныхъ правителей которые имѣли свое мѣстопребываніе въ городахъ, то-есть тѣхъ самыхъ центрахъ, откуда главнымъ образомъ выходило національное движеніе Италіи? Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, какъ далеко пойдетъ это движеніе, и въ какомъ отношеніи будетъ къ нему та сила, которою могли располагать мѣстные правители.

Отъ имперіи зависѣло дать своей власти въ Италіи болѣе національный характеръ. Прекрасный случай къ тому представлялся въ войнѣ за независимость страны противъ новыхъ варваровъ, въ борьбѣ съ лангобардами. Не считаемъ за нужное повторять, какъ дурно воспользовалась имперія этимъ случаемъ, чтобы хотя спасти себя отъ упрека въ равнодушіи къ дѣлу Италіи. Ошибка была двойная: мечъ лангобардовъ прошелъ черезъ самое сердце Италіи, Римъ еще болѣе отдалился отъ Равенны, и изъ нуждъ беззащитной страны, изъ требованій народнаго духа вышла новая національная власть, которая нашла себѣ въ Григоріи и достойнаго представителя. Была въ этомъ усиліи народнаго духа еще одна сторона, которая едва замѣтна въ самой современности Григорія, но отъ которой глубокій слѣдъ идетъ во все будущее развитіе. Мы видѣли, къ какимъ чрезвычайнымъ усиліямъ долженъ былъ прибѣгать Григорій, чтобы остановить успѣхи лангобардскаго нашествія. То дѣйствовалъ онъ своимъ словомъ и своимъ авторитетомъ на военныхъ начальниковъ, призывая ихъ на скорѣйшую помощь угрожаемымъ городамъ; то, теряя всякую надежду на содѣйствіе военной греческой силы, обращался къ самимъ жителямъ городовъ и, предупреждая о близкой опасности, нѣкоторымъ образомъ вызывалъ ихъ самихъ на то, чтобы принять нужныя мѣры для обороны. Голосъ Григорія, подкрѣпляемый общею нуждою, кажется, не остался голосомъ взывающимъ въ пустынѣ. Въ письмахъ его есть уже слѣды особеннаго военнаго класса, milites, между другими городскими сословіями [1]). По недостатку данныхъ для повѣрки,

[1]) Ср. Hegel, I, 196.

не можемъ утверждать за вѣрное, что „воины“, о которыхъ упоминается въ письмахъ Григорія между другими сословіями, точно составляли особое городское ополченіе, а не принадлежали къ греческому войску, расположенному внутри города. Но если бы даже нужно было остановиться на послѣдней догадкѣ, оттогѣ не исчезаетъ вѣроятность—судя по тому, какъ сильно возбужденъ былъ народный духъ независтію къ ужасамъ новаго варварскаго нашествія—что жители городовъ, мало поддерживаемые греками, сами начали ополчаться для обороны.

Послѣ Агилульфа лангобардское завоеваніе много утратило своей прежней энергіи, но опасность продолжала висѣть у римлянъ надъ головами. Никто не могъ сказать заранѣе, что въ VII вѣкѣ лангобарды ограничатся присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ Лигуріи и нѣкоторыхъ мѣстъ на югѣ, и не захотятъ пойти далѣе. Между тѣмъ новая, дотолѣ неслыханная гроза приближалась къ Италіи съ другой стороны. Сарацины, переплывъ море, начали дѣлать вторженія въ Сицилію и переносили тревогу даже на берега южной Италіи [1]). Бдительность и готовность къ оборонѣ попрежнему оставались одною изъ первыхъ обязанностей жителей городовъ. Еще было время для имперіи поправить прежнюю ошибку, и увеличеніемъ своихъ собственныхъ военныхъ силъ не только остановить успѣхи народнаго вооруженія въ Италіи, но и держать народонаселеніе въ совершенномъ подчиненіи. Вмѣсто того, въ продолженіе вѣка нѣсколько разъ встрѣчаемъ самые странные симптомы. Сначала мы находимъ нѣсколько экзарховъ, которые дѣйствительно располагаютъ значительною военною силою, укрощаютъ ею возстанія или употребляютъ ее для своихъ корыстныхъ видовъ—хотя объ одномъ изъ этихъ экзарховъ прямо говорится, что онъ погибъ „отъ равеннскихъ воиновъ“ [2]). Другого рода факты встрѣчаются съ половины столѣтія. Припомнимъ, что кубикуларію и экзарху Олимпію, отправлявшемуся съ особеннымъ порученіемъ въ Италію, наказано было напередъ извѣдать духъ войска и особенно стараться расположить къ себѣ римскую и равеннскую милицію, и что предпріятіе его оттого и не удалось, что онъ не могъ склонить на свою сторону войска. Припомнимъ далѣе, что послѣ того такъ мало надѣялись на содѣйствіе той вооруженной силы, которая была въ Италіи—назовемъ ли ее войскомъ, или милиціею—что преем-

1) См. Anast. in vita Adeodati—2) См. выше, стр. 177.

никъ Олимпія долженъ былъ привести съ собою наемныхъ сарацинъ или арабовъ [1]), и конечно это обстоятельство не мало способствовало къ тому, что онъ могъ довольно легко захватить Мартина въ свои руки. Когда же, при Сергіи, новый чрезвычайный уполномоченный одинъ явился въ Римѣ и думалъ исполнить данное ему порученіе безъ содѣйствія наемнаго войска, мѣстная милиція возстала противъ него и съ безчестіемъ выпроводила изъ города. Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что экзархатъ въ VII вѣкѣ еще менѣе располагалъ значительными военными силами въ Италіи, чѣмъ при Григоріи? Что если греки тогда не имѣли довольно силъ, чтобы съ успѣхомъ противиться лангобардскому завоеванію, то теперь они не имѣли ихъ и столько, чтобы сдерживать внутреннія движенія въ самомъ экзархатѣ? Военныя потребности имперіи возрастали съ каждымъ годомъ, внутреннее разстройство ея дошло до крайней степени, и военныя средства такой отдаленной провинціи, какъ Италія, благодаря особенно тому обстоятельству, что лангобарды пріостановили свои нападенія, оставались въ совершенномъ пренебреженіи. Экзархъ долженъ былъ заботиться самъ о себѣ, и если еще нанимались чужеземныя войска собственно для Италіи, то это дѣлалось лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда надобно было поддержать предписанія центральной власти прямо силою. Однажды основавъ свою власть въ Италіи, имперія какъ будто считала ее достаточно утвержденною на вѣчныя времена [2]).

Уже отсюда можно бы довольно удовлетворительно объяснить безсиліе и иногда совершенное ничтожество власти экзархата въ продолженіе VII столѣтія. Но мы имѣемъ еще другую сторону въ этомъ процессѣ, сторону національнаго италіанскаго движенія, которое растетъ и принимаетъ болѣе опредѣленныя формы, по мѣрѣ того какъ падаютъ авторитеты, поставляемые имперіею.

Въ городахъ, гдѣ наиболѣе скоплялось благосостояніе, всего живѣе чувствовалась потребность вооруженной силы для обороны противъ враговъ всякаго рода. Но имперія отказывалась содержать эту силу въ достаточномъ количествѣ, и городамъ оставалось создать развѣ ее изъ своихъ собственныхъ средствъ.

---

1) Объ этомъ—Муратори; см. выше, стр. 188.—2) Что впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Равеннѣ или около Равенны, оставались еще греческіе полки съ старыми греческими названіями, это видно изъ грамотъ у *Marini*. Мѣста цитованы Гегелемъ, I, 251, п. 1.

Это значило ни болѣе, ни менѣе какъ то, что жители городовъ должны были вооружиться сами, или составить изъ среды себя родъ постояннаго ополченія. Если начало этому дѣлу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положено было уже при Григоріи, то въ VII вѣкѣ ему оставалось только распространяться и совершенствоваться. Впрочемъ едва ли зачинъ этого учрежденія принадлежалъ однимъ гражданамъ. Мѣстные правители также имѣли нужду въ военной силѣ для поддержанія своей собственной власти и сначала должны были покровительствовать вооруженіямъ гражданъ. Можно даже съ большою вѣроятностію предполагать, что, не получая никакихъ подкрѣпленій изъ Константинополя, они сами принуждены были прибѣгать къ вооруженію жителей и строить изъ нихъ полки, чтобы составить себѣ стражу и гарнизонъ для охраненія города [1]). По крайней мѣрѣ многіе полки (numeri), даже перемѣняя мѣсто, не переставали носить названіе городовъ, изъ гражданъ которыхъ они вѣроятно составлялись, и мы не имѣемъ ни одного факта и ни малѣйшаго указанія на то, что города, при своихъ вооруженіяхъ, встрѣчали сопротивленіе со стороны мѣстныхъ правителей. Есть, напротивъ, положительные признаки, что городскія ополченія въ VII вѣкѣ были оффиціальнымъ образомъ признаны отъ константинопольскаго правительства. Олимпію въ особенности наказано было привлечь на свою сторону „римскую и равеннскую милиціи." Грамота Константина Погоната, которою дозволялось немедленное поставленіе римскаго епископа тотчасъ по избраніи, была надписана, по свидѣтельству Анастасія, „къ клиру, народу и войску римской области" [2]). Явленіе казалось такъ естественно, что имперія не видѣла въ немъ никакого нарушенія установленнаго ею общественнаго порядка.

Мудрено ли послѣ того, что учрежденіе продолжало свободно развиваться, слѣдуя общей настроенности народнаго духа, въ которомъ уже пробудилось чувство самостоятельности? Мудрено ли, что оно болѣе и болѣе распространялось по цѣлой странѣ, и будучи само выраженіемъ того самаго духа, который далъ римскому престолу значеніе власти національной,

[1]) Подобное же предположеніе нахожу я у Бетмана-Гольвега, ibid. p. 182. Ср. также Leo, Gesch. v. Italien, I, p. 53, 191. — [2]) Anast. in vita Benedicti II: Hic (Benedictus II) suscepit divales jussiones clementissimi Constantini magni principis *ad venerabilem clerum*, *populum atque felicissimum exercitum Romanae civitatis*, per quas concessit, ut persona, qui electus fuerit ad sedem apostolicam, e vestigio absque tarditate Pontifex ordinetur.

къ нему, какъ къ центру, примыкало изо всѣхъ концовъ римской Италіи? То близкое соотношеніе, въ которомъ по своему общему корню находились оба учрежденія, какъ равно національныя, долго не было замѣчено, и благодаря этому обстоятельству, въ то время, какъ римскій престолъ подвергался безпрестаннымъ оскорбленіямъ, народное вооруженіе не только оставалось неприкосновеннымъ, но едва ли даже не находило себѣ поощренія со стороны правителей. Прямымъ слѣдствіемъ такой недальновидной системы было то, что къ концу вѣка во всѣхъ значительныхъ городахъ римской Италіи появился вновь образовавшійся классъ гражданъ, носившихъ оружіе, которые составляли гражданское ополченіе или городскую милицію (exercitus civitatis, militia). Само собою разумѣется, что этотъ классъ не былъ совершенно новый между городскими жителями: вооружились тѣ, которыхъ наиболѣе призывали къ тому интересы ихъ состоянія, вооружилась городская аристократія, вновь сложившаяся изъ honorati и possessores внѣ куріи, которые притомъ одни имѣли достаточныя средства для вооруженія [1]). Въ интересѣ цѣлаго сословія лежало это вооруженіе, и потому милиція не отдѣлилась отъ аристократіи, какъ особый членъ городского общества, но была съ нею тождественна. Получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою особую организацію, во главѣ которой стояли primates militiae, городская милиція заняла среднее мѣсто между городскими сословіями— между клиромъ и низшимъ классомъ народа (populi multitudo, plebs) [2]). Еще прежде, чѣмъ въ отношеніяхъ внѣшнихъ, обнаружилось значеніе милиціи во внутреннихъ городскихъ событіяхъ, въ которыхъ она и по своему характеру, и по своей силѣ, естественно должна была принимать ближайшее участіе. Въ Римѣ оно всего яснѣе обозначилось при выборахъ епископа. Такъ, когда умеръ Іоаннъ V (685), и клиръ представилъ съ своей стороны кандидатомъ нѣкотораго архипресвитера Петра, милиція сдѣлала свой выборъ въ лицѣ пресвитера Теодора. Первые съ своимъ кандидатомъ заняли базилику Константина, вторые — церковь св. Стефана, и каждая партія съ упорствомъ отстаивала свой выборъ. Тогда клиръ, видя безуспѣшность всѣхъ своихъ представленій и не желая раздражать милицію, перенесъ свой голосъ на третье лицо, именно на

[1]) Ср. Hegel, I, 252. — [2]) О primates militiae упоминаетъ Анастасій in vita Cononis. — Тамъ же (p. 83) читаемъ: Videns autem *exercitus* unanimitatem *cleri*, *populique*, in decreto ejus (Cononis) subscribentium, post aliquot dies et ipsi *flexi sunt*.

Конона. Новый выборъ болѣе удовлетворялъ желаніямъ большинства. Первые пристали къ клиру начальственныя лица въ городѣ, а за ними не замедлили послѣдовать и тѣ, которые стояли во главѣ ополченія [1]. Народъ также принялъ сторону вновь представленнаго кандидата. Тогда и вся милиція, слѣдуя примѣру своихъ вождей и уступая требованіямъ народнаго большинства, оставила своего кандидата и присоединила свои голоса къ тѣмъ, которые избрали Конона. Подобныя же сцены повторились въ Римѣ и по смерти Конона, съ тѣмъ впрочемъ важнымъ различіемъ, что на этотъ разъ милиція, какъ кажется, дѣйствовала болѣе въ согласіи съ духовенствомъ, имѣя противъ себя кандидата народной партіи [2]. Раздѣленіе опять кончилось тѣмъ, что всѣ сословія согласились на третьемъ лицѣ. Это былъ извѣстный уже намъ епископъ Сергій, при которомъ произошло изгнаніе изъ Рима константинопольскаго протоспаѳарія.

Явленіе, нами описываемое, совершилось въ предѣлахъ провинціи, управляемой изъ Равенны, однако однимъ изъ своихъ результатовъ оно, сверхъ чаянія, возвращаетъ насъ къ той части Италіи, которая оставалась подъ лангобардскимъ владычествомъ. Не то, чтобы такъ далеко простирались его вѣтви, или проникало его вліяніе, но черезъ него происходило вовсе неожиданное сближеніе между римской половиною Италіи и тою ея частію, которая давно была отчуждена отъ римскихъ началъ лангобардскимъ управленіемъ. Если, по образованіи милиціи, города римской Италіи заключали въ себѣ три главныя сословія, клиръ, милицію и народъ, то, по составу народонаселенія, не разнились отъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, и города лангобардскіе, сколько мы знаемъ ихъ въ то же самое время. Тамъ мѣсто прежняго рѣзкаго различія по *происхожденію* начинало заступать болѣе соціальное различіе по *сословіямъ*, хотя основанія на первое время оставались прежнія. Между этими сословіями самое видное мѣсто занимали arimanni или exercitales, которые одни составляли классъ гражданъ въ полномъ значеніи слова [3]; остальные жители городовъ, которые, не имѣя всѣхъ гра-

---

[1] Anast. ibid: Evestigio autem *omnes judices* una *cum primatibus exercitus* pariter ad ejus salutationem venientes, in ejus laudem omnes simul acclamaverunt. — [2] Anast. in vita Sergii. — [3] О мнимомъ различіи между cives и habitatores, какъ по крайней мѣрѣ представляетъ его себѣ Савиньи, думающій видѣть въ первыхъ—гражданъ римскаго происхожденія, во вторыхъ—новыхъ жителей германскаго происхожденія (Gesch. d. R. R. I, 294), см. Hegel, I, 481.

жданскихъ правъ, пользовались однако личною свободою, какого бы впрочемъ они ни были происхожденія, составляли въ городахъ другое сословіе, соотвѣтствующее тому, чтó въ Римѣ и Равеннѣ называлось populus или plebs. Наконецъ и здѣсь было также особое сословіе духовныхъ, хотя, по весьма понятнымъ причинамъ, и не могло стать такъ высоко, какъ оно было поставлено въ городахъ римской Италіи. Судя по этой аналогіи, почти можно бы подозрѣвать, что лангобардское общественное устройство имѣло нѣкоторое вліяніе и на новое римское!

Правители очень ошибались, если они дѣйствительно думали замѣнить для себя городскою милиціею ту опору, которую имѣли прежде въ греческомъ войскѣ. Учрежденіе было такъ національно, что не могло долго оставаться опорою чужой власти; ему стоило только разъ почувствовать себя силою, чтобы началось обратное стремленіе. До того времени власть и вооруженная сила, которою она располагала, передъ мирнымъ народонаселеніемъ страны дѣйствительно составляли одно крѣпкое цѣлое; но это единство нарушалось само собою, какъ скоро въ ихъ отношенія введено было новое начало. Раздѣленіе интересовъ по двумъ началамъ было неизбѣжно, а это было раздѣленіе между властію и новою вооруженною силою. Всѣ невыгоды такого раздѣленія падали на сторону правителей: они теряли все, если отдѣлялись отъ милиціи; милиція же, отдѣляясь отъ нихъ, только освобождалась отъ подчиненія. Но въ такомъ случаѣ она уже не ограничивалась однимъ своимъ освобожденіемъ: какъ живая, самостоятельная сила, она стремилась овладѣть и самымъ пóстомъ, занимаемымъ властію отнынѣ безсильною, по крайней мѣрѣ подчинить ея выборъ своему вліянію, чтобы такимъ образомъ и въ самой власти провести свое національное начало. Первые признаки этого стремленія можно замѣчать еще въ первой половинѣ столѣтія. Мы уже упоминали о возстаніи въ Равеннѣ, которое кончилось умерщвленіемъ экзарха Іоанна Лемигія [1]). Извѣстіе объ этомъ событіи довольно темно, неопредѣленно; но кому скорѣе можно приписать главную роль въ немъ, какъ не милиціи, какъ не вооруженнымъ гражданамъ? Тогда же замѣтили мы, что равеннское возстаніе могло быть въ связи съ другимъ движеніемъ, которое почти въ то же время происходило на другомъ концѣ Италіи, именно въ Неаполѣ. Здѣсь оно можетъ найти

[1]) *См. выше, стр.* 176.—Ср. Murat. ad an. 616.

себѣ болѣе отчетливое объясненіе. Анастасій, упоминающій въ нѣсколькихъ словахъ о происшествіи, называетъ Іоанна Компсина, въ рукахъ котораго находился тогда Неаполь, „тираномъ.“ На языкѣ того времени тиранъ означаетъ узурпатора. Но откуда могъ взяться узурпаторъ въ Неаполѣ, возставшій противъ законной власти намѣстника, какъ не изъ среды самихъ гражданъ этого города, и кѣмъ онъ скорѣе могъ быть поддержанъ, какъ не гражданскимъ ополченіемъ, которое хотѣло замѣнить имъ греческаго начальника? [1]) На первый разъ движеніе было подавлено превозмогающими силами, которыя привелъ съ собою экзархъ по укрощеніи равеннскаго возстанія; но видно, что оно было очень значительно и далеко распространяло свои вѣтви, когда повѣствователь, разсказавъ о взятіи Неаполя намѣстникомъ, прибавляетъ, что онъ „возстановилъ миръ въ Италіи“. Надобно полагать, что урокъ, данный Элевѳеріемъ Равеннѣ и Неаполю, оставилъ по себѣ очень тяжелое воспоминаніе, потому что долгое время послѣ того не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ, которыя бы походили на предпріятіе Компсина, хотя учрежденіе городской милиціи болѣе и болѣе распространялось по цѣлой странѣ.

Къ концу вѣка впрочемъ стремленіе, лежавшее въ самой натурѣ учрежденія, опять начало выходитъ наружу. Одинъ пунктъ въ экзархатѣ былъ поставленъ особенно выгодно для того, чтобы переворотъ, къ которому стремился народный духъ въ Италіи, по отношенію къ характеру общественной власти, обозначился въ немъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и прошелъ безъ сильнаго потрясенія. Это была Венеція, Venetia maritima, или та новая община, которая вновь составилась на островахъ близъ венетскихъ береговъ. Собственно въ ней заключалось даже нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, по числу большихъ острововъ; но судьбы ихъ были такъ одинаковы, и сосѣдство такъ близко, что одна печать лежала на всей этой группѣ, и для полнаго единства недоставало развѣ одноначалія. Оторвавшись отъ твердой земли, поселенцы впрочемъ не отрѣшились совершенно ни отъ римскихъ понятій, ни отъ общаго правительственнаго авторитета, но, какъ бы забытые центральною властію, сами должны были озаботиться своимъ внутреннимъ управленіемъ. Простыя формы власти, какъ онѣ

1) Почти того же мнѣнія о Компсинѣ и Мураторн (Ann. ad an. 617), который считаетъ его уроженцемъ изъ города Compse, нынѣшняго Conza, хотя онъ опускаетъ изъ виду, по нашему мнѣнію болѣе чѣмъ вѣроятную, связь его съ народнымъ движеніемъ въ Италіи.

установились въ экзархатѣ, перенесены были и въ венеціанскія общины: и здѣсь общественная власть представлена была въ каждой отдѣльной общинѣ, кромѣ народнаго собранія, особымъ магистратомъ, который носилъ тогда очень обыкновенное титло „трибуна“ [1]). Болѣе двухъ вѣковъ продолжалось существованіе трибуната, по всей вѣроятности не безъ злоупотребленій со стороны тѣхъ, которые носили титло трибуновъ; но къ концу VII вѣка, когда по всей Италіи живѣе заговорило сознаніе народной силы и народнаго достоинства, Венеція прежде всѣхъ другихъ городовъ пожелала *обновить* для своей власти ея народное основаніе и вмѣсто нѣсколькихъ магистратовъ поставить одну прочную и сильную власть, которой выборъ впрочемъ сполна зависѣлъ бы отъ народа [2]). Всякій другой городъ, кромѣ Венеціи, чтобы произвести у себя подобный переворотъ, долженъ былъ напередъ устранить прежняго правителя, котораго власть происходила отъ равеннскаго авторитета. Но Венеція во все время своего существованія не знала такихъ правителей: никого не устраняя, она могла замѣстить вновь назначенный постъ избраннымъ ею лицомъ. Постъ былъ новый, но подъ своимъ угломъ зрѣнія Венеція имѣла въ виду все тотъ же порядокъ, установившійся на твердой землѣ, и новой своей власти также дала старое названіе „дука,“ которое впослѣдствіи, подъ вліяніемъ мѣстнаго выговора, превратилось въ болѣе извѣстное намъ названіе „дожа“ [3]).

Въ другихъ городахъ переходъ къ власти болѣе національной представлялъ гораздо болѣе затрудненій, и онъ въ самомъ дѣлѣ запоздалъ еще многими годами. Но никакая сила уже не въ состояніи была остановить развитія, которое распространилось по всей провинціи и вездѣ имѣло на своей сторонѣ лучшую, то-есть самую богатую и самую независимую часть народонаселенія. Представляясь съ перваго взгляда какъ бы разъединеннымъ — ибо разбросано было по разнымъ пунктамъ — оно впрочемъ имѣло въ римскомъ престолѣ, какъ въ главномъ національномъ учрежденіи, свое постоянное средоточіе,

1) Sismondi, Hist. d. repub. Ital. 1, 308. — 2) Поводы, понудившіе венеціанъ приступить къ избранію дука и подчинить ему трибуновъ, очень хорошо изложены Le Bret, въ его Geschichte der Republik Venedig, ч. I, кн. II, гл. 2. — 3) Установленіе дожа относятъ обыкновенно къ 697 году. См. Sismondi, 1, 312. Мы ничего не говоримъ о милиціи въ Венеціи, потому что о ней не говорятъ памятники; что впрочемъ Венеція менѣе всѣхъ другихъ городовъ могла обойтись *безъ нея*, это слѣдуетъ изъ самаго ея положенія.

и стягиваясь къ нему съ разныхъ сторонъ, могло въ минуту опасности составить одну крѣпкую силу, которой трудно было сопротивляться. Если въ свое время римскій престолъ своимъ значеніемъ и вліяніемъ много способствовалъ образованію въ Италіи того новаго духа, которому городская милиція служила самымъ полнымъ выраженіемъ, то теперь приходила другая пора, когда воспитанный римскимъ престоломъ духъ народонаселенія, достигнувъ сознанія своихъ силъ, долженъ былъ послужить щитомъ своему прежнему авторитету противъ всякихъ оскорбленій, которыя бы направлены были на него со стороны. Удивляться ли послѣ того, что протоспаѳарій, прибывшій въ Римъ съ полномочіемъ захватить Сергія, но безъ всякой вооруженной силы для подкрѣпленія своихъ требованій, не только не могъ исполнить своего порученія, но долженъ былъ самъ съ позоромъ удалиться изъ города? Что́ могъ сдѣлать онъ одинъ, хотя и со всѣмъ своимъ полномочіемъ, противъ милиціи Равенны и всего Пентаполиса, которая пришла въ Римъ выручать епископа и дѣйствовала конечно не безъ согласія тамошнихъ гражданъ? Но если разъ милиція рѣшилась тронуться съ мѣста и итти на защиту римскаго епископа, то самый уже успѣхъ этого предпріятія былъ хорошимъ ручательствомъ въ томъ, что она и впредь не остановится при подобномъ случаѣ. Безопасность римскихъ епископовъ противъ всѣхъ покушеній на ихъ личную свободу была нѣкоторымъ образомъ обезпечена и на будущее время. Можно бы даже сказать болѣе: какова бы ни была судьба римскаго престола, каковы бы ни были дѣйствія его епископовъ, національное развитіе и назависимо отъ нихъ было уже довольно обезпечено тѣмъ, что проникло во всѣ значительные пункты римской Италіи и имѣло на своей сторонѣ такое важное учрежденіе, какъ городская милиція. Въ случаѣ пораженія или замедленія въ одномъ пунктѣ, оно снова могло взяться изъ другого и отсюда продолжать прерванное движеніе.

Главными пунктами попрежнему были Римъ и Равенна. Въ Римѣ впрочемъ дѣятельность городской милиціи была нѣсколько закрыта значительностію главнаго національнаго учрежденія, которое продолжало оставаться на первомъ планѣ и обращало на себя болѣе вниманія. Но и положеніе самого престола римскаго послѣ того, что́ онъ испыталъ при потомкахъ Гераклія, вовсе не было блистательно. Хотя послѣдній ударъ и былъ отраженъ при помощи милиціи сѣверо-восточныхъ городовъ, но опасность оттого не уменьшилась: отношенія къ і

тральной власти оставались на прежнихъ основаніяхъ, и гроза могла собраться еще разъ и разразиться съ новою силою. Со стороны тѣхъ, которые занимали римскій престолъ послѣ Сергія, нужна была геніальная сила воли, чтобы принять представлявшееся имъ положеніе во всей его чистотѣ и не сдаться передъ новой опасностью; или надобно было стараться смягчить отношенія и, оставляя прежнее рѣзкое противорѣчіе, ласкательною уступчивостію вновь заслуживать себѣ потерянную благосклонность. Но геніальность вовсе не была удѣломъ преемниковъ Сергія, и они по необходимости должны были обратиться къ миролюбивой и уступчивой политикѣ, какъ ни мало было въ ней лестнаго для національнаго самолюбія. Первый, котораго встрѣчаемъ на этой новой дорогѣ, былъ кроткій Іоаннъ VI, заступившій мѣсто Сергія. Несмотря на то, что Юстиніанъ II былъ уже тогда въ изгнаніи, прибытіе въ Римъ кубикуларія Ѳеофилакта, посланнаго на экзархатъ императоромъ Тиберіемъ (701—705), опять возмутило всю провинцію. Милиція *всей Италіи* (разумѣется—римской), говоритъ біографъ, въ бурномъ возстаніи пришла къ Риму, устремленная желаніемъ предохранить римскій престолъ отъ новаго насилія, котораго — мы знаемъ почему — опасались отъ новаго намѣстника [1]). Положеніе Ѳеофилакта — изъ угрожающаго, если оно дѣйствительно было такимъ, превратилось въ угрожаемое. Тогда Іоаннъ принялъ на себя роль посредника и исполнилъ ее какъ нельзя удовлетворительнѣе для экзарха. Пока еще иногородная милиція стояла за стѣнами Рима, онъ велѣлъ запереть городскія ворота и, дѣйствуя черезъ своихъ повѣренныхъ, умѣлъ возбудить во всей этой массѣ вооруженныхъ людей столько довѣрія къ себѣ и къ самому Ѳеофилакту, что они успокоились и мирно разошлись по домамъ [2]). Ѳеофилактъ могъ такимъ образомъ избѣжать безчестнаго изгнанія (если только ему не готовилась участь хуже, чѣмъ Захарію) и безпрепятственно вступить въ отправленіе своей должности. Іоанна же находимъ послѣ того занятымъ другого

1) Anast. in vita Ioannis VI: Cujus (Theophylacti) adventum cognoscentes militia totius Italiae tumultuose convenit apud hanc Romanam civitatem, volens praefatum exarchum tribulare.—Муратори, не разгадавъ смысла словъ militia totius Italiae, говоритъ о происшедшемъ будто бы возстаніи императорскаго войска! Ann. ad an. 702.—2) Что впрочемъ по крайней мѣрѣ часть римской милиціи дѣйствовала въ согласіи съ иногородною, это видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ Анастасія, гдѣ онъ упоминаетъ о доносѣ, поданномъ потомъ экзарху, на нѣкоторыхъ *жителей Рима. См.* ibid.

рода дѣятельностію, впрочемъ весьма свойственною римскому престолу: онъ выкупалъ плѣнныхъ, которыхъ продолжали захватывать лангобарды въ нѣкоторыхъ частныхъ нападеніяхъ [1]).

Даже когда Юстиніанъ снова занялъ отнятый у него престолъ и возвратился къ старому вопросу, который такъ неожиданно былъ прерванъ изгнаніемъ его уполномоченнаго изъ Рима и его собственнымъ низверженіемъ, политика римскаго престола не отступила отъ того направленія, которому она начала слѣдовать послѣ Сергія. Впрочемъ, кромѣ страха опасности, едва ли не было тому и другой, по крайней мѣрѣ равносильной причины. На престолѣ римскомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣчаемъ явленіе не совсѣмъ обыкновенное: черезъ четыре очереди кряду, до самаго Григорія II, выборъ падалъ на людей восточнаго происхожденія. Самъ Іоаннъ VI былъ родомъ грекъ, преемникъ его также, два послѣдующіе епископа происходили изъ Сиріи. Одною случайностію не довольно объяснять такое явленіе, тѣмъ болѣе, что о немъ можно судить по самымъ плодамъ его. Скорѣе можно подумать, что послѣ того, какъ обнаружилась сила, происходившая изъ соединенія епископскаго авторитета съ народнымъ вооруженіемъ, экзархи старались пользоваться своимъ вліяніемъ на выборы, чтобы проводить въ епископы людей по своимъ видамъ [2]). Какъ бы то ни было, съ того времени на мѣсто прежней рѣшительности на римскомъ престолѣ является робость, и мѣсто прежней непреклонной твердости заступаетъ видимая уклончивость или даже готовность угождать, доходящая почти до забвенія національныхъ интересовъ. Когда Юстиніанъ снова отправилъ свой запросъ о канонахъ послѣдняго собора къ римскому епископу и самъ вызывалъ его — путемъ соборнаго рѣшенія опредѣлить тѣ пункты, которые требовали бы исправленія, епископъ, которымъ былъ тогда Іоаннъ VII, счелъ за безопаснѣйшее отказаться отъ всякаго пересмотра и тотчасъ же отправить каноны назадъ въ Константинополь, въ томъ самомъ видѣ, какъ были они получены [3]). Такъ легко и просто, можно бы даже сказать такъ легкомысленно-просто, благодаря трусливости Іоанна, рѣшалось дѣло самое запутанное, какое только возникало въ послѣднее время изъ неопредѣлившихся отношеній римскаго престола къ центральной власти въ имперіи. Что, идя такимъ путемъ, рим-

---

[1]) Anast. ibid.—[2]) Cp. Muratori, Ann. ad an. 705.—[3]) Anast. in vita Ioannis VII.

скіе епископы могли уйти очень далеко, хотя бы за ними и не слѣдовала италіанская національность, всего лучше показываетъ примѣръ Константина, занявшаго римскій престолъ послѣ преемника Іоаннова, Сизинія (708 — 714). Черезъ нѣсколько времени послѣ своего вступленія на престолъ, Константинъ вдругъ получилъ отъ Юстиніана приглашеніе явиться въ Константинополь. Зачѣмъ и съ какою цѣлью? На этотъ вопросъ исторія не можетъ дать положительнаго отвѣта. Надобно замѣтить, что біографъ, довольно подробно разсказывающій весь переѣздъ Константина изъ Рима въ столицу имперіи, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о цѣли его путешествія [1]. Но самое это молчаніе и подаетъ поводъ ко многимъ важнымъ соображеніямъ. По всей вѣроятности, дѣло состояло въ томъ, чтобы, заманивъ епископа въ Римъ, съ нимъ однимъ совершенно покончить спорный вопросъ, въ рѣшеніи котораго хотѣлъ участвовать не только городъ Римъ, но и цѣлая провинція. Но въ такомъ случаѣ непремѣнно нужно было хранить цѣль вызова въ тайнѣ, сообщивъ ее развѣ одному епископу, который, какъ сейчасъ увидимъ, совершенно вошелъ въ виды константинопольской политики. Получивъ вызовъ, Константинъ, въ сопровожденіи первыхъ духовныхъ сановниковъ, тотчасъ отправился въ путь. На судахъ они достигли Неаполя, гдѣ встрѣтились съ патриціемъ Іоанномъ, по прозванію Ризокопомъ, который ѣхалъ на экзархатъ. Объ этомъ самомъ Іоаннѣ Анастасій тутъ же замѣчаетъ, что, прибывъ потомъ въ Римъ, онъ казнилъ тамъ нѣсколько человѣкъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ [2]. Ясный слѣдъ партіи, которая вѣроятно не раздѣляла наклонностей своего епископа и можетъ-быть даже готовилась воспользоваться его отсутствіемъ для видовъ совершенно противоположныхъ. Константинъ между тѣмъ продолжалъ свой путь изъ Неаполя въ Сицилію, гдѣ „съ великими почестями" встрѣтилъ его патрицій Ѳеодоръ. Во время пребыванія именитыхъ путешественниковъ въ Гидрунтѣ, получена была императорская грамота, которою предписывалось всѣмъ правителямъ (judices) тѣхъ мѣстъ, гдѣ бу-

---

1) Anast. in vita Constantini. Cp. Murat. Ann. ad an. 710.—2) Anast. ibid: Veniens (Constantinus) igitur Neapolim, illuc eum reperit Ioannes patricius et exarchus, cognomento Rizocopus, qui veniens Romam jugulavit Paulum diaconum et vicedominum Petrum Arcarium, Sergium Abbatem presbyterum et Sergium ordinatorem. Какъ видно, все это были лица чиновныя, значительныя по сану и по мѣсту, занимаемому каждымъ изъ нихъ во внутреннемъ управленіи римской *церкви.*

ь проѣзжать римскій епископъ, принимать его съ такими почестями, какъ и самого императора [1]). Въ силу такого дписанія, Константину вездѣ дѣлали почетный пріемъ до ца пути. Въ Константинополѣ навстрѣчу къ нему выгъ Тиберій, сынъ Юстиніана, со всѣми чинами, высшимъ овенствомъ и множествомъ народа. Самъ Юстиніанъ нахося тогда въ Никеѣ. Услышавъ о прибытіи Константина, спѣшилъ особою грамотою выразить ему свою благодаргь и удовольствіе и назначилъ мѣстомъ свиданія Никоію. Но ничего не могло быть для Константина лестнѣе ой встрѣчи съ Юстиніаномъ. Упавъ къ ногамъ епископа, гиніанъ унизился до ихъ цѣлованія, послѣ чего оба они зились другъ другу въ объятія — къ великой радости наа, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, прибавляетъ Ѣствователь. Затѣмъ, въ первый воскресный день, римі епископъ служилъ обѣдню, и Юстиніанъ принималъ отъ э причащеніе. Въ заключеніе всего, прося Константина иться о грѣхахъ его, императоръ подтвердилъ привилегіи скаго престола и разрѣшилъ епископу возвратиться въ ллію.

Окончивъ разсказъ со словъ Анастасія, мы повторяемъ гъ вопросъ: зачѣмъ же Константинъ вызываемъ былъ въ стантинополь? Неужели только за тѣмъ, чтобы дать слуЮстиніану облобызать его ноги и за то получить отъ о подтвержденіе привилегій римскаго престола? Не забуъ, что это былъ тотъ самый Юстиніанъ, который нѣкогда овилъ Сергію, за его противорѣчіе, участь Мартина. Анасій и послѣ своего разсказа ничего не даетъ замѣтить о іи этого загадочнаго путешествія. Стало-быть, выставляя видъ внѣшній почетъ пріема, сдѣланнаго римскому епипу, надобно было скрывать главную цѣль его поѣздки и его переговоры съ Юстиніаномъ; стало-быть и эта цѣль ти переговоры не дѣлали большой чести римскому престолу, орый до сихъ поръ былъ во главѣ національнаго движенія, еперь, въ лицѣ Константина, такъ явно отдѣлялъ свои ересы отъ интересовъ народа и жертвовалъ ими или своʼ честолюбію, или другимъ видамъ. Римъ, предоставленный ому себѣ, долженъ былъ на время выступить изъ важной

---

[1]) Anast. ibid: Dum vero Hydrunti moras faceret,—illic suscepit sigillum riale per Theophanem Regionarium, continens ita, ut ubicunque, ubi contint Pontifex, omnes judices ita honorifice eum susciperent, quasi ipsum praesenter imperatorem viderent.

роли, которую онъ присвоилъ себѣ отъ самаго начала всего движенія.

Явленіе иного рода представляетъ собою въ эту эпоху Равенна. Ослабленіе власти экзарха нигдѣ не чувствовалось такъ живо, какъ въ томъ самомъ городѣ, гдѣ была его резиденція. Безпокойный духъ овладѣлъ равеннскими гражданами. Не даромъ мы видѣли ихъ во главѣ движенія, предпринятаго на защиту римскаго епископа, не даромъ милиція ихъ приходила въ самый Римъ и принимала на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, которое могло имѣть вліяніе на судьбу цѣлой провинціи: по своему духу и по своимъ стремленіямъ жители Равенны въ самомъ дѣлѣ стояли тогда впереди всѣхъ другихъ городовъ римской Италіи; между тѣмъ какъ другіе едва осмѣливались оказывать сопротивленіе насильственнымъ мѣрамъ, приходившимъ изъ Константинополя, равеннцы не останавливались даже передъ мыслію о совершенномъ освобожденіи своего города и вмѣстѣ съ нимъ всей провинціи отъ византійскаго владычества, и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ перейти и эту послѣднюю черту.

Говорливый біографъ равеннскихъ епископовъ даетъ намъ возможность войти даже въ нѣкоторыя подробности внутренняго быта города Равенны въ концѣ VII столѣтія [1]. Одна черта, имъ приводимая, имѣетъ особенно близкое отношеніе къ вопросу, насъ занимающему. Былъ въ Равеннѣ такой обычай, что въ воскресные дни, послѣ обѣда, жители всѣхъ классовъ и возрастовъ и даже безъ различія пола выходили толпами за городъ и тамъ проводили время — въ побоищахъ. „Безумцы!“ наивно замѣчаетъ повѣствователь: „они сами себя

[1] Agnellus, in vita Damiani (Rer. Ital. Scripp. T. II, p. 154 et seqq.). Здѣсь пріобрѣтаетъ всю важность этотъ второй источникъ исторіи римской Италіи подъ византійскимъ владычествомъ. Ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи онъ замѣнить для насъ собою драгоцѣннаго Анастасія, мало вдающагося въ подробности, но не забывающаго ни одной существенной черты. Безъ Анастасія мы не могли бы составить и въ половину правильнаго понятія объ эпохѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя не дорожить и Аньеломъ. Часто пропуская существенное, ко многому пристрастный, онъ за то останавливается иногда на нѣкоторыхъ интересныхъ частностяхъ и рисуетъ изъ нихъ такую широкую картину, что читатель бываетъ вознагражденъ за многія лишенія. Къ сожалѣнію впрочемъ, онъ же иногда, по недостатку историческаго такта, вдругъ обрываетъ свою картину на самомъ занимательномъ пунктѣ и оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи относительно исхода дѣйствія! Кромѣ того, его біографіи, кажется, много потерпѣли отъ времени: во многихъ мѣстахъ есть ощутительные перерывы и пропуски, которыхъ нельзя пополнить ни изъ какихъ другихъ источниковъ.

безъ вины предаютъ смерти“. Положимъ, что съ моральной точки зрѣнія такое поведеніе равеннцевъ и не заслуживаетъ одобренія; но для насъ драгоцѣнна черта, показывающая, какой духъ жилъ тогда въ цѣломъ народонаселеніи Равенны. Что дѣло никакъ не ограничивалось одною потѣхою, что забава принимала подъ часъ страстный характеръ и переходила въ кровавое раздраженіе, показываетъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ тотъ же самый повѣствователь. Надобно знать, что кварталы, на которые раздѣлялась Равенна, носили названіе по городскимъ воротамъ, къ которымъ они примыкали. Случилось однажды, что „Тигурійскія ворота“ (porta Tigurіensis) ударили на „Пустерульскія“ (Pusterula) и обратили ихъ въ бѣгство. Въ жару преслѣдованія тигурійцы смяли многихъ своихъ противниковъ, доходили до самыхъ воротъ ихъ и сдѣлали тамъ многія поврежденія. Пустерульцы оставались спокойны цѣлую недѣлю, но не могли забыть нанесенной имъ обиды. Въ слѣдующее воскресенье обѣ стороны опять вышли на сборное мѣсто, одна съ нетерпѣливымъ желаніемъ отмстить за прежнюю обиду, другая съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свое превосходство. Лишь сошлись противники лицомъ къ лицу, какъ бой начался снова. Малые схватились между собою первые и палками перебили другъ другу головы. Потомъ выступила впередъ и молодежь; бой разгорячился; отъ ручныхъ ударовъ и отъ камней скоро перешли къ оружію. Были ли тигурійцы сильнѣе числомъ, или первый успѣхъ внушилъ имъ болѣе отваги и мужества, только и на этотъ разъ на ихъ сторонѣ остался рѣшительный перевѣсъ. Пустерульцы потеряли много избитыми и изувѣченными. Пощада была только тѣмъ, которые просили жизни у своихъ враговъ [1]). Пустерульцы смирились на время, но горечь оскорбленія глубоко запала къ нимъ въ душу и отравила всѣ ихъ чувства. Едва утишились рыданія, какъ они снова начали думать о мщеніи. Страсть требовала себѣ удовлетворенія, и какъ слабость силъ была уже испытана, то прибѣгли къ коварству. Сговорившись между собою, пустерульцы въ первый воскресный день мирно сошлись съ тигурійцами на сборищѣ, и, всякій про себя, ста-

[1]) Agnellus, ibidem: Quicunque vero a suis hostibus petebat vitam, dicens: heu anima, anima mea, cessabat ictus, et non occidebatur. И вслѣдъ за тѣмъ ссылка на современность: Ita et nunc, qui se confidit non mori, et vitam animae postulat, sinunt eum vivere, et ultra non percutitur. Ясно, что Аньелъ имѣлъ обычай—окружавшему его современности повѣрять тѣ черты нрава равеннцевъ, которыя доходили до него изъ отдаленныхъ временъ по преданію.

рались сблизиться поодиночкѣ съ своими противниками, чтобы пригласить ихъ къ себѣ въ условленный день, будто для полнаго примиренія. Каждое приглашеніе сдѣлано было отдѣльно отъ другого, и притомъ подъ величайшимъ секретомъ. Тигурійцы поддались обману, и въ условленное время двери пустерульскихъ домовъ отворились—каждыя для своего особаго гостя. Вездѣ ожидало гостей пышное угощеніе, но послѣ стола двери ни отворялись болѣе для выхода угощенныхъ: ими выносили только трупы убитыхъ, чтобы тайно похоронить ихъ въ темномъ углу двора. Многихъ потомъ не досчитались тигурійцы внутри своихъ семей, и не знали, чтό подумать объ ихъ участи. Ибо нигдѣ не оставалось труповъ, не видно было даже слѣдовъ пролитой крови. Плачъ и стоны наполнили всѣ улицы и дома. Мрачное отчаяніе овладѣло всѣмъ городомъ. Закрылись бани, прекратились публичныя зрѣлища, граждане оставили свои обычныя занятія, всѣ облеклись въ трауръ. Цѣлая недѣля прошла въ вопляхъ и стенаніяхъ, и все не было никакого знака о возвращеніи погибшихъ. Тогда, чтобы открыть источникъ зла и возвратить спокойствіе гражданамъ, епископъ города установилъ четверодневный постъ и общественныя моленія. Каждый день многочисленныя процессіи изъ людей всѣхъ званій и возрастовъ проходили, изъ конца въ конецъ, по всему городу. Впереди шли духовенство и монахи съ обнаженными ногами и посыпавъ головы пепломъ; за ними слѣдовали цѣлые хоры мужчинъ всѣхъ возрастовъ, также со всѣми признаками глубокаго сокрушенія; далѣе—женщины, отложивъ всѣ свои убранства и облекшись въ печальныя одежды. Наконецъ, какъ будто сама земля вняла жалобамъ и стонамъ сѣтующихъ жителей. Къ концу третьяго дня, передъ самымъ захожденіемъ солнца—разсказываетъ далѣе тотъ же повѣствователь—на всемъ пространствѣ отъ воротъ древняго амфитеатра до воротъ Пустерульскихъ послышался страшный подземный трескъ, дымъ въ видѣ облака поднялся надъ землею, и разверзшаяся земля показала жителямъ въ своихъ нѣдрахъ трупы убитыхъ, какъ они наскоро были зарыты убійцами по совершеніи злодѣянія. Кары, достойныя преступниковъ, не замедлили послѣдовать за этимъ страшнымъ открытіемъ, и вся часть города, гдѣ совершилось темное злодѣйство, была разорена до основанія. Только память о ней сохранилась въ названіи „разбойничій кварталъ“, которое осталось за этой мѣстностью [1]).

---

[1]) Agnellus, ibidem: Tunc adprehenderunt homicidas, judicaverunt eis digna factis, et regionem ipsam cum aedificiis subverterunt, et ad nihilum redigerunt, *et vocaverunt illam* — regionem latronum *usque in praesentem diem.*

Мы не убавили ни одной существенной черты изъ повѣствованія Аньела. Очевидно, что послѣднею своею половиною оно прямо переходитъ въ область сагъ и народныхъ сказаній, откуда вѣроятно и заимствовано авторомъ. Но традиціонный характеръ разсказа не даетъ еще намъ права отвергать истины самаго основанія. Самъ авторъ замѣчаетъ, что потѣшный обычай, изъ котораго произошла вражда пустерульцевъ съ тигурійцами, сохранился, со всѣми своими несчастными послѣдствіями, до его времени [1]. Каковъ бы ни былъ настоящій исходъ вражды двухъ смежныхъ кварталовъ города, основныя черты въ характерѣ жителей Равенны остаются неизмѣнны. Это черты, впослѣдствіи столь общія италіанскому народному характеру—страстность и мстительность, которыя въ равеннскихъ происшествіяхъ являются въ самомъ рѣзкомъ своемъ видѣ. По нѣкоторымъ мѣстамъ разсказа можно бы подумать, что находишься въ гораздо позднѣйшей эпохѣ гвельфовъ и гибеллиновъ!

Легко представить себѣ, какъ далеко могла завлечь равеннцевъ эта страстность, какъ скоро она обратилась бы на одинъ постоянный предметъ. Понятно также, какъ могла она въ большинствѣ народа сосредоточиться на главномъ жизненномъ вопросѣ для цѣлой Италіи, особенно въ такую минуту, когда первое изъ національныхъ учрежденій подвергалось частымъ оскорбленіямъ со стороны власти, которая однако не имѣла довольно средствъ поддержать свои насильственныя мѣры и заставить молчать всякое противорѣчіе. Въ движеніи равеннской милиціи вмѣстѣ съ пентапольскою къ Риму, въ первый разъ открылось это увлеченіе равеннцевъ въ пользу національнаго дѣла. Оно не оставило ихъ и потомъ, и съ ихъ примѣра распространилось на города всей провинціи, какъ показываетъ общее движеніе милиціи всей Италіи къ Риму во время Іоанна VI. Къ несчастію, предпріятіе равеннцевъ было такого свойства, что не могло понравиться въ Константинополѣ. Еще болѣе: на нихъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ, обратились весь гнѣвъ и все негодованіе, которыми отозвалось въ Константинополѣ безчестное изгнаніе изъ Рима византійскаго уполномоченнаго. Катастрофа, кончившаяся низверженіемъ Юстиніана, отдалила на время грозу, которая неминуемо должна была разразиться надъ Римомъ и Равенною,

---

[1] Idem, cap. 2: In priscis ergo temporibus consuetudo orta fuit, usque nunc talis horrenda, et cavenda, et detrahenda cuique fuit, et permanet usque nunc.

но не устранила ее совершенно: возвратившись въ Константинополь, Юстиніанъ принесъ съ собою и память о всѣхъ прежнихъ оскорбленіяхъ. Между изгнаніемъ и возвращеніемъ прошло, правда, нѣсколько лѣтъ; многое измѣнилось въ обстоятельствахъ; другія времена приносили и другіе совѣты; Римъ, въ лицѣ своего духовнаго главы, начиналъ склоняться передъ возстановленною властію Юстиніана и готовъ былъ на миролюбивую сдѣлку. Тѣмъ хуже для Равенны; тѣмъ удобнѣе было подвергнуть ее опалѣ, когда она оставалась одна, когда Римъ передавался на противную сторону и отдѣлялся отъ Равенны въ вопросѣ столь существенномъ, какъ отношенія къ имперіи. Въ такомъ положеніи могла ли Равенна ожидать себѣ снисхожденія отъ Юстиніана?

Какія были ближайшія побужденія къ тому, чтобы Юстиніанъ произнесъ опалу Равеннѣ, и даже были ли они, объ этомъ молчатъ источники. Авторъ, которому мы слѣдуемъ, представляетъ дѣло такъ, какъ если бы Юстиніанъ хотѣлъ выместить свой гнѣвъ на равеннцахъ лишь по памяти о старомъ оскорбленіи [1]. Анастасій говоритъ о „гордости равеннцевъ“ и заставляетъ догадываться, что сюда привзошли еще неудовольствія, которыя, конечно вслѣдствіе общаго отчужденія между двумя городами, возникали вновь и между римскимъ и равеннскимъ престолами [2]: могло случиться, что римскій епископъ, пользуясь новою пріязнію константинопольскаго двора, не замедлилъ обратиться къ нему съ жалобами на епископа равеннскаго, которымъ былъ тогда Феликсъ, и — на самыхъ гражданъ какъ на его соучастниковъ. Кромѣ того есть слѣдъ глубоко идущей интриги, которой начало относится еще ко времени перваго низверженія Юстиніана и въ которой участіе равеннцевъ почти несомнѣнно, хотя мы и должны

---

1) См. Agnel. in vita Felicis, cap. II. По его словамъ Юстиніанъ обвинялъ равеннцевъ даже въ томъ, что у него были обрѣзаны носъ и уши. Черта чрезвычайно замѣчательная. Присутствіе Іоанницися въ Константинополѣ во время низложенія Юстиніана (см. ниже) показываетъ, что извѣстіе, сообщаемое Аньеломъ, сказано имъ не наобумъ. Къ сожалѣнію, малосвѣдущіе византійскіе хронографы совершенно лишаютъ насъ возможности узнать подробности этой интриги.—2) Anast. in vita Constantini: Nam Ravennatium cives *elati superbia* digna ultionis poena mulctati sunt. Mittens quippe Justinianus Theodorum Patricium et primum exercitus insulae Siciliae cum classe navium, Ravennam coepit, *praefatum archiepiscopum arrogantem in navi vinctum tenuit et omnes rebellos*, quos ibi reperit, compedibus strinxit, divitias eorum abstulit, Constantinopolim misit. — Онъ же говоритъ, что Феликсъ былъ поставленъ въ Римѣ Константиномъ: *итакъ современность* ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

отказаться опредѣлить его мѣру и значеніе за совершеннымъ молчаніемъ византійскихъ источниковъ.

Какъ бы то ни было, задуманное мщеніе было исполнено совершенно по-Юстиніановски: коварно, злобно и безъ всякой пощады и снисхожденія. Патрицію Өеодору, начальствовавшему надъ войскомъ въ Сициліи, данъ былъ приказъ сѣсть на корабль и отправляться къ Равеннѣ. Порученіе, ему данное, онъ долженъ былъ хранить въ величайшей тайнѣ до того самаго времени, какъ наступитъ минута исполненія. При первомъ благопріятномъ вѣтрѣ корабль пустился въ море и чрезъ нѣсколько времени, войдя въ устье рѣки, у которой расположена Равенна, подступилъ къ самому городу. Завидѣвъ греческій военный корабль и ничего не подозрѣвая, жители толпами вышли на берегъ. Тамъ нашли они самого патриція, который расположился на лугу и благосклонно принималъ городскихъ старѣйшинъ (majores natu). Никто не угадалъ настоящей цѣли его прибытія. На другой день на томъ же самомъ мѣстѣ раскинутъ былъ большой шатеръ и назначенъ пріемъ для всѣхъ именитыхъ гражданъ Равенны [1]). Они приходили по двое, и едва только вступали въ шатеръ, какъ ихъ тотчасъ схватывали, клепали имъ ротъ, связывали назадъ руки и относили въ корабль. Такимъ коварнымъ способомъ, прежде чѣмъ равеннцы успѣли опомниться, у нихъ были захвачены всѣ лучшіе граждане. Между самыми важными жертвами этого вѣроломства былъ епископъ города, Феликсъ, и нѣкто Іоанницисъ, человѣкъ, который по своему уму пользовался особеннымъ уваженіемъ между жителями города [2]). Объ этомъ Іоанницисѣ мы знаемъ сверхъ того, что сначала онъ былъ нотаріемъ при экзархѣ, заслужилъ здѣсь себѣ репутацію отличнаго дѣльца, такъ что былъ позванъ на службу къ самому двору въ Константинополѣ, но послѣ низложенія Юстиніана опять возвратился въ Равенну и, какъ кажется, имѣлъ большое вліяніе на духъ ея жителей [3]). Лишь немногіе, открывъ обманъ заблаговременно, успѣли спастись въ городъ и принесли съ собою вѣсть о томъ, что̀ произошло на берегу. Нечаянность

---

[1]) Agnel. ibid: proceres omnes. Ниже, говоря о нихъ же, онъ употребляетъ выраженіе: nobiles. Поставленное здѣсь слово militia въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы старались его объяснить, вовсе не было бы не у мѣста.— [2]) Ibid: Ibi et Felix pontifex istius urbis deceptus est, ibi Ioannicis sapientissimus captus est, etc. Нѣсколько странная форма имени Ioannicis не нуждается впрочемъ въ исправленіи: въ ней можно замѣчать признаки зарождающагося италіанскаго языка.— [3]) См. Murat. Observ. in vitam Felicis, p. 166.

удара поразила равеннцевъ въ самое сердце. Молва мгновенно разнесла тревогу по всему городу. Горькое чувство оскорбленія столь внезапнаго и столь вѣроломнаго и страхъ за участь неосторожныхъ, которые сдѣлались жертвою обмана, произвели всеобщій вопль, достигавшій до самаго неба—по фигурному выраженію повѣствователя. Мстителя не находилось, но нетерпѣливые равеннцы хотѣли лучше трубными звуками питать и поддерживать безсильное чувство въ народѣ, чѣмъ дать ему успокоиться и забыть въ бездѣйствіи самую память оскорбленія. Наконецъ, опомнившись отъ перваго потрясенія, они вооружились и толпами вышли къ берегу искать своего вѣроломнаго врага. Но онъ былъ уже недостижимъ. Въ то время, какъ равеннская милиція искала его глазами около пристани, корабль съ плѣнниками вышелъ въ открытое море и спокойно направилъ паруса къ Константинополю. Пока Равенна предавалась отчаянію, плѣнники были перевезены на берега Босфора. Юстиніанъ торжественно принялъ вѣсть о возвращеніи своего повѣреннаго. Плѣнные всѣ были брошены въ темницу и немного спустя преданы казни. Уцѣлѣлъ одинъ епископъ, и то лишь потому, что относительно его Юстиніанъ связалъ себя клятвою; но лишеніе, которымъ долженъ былъ поплатиться Феликсъ, отравило для него и самый даръ жизни: онъ былъ варварскимъ образомъ лишенъ зрѣнія [1] и отправленъ въ далекое заточеніе. Самая тяжелая участь пала на долю Іоаннициса. Видъ этого плѣнника доставилъ мстительному Юстиніану минуту особеннаго удовольствія. Онъ какъ будто вспомнилъ свое безчестное низверженіе, принялъ Іоаннициса какъ своего личнаго врага, самъ изобрѣлъ для него казнь и присутствовалъ при ней съ нѣкотораго рода наслажденіемъ. Когда на ироническій вопросъ, точно ли плѣнникъ есть Іоанницисъ, бывшій *писецъ* (scriba), приставленные къ нему отвѣчали утвердительно, Юстиніанъ приказалъ подпустить ему подъ ногти деревянныя иглы и въ то же время велѣлъ подать бумаги и чернилъ для письма. Іоанницисъ взялъ перо, но вмѣсто того чтобы писать чернилами, сталъ писать кровію, которая текла изъ его пальцевъ. Написавъ нѣсколько словъ, въ которыхъ

[1] Agnel. ibid. Анастасій (in vita Constantini) также говоритъ о казни равеннцевъ и объ ослѣпленіи Феликса; но замѣчательно, что уваженіе къ прерогативамъ римскаго престола, которыя позволялъ себѣ не уважать Феликсъ, завело его такъ далеко, что онъ принимаетъ сторону враговъ епископа и называетъ его несчастіе—достойнымъ наказаніемъ за непослушаніе апостольскому *престолу!*

заключалось воззваніе къ Богу объ освобожденіи изъ рукъ нечестиваго тирана, онъ бросилъ бумагу въ лицо Юстиніана, желая ему насытиться этою кровію. Юстиніанъ пришелъ въ ярость и отдалъ приказъ немедленно отвести дерзкаго говоруна (facundus poëta) и задавить его между двумя жерновами. Приказъ былъ исполненъ во всей точности. Таковъ разсказъ Аньела объ участи Іоаннициса [1]).

Если казни удовлетворили страсти мщенія съ одной стороны, то для другой онѣ были острымъ жаломъ, которое вмѣстѣ язвитъ и раздражаетъ. Оскорбленіе слишкомъ глубоко вонзилось въ сердца равеннцевъ, чтобы они могли успокоиться безъ отмщенія. Какъ ни мало простора страстямъ даютъ у себя наши источники, однако и они не могутъ скрыть того страстнаго раздраженія, которое овладѣло равеннцами послѣ казней, совершенныхъ надъ ихъ гражданами въ Константинополѣ. Лишь мимоходомъ упоминаетъ Анастасій о томъ, что тотъ самый Іоаннъ Ризокопъ, который ѣхалъ на экзархатъ въ Равенну и встрѣтился съ римскимъ епископомъ Константиномъ въ Неаполѣ, погибъ потомъ насильственною смертію въ Равеннѣ [2]). Онъ прибавляетъ, правда „за свои гнусныя дѣла“; но кто не видитъ, что, по мысли Анастасія, „дѣла“ приводятся здѣсь какъ нравственная вина самого экзарха, чтобы насильственная смерть его не показалась незаслуженною, но никакъ не для оправданія равеннцевъ или объясненія ихъ ненависти къ Ризокопу? Причины этой ненависти лежали глубже: онѣ, очевидно, еще предшествовали прибытію экзарха въ Равенну. Убійство его было со стороны равеннцевъ актомъ мщенія, возмездіемъ за константинопольскія казни. Но, совершивъ свое злое дѣло, равеннцы уже не могли сойти съ кроваваго пути, на который были увлечены своею страстію. Юстиніанъ былъ живъ, тотъ самый Юстиніанъ, который не прощалъ въ жизнь свою ни одной обиды, который, чѣмъ больше жилъ, тѣмъ больше терялъ всякую чувствительность, кромѣ какъ только для однихъ оскорбленій. Равеннцамъ не было спасенія отъ его гнѣва, если бы они не предупредили его какимъ-нибудь крайнимъ средствомъ. Они знали, что у нихъ не могло быть мира съ Юстиніаномъ: итакъ имъ оставалось только отречься отъ него, но вмѣстѣ отречься и отъ мира, и оружію

[1]) Agnelus, in vita Felicis, cap. 4. — [2]) Anast. in vita Constantini: Veniens igitur Neapolim, illuc eum reperit Ioannes Patricius, qui veniens Romam—pergensque Ravennam pro suis nefandissimis factis judicio Dei illic turpissima morte occubuit.—Ср. Murat. Observ. in vitam Felicis, p. 166.

ввѣрить свое спасеніе. „Все ложь и обманъ“—говорили равеннцы, провожая глазами корабль, который увозилъ ихъ плѣнниковъ: „нѣтъ больше вѣры въ нашемъ вѣкѣ, въ немъ царствуетъ одно вѣроломство“.

Вдругъ видимъ Равенну и за нею часть экзархата въ пожарѣ общаго возстанія. Убійствомъ экзарха разорвавъ окончательно съ законною властію, равеннцы изъ среды себя поставили себѣ главу, которому всѣ поклялись въ безусловномъ повиновеніи. Это былъ сынъ Іоаннициса, Георгій, который какъ будто наслѣдовалъ отъ отца его умъ, смѣтливость, прозорливость, рѣдкій даръ слова, и сверхъ того отличался еще изяществомъ внѣшнихъ формъ [1]). Повѣствователь не сохранилъ титла, подъ которымъ ввѣрена была Георгію эта чрезвычайная власть; дукъ, трибунъ или консулъ, во всякомъ случаѣ впрочемъ онъ показалъ себя достойнымъ довѣренности равеннцевъ и умѣлъ остаться полнымъ господиномъ своего положенія. Въ короткое время онъ обнаружилъ столько дѣятельности, расторопности и энергіи въ своихъ распоряженіяхъ, что, даже судя по немногимъ признакамъ, которые достигли до насъ, нельзя не сознаться, что этотъ человѣкъ рожденъ былъ для чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Первымъ его дѣломъ было объѣхать сосѣднюю страну, можетъ-быть большую часть экзархата, осмотрѣть самые важные пункты, и во всѣхъ мѣстахъ возбудить Равеннѣ союзниковъ [2]). Вездѣ нашелъ онъ одинъ духъ, одни чувства, какъ если бы „всѣ пили отъ яда змѣи, приходившей отъ Понта“. Не только многіе города экзархата, Чезена, Сарсина, Попилія, Ливія, Фавенція, Болонія и другіе, ополчались съ его голоса, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самые колоны брались за оружіе [3]). Георгій вездѣ распорядился вооруженіемъ гражданъ, всѣмъ назначилъ посты; пункты наиболѣе подверженные нападенію, особенно съ моря,

---

[1]) Agnel. in vita Felicis, cap. 3: Tunc elegerunt sibi Ravennenses—Ioannicis filium nomine Georgium, qui illo tempore prudens in verbis, providens in consilio, verax in sermonibus,et omni elegantior gratia; devoveruntque se universi pariter praeceptis ejus, et quisquis esset inobediens vindicaretur.—[2]) Аньелъ удивительно капризенъ въ своемъ повѣствованіи: иногда пускается въ многословную амплификацію, иногда же чуть замѣтною чертою обозначитъ значительный фактъ, такъ что его можно пропустить вовсе при бѣгломъ чтеніи. О разъѣздахъ Георгія по экзархату, напримѣръ, мы должны заключать изъ слѣдующаго мѣста: Ille vero murino sedens Sonipede, extrinsecus lustrata Italia, sexta reversus est hora et ait ad socios. Прочія подробности взяты изъ приводимой вслѣдъ затѣмъ рѣчи Георгія къ равеннцамъ.—[3]) Ibid: coloni decumani speculentur juxta portus Candini.

обезпечилъ гарнизонами. Въ случаѣ, если бы нападеніе угрожало Равеннѣ, онъ устроилъ такъ, что по данному знаку союзники съ горъ и изо всей окрестной страны готовы были тотчасъ явиться къ ней на помощь [1]). Самимъ равеннцамъ предоставилъ Георгій защищаться внутри собственныхъ стѣнъ, и внушалъ имъ стоять твердо противъ „данаевъ“. Когда же со стороны нѣкоторыхъ изъявлено было желаніе, чтобы военная организація, введенная Георгіемъ въ цѣлой области, распространена была и на самый городъ, онъ взялся за эту мысль съ тою же неутомимостію, и скоро вся Равенна была раздѣлена на десять полковъ или бандъ (bandi), такъ что каждый вооруженный занималъ свое постоянное мѣсто въ извѣстномъ полку [2]). Такъ организовано было это возстаніе, направленное прямо противъ греческаго владычества въ экзархатѣ.

Ни Римъ, ни южная Италія (Неаполь и другіе города) не пристали къ Равеннѣ; первый—мы уже знаемъ почему, вторая, безъ сомнѣнія, по отдаленности: возстаніе развилось такъ быстро, что не успѣло еще сообщиться южнымъ частямъ провинціи. Но въ Римѣ обстоятельства легко могли измѣниться, а съ ними и его направленіе; огонь, который загорѣлся на сѣверѣ, могъ разнестись со временемъ и по всей странѣ, сколько еще ея оставалось подъ греческою властію. Элементы были готовы почти на всѣхъ пунктахъ: національное сознаніе сдѣлало въ продолженіе вѣка огромные успѣхи и вездѣ имѣло для себя твердую опору въ народной милиціи; трудно представить себѣ, чтобы Пентаполисъ, Римъ и Неаполь долго оставались равнодушными къ тому дѣлу, которое защищать взяла на себя Равенна: ибо это дѣло было общее, національное. Но въ такомъ случаѣ какими средствами имперія могла бы противодѣйствовать? Какими пожертвованіями отвратила бы она потерю этой отдаленной провинціи, когда съ трудомъ удерживала тѣ, которыя лежали подъ самымъ Константинополемъ?

На первый разъ впрочемъ дѣло не пошло такъ далеко. Благодаря новой перемѣнѣ, которая произошла въ Константи-

---

[1]) Ibid: Foederati viri de montuosis veniant locis... Non paveatis, muros vestra defendite dextra; socii jungentur vobis ex suburbano undique, qui nostram defendant arcem et civitatem salvent.—[2]) Банды носили разныя названія: bandus primus, badus secundus, bandus novus, invictus, etc. Нѣкоторые отличались особыми мѣстными названіями, какъ-то laetus Mediolanensis, Veronensis, и пр., что даетъ поводъ заключать, что въ равеннской милиціи были тогда миланцы, веронцы, то-есть римляне и изъ нѣкоторыхъ другихъ ломбардскихъ городовъ.

нополѣ, оно безъ всякихъ усилій со стороны имперіи разрѣшилось гораздо счастливѣе, нежели какъ можно было предполагать сначала. Опять можно только гадать, но нельзя сказать ничего опредѣленнаго о томъ, въ какой связи состояло второе, окончательное низверженіе Юстиніана съ равеннскимъ возстаніемъ. Что впрочемъ послѣднее не осталось безъ вліянія на переворотъ, который около того же времени произошелъ въ столицѣ имперіи, на эту мысль наводитъ самъ повѣствователь, именно въ такомъ порядкѣ излагающій событія: казнь Іоаннициса, низверженіе Юстиніана, восшествіе Филиппика [1]. Такова странность, свойственная вообще его повѣствованію, что, любя особенно подробности, онъ нерѣдко пропускаетъ самое важное, какъ бы потому, что предполагаетъ его слишкомъ извѣстнымъ. Эта же самая странность виною и того, что мы не можемъ сказать ничего положительнаго объ исходѣ, который приняло равеннское возстаніе, хотя многое можемъ заключать съ вѣроятностію изъ послѣдующаго разсказа того же автора. Съ большими подробностями разсказываетъ онъ о томъ, какъ одною изъ первыхъ заботъ Филиппика было вызвать несчастнаго Феликса изъ заточенія и потомъ не только возвратить ему санъ и мѣсто епископа въ Равеннѣ, но и дать строжайшее повелѣніе всѣмъ жителямъ Константинополя, чтобы всякій изъ нихъ, у кого бы только оказалась какая-нибудь вещь, принадлежащая „равеннской церкви", сосудъ, одежда, канделябръ, или что другое, немедленно представилъ ее во дворецъ для возвращенія епископу [2]. Никакое извѣстіе не говоритъ, въ какую именно эпоху произошло разграбленіе вещей, принадлежащихъ равеннской церкви, и какимъ образомъ очутились онѣ въ Константинополѣ; но достовѣрно то, что онѣ были здѣсь отобраны во множествѣ. Можно предполагать, что низверженіе Юстиніана и первыя дѣйствія его преемника такъ удовлетворили равеннцевъ, что они добровольно смирились предъ Константинополемъ и опять признали надъ собою его власть. О томъ, чтобы возстаніе было обуздано силою, равно какъ и объ участи главнаго дѣятеля, мы не находимъ никакого показанія. Что же касается до слѣпого Феликса, то онъ мирно провелъ остатокъ дней своихъ въ Равеннѣ и былъ по смерти признанъ святымъ.

---

[1]) Agnel. ibid. cap. 4.—[2]) Ibid. cap. 5. Анастасій (in vita Constantini) въ короткихъ словахъ упоминаетъ лишь о возвращеніи Феликса.

Но въ то время, какъ Равенна возвращалась къ спокойствію и принимала у себя вновь назначеннаго экзарха, Римъ опять приходилъ въ тревожное состояніе и снова началъ угрожать разрывомъ съ имперіею. Въ Римѣ, какъ всегда, движеніе началось съ религіознаго вопроса. Новый императоръ, по несчастію, былъ преданъ ереси монофелитовъ. Довольно было одного этого порока, чтобы произвести между римлянами сильное волненіе. Епископомъ Рима былъ тотъ же миролюбивый Константинъ; но даже и онъ, съ совѣта своихъ сановниковъ [1]), отказался принять грамоту Филиппика съ изложеніемъ его вѣрованій. Гораздо болѣе непримиримый духъ обнаружился въ „римскомъ народѣ" (populus Romanus). Какъ видно, римляне, долгое время сдерживаемые своимъ епископомъ, наконецъ, по поводу восшествія еретическаго императора, опять взяли свою волю. Въ Римѣ положено было не принимать ни грамотъ съ подписью Филиппика, ни монеты съ его изображеніемъ; далѣе, воспрещено было вносить его изображеніе въ церкви и поминать его на молитвахъ. Одно обстоятельство прибавило еще новую пищу народному раздраженію. Желая имѣть въ римской администраціи хотя одно довѣренное лице, Филиппикъ назначилъ въ Римъ новаго дука: Христофоръ, до сего времени занимавшій это мѣсто, долженъ былъ уступить его нѣкоторому Петру. Но едва только Петръ думалъ вступить въ отправленіе своей должности, какъ граждане, отвергая всякое полномочіе, происходившее отъ еретическаго императора, положили не признавать новаго дука, именно потому, что онъ назначенъ Филиппикомъ [2]). Лишь немногіе остались на сторонѣ Петра, прочіе же соединились съ прежнимъ дукомъ Христофоромъ. Передъ самымъ дворцомъ произошло кровавое столкновеніе, при чемъ съ обѣихъ сторонъ пало болѣе двадцати человѣкъ; малочисленная партія Петра находилась уже въ крайнемъ положеніи, когда Константинъ, желая остановить кровопролитіе, выслалъ отъ себя священниковъ съ крестами и евангеліемъ, и разлучилъ сражающихся. Только благодаря его посредничеству, Петръ съ своими приверженцами могъ безопасно удалиться съ мѣста побоища, не будучи преслѣдуемъ своими торжествующими

[1]) Anast. ibid: Cujus (imperatoris) et sacram cum pravi dogmatis exaratione Constantinus suscepit, sed *cum apostolicae sedis consilio respuit.*— [2]) Ibid: Dumque innotuisset, quod ad nomen haeretici imperatoris sua promotione isdem Petrus fuisset potitus, zelo fidei accensa *magna pars populi Romani* statuerunt nullo modo hunc ducem suscipere.

противниками. Продолжая вести свое движеніе въ томъ же духѣ, римляне могли наконецъ опередить равеннцевъ, и тогда, какъ знать, нашлось ли бы у Филиппика довольно средствъ, чтобы силою привести Римъ къ прежней покорности? Но по счастію для имперіи, власть Филиппика оказалась еще менѣе прочна въ Константинополѣ, чѣмъ въ Римѣ, и какъ заступившій его мѣсто Анастасій не подавалъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ своемъ правовѣріи, то дѣло съ римлянами уладилось въ короткое время, и городъ возвратился къ прежнему порядку.

Событія, которыя мы разсказали, произошли въ небольшой промежутокъ времени отъ 705 до 715 года. Излагая ихъ, мы имѣли цѣлію показать, какъ далеко уже простиралось развитіе новой національности, и какимъ духомъ была полна Италія въ началѣ VIII вѣка. До сего времени успѣхи національнаго развитія мы измѣряли успѣхами одного учрежденія, которому, хотя въ своихъ основаніяхъ оно было учрежденіе духовное, обстоятельства и личныя заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей придали характеръ власти національной. Но со второй половины VII вѣка римскій престолъ, оставаясь попрежнему главнымъ и самымъ виднымъ центромъ національнаго движенія, перестаетъ впрочемъ быть единственнымъ представителемъ его силы и энергіи. Думая смирить насиліемъ и жестокостію непреклонность римскаго престола и сдѣлать его орудіемъ своего произвола въ цѣлой Италіи, потомки Гераклія своею безразсудною политикою произвели то, что гонимая италіанская національность, вмѣсто того, чтобы ждать себѣ избавленія отъ Рима, должна была опереться сама на себя, сосчитать свои силы, организовать ихъ и вести на помощь Риму, и что, вмѣсто одного, образовалось нѣсколько такихъ пунктовъ, гдѣ національное движеніе было какъ у себя дома и продолжало итти впередъ независимо отъ положенія и политики римскаго престола. Въ томъ самомъ городѣ, который былъ резиденціею намѣстника имперіи, власть ея представляла наименѣе прочности; а за другіе пункты нельзя было поручиться по самому отдаленію ихъ отъ центра управленія. Равенна и теперь продолжала быть центромъ для всей окружной страны, но совершенно въ иномъ смыслѣ: къ ней охотно примыкали сосѣдственные города, въ одномъ случаѣ даже цѣлый Пентаполисъ, какъ скоро ея милиція ополчалась для защиты правъ римскаго престола или своихъ согражданъ—противъ уполномоченныхъ имперіи. На Римъ нельзя было поло-

житься даже подъ управленіемъ самыхъ миролюбивыхъ епископовъ: при первомъ извѣстіи, что высшая власть въ имперіи начинаетъ покровительствовать еретическому мнѣнію, онъ готовъ былъ отложиться отъ Константинополя. Неаполь еще въ началѣ VII вѣка обнаружилъ сильную наклонность къ отпаденію. Наконецъ Венеція, не отдѣляясь формально отъ имперіи, вовсе не знала власти экзарха и управлялась своими магистратами. Движеніе, которое открылось въ Равеннѣ при Юстиніанѣ II, и то, которое начиналось въ Римѣ при его преемникѣ, не кончились ничѣмъ: Римъ и Равенна легко и скоро возвратились къ прежнему началу; но они возвратились добровольно, а не потому, чтобы укрощенъ и подавленъ былъ духъ, который произвелъ оба эти движенія. По первому новому поводу, при первомъ неосмотрительномъ или насильственномъ дѣйствіи византійскаго правительства, даже при первомъ религіозномъ несогласіи, тотъ же духъ долженъ былъ опять произвести то же явленіе. Всегда ли исходъ подобныхъ движеній будетъ такъ простъ и выгоденъ для имперіи, или они возьмутъ мало-по-малу свою силу, изъ мѣстныхъ превратятся въ одно общее движеніе цѣлой страны и пробьются наконецъ къ той крайней цѣли, къ которой, хотя не всегда ясно, стремились съ самого начала, то-есть къ освобожденію Италіи отъ чужеземнаго владычества,—рѣшеніе этого многотруднаго вопроса зависѣло отъ того, какіе новые перевороты произойдутъ въ направленіи константинопольской политики, какъ велика будетъ централизующая сила въ ищущей своего освобожденія Италіи, и каковы будутъ ея главные дѣятели.

Исторія Италіи въ VIII вѣкѣ представитъ намъ возможность пересмотрѣть всѣ эти пункты обстоятельно и отвѣчать на вопросъ самыми событіями. Пока мы удовольствуемся лишь тремя чертами, чтобы хотя слегка обозначить будущее направленіе національнаго развитія въ Италіи: во-первыхъ, около 727 года, при папѣ Григоріи II и почти съ его голоса, по всей Италіи города поставляютъ себѣ дуковъ по своему собственному выбору; во-вторыхъ, спустя немного времени, Равенна отдается въ руки Ліутпранда, короля лангобардскаго; наконецъ въ-третьихъ, епископъ Григорій III, угрожаемый лангобардами въ самомъ Римѣ, ищетъ себѣ помощи на отдаленномъ западѣ. Въ этихъ фактахъ — сумма исторіи Италіи за цѣлую половину слѣдующаго столѣтія.

VIII.

Григорій II и Ліутпрандъ, король лангобардовъ. Иконоборческіе императоры на византійскомъ престолѣ. Распространеніе иконоборческихъ эдиктовъ на Италію. Разрывъ Григорія II съ Константинополемъ. Григорій III.

Отъ малыхъ или малозамѣтныхъ причинъ, отъ которыхъ взялась новая италіанская національность, не далеко уже было до великихъ слѣдствій. Цѣль опредѣлилась, и римская Италія начала выходить изъ того пассивнаго состоянія, въ которомъ она оставалась цѣлый вѣкъ послѣ Григорія. Уже событія первыхъ годовъ VIII столѣтія давали предчувствовать, что въ судьбахъ Италіи готовится новый чрезвычайный переворотъ: лица же, которыя встрѣчаемъ вслѣдъ за тѣмъ во главѣ римской и лангобардской Италіи, были и первыми его орудіями. Время Григорія II и Ліутпранда, двухъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ, наполняющихъ своею дѣятельностію не одно десятилѣтіе, есть время зачинающагося переворота. Мы увидимъ, какъ быстро въ это время шла Италія къ разрѣшенію своей національной задачи, хотя, по множеству самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ, и не могла еще дойти до послѣдняго результата.

Вѣкъ обильный великими именами и событіями. Припомнимъ, что современниками Григорія II и Ліутпранда были—во Франціи Карлъ Мартелъ, въ Германіи—великій просвѣтитель ея, Бонифацій, и что тому же самому вѣку принадлежитъ большая часть великихъ дѣлъ и еще болѣе великихъ начинаній Карла Великаго. Въ новой Европѣ какъ будто происходитъ особое напряженіе силъ, она какъ бы дѣлаетъ чрезвычайное усиліе, чтобы выйти изъ того нерѣшительнаго состоянія, въ которомъ находилась въ продолженіе предыдущаго столѣтія.

Равенна на нѣкоторое время опередила Римъ, явно впрочемъ, что она не могла увлечь за собою цѣлой римской Италіи. Равеннцы могли прійти на помощь къ Риму, но римляне не пошли бы на помощь къ Равеннѣ, если бы вопросъ былъ объ ея спасеніи. Точка соединенія національныхъ силъ была въ Римѣ, не въ Равеннѣ. На нѣкоторое время Римъ могъ уклониться отъ того, что стало какъ бы его назначеніемъ; но такая случайность не могла быть продолжительна. Немногаго стоило римлянамъ опять выйти на прежнюю дорогу. — Еще при жизни епископа Константина, по случаю грамотъ Филиппика, „римскій народъ" снова пришелъ въ движеніе и обнаружилъ гораздо болѣе безпокойнаго духа, чѣмъ было при Юстиніанѣ. Константинъ, правда, сохранилъ настолько вліянія между римлянами, чтобы пріостановить ихъ въ минуту крайняго стремленія. Но по смерти Константина, между Римомъ и имперіею стало однимъ связывающимъ членомъ менѣе.

Анастасій не сообщаетъ подробностей о выборѣ преемника Константину, но судя по всему, что мы знаемъ объ этомъ преемникѣ, видно, что въ системѣ избранія произошло довольно важное измѣненіе. Новый выборъ, очевидно, былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ послѣднихъ событій и даже какъ бы подъ предчувствіемъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя предстояли римской Италіи въ ближайшемъ будущемъ. Римляне хотѣли не освободить только свой престолъ отъ византійскаго вліянія, но и поставить себѣ въ лицѣ епископа достойнаго главу, отъ котораго народъ не напрасно ждалъ бы себѣ и совѣта и руководительства. Вновь избранный самъ былъ римлянинъ и носилъ столь знаменательное имя Григорія [1]). Никто безъ сомнѣнія не могъ напередъ поручиться за будущее управленіе новаго епископа, но были въ немъ, кромѣ его римскаго происхожденія, многія внутреннія достоинства, которыя стоили самыхъ добрыхъ ручательствъ. Біографъ хвалитъ особенно чистоту его жизни, его просвѣщенный умъ, его краснорѣчіе и духъ постоянный въ убѣжденіяхъ и непреклонный передъ противниками [2]). Свое духовное поприще онъ началъ при епископѣ Сергіи, былъ субдіакономъ римской церкви и въ этомъ качествѣ вѣроятно управлялъ ея имѣніями, потомъ завѣдывалъ библіотекою — лучшее средство для того,

---

1) Anast. in vita Gregorii II.—2) Ibid. Erat enim vir castus, divinae scripturae eruditus, facundus loquela, et constans animo, ecclesiasticarum rerum defensor et contrariis fortissimus impugnator.

чтобы обогатить умъ познаніями — и наконецъ участвовалъ въ поѣздкѣ своего предшественника въ Константинополь, при чемъ, въ состязаніяхъ съ Юстиніаномъ, имѣлъ случай показать свой гибкій умъ и свои обширныя знанія. Имѣя въ виду и всю послѣдующую дѣятельность Григорія II какъ римскаго епископа, мы можемъ сказать, что онъ приносилъ съ собою на римскій престолъ и еще одинъ даръ, который во всей полнотѣ не могъ раскрыться до того времени. Это даръ широкаго политическаго соображенія, котораго горизонтъ впослѣдствіи распространился далеко за предѣлы Италіи, и съ помощію котораго Григорій могъ озирать изъ своего центра очень обширный кругъ разнородныхъ политическихъ направленій и подчинять ихъ въ той или другой степени своимъ собственнымъ цѣлямъ. При неопредѣленности направленій въ европейской политикѣ въ то время, какъ Григорій вступилъ на престолъ, при его твердой волѣ и настойчивости, такой даръ былъ истиннымъ пріобрѣтеніемъ для римскаго престола и для всей римской Италіи, которая съ конца VII вѣка находилась въ самомъ напряженномъ состояніи, ожидая, чѣмъ рѣшится ея все еще сомнительная участь. Какова бы ни была будущая судьба страны, но избраніе Григорія во всякомъ случаѣ было первымъ шагомъ къ выходу изъ того состоянія, въ которомъ она находилась до сего времени.

Не напрасно новый епископъ Рима носилъ имя Григорія. Положеніе его, хотя не представляло полной аналогіи съ положеніемъ его великаго предшественника, было впрочемъ почти не менѣе трудно по многимъ другимъ отношеніямъ и требовало почти такой же бдительности и осмотрительности. Григорій съ самаго начала показалъ, что у него нѣтъ недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ качествѣ, и что мысль его по крайней мѣрѣ столько же обращена на будущее, сколько занята настоящимъ состояніемъ Италіи. Однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣйствій Григорія II по избраніи его на престолъ было, по словамъ Анастасія, приняться за возстановленіе стѣнъ города. Онъ только частію успѣлъ привести въ исполненіе свое предпріятіе, будучи остановленъ какимъ-то чрезвычайнымъ движеніемъ—между работавшими или въ цѣломъ римскомъ народонаселеніи, мы не можемъ ясно различить по недостаточному выраженію Анастасія [1]); но мысль, которою

[1]) Anast. ibid: Hic exordio Pontificatus sui calcarias decoqui jussit, et a porta S. Laurentii inchoans hujus civitatis muros restaurare decreverat, et aliquam *partem faciens, emergentibus incongruis, variisque tumultibus, praepeditus est.* —

руководился Григорій при своемъ начинаніи, не можетъ быть пропущена безъ вниманія. Какихъ враговъ имѣлъ онъ въ виду? Противъ кого хотѣлъ возобновить римскія укрѣпленія? Казалось, опасность ни съ какой стороны не угрожала Риму. Страхъ лангобардскаго нашествія давно прошелъ; еще менѣе было причинъ опасаться движенія новыхъ варваровъ съ отдаленнаго сѣвера; внутри римской Италіи во время вступленія Григорія II все было спокойно. Противъ кого же хотѣлъ Григорій обезопасить Римъ, возстановляя его укрѣпленія?

Открытыхъ враговъ у Рима пока не было, но у него не было также вокругъ и друзей, на которыхъ бы онъ могъ положиться, кромѣ развѣ милиціи сѣверныхъ городовъ. Отъ страха лангобардскаго Римъ прикрывался въ прежнее время щитомъ имперіи; но чѣмъ было ему прикрывать себя, когда страхъ сталъ приходить къ нему съ той стороны, откуда онъ привыкъ ожидать себѣ спасительной помощи? Въ продолженіе цѣлаго вѣка Римъ гораздо болѣе терпѣлъ отъ экзарховъ и протоспаѳаріевъ, чѣмъ отъ лангобардовъ. Думать ли, что навсегда прекратились насилія въ родѣ тѣхъ, какія испыталъ Мартинъ, или какія позже угрожали Сергію? Но какое было ручательство? Надѣяться ли и впредь на скорую помощь равеннской милиціи? Но послѣ того, что̀ испытала Равенна при Юстиніанѣ, она сама отнюдь не менѣе нуждалась въ чужой помощи, чѣмъ Римъ. Григорій былъ самъ римляниномъ; на его памяти произошло слишкомъ много перемѣнъ въ лицахъ и системахъ, управлявшихъ провинціями изъ Константинополя, чтобы онъ могъ обмануться насчетъ мнимой прочности власти того лица, которое онъ засталъ на престолѣ имперіи при своемъ вступленіи, и не желать обезопасить Римъ на всякій случай своими домашними средствами. Кто могъ поручиться Григорію, что тотъ, при которомъ послѣдовало его избраніе (Анастасій), былъ прочнѣе на престолѣ, чѣмъ его предшественникъ (Филиппикъ)? А съ новыми перемѣнами въ Константинополѣ— кто осмѣлился бы утверждать, что и римляне не подвергнутся тѣмъ же насиліямъ, какія испытали равеннцы при Юстиніанѣ II?

Впрочемъ и страхъ лангобардскій прошелъ лишь въ одномъ видѣ, но онъ всякую минуту могъ возвратиться въ дру-

Между *разными* неудобствами не былъ ли главнымъ чрезвычайный разливъ рѣки Тибра, о чемъ самъ же біографъ говоритъ на слѣдующей страницѣ? Разливъ былъ такъ великъ, что въ одномъ мѣстѣ рѣка вытекала прямо черезъ городскія ворота (porta Flaminia), въ другомъ переливалась черезъ стѣны города заливала дороги, поля, луга, разрушала зданія, и проч. См. р. 96.

гомъ. Если государство лангобардовъ въ VII вѣкѣ возвратилось отъ внѣшняго завоеванія къ своей внутренней жизни, то это возвращеніе однако нисколько не измѣняло внѣшнихъ условій существованія государства на италіанской территоріи. Оно также глубоко прорѣзывало своими владѣніями внутренность полуострова, попрежнему неудобно было охвачено со многихъ сторонъ владѣніями, принадлежавшими къ римской Италіи, и за рѣкою По не могло сдѣлать шага впередъ, не столкнувшись въ томъ или другомъ пунктѣ съ имперіею, съ экзархатомъ или съ Римомъ. Одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ существованія лангобардскаго государства оставался нерѣшеннымъ. Между тѣмъ возвращеніе его ко внутренней дѣятельности принесло свои важные результаты, какихъ нельзя было и ожидать по началу. Католицизмъ сгладилъ самое рѣзкое раздѣленіе между двумя національностями; вновь начавшіяся отношенія юридическія и соціальныя незамѣтно проводили сближеніе еще далѣе, наконецъ самое время, погашая одни за другими прежнія враждебныя воспоминанія, также не мало облегчало трудное дѣло слiянія двухъ національностей. Составляя съ своими правами и привилегіями высшее общество въ государствѣ, лангобарды однако не заградили всѣхъ входовъ въ него человѣку римскаго происхожденія; съ своей стороны римлянинъ, имѣя только одинъ выходъ изъ своего полусвободнаго состоянія, отказывался отъ римской гордости и поставлялъ себѣ идеаломъ включеніе въ члены лангобардскаго общества. Одно общество втягивало въ себя другое, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно принимало въ себя и римскіе элементы, перерабатывалось внутри на римскую стать. Утратить вовсе свой національный характеръ лангобарды еще не могли до времени, но если бы имъ опять пришлось имѣть дѣло съ римскою Италіею, они бы предстали предъ нею въ видѣ менѣе варварскомъ, они бы показались ей болѣе похожими на римлянъ.

Чѣмъ больше успѣвало дѣло единства въ народѣ лангобардскомъ, тѣмъ болѣе приходилъ онъ къ сознанію своей силы, тѣмъ болѣе накоплялось въ немъ потребности обнаружить эту силу во внѣшнихъ предпріятіяхъ. Таково всегдашнее свойство силы; чѣмъ болѣе она нарастаетъ, тѣмъ болѣе ищетъ себѣ внѣшняго проявленія. По мѣрѣ того, какъ разрѣшалась внутренняя задача лангобардскаго общества, для него становилась ощутительнѣе потребность новой, внѣшней дѣятельности, хотя и неодинаково во всѣхъ частяхъ. Къ тому же вело и усиленіе королевской власти у лангобардовъ, цѣль, къ которой первое

ясное стремленіе мы видѣли въ законодательствѣ Ротари. Бури внутреннихъ междуусобій мало-по-малу укрощались; еще ни одинъ домъ не успѣлъ прочно утвердиться на лангобардскомъ престолѣ, но переходъ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія сопровождался менѣе сильными потрясеніями; наконецъ возстанія безпокойныхъ герцоговъ становились рѣже, по крайней мѣрѣ правители не чувствовали болѣе нужды употреблять противъ нихъ прежнія насильственныя, нерѣдко даже вѣроломныя средства.

Еще ничѣмъ не обнаружилось, куда, въ какую сторону государство лангобардовъ обратитъ избытокъ своихъ силъ при возвращеніи ко внѣшней дѣятельности, но это направленіе едва ли могло оставаться загадкою для Григорія, который—мы беремъ въ свидѣтели всю его дѣятельность на римскомъ престолѣ—такъ хорошо умѣлъ цѣнить людей и понимать современныя отношенія. Ни одна изъ сосѣдственныхъ странъ не напрашивалась такъ на лангобардское завоеваніе, какъ экзархатъ, и за нимъ вся римская Италія, отъ которой только что не отступилась имперія, и Римъ всякій часъ могъ встрѣтить подъ своими стѣнами гостей съ сѣвера—не тѣхъ варваровъ-лангобардовъ, которые не столько покоряли, сколько грабили и опустошали безъ всякой нужды, руководимые лишь разрушительнымъ варварскимъ инстинктомъ, — но лангобардовъ-римлянъ, которые могли предпринять покореніе остальной Италіи для государственныхъ цѣлей. Когда Григорій спѣшилъ возстановленіемъ римскихъ стѣнъ, онъ по всей вѣроятности столько же имѣлъ въ виду лангобардовъ, сколько и грековъ.

Знаніе людей и современныхъ отношеній, замѣтили мы, могло прежде всего навести Григорія на подобную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, еще за два года до избранія его на престолъ, Ліутпрандъ былъ уже провозглашенъ королемъ лангобардскимъ (712). Еще ни одно имя не возбуждало между лангобардами столько довѣренности и уваженія. Они цѣнили въ Ліутпрандѣ высокую личную доблесть и, какъ бы любя въ немъ залогъ своего собственнаго величія, еще при жизни отца назвали его своимъ королемъ [1]). Кромѣ мужества, свойственнаго всѣмъ благороднымъ лангобардамъ, онъ отличался еще рѣдкимъ присутствіемъ духа, неустрашимостію, которую никогда нельзя

---

1) Paul. Diac. VI, 35: Cernentes Langobardi hujus (Ansprandi) interitum, Liutprandum ejus filium in regali constituunt solio. Quod Ansprandus dum adhuc viveret audiens, valde laetatus est.

было застать врасплохъ, и самымъ непринужденнымъ великодушіемъ. Однажды, узнавъ, что два благородные лангобарда согласились убить его, онъ не показалъ имъ вида, что знаетъ объ ихъ намѣреніи, и вмѣстѣ съ ними отправился въ лѣсъ, никѣмъ болѣе не сопровождаемый. Тамъ, зайдя въ самую чащу, онъ вдругъ обнажилъ мечъ и, обратившись къ своимъ спутникамъ, предложилъ имъ *теперь* исполнить ихъ намѣреніе. Этотъ нечаянный и вмѣстѣ благородный вызовъ заставилъ противниковъ Ліутпранда забыть о выгодахъ ихъ положенія—превосходствѣ въ числѣ и отсутствіи всѣхъ свидѣтелей. Пораженные такимъ благороднымъ мщеніемъ, они тутъ же упали къ ногамъ Ліутпранда и, въ знакъ сознанія вины своей, разсказали ему весь свой умыселъ. Повѣствователь, у котораго находимъ этотъ разсказъ, не забываетъ прибавить, что какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, Ліутпрандъ довольствовался сознаніемъ вины со стороны злоумышленниковъ и не простиралъ своего мщенія далѣе [1]). Подобныя черты обличаютъ много воли и нравственнаго самообладанія въ томъ, кому онѣ приписываются. Прибавивъ къ этому цвѣтущую молодость Ліутпранда, его бодрость духа и отважную предпріимчивость, наконецъ любовь къ нему народа, мы поймемъ, что такое лицо должно было занять вниманіе опытнаго Григорія гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые пріѣзжали изъ Константинополя управлять римскою Италіею и не имѣли довольно ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ средствъ, чтобы внушить уваженіе къ своей власти. Григорій дѣйствительно не терялъ потомъ Ліутпранда изъ виду: по самый конецъ своей жизни онъ неуклонно слѣдилъ за каждымъ его шагомъ.

Это впрочемъ вовсе не значитъ, чтобы Григорій II съ самаго начала созналъ себѣ въ Ліутпрандѣ противника и тотчасъ же огласилъ или далъ ему же почувствовать свою къ нему недовѣрчивость. Дѣйствіе было бы крайне неблагоразумно, ибо ничто не вызывало и не уполномочивало на него—ни положеніе римскаго престола, не довольно обезпеченное, чтобы безъ нужды накликать себѣ враговъ, ни поведеніе Ліутпранда, который, каковы бы впрочемъ ни были его настоящіе виды, въ первые годы не подавалъ никакого повода сомнѣваться въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ по отношенію къ сосѣдямъ.

---

1) Paul. Diac. VI, 38: Et de aliis quoque similiter fecit, sed tamen confessis, mox tantae malitiae culpam pepercit. — Впрочемъ случай съ Ротаритомъ, о которомъ *Діаконъ* разсказываетъ въ той же главѣ, составляетъ исключеніе.

Какъ политическій дѣятель, Ліутпрандъ составлялъ еще самъ въ себѣ проблему, которой содержаніе должно было раскрыться и опредѣлиться только въ будущемъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Какъ даровитой натурѣ, рано или поздно не могла не сказаться ему та потребность, которая жила въ народѣ лангобардскомъ, выходя изъ историческихъ условій его существованія. Но какой путь изберетъ онъ, чтобы удовлетворить этой потребности, чтобы открыть просторный выходъ силамъ своей націи, это оставалось на первое время тайною не только для другихъ—едва ли и не для него самого. Между тѣмъ, пока еще зрѣлъ въ Ліутпрандѣ будущій политикъ, нравственный его характеръ уже довольно опредѣлился, и притомъ такъ, что церковь всего менѣе могла пожаловаться на его свойства. Съ тѣхъ поръ, какъ католичество утвердилось въ народѣ, оно непремѣнно участвовало, въ той или другой степени, въ нравственномъ образованіи лангобарда. Чѣмъ воспріимчивѣе была духовная натура человѣка, тѣмъ явственнѣе клало на нее свою печать католичество. Оно отражалось въ его нравственныхъ понятіяхъ точно съ такою же силою, съ какою воинственные обычаи запечатлѣвались лангобардскимъ характеромъ. На личности Ліутпранда отразился какъ будто цвѣтъ того и другого вліянія. Какъ немногіе изъ благородныхъ лангобардовъ могли соперничать съ нимъ въ личномъ мужествѣ, отвагѣ, предпріимчивости, искусствѣ владѣть оружіемъ, такъ съ другой стороны едва ли кто въ цѣломъ государствѣ лангобардовъ болѣе самого Ліутпранда былъ проникнутъ самымъ духомъ, свойственнымъ католичеству. Отсюда безъ сомнѣнія происходили его всегда неизмѣнное благочестивое расположеніе, которое выражалось сооруженіемъ церквей и усерднымъ поклоненіемъ католической святынѣ, его строгая честность въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, религіозная добросовѣстность въ исполненіи договоровъ съ ними, и нѣкоторыя другія постоянныя черты, сопровождающія Ліутпранда во все его царствованіе. Достоинство „католическаго“ короля составляло для Ліутпранда какъ-бы предметъ особенной гордости. Открывая рядъ постановленій, которыя имѣли цѣлію пополнить несовершенное лангобардское законодательство, онъ выставлялъ, какъ особое преимущество, титло короля „католическаго народа“ [1]). Въ самыхъ законахъ Ліутпранда

---

[1]) Leges Liutpr. passim: Christianus et catholicus Deo dilectae gentis Langobardorum rex.—Или: Excellentissimus rex gentis felicissimae, catholicae, Deoque dilectae Langobardorum.

потомъ встрѣчаемъ слѣды живого стремленія очистить лангобардскую націю отъ всѣхъ остатковъ прежнихъ суевѣрій [1]. Съ другой стороны, католическая святыня находила себѣ въ немъ же покровителя не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Когда арабы вторгнулись въ Сардинію, и вѣсть объ опустошеніяхъ, которымъ подвергались христіанскія церкви на всемъ островѣ, достигла Павіи, Ліутпрандъ немедленно отправилъ туда большія деньги, чтобы выкупить мощи прославленнаго епископа Августина и съ подобающею честію перенести ихъ въ лангобардскую столицу [2]). Въ комъ изъ предшественниковъ Ліутпранда католическое чувство было зрѣлѣе и вмѣстѣ дѣятельнѣе? Не напрасно его время называютъ временемъ полнаго торжества католическаго ученія въ государствѣ лангобардовъ. Но католичество въ Италіи тогда уже начинало принимать формы исключительно римскія; въ глазахъ италіанца, какъ римскаго, такъ еще болѣе лангобардскаго происхожденія, только римская церковь казалась блюстительницею чистаго католическаго ученія; поэтому искренняя преданность католическимъ вѣрованіямъ въ римлянинѣ, тѣмъ болѣе въ лангобардѣ, соединялась съ нѣкотораго рода мистическимъ уваженіемъ къ римской церкви и къ самому главѣ ея. Въ Ліутпрандѣ эта сторона была отнюдь не менѣе сильна, чѣмъ въ другихъ его современникахъ. Она осталась въ немъ, какъ дѣйствующее начало, даже во время самаго широкаго развитія его политическихъ видовъ. Конечно на основаніи одного такого чувства нельзя еще было утвердить прочнаго политическаго союза: да едва ли впрочемъ прочный и искренній союзъ съ лангобардами и входилъ въ виды римскаго престола: но, чтобы при помощи сильнаго покровительства тамъ и здѣсь соблюсти свои мѣстныя выгоды, особенно пока политика не развела въ противоположныя стороны тѣхъ, которые на первое время могли казаться добрыми союзниками, какъ бы римскій епископъ не воспользовался благочестивыми расположеніями короля лангобардовъ, особенио уваженіемъ его къ авторитету римскаго престола?

Что бы ни готовила судьба изъ Ліутпранда въ будущемъ, какую бы роль она ни назначала ему въ послѣдующей исторіи Италіи, но на первое время перевѣсъ политическаго смысла былъ повидимому на сторонѣ Григорія II. По крайней мѣрѣ

---

1) Ibid.—Ср. Murat. Ann. ad an. 724.—2) Paul. Diac. VI, 48.—Годъ событія *опредѣляется* различно: въ 721—725 году. См. Muratori ad an. 722.

ъ при всякомъ удобномъ случаѣ умѣлъ, даже безъ особен-
го политическаго союза съ Ліутпрандомъ, обращать въ свою
льзу его католическія добродѣтели. Такъ странно разобра-
сь тогда роли между двумя главными политическими дѣя-
лями Италіи; съ одной стороны—именно на свѣтскомъ лан-
бардскомъ престолѣ—молодость, избытокъ силъ, личное му-
эство, отвага, и въ то же время излишняя политическая
вдержность, которая, хотя имѣла въ основаніи своемъ рели-
юзное чувство, впрочемъ не могла вмѣниться въ заслугу
оему виновнику, потому что имѣла видъ простоты и недаль-
видности; съ другой же стороны—на духовномъ римскомъ
естолѣ—тонкая прозорливость, неусыпная бдительность, не-
бкая воля, и при всемъ томъ рѣдкое умѣнье такъ устрои-
гъ свои политическія отношенія, чтобы, въ случаѣ нужды,
ставлять служить своимъ цѣлямъ даже тѣхъ, въ комъ, по
счетамъ самой простой вѣроятности, нельзя было не узна-
ть будущихъ враговъ.

Время Ліутпранда, очевидно, еще не пришло, хотя онъ
занималъ престолъ. Въ самой лангобардской Италіи дѣя-
льность его пока была еще не довольно значительна; за пре-
лами же его государства только одинъ Григорій II могъ
іть душою и двигателемъ происшествій. Сюда принадлежатъ
которыя обстоятельства, указывающія на дѣятельность по-
ѣдняго, а главное—на то неутомимое вниманіе, съ которымъ
ъ старался блюсти всѣ интересы римской Италіи вообще,
мскаго престола въ особенности. Еще не совсѣмъ вымеръ
арый безпокойный духъ между лангобардами; временемъ онъ
обуждался въ разныхъ пунктахъ и обнаруживался въ от-
ытыхъ нападеніяхъ, но Ліутпрандъ не принималъ въ нихъ
какого участія. Такъ герцогъ беневентскій внезапно вторг-
лся въ неаполитанскую область и овладѣлъ замкомъ Кумою
ита) [1]. Вѣсть объ этой потерѣ скоро достигла Рима и опе-
лила всѣхъ, особенно епископа. Всякую потерю внутри рим-
ой Италіи Римъ привыкъ принимать какъ свое собственное
счастіе. Григорій особенно горячо взялся за дѣло. Сначала
ъ обратился къ беневентскимъ лангобардамъ съ самыми

---

[1]) Anast. ibid. Cp. Paul. Diac. VI, 40. — Муратори, Annal. ad an. 717,
носитъ это событіе къ 717 году и видитъ причину, почему оно особенно без-
коило Григорія, въ томъ, что, вѣроятно, ему ввѣрено было отъ императора
аненіе владѣній имперіи въ Италіи. Какъ будто нужно было предполагать
быя порученія со стороны императоровъ римскимъ епископамъ, чтобы понять
заботливость *о неприкосновенности* римскихъ владѣній!

потомъ встрѣчаемъ слѣды живого стремленія очистить лангобардскую націю отъ всѣхъ остатковъ прежнихъ суевѣрій [1]. Съ другой стороны, католическая святыня находила себѣ въ немъ же покровителя не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Когда арабы вторгнулись въ Сардинію, и вѣсть объ опустошеніяхъ, которымъ подвергались христіанскія церкви на всемъ островѣ, достигла Павіи, Ліутпрандъ немедленно отправилъ туда большія деньги, чтобы выкупить мощи прославленнаго епископа Августина и съ подобающею честію перенести ихъ въ лангобардскую столицу [2]. Въ комъ изъ предшественниковъ Ліутпранда католическое чувство было зрѣлѣе и вмѣстѣ дѣятельнѣе? Не напрасно его время называютъ временемъ полнаго торжества католическаго ученія въ государствѣ лангобардовъ. Но католичество въ Италіи тогда уже начинало принимать формы исключительно римскія; въ глазахъ италіанца, какъ римскаго, такъ еще болѣе лангобардскаго происхожденія, только римская церковь казалась блюстительницею чистаго католическаго ученія; поэтому искренняя преданность католическимъ вѣрованіямъ въ римлянинѣ, тѣмъ болѣе въ лангобардѣ, соединялась съ нѣкотораго рода мистическимъ уваженіемъ къ римской церкви и къ самому главѣ ея. Въ Ліутпрандѣ эта сторона была отнюдь не менѣе сильна, чѣмъ въ другихъ его современникахъ. Она осталась въ немъ, какъ дѣйствующее начало, даже во время самаго широкаго развитія его политическихъ видовъ. Конечно на основаніи одного такого чувства нельзя еще было утвердить прочнаго политическаго союза: да едва ли впрочемъ прочный и искренній союзъ съ лангобардами и входилъ въ виды римскаго престола: но, чтобы при помощи сильнаго покровительства тамъ и здѣсь соблюсти свои мѣстныя выгоды, особенно пока политика не развела въ противоположныя стороны тѣхъ, которые на первое время могли казаться добрыми союзниками, какъ бы римскій епископъ не воспользовался благочестивыми расположеніями короля лангобардовъ, особенно уваженіемъ его къ авторитету римскаго престола?

Что бы ни готовила судьба изъ Ліутпранда въ будущемъ, какую бы роль она ни назначала ему въ послѣдующей исторіи Италіи, но на первое время перевѣсъ политическаго смысла былъ повидимому на сторонѣ Григорія II. По крайней мѣрѣ

---

1) Ibid.—Ср. Murat. Ann. ad an. 724.—2) Paul. Diac. VI, 48.—Годъ событія *опредѣляется* различно: въ 721—725 году. См. Muratori ad an. 722.

онъ при всякомъ удобномъ случаѣ умѣлъ, даже безъ особеннаго политическаго союза съ Ліутпрандомъ, обращать въ свою пользу его католическія добродѣтели. Такъ странно разобрались тогда роли между двумя главными политическими дѣятелями Италіи; съ одной стороны—именно на свѣтскомъ лангобардскомъ престолѣ—молодость, избытокъ силъ, личное мужество, отвага, и въ то же время излишняя политическая воздержность, которая, хотя имѣла въ основаніи своемъ религіозное чувство, впрочемъ не могла вмѣниться въ заслугу своему виновнику, потому что имѣла видъ простоты и недальновидности; съ другой же стороны—на духовномъ римскомъ престолѣ—тонкая прозорливость, неусыпная бдительность, негибкая воля, и при всемъ томъ рѣдкое умѣнье такъ устроивать свои политическія отношенія, чтобы, въ случаѣ нужды, заставлять служить своимъ цѣлямъ даже тѣхъ, въ комъ, по расчетамъ самой простой вѣроятности, нельзя было не узнавать будущихъ враговъ.

Время Ліутпранда, очевидно, еще не пришло, хотя онъ и занималъ престолъ. Въ самой лангобардской Италіи дѣятельность его пока была еще не довольно значительна; за предѣлами же его государства только одинъ Григорій II могъ быть душою и двигателемъ происшествій. Сюда принадлежатъ нѣкоторыя обстоятельства, указывающія на дѣятельность послѣдняго, а главное—на то неутомимое вниманіе, съ которымъ онъ старался блюсти всѣ интересы римской Италіи вообще, римскаго престола въ особенности. Еще не совсѣмъ вымеръ старый беспокойный духъ между лангобардами; временемъ онъ пробуждался въ разныхъ пунктахъ и обнаруживался въ открытыхъ нападеніяхъ, но Ліутпрандъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Такъ герцогъ беневентскій внезапно вторгнулся въ неаполитанскую область и овладѣлъ замкомъ Кумою (Cuma) [1]. Вѣсть объ этой потерѣ скоро достигла Рима и опечалила всѣхъ, особенно епископа. Всякую потерю внутри римской Италіи Римъ привыкъ принимать какъ свое собственное несчастіе. Григорій особенно горячо взялся за дѣло. Сначала онъ обратился къ беневентскимъ лангобардамъ съ самыми

[1] Anast. ibid. Cp. Paul. Diac. VI, 40. — Муратори, Annal. ad an. 717, относитъ это событіе къ 717 году и видитъ причину, почему оно особенно безпокоило Григорія, въ томъ, что, вѣроятно, ему ввѣрено было отъ императора охраненіе владѣній имперіи въ Италіи. Какъ будто нужно было предполагать особыя порученія со стороны императоровъ римскимъ епископамъ, чтобы понять ихъ заботливость о неприкосновенности римскихъ владѣній!

рія II съ другой, между ними составились отношенія
наго рода. Безъ тѣснаго политическаго союза, они про-
ли жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ, и тамъ,
э противорѣчили политическіе интересы, охотно дѣлали
другу угодное. Такъ Ліутпрандъ, по просьбѣ Григорія,
мы видѣли, отмѣнилъ изъ своихъ приказовъ и оставилъ
искою церковію ея владѣнія въ государствѣ лангобард-
; въ другой разъ, вѣроятно въ силу того же ходатай-
онъ отозвалъ сполетскихъ лангобардовъ изъ экзархата.
и Григорій платилъ Ліутпранду подобною же уступчи-
, утверждая по его желанію епископовъ, какъ это мы
ь, напримѣръ, о Серенѣ, который ходатайству короля
ъ былъ тѣмъ, что получилъ палліумъ на аквилейскій
лъ [1]). Еще болѣе—въ доказательство того, что между
имъ епископомъ и королемъ лангобардовъ существовало
доброе согласіе: изъ одного примѣра мы знаемъ, что
ія, которыя принимались Григоріемъ на соборѣ въ Римѣ,
ь за тѣмъ были вводимы Ліутпрандомъ и въ лангобард-
аконы [2]). Во всемъ этомъ еще не было союза, тѣмъ болѣе,
но изъ двухъ лицъ, которыя находились въ соотноше-
амо еще состояло подъ высшимъ политическимъ нача-
но была возможность союза, и началось сближеніе,
е могло получить весьма важное значеніе при нѣкоторыхъ
ныхъ условіяхъ. Григорій II начиналъ пожинать то, чтó
ъ Григорій Великій. Не потеряемъ изъ виду особенныхъ
въ этого сближенія, ибо въ немъ также лежали сѣмена
ваго будущаго: оно было, но оно не было довольно прочно,
у что завязалось лишь на основаніи церковнаго един-
минуя вопросъ объ интересахъ политическихъ, въ кото-
было съ обѣихъ сторонъ скрытое противорѣчіе; ни изъ
е видно, чтобы въ побужденія Ліутпранда сблизиться
мскимъ епископомъ входила сколько-нибудь вражда къ
кому владычеству въ Италіи. Понятно, отъ чего всего
долженъ былъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ начав-
я сближенія, чтó могло дать ему характеръ союза. Са-
живой нервъ его былъ въ единствѣ религіозныхъ вѣро-
всякая новая опасность, имъ угрожающая со стороны,
лась бы и на самыхъ отношеніяхъ римскаго престола
нгобардамъ; по мѣрѣ того, какъ возрастала бы опасность,

) См. Murat. ad an. 719.—[2]) Какъ напр. о непозволенныхъ бракахъ. См.
ad an. 722.

настоятельными увѣщаніями, чтобы они сдали замокъ римлянамъ, прибѣгалъ къ угрозамъ, сулилъ большія денежныя суммы. Когда не помогли ни угрозы, ни обѣщанія, онъ сталъ дѣйствовать иными средствами. По его совѣту и предначертанію, дукъ неаполитанскій вмѣстѣ съ управителемъ патримоній римской церкви въ той области и при содѣйствіи городской милиціи, среди глубокой ночи, внезапно подступили къ замку, проникли въ него силою, и часть лангобардскаго гарнизона положили на мѣстѣ, другую отвели въ Неаполь военноплѣнными [1]). Такимъ образомъ, благодаря Григорію и неаполитанцамъ, беневентскіе лангобарды были отражены и еще должны были поплатиться значительною потерею въ людяхъ. Во всемъ этомъ происшествіи нѣтъ и слѣда участія Ліутпранда. Онъ не хотѣлъ даже отмстить за безчестіе лангобардскаго имени. Напротивъ, около того же времени мы находимъ его въ самыхъ добрыхъ сношеніяхъ съ Григоріемъ. Поводомъ были патримоніи римской церкви, лежавшія у Коттійскихъ Альповъ, которыя нѣкогда пожалованы были ей королемъ Арипертомъ и — неизвѣстно подъ какимъ предлогомъ — опять отобраны Ліутпрандомъ. Уступая настояніямъ Григорія, Ліутпрандъ очень миролюбиво возвратилъ ихъ снова во владѣніе римской церкви [2]). Къ удивленію, даже въ отношеніи къ экзарху Ліутпрадъ сначала показывалъ самыя миролюбивыя расположенія. Когда герцогъ сполетскій Фароальдъ сдѣлалъ вторженіе въ экзархатъ и овладѣлъ Классисомъ, который составлялъ какъ бы преддверіе къ Равеннѣ, Ліутпрандъ вступился въ это дѣло и приказалъ Фароальду немедленно сдать занятый имъ городъ греческому намѣстнику [3]). Мы не можемъ прямо утверждать, что и въ этомъ случаѣ Ліутпрандъ дѣйствовалъ также по убѣжденіямъ Григорія; впрочемъ точно также не было бы основанія говорить, что, возвращая грекамъ Классисъ, онъ поступалъ вопреки желаніямъ римскаго епископа.

Такъ, на основаніи католическаго уваженія Ліутпранда къ авторитету римскаго епископа съ одной стороны и нуждъ

[1]) Anast. ibid: Unde nimis idem sanctus indoluit Pontifex, seseque spei contulit divinae, atque in munitione ducis Neapolitani et populi vacans, ducatum eis qualiter agerent *quotidie scribendo* praesentabat. *Cujus mandato obedientes* consilio inito moenia ipsius castri virtute sub nocturno ingressi sunt silentio. Ioannes sc. dux cum Theodimo subdiacono et rectore atque exercitu, etc.—[2]) Anast. ibid. Ср. Paul. Diac. VI, 43. Не мудрено, что Григорій при этомъ случаѣ пользовался посредничествомъ герцоговъ баварскихъ, всегда благоволившихъ римской церкви и связанныхъ родствомъ съ Ліутпрандомъ. См. ibid. c. 44.—[3]) Paul. Diac. *VI, 44. Ср. Murat.* Ann. ad an. 716.

Григорія II съ другой, между ними составились отношенія особеннаго рода. Безъ тѣснаго политическаго союза, они продолжали жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ, и тамъ, гдѣ не противорѣчили политическіе интересы, охотно дѣлали другъ другу угодное. Такъ Ліутпрандъ, по просьбѣ Григорія, какъ мы видѣли, отмѣнилъ изъ своихъ приказовъ и оставилъ за римскою церковію ея владѣнія въ государствѣ лангобардскомъ; въ другой разъ, вѣроятно въ силу того же ходатайства, онъ отозвалъ сполетскихъ лангобардовъ изъ экзархата. За то и Григорій платилъ Ліутпранду подобною же уступчивостію, утверждая по его желанію епископовъ, какъ это мы знаемъ, напримѣръ, о Серенѣ, который ходатайству короля обязанъ былъ тѣмъ, что получилъ палліумъ на аквилейскій престолъ [1]). Еще болѣе — въ доказательство того, что между римскимъ епископомъ и королемъ лангобардовъ существовало самое доброе согласіе: изъ одного примѣра мы знаемъ, что рѣшенія, которыя принимались Григоріемъ на соборѣ въ Римѣ, вслѣдъ за тѣмъ были вводимы Ліутпрандомъ и въ лангобардскіе законы [2]). Во всемъ этомъ еще не было союза, тѣмъ болѣе, что одно изъ двухъ лицъ, которыя находились въ соотношеніи, само еще состояло подъ высшимъ политическимъ началомъ, но была возможность союза, и началось сближеніе, которое могло получить весьма важное значеніе при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ. Григорій II начиналъ пожинать то, чтó посѣялъ Григорій Великій. Не потеряемъ изъ виду особенныхъ свойствъ этого сближенія, ибо въ немъ также лежали сѣмена для новаго будущаго: оно было, но оно не было довольно прочно, потому что завязалось лишь на основаніи церковнаго единства, минуя вопросъ объ интересахъ политическихъ, въ которыхъ было съ обѣихъ сторонъ скрытое противорѣчіе; ни изъ чего не видно, чтобы въ побужденія Ліутпранда сблизиться съ римскимъ епископомъ входила сколько-нибудь вражда къ греческому владычеству въ Италіи. Понятно, отъ чего всего болѣе долженъ былъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ начавшагося сближенія, чтó могло дать ему характеръ союза. Самый живой нервъ его былъ въ единствѣ религіозныхъ вѣрованій: всякая новая опасность, имъ угрожающая со стороны, отозвалась бы и на самыхъ отношеніяхъ римскаго престола къ лангобардамъ; по мѣрѣ того, какъ возрастала бы опасность,

---

1) См. Murat. ad an. 719.—2) Какъ напр. о непозволенныхъ бракахъ. См. Murat. ad an. 722.

болѣе и болѣе долженъ былъ стягиваться и тотъ узелъ, который уже завязанъ былъ Григоріемъ. Только оставляя въ покоѣ религіозныя вѣрованія и поддерживая противоположность политическихъ интересовъ, можно было предотвратить тѣсный союзъ между Римомъ и лангобардами; въ противномъ же случаѣ нужны были чрезвычайныя обстоятельства, чтобы дать римской политикѣ иное направленіе. Мы скоро увидимъ, какъ воспользовалась имперія непрочностію ихъ перваго сближенія.

Виды Григорія впрочемъ никакъ не ограничивались одною Италіею. Обезопасивъ себя на первый разъ со стороны лангобардовъ, онъ уже простиралъ свой умственный взоръ гораздо далѣе на сѣверъ. Предпріимчивая дѣятельность Григорія Великаго въ этомъ случаѣ могла служить ему образцомъ. Тамъ, за высокою стѣною Альповъ, заграждающихъ входъ въ сѣверную Италію, лежала Германія, родина тѣхъ варваровъ, для которыхъ Римъ нѣсколько вѣковъ служилъ завоевательною цѣлію. Тѣ изъ нихъ, которые завоевали себѣ римскія земли и поселились на нихъ, давно покорились христіанству; но христіанство долго еще не приходило покорять себѣ тѣхъ, которые остались на своихъ мѣстахъ, продолжали жить въ глубинѣ Германіи. Только въ VII вѣкѣ, благодаря неутомимой ревности ирландскихъ миссіонеровъ, начались христіанскія насажденія на Рейнѣ и Дунаѣ, между фризами, алеманнами и баварцами. Нѣкоторые проникали даже въ Турингію. Но могли ли быть прочны положенныя ими основанія, когда сами основатели, не докончивъ своего подвига, нерѣдко погибали насильственною смертію отъ руки варваровъ? [1]). Лишь по краямъ, большею частію на земляхъ, уже знакомыхъ римлянамъ, уцѣлѣли нѣкоторыя отдѣльныя насажденія, но цѣлая Германія еще ждала своего просвѣтителя. Странная судьба страны! Какъ нѣкогда отбивалась она отъ римскаго завоеванія, такъ долгое время потомъ отстраняла отъ себя христіанское образованіе — какъ будто выжидая того времени, когда оно могло быть принесено къ ней подъ началомъ римскаго церковнаго авторитета!

Тотъ, кому суждено было насадить твердою рукою христіанство въ Германіи, былъ родомъ англо-саксъ, стало-быть человѣкъ, которому жители Германіи были въ нѣкоторомъ отношеніи родственны. Но съ другой стороны, принадлежа къ британской церкви, которая сама была римскимъ насажденіе-

---

[1]) *См. Neander*, III, 73, 77, и пр.

емъ, онъ, какъ и большая часть его соотечественниковъ [1]), исполненъ былъ особеннаго уваженія къ римскому престолу. Рѣшившись окончательно на подвигъ обращенія язычниковъ, Винфридъ, или, какъ онъ назывался въ монашествѣ, Бонифацій, отправился напередъ въ Римъ (718), чтобы испросить благословеніе тамошняго епископа и затѣмъ приступить, по его указаніямъ, къ предположенной дѣятельности. Григорій благосклонно принялъ Бонифація и, конечно удовлетворяя его собственному влеченію, указалъ ему на Германію. Довольный своимъ назначеніемъ, Бонифацій не замедлилъ вступить на свое многотрудное поприще, скоро прошелъ въ самое сердце Германіи, жилъ между фризами, съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ Гессенѣ и Турингіи, и работая нѣсколько лѣтъ съ неутомимою ревностію, уже начиналъ видѣть добрые плоды своихъ великихъ усилій. Вдругъ, среди своихъ подвиговъ, получилъ онъ приглашеніе явиться къ римскому двору и лично дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Григорій, вызывавшій Бонифація, хотѣлъ впрочемъ не столько повѣрки его дѣятельности, въ достоинствѣ которой онъ не могъ имѣть никакого сомнѣнія: его гораздо болѣе занимала другая забота, — забота, отъ которой очень многое должно было зависѣть въ будущей судьбѣ Германіи. Не только хотѣлъ онъ утвердить въ ней своимъ авторитетомъ христіанскія насажденія, но и подчинить новую, только-что зарождающуюся церковь римскому іерархическому началу. Григорій въ этомъ случаѣ очень вѣрно разсчитывалъ на извѣстную ему преданность англо-саксонскихъ проповѣдниковъ римскому престолу. Бонифацій охотно послѣдовалъ его призыву и въ 723 году снова прибылъ въ Римъ. Въ ознаменованіе высокихъ заслугъ Бонифація христіанскому дѣлу, Григорій положилъ поставить его епископомъ новопросвѣщенныхъ странъ, но, для предотвращенія всякаго религіознаго разногласія въ будущемъ, потребовалъ отъ него напередъ исповѣданія вѣры, которое бы служило ручательствомъ въ правовѣріи будущаго епископа Германіи. Бонифацій не противорѣчилъ и этому требованію, и какъ онъ не владѣлъ довольно свободно латинскимъ языкомъ, то представилъ письменное изложеніе своихъ религіозныхъ вѣрованій. Тогда Григорій возвелъ Бонифація въ санъ епископа германской церкви, и, уже самымъ актомъ возведенія поставляя его въ непосредственное подчиненеіе себѣ, для большаго обезпеченія своихъ іерархиче-

---

[1]) Neander, III, p. 86.

скихъ правъ взялъ съ него при этомъ случаѣ клятву подобную той, какую давали только италіанскіе епископы при своемъ поставленіи: не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ единства католической вѣры и всѣми зависящими средствами содѣйствовать выгодамъ церкви Св. Петра, его намѣстника и всѣхъ его преемниковъ [1]).

Такъ выростали вдругъ іерархическія стремленія римскаго престола! Нельзя сказать, чтобы, устроивая такимъ образомъ свои отношенія къ новому епископскому престолу въ Германіи, Григорій выходилъ изъ предѣловъ законности: онъ только искусно пользовался благопріятными обстоятельствами, чтобы распространить свое вліяніе за предѣлы Италіи. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что, начавъ дѣйствовать съ основаній, положенныхъ Григоріемъ Великимъ — ибо ему принадлежитъ начало мирныхъ отношеній къ лангобардамъ и основаніе англо-саксонской церкви — Григорій II своимъ послѣднимъ дѣйствіемъ переступалъ уже черту, заповѣданную его великимъ предшественникомъ: онъ дѣлалъ шагъ, который прямо велъ къ іерархическому преобладанію. Еще не исполнивъ до конца своей національной задачи, римскій престолъ уже открывалъ себѣ новую перспективу, переносилъ свою политику въ другую, болѣе обширную сферу дѣйствія. Что новое направленіе, начатое Григоріемъ II, не осталось безъ вліянія и на самый нравственный характеръ римскаго престола, это покажутъ послѣдующія событія.

Несомнѣнно впрочемъ то, что для временныхъ своихъ выгодъ римскій престолъ очень много выигрывалъ утвержденіемъ своего іерархическаго авторитета въ Германіи. Къ его духовной области присоединялась цѣлая обширная страна, куда никогда не проникала власть византійскихъ императоровъ. Эта область впредь должна была распространяться вмѣстѣ съ успѣхами новой церкви. Черезъ ея же посредство и церковь британская или англо-саксонская становилась гораздо ближе къ римской, отъ которой до сего времени отдѣлена была боль-

---

[1]) Neander, III, 25. — Онъ же (ibid. n. 1) замѣчаетъ, что изъ обычной клятвы, какую давали италіанскіе епископы, при поставленіи Бонифація исключено было то мѣсто, которымъ они обязывались вѣрностію императору. Нельзя конечно винить Григорія II въ томъ, что онъ не старался подчинить византійскимъ императорамъ, наравнѣ съ италіанскими престолами, епископа такой страны, которая никогда не была покорена ими; но и нельзя не замѣтить этого важнаго случая, которымъ открывается сознательное распространеніе и *утвержденіе папскаго* авторитета внѣ области, состоявшей подъ началомъ имперіи.

шою страною, почти незнакомою съ христіанскимъ просвѣщеніемъ. Наконецъ, черезъ ту же германскую церковь римскій престолъ приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе съ Галліею, именно съ ея свѣтскими властителями, потому что страна, въ которой дѣйствовалъ Бонифацій, считалась большею частію подъ ихъ политическимъ авторитетомъ. Каковы бы ни были будущія отношенія римскаго престола къ галликанской церкви, но сближеніе между нимъ и тою властію, подъ которою состояло обширное государство франковъ, отнынѣ было неминуемо. Ничѣмъ не обезпеченный отъ насилія со стороны варварскихъ князей, Бонифацій еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности въ Германіи принужденъ былъ обратиться съ просьбою о помощи къ Карлу Мартелу и искать своему дѣлу его сильнаго покровительства [1]). Въ немъ не было отказано Бонифацію, и отсюда начинается столь обильное важными послѣдствіями посредничество перваго епископа Германіи между римскимъ престоломъ и Каролингами. Пока еще ни во что опредѣленное не разрѣшились отношенія лангобардскія, римскому престолу было весьма не безполезно для его цѣлей открыть себѣ виды на новый политическій союзъ на Западѣ.

Отъ того, какъ держали себя римскіе епископы, какъ умѣли они пользоваться своимъ положеніемъ, много зависѣла и судьба греческаго владычества въ Италіи. Оно тѣмъ болѣе теряло въ прочности, чѣмъ тверже устанавливался римскій авторитетъ, чѣмъ болѣе расширялъ онъ свои основанія. Еще продолжалась зависимость Италіи отъ имперіи, но каждый новый шагъ Григорія II, каждый политическій узелъ, который онъ завязывалъ вновь внутри ли Италіи, или за ея предѣлами, угрожалъ потрясенной власти восточныхъ императоровъ новою опасностію. Чтобы предотвратить окончательный разрывъ, нужна была политика очень осторожная и въ то же время умѣренная въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ благопріятныя отношенія лангобардскія, обезпечивая римскій престолъ съ сѣвера, наиболѣе способствовали къ раскрытію его широкихъ политическихъ видовъ, то надобно было, чтобы со стороны имперіи не подано было никакого повода, который бы содѣйствовалъ къ новому, еще болѣе тѣсному сближенію между ея италіанскою провинціею и лангобардами; надобно было вообще, чтобы никакія новыя насильственныя мѣры не приходили питать въ римской Италіи старую вражду ея къ

---

1) Neander, III, 32.

византійскому владычеству и поддерживать раздраженіе умовъ, которое еще не успокоилось въ ней со временъ Юстиніана II. Только подъ такими условіями имперія могла бы еще надѣяться спасти себѣ свою италіанскую провинцію и черезъ нее сохранить свое важное вліяніе на западѣ Европы.

Но имперія хотѣла лучше оставаться вѣрною своей ветхой политикѣ, когда-то наслѣдованной ею отъ Рима и потомъ сдѣлавшейся ея исключительною собственностію, чѣмъ соображаться съ новыми обстоятельствами и изъ нихъ извлекать разумъ хотя бы только для внутренняго политическаго дѣйствія. Въ то самое время, какъ римскій престолъ и за нимъ вся римская Италія путемъ весьма естественнаго сближенія болѣе и болѣе наклонялись къ союзу съ лангобардами, имперія, какъ бы недовольная тѣмъ спокойствіемъ, которое, по крайней мѣрѣ по наружному виду, заступило мѣсто прежнихъ смутъ въ ея италіанской провинціи, еще разъ сама приняла на себя трудъ бросить между ея жителями тревогу и смятеніе, пославъ имъ свои иконоборческіе эдикты, которыми строго воспрещалось—сначала поклоненіе иконамъ, а потомъ и всякое ихъ употребленіе въ религіозной жизни [1]).

Явленіе, поражающее не только своею странностію, часто совершенною неразумностію, но и своимъ упорнымъ постоянствомъ въ исторіи византійской имперіи. Присутствуя при борьбѣ религіозныхъ мнѣній, изъ которой выходилъ твердо установленный религіозный догматъ, восточные императоры никогда не отказывались отъ дѣятельнаго участія въ ней, рѣдко попадали на прямой путь и однако всегда почти хотѣли настоять на томъ мнѣніи, котораго держались сами, хотя бы для того нужно было подвергнуть опасности спокойствіе цѣлой имперіи. Образчики этой неразумной и вмѣстѣ насильственной политики, обращенной болѣе къ прошедшему, нежели къ будущему, мы встрѣчали уже не разъ въ нашемъ обозрѣніи. Начавшись въ V вѣкѣ, можно сказать съ самымъ началомъ Восточной имперіи, она продолжалась съ нѣкоторыми перерывами оба слѣдующія столѣтія и наполнила еще VIII-й вѣкъ шумомъ тѣхъ энергическихъ преслѣдованій, которыми она думала побѣдить непреклонность иконопочитателей. Таково было тяжелое наслѣдіе, доставшееся Восточной имперіи еще отъ древняго Рима. Ибо ни откуда, какъ изъ Рима, пе-

1) Первое распространеніе перваго иконоборческаго эдикта на Италію *Муратори* приводитъ подъ 726 годомъ.

решло сюда это понятіе объ исключительномъ господствѣ государственнаго начала, предъ которымъ должны отступать всѣ несогласные съ нимъ обычаи и убѣжденія, хотя бы даже то были обычаи и убѣжденія религіозные, принятые церковію и освященные ея согласіемъ. Пока еще имперія была языческою, обыкновеннымъ предметомъ ея неумолимыхъ гоненій были христіане, какъ нарушители единства государственныхъ вѣрованій; но потомъ, сдѣлавшись христіанскою, она долго еще не могла совершенно побѣдить въ себѣ прежней непримиримости къ отступленіямъ, противнымъ государственному единству, и почти съ такимъ же ожесточеніемъ продолжала преслѣдовать тѣхъ, которыхъ религіозныя мнѣнія не согласовались съ требованіями ея правителей. Эта вражда государственнаго начала съ независимостію религіозныхъ убѣжденій есть главный узелъ внутренней исторіи Византійской имперіи въ продолженіе почти цѣлыхъ четырехъ столѣтій, и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ ея безсилія въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Мы оставили Восточную имперію при концѣ династіи Гераклія. Прекращеніе ея въ лицѣ Юстиніана подало поводъ къ цѣлому ряду переворотовъ, столь неизбѣжныхъ въ имперіи по недостатку закона, которымъ бы опредѣлялось преемство престола. Три человѣка одинъ послѣ другого всходили на императорскій престолъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ удержаться на немъ и полныхъ трехъ лѣтъ. Всѣ они были низведены съ него силою, и были еще довольно счастливы, чтобы хотя на первый разъ отдѣлаться однимъ отреченіемъ. Послѣдній переворотъ, открывшійся низложеніемъ Ѳеодосія III, передалъ власть въ руки человѣка съ волею и характеромъ, опытнаго въ бояхъ, знакомаго съ опасностями военной жизни. Это былъ столь извѣстный впослѣдствіи Левъ III Исаврянинъ. Плебей по своему происхожденію, онъ рано началъ свое военное поприще, еще при Юстиніанѣ II былъ спаѳаріемъ и въ послѣднее время занималъ очень важный постъ начальника имперскихъ войскъ на Востокѣ [1]). Оправдать довѣренность жителей Константинополя, которые провозгласили его императоромъ въ надеждѣ найти въ немъ себѣ избавителя отъ грозящаго нашествія арабовъ, онъ не замедлилъ.

---

[1]) Никифоръ, Chron. ad an. 717, называетъ его также „патриціемъ". Ср. очень важныя біографическія подробности о Львѣ III до вступленія его на престолъ у Гиббона, гл. 48, также у Шлоссера, въ его Gesch. d. bilderstürm. Kaiser.

Опасность дѣйствительно была очень велика. Уже арабы, которые еще при Θеодосіи проникли въ Малую Азію, высадили свои войска во Θракіи, чтобы обложить Константинополь съ сухого пути; суда ихъ въ то же время заняли весь Геллеспонтъ и подходили къ Константинополю съ другой стороны. Наконецъ, приступивъ къ самымъ стѣнамъ города, арабы начали правильную его осаду [1]. Запертый, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, ни откуда извнѣ не ожидающій себѣ помощи, Константинополь впрочемъ чувствовалъ себя въ рукахъ вѣрнаго человѣка, неспособнаго отступать передъ опасностію. При незначительности средствъ, которыми располагали осажденные, дѣйствуя болѣе искусствомъ, чѣмъ силою, Левъ велъ защиту столицы энергически и съ постояннымъ успѣхомъ. Онъ умѣлъ воспользоваться раздѣленіемъ непріятельскаго флота послѣ бури, и направивъ нѣсколько брандеровъ (съ греческимъ огнемъ) [2] на тяжелыя арабскія суда, часть ихъ сжегъ, а другія сдѣлалъ неспособными къ употребленію. Когда арабы въ ту же самую ночь, чтобы отчаяннымъ усиліемъ покрыть свой уронъ, прямо съ судовъ пошли съ лѣстницами къ городскимъ стѣнамъ, этотъ приступъ также былъ отбитъ съ помощію греческаго огня и благодаря искуснымъ распоряженіямъ самого императора. Двойною неудачею арабы приведены были въ уныніе; вмѣсто того, чтобы нападать на грековъ, они должны были озаботиться тѣмъ, чтобы спасти себя и свои уцѣлѣвшія суда отъ разрушительнаго дѣйствія искусственнаго огня. Мослема, главный предводитель арабскихъ силъ, готовъ былъ даже вовсе оставить все предпріятіе, какъ не обѣщающее успѣха; но арабскій фанатизмъ еще не научился мириться съ своими неудачами: халифъ упорно хотѣлъ продолженія похода, самъ выѣхалъ изъ Дамаска, чтобы быть ближе къ театру войны, и обѣщая Мослемѣ прислать значительныя подкрѣпленія, велѣлъ ему, во что бы то ни стало, держаться подъ Константинополемъ [3]. Итакъ подвигъ защитниковъ Константинополя еще не былъ конченъ: только-что выдержавъ одну опасность, Константинополь долженъ былъ готовиться къ другой, которая могла принять еще болѣе угрожающіе размѣры.

[1]) Schlosser, ibid. p. 147.—Число легкихъ и тяжелыхъ судовъ, которыя арабы привели къ Константинополю, простиралось до 800. — [2]) Анастасій, въ своей церковной исторіи, составленной по Θеофану, очень вѣрно называетъ ихъ „naves igniferi“—См. Theoph. Chron. ed. Nieb. vol. II, p. 207.— [3]) Schlosser, *p. 150.*

Арабы въ самомъ дѣлѣ употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы слѣдующею весною вновь открыть походъ съ большими видами на успѣхъ. По старому восточному обычаю, они какъ будто хотѣли, прежде чѣмъ побѣдить своихъ противниковъ, запугать ихъ воображеніе своими огромными силами. Но они ничѣмъ уже не могли уронить того духа, который былъ пробужденъ въ грекахъ первою счастливою обороною Константинополя. Не видно, чтобы императоръ предпринималъ какія-либо особенныя мѣры въ чаяніи скораго возвращенія враговъ, но своею бдительностію онъ держалъ ихъ въ отдаленіи отъ Константинополя до самаго прихода подкрѣпленій [1]). Къ тому же у него явился вовсе неожиданный союзникъ. Зима оказалась сверхъ обыкновенія очень сурова, земля очень рано покрылась снѣгомъ и оставалась въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Непривычное войско арабовъ, которое въ ожиданіи подмоги укрѣпилось на ѳракійскомъ берегу, сильно потерпѣло отъ холода. Люди, лошади и верблюды гибли тысячами. Въ числѣ умершихъ былъ и самъ предводитель арабскаго флота, Солиманъ, такъ что арабамъ вообще было лишь самимъ до себя. Но съ весною ихъ дѣло поправилось. Обѣщанныя подкрѣпленія пришли въ большомъ количествѣ. Два новыя отдѣленія арабскаго флота съ припасами и верблюдами вошли въ Босфоръ и стали подлѣ азіатскаго берега въ виду стараго, который, со времени перваго похода, оставался въ одной изъ бухтъ пролива на противоположной сторонѣ. Противъ Константинополя опять скоплялась огромная масса силъ, а имперія по своему обычаю оставалась неподвижна, предоставляя защиту столицы ея собственнымъ средствамъ. По счастію для византійцевъ, въ рядахъ мусульманскаго ополченія оказалось много христіанъ, набранныхъ въ Египтѣ и Сиріи. Принужденные силою работать такому дѣлу, къ которому у нихъ не было ни малѣйшей симпатіи, они положили измѣнить ему при первомъ удобномъ случаѣ, и въ одну ночь, отрѣзавъ у арабскихъ судовъ всѣ лодки, привели ихъ къ Константинополю [2]). Левъ успѣлъ употребить въ пользу какъ извѣстія, полученныя имъ отъ христіанскихъ измѣнниковъ, такъ и самое ихъ приношеніе. Снарядивъ лодки для бросанія огня, онъ вмѣстѣ съ своими судами направилъ ихъ на арабскій флотъ и произвелъ въ

---

[1]) Впрочемъ легко могло случиться, что отъ насъ скрыты распоряженія Льва писателями, которые не охотно говорятъ о заслугахъ еретическаго императора.—[2]) См. Schlosser, p. 182.

немъ страшное истребленіе. Греки успѣли сжечь множество судовъ и сверхъ того поживиться богатой добычей. Остатки непріятельскаго флота должны были искать себѣ болѣе безопаснаго убѣжища. Войска, въ немъ находившіяся, высадились на азіатскій берегъ, но греки и здѣсь умѣли воспользоваться выгодами своего положенія и въ нѣсколькихъ сшибкахъ разбили ихъ поодиночкѣ [1]. Послѣ того и другой флотъ, зимовавшій въ одной изъ бухтъ залива, не осмѣливался болѣе выходить изъ своего убѣжища, чтобы не сдѣлаться добычею разрушительнаго огня. Войско арабовъ, стоявшее лагеремъ во Ѳракіи, пыталось пробиться въ землю булгаровъ, чтобы тамъ снабдить себя необходимыми припасами, но было отбито булгарами съ большимъ урономъ. Между тѣмъ греки успѣли отразить всякій подвозъ со стороны моря. Тогда въ лагерѣ арабскомъ открылся страшный голодъ, распространились повальныя болѣзни, и можетъ-быть все ополченіе легло бы костями на непріятельской землѣ, почти не обнажая меча, если бы новый халифъ не внялъ представленіямъ Мослемы и не отозвалъ его отъ Константинополя. Арабы сѣли на суда, чтобы переправиться обратно въ Азію, но стихіи преслѣдовали ихъ и въ самомъ отступленіи. Два раза застигала ихъ буря на морѣ, и, говорятъ, только десять судовъ изъ всего арабскаго флота достигли береговъ Сиріи.

Одно испытаніе влекло за собою другое. Пока еще опасность грозила Константинополю, въ Сициліи вспыхнуло возстаніе [2]. Власть новаго императора казалась столь потрясенною, что нашлись люди, которые спѣшили воспользоваться обстоятельствами, чтобы провозгласить на мѣсто Льва новое имя. Явленіе очень обыкновенное въ исторіи имперіи. Считая Константинополь вѣрною добычею арабовъ, дукъ Сициліи, протоспаѳарій Сергій, думалъ въ это смутное время лучше устроить свою судьбу, провозгласивъ у себя на островѣ особаго императора въ лицѣ одного уроженца константинопольскаго, по имени Василія. Надобно полагать, что около этого имени онъ надѣялся соединить остатки имперіи, сколько бы ихъ уцѣлѣло отъ арабскаго завоеванія. Сергій не отступился отъ своего

[1] Ѳеофанъ указываетъ на помощь воинственныхъ Мардаитовъ. См. Schlosser, 153, n.—[2] Что возстаніе открылось еще во время осады, видно изъ словъ Ѳеофана: Τούτῳ τῷ ἔτει Σέργιος ὁ πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Σικελίας ἀκούσας, ὅτι οἱ Σαρακηνοὶ παρακαθέζονται τὴν βασιλεύουσαν πόλιν, ἔστεψεν ἴδιον βασιλέα, etc. Theoph. Chron. ad an. 710.

плана и послѣ того, какъ арабамъ нанесено было пораженіе: подъ именемъ Тиберія Сицилія продолжала признавать Василія своимъ императоромъ. Левъ однако не хотѣлъ потерпѣть себѣ совмѣстника, и едва только кончилось стѣсненіе отъ арабовъ, отправилъ въ Сицилію своего хартуларія Павла съ титломъ дука и съ порученіемъ возстановить порядокъ на островѣ. Несмотря на всю трудность порученія, оно было исполнено безъ помощи военной силы. Правительство имѣло благоразуміе отправить своего повѣреннаго тайно, ночью, такъ что онъ прибылъ въ Сиракузы вовсе неожиданно. Застигнутый въ расплохъ, Сергій не умѣлъ принять никакихъ мѣръ и малодушно бѣжалъ въ Калабрію къ лангобардамъ. Императорская грамота, привезенная Павломъ, разрѣшила сомнѣнія войска и гражданъ сиракузскихъ. Узнавъ о побѣдахъ Льва надъ арабами, они снова провозгласили его императоромъ и немедленно выдали Павлу самозванца Василія и всѣхъ его сановниковъ. Препроводивъ въ Константинополь головы главныхъ виновниковъ, дукъ могъ потомъ свободно распорядиться казнями второстепенныхъ лицъ, которыя были замѣшаны въ предпріятіе Сергія. Впрочемъ дѣло обошлось безъ пролитія крови: виновныхъ сѣкли, другимъ брили головы и рѣзали носы, и потомъ всѣхъ отсылали въ изгнаніе. Въ короткое время спокойствіе въ Сициліи было возстановлено [1]).—Также легко и скоро было подавлено другое внутреннее возстаніе, которое замышлено было въ Ѳессалоникѣ приверженцами бывшаго императора Анастасія. Несчастный Анастасій лишь для того оставилъ стѣны монастыря, который служилъ ему мѣстомъ заключенія, чтобы вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ города, сложить свою голову въ столицѣ имперіи, на позоръ тамошней черни [2]).

Полный успѣхъ надъ опаснымъ внѣшнимъ врагомъ, скорое и легкое торжество надъ внутреннимъ—вотъ что находимъ на первыхъ страницахъ исторіи императора Льва. Нельзя было начать царствованіе блистательнѣе. При самомъ вступленіи на престолъ искушенный тяжелымъ опытомъ, Левъ выносилъ изъ него не только власть упроченную на будущее время, но и авторитетъ, грозный врагамъ спокойствія имперіи. Не легко было впередъ застать его врасплохъ и нечаянностію нападенія привести въ уныніе. Не терять духа въ минуту опасности и побѣждать ее твердостію и настойчивою распорядительностію—лежало прямо въ свойствахъ Льва Исаврянина. Въ положеніи

[1]) Theoph. ibid. — [2]) Schlosser, p. 158—161.

имперіи въ VIII вѣкѣ это было едва ли не лучшее пріобрѣтеніе. Она продолжала жить подъ страхомъ ежедневныхъ нападеній и, не находя у себя достаточно твердой руки, которая бы могла держать въ уздѣ страсти, колебалась при всякой перемѣнѣ на престолѣ. Въ отважной предпріимчивости Геракдія было теперь менѣе нужды: довольно было, если правитель могъ не пугаться бури у себя дома, въ стѣнахъ Константинополя, и встрѣчать ее несмущеннымъ взоромъ. Въ свойствахъ Льва лежала и возможность того, чтобы власть, имъ упроченная и выдержанная, перешла послѣ него къ ближайшимъ его преемникамъ, чтобы въ имперіи, какъ послѣ Геракдія, опять основалась одна постоянная династія, чѣмъ государство избавлялось отъ многихъ излишнихъ потрясеній. Какъ мы знаемъ, Льву дѣйствительно суждено было утвердить на византійскомъ престолѣ свою династію, продолжавшуюся до конца вѣка и долгое время сохранявшую характеръ своего основателя. Такъ много условій соединялось въ лицѣ перваго императора Исаврійской династіи для того, чтобы могло быть положено хотя начало внѣшней безопасности имперіи и ея внутреннему устройству безъ кровавыхъ переворотовъ, безъ насилія, единственно мирнымъ дѣйствіемъ твердаго и благоразумнаго управленія. Тогда и провинціи могли бы тѣснѣе примкнуть къ своему центру, отъ котораго столько времени отдѣляло ихъ весьма понятное отчужденіе. Но и Левъ не могъ обойти того рокового противорѣчія, которое такъ глубоко заложено было въ самыхъ основахъ римско-христіанской Восточной имперіи. Еще болѣе: тѣ выгодныя условія, которыя онъ принесъ съ собою на престолъ, свой авторитетъ и свои средства, онъ употребилъ на то, чтобы, бросивъ сѣмена новаго религіознаго раздора въ имперіи, своими эдиктами питать вражду двухъ противоположныхъ началъ и поддерживать раздѣленіе народа на два враждебные одинъ другому стана! На то были обращены Львомъ лучшія усилія воли, чтобы достигнуть въ государствѣ единства вѣрованій—по своей мысли!

Въ нравѣ Льва было постановлять свою волю непремѣннымъ обязательнымъ закономъ для всѣхъ подданныхъ. Но онъ первый въ Восточной имперіи распространилъ это правило даже на религіозныя убѣжденія. Монофелитизмъ былъ почти совершенно подавленъ, но скептицизмъ еще не прекратилъ своего дѣйствія внутри христіанскаго общества, и вытѣсненный изъ сферы чисто догматической, обратился на религіозные *обычаи*. Въ разныхъ пунктахъ имперіи, даже между

духовными лицами, начинали обнаруживаться мнѣнія, противныя почитанію иконъ. Послѣдователи этого мнѣнія, столь противорѣчившаго общимъ убѣжденіямъ, можетъ-быть никогда не составили бы значительной секты, если бы, сверхъ всякаго чаянія, они не нашли себѣ центра въ самой императорской власти, какъ скоро Левъ принялъ ихъ сторону. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Левъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ болѣе изъ видовъ политическихъ, чѣмъ въ интересѣ религіозной истины, хотя бы и ложно понятой [1]). Онъ началъ съ обращенія въ христіанство іудеевъ и другихъ невѣрующихъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи. Не оставлены были также въ покоѣ и остатки нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ, въ особенности монтанисты. Ясно, что Левъ съ своей точки зрѣнія преслѣдовалъ тотъ же идеалъ, какого нѣкогда думали достигнуть Децій и Діоклеціанъ своими гоненіями [2]). Но встрѣчая вездѣ непоколебимое сопротивленіе, онъ думалъ видѣть причину его главнымъ образомъ въ томъ отвращеніи, какое имѣли іудеи и вслѣдъ за ними магометане къ иконамъ какъ предметамъ поклоненія. Не понимая настоящаго смысла, какой получили священныя изображенія въ христіанствѣ, они въ самомъ дѣлѣ боялись, что съ ними возвратится древнее кумирослуженіе. Нѣкоторыя духовныя лица, между ними особенно Өеофанъ, епископъ наколійскій [3]), еще болѣе утвердили мысль Льва своими внушеніями. Обращеніе невѣрныхъ не казалось болѣе ни искреннимъ, ни довольно надежнымъ, прежде чѣмъ было устранено главное препятствіе къ нему, заключавшееся, по мнѣнію Льва, въ священныхъ изображе-

---

1) Ср. Gibbon, гл. 48; Schlosser, p. 161 et seqq.; Neander, III, 408, 409, въ особенности n. 1.—Впрочемъ Неандеръ едва ли правъ, называя сказочными всѣ извѣстія о вліяніи іудейскихъ и мусульманскихъ представленій на иконоборцевъ. Соприкосновеніе было весьма возможно, и слѣд. нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ предположеніи, что Левъ принималъ въ соображеніе для своихъ видовъ извѣстное отвращеніе мусульманъ къ религіознымъ изображеніямъ. Өеофанъ прямо приписываетъ все вліянію нѣкотораго Безера, крещеннаго магометанина. См. Theoph. Chron. ad an. 715.—2) Что обращеніе вовсе не было добровольно, можно видѣть изъ того, чтó разсказываетъ Өеофанъ объ монтанистахъ: они запирались въ своихъ домахъ и сожигали себя за-живо. Безъ сомнѣнія, одно отчаяніе могло внушить имъ подобную рѣшимость. Idem, ad an. 714.—3) Собственно Константинъ. См. Neander, ibid. p. 414. Өеофиломъ прозвалъ его Бароній, смѣшавшій столь употребительное тогда присловіе „боголюбивый“, θεοφίλης, съ настоящимъ именемъ епископа, отчего произошла большая запутанность. См. Walch, X, 189.

ніяхъ [1]). Не мудрено впрочемъ, что совѣтники императора мало-по-малу успѣли передать ему и свое безотносительное ожесточеніе противъ иконъ. Еще замѣтенъ духъ умѣренности въ первыхъ дѣйствіяхъ Льва, которыя были направлены противъ иконопочитанія. Онъ спрашивалъ совѣта ученыхъ теологовъ, находившихся въ Константинополѣ, онъ думалъ напередъ обезпечить себя ихъ согласіемъ [2]). Не найдя въ нихъ себѣ никакого сочувствія, Левъ однако нисколько не поколебался въ своемъ намѣреніи. Противорѣчіе какъ будто вовсе не касалось его мысли, оно лишь прибавляло настойчивости его волѣ. Когда одно средство не удалось, онъ взялся за другое, болѣе прямое и рѣшительное. Въ девятомъ году правленія Льва собранъ былъ въ императорскомъ дворцѣ обычный силенціумъ, тайный придворный совѣтъ изъ ближайшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, и результатомъ совѣщаній его былъ новый эдиктъ, которымъ воспрещалось подобающее иконамъ поклоненіе, προσκύνησις [3]). Мнѣніе новое, не имѣвшее на своей сторонѣ ни одного авторитета, мнѣніе еретическое, котораго чуждались важнѣйшіе представители церкви и большинство христіанскаго общества, вдругъ становилось обязательнымъ закономъ для всѣхъ частей Восточной имперіи. Начало злу, котораго печальныя слѣдствія не заключаются всѣ въ предѣлахъ одного столѣтія, но не разъ еще отзываются и въ IX вѣкѣ.

Мнимое политическое благоразуміе, предписавшее первую мѣру противъ иконопочитанія, было на самомъ дѣлѣ крайнею степенью политической близорукости, и нельзя не пожалѣть о той энергіи, которая была потрачена на исполненіе этой мѣры и всѣхъ за нею послѣдовавшихъ. Уже вообще было довольно грубою ошибкою со стороны власти вновь нарушить внутренній миръ въ имперіи, который стоилъ ей такъ дорого. И для кого потомъ нарушался этотъ миръ? Императоры, державшіеся монофелитскаго заблужденія, по крайней мѣрѣ дѣлали угодное сильной партіи, которая была очень распространена въ имперіи. Элементы же партіи иконоборческой, если и существовали до эдиктовъ императора Льва, были впрочемъ совершенно безсильны по тому противорѣчію, которое они встрѣчали себѣ въ религіозномъ сознаніи народа. Изъ всего

[1]) Въ 6-мъ году своего царствованія предпринялъ Левъ обращеніе іудеевъ; къ 7-му году относятся его первыя, еще не насильственныя мѣры противъ иконопочитанія. См. Schlosser, p. 161—162, n. 1.—[2]) Schlosser, p. 164.—[3]) Ibid.— *Ср. Walch, X, 225.*

круга религіознаго ученія ничто не было такъ доступно простому смыслу народа, какъ почитаніе священныхъ изображеній. Къ другимъ догматамъ масса могла быть равнодушна, потому что они требовали болѣе тонкаго пониманія; въ отношеніи къ иконамъ, по самому дѣйствію ихъ на чувство народа, подобному равнодушію не могло быть мѣста: онѣ служили ему какъ бы живымъ истолкованіемъ всего содержанія его религіозныхъ вѣрованій, онѣ наглядно изображали ему то, что́ онъ не всегда могъ постигнуть своею мыслію, наконецъ онѣ были дороги ему какъ ближайшіе предметы, къ которымъ онъ могъ обращать свое религіозное чувство. До какой степени иконы тогда уже были предметомъ живого вѣрованія, можно видѣть изъ того обстоятельства, что святые, на нихъ изображаемые, призывались во свидѣтели при крещеніи, слѣдовательно какъ бы замѣняли самыхъ воспріемниковъ, и по нимъ давались потомъ имена крещаемымъ [1]). Не было также недостатка въ иконахъ, которыя, какъ прославленныя чудесною силою, чрезъ нихъ дѣйствовавшею, составляли предметъ особеннаго благоговѣнія въ народѣ. Въ нихъ привыкъ видѣть народъ свое главное прибѣжище въ минуту опасности, имъ поручалъ себя въ несчастіи. Такъ цѣлый Константинополь считалъ себя подъ особеннымъ покровительствомъ Влахернской иконы Божіей Матери, и ея чудесному дѣйствію приписывалъ преимущественно свое послѣднее избавленіе отъ арабскаго нашествія [2]). Возстать противъ почитанія иконъ не значило ли хотѣть отнять у народа его святыню? Не значило ли это оскорбить цѣлое христіанское общество въ одномъ изъ самыхъ живыхъ его вѣрованій? Преслѣдуя свой несбыточный идеалъ, императоръ Левъ легкомысленно жертвовалъ ему миромъ церковнымъ и гражданскимъ, возстановлялъ противъ себя цѣлое общество, своею рукою разрывалъ тѣ узы, которыя связывали отдѣльныя провинціи съ ихъ митрополіею.

Какъ ни скромно составленъ былъ первый эдиктъ сравнительно съ послѣдующими, дѣйствіе, имъ произведенное, вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ императора. Тотчасъ же по изданіи эдикта оказалось, что народонаселеніе было про-

[1]) Neander, III, 405.—[2]) Schlosser, p. 148.—О храмѣ влахернскомъ и объ иконѣ, въ немъ находившейся, см. Ducange, Constantinopolis Christiana, p. 84—85. Онъ же упоминаетъ еще о „нерукотворномъ“, ἀχειροποίητος, изображеніи Божіей Матери, которое также находилось въ Константинополѣ. Въ Сезонолѣ, что въ Писидіи, былъ также образъ Божіей Матери, источавшій изъ себя мvро. См. Neander, III, 416, и пр.

тивъ него. Прежде всего неудовольствіе обнаружилось въ самомъ Константинополѣ. Народъ, правда, молчалъ, но за него говорилъ патріархъ Германъ, принявшій на себя защиту иконопочитанія. Его могли обойти, когда собирался силенціумъ, но не могли обойтись безъ его согласія, когда пришлось вводить эдиктъ въ употребленіе. Въ личномъ спорѣ съ патріархомъ императоръ пытался опровергнуть его доводы въ пользу иконопочитанія, но скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ противникомъ болѣе сильнымъ и непреклоннымъ, нежели какого онъ думалъ найти въ девяностолѣтнемъ старикѣ [1]). На первый разъ, чтобы избѣжать излишняго раздраженія, самъ Левъ долженъ былъ сдѣлать нѣкотораго рода уступку непреклонности Германа. Не отмѣняя своего постановленія, онъ впрочемъ старался смягчить его лукавымъ объясненіемъ и лицемѣрно говорилъ, что цѣль эдикта—не уничтожить иконы, но еще болѣе возвысить въ народномъ уваженіи, изъявши ихъ отъ не совсѣмъ почтительныхъ прикосновеній толпы. Еще сильнѣе было неудовольствіе въ провинціи, гдѣ нѣкоторые епископы, изъ угожденія ли императору, или по единомыслію съ нимъ, начинали уже приводить эдиктъ въ исполненіе. Народъ былъ въ тревогѣ, цѣлые города приходили въ смятеніе [2]). Изъ многихъ мѣстъ обращались къ патріарху константинопольскому съ жалобами на нечестивыхъ епископовъ, которые объявили себя противъ иконопочитанія. Чѣмъ далѣе распространялась вѣсть о новомъ эдиктѣ, тѣмъ тревожнѣе становилось состояніе умовъ. Даже въ отдаленной Палестинѣ, куда болѣе не простиралась власть восточныхъ императоровъ, эдиктъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе. Въ лицѣ Дамаскина иконопочитаніе нашло здѣсь себѣ поборника ревностнаго и неутомимаго, къ краснорѣчивому голосу котораго внимательно прислушивался весь Востокъ. Люди благочестивые начинали смотрѣть на исполнителей эдикта какъ на враговъ Божіихъ и съ ужасомъ наблюдали естественныя явленія, какъто землетрясенія и тому подобныя, видя въ нихъ явное приближеніе гнѣва Божія. Внутренній покой имперіи былъ снова нарушенъ, опять наступало время смутъ и волненій.

Менѣе всѣхъ провинцій могла остаться равнодушною къ такому нововведенію, какъ послѣдній эдиктъ Льва, римская

---

1) Neander, III, 411—413. — 2) Слова патріарха Германа: πόλεις ὅλαι καὶ τὰ πλήθη τῶν λαῶν οὐκ ἐν ὀλίγῳ περὶ τούτων θορύβῳ τυγχάνουσιν. См. Neander, III, 414, n. 1.

Италія. Элементы неудовольствія копились въ ней давно; послѣ Григорія Великаго рѣдкое десятилѣтіе проходило для римской Италіи безъ новыхъ оскорбленій со стороны имперіи; не одинъ разъ Римъ и за нимъ вся провинція готовы были оторваться отъ своей метрополіи. Еще не совсѣмъ успокоилась Италія отъ того раздраженія, которое по тому же поводу испытала она въ началѣ вѣка, какъ подоспѣлъ новый эдиктъ, направленный противъ почитанія иконъ. Это былъ горячій уголь, брошенный на легко воспламеняемое вещество. Не менѣе всѣхъ другихъ частей имперіи Италія была предана иконопочитанію, болѣе прочихъ была чувствительна ко всему, чтó носило на себѣ характеръ насильственнаго распоряженія. Религіозная непримиримость такъ легко соединялась въ ней съ раздраженіемъ политическимъ.

Въ глазахъ римлянъ новый эдиктъ дѣйствительно имѣлъ только одно значеніе—новаго оскорбленія [1]). Епископъ Рима тотчасъ понялъ свою обязанность по отношенію къ новому распоряженію, выходившему изъ Константинополя. Не знаемъ положительно, было ли оно тогда же распространено и на римскую Италію; вѣрно впрочемъ то, что Григорій II рѣшительно объявилъ себя противъ эдикта и поэтому поводу началъ даже особую переписку съ императоромъ, въ которой горячо отстаивалъ религіозный обычай поклоненія иконамъ [2]). Начало противорѣчія, которое могло разрѣшиться не иначе, какъ совершеннымъ разрывомъ, потому что ни та, ни другая сторона не способна была къ уступкамъ, и каждая считала себя въ правѣ дѣйствовать какъ авторитетъ, котораго рѣшенія должны быть непреложны. Нельзя упрекнуть Григорія въ томъ, чтобы онъ изъ личныхъ видовъ искалъ повода къ подобному разрыву,

---

[1]) Для критики источниковъ, изъ которыхъ почерпается исторія отношеній между римскою Италіею и Восточною имперіею со времени изданія перваго иконоборческаго эдикта, много сдѣлано Муратори, на основаніи изслѣдованій Pagi, и Вальхомъ, въ его «Исторіи ересей». При всемъ томъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще остается много неопредѣленнаго, запутаннаго, нерѣшеннаго, чтó впрочемъ едва ли и можетъ быть разрѣшено окончательно, пока изслѣдователю не явится на помощь какой либо новый, доселѣ неизвѣстный источникъ. Ср. также Шлоссера и Неандера. Въ моемъ изложеніи я болѣе совѣтуюсь съ двумя первыми. О достоинствѣ Анастасія, какъ главнаго источника въ исторіи этихъ отношеній, см. особенно Walch, t. X, 243.—[2]) Изъ всѣхъ изслѣдованій оказывается, что дошедшія до насъ посланія Григорія II къ императору Льву относятся ко *второму* иконоборческому эдикту. Несомнѣнно впрочемъ то, что переписка началась между ними еще по случаю перваго эдикта, но эти письма вѣроятно утратились. См. Walch, X, 173, 199.

или хотя ускорилъ его своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ. Съ того самаго времени, какъ Левъ, извѣщая Григорія о своемъ вступленіи на престолъ, представилъ ему несомнѣнныя доказательства своего правовѣрія [1]), римскій епископъ ничѣмъ не нарушалъ добраго согласія съ нимъ. Первый вызовъ на брань послѣдовалъ отъ самого императора, вызовъ, обращенный не къ одному только Григорію, но вмѣстѣ съ нимъ и къ цѣлой римской Италіи. Если вѣрить византійскимъ хронографамъ, дѣло тогда уже разгорячилось до такой степени, что въ отвѣтъ на нечестивый эдиктъ, Григорій своимъ авторитетомъ остановилъ сборъ податей въ римской Италіи [2]). Мѣра по всей вѣроятности только временная, которая по мысли самого Григорія едва ли простиралась далѣе ожидаемаго отмѣненія эдикта: по крайней мѣрѣ нѣкоторое время ничто еще не обличаетъ въ немъ рѣшительнаго намѣренія совершенно отдѣлиться отъ имперіи. Но что́, если бы вмѣсто отмѣненія эдикта, какъ этого требовалъ Григорій, императоръ вновь утвердилъ свое распоряженіе и захотѣлъ настоять на исполненіи его силою? Послѣ отказа, хотя бы только временнаго, взносить подати, Италіи оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ до полнаго отрѣшенія отъ власти восточныхъ императоровъ, и этотъ шагъ ничѣмъ не могъ быть такъ ускоренъ, какъ упорствомъ Льва навязать римлянамъ свой эдиктъ силою.

Переписка не принесла никакой пользы. Левъ упорно оставался при своемъ мнѣніи. Изъ противорѣчія римскаго епископа онъ усматривалъ лишь одно—что самый опасный его противникъ находится на Западѣ, и что нельзя думать объ исполненіи эдикта въ Италіи, не устранивъ напередъ Григорія. Другой опасности, которая могла возникнуть для него и для имперіи изъ подобнаго насильственнаго дѣйствія, онъ, кажется, вовсе не хотѣлъ понимать. Мысль императора легко могла быть передана потомъ, оффиціально или неоффиціально,

1) Muratori, Ann. ad an. 717.—2) Молчаніе Анастасія и самого Григорія (въ уцѣлѣвшихъ письмахъ) объ этомъ обстоятельствѣ дѣлаютъ его довольно сомнительнымъ. Однако нельзя положительно отвергнуть его, потому что оно подтверждается почти единогласнымъ свидѣтельствомъ византійскихъ хронографовъ. Главный свидѣтель—Θеофанъ: καὶ μαθὼν τοῦτο Γρηγόριος ὁ πάπας Ῥώμης τοὺς φόρους τῆς Ἰταλίας καὶ Ῥώμης ἐκώλυσεν, γράψας πρὸς Λέοντα ἐπιστολὴν δογματικήν, μὴ δεῖν βασιλέα περὶ πίστεως λόγον ποιεῖσθαι, καὶ καινοτομεῖν τὰ ἀρχαῖα δόγματα τῆς ἐκκλεσίας τὰ ἀπὸ τῶν ἁγίων πατέρων δογματισθέντα. Chron. ad an. 767. За нимъ то же самое извѣстіе *повторяютъ* Михаилъ Гликасъ, Зонарасъ и Кедренъ. См. Walch, X, 116—124.

мѣстнымъ правителямъ въ Италіи, начиная съ экзарха. Отсюда нѣсколько одна за другою слѣдующихъ попытокъ низложить Григорія или страхомъ принудить его къ молчанію, о чемъ, хотя довольно смутно, знаемъ мы изъ Анастасія [1]). Исторія конечно не возьметъ на себя—вмѣстѣ съ біографомъ утверждать, будто Левъ хотѣлъ избавиться отъ Григорія посредствомъ тайнаго убійства: каковы бы ни были его заблужденія, тайное злодѣйство впрочемъ не лежало въ его характерѣ; такъ по крайней мѣрѣ можемъ мы заключать на основаніи остальныхъ историческихъ свидѣтельствъ, касающихся того же лица. Но народъ римскій, предубѣжденный противъ всякаго распоряженія восточныхъ императоровъ въ дѣлахъ религіозныхъ, и еще не забывшій печальной участи, которая постигла Мартина и потомъ угрожала Сергію, толковалъ по-своему дѣйствія мѣстныхъ правителей. Онъ никогда не былъ равнодушнымъ зрителемъ отношеній римскихъ епископовъ къ императорамъ; онъ самъ тотчасъ выступалъ на сцену, и въ своемъ страстномъ увлеченіи нерѣдко заходилъ гораздо далѣе, чѣмъ могла простираться осторожная мысль тѣхъ, которые были главными представителями новой римской національности. На этотъ разъ римскій народъ выразилъ свое участіе въ современныхъ отношеніяхъ тѣмъ, что, боясь за безопасность своего епископа, который такъ смѣло возставалъ противъ эдикта, во всѣхъ дѣйствіяхъ греческихъ правителей въ Италіи хотѣлъ

[1]) Anast. in vita Gregorii II.—Мы не имѣемъ причины совершенно отвергнуть то, что̀ находимъ у Анастасія, какъ не отвергнемъ извѣстій, сообщаемыхъ византійскими хронографами, потому только, что не находимъ ихъ у западныхъ. Что Льву естественно было желать низложенія епископа римскаго, можно судить по примѣру Германа, епископа константинопольскаго, который былъ же низложенъ имъ за свое сопротивленіе иконоборческимъ эдиктамъ. Нельзя впрочемъ пропустить безъ замѣчанія, что разсказъ Анастасія въ этомъ важномъ мѣстѣ представляется запутаннымъ и требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Извѣстія, сообщаемыя имъ о покушеніяхъ на жизнь Григорія, приводятся имъ прежде, чѣмъ начинаетъ онъ говорить о гоненіяхъ Льва на иконы. Съ перваго взгляда можно бы подумать, что первыя не состоятъ въ связи съ послѣдними. Но въ такомъ случаѣ покушенія на жизнь Григорія остались бы вовсе необъяснимы. Во-вторыхъ, о взятіи Равенны Ліутпрандомъ Анастасій также упоминаетъ прежде, чѣмъ о гоненіяхъ на иконы, и однако это событіе было уже результатомъ вражды римскаго епископа съ императоромъ. Мнѣ кажется, запутанность въ разсказѣ Анастасія только мнимая, и произошла оттого, что онъ оставилъ безъ упоминанія или пропустилъ первый иконоборческій эдиктъ, потому что открытыя гоненія на иконы начались уже послѣ второго, который изданъ нѣсколькими годами позже, и который вмѣстѣ съ его слѣдствіями уже прямо приводится Анастасіемъ. Это объясненіе необходимо для послѣдующаго изложенія.

непремѣнно подозрѣвать покушеніе на жизнь Григорія, и въ раздраженіи поднималъ на нихъ руки даже прежде, чѣмъ совершилось предполагаемое злодѣяніе. Насколько были справедливы эти подозрѣнія, мы не беремся рѣшать за недостаткомъ данныхъ; невѣроятно впрочемъ предполагать, чтобы правители сами нѣкоторыми своими дѣйствіями не подавали римлянамъ ближайшаго повода къ подобнымъ подозрѣніямъ.

Первые, на которыхъ пало подозрѣніе римлянъ въ недоброжелательствѣ Григорію, были, по словамъ Анастасія, нѣкто Василій, носившій титло дука, хартуларій Іорданъ и субдіаконъ Іоаннъ Луріонъ. Они впрочемъ дѣйствовали не совсѣмъ одни: нѣкотораго рода полномочіе имѣли они отъ дука римскаго, спаѳарія Марина, который прибылъ на римскій дукатъ изъ Константинополя и одобрялъ ихъ дѣйствія своимъ согласіемъ [1]). Замыселъ ихъ почему-то не могъ исполниться—всего вѣроятнѣе потому, что имъ самимъ пришлось плохо отъ римлянъ, которые, предупреждая мнимое или истинное злодѣйство, сами наложили руки на тѣхъ, кого они считали въ заговорѣ на жизнь Григорія. Біографъ не скрываетъ, что Маринъ долженъ былъ оставить Римъ и слѣдовательно свой дукатъ, что Іорданъ и Луріонъ были убиты, а Василій—насильно постриженъ въ монахи. Все это было сдѣлано по крайней мѣрѣ безъ явнаго участія Григорія. Миссія патриція Павла, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго на экзархатъ также изъ Константинополя, была истолкована римлянами въ томъ же самомъ смыслѣ. Ему также приписывали намѣреніе умертвить Григорія, или хотя низвергнуть его тѣмъ или другимъ способомъ и на мѣсто его поставить другого. Этого мало: въ Италію былъ присланъ еще новый спаѳарій, какъ бы для того, чтобы побудить экзарха дѣйствовать рѣшительнѣе. Надобно полагать, что всѣ эти толки не проходили въ Римѣ даромъ, что каждое новое подозрѣніе отзывалось между римлянами и новою тревогою, а римскія тревоги вообще не безопасны были для греческаго владычества въ Италіи. Какъ бы то ни было, экзархъ Павелъ, склонивъ на свою сторону нѣкоторую часть равеннской милиціи и присоединивъ нѣсколько строевыхъ солдатъ, составилъ изъ нихъ ополченіе и выслалъ его противъ Рима [2]). Но прежде чѣмъ

[1]) Anast. ibid. Уже въ этотъ первый заговоръ Анастасій вмѣшиваетъ самого императора: Quibus assensum Marinus imperialis spatharius, qui Romanum ducatum tenebat, a regia missus urbe *imperatore mandante* hoc probavit.—[2]) Замѣчательны въ этомъ мѣстѣ слова Анастасія: Denuo Paulus patricius ad perficiendum tale scelus (умерщвленіе Григорія) *quos seducere potuit ex Ravennatibus* cum

оно успѣло подойти къ стѣнамъ города, со всѣхъ сторонъ, говоритъ біографъ, собрались лангобарды *на защиту римскаго епископа*, вмѣстѣ съ римлянами отвсюду обступили предѣлы римской области и загородили ополченію экзарха дорогу. Не удивительно, если оно потомъ, не сдѣлавъ ничего, возвратилось назадъ: съ войскомъ, составленнымъ кой-изъ-кого, едва ли и можно было предпринять что-нибудь серьезное.

Обстоятельство, само по себѣ важное, получало еще болѣе значительности отъ встрѣчи экзархова ополченія съ лангобардами, выступившими на защиту Рима или римскаго епископа. Итакъ и они не хотѣли оставаться равнодушными зрителями зачинавшейся борьбы. Ударъ попалъ даже и въ тѣхъ, на кого онъ вовсе не былъ намѣченъ: до того неблагоразумны были послѣднія мѣры, вышедшія изъ Константинополя. Какъ добрые католики, лангобарды не могли не раздѣлить съ римлянами того впечатлѣнія, какое произвелъ на нихъ эдиктъ императора. Они также были оскорблены этимъ открытымъ нападеніемъ на то, что уже стало святынею народа, и при первомъ случаѣ, какъ только Риму угрожала опасность со стороны исполнителей эдикта, вышли на помощь римлянамъ, какъ своимъ единовѣрцамъ. Еще король могъ медлить изъ политическихъ расчетовъ, какъ лангобарды уже явно начинали обнаруживать свою симпатію къ главному защитнику иконопочитанія на Западѣ, римскому епископу [1]). Этого только недоста-

suo comite atque ex castris aliquos misit. Судя по тому, какъ составлялось тогда войско въ экзархатѣ, въ самомъ дѣлѣ экзарху трудно было имѣть его все на своей сторонѣ: онъ могъ сманить лишь нѣкоторыхъ. Объ лангобардахъ Анастасій прямо говоритъ, что они сошлись pro defensione Pontificis. Ср. Paul. Diac. VI, 49.—[1]) Ни Анастасій, ни Павелъ Діаконъ, не упоминаютъ объ участіи въ этомъ вооруженіи лангобардовъ самого Ліутпранда. Послѣдній даже прямо говоритъ, что ополчившіеся были лангобарды изъ Сполето и изъ Тусціи. Какъ ближайшіе сосѣди римлянъ, они всего живѣе могли имъ сочувствовать (Ср. Murat. Ann. ad an. 729). Поэтому я нахожу, что Шлоссеръ (ibid. p. 172) вовсе неосновательно упоминаетъ объ еретичествѣ лангобардовъ, которое будто бы между другими причинами все еще дѣлало ихъ ненавистными Григорію. Еще страннѣе, когда онъ же, подъ 753 годомъ говоритъ: Von Rom aus erwartete Konstantin (der Kaiser) keinen Widerspruch, da er, weder willens noch vermögend, Rom zu retten, jeden Tag zu hören dachte, dass es in die Hände der Longobarden gefallen und also arianisch geworden. Въ VIII вѣкѣ между лангобардами нѣтъ болѣе никакихъ слѣдовъ прежней ереси.—Не упоминается также въ источникахъ объ участіи Григорія въ призваніи лангобардовъ. Едва ли впрочемъ оно и было: Григорій, какъ увидимъ послѣ, боялся приближать къ себѣ лангобардовъ—только не за ересь, которая уже была побѣждена католицизмомъ, а прямо изъ политическихъ видовъ.

вало, чтобы кончилось равнодушіе, до сихъ поръ раздѣлявшее двѣ народности въ Италіи, и чтобы люди, принадлежавшіе къ племени лангобардовъ, которые недавно еще были главными врагами Рима, добровольно явились на его защиту! Далеко не весь народъ лангобардскій, какъ увидимъ послѣ, участвовалъ въ этомъ предпріятіи; сколько бы впрочемъ ихъ ни было, лангобарды и римляне въ первый разъ выступали союзниками противъ одного общаго врага, котораго бы намъ гораздо естественнѣе было встрѣтить въ союзѣ съ римлянами противъ лангобардовъ.

Если бы даже прямою задачею Льва было создать себѣ изъ ничего необоримыя трудности, для этой цѣли онъ не могъ бы выдумать ничего лучше изданія своего иконоборческаго эдикта. Впрочемъ, должно признаться, неробкій духъ носилъ онъ въ себѣ. Его упорная воля не любила сгибаться передъ трудными обстоятельствами, принимать отъ нихъ уроки; напротивъ, она закалялась въ нихъ до ожесточенія. Даже явленія природы умѣлъ онъ толковать въ пользу непреложности своего убѣжденія. Въ 728 году, середи Эгейскаго моря, между Спорадами, вдругъ образовался страшный волканъ, котораго изверженія простирались съ одной стороны до Македоніи, съ другой—до самыхъ береговъ Малой Азіи, такъ что вся поверхность междулежащаго моря покрылась пепломъ и пемзою [1]). Черезъ нѣсколько времени огонь погасъ, но на его мѣстѣ мореходы съ удивленіемъ замѣчали до того времени невиданный островъ. Почитатели иконъ видѣли въ этомъ явленіи знаменіе гнѣва Божія. Левъ также хотѣлъ видѣть въ немъ гнѣвъ Божій—за то, что до сихъ поръ медлили исполненіемъ эдикта, не спѣшили истребить самые слѣды того, чтó въ эдиктѣ было представлено какъ самое нечистое суевѣріе. Отсюда положено было впредь принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ иконопочитателей, и тамъ, гдѣ не помогли бы увѣщанія, дѣйствовать открытою силою. Хронографъ не говоритъ, были ли эти мѣры опредѣлены особеннымъ эдиктомъ; впрочемъ предположеніе, что подобный эдиктъ дѣйствительно существовалъ, имѣетъ на своей сторонѣ гораздо болѣе вѣроятности, ибо такова была обыкновенная форма, въ которой объявлялись народу рѣшенія императора [2]).

---

1) Theoph. Chron. ad an. 718 (728).—2) См. Theoph. ibid.—Шлоссеръ, p. 171, прямо говоритъ о новомъ эдиктѣ, прибавляя, что въ немъ уже было воспрещено употребленіе всѣхъ изображеній святыхъ и ангеловъ.—Точно ли въ *этой силѣ написанъ* былъ новый эдиктъ, рѣшить трудно: по крайней мѣрѣ Шлос-

Насильственныя мѣры вызывали противъ себя также насиліе. Они убивали въ народѣ послѣднее уваженіе къ авторитету и весьма способны были вызвать наружу то волненіе, которое еще съ перваго эдикта овладѣло умами. Въ Константинополѣ оно въ самомъ дѣлѣ вскрылось при первомъ случаѣ. Какъ бы для того, чтобы подать примѣръ жителямъ столицы, императорскій спаѳарій лично приступилъ къ снятію изображенія Спасителя, которое находилось на мѣдныхъ воротахъ одного изъ императорскихъ дворцовъ. Собравшійся народъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на святотатственное дѣйствіе. Уже спаѳарій спускался внизъ съ тѣмъ, что́ онъ считалъ своею добычею, какъ нѣсколько женщинъ высшаго сословія выступили впередъ, опрокинули лѣстницу и вмѣстѣ съ нею спаѳарія, и оставили его мертвымъ на мѣстѣ [1]). Изъ другого источника мы знаемъ, что при томъ же случаѣ лишились жизни и еще нѣсколько человѣкъ [2]), что́ заставляетъ предполагать, что народъ также принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ и произвелъ общее смятеніе. Мысль нѣкоторыхъ обращалась даже противъ самого императора. Тѣмъ хуже было для зачинщиковъ смятенія и всѣхъ тѣхъ, на которыхъ пало справедливое или несправедливое подозрѣніе въ соучастіи. Народное неудовольствіе не испугало Льва: въ столицѣ власть его была крѣпче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Мятежъ лишь ускорилъ месть его противникамъ эдикта. Начались преслѣдованія и казни, столь обычныя въ Константинополѣ: ссылки, конфискаціи, разныя истязанія и искаженія. Люди, знаменитые родомъ или просвѣщеніемъ, потерпѣли всего болѣе. Наконецъ, чтобы остановить зло въ самомъ источникѣ, закрыты были самыя школы въ Константинополѣ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое

серъ правъ въ томъ отношеніи, что такъ ясно отличилъ этотъ эдиктъ отъ другихъ, чего почти не дѣлаютъ прочіе историки, и что́ однако было бы такъ необходимо для послѣдовательности событій. Ср. Walch, X, 215. — 1) Это происшествіе приводится въ подробности Стефаномъ, біографомъ другого Стефана, пострадавшаго во время Копронима за иконопочитаніе (см. Walch, X, 144). Онъ разсказываетъ происшествіе, какъ случившееся послѣ низложенія Германа; но Ѳеофанъ, упоминающій о немъ въ нѣсколькихъ словахъ, ставитъ его тотчасъ послѣ появленія волкана и относитъ къ тому же году. Ср. также извѣстія Зонараса и Кедрена (у Вальха, X, 120, 124).—2) Theoph. ibid.—Подъ тѣмъ же годомъ онъ приводитъ кратко и слѣдующія происшествія. Слѣдующій ему авторъ Historiae Miscellae также приводитъ константинопольскія происшествія тотчасъ послѣ извѣстія о появленіи волкана. См. Histor. Misc. c. XXI. О казняхъ въ Константинополѣ ср. Walch, X, 183.

время [1]). Послѣ того, спокойствіе въ столицѣ не было болѣе нарушено.

Константинополь успокоился, поднялась провинція. По многимъ причинамъ провинція еще меньше расположена была принять нововведеніе Льва, чѣмъ столица. Можно думать, что сюда же удалились многіе гонимые изъ Константинополя и питали духъ неудовольствія между мѣстными жителями. На Цикладахъ составился обширный заговоръ, въ которомъ впрочемъ едва ли не главное участіе принадлежало жителямъ древней Греціи [2]). Общими силами соумышленники собрали значительный флотъ и направили его подъ начальствомъ двухъ вождей прямо къ Константинополю. Цѣль ихъ была ни болѣе ни менѣе, какъ низложить Льва съ престола. Въ лицѣ нѣкоего Козмы они уже назначили ему и преемника. Но въ Константинополѣ Левъ былъ безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь: на сушѣ за него были стѣны города и вѣрный гарнизонъ, на водѣ—греческій огонь, который онъ съ такимъ искусствомъ умѣлъ употреблять въ дѣло. Мятежники подошли къ Константинополю: здѣсь встрѣтились они съ византійцами — чтобы, послѣ непродолжительной битвы, быть свидѣтелями истребленія своихъ кораблей и гибнуть вмѣстѣ съ ними. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ отъ пораженія были Козма и одинъ изъ двухъ военачальниковъ; но они лишь для того вынесли свои головы изъ пораженія, чтобы потомъ сложить ихъ на плахѣ. Гордый своею побѣдою, Левъ, кажется, и это событіе объяснялъ по-своему и находилъ въ немъ новыя побужденія къ тому, чтобы по принятой системѣ приводить эдиктъ въ исполненіе.

Впрочемъ побѣда надъ цикладскимъ флотомъ далеко не водворяла мира въ цѣлой имперіи. По отношенію къ Италіи, гдѣ волненіе началось гораздо ранѣе, греческій огонь оставался средствомъ совершенно безполезнымъ. Между тѣмъ новый способъ исполненія эдикта, принятый Львомъ въ послѣднее

---

[1]) Theoph. ibid: ὥστε καὶ τὰ παιδευτήρια σβεσθῆναι καὶ την εὐσεβῆ παίδευσιν ἀπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου καὶ μέχρι νῦν κρατήσασαν. По всей вѣроятности воспрещеніе относилось къ церковнымъ школамъ.—Что касается до сожженія одной знаменитой школы и при ней огромной библіотеки (въ 36,500 томовъ), то это обстоятельство мы относимъ вмѣстѣ съ Вальхомъ (X, 231—234) къ числу басенъ, придуманныхъ позднѣе и вовсе неизвѣстныхъ ближайшимъ повѣствователямъ.—[2]) Theoph. (подъ тѣмъ же годомъ): ἐν τούτοις οὖν θείῳ κινούμενοι ζήλῳ, στασιάζουσι κατ᾽ αὐτοῦ μεγάλῃ ναυμαχίᾳ συμφωνήσαντες Ελλανικοι τε καὶ οἱ τῶν Κυκλάδων νήσων Κοσμᾶν τινα συνεπόμενον ἔχοντες εἰς τὸ στεφθῆναι.

время, и слухи о преслѣдованіяхъ иконопочитателей, достигавшіе до Италіи, дѣйствовали на нее хуже всякаго огня, съ новою силою воспламеняя страсти народонаселенія, и безъ того слишкомъ воспріимчиваго. Въ чемъ собственно состояла на этотъ разъ роль римскаго епископа, опредѣлить съ точностію трудно. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія въ томъ, что онъ остался вѣренъ своему прежнему взгляду на предметъ спора и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Неизбѣжность полнаго разрыва съ имперіею, кажется, стала ему яснѣе, чѣмъ когда-нибудь. По словамъ Анастасія, Григорій возсталъ противъ Льва какъ противъ врага, прямо обличая его въ ереси и своими посланіями вездѣ предостерегая христіанъ отъ подобнаго нечестія [1]). Греческія извѣстія говорятъ еще болѣе: они утверждаютъ, что Григорій совершенно отрѣшилъ западныя провинціи отъ подчиненія власти восточнаго императора [2]). Извѣстіе слишкомъ общее, чтобы мы могли принять его въ буквальномъ значеніи: оно легко могло составиться у хронографа подъ общимъ впечатлѣніемъ событій въ Италіи, о которыхъ слухи достигали Константинополя; но мы имѣемъ причины сомнѣваться, чтобы осторожный Григорій II, какова бы впрочемъ ни была его тайная мысль, отважился на такой рѣшительный шагъ, не истощивъ напередъ всѣхъ средствъ къ примиренію съ императоромъ. Иное дѣло было объявить его, какъ еретика, врагомъ церковнаго мира въ Италіи и въ цѣлой имперіи, и иное—совершенно отрѣшить отъ его власти цѣлыя провинціи. Сохранившіяся посланія Григорія и его послѣдующія дѣйствія по крайней мѣрѣ показываютъ, что Григорій не дошелъ до того, чтобы принять на себя отвѣтственность въ подобномъ рѣшеніи.

Шагъ, который долженъ былъ рѣшить одинъ изъ самыхъ важныхъ переворотовъ въ судьбахъ Италіи, и передъ важностію котораго, какъ мы увидимъ послѣ, останавливался самъ римскій епископъ, не казался столь труднымъ италіанскому

---

1) Anast. ibid.—Это обстоятельство онъ приводитъ *тотчасъ послѣ* извѣстія о насильственныхъ мѣрахъ императора противъ иконъ, но *прежде*, чѣмъ говоритъ о возстаніи въ римской области и въ Пентаполисѣ, слѣдовательно до 730 года.—2) У Ѳеофана, который приводитъ это извѣстіе подъ 721 (у Вальха—X, 110,—729) годомъ, впрочемъ до низложенія Германа, оно встрѣчается въ видѣ придаточнаго предложенія: ἐν δὲ τῇ πρεσβυτέρᾳ Ῥώμῃ Γρηγόριος ο πανίερος ἀποστολικὸς ἀνὴρ καὶ Πέτρου τοῦ κορυφαίου σύνθρονος, λόγῳ καὶ πράξει διαλάμπων,—ὅς ἀπέστησε Ῥώμην τε καὶ Ἰταλίαν καὶ πάντα τὰ ἑσπέρια τῆς τε πολιτικῆς καὶ ἐκκλεσιαστικῆς ὑπακοῆς Λέοντος καὶ τῆς ὑπ' αὐτὸν βασιλείας.

народу. Онъ готовъ былъ къ этому шагу и прежде; ему не нужно было для того провозглашать въ громкихъ словахъ свое отдѣленіе отъ имперіи, довольно было однимъ сильнымъ движеніемъ стереть и послѣдніе, еще сохранившіеся остатки византійскаго авторитета внутри италіанской провинціи. Выше мы видѣли, къ чему привело движеніе, съ такою силою обнаружившееся въ городахъ римской Италіи въ VII вѣкѣ. Изъ него вышло новое учрежденіе, которое называлось „милиціею" и легко могло обратиться въ подрывъ власти мѣстныхъ правителей, трибуновъ, дуковъ и самого экзарха. Въ случаѣ отдѣленія отъ нихъ этой организованной силы, они оставались, при недостаткѣ войска, почти безъ всякой опоры. Но въ милиціи рано уже возникло стремленіе—не просто лишь отдѣлиться отъ мѣстныхъ правителей и дѣйствовать отъ нихъ независимо, но и завладѣть самымъ ихъ пóстомъ, чтобы потомъ замѣщать его людьми своего выбора. Между тѣмъ эти мѣстные правители были единственными представителями авторитета восточныхъ императоровъ въ Италіи. Устранивъ ихъ, провинція устранила бы отъ себя и самый авторитетъ, ими представляемый; поставивъ своихъ дуковъ на мѣсто тѣхъ, которыхъ назначала имперія, Италія фактически отрѣшилась бы отъ самой власти, которой они были только главными органами. Опасность, которая съ этой стороны угрожала имперіи, была вовсе не мнимая; она уже не разъ дала себя почувствовать мѣстной власти, открывшись съ силою—сначала въ равеннскомъ, потомъ въ римскомъ возстаніи; она и послѣ того не переставала расти съ каждымъ новымъ неудовольствіемъ, постоянно висѣла надъ головами правителей, и могла, разрѣшившись при удобномъ случаѣ, въ одну роковую минуту сокрушить самые живые признаки существованія власти, пережившей почти два столѣтія. Гоненіе на иконы приблизило эту минуту: оно пришло такъ неожиданно и возбудило такъ много новой ненависти, что тотчасъ же за нимъ долженъ былъ послѣдовать давно готовый взрывъ нетерпѣнія. Первый эдиктъ бросилъ искру; насильственныя мѣры, послѣдовавшія за нимъ, раздули ее во всеобщій пожаръ.

Никогда еще народное движеніе въ Италіи не было такъ бурно и стремительно, никогда еще не вскрывалось оно такъ одновременно и съ такою неукротимою силою. Съ голоса Григорія (такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ его біографъ), а еще болѣе по собственному увлеченію, почти вся римская Италія *единодушно возстала* противъ насильственнаго введенія иконо-

борческаго эдикта. Въ Римѣ, во всемъ Пентаполисѣ, даже въ отдаленной Венеціи—вездѣ былъ одинъ голосъ, одно чувство глубокой ненависти къ нечестивой мѣрѣ и насиліямъ, ее сопровождавшимъ [1]). Только южныя части Италіи не показывали видимаго участія въ общемъ движеніи. Нося въ началѣ своемъ характеръ религіозный, движеніе впрочемъ скоро переступило ту черту, за которою оно неизбѣжно принимало значеніе чисто политическое. Повелительный голосъ экзарха Павла раздавался въ пустынѣ: его не слушали, тѣмъ болѣе, что давно потеряли къ нему всякое довѣріе, его охотнѣе предавали проклятію. Когда онъ думалъ укротить волненіе своимъ безсильнымъ авторитетомъ, оно вышло изъ береговъ и однимъ дружнымъ ударомъ сбило послѣдніе оплоты, которыми еще держалась власть имперіи внутри италіанской провинціи. Вдругъ по всѣмъ мѣстамъ—дуки, то-есть мѣстные правители, они же и начальники ополченій, были низложены, и на мѣсто ихъ поставлены новые, призванные къ тому непосредственнымъ народнымъ избраніемъ [2]). Подробности этого важнаго переворота не дошли до насъ; но мы благодарны Анастасію и за то, что онъ сообщилъ намъ главный результатъ. Безъ того мы не знали бы событія, которымъ Италія вступала въ новый періодъ своего политическаго существованія. Однимъ единодушнымъ порывомъ вытѣснивъ послѣднихъ представителей императорскаго авторитета въ провинціи, городская милиція не отмѣнила вмѣстѣ съ лицами и самой ихъ власти: она лишь овладѣла ихъ пбстомъ и удержала его въ своихъ рукахъ. Отнынѣ власть дуковъ получила также характеръ *національный*. Первый знакъ къ этому важному перевороту, какъ видно, былъ поданъ изъ Рима. Чтобы впрочемъ Григорій указалъ и самую цѣль вышедшему отсюда движенію, едва ли можно утверждать положительно [3]). Это указаніе дано было

---

[1]) Anast. ibid: Igitur permoti omnes Pentapolenses atque Venetiarum exercitus contra imperatoris jussionem restiterunt dicentes, etc. Выраженіе Venetiarum exercitus прямо указываетъ на участіе милиціи въ этомъ движеніи: или мы должны предположить въ Венеціи императорское войско, котораго впрочемъ, сколько мы знаемъ, въ ней никогда не было.—[2]) Anast. ibid: Spernentes ordinationem ejus (exarchi) sibi omnes ubique in Italia duces elegerunt, atque sic de Pontificis, deque sua immunitate cuncti studebant. Cp. Murat. Ann. ad an. 728.—[3]) Эту мысль могли бы нѣкоторымъ образомъ внушить слова Гегеля: Der Papst Gregor II selbst trat an die Spitze der Bewegung... auf seinen Ruf vereinigten sich die Milizen der römischen Provinzen, verachteten die Befehle des Exarchen und wählten sich selbst ihre Duces. I, p. 205. Впрочемъ съ другой стороны должно замѣтить, *что никто изъ* новыхъ изслѣдователей не понялъ такъ ясно

обстоятельствами времени. Когда въ Римѣ началось волненіе, экзархъ, не безопасный и у себя въ Равеннѣ, ничего не могъ предпринять болѣе для возстановленія порядка между римлянами. Это дѣло принялъ на себя Экзиларатъ, дукъ неаполитанской области, куда еще не успѣло проникнуть римское движеніе. Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Адріаномъ, онъ сталъ на предѣлахъ Кампаніи и угрожалъ отсюда римлянамъ. Но— или силы его были очень слабы, или можетъ-быть послѣдовала измѣна со стороны неаполитанцевъ, только угроза обратилась на его собственную голову: дукъ былъ захваченъ римлянами и убитъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ [1]). Ободренные первымъ успѣхомъ, римляне не остановились и передъ другимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ: тѣ силы, которыми побѣжденъ былъ Экзиларатъ, они обратили теперь противъ своего собственнаго дука Петра, который доносилъ на Григорія императору, и изгнали его изъ города [2]).—Примѣръ, показанный римлянами, конечно не остался безъ подражанія. Распространяясь отсюда, движеніе достигло и самой резиденціи экзарха. Здѣсь впрочемъ была преданная экзарху партія, которая видѣла свой интересъ въ сохраненіи существующаго порядка вещей. Но ея сопротивленіе повело только къ кровопролитію. Противники эдикта одолѣли тѣхъ, которые держали сторону экзарха, и онъ самъ среди смятенія погибъ насильственною смертію. Это былъ извѣстный уже намъ экзархъ Павелъ, который своимъ худо обдуманнымъ предпріятіемъ противъ Рима возстановилъ противъ себя какъ римлянъ, такъ и лангобардовъ: ошибками своего управленія онъ ускорилъ разрывъ провинціи съ ея метрополіею. По смерти его въ цѣлой римской Италіи не осталось никого, кто бы прямо представлялъ собою авторитетъ Восточной имперіи.

Низложивъ всѣ власти, поставленныя византійскимъ правительствомъ, разорвавъ съ имперіею всѣ связи, о чемъ помышляла, какую судьбу готовила себѣ Италія? Нельзя сказать, чтобы она думала довольствоваться въ своемъ внутреннемъ управленіи тѣмъ авторитетомъ, который въ борьбѣ ея съ чуже-

---

всей важности переворота, какъ Гегель, хотя ему пришлось упомянуть о немъ почти только мимоходомъ. — 1) Anast. ibid: Tunc Romani omnes (?) eum secuti comprehenderunt et cum filio suo interfecerunt. — 2) Мураторы, ibid., называетъ Петра „новымъ“ дукомъ римскимъ, то-есть какъ бы одолженнымъ послѣднему перевороту своимъ избраніемъ. Но этого вовсе не говоритъ Анастасій; судя по *связи его* разсказа, мы, наоборотъ, думаемъ, что изгнаніе Петра было началомъ *низложенія дуковъ* въ римской Италіи.

земнымъ вліяніемъ получилъ значеніе національной власти: мысль возраждающейся Италіи возвращалась ко временамъ прежняго ея величія, однимъ словомъ—она хотѣла имѣть *своего* императора и уже готовилась приступить къ его избранію [1]). Идея римской имперіи никогда совершенно не умирала въ Италіи. Намѣреніе италіанцевъ однако не состоялось. Кто же помѣшалъ имъ привести его въ исполненіе? Императоръ или можетъ-быть Ліутпрандъ, который по многимъ причинамъ могъ желать присоединенія римской Италіи къ своей собственной коронѣ? Ни тотъ, ни другой. Италіанцы были остановлены Григоріемъ, который — говоритъ Анастасій — еще ожидалъ обращенія императора [2]). Принявъ первую половину извѣстія Анастасія, мы не имѣемъ никакихъ причинъ не принять и второй. Намъ кажется только не совсѣмъ достаточнымъ то объясненіе, какое даетъ біографъ поступку римскаго епископа. Въ современныхъ обстоятельствахъ мы находимъ еще одинъ важный мотивъ, почему Григорій долженъ былъ желать болѣе возстановленія добраго согласія съ Константинополемъ, чѣмъ спѣшить выборомъ независимаго главы Италіи.

Во-первыхъ, римскій епископъ, по весьма понятной причинѣ, не могъ имѣть особеннаго желанія сдать въ чужія руки тотъ авторитетъ, который принадлежалъ его престолу внутри римской Италіи. Иное дѣло было для него знать императора въ отдаленномъ Константинополѣ, и иное — въ стѣнахъ того же самаго Рима. Но была еще и другая, ближайшая опасность: прежде чѣмъ опредѣлились бы отношенія римскаго престола къ новой національной власти, даже прежде чѣмъ вышло бы что-нибудь прочное изъ народнаго выбора въ римской Италіи, она легко могла сдѣлаться добычею завоевателя, который постоянно сторожилъ ея предѣлы съ сѣвера. Называть ли его по имени? Въ Римѣ знали его давно, но до сихъ поръ не имѣли настоящаго понятія ни о немъ самомъ, ни объ его замыслахъ, ни даже объ отношеніяхъ къ Риму. Нѣкоторое время,

---

[1]) Anast. ibid: Omnis Italia consilium iniit, ut sibi elegerent imperatorem et Constantinopolem ducerent. — Павелъ Діаконъ, повторяющій то же извѣстіе (VI, 49), впрочемъ вовсе не упоминаетъ о послѣднемъ обстоятельствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, подобная мысль могла занимать въ Италіи развѣ нѣкоторыхъ политическихъ мечтателей. Приложенное къ этимъ событіямъ, греческое свидѣтельство (приведенное выше) получаетъ свое настоящее значеніе: въ Константинополѣ, откуда въ самомъ дѣлѣ всего виднѣе была фигура Григорія, могли думать и писать, что онъ совершенно отрѣшилъ Италію отъ подчиненія восточному императору. — [2]) Anast. ibid: Sed compescuit tale consilium Pontifex, sperans conversionem principis.

правда, въ немъ очень легко можно было ошибаться, принимая его—если не прямо за союзника римлянъ, то за нейтральнаго человѣка. Таковъ дѣйствительно былъ Ліутпрандъ въ ожиданіи обстоятельствъ. До сего времени изъ его дѣйствій виденъ былъ лишь усердный католикъ, искренно преданный церкви, исполненный уваженія къ католической святынѣ и готовый защищать ее хотя бы противъ самого императора; но никто не могъ сказать, въ чемъ заключалась настоящая политическая мысль Ліутпранда. До сего времени онъ состоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ римскимъ епископомъ и черезъ него съ римскою областію; но прилагались ли эти отношенія и къ тому, чтó собственно называлось экзархатомъ, это было болѣе нежели сомнительно. Тутъ начинались отношенія чисто политическія, тутъ Ліутпрандъ не могъ стѣсняться ни чужимъ авторитетомъ, ни условіями договора, котораго не существовало между нимъ и Равенною. Если гдѣ всего скорѣе могла обозначиться внѣшняя политика Ліутпранда и его способности или неспособности на дѣла подобнаго рода, то, безъ сомнѣнія, въ отношеніяхъ его прямо къ экзархату. Но отношенія къ экзархату, чѣмъ бы они ни разрѣшились, какъ могли потомъ остаться безъ вліянія на отношенія къ самой римской области? Здѣсь былъ узелъ всей италіанской политики; экзархатомъ лангобарды могли начать распространеніе своего начала и своей власти на остальную Италію. И уже наступало время: даже вовсе не нужно было особенной прозорливости, чтобы провидѣть его издали. Осторожность Григорія II, который до послѣдней крайности старался обойтись безъ помощи короля, не могла больше принести ему никакой пользы. Политическая мысль Ліутпранда созрѣла. Въ его свойствахъ не лежало предупреждать событія, возбуждать вновь политическія бури; за то никакая сила не удержала бы его воспользоваться выгодными *данными* обстоятельствами. Въ смутномъ положеніи Италіи того времени былъ самый удобный случай къ вмѣшательству. Ліутпрандъ не ждалъ приглашенія. Еще въ самомъ началѣ смутъ занялъ онъ своими войсками Нарни [1])—

[1]) Anastasius in vita Gregorii II: Eo tempore castrum est Narniae a Longobardis pervasum.—Это же извѣстіе повторяется и Павломъ Діакономъ. Съ перваго взгляда можно бы подумать, что занятіе Нарни было дѣломъ лангобардовъ сполетскихъ. Но самъ же Анастасій другимъ извѣстіемъ даетъ возможность повѣрить такое предположеніе. Въ жизни Захарія (p. 108), говоря о последнемъ договорѣ его съ Ліутпрандомъ, онъ упоминаетъ между прочимъ о согласіи короля возвратить римской церкви *нарнійскую* патримонію: ясное *доказательство, что* Нарни до того времени находился во власти Ліутпранда.

движеніе, которое надобно отличать отъ другихъ современныхъ лангобардскихъ же движеній — и такимъ образомъ сталъ твердою ногою почти на предѣлахъ между римскою областію, герцогствомъ сполетскимъ и Пентаполисомъ, частію экзархата. Это былъ лишь первый шагъ на римскую землю. Движеніе, которое потомъ произошло въ Пентаполисѣ, уже не обошлось безъ содѣйствія Ліутпранда. Вышедши отсюда, оно, правда, приняло послѣ совершенно иное направленіе, нежели какого можно было ожидать по началу. Въ Ліутпрандѣ не только не чувствовали болѣе никакой нужды, отъ него хотѣли отдѣлаться на-чисто, потому что начинали подозрѣвать въ немъ опасное властолюбіе. Безразсудное упорство было не въ нравѣ Ліутпранда, но онъ также не любилъ отступать безъ сильныхъ побужденій. Изъ Нарни, изъ Пентаполиса мысль его уже простиралась на самую Равенну. Обстоятельства продолжали быть весьма благопріятны его мысли. Низложеніемъ дуковъ и убійствомъ экзарха Италія повергала себя въ анархическое состояніе. Новопоставленныя власти, какъ произведеніе послѣдняго переворота, сами для себя еще не пріобрѣли никакой довольно твердой основы, чтобы представлять собою общественную силу. Города имѣли еще для своей защиты вооруженную милицію; но, послѣ смерти экзарха Павла, не было ни одного довольно сильнаго органа для центральнаго управленія. Павелъ, правда, не остался безъ преемника; по одному указанію можно даже думать, что назначенный на его мѣсто Эвтихій былъ принятъ въ Равеннѣ тамошними жителями, но положеніе его было слишкомъ невѣрно, чтобы онъ попрежнему могъ быть главнымъ органомъ общественной власти въ римской Италіи или хотя только въ собственномъ экзархатѣ [1]). Ліутпрандъ умѣлъ очень хорошо оцѣнить выгоды своего положенія по отношенію къ римской Италіи, обезсиленной отпаденіемъ отъ имперіи. Едва ли даже у него не было связей съ жителями Равенны: тамъ болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, имѣли причины опасаться мщенія со стороны Константинополя и, слѣдовательно, искать себѣ сильнаго защитника. Собравъ свои главныя силы, Ліутпрандъ двинулъ ихъ прямо къ Равеннѣ [2]). На всемъ пути

[1]) Въ посланіи Григорія къ венеціанскому дуку упоминается о бѣгствѣ экзарха изъ Равенны по взятіи ея лангобардами. См. Murat. Ann. ad an. 729. Анастасій, ibid., называя въ первый разъ Эвтихія, тотчасъ прибавляетъ: qui *dudum* exarchus fuerat. Это обстоятельство почти не оставляетъ сомнѣнія, что Эвтихій считался экзархомъ Равенны при взятіи ея лангобардами. — [2]) Anast. Ibid: Rex vero Longobardorum *generali motione facta* Ravennam progressus est.

онъ не встрѣчалъ себѣ никакого сопротивленія, но, подойдя къ городу, нашелъ ворота его запертыми и жителей готовыми къ оборонѣ. Было ли таково распоряженіе новаго экзарха, замѣнившаго собою убитаго Павла, или заодно съ нимъ дѣйствительно было и большинство равеннцевъ, предпочитавшихъ лангобардскому плѣну греческое владычество, рѣшить невозможно за недостаткомъ опредѣленныхъ извѣстій. Какъ бы то ни было, Ліутпрандъ долженъ былъ приступить къ правильной осадѣ города. Главное препятствіе впрочемъ заключалось въ укрѣпленіяхъ Классиса, которыя затрудняли собою доступъ къ Равеннѣ. Неудивительно, что здѣсь еще оставался греческій гарнизонъ. На нихъ прежде всего обратилъ Ліутпрандъ свои главныя усилія. Когда Классисъ былъ взятъ, не трудно уже было овладѣть и самою Равенною. По словамъ біографа равеннскихъ епископовъ, измѣна отворила Ліутпранду ворота города [1]. Едва ли впрочемъ можно сомнѣваться, что измѣна означаетъ здѣсь расположеніе въ пользу короля лангобардовъ одной партіи между равеннцами, которую ободрило взятіе Классиса и дало ей перевѣсъ надъ противниками. Нѣкоторыя выраженія того же автора позволяютъ догадываться, что самъ епископъ города, Іоаннъ, не чуждъ былъ нѣкотораго сочувствія этой партіи [2]. Такъ или иначе, городъ былъ взятъ лангобардами, и экзархъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Венецію. Но занятіе Равенны Ліутпрандомъ не обошлось даромъ ея жителямъ: источники упоминаютъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ городѣ лангобардами. Можетъ-быть завоеватели хотѣли дать почувствовать равеннцамъ свой гнѣвъ за ихъ сопротивленіе [3]. Равенна открывала Ліутпранду доступъ и къ

[1]) Agnellus in vita Ioannis XXXIX (Murat. II, 170). — [2]) Agnellus ibid: inimici ingressi civitatem et eam subverterunt. Igitur *irati cives* Ravennenses contra pontificem hunc, in Venetiarum partibus eum exilio relegaverunt. — Le Bret, Gesch. d. Rep. Venedig, 1, p. 96, также говоритъ о двухъ партіяхъ, на которыя были раздѣлены равеннцы при приближеніи Ліутпранда. — [3]) Такъ излагаемъ эти событія, повѣряя и пополняя одинъ источникъ другимъ. Анастасій и Павелъ Діаконъ упоминаютъ собственно о взятіи Классиса и объ осадѣ Равенны, но это не значитъ безъ сомнѣнія, чтобы Равенна не была взята, когда объ этомъ говорятъ положительно Аньелъ и Григорій въ своихъ посланіяхъ. Я полагаю, что взятіе Классиса неминуемо вело за собою сдачу Равены. Ср. Murat. Observ. in vita Ioannis, II, 171. — Всего труднѣе опредѣлить годъ взятія Равенны. Въ примѣчаніяхъ къ Аньелу Муратори полагаетъ это событіе около 725 года (ibid. 167); но въ своихъ «Лѣтописяхъ Италіи» приводитъ его подъ 728, чтó гораздо достовѣрнѣе. На связь движенія Ліутпранда съ возстаніемъ въ Пентаполисѣ прямо указываютъ письма Григорія II.

другимъ городамъ римской Италіи. Отсюда онъ уже свободно могъ распространяться по всему экзархату, Эмиліи и Пентаполису. Въ короткое время Болонія, Монтебелло и Персичета, города собственнаго экзархата, Буксета и другія укрѣпленныя мѣста Эмиліи, и наконецъ весь Пентаполисъ были въ рукахъ лангобардскаго завоевателя [1]). Отъ всей римской Италіи лишь собственно римская область оставалась незанятою лангобардами. Впрочемъ какое было ручательство, что граница ея останется неприкосновенна?

Ліутпрандъ въ Равеннѣ—одна мысль объ этомъ способна была убить въ Григоріѣ II всякую симпатію къ королю лангобардовъ и заставить его отложить въ сторону всѣ планы и всякій расчетъ на его дружбу и содѣйствіе. Если это обстоятельство и не могло еще довести до явнаго разрыва съ Ліутпрандомъ, то оно было довольно сильно, чтобы поворотить мысль Григорія II обратно къ имперіи. Въ Григоріѣ II, при всей его ревности къ вѣрѣ, политикъ всегда бралъ перевѣсъ даже надъ религіознымъ человѣкомъ; точно такъ въ Ліутпрандѣ, хотя онъ вовсе не былъ лишенъ политическаго смысла, основныя, преобладающія черты нрава всегда были нравственно-религіозныя, католическія. Взятіе Равенны опять пробуждало страхъ лангобардскаго нашествія [2]). Предъ такимъ страхомъ забывались всѣ достоинства короля лангобардовъ, самая преданность его католицизму и церкви вѣсила уже въ половину менѣе на политическихъ вѣсахъ римскаго епископа. Съ извѣстной точки зрѣнія даже восточный императоръ казался ему предпочтительнѣе. Онъ, правда, былъ отъявленный еретикъ и врагъ церкви: но и самая ересь уже казалась римскому епископу зломъ менѣе неисправимымъ, чѣмъ лангобардское властолюбіе, обращенное на римскую Италію. Григорій II снова начиналъ надѣяться на возвращеніе императора къ истинному ученію, думалъ подѣйствовать на него своими убѣжденіями. Пусть этотъ новый поворотъ къ Восточной имперіи уже нисколько не соотвѣтствовалъ живымъ стремленіямъ италіанцевъ; пусть его нельзя было сдѣлать, не расходясь съ національнымъ чувствомъ: за интересами своей власти Григорій II

Послѣднее же могло произойти не ранѣе, какъ когда иконоборческій эдиктъ былъ распространенъ и на Италію. Поэтому и движеніе къ Равеннѣ не могло послѣдовать ранѣе 728 года. — [1]) См. Paul. Diac. VI, 49; также Anast. ibidem.— [2]) Изъ посланія Григорія къ императору видно, что лангобарды уже не останавливались и передъ римскою границею и начинали угрожать лежащимъ внутри ея укрѣпленнымъ мѣстамъ. См. Walch, X, 94.

не видѣлъ или не хотѣлъ болѣе видѣть интересовъ національности, какъ онъ же начиналъ ставить первые выше духовныхъ интересовъ своего престола. Въ какія-нибудь сто лѣтъ—какое глубокое превращеніе! Съ одной стороны лангобардскіе короли съ ихъ католическою совѣстію, какъ результатомъ послѣдней школы, которую они начали проходить со времени Григорія Великаго, и съ другой—римскіе епископы съ ихъ чисто политическими стремленіями, которымъ въ жертву приносятся какъ духовные интересы престола, такъ и самые интересы римской національности!

Мысль Григорія „выжидать обращенія императора" могла быть не совсѣмъ по сердцу италіанцамъ, но, какъ римскій епископъ, онъ оставался для Италіи первымъ авторитетомъ и потому не встрѣчалъ себѣ противорѣчія. За исполненіе своей новой мысли онъ принялся очень дѣятельно. Такъ какъ ближайшая цѣль, имъ положенная, была обратить императора къ правовѣрію, то первымъ дѣломъ Григорія было возобновить съ нимъ непосредственныя сношенія и дѣйствовать на него путемъ убѣжденія. Плодомъ такого намѣренія были дошедшія до насъ посланія Григорія II къ императору [1]). Благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы возобновить сношенія, послужило Григорію послѣднее посланіе Льва, оставшееся безъ отвѣта. Императорская грамота заключала въ себѣ исповѣданіе вѣры, которое, взятое само въ себѣ, было совершенно безукоризненно. Начавъ съ этого пункта, Григорій тотчасъ же потомъ переходитъ къ послѣднимъ эдиктамъ императора, которые служили ему какъ бы обличеніемъ въ неискренности, и опровергаетъ одно за другимъ доказательства, приводимыя имъ въ защиту своихъ мѣръ противъ иконопочитанія. Изъ этого опроверженія и изъ доказательствъ въ пользу поклоненія иконамъ слагается главнымъ образомъ содержаніе перваго посланія. Ясно, что прямая цѣль Григорія была дѣйствовать на мысль императора и привести его къ сознанію своего заблужденія. Но натура Григорія мало способна была къ тихимъ, мирнымъ увѣщаніямъ. Кротость не была отличительнымъ свойствомъ его духа. Раздраженіе, остававшееся въ немъ отъ эдиктовъ, сказалось и въ

[1]) Они написаны на греческомъ языкѣ и напечатаны въ Mansi Coll. Concil. T. XII. Вальхъ приводитъ изъ нихъ извлеченія. См. Walch, X, 88—98.— Pagi и за нимъ Вальхъ относятъ эти посланія къ 730 году; но едва ли не достовѣрнѣе мнѣніе Муратори, который относитъ ихъ къ 729, на томъ основаніи, что въ нихъ, хотя и говорится о взятіи Равенны, но еще не упоминается о низложеніи Германа. См. Murat. Ann. ad an. 729.

самомъ посланіи. Было сверхъ того въ характерѣ Григорія много повелительнаго: даже самое желаніе возвратиться къ покорности онъ не умѣлъ лучше выразить, какъ угрожая непокорностію. Наконецъ, посланіе римскаго епископа не могло быть выдержано въ спокойномъ тонѣ уже и потому, что грамота Льва, которой оно служило отвѣтомъ, оканчивалась угрозами и напоминала Григорію участь Мартина. Такимъ образомъ увѣщанія легко переходили въ горькія укоризны, наставленіе принимало видъ суроваго обличенія, и тотъ самый человѣкъ, который ставилъ въ упрекъ императору успѣхи лангобардскаго завоеванія внутри римской Италіи, въ отпоръ на угрозы Льва открыто выражалъ дерзкое намѣреніе—искать себѣ противъ него покровительства у лангобардовъ! Сообразно съ такимъ направленіемъ отвѣта, и самый языкъ посланія становился грубъ и неприличенъ. „Десять лѣтъ“—писалъ Григорій Льву—„ты правилъ честно, не думалъ объ иконахъ; теперь ты началъ преслѣдовать ихъ наравнѣ съ идолами и обрекъ ихъ на уничтоженіе. Ты вовсе не имѣешь страха Божія, когда поселяешь соблазнъ не только между христіанами, но даже между невѣрующими“. Напомнивъ потомъ Льву послѣднія потери его въ Италіи, онъ продолжаетъ: „Всему этому виною твоя непредусмотрительность и глупость; все это терпишь ты за то, что грозилъ намъ послать въ Римъ новыхъ повѣренныхъ, чтобы разрушить тамъ образъ св. Петра и захватить тамошняго епископа Григорія, которому ты готовишь ту же самую участь, какую нѣкогда Мартинъ испыталъ отъ Константина“. Григорій не прочь подвергнуться одной участи съ Мартиномъ, котораго называетъ блаженнымъ, но говоритъ, что предпочелъ бы долгую жизнь для блага тѣхъ, которые, хотя онъ бы того и не заслуживалъ, возложили на него столько надеждъ, показали къ нему столько довѣрія. Впрочемъ, если ужъ ему суждено такое испытаніе, онъ увѣренъ, что „западные народы“ не преминули бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отмстить императору и за оскорбленія его жителямъ Востока. Что же касается до него лично, онъ конечно ни въ какомъ случаѣ не будетъ участникомъ въ борьбѣ противъ императора; но ему стоитъ только сдѣлать 24 стадіи и удалиться въ Кампанію, чтобы уйти отъ всякаго насилія и оставаться въ совершенной безопасности.

Такъ въ посредникѣ мира, желающемъ обращенія императора, невольно высказывался человѣкъ оскорбленный его насильственными мѣрами и въ то же время гордый сознаніемъ

своего авторитета и чувствомъ своего довольно независимаго положенія. Въ свое время одно неосторожное слово Маврикія также подало поводъ къ сильной отповѣди со стороны римскаго епископа. То былъ Григорій Великій, умѣвшій въ своемъ отвѣтѣ Маврикію соединить съ достоинствомъ и умѣренность. Григорій II былъ доступнѣе увлеченію и потому мало знакомъ съ послѣднимъ качествомъ. Отвѣчая на неумѣренныя требованія, Григорій и самъ увлекся до неумѣренныхъ притязаній, и чтобы дать имъ видъ законности, долженъ былъ придумать для нихъ и преувеличенное основаніе: въ своемъ первомъ посланіи ко Льву онъ уже почти угрожалъ императору потребовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ и ссылался на какой-то исключительный авторитетъ, преимущественно принадлежащій ему какъ намѣстнику св. Петра! „Мы хотѣли"—писалъ онъ между прочимъ—„по силѣ власти, полученной нами отъ верховнаго апостола, св. Петра, подвергнуть тебя нашему суду, но такъ какъ ты уже самъ обрекъ себя на проклятіе, то пусть оно и останется при тебѣ и твоихъ совѣтникахъ" [1]. Это значило, что Григорій II прибѣгалъ къ тому самому авторитету, отъ котораго, по одному только предчувствію его, такъ настоятельно отказывался Григорій Великій.

За первымъ посланіемъ слѣдовало второе. Оно было отвѣтомъ на новую грамоту императора и вообще было написано въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ. Такъ какъ Левъ не показывалъ ни малѣйшей наклонности оставить свое заблужденіе, и какъ бы въ доказательство того, что онъ имѣетъ право дѣлать распоряженія въ самой церкви, давалъ своему лицу первосвященническій характеръ [2], то Григорій, въ своемъ отвѣтѣ ему, продолжалъ свои увѣщанія, пространно излагалъ передъ нимъ различіе между церковію и государствомъ, между наказаніями церковными и гражданскими, и снова призывалъ его къ раскаянію. Впрочемъ, имѣя въ виду все тотъ же авторитетъ, на который онъ ссылался въ первомъ своемъ посланіи, Григорій и здѣсь позволилъ себѣ разныя излишества, которыя мало сообразовались съ духомъ христіанской терпимости и ни въ какомъ случаѣ не могли понравиться императору [3].

---

[1]) См. Walch, X, p. 91.—[2]) Id. p. 96: Der Kaiser habe sich des Ausdrucks bediente: ich bin Kaiser und Priester—совершенно такъ, какъ если бы это былъ императоръ старыхъ, языческихъ временъ. Такъ понятія Льва о характерѣ его власти приближались въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ представленіямъ языческимъ.—[3]) Сюда принадлежитъ въ особенности странное моленіе, призывавшее злого духа на голову императора, если онъ будетъ еще упорствовать въ своемъ заблужденіи. Такъ отвѣчалъ Григорій на угрозы Льва—выслать противъ непокорныхъ *сильное* войско. См. ibid. p. 97.

Вообще языкъ и весь характеръ этой переписки, хотя бы она была начата съ самымъ благимъ намѣреніемъ, никакъ не располагали къ мирному разрѣшенію одного изъ самыхъ запутанныхъ вопросовъ, какіе только когда либо раздѣляли Восточную имперію съ ея италіанскою провинціею. Напротивъ, тонъ, принятый съ обѣихъ сторонъ, какъ будто нарочно избранъ былъ съ тою цѣлію, чтобы внести въ споръ новое раздраженіе. Мы знаемъ, какъ дѣйствовало на императора Льва всякое противорѣчіе: чѣмъ было оно рѣзче, тѣмъ сильнѣе упорствовалъ онъ въ своемъ рѣшеніи. Такимъ путемъ невозможно было прійти къ доброму согласію. Роковою силою обстоятельствъ даже благія желанія, миновавъ свою цѣль, приводили къ результатамъ прямо противоположнымъ. Не смѣя утверждать рѣшительно, мы однако позволяемъ себѣ догадываться, что посланія Григорія окончательно утвердили Льва въ томъ мнѣніи, что противники его эдиктовъ неисправимы, и что для успѣха начатаго дѣла необходимо напередъ отнять у нихъ всякую возможность дѣйствовать на народъ и привести ихъ къ совершенному молчанію. По крайней мѣрѣ Левъ уже не останавливался болѣе передъ насильственными средствами и явно началъ преслѣдовать тѣхъ, которые особенно казались опасны ему по своему вліянію на общественное мнѣніе. Но кто же былъ ревностнѣе между защитниками иконопочитанія, и кто могъ казаться опаснѣе по своему вліянію, какъ не епископъ римскій Григорій II и епископъ константинопольскій Германъ? Противъ нихъ особенно обратилась вражда императора. Всего удобнѣе было начать съ Германа: онъ находился въ самомъ Константинополѣ и ничѣмъ не былъ обезпеченъ противъ насилія. До сихъ поръ онъ былъ только въ немилости: вдругъ нашли его недостойнымъ болѣе занимать епископскій престолъ и обрекли на низложеніе. Позванный въ силенціумъ, онъ былъ вынужденъ подписать императорскій эдиктъ противъ иконъ, но остался непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Никакія увѣщанія не могли побѣдить его твердой рѣшимости. „Пусть буду я Іона (?)“—сказалъ онъ въ заключеніе своимъ судьямъ: „бросьте меня въ море; но безъ вселенскаго собора не могу допустить никакого нововведенія въ вѣрѣ“. Этими словами Германъ произнесъ себѣ приговоръ. Рѣшеніемъ силенціума онъ былъ объявленъ низложеннымъ съ престола, и нѣкто Анастасій, бывшій ученикъ Германа, купилъ себѣ право на мѣсто своего учителя—услужливою готовностію приложить свою руку къ эдикту, предписывавшему

гоненіе на иконы [1]. Эдиктъ былъ подписанъ, и ничто болѣе не мѣшало хотя бы и насильственному введенію его въ имперіи.

Не такъ легко было управиться съ римскимъ епископомъ. Рѣшенія силенціума тутъ ничего не значили. Немного можно было сдѣлать противъ Григорія и вооруженною силою, пока авторитетъ имперіи не былъ возстановленъ въ цѣлой провинціи. Григорій же и послѣ низложенія Германа не показывалъ ни малѣйшаго расположенія къ уступчивости. Самое это обстоятельство придало его ревности болѣе энергіи. Онъ не переставалъ обличать императора и вмѣстѣ съ тѣмъ осуждать орудіе его насильственныхъ мѣръ, новаго епископа константинопольскаго [2]. Хронографъ, изъ котораго мы почерпаемъ эти извѣстія, лишь нѣсколькими годами позже возвращается опять къ этому предмету и говоритъ о вооруженіяхъ, предпринятыхъ императоромъ для возстановленія въ Италіи законнаго авторитета и обузданія строптиваго римскаго епископа [3]. Принявъ такой порядокъ, мы должны бы были допустить, что предпріятіе Льва противъ Италіи послѣдовало не прежде, какъ послѣ смерти Григорія II. Но изъ Анастасія мы знаемъ, что, низложивъ Германа, онъ также не хотѣлъ потерпѣть и современнаго ему епископа Рима. Эвнухъ Эвтихій, носившій титло патриція и уже занимавшій нѣкогда постъ равеннскаго экзарха, отправленъ былъ въ Италію для того, чтобы, тѣмъ или другимъ способомъ, привести въ исполненіе виды константинопольскаго правительства противъ Григорія. Такъ какъ Равенна была во власти Ліутпранда, то императорскій повѣренный вышелъ на берегъ въ южной Италіи и изъ Неаполя началъ свои дѣйствія [4]. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ силъ, онъ пробовалъ дѣйствовать на римлянъ сво-

---

[1]) Theoph. Chron. ad an. 721. Почти всѣ согласны въ томъ, что низложеніе Германа послѣдовало въ январѣ 730 года. См. Murat. Ann. ad an. 729; также Schlosser, p. 175. Для насъ особенно важно замѣтить, что Ѳеофанъ приводитъ это событіе прежде, чѣмъ говоритъ о вооруженіяхъ Льва противъ Италіи. Павелъ Діаконъ говоритъ о насильственномъ введеніи эдикта и низложеніи Германа тотчасъ послѣ извѣстія о занятіи лангобардами Равенны и Пентаполиса. Paul. Diac. VI, 49.—[2]) Theoph. ibid.—[3]) Theoph. Chron. ad an. 724.—[4]) Anast. in vita Gregorii II. Онъ правда не говоритъ, что Равенна еще была во власти лангобардовъ; но то самое обстоятельство, что, будучи назначенъ экзархомъ, Эвтихій однако поселился въ Неаполѣ, на который не распространилось возстаніе, и отсюда началъ свои распоряженія, даетъ поводъ заключать, что лангобарды еще владѣли Равенною. По тому же соображенію мы находимъ, что здѣсь и настоящее мѣсто извѣстіямъ Анастасія о распоряженіяхъ экзарха *Эвтихія.*

имъ авторитетомъ, какъ экзархъ Италіи, и послалъ къ нимъ грамоту, въ которой требовалъ отъ нихъ низложенія епископа, какъ явнаго ослушника воли императора [1]). Едва ли нужно говорить, какое дѣйствіе долженъ былъ произвести на римлянъ подобный вызовъ. Духъ вражды противъ всякой мѣры, выходившей изъ Константинополя, и противъ всякаго лица, которое оттуда приносило свое полномочіе, еще не погасъ между римлянами. Появленіе посла отъ Эвтихія опять привело ихъ въ тревогу. Въ той увѣренности, что миссія его не имѣла другого назначенія, какъ убить Григорія, они сами готовы были занести на него руку, и только посредничеству епископа одолженъ былъ онъ спасеніемъ своей жизни. Тогда самымъ яркимъ образомъ обнаружилась и та преданность римлянъ своему епископу, о которой говорилъ Григорій въ своихъ посланіяхъ къ императору: проклиная Эвтихія, всѣ сословія клялись торжественно—съ опасностію жизни защищать Григорія, какъ ревностнаго поборника истинной вѣры, противъ всякаго насилія, и вопреки всѣмъ усиліямъ его противниковъ, сохранить за нимъ достоинство римскаго епископа [2]). Чтобы впрочемъ еще болѣе обезопасить себя отъ всѣхъ покушеній со стороны экзарха, римляне пригласили въ союзъ съ собою лангобардовъ, и по словамъ Анастасія, лангобарды также показывали желаніе не пожалѣть самой жизни для спасенія епископа [3]). Послѣднее обстоятельство требовало бы особеннаго объясненія; мы пока замѣтимъ, что подъ лангобардами здѣсь не надобно понимать весь народъ лангобардскій, но лишь жителей ближайшихъ къ Риму провинцій, которые были лангобардскаго происхожденія. Съ королемъ лангобардовъ римскія власти даже въ крайности не хотѣли болѣе имѣть ничего общаго.

Григорій, поставленный между двумя огнями, которые ближе и ближе подступали къ нему съ различныхъ сторонъ, и даже разочаровавшись въ надеждѣ обращенія Льва, остался

---

[1]) По буквальному выраженію Анастасія, дѣло шло не о низложеніи только, но объ умерщвленіи Григорія со всѣми римскими оптиматами. Но мы уже говорили выше о томъ, какой смыслъ могутъ имѣть подобныя выраженія.—[2]) Anast. ibid: Verum eundem anathematizaverunt Eutychium exarchum, sese magni cum parvis constringentes sacramento, nunquam Pontificem christianae fidei zelotem et ecclesiarum defensorem se permittere noceri, aut amoveri, sed mori pro illius salute omnes essent parati.—[3]) Anast. ibid: Atque Longobardi desiderantes cuncti mortem pro defensione Pontificis sustinere gloriosam, nunquam illum passuri perferre molestiam pro fide vera et christianorum certantem salutem.

впрочемъ вѣренъ своей прежней политикѣ, дѣйствовалъ умно и хитро и въ извѣстномъ отношеніи велъ себя даже безукоризненно. Онъ продолжалъ дѣлать неослабный отпоръ всѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, которыя были въ связи съ введеніемъ иконоборческаго эдикта или были направлены противъ него лично, и въ то же время, въ качествѣ вѣрнаго подданнаго Восточной имперіи, старался содѣйствовать зависящими отъ него средствами къ возстановленію ея авторитета въ странахъ, занятыхъ лангобардами. Иной вопросъ, были ли его дѣйствія вполнѣ искренни. Какъ ни мало надежды на прочный миръ оставляли послѣднія отношенія къ имперіи, но нѣтъ сомнѣнія, что существованіе римскаго престола съ его правами и авторитетомъ показалось Григорію гораздо вѣрнѣе подъ властію императоровъ, управлявшихъ изъ отдаленнаго Константинополя, чѣмъ подъ владычествомъ лангобардскаго короля, который, завоевавъ римскую Италію, могъ перенести въ Римъ и свою резиденцію. Цѣли Ліутпранда все болѣе и болѣе выяснялись, и его завоевательный характеръ дѣйствительно начиналъ принимать довольно опасные размѣры. Новыя событія въ Римѣ дали ему возможность проникнуть еще далѣе въ римскую область: обойдя Сполето, онъ взялъ укрѣпленіе Сутри и въ нѣсколько переходовъ могъ подступить къ самымъ стѣнамъ Рима. [1]) Григорій завязалъ съ Ліутпрандомъ переговоры о возвращеніи замка, когда-то предоставленнаго лангобардскими королями во владѣніе „апостоламъ Петру и Павлу“ [2]), а самъ въ то же время помышлялъ о другихъ болѣе дѣйствительныхъ средствахъ понудить завоевателя къ уступчивости. Едва ли не къ этому времени должно относить извѣстіе, сообщаемое однимъ позднѣйшимъ греческимъ лѣтописцемъ [3]), что Григорій искалъ себѣ помощи франковъ противъ успѣховъ лангобардскаго нашествія. Пути къ подобнымъ сношеніямъ еще прежде были открыты римскому престолу Бонифаціемъ. Очень важно было это обращеніе римскаго престола на Западъ, чтобы тамъ искать себѣ союзниковъ; но на первый

[1]) Анастасій называетъ это укрѣпленіе Sucriense castellum; Муратори переводитъ его—Сутри. См. Murat. Ann. ad an. 729.—[2]) Anast. ibid.—[3]) Это извѣстіе приводитъ лишь одинъ Зонарасъ, Ann. 1, XV; но оно нѣкоторымъ образомъ находитъ себѣ подтвержденіе у Анастасія, который, въ жизни Стефана III, упоминаетъ о томъ же обстоятельствѣ: dominus Gregorius et Gregorius alius (то-есть Григорій III)—Carolo regi Francorum direxerunt, petentes sibi subveniri propter impressiones et invasiones, quas et ipsi in hac Romanorum provincia a *nefanda Langobardorum* gente perpessi sunt. Cp. Walch, X, 255.

разъ попытка не могла имѣть успѣха: тому препятствовали тѣ личныя добрыя отношенія, которыя существовали въ то время между Ліутпрандомъ и Карломъ Мартеломъ. Занятый своею борьбою съ арабами на югѣ Франціи, Карлъ разсчитывалъ скорѣе имѣть себѣ въ Ліутпрандѣ вѣрнаго союзника, чѣмъ возбуждать его противъ себя вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Италіи [1]). Тогда Григорій прибѣгнулъ къ другому средству. Онъ умѣлъ въ самомъ тылу возбудить Ліутпранду враговъ, которые должны были остановить движеніе его къ Риму. Эти враги были венеціане. Въ одномъ отношеніи интересы ихъ весьма совпадали съ интересами римскаго престола. Изъ Равенны лангобарды могли угрожать и жителямъ венеціанскихъ острововъ; но имъ было гораздо выгоднѣе считаться попрежнему подъ властію Восточной имперіи, чѣмъ перейти въ руки лангобардскихъ правителей. Этимъ объясняется, почему тѣ же самые венеціане, которые прежде участвовали въ движеніи Пентаполиса противъ дуковъ, легко вошли въ мысль Григорія—содѣйствовать возстановленію императорскаго авторитета въ Равеннѣ изгнаніемъ изъ нея лангобардовъ. По своей близости къ Равеннѣ и по удобству дѣйствовать на нее съ моря, они же взяли на себя и главную роль въ этомъ предпріятіи. Что Григорій дѣйствительно участвовалъ въ немъ своею мыслію и волею, ручательствомъ служитъ сохранившееся письмо его къ дуку Венеціи Урсу, гдѣ онъ убѣждаетъ венеціанъ содѣйствовать экзарху ко взятію Равенны [2]). Отсюда же усма-

[1]) Что еще до общаго похода противъ арабовъ Карлъ Мартелъ находился уже въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Ліутпрандомъ, можно видѣть изъ того, что онъ отправилъ къ нему своего сына, когда тотъ достигъ совершеннолѣтія, для снятія съ него первыхъ волосъ по германскому обычаю. См. Paul. Diac. VI, 53.—[2]) Ср. Walch, 249; Murat. Ann. ad an. 729. Письмо Григорія сохранено Дандоломъ и находится въ IV т. собранія Муратори. Оно же помѣщено въ Mansi Coll. Conc. T. XII.—Муратори, сознаваясь, что письмо носитъ на себѣ всѣ признаки древности, сомнѣвается однако въ его подлинности. Къ этому сомнѣнію даетъ ему поводъ, во-первыхъ, выраженіе „a nec dicenda gente Langobardorum“, употребленное Григоріемъ о лангобардахъ. Но это выраженіе до такой степени вошло въ обычай между римлянами, когда говорилось о лангобардахъ, что даже и послѣ того, какъ они обратились въ католицизмъ, его не переставали употреблять по привычкѣ. Тѣмъ болѣе могъ употребить его Григорій, въ глазахъ котораго лангобарды были самые опасные враги римской Италіи. Что касается до выраженія „нашъ сынъ“, которое Григорій употребляетъ объ экзархѣ, то оно также не должно быть странно въ его устахъ, когда онъ держалъ видъ ревностнаго поборника интересовъ имперіи въ римской Италіи—каковы бы впрочемъ ни были его истинныя намѣренія. Съ другой стороны, письмо Григорія находится въ полномъ согласіи съ прочими его дѣйствіями въ эту эпоху, какъ напримѣръ, съ *поведеніемъ* его въ дѣлѣ Петазія, о чемъ см. ниже, стр. 308

триваемъ мы, что экзархъ находился тогда уже между венеціанами, вѣроятно убѣдившись въ безполезности своего пребыванія въ Неаполѣ. Не видно впрочемъ, чтобы въ предпріятіи венеціанъ овладѣть Равенною участвовали и греческія силы: объ нихъ мы не находимъ никакого помина. Какъ бы то ни было, экспедиція венеціанъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Надобно полагать, что они искусно воспользовались удаленіемъ Ліутпранда съ главными силами по направленію къ Риму и ударили врасплохъ на лангобардскій гарнизонъ, находившійся въ Равеннѣ. Тамъ начальствовали за отсутствіемъ короля внукъ его, по имени Гильдебрандъ, и герцогъ виченцскій Паредео. Застигнутые нечаяннымъ нападеніемъ, лангобарды противопоставили непріятелю отчаянное сопротивленіе; но оно не спасло имъ города. Храбрый Паредео погибъ сражаясь, а Гильдебрандъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Равенна осталась за побѣдителями [1]. Историкъ, изъ котораго мы беремъ извѣстія о взятіи Равенны, даетъ намъ впрочемъ замѣтить, что это предпріятіе вовсе не было такъ изолировано, какъ оно представляется съ перваго взгляда. Въ связи съ нимъ состоялъ еще общій планъ изгнанія лангобардовъ изъ римскихъ владѣній, неизвѣстно кѣмъ руководствуемый; но онъ не удался, потому ли что былъ веденъ не довольно искусно, или потому что не нашлось достаточно силъ для его исполненія. Вслѣдъ за тѣмъ—продолжаетъ Павелъ Діаконъ, сказавъ о потерѣ лангобардами Равенны—римляне, собравшись отовсюду и имѣя своимъ вождемъ Агатона, герцога (дука?) Перуджіи, приступали къ Болоніи, думая овладѣть ею, но потерпѣли тамъ сильное пораженіе и должны были искать спасенія въ бѣгствѣ [2]. Итакъ все дѣло должно было ограничиться возвращеніемъ Равенны.

---

1) См. Paul. Diac. VI, 54. Историкъ, вообще мало наклонный выставлять на видъ слабости своего народа, упоминаетъ объ этомъ происшествіи не на своемъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ коротко исчисляетъ неудачи лангобардовъ при Ліутпрандѣ.—Но мы должны еще показать, чѣмъ руководились мы, помѣщая здѣсь взятіе Равенны венеціанами. Во-первыхъ, думаемъ мы, пребываніе Эвтихія въ Неаполѣ указываетъ на то, что Равенна еще была во власти лангобардовъ. Во-вторыхъ, приводимое Анастасіемъ извѣстіе о взятіи Сутри указываетъ, по нашему мнѣнію, на значительное удаленіе короля въ то время отъ Равенны. Анастасій не упоминаетъ ни однимъ словомъ о взятіи Равенны венеціанами: оно, очевидно, имъ пропущено; но если гдѣ могло быть оно помѣщено, то конечно *до* извѣстій Анастасія о союзѣ Эвтихія съ Ліутпрандомъ (слѣдовательно тамъ, гдѣ мы его помѣщаемъ), ибо труднѣе объяснить союзъ Эвтихія съ Ліутпрандомъ *передъ* взятіемъ Равенны, чѣмъ послѣ.—2) Paul. Diac. ibid.

Сколько настойчивъ былъ римскій епископъ, выдерживая свою мысль относительно лангобардовъ, столько же неуклонно преслѣдовалъ свои цѣли экзархъ по отношенію къ римскому епископу. Если Григорій предпочиталъ возвратиться къ подчиненію имперіи, чѣмъ потерпѣть владычество Ліутпранда, то Эвтихій съ своей стороны предпочиталъ вступить въ союзъ съ Ліутпрандомъ, чѣмъ оставить въ покоѣ Григорія. Инструкціи, полученныя имъ въ Константинополѣ, вѣроятно были написаны въ томъ же самомъ смыслѣ. Возвращенная Равенна послужила лишь къ тому, чтобы въ ней скрѣпился союзъ экзарха съ королемъ лангобардовъ. Какая интрига предшествовала этой сдѣлкѣ и заставила Ліутпранда забыть потерю Равенны, мы не знаемъ. Можно лишь догадываться, что Ліутпрандъ былъ напуганъ тѣми симпатіями, которыя начинали болѣе и болѣе обнаруживаться между римскимъ престоломъ и лангобардами сполетскими и беневентскими, и что, за обѣщанную ему уступку нѣкоторыхъ изъ занятыхъ имъ земель, онъ соглашался отступиться отъ потерянной Равенны. По крайней мѣрѣ союзъ состоялся на томъ условіи, что король и экзархъ соединятъ свои силы, и этими соединенными силами первый приведетъ къ покорности герцоговъ сполетскаго и беневентскаго, а второй—возьметъ Римъ, чтобы потомъ распорядиться въ немъ по своему желанію [1]). Походъ дѣйствительно не замедлилъ послѣдовать, и, какъ было условлено между союзниками, сначала была выполнена первая половина предположеннаго плана: занявъ Сполето, Ліутпрандъ заставилъ обоихъ герцоговъ дать ему присягу въ вѣрности и взялъ отъ нихъ заложниковъ. Оставалось привести въ исполненіе вторую половину предпріятія. Бѣда, которая грозила Риму, римскому престолу въ особенности, на этотъ разъ казалась неотразимою; Римъ оставленъ былъ и послѣдними союзниками. Но Григорій былъ тамъ, и во что бы то ни стало, хотѣлъ отвратить грозу. Крайность положенія вызвала его и на крайнее средство: лучше было вымолить себѣ милость у Ліутпранда, чѣмъ почувствовать себя въ рукахъ мстительнаго экзарха. Расчетъ былъ впрочемъ самый непогрѣшительный: онъ основывался на

[1]) Anast. ibid: Eo vero tempore saepius dicti Eutychius patricius et Liutprandus rex inierunt consilium nefarium, ut *congregatis exercitibus* rex subjiceret duces Spoletanum et Beneventanum, et exarchus Romam, et quae pridem de Pontificis persona jussus fuerat impleret.—Итакъ, прежде чѣмъ предпринять походъ, экзархъ долженъ былъ соединить свои силы съ лангобардскими; но подобное условіе онъ могъ выполнить уже находясь въ Равеннѣ.

извѣстномъ уваженіи Ліутпранда къ авторитету римскаго епископа, и обличаетъ въ Григоріи II взглядъ вѣрный и проницательный. Когда уже союзники стояли подъ стѣнами Рима, Григорій лично явился въ станъ Ліутпранда и, по словамъ біографа, такъ сильно подѣйствовалъ на него своимъ авторитетомъ и своимъ словомъ, что тронутый король бросился къ ногамъ епископа и тутъ же обѣщалъ никому не дѣлать въ Римѣ никакого оскорбленія. Онъ сдержалъ свое слово и, говорятъ, до того простеръ свое смиреніе, что, снявъ съ себя всѣ доспѣхи и самую корону, положилъ ихъ на гробъ апостола. Первое уничиженіе земной власти передъ римскою святынею: впослѣдствіи римская іерархія, блюстительница этой святыни, уже необинуясь относила подобные знаки уваженія непосредственно къ самой себѣ. Вмѣстѣ съ Ліутпрандомъ и экзархъ былъ наконецъ въ Римѣ, но роль его значительно перемѣнилась: вмѣсто того, чтобы распоряжаться здѣсь полновластнымъ господиномъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ посредничеству короля лангобардовъ, чтобы римскій епископъ и его удостоилъ быть участникомъ мира! Григорій не противорѣчилъ, и ужъ само собою разумѣется, что не экзарху досталось послѣ того предписывать условія примиренія.

Впрочемъ и послѣ договора съ Ліутпрандомъ Григорій не отступилъ отъ своей прежней политики въ отношеніи къ имперіи. Мысль о политической самостоятельности Италіи не переставала бродить въ головахъ италіанцевъ. Еще въ то время, какъ экзархъ находился въ Римѣ, близъ предѣловъ Тусціи появился узурпаторъ, который подъ именемъ Тиберія провозгласилъ себя римскимъ императоромъ [1]. Возстаніе быстро охватило всю окрестную страну. Жители сосѣдственныхъ городовъ спѣшили присягать новому императору. Экзархъ былъ въ крайнемъ смущеніи, не зная, гдѣ взять силъ, чтобы остановить успѣхи возстанія, которое угрожало подмыть ненадежную власть его въ самомъ основаніи. Григорій принесъ ему утѣшеніе. Онъ далъ ему войско, составленное по всей вѣроятности изъ римскихъ ратниковъ, послалъ съ нимъ своихъ сановниковъ [2], и въ короткое время мятежъ былъ подавленъ, и главный зачинщикъ его погибъ, защищая свой лагерь. Голова узурпатора

---

1) Настоящее его имя было Petasius. См. Anast. in vita Gregorii. О мѣстѣ, гдѣ произошло это возстаніе, см. Murat. Ann. ad an. 730.—2) Anast. ibid: Exarchus vero haec audiens turbatus est, quem sanctissimus papa confortans, et cum *eo proceres ecclesiae mittens* atque exercitus profeti sunt.

была потомъ отправлена въ Константинополь, какъ приношеніе императору отъ вѣрныхъ его подданныхъ. Впрочемъ—замѣчаетъ біографъ—и она не утолила гнѣва императора на римлянъ.

Итакъ не было больше мѣста ни уступчивости съ одной стороны, ни снисхожденію съ другой. Италія, въ другихъ отношеніяхъ столь усердная къ интересамъ имперіи, готова была все поставить на карту при одномъ имени ненавистнаго ей эдикта; имперія не хотѣла знать никакихъ заслугъ со стороны Италіи, и только подъ условіемъ подчиненія эдикту соглашалась признать ея покорность: такъ какъ если бы два противника, взявъ другъ друга за руки, нѣсколько времени держались въ этомъ положеніи и выжидали минуты, когда каждый изъ нихъ сильнѣе могъ оттолкнуть отъ себя другого. Въ этомъ прошли цѣлые годы, и надежда на совершенное примиреніе стала несбыточною мечтою. Для самыхъ миролюбивыхъ наклонностей эдиктъ оставался камнемъ преткновенія. Тотъ, который столько лѣтъ держалъ Италію въ этомъ напряженномъ состояніи, одною рукою поборая въ ней враговъ имперіи, а другою—возбуждая противъ имперіи новыхъ противниковъ на Западѣ, Григорій II умеръ среди неразрѣшимыхъ сомнѣній (731). Но съ нимъ не умерло отчужденіе Италіи отъ имперіи, которое еще болѣе жило въ народѣ, чѣмъ въ римскихъ епископахъ, не умерла съ нимъ и его политика, поставившая Италію въ состояніе колебанія между двумя противоположными центрами. Каково бы ни было настоящее расположеніе народа въ Италіи, но онъ привыкъ отдавать всю свою довѣренность престолу, который получилъ у него значеніе власти національной; особенно въ важныя минуты италіанцы привыкли ввѣрять свои судьбы его руководительству, и только подъ его эгидою считали себя въ безопасности. Смерть Григорія II опять вызвала это чувство наружу. Едва только онъ закрылъ глаза, какъ граждане римскіе, всѣ отъ мала до велика, почувствовавъ себя безъ главы, пришли въ движеніе, и вдругъ, какъ бы по какому вдохновенію, всѣ въ одинъ голосъ назвали ему преемникомъ Григорія III [1]).

Новый епископъ нѣкоторымъ образомъ уже самымъ именемъ своимъ обѣщалъ изъ себя вѣрнаго преемника политики Григорія II. Біографъ окружаетъ его имя многими аттрибу-

---

1) Anast. in vita Gregorii III: Quem viri Romani, seu omnes populi a magno usque ad parvum, divina inspiratione permoti, subito eum (Gregorium III), dum ejus decessor de hoc saeculo migrasset, dum ante feretrum in obsequio sui antecessoris esset intentus, *vi abstollentes* in Pontificatus ordinem elegerunt.

тами, приписывая ему обширную богословскую ученость, благоразуміе, кроткій нравъ и вмѣстѣ ревность къ истинной вѣрѣ. Но большая часть этихъ качествъ имѣла значеніе развѣ относительное. Преобладающимъ же качествомъ, какъ кажется, было послѣднее. Изъ-за него не замѣтно даже той кротости нрава, о которой говоритъ біографъ. Напротивъ, гораздо чаще можно замѣчать такіе случаи въ жизни Григорія III, когда сильная страсть управляла его дѣйствіями, и притомъ—надобно прибавить—не всегда внушенная чистою ревностію къ вѣрѣ. Впрочемъ это будетъ яснѣе изъ самаго хода событій. Какъ если бы въ преемствѣ римскихъ епископовъ не послѣдовало никакой перемѣны, Григорій III началъ съ того, на чемъ остановился его предшественникъ. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было отправить къ императору увѣщательное посланіе, чтобы онъ отказался отъ своего нечестія. Въ прежнія времена римскіе епископы начинали съ того, что отправляли пословъ въ Константинополь испросить себѣ утвержденія въ своемъ новомъ санѣ. Посланный Григорія III, пресвитеръ Георгій, до того испугался самъ своей миссіи, и былъ напуганъ пріемомъ, какой нашелъ въ Константинополѣ, что воротился назадъ, не посмѣвъ представить императору порученной ему грамоты [1]). На него наложили эпитимію и послали въ другой разъ съ тѣмъ же порученіемъ. Но еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добраться до мѣста своего назначенія, его задержали въ Сициліи вмѣстѣ съ епископскою грамотою и отправили на цѣлый годъ въ заточеніе. Такъ разрывалась и послѣдняя нить, которою еще держалась связь между Римомъ и Константинополемъ: уполномоченные имперіи до сего времени еще допускаемы были въ Римъ на нѣкоторыхъ условіяхъ; римскихъ же посланныхъ безусловно не хотѣли болѣе принимать въ Константинополѣ и, какъ преступниковъ, останавливали на дорогѣ. Отвергая вмѣстѣ съ обличеніемъ и самое посредничество римскаго епископа, Левъ приготовлялъ себѣ въ немъ открытаго противника. Императоръ проводилъ свои эдикты черезъ силенціумъ: Григорій III рѣшился противопоставить императорскому силенціуму авторитетъ церковнаго собора. На приглашеніе римскаго епископа явились въ Римъ епископы важнѣйшихъ городовъ римской Италіи [2]). Ничто не удержало и

[1]) Anast. in vita Gregorii III.—[2]) Anast. ibid.—Біографъ впрочемъ ничѣмъ не даетъ замѣтить присутствія на этомъ соборѣ лангобардскихъ епископовъ. Сохранилось самое посланіе Григорія III, которымъ епископы Италіи *приглашались на соборъ* въ Римѣ. Отрывки изъ него см. у Вальха, т. X, p. 259.

Іоанна, архіепископа равеннскаго, участвовать въ засѣданіяхъ римскаго собора. Архіепископъ города Градо явился сюда представителемъ венеціанской церкви. Число всѣхъ членовъ простиралось до 93. Соборъ открылся подъ предсѣдательствомъ римскаго епископа. Сколько мы знаемъ, одинъ былъ предметъ совѣщаній собора и одно согласное рѣшеніе. Приговоръ былъ направленъ противъ *всякаго*, кто, вопреки установленному обычаю апостольской церкви, возстаетъ на иконы, и отлучалъ такого, какъ богохульца и поносителя христіанской святыни, отъ единства и общенія церкви. Соборъ никого не называлъ по имени, и однако всякому было понятно, что приговоръ его падалъ прямо на главнаго виновника иконоборческихъ эдиктовъ. Но отлучить Льва отъ церковнаго единства не значило ли косвеннымъ образомъ отречься и отъ всякаго общенія съ нимъ? Какой еще авторитетъ могло составлять для Италіи имя императора, который единогласнымъ рѣшеніемъ ея церкви былъ осужденъ какъ поноситель христіанской святыни? Она могла бояться его мщенія и лицемѣрить въ случаѣ приближенія грозы, но не могла уже искренно вѣрить въ свое единство съ имперіею.

Рѣшеніе римскаго собора 732 года было церковнымъ выраженіемъ того разрыва, который въ послѣднее время произошелъ между Восточною имперіею и ея италіанскою провинціею. Впрочемъ, какъ римскій престолъ былъ главнымъ органомъ новой италіанской національности, то рѣшеніе, произнесенное подъ его авторитетомъ, въ то же время имѣло и значеніе политическое.

Правда, что не хотѣли вдругъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ. Когда уже разорванъ былъ надвое самый живой нервъ, проходившій между Востокомъ и его крайнею западною провинціею, пытались еще связать его—съ одной стороны увѣщаніемъ, съ другой — силою оружія. Расходились окончательно, но все еще продолжали оборачиваться назадъ, и, смотря на пройденное пространство, еще не хотѣли вѣрить, что впередъ надобно были итти не одною дорогою. Два раза потомъ обращалась Италія къ императору, въ той мысли, что, подъ страхомъ церковнаго отлученія, онъ можетъ-быть раскается въ своемъ заблужденіи. Къ увѣщательнымъ грамотамъ, которыя слала къ нему церковь, народъ прилагалъ свои посланія просительныя [1]). Сверхъ того римскій епископъ послалъ особо

[1]) Anast. ibid: Nam et cuncta generalitas istius provinciae Italiae similiter pro erigendis imaginibus supplicationum scripta unanimiter ad eosdem principes (Leonem et Constantinum) direxerunt, et caet.

къ Анастасію, новому патріарху константинопольскому, какъ главному поборнику иконоборческаго заблужденія. Но ни посланіямъ, ни посланнымъ не суждено было достигнуть даже мѣста ихъ назначенія: послѣднихъ хватали на дорогѣ и тотчасъ подвергали тяжелому тюремному заключенію [1]). Во внутреннихъ областяхъ имперіи больше не должно было произноситься ни одно слово въ защиту иконопочитанія. Тамъ, на Востокѣ, въ то время оставался лишь одинъ свободный голосъ, который могъ еще безбоязненно обличать иконоборчество: это былъ энергическій голосъ Іоанна Дамаскина, на котораго не простирались преслѣдованія, потому что онъ, по мѣсту своего пребыванія, былъ подданнымъ арабскаго халифа [2]). Всѣ же прочіе ревнители иконопочитанія, жившіе въ предѣлахъ имперіи, должны были молчать, терпѣливо ожидая возвращенія лучшихъ временъ.

Льву еще болѣе была противна мысль объ отдѣленіи Италіи: онъ непремѣнно хотѣлъ возвратить къ единству имперіи возмутившуюся провинцію, и чтобы однимъ разомъ привести ее къ покорности и наказать жителей за невѣрность, соорудилъ огромный флотъ, и на другой годъ послѣ римскаго собора отправилъ его „противъ римскаго епископа и всѣхъ италіанскихъ измѣнниковъ.“ [3]) Начальство надъ всею экспедиціею было ввѣрено одному предводителю, по имени Манесу, человѣку, какъ кажется, восточнаго происхожденія. Странное столкновеніе обстоятельствъ! Въ то самое время, какъ на западѣ Европы вожди франковъ и вестъ-готовъ продолжали съ честію отбиваться отъ напора арабовъ изъ Испаніи и спасали христіанскую Галлію отъ мусульманскаго наводненія, восточный императоръ отправлялъ изъ Константинополя полуварварскую экспедицію противъ христіанскаго народа въ Италіи, котораго вина состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ оставаться вѣренъ церковнымъ постановленіямъ! Навѣрное Италіи готовилась недобрая участь; но на этотъ разъ какъ бы сама судьба приняла ея сторону: еще не достигнувъ береговъ Италіи, грозная армада повстрѣчалась съ бурею и большею частію

---

[1]) Anast. ibid.—[2]) См. Neander, III, 244.—[3]) Theoph. Chron. ad an. 724: Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐμαίνετο κατὰ τοῦ πάπα καὶ τῆς ἀποστάσεως Ῥώμης καὶ Ἰταλίας, καὶ ἐξοπλίσας στόλον μέγαν ἀπέστειλε κατ αὐτῶν, Μάνην τὸν στρατηγὸν τῶν Κιβυῤῥαιωτῶν κεφαλὴν ποιήσας εἰς αὐτούς. Если 730 годъ считать годомъ низложенія Германа, то по Θеофану экспедиція противъ Италіи придется въ 733 году. Подъ тѣмъ же годомъ приводитъ ее Мураторн.

погибла въ волнахъ Адріатическаго моря. Вдвойнѣ раздраженный императоръ, чтобы выместить на комъ-нибудь свой гнѣвъ, возвысилъ налоги въ Сициліи и Калабріи — единственныя земли, которыя остались за имперіею отъ большой провинціи — и приказалъ отобрать въ казну всѣ имѣнія, которыми владѣла тамъ римская церковь [1]). Жалкое мщеніе, оно могло — не возвратить потерянную провинцію, а развѣ увеличить въ ней отчужденіе и распространить его и на тѣ земли, которыя до сихъ поръ еще не были увлечены общимъ движеніемъ.

Гибель флота, высланнаго противъ Италіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ равнялась потерянному генеральному сраженію. Левъ одинаково не способенъ былъ пользоваться ни хорошими, ни дурными уроками; даже и послѣ этого удара онъ могъ оставаться при прежнихъ своихъ мысляхъ и мечтать о покореніи Италіи силою оружія: но имперія давно уже не была въ состояніи настойчиво и энергически выдерживать большія воинственныя предпріятія, когда скорые успѣхи не вознаграждали пожертвованій. Ея средства съ каждымъ годомъ истощались; еще хорошо, если ихъ доставало и на то, чтобы покрывать издержки внутренняго управленія и удерживать напоръ арабовъ, которые постоянно грозили восточнымъ провинціямъ. До того ли было имперіи, чтобы снаряжать одну экспедицію за другою противъ Италіи? Если же и были еще возможны нѣкоторыя слабыя попытки, то естественно, что онѣ могли только обличить передъ италіанцами безсиліе имперіи. Развѣ одно время своимъ смягчающимъ вліяніемъ могло еще исправить отношенія: ибо, высвобождая себя фактически изъ-подъ зависимости имперіи, Италія впрочемъ до сего времени не отвергала формально правъ ея надъ собою. Но чего, кромѣ новаго взаимнаго раздраженія, можно было ожидать и отъ времени, когда оно сулило въ будущемъ цѣлую династію иконоборцевъ? Упорство Льва, какъ извѣстно, пережило его самого: онъ умеръ въ 741 году, но тотъ же духъ нетерпимости продолжалъ господствовать въ имперіи при сынѣ его Константинѣ Копронимѣ и при внукѣ Львѣ IV. То-есть къ ряду шесть десятилѣтій имперія употребила на то, чтобы убить въ Италіи и послѣдніе слѣды старыхъ симпатій, которыя нѣкогда связывали ее съ Востокомъ. Когда иконопочитаніе было возстано-

---

[1]) Theoph. ibid. — О послѣднемъ обстоятельствѣ упоминается также въ письмахъ Адріана I (къ Карлу Великому) и Николая I (къ императору Михаилу). См. Murat. Ann. ad an. 733.

влено въ имперіи, Италія, кромѣ южныхъ своихъ оконечностей, была почти столько же чужда ей, какъ Галлія или Британія. Итакъ съ этой стороны мы можемъ считать вопросъ рѣшеннымъ: иконоборческими эдиктами были разорваны и послѣднія нравственныя узы, которыми еще держалась связь между Восточною имперіею и Италіею. Съ того времени, удерживая надъ Италіею свое формальное право, на самомъ дѣлѣ впрочемъ имперія могла считать ее потерянною для своей дѣйствительной власти.

Правда, что въ римской Италіи еще оставались экзархи, и что Равенна, благодаря венеціанамъ, была снова возвращена имперіи. Фактъ неоспоримъ, но не надобно спѣшить заключеніемъ. Есть довольно ясные признаки, по которымъ можно думать, что освобожденіе Равенны отъ лангобардовъ далеко не означаетъ возстановленія въ ней авторитета имперіи въ прежней его силѣ, или по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ жителей Равенны къ императорскому намѣстнику при этомъ случаѣ произошла перемѣна, которую мы не въ состояніи объяснить удовлетворительно. Совѣтуемся съ Аньеломъ, который долженъ быть ближе другихъ знакомъ съ равеннскими происшествіями, и къ удивленію находимъ у него—тамъ, гдѣ мы предполагали бы встрѣтить извѣстія о мирномъ пребываніи экзарха въ своей резиденціи — разсказъ о томъ, какъ равеннцы отразили отъ себя нападеніе византійцевъ [1]. Были ли это уцѣлѣвшіе остатки отъ большой экспедиціи, высланной императоромъ противъ Италіи послѣ приговора римскаго собора и разбитой бурею въ Адріатикѣ, или за первымъ послѣдовало второе вооруженіе, направленное лишь противъ Равенны—объ этомъ можно судить лишь предположительно. Подробности же самаго событія, сообщаемыя равеннскимъ повѣствователемъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Византійцы, подъ начальствомъ своего стратега, подступили къ Равеннѣ въ на-

---

1) Agnell. in vita Ioannis XXXIX (Murat. II, 170—171). Въ своихъ Annali Муратори приводитъ это событіе подъ 733 годомъ; по этому исчисленію оно совершенно совпадаетъ съ экспедиціею противъ Италіи, упоминаемою Ѳеофаномъ. Нельзя не пожалѣть, что у Аньела въ этомъ самомъ мѣстѣ есть значительный пробѣлъ. Съ вѣроятностію можно полагать, что изъ опущеннаго мѣста, и только изъ него, мы могли бы объяснить себѣ настоящія отношенія между экзархомъ и равеннцами.—Надобно еще замѣтить, что Анастасій, въ жизни Григорія III, упоминаетъ о нѣкоторыхъ приношеніяхъ, сдѣланныхъ экзархомъ Эвтихіемъ церкви св. Петра. Вообще всѣ отношенія Эвтихія, послѣ *примиренія* его съ римскимъ епископомъ, остаются довольно загадочны.

деждѣ застать жителей врасплохъ и предать городъ опустошенію,—и изъ словъ автора видно, что это происходило уже не въ первый разъ. Но равеннцы были бдительны и не теряли присутствія духа. Узнавъ о приближеніи грековъ, они построились въ ряды и бодро вышли имъ навстрѣчу. Въ то время, какъ равеннская милиція билась съ непріятелями, епископъ вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ возносилъ молитвы на спасеніе города и гражданъ. Послѣ упорнаго сопротивленія равеннцамъ удалось разбить одно крыло противниковъ. Византійцы бѣжали къ своимъ судамъ, но равеннцы преслѣдовали ихъ и на морѣ. Дѣло кончилось, по словамъ Аньела, совершеннымъ истребленіемъ „пелазговъ". Радость равеннцевъ была такъ велика, что по случаю этой побѣды они установили особое торжество, которое праздновалось ими почти наравнѣ со днемъ Пасхи.

Въ разсказѣ Аньела вовсе не упоминается объ экзархѣ. Даже предположительно трудно судить, какая могла быть его роль въ этихъ происшествіяхъ. Лишь то не подлежитъ сомнѣнію, что въ то время *былъ* экзархъ въ Италіи. Безъ сомнѣнія, показалось бы очень странно, если бы мы стали искать его между равеннцами или по крайней мѣрѣ на ихъ сторонѣ, въ то время, какъ они бились съ греками. Но въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы осудить его на совершенное ничтожество въ томъ самомъ городѣ, который долженъ былъ оставаться его резиденціею, или уже вовсе не искать его въ Равеннѣ. По всему видно, что венеціане, освобождая городъ отъ лангобардскаго владычества, не слишкомъ много позаботились о возстановленіи въ немъ власти экзарха, а равеннцы съ своей стороны нашли гораздо удобнѣе управляться сами собою—безъ экзарха, какъ и безъ лангобардовъ. Вотъ почему, не считая болѣе Равенну лангобардскою, мы однако не можемъ признавать ее и византійскою. Для насъ было бы понятнѣе, если бы кто вздумалъ предположить, что Равенна, со времени своего освобожденія, въ нѣкоторомъ отношеніи подчинилась своимъ освободителямъ [1]).

Итакъ послѣ двухвѣковой общей политической жизни, Италія окончательно расходилась съ Восточною имперіею.

---

[1]) Что венеціане вовсе не чужды были мысли замѣнить собою въ Равеннѣ изгнанныхъ ими лангобардовъ, на это указываютъ слова Аньела въ жизни Сергія XL (Murat. t. II, p. 172): Haec autem civitas vexabatur a Langobardis et Veneticis.

Какой впрочемъ странный оборотъ вещей, если припомнить самыя первыя начала связи ихъ между собою и сравнить съ тѣмъ, что̀ произошло на концѣ и было причиною разрыва! Впервые пробуждаясь къ новой національной жизни, Италія ищетъ союза съ единовѣрной имперіей, чтобы съ ея помощію бороться противъ разлива аріанскаго нечестія, которое было нераздѣльно съ владычествомъ готовъ; на помощь той же имперіи не переставала надѣяться Италія и въ то время, когда она видѣла надъ собою грозу второго варварскаго нашествія въ лицѣ лангобардовъ и вторично подвергалась опасности быть завоеванною аріанами; но вмѣсто того, чтобы подать ожиданное пособіе, имперія сама начала мало-по-малу наклоняться къ еретическимъ мнѣніямъ, и едва только Италія была успокоена со стороны лангобардовъ обращеніемъ ихъ въ католицизмъ, почти та же самая опасность вновь открылась ей со стороны имперіи, которой императоры, объявивъ себя врагами правовѣрія, съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовали его представителей въ Италіи; упорствуя въ этомъ направленіи, имперія подъ конецъ дошла до того, что объявила заклятую вражду цѣлому италіанскому народу за то, что онъ хотѣлъ оставаться вѣренъ своимъ вѣрованіямъ, и уже предпринимала большія вооруженія, чтобы силою покорить страну своему заблужденію! Италія, еще не довольно крѣпкая матеріальными силами, въ то время впрочемъ уже укрѣпилась въ сознаніи своей національной самостоятельности. Удивительно ли, что для отвращенія отъ себя бѣды, которая грозила ей со стороны нечестиваго императора, она теперь почти готова была броситься въ объятія единовѣрныхъ лангобардовъ? Но тѣ, которые до сего времени стояли во главѣ національнаго движенія, римскіе епископы, не могли забыть своей старой антипатіи и искали Италіи новыхъ союзниковъ.

IX.

мскій престолъ и государство лангобардовъ въ VIII вѣкѣ. литика и законодательство Ліутпранда. Сполето и Бенв- втъ. Войны Ліутпранда съ южною Италіей. Епископъ Захарій.

Послѣ многихъ тяжелыхъ испытаній Италіи еще не су- ено было спокойное, мирное обладаніе тѣми благами, которыя таком обиліи представляетъ богатая природа страны. Ита- недоставало одного постояннаго центра. Вѣчное колебаніе жду старымъ міромъ и новымъ, вѣчное тяготѣніе къ двумъ тивоположнымъ полюсамъ какъ будто лежало въ ея назна- ніи. Еще не совсѣмъ развязался одинъ узелъ, какъ уже ягивался другой. Только что римская Италія возвращалась своей самостоятельности, разорвавъ политическія связи, динявшія ее съ Востокомъ, какъ съ сѣвера ей уже снова южало нашествіе лангобардовъ! Пока еще продолжался споръ иконахъ, мы видимъ уже въ дѣйствіи, на ряду съ вос- нымъ императоромъ и римскими епископами, и Ліутпранда, юля лангобардской Италіи. Вопросъ усложнялся вновь, когда, алось, приходило время его упрощенія.

Ліутпрандъ отнюдь не былъ противникомъ иконопочита- , но и не принадлежалъ къ числу тѣхъ ревностныхъ его верженцевъ, которые готовы были на самую опасную борьбу, бы доставить ему торжество. Вводя силы своего народа борьбу между восточнымъ императоромъ и римскимъ епи- пом, онъ оставался добрымъ католикомъ въ своихъ вѣро- ніяхъ, но выступалъ на сцену болѣе какъ дѣятель полити- скій, который спѣшитъ воспользоваться замѣшательствомъ жду своими сосѣдями для своихъ собственныхъ цѣлей. и цѣли были довольно ясны: на чью бы сторону ни выпалъ ебій войны, король лангобардовъ предвидѣлъ возможность

новаго дѣлежа римской Италіи и непремѣнно хотѣлъ имѣть въ немъ свою долю. Для Ліутпранда наступала пора мужественной государственной дѣятельности. Чѣмъ больше онъ жилъ, тѣмъ больше раскрывался его государственный смыслъ, тѣмъ больше расширялись его политическіе виды, и пока они не сталкивались враждебно съ интересами католицизма, ничто не мѣшало ему дѣйствовать для ихъ осуществленія. Въ лицѣ Ліутпранда лангобардская Италія какъ бы начала сознавать, что въ ней довольно силъ, чтобы выступить изъ своихъ предѣловъ, точнѣе сказать, чтобы отодвинуть свои предѣлы далѣе на югъ. Если энергіи перваго лангобардскаго нашествія стало лишь на то, чтобы передать въ руки пришельцевъ значительную часть внутреннихъ земель полуострова въ разныхъ его частяхъ, то теперь, казалось, наступала пора, когда они возобновленнымъ ударомъ мало-по-малу могли дохватить и остальное.

На первый разъ, при всей ясности цѣли, рѣшенію Ліутпранда впрочемъ какъ бы еще недоставало той полной зрѣлости, которая одна даетъ предпріятію твердость и настойчивость и ставитъ его выше случайныхъ препятствій; видно было, что онъ еще не успѣлъ побѣдить въ себѣ самомъ одного весьма важнаго внутренняго противорѣчія. Дѣйствія Ліутпранда много были облегчены тѣмъ, что въ городахъ экзархата онъ находилъ сочувствующую ему партію. Между тѣмъ онъ допустилъ венеціанъ отнять у него Равенну и, потерявъ ее разъ, ничего не предпринималъ вновь для возвращенія своей потери. Обстоятельства привели его потомъ къ тому, что онъ долженъ былъ обратить свои усилія собственно на римскую область. Но когда уже Римъ былъ почти въ его рукахъ, онъ не устоялъ передъ авторитетомъ римскаго епископа, и уступая его убѣжденіямъ, вошелъ въ Римъ скорѣе пилигримомъ, чѣмъ побѣдителемъ. Видно, что уже не аріанскій король вновь предпринималъ остановившееся завоеваніе, но католикъ, который, даже занося руку на Римъ, не могъ однако изгнать изъ сердца нѣкотораго подобострастія къ римской святынѣ: онъ дѣлалъ шагъ впередъ и потомъ—останавливался въ какомъ-то благоговѣйномъ раздумьи. Изъ этой несмѣлости начинающагося предпріятія впрочемъ еще не слѣдовало заключать, что оно должно было погаснуть прежде времени, не достигнувъ и въ половину своей цѣли. Сила одного случайнаго впечатлѣнія могла задержать на время теченіе завоевателя, но не могла убить въ его душѣ помыселъ, на кото-

рый вызывали всѣ современныя обстоятельства, и исполненіе котораго представляло такое широкое поле для дѣятельности человѣка воинственнаго и предпріимчиваго. Раздумье не могло продолжаться долго: оно должно было разрѣшиться мыслію, а ясная, ничѣмъ не потемненная политическая мысль должна была обнимать въ себѣ всю Италію. Дорога къ Риму разъ была уже открыта; въ Пентаполисѣ лангобарды стояли твердою ногою: начатое дѣло требовало для себя окончанія. Недостало бы рѣшимости у самого Ліутпранда,—такъ навѣрное у кого-нибудь изъ его премниковъ нашлось бы довольно смѣлости, чтобы продолжать начатое. Несмѣлость предпріятія условливалась лишь его новостію и нѣкоторыми особенностями въ образѣ мыслей того, кто бралъ на себя его исполненіе. Что бы ни предприняла въ будущемъ римская Италія для своего спасенія, но нашествіе лангобардовъ было уже неотвратимо: не въ томъ, то въ другомъ поколѣніи, оно угрожало ей неизбѣжно.

Впрочемъ—въ какомъ смыслѣ могло *угрожать* римской Италіи новое лангобардское завоеваніе? Тѣ, которые угрожали ей вновь, были ли еретики, или варвары, грозили ли они ея вѣрованіямъ, или ея цивилизаціи?

Когда-то имя лангобардовъ дѣйствительно было ненавистно римскому католику: онъ видѣлъ въ нихъ аріанъ, онъ имѣлъ причины опасаться отъ нихъ насилія своей религіозной совѣсти. Ненависть римлянина къ лангобардамъ, какъ народу аріанскому, предшествовала въ немъ самой враждѣ его къ тому же народу, какъ варварамъ: римлянинъ научился ненавидѣть лангобардовъ еще въ готахъ, которые первые принесли аріанизмъ на римскую землю. Но тѣ времена давно прошли: лангобарды умѣли пережить свой аріанизмъ, не переживъ самихъ себя. Со временъ Гримоальда они не разнились болѣе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ съ римлянами. Духовные интересы, за которые такъ твердо стояли жители римской Италіи, въ послѣднее время были не менѣе дороги и лангобардамъ. Иконоборческія понятія не встрѣчали себѣ между ними никакого сочувствія. Скорѣе они наклонны были защищать одно дѣло съ римлянами противъ эдиктовъ, выходившихъ изъ Константинополя. Частію этимъ сочувствіемъ между двумя народами въ дѣлахъ вѣры можно объяснять легкое распространеніе лангобардовъ въ равеннской области и въ Пентаполисѣ. Передъ византійцами они должны были казаться римлянамъ избавителями. По крайней мѣрѣ есть причины думать, что была до-

вольно сильная партія, которая благопріятствовала успѣхамъ лангобардовъ въ римской Италіи. Въ короляхъ лангобардскихъ VIII вѣка преданность католицизму даже виднѣе, чѣмъ въ самомъ народѣ. Какъ законодатель, Ліутпрандъ никогда не забывалъ напомнить въ своихъ эдиктахъ, что онъ глава народа христіанскаго и католическаго. Нѣкоторые изъ этихъ эдиктовъ, особенно „прологи“, которые служатъ къ нимъ введеніемъ, прямо дышатъ внушеніями католическихъ совѣтниковъ короля [1]). Мы впрочемъ знаемъ и другія внушенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они шли прямо отъ римскаго престола. Не только не отвергалъ ихъ лангобардскій завоеватель, но въ простотѣ сердечной вѣрилъ, что они исходятъ отъ того, кому дана власть надъ церковію въ цѣломъ мірѣ [2]). Мало способные къ анализу, варвары открыто выговаривали то, чтó еще не совсѣмъ вошло въ сознаніе самихъ римскихъ епископовъ, чтó въ нихъ жило еще какъ невполнѣ опредѣлившееся стремленіе, которое они не всегда смѣли назвать по имени. Въ политикѣ римскій епископъ могъ быть и противникомъ короля лангобардовъ, но внѣ политики онъ былъ для него первый и самый высокій церковный авторитетъ, однимъ словомъ „глава церкви“.

Итакъ чего бы могла опасаться римская церковь отъ новаго нашествія лангобардовъ? Они приходили съ вѣрованіями, которыя ни въ чемъ не отступали отъ католической догмы, они приносили съ собою не просто лишь уваженіе къ тому, кто считался главою римской церкви, но еще преувеличенное представленіе объ его церковной власти, какое едва ли имѣли въ то время сами римляне. Кому была опасность съ этой стороны? Не сказать ли скорѣе, что въ лангобардахъ

---

1) Для примѣра указываемъ на начало пролога къ VI книгѣ законодательства Ліутпранда: Percepimus enim et firmiter retinemus, quoniam per gradus et tempora in bono proficere opere et semper ad meliora ascendere videtur, qui in Deo ita operatur, ut ejus pietas et misericordia eum illustret, qui omnes vult salvos fieri et ad agnitionis suae veritatem venire. Ergo si pro gentis nostrae salvatione, aut pauperum fatigatione possimus,... credimus quod Dei misericordia in nobis retribuat eam causam, quod pro solo Dei timore et in eleemosyna hoc faciemus, ut omnis causa per rationem et justitiam terminetur, nec sit aliquis error, sed magis in nobis justitia, unde sine intermissione nomen Domini benedicat. Rer. Ital. Scriptt. T. 1, pars II, p. 61.—2) Въ V книгѣ § 4-й мотивированъ слѣдующимъ образомъ: Hoc autem ideo affiximus, quia *Deo teste* Papa urbis Romae, qui in omni mundo toto *caput ecclessiarum Dei sacerdotumque* est, per suam epistolam nos adhortatus est, ut tale conjugium nullatenus permitteremus.—*Ibid. p. 59.*

возрастала новая сила и новая крѣпкая опора для католицизма и духовнаго авторитета главы его?

Говорить о варварствѣ лангобардовъ также нельзя безусловно, послѣ того какъ они около двухъ столѣтій прожили на италіанской почвѣ. Варварство не было нераздѣльно съ самою природою народа. Черты дикой свирѣпости, которою лангобарды ознаменовали свое первое распространеніе внутри Италіи, указывали только на то, что они были ближе къ первоначальному германскому быту, чѣмъ другіе ихъ соплеменники, и еще болѣе одичали въ частыхъ переселеніяхъ и въ безпрестанной враждѣ съ воинственными народами, которые останавливали ихъ на пути. Но, какъ и всѣ германскіе народы, они вовсе не лишены были способности къ образованію въ самомъ обширномъ его смыслѣ. При большой упругости ихъ нравовъ, воспитаніе ихъ не могло дѣлать быстрыхъ успѣховъ. Труденъ былъ переходъ отъ дикихъ инстинктовъ первоначальнаго состоянія къ самымъ первымъ условіямъ правильнаго осѣдлаго быта. Лангобарды не были въ счастливомъ положеніи остъ-готовъ, они не имѣли во главѣ своей вождя, который бы съ самаго начала умѣлъ поставить предѣлы ихъ дикой необузданности и указать ихъ силамъ болѣе благородное направленіе. Много нужно было времени, чтобы лангобарды могли отказаться отъ своего предубѣжденія противъ всего римскаго. За то впрочемъ, живя среди римлянъ и на римской землѣ, они долѣе всѣхъ могли сохранить свой національный характеръ. Непризнаніемъ римскаго начала они оградили себя отъ излишняго его вліянія; они дали напередъ окрѣпнуть на чужой землѣ своей собственной національности, такъ что потомъ, какое бы ни было постороннее вліяніе, оно не могло совершенно стереть ея оригинальныя черты. Оттого въ учрежденіяхъ лангобардскихъ было гораздо болѣе залоговъ будущности, чѣмъ въ учрежденіяхъ остъ-готскихъ.

Между тѣмъ время и обстоятельства продолжали понемногу оказывать свое обычное дѣйствіе. Лангобарды устроивались въ правильное общество, въ которомъ постоянный письменный законъ замѣнилъ обычай, и строго были опредѣлены важнѣйшія гражданскія отношенія. Инстинкты истребленія болѣе и болѣе уступали мѣсто потребности мирнаго гражданскаго порядка. Образовалась крѣпкая центральная власть, которая старалась подчинить одному закону и одной цѣли всѣ отдѣльныя стремленія въ государствѣ лангобардовъ. Города не подвергались болѣе безотчетному разрушенію: лангобарды

сами селились въ нихъ подлѣ прежняго римскаго народонаселенія, и пріучались дорожить ими, какъ главными центрами для общежитія. Католицизмъ, сближая единствомъ вѣры два народонаселенія, также не мало способствовалъ погашенію духа вражды и тѣмъ самымъ—къ умягченію нравовъ. Въ привычкахъ и образѣ жизни лангобардовъ еще не сгладились всѣ слѣды варварства; но судя по самымъ этимъ слѣдамъ, можно было заключать, что варварство народа было его минувшее состояніе, отъ котораго онъ уже освободился настолько, чтобы отличать себя отъ современниковъ Альбоина, Агилульфа и даже Ротари. Вообще время разрушенія кончилось, наступала пора созиданія[1]).

Римскій элементъ въ государствѣ лангобардовъ, какъ мы видѣли, былъ только подчиненъ національному, не истребленъ совершенно. Если римскимъ учрежденіямъ и римскому формальному праву и не дано было мѣста во внутренней организаціи лангобардскаго общества, то не былъ навсегда возбраненъ входъ сюда римлянину, а вмѣстѣ съ нимъ римскимъ нравамъ и понятіямъ. Путемъ постепенной гражданской эманципаціи и римлянинъ могъ сдѣлаться лангобардомъ, то-есть свободнымъ гражданиномъ лангобардскаго государства. По мѣрѣ того, какъ лангобарды освобождались отъ своей первоначальной исключительности, и какъ отъ времени и другихъ обстоятельствъ укрощались ихъ грубые нравы, и воздѣйствію римскаго элемента между ними открывалось больше и больше простора. Не на нравы только, онъ начиналъ мало-по-малу дѣйствовать и на ихъ юридическое сознаніе. То самое, чтó еще въ VII вѣкѣ возбуждало въ законодателѣ одно презрѣніе, законодателю VIII вѣка, благодаря посредничеству католицизма, не только казалось терпимымъ, но и не оставалось безъ нѣкотораго вліянія на его собственную мысль. Опирая нѣкоторыя статьи своихъ эдиктовъ на положенія церковнаго канона, въ другихъ случаяхъ, для пополненія ощутительныхъ недостатковъ гражданскаго права лангобардовъ, Ліутпрандъ, кажется, не находилъ также излишнимъ принимать къ соображенію и то богатство опредѣленій, какое заключалъ въ себѣ гражданскій законъ побѣжденныхъ[2]). Впрочемъ, коснув-

---

1) О постройкахъ, предпринятыхъ Ліутпрандомъ, см. Paul. Diac. VI, 58.—
2) Почти ту же мысль находимъ у Лео, 1, 173: Die Verbesserungen und Zusätze, welche er (Liutprand) dem longob. Rechte gab, ...unterscheiden sich besonders dadurch von denen des Rothari, dass sie überall Spuren einer Accomodation an die Art des Landes und selbst eine Näherung an römische Denkweise nicht nur, *sondern auch an römische* Verhältnisse enthalten.

шись разъ этого пункта, мы не можемъ уже обойти и болѣе общаго вопроса о движеніи лангобардскаго законодательства въ первой половинѣ VIII столѣтія.

Все вниманіе Ліутпранда далеко не было занято одними внѣшними предпріятіями. Мысль о томъ, чтобы раздвинуть шире предѣлы лангобардской Италіи, только-что родилась изъ современныхъ отношеній, но еще не созрѣла вполнѣ, не составляла твердаго политическаго убѣжденія для народа. Еще прежде, чѣмъ можно было подумать объ ея осуществленіи, Ліутпранда уже занимала мысль о томъ, чтобы на основаніи принятыхъ началъ провести еще далѣе устройство внутреннихъ отношеній. Въ этомъ нельзя не отдать ему должной справедливости; съ предпріимчивостію завоевателя онъ соединялъ глубокій смыслъ политика и администратора. Какъ никто лучше его не умѣлъ поставить внѣшней цѣли для силъ лангобардскаго народа, такъ никто не понималъ лучше внутреннихъ условій твердости и крѣпости лангобардскаго государства. Съ Ліутпрандомъ государство лангобардовъ восходило на новую степень высоты, откуда ему открывалась весьма далекая будущность. Мы увидимъ послѣ, какую силу получало въ его рукахъ государственное начало, какъ широко хотѣлъ онъ провести его приложеніе и наконецъ какъ постоянен былъ онъ въ преслѣдованіи своей цѣли. Въ Сполето и даже въ отдаленномъ Беневентѣ онъ хотѣлъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ, напримѣръ, въ Павіи, своей резиденціи. Мы ограничимся пока его законодательствомъ. Предпріятіе не было совершенно новымъ: съ перваго взгляда уже видно, что эдикты Ліутпранда были только продолженіемъ дѣла, начатаго при Ротари. Объ этомъ не обинуясь говоритъ и самъ законодатель, ссылаясь на правило своего предшественника, который установилъ, чтобы его преемники исправляли и пополняли то, чтó они найдутъ недостаточнымъ въ первомъ уложеніи [1]. Потому законодательство Ліутпранда собственно не есть даже новое уложеніе, но лишь собраніе различныхъ эдиктовъ, изданныхъ имъ одинъ за другимъ въ разные годы его управленія [2]. Новые эдикты развиваютъ лишь подробности, но начало, принятое первымъ законодателемъ, оставлено ими во всей его силѣ: это—рѣшительный перевѣсъ національнаго начала передъ римскимъ.

---

[1]) См. прологъ къ первому эдикту Ліутпранда. Rer. It. Scriptt. T. I, pars II, p. 51.—[2]) Первый изъ этихъ эдиктовъ относится ко 2-му году царствованія Ліутпранда. См. Muratori, Ann. ad an. 713.

Почти черезъ столѣтіе послѣ Ротари принципъ лангобардскій еще нисколько не потерялъ своей прежней упругости. Весьма подробное развитіе получило въ новыхъ эдиктахъ особенно уголовное право лангобардовъ; но всѣ вновь замѣченные случаи были подведены законодателемъ подъ прежнюю систему наказаній, въ которой, какъ извѣстно, композиція, или денежная пеня въ разныхъ видахъ, занимала первое мѣсто; въ случаѣ же недостатка прямой улики законодатель попрежнему указывалъ на поединокъ и присягу какъ на самыя вѣрныя средства открыть настоящаго преступника [1]). Уличенъ ли рабъ въ кражѣ, господинъ его платитъ композицію; имѣетъ ли кто искъ на другого, и судья въ четырехдневный срокъ не займется разбирательствомъ его дѣла, судья платитъ истцу композицію; похититъ ли кто свободную женщину, платитъ композицію; живетъ ли кто съ чужòю женою, платитъ композицію; случится ли, что женщина купается въ рѣкѣ, и у нея унесутъ все платье, такъ что ей нельзя ни остаться въ рѣкѣ, ни итти домой, уличенный похититель также платитъ композицію; ходитъ ли кто къ гадателямъ или, по языческому обычаю, поклоняется „святому дереву“, подвергается тому же самому, только въ иной мѣрѣ [2]). Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ за открытое возстаніе противъ законной власти, главному виновнику, сверхъ потери всего имущества, угрожала и смертная казнь (animae periculum), но соучастники его вины—опять платили композицію [3]). Въ основѣ всѣхъ этихъ опредѣленій закона лежало, очевидно, старое германское воззрѣніе, по которому наказаніе прежде всего было вознагражденіемъ за убыль, понесенную невиннымъ по винѣ преступника. Въ этомъ отношеніи Ліутпрандъ былъ столько же лангобардъ, сколько и предшествующій ему законодатель VII столѣтія.

Гораздо менѣе послѣдовательности, вообще развитія, представляетъ новое лангобардское законодательство въ опредѣле-

[1]) См. напр. 2-й эдиктъ, статью 4-ю. Ibid. p. 53.—[2]) См. Legg. Liutpr. l. II, 5, l. IV. 7. l. V, 2, l. VI, 30, 82 etc.—Любопытно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодатель приводитъ самые поводы, его руководившіе при изданіи того или другого закона, и такимъ образомъ вноситъ въ самое законодательство живыя черты изъ народнаго быта. Такъ статью о похитителѣ женскаго платья онъ начинаетъ съ того, что разсказываетъ дѣйствительный случай, какъ „одинъ развратный человѣкъ“, проходя мимо рѣки, въ которой купалась женщина, унесъ все ея платье и пр. См. еще той же главы статьи 33, 34 и 38.—[3]) *Ibid. l. V, 6.*

нія собственно гражданскихъ отношеній между членами общества. Не было никакой положительно принятой системы, довольствовались только самымъ необходимымъ. Если въ эдиктахъ Ліутпранда и встрѣчаются положенія гражданскаго права, то всегда почти отрывочно, въ странномъ смѣшеніи съ статьями права уголовнаго. Видно, что случаи были вносимы въ законодательство по мѣрѣ того, какъ они представлялись въ практикѣ, что гораздо больше предоставлено было обычаю, что многое рѣшалось съ голоса нотаріевъ [1]). Подъ какимъ же вліяніемъ должны были происходить такого рода рѣшенія? Частію конечно подъ вліяніемъ лангобардскаго обычая [2]), частію же—тамъ, гдѣ онъ оказывался неудовлетворительнымъ—подъ вліяніемъ стараго римскаго права, ибо къ нему, какъ къ своему корню, привязано было существованіе нотаріевъ, отъ него частію зависѣло и то самое значеніе, которое они имѣли и среди лангобардскаго общества. Весьма трудно опредѣлить, въ какой именно мѣрѣ римское гражданское право вліяло на положенія лангобардскаго закона; вопросъ требовалъ бы особаго, спеціальнаго разсмотрѣнія, котораго до сихъ поръ недостаетъ наукѣ [3]). Что впрочемъ это вліяніе дѣйствительно прокрадывалось сюда, можно судить по небольшому числу точныхъ терминовъ, заимствованныхъ изъ римскаго юридическаго языка, и по нѣкоторымъ положеніямъ, которыя хотя и не списаны

1) Что нотарій съ весьма важными обязанностями находился даже при королевскомъ дворцѣ, это несомнѣнно изъ слѣдующаго мѣста законовъ Ліутпранда: Quae denique universa superius a celsitudine nostra comprehensa Potoni notario sacri palatii nostri comprehendenda et ordinanda praecipimus. Legg. Liutpr. l. II, 9. Съ вѣроятностію можно думать, что нотаріи съ подобными обязанностями находились и при всѣхъ королевскихъ дворахъ, curtes regiae. Если позволено здѣсь предположеніе, то мы готовы принять за нотаріевъ такъ называемыхъ actores regis, о которыхъ см. Legg. l. VI, 6.— 2) До какой степени обычай еще перевѣшивалъ иногда письменный законъ, можно видѣть изъ отрицательнаго положенія о „скрибахъ“, которымъ воспрещалось составлять акты иначе, какъ по лангобардской, или по крайней мѣрѣ по римской формѣ: De scribis hoc prospeximus, ut qui chartam scripserit, sive ad legem Langobardorum, quae apertissima et paene omnibus nota est, sive ad legem Romanorum; non aliter faciant, nisi quomodo in illis legibus continetur. Nam contra Langobardorum legem, aut Romanorum non scribant. Quia si nescierint, interrogent alios, et *si non potuerint ipsas leges plene scire*, non scribant ipsas chartas. Legg. l. VI, 37.—3) Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ затруднительнѣе, что полное изданіе лангобардскихъ законовъ, со всѣми новыми открытіями и сообразно съ требованіями науки, еще ожидается отъ ученой дѣятельности Блюме. Оно войдетъ въ составъ знаменитаго собранія памятниковъ германской исторіи, издаваемаго Перцомъ. См. Hegel, 1427, n. 2.

буквально съ римскаго права, однако составлены въ его духѣ [1]. Но пусть даже формальный законъ лангобардовъ и не заимствовался многимъ отъ римскаго права: тѣмъ не менѣе это право могло уже существовать подлѣ него. Фактъ его существованія хорошо извѣстенъ былъ закону, и однако законъ не только не имѣлъ ничего противъ него, но еще признавалъ за нимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительную силу. Занимающимся судебнымъ письмоводствомъ Ліутпрандъ предписывалъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ— не иначе писать ихъ бумаги, какъ приноровительно къ закону лангобардскому или римскому [2]. Не только отвлеченный законъ римскій, законодатель также опредѣлительно признавалъ и особый классъ людей, живущихъ по этому закону [3]. По этимъ чертамъ, хотя ихъ и немного, можно судить, какъ далеки были теперь лангобарды, даже въ юридическомъ быту, отъ своей прежней исключительности въ пользу національнаго. Въ будущемъ особенно—для такъ называемыхъ римлянъ въ государствѣ лангобардовъ открывалась вовсе не безотрадная перспектива.

Иного рода вопросъ—точно ли жившіе по римскому закону въ государствѣ лангобардовъ, о которыхъ упоминается въ эдиктахъ Ліутпранда, принадлежали къ старому римскому народонаселенію, нѣкогда побѣжденному лангобардами, или скорѣе это были выходцы изъ римской Италіи, которые по различнымъ побужденіямъ оставляли родную землю и селились внутри лангобардскихъ предѣловъ? Гегель въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи лангобардскихъ городскихъ общинъ принимаетъ послѣднее рѣшеніе, лучше сказать, ему принадлежитъ самая эта остроумная гипотеза—видѣть въ „Romanus homo" Ліутпрандова законодательства позднѣйшихъ переселенцевъ съ римскихъ земель [4]. Изъ постановленій ближайшихъ преемниковъ Ліутпранда (Рачиса и Айстульфа) въ са-

---

[1] На ряду съ чисто лангобардскими терминами (какъ fulfreal, faida, morgincap, guidrigild и другими) встрѣчаемъ и чисто римскіе, какъ напримѣръ: fidejussor, stipulatio, cautio, duplum, pignus и пр. Примѣръ смѣшенія различныхъ юридическихъ терминовъ во время Ліутпранда удачно приводитъ Гегель, 1, 427, n. 1: 'omnes liberi *arimanni amundis* absolutis permaneant ab omni conditione servitutis et *jus patronatus* sint ad eos concessa *civesque Romanos* et habeant *potestatem testandi* et *anulo portandi*.—[2]) См. выше, стр. 325.—[3]) Legg. Liutpr. VI, 74: Si Romanus homo mulierem Langobardam tulerit... et filii qui de eo matrimonio nascuntur *secundum legem patris Romani* sint.—[4]) Hegel, 1, 427: Der Romanus homo, welcher bei Liutprand zum ersten *Male vorkommt*, bezeichnet also nicht, wie man gewöhnlich annimmt, die gesammte

момъ дѣлѣ видно, что подъ именемъ Romani homines лангобарды разумѣли преимущественно жителей римскихъ областей [1]. Нѣтъ никакой причины думать, что такое употребленіе слова „римлянинъ" началось только съ Рачиса. Въ поводахъ къ выселенію жителей римской Италіи въ лангобардскія владѣнія, особенно со второй половины VII столѣтія, вовсе не было недостатка. Но мы не думаемъ вмѣстѣ съ Гегелемъ ограничивать число пользовавшихся римскимъ закономъ въ государствѣ лангобардовъ одними только новыми переселенцами. Напротивъ, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утверждать, что во времена Ліутпранда правомъ жить по римскому закону пользовались и туземцы, то-есть исконные жители тѣхъ странъ, которыя были во владѣніи лангобардовъ. „Если лангобардъ"—говоритъ въ одномъ мѣстѣ законодатель—„приметъ духовный санъ, дѣти его, рожденныя прежде, продолжаютъ жить по тому же закону, по какому жилъ ихъ отецъ" [2]. Рѣчь идетъ о *лангобардѣ*, и однако неопредѣленное выраженіе эдикта предполагаетъ при семъ случаѣ возможность того и другого закона. Предположимъ тотъ случай, что лангобардъ, котораго въ виду имѣетъ эдиктъ, жилъ бы по римскому закону; кого скорѣе можно разумѣть подъ именемъ лангобарда, живущаго по римскому закону, какъ не потомка тѣхъ римлянъ, которые давно сдѣлались лангобардскими подданными, хотя и сохранили между собою употребленіе римскихъ юридическихъ формъ? Было время, когда законъ только съ презрѣніемъ упоминалъ объ особенныхъ правахъ; но потомъ, когда принужденіе отпало, они болѣе вышли наружу. Не забудемъ, что законодатель долженъ былъ имѣть въ виду цѣлое государство, а въ немъ были такія отдаленныя отъ центра владѣнія, какъ Сполето и Беневентъ. Естественно, что въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ лангобардское начало никогда не могло быть проведено во всей его силѣ, хотя бы жители и считались, наравнѣ съ другими, лангобард-

---

der Abstammung nach römische Bevölkerung im langobardischen Reiche, sondern nur die später eingewanderte oder die durch Vertrag aufgenommene Römer.—

[1] Ibid.—[2] Legg. Liutpr. VI, 100: Si Langobardus, uxorem habens, filios aut filias procreaverit et postea inspiratione Dei compulsus clericus effectus fuerit, tunc filii aut filiae, qui ante ejus conversionem nati fuerint, *ipsa lege vivant*, *qua ille vivebat*, quando eos genuit.—Не безъ основанія замѣчаетъ Муратори (Rer. Ital. Scriptt. p. 83, n. 100), что эдиктъ имѣлъ въ виду преимущественно переходъ отъ лангобардскаго закона къ римскому, ибо клерики жили обыкновенно по римскому закону. Но неопредѣленное выраженіе закона необходимо предполагаетъ возможность и другого случая, то-есть, что переходившій слѣдовалъ уже прежде римскому закону.

скими подданными. Здѣсь всего скорѣе можно искать и лангобардовъ, продолжавшихъ жить по римскому закону.

Вообще впрочемъ, за немногими развѣ исключеніями, законъ лангобардскій зналъ членовъ своего общества только за лангобардовъ. Они могли быть того или другого происхожденія, жить по тому или другому закону, для законодателя они одинаково были лангобарды, то-есть граждане лангобардскаго государства [1]). Такова была строгая послѣдовательность лангобардскаго принципа. Различіе по праву не влекло за собою необходимо различія и въ самомъ правѣ: въ государствѣ лангобардовъ не тотъ пользовался разными гражданскими преимуществами, кто жилъ по римскому или лангобардскому закону, но тотъ, кто принадлежалъ къ одному изъ сословій *лангобардскаго* общества, какого бы впрочемъ онъ ни былъ происхожденія [2]). Въ этомъ смыслѣ и римлянинъ могъ имѣть право на композицію, то-есть если законъ зналъ его за лангобарда. Что же касается до особой композиціи для римскаго народонаселенія, какъ это было у франковъ, то объ ней вовсе нѣтъ помина ни въ законахъ Ротари, ни въ эдиктахъ Ліутпранда: ясный признакъ, что она не существовала вовсе. Лангобардское общество оставалось вѣрно самому себѣ: допуская внутри себя нѣкоторыя національныя различія въ *формахъ* права, оно впрочемъ не признавало другого юридическаго *принципа*, кромѣ лангобардскаго.

Мы возвращаемся къ нашему вопросу. Что же собственно угрожало римской Италіи съ новымъ лангобардскимъ завоеваніемъ? Ни аріанское изувѣрство, ни безпощадное варварство первыхъ завоевателей, отъ котораго не спаслись ни города, ни ихъ жители. Лангобарды временъ Ліутпранда были столько же добрые католики, сколько и сами римляне, и чѣмъ далѣе простиралось ихъ завоеваніе, тѣмъ снисходительнѣе, можно даже сказать, тѣмъ уважительнѣе становились они ко всему римскому—къ народонаселенію, его обычаямъ и закону. Лангобарды сохранили свой національный принципъ и, слѣдовательно, не сдѣлались римлянами, но они такъ долго жили на римской землѣ и такъ освоились съ римскими нравами и понятіями, что враждѣ чисто національной не было болѣе мѣ-

---

1) Romanus homo встрѣчается въ эдиктахъ Ліутпранда только одинъ разъ— тамъ, гдѣ нужно показать нѣкоторое различіе по формальному праву; обыкновенно же статьи эдиктовъ обращены къ лангобардамъ: si quis Langobardus, *etc.*—2) *См.* Hegel, 1, p. 426—427.

ста—могло быть развѣ соперничество двухъ народовъ, живущихъ на одной почвѣ, или война между двумя правителями. Весьма вѣроятно предположеніе Гегеля, что если бы лангобардское завоеваніе при Ліутпрандѣ или послѣ него достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, завоеватели поступили бы въ своихъ позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, какъ поступили франки въ южной Галліи, то-есть развѣ уменьшили бы ихъ права, не изгоняя вовсе ихъ закона[1]). Впослѣдствіи же, путемъ мирнаго сближенія съ лангобардами, побѣжденные возвратили бы себѣ и остальное. Если угодно, новое завоеваніе, которое угрожало остальной Италіи со стороны лангобардовъ, могло казаться грозою—но не столько для мира страны и для безопасности ея жителей, сколько для политическаго разъединенія Италіи—недугъ, которымъ она страдала почти два столѣтія. На пространствѣ всего полуострова только у лангобардовъ былъ зародышъ крѣпкаго государственнаго единства. Только у нихъ мало-помалу установилась довольно прочная центральная власть, которая почти съ каждымъ новымъ поколѣніемъ дѣлала и новые успѣхи. Только у нихъ была полная самостоятельность высшей государственной власти, и ея твердость и сила не разъ уже торжествовали надъ усиліями отдѣльныхъ князей, которые искали себѣ независимости отъ лангобардской короны. Распространившись на цѣлую Италію, связавъ собою всѣ разрозненныя ея части, эта власть вошла бы, такъ сказать, въ свои естественные предѣлы и окрѣпла бы еще болѣе противъ сепаратныхъ стремленій. Съ политической точки зрѣнія такое распространеніе власти лангобардскихъ королей было бы для римской Италіи скорѣе благодѣяніемъ, чѣмъ опасностію, еще менѣе несчастіемъ. Италія—не римскій только участокъ, но цѣлая страна—пріобрѣла бы въ ней именно то, чего ей недоставало для внутренняго единства, для охраненія безопасности и независимости отъ враговъ внѣшнихъ. Правда, что, вынужденная крайностію, римская Италія создала себѣ свою національную власть изъ римскаго престола, отдавъ ему все свое полномочіе. Но та власть не была по самой натурѣ своей власть политическая: основанія ея были совершенно иного рода; она имѣла великое значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать религіозными силами: но какую силу могла она имѣть тамъ, гдѣ рѣшались вопросы чисто политическіе, безъ всякаго отношенія къ религіознымъ? Ея дѣло было возбудить религіозный жаръ

---

1) Ibid. p. 423.

народа, подвигнуть его на сопротивленіе, когда угрожала опасность его вѣрованіямъ; по нуждѣ, она могла за другихъ принять на себя и заботы административныя. Но чѣмъ бы взялась она, когда бы надобно было дѣйствовать противъ народа единовѣрнаго, какъ бы приспособилась вести защиту страны, когда бы противъ нея была организованная политическая сила, и мечу предоставлено было все рѣшеніе? Феодализмъ впослѣдствіи вооружилъ и самое духовенство на Западѣ; но подъ этимъ вооруженіемъ стирались настоящія черты сословія, и прелатъ мало чѣмъ отличался отъ необузданнаго барона. Римскій престолъ, если бы судьбы Италіи остались ввѣрены ему и на будущее время, былъ бы поставленъ въ необходимость или совершенно измѣнить своему существенному характеру, или вести защиту страны посторонними силами, то-есть призывать на помощь ей чужестранцевъ. Но Италія для своего покоя ни въ чемъ не имѣла такой нужды, какъ въ томъ, чтобы наконецъ избавиться навсегда отъ чужеземныхъ гостей, все равно— приходили ли они какъ завоеватели, или какъ союзники. Лангобардовъ же, послѣ того какъ они около двухъ столѣтій прожили на завоеванной землѣ, нельзя было болѣе считать чужеземцами. Казалось, для того и воспитывались они столько лѣтъ подъ римскимъ вліяніемъ, чтобы Италія, при рѣшеніи главнаго вопроса своей внутренней политики, могла обойтись безъ сторонняго вмѣшательства. Соединенная подъ властію лангобардскихъ королей, она составила бы одно политическое цѣлое, и крѣпкая своимъ внутреннимъ единствомъ, была бы довольно сильна, чтобы отстоять свои предѣлы отъ новыхъ вторженій извнѣ. И Римъ ничего не потерялъ бы подъ лангобардскимъ владычествомъ. Напротивъ, ему предстояла весьма выгодная честь сдѣлаться резиденціею центральной италіанской власти, и своимъ вліяніемъ на лангобардовъ еще болѣе содѣйствовать ихъ римскому образованію.

Вопреки принятому нами порядку изложенія, мы остановились здѣсь на предположеніи возможнаго, покинувъ на время нить историческихъ событій, какъ они происходили въ дѣйствительности. Но вмѣстѣ съ исторіею Италіи и мы вышли на распутіе, откуда видны два различные пути: путь лангобардскаго владычества и путь преобладанія новыхъ пришельцевъ, откуда бы они ни явились въ Италію. Отъ того, какой изъ двухъ путей избрала бы италіанская исторія въ томъ моментѣ, въ которомъ мы находимся, зависѣла и вся будущ*ность страны*. Недоставало можетъ-быть полной свободы для

выбора, но и не было непреложной необходимости слѣдовать однимъ предначертаннымъ путемъ: рѣшенія еще не послѣдовало. Нельзя было и намъ не остановиться на время въ этомъ пунктѣ вмѣстѣ съ исторіею, хотя бы для того, чтобы взвѣсить общія выгоды и невыгоды того и другого пути для будущей исторіи страны. По нашему крайнему разумѣнію выходило бы, что первый путь былъ не только прямой, но самый вѣрный и безопасный. Дѣлая такое заключеніе, мы имѣемъ въ виду, кромѣ другихъ основаній, аналогію одной страны, сосѣдственной съ Италіею. Во Франціи также нѣкоторое время происходило колебаніе между галло-римскимъ началомъ, которое особенно сильно было въ южной половинѣ страны, и германскимъ началомъ ея завоевателей, которые преимущественно утвердились на сѣверо-востокѣ. Въ преобладаніи франковъ она нашла свое единство и свою силу. Такое же назначеніе, повидимому, имѣли лангобарды для Италіи, съ тою разницею, что въ ихъ политическомъ быту были зачатки еще болѣе крѣпкаго государственнаго устройства. Исторія избрала другой путь,—и мы постараемся показать, какія были причины уклоненія отъ перваго.

Послѣ того, что мы знаемъ объ отношеніяхъ между Ліутпрандомъ и Григоріемъ II, почти не нужно говорить, въ чемъ заключалось главное препятствіе для распространенія лангобардскаго владычества внутри Италіи. Оно вовсе не лежало въ непріязненномъ чувствѣ римлянъ къ лангобардамъ: острота прежней національной вражды сгладилась отъ времени, и начиная съ VIII вѣка чаще встрѣчаешь римлянъ въ союзѣ, чѣмъ во враждѣ съ лангобардами. Нѣсколько позже мы найдемъ существованіе лангобардской партіи въ самомъ Римѣ. Главное препятствіе было въ видахъ и стремленіяхъ тѣхъ, которые въ продолженіе двухъ вѣковъ сряду были главными представителями всѣхъ важнѣйшихъ интересовъ римскаго народонаселенія въ Италіи. Заслуги римскихъ епископовъ національному дѣлу Италіи, начиная съ самаго перваго завоеванія ея чужеземцами, неоспоримы. Онѣ возвысили ихъ авторитетъ внутри страны, онѣ пріобрѣли имъ высокую довѣренность и дали ихъ власти политическій характеръ и національное значеніе. Слѣдовало ли отсюда, что этотъ характеръ и это значеніе должны были остаться при нихъ навсегда? Такъ же мало, какъ и то, что причины, которыя произвели такое явленіе, должны были и на будущее время остаться главными пружинами въ исторіи страны. Эти причины, какъ мы видѣли, исчезали одна за другою вмѣстѣ съ обращеніемъ лангобардовъ въ католи-

цизмъ и съ паденіемъ власти еретическихъ императоровъ въ Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и римскій престолъ мало-по-малу долженъ былъ бы возвратиться къ своему первоначальному значенію, которое не давало ему другого полномочія, кромѣ духовнаго, и притомъ въ извѣстной степени. Ибо вся его политическая дѣятельность имѣла характеръ временной миссіи, взятой имъ на себя лишь по недостатку другого постояннаго органа для представительства національныхъ интересовъ въ римской Италіи. Но римскіе епископы такъ долго пребывали въ послѣдней дѣятельности, и такъ были ею заняты, что для нихъ начинало теряться различіе ея съ первою, чисто духовною дѣятельностію римскаго престола, которая принадлежала ему отъ начала. Оказалась въ нихъ притомъ и общая слабость, столь свойственная человѣческой природѣ: хотѣли не столько сохранить за собою роль, принятую прежде, сколько удержать власть, которою располагали до сего времени. Войдя однажды въ характеръ власти, какъ бы впрочемъ ни было случайно ея пріобрѣтеніе, съ нею потомъ не разстаются легко. И Григорій II и его преемники не иначе хотѣли представлять права и преимущества своей власти, какъ въ предѣлахъ дѣятельности своихъ предшественниковъ. Какое дѣло, если бы даже такое полномочіе и не согласовалось болѣе съ истинными интересами римской Италіи? Римскій престолъ начиналъ уже отдѣлять свои собственные интересы отъ общихъ; точнѣе сказать, первые выросли для него до понятія общихъ интересовъ цѣлой Италіи. Цѣль, къ которой отнынѣ стремился римскій престолъ, можетъ-быть и не была еще сознана прямо; но одна мысль лежала въ основаніи всѣхъ дѣйствій римскихъ епископовъ— и когда они попрежнему старались вредить успѣхамъ лангобардовъ (напримѣръ въ Равеннѣ), какъ если бы это были прежніе аріане и варвары, и когда, почти совершенно разорвавъ связь съ Восточною имперіею, прикрывались однако ея именемъ и правомъ, чтобы спасти неприкосновеннымъ свое собственное вліяніе на дѣла Италіи.

Конечно, самъ собою римскій престолъ не могъ бы выдержать борьбы съ лангобардами. Онъ даже не имѣлъ никакого титла на то, чтобы отъ себя вести войну съ народомъ единовѣрнымъ, а вооруженными средствами, необходимыми для того, располагалъ еще менѣе. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы образовать выгодный для себя союзъ, чтобы замѣнить чужими силами недостатокъ своихъ, лангобарды своими воинственными *дружинами* могли, казалось, залить всю римскую Ита-

лію и внести свои шатры на самую вершину Капитолія. Ліутпрандъ стоялъ же вооруженный подъ стѣнами Рима, былъ въ самомъ Римѣ. Онъ, правда, проникъ туда подъ видомъ пилигрима; но подъ пилигримской мантіею скрывалась броня воина, и ему стоило только сбросить первую, чтобы показаться въ своемъ настоящемъ видѣ, то-есть въ полномъ вооруженіи. Противъ Ліутпранда нельзя было болѣе поднимать цѣлое народонаселеніе римской Италіи какъ противъ еретика: не всегда также можно было надѣяться—именемъ римской святыни отвратить его отъ осады Рима. Политическія стремленія Ліутпранда выяснялись съ каждымъ годомъ. Если не владѣть цѣлою Италіею, то по крайней мѣрѣ быть какъ можно ближе къ ея древней столицѣ, такъ чтобы между областію Рима и Павіею не было никакихъ промежуточныхъ владѣній —возрасло въ Ліутпрандѣ до нетерпѣливаго желанія. Какъ будто непреодолимая сила влекла его къ Риму. Какъ только позволяли обстоятельства, онъ переступалъ границу и угрожалъ вѣчному городу. Чтобы при всемъ томъ Ліутпрандъ остался позади своего намѣренія, нужны были другія, болѣе сильныя препятствія, чѣмъ одно уваженіе его къ авторитету римскихъ епископовъ.

Такія препятствія были дѣйствительно, и къ удивленію, на этотъ разъ ихъ надобно искать вовсе не за предѣлами Италіи, напримѣръ въ помощи франковъ, которые пока оставались въ сторонѣ, но въ составныхъ частяхъ самаго лангобардскаго государства. Во всей Италіи только у лангобардовъ, какъ мы видѣли, былъ зародышъ прочной центральной власти, которая могла связать собою въ одинъ узелъ различныя части полуострова: это была власть лангобардскихъ королей, которой внутри государства не было совмѣстниковъ; къ сожалѣнію, значеніе и сила ихъ власти еще не были равномѣрно утверждены во всѣхъ лангобардскихъ владѣніяхъ. Главное препятствіе къ возвышенію центральной власти у лангобардовъ всегда состояло въ стремленіи герцоговъ отдѣльныхъ областей къ самостоятельности. Уже Ротари положилъ начало дѣйствительному преобладанію королевской власти. Въ пользу этого преобладанія, какъ мы видѣли выше, говорило положительное законодательство, поставлявшее особу короля и всѣ его рѣшенія, вопреки старому лангобардскому обычаю, выше слѣдствій личнаго мщенія, выше самыхъ законовъ крови; къ тому же вело и другое явное стремленіе престола—подчинить самовластіе герцоговъ, даже въ управленіи ихъ собственныхъ областей, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ свободнымъ лангобардамъ, нѣ-

котораго рода контролю со стороны особыхъ королевскихъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „гастальдовъ." Собственно они были управители королевскихъ имѣній, опредѣлялись къ curtes regiae, но поставлялись, въ качествѣ правителей и судей, также въ городахъ, и между прочимъ, по закону Ротари, должны были оказывать покровительство всякому свободному лангобарду въ случаѣ притѣсненія его со стороны мѣстнаго герцога [1]. При дальнѣйшихъ успѣхахъ королевской власти они могли мало-по-малу замѣнить собою герцоговъ. И въ самомъ дѣлѣ, со времени Ротари власть короля въ лангобардскомъ государствѣ, хотя медленно, но вѣрно шла къ своей цѣли. Лангобарды сохранили свой неукротимый характеръ, но своеволіе ихъ больше не находило себѣ прежняго простора. Отъ времени до времени сильныя личности, какова напримѣръ была личность короля Гримоальда, появляясь на престолѣ, еще болѣе ускоряли переворотъ, совершавшійся въ политическомъ состояніи лангобардскаго государства. При Ліутпрандѣ сила герцоговъ была уже сокрушена настолько, что въ собственной Ломбардіи и въ ближайшихъ областяхъ, прилежащихъ къ рѣкѣ По съ юга, не было ни одного случая въ духѣ прежняго самоуправства, отъ котораго прежде нерѣдко былъ въ опасности и самый престолъ [2]. Болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ Ліутпрандъ умѣлъ держать герцоговъ въ крѣпкихъ рукахъ и не давалъ имъ забываться ни въ какомъ случаѣ. Несмотря ни на какія заслуги, строгій судъ и даже лишеніе герцогскаго достоинства угрожали всякому изъ нихъ, кто позволялъ себѣ нарушеніе общественнаго порядка, хотя бы то въ управляемой имъ области. Ліутпрандъ никому не давалъ потачки. Историкъ лангобардовъ разсказываетъ случай съ герцогомъ фріаульскимъ, по имени Пеммо. Нѣсколько лѣтъ съ честію управлялъ онъ тѣмъ краемъ, мужественно отбивая нападенія славянъ, какъ у него открылась вражда съ Калистомъ, мѣстнымъ архіепископомъ. Калистъ обязанъ былъ этимъ мѣстомъ Ліутпранду, который поддерживалъ его выборъ [3].

[1] Ed. Roth. 23 и 24.—См. о гастальдахъ въ особенности Hegel, 1, 455—461.—[2] Покушеніе Ротарита на жизнь Ліутпранда, о чемъ разсказываетъ Павелъ Діаконъ VI, 38, сюда не относится. Историкъ замѣчаетъ, что Ротаритъ былъ родственникъ Ліутпранда (consanguineus), и ничѣмъ не показываетъ, чтобы убійство было замышлено имъ прямо изъ властолюбивыхъ видовъ. Скорѣе можно думать, что между ними была вражда личная, семейная, которая по старому лангобардскому обычаю рѣшалась не иначе, какъ кровью.—[3] Объ *этомъ см. Paul.* Diac. VI, 45. Самый случай разсказывается имъ же въ главѣ 51.

Пеммо, мало думая о высокомъ покровителѣ Калиста, захватилъ его въ свои руки и сначала хотѣлъ бросить въ море, но потомъ, одумавшись, велѣлъ запереть его въ крѣпкую тюрьму. Узнавъ объ этомъ поступкѣ герцога, Ліутпрандъ пришелъ въ гнѣвъ и силою своей власти лишилъ его герцогскаго достоинства. Рачисъ, сынъ Пеммо, былъ объявленъ ему преемникомъ. Отъ гнѣва Ліутпрандова Пеммо хотѣлъ бѣжать къ славянамъ, и только усердному ходатайству своего сына обязанъ былъ тѣмъ, что Ліутпрандъ возвратилъ ему свою милость и позволилъ явиться къ своему двору, чтобы присутствовать при судѣ, который онъ лично производилъ надъ участниками всего предпріятія противъ Калиста. Но герцогское достоинство навсегда уже было потеряно для Пеммо.

Къ сожалѣнію, области лангобардскаго государства простирались гораздо далѣе, чѣмъ власть короля, по крайней мѣрѣ въ той силѣ, въ какой она обнаружилась надъ герцогомъ фріаульскимъ. То, чтó было въ порядкѣ вещей въ сѣверной Италіи, въ Фріаулѣ, Брешіи и другихъ мѣстахъ, мало прилагалось къ южнымъ герцогствамъ, каковы были Сполето и Беневентъ. Будь Пеммо герцогомъ одной изъ этихъ областей, Ліутпранду не такъ легко было бы распоряжаться по своей волѣ его достоинствомъ. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ менѣе чувствительны были успѣхи, сдѣланные королевскою властію между лангобардами. Чтó было почти кончено на сѣверѣ, въ Сполето и Беневентѣ надобно было только начинать. При Ліутпрандѣ отношенія между королевскою и мѣстною властію въ этихъ областяхъ оставались почти на той же степени, на какой они были при Агилульфѣ. Чтобы Сполето и Беневентъ ввести въ кругъ дѣйствія центральной власти наравнѣ съ другими областями, надобно было предпринять съ ними то же самое, чтó и съ римскою Италіею, то-есть вновь завоевать ихъ отъ имени короля.

На то впрочемъ также были свои естественныя причины, то-есть, чтобы южныя области, не отдѣляясь вовсе отъ государственнаго состава, были въ иныхъ отношеніяхъ къ центральной власти, чѣмъ сѣверныя. Эти причины заключались въ условіяхъ самаго ихъ положенія. Тутъ самымъ ощутительнымъ образомъ сказались невыгоды перваго лангобардскаго завоеванія, протянувшагося длинною полосою въ глубину страны, почти безъ опредѣленныхъ границъ съ остальными римскими владѣніями. Невыгода состояла отнюдь не въ томъ, чтобы крайнія части завоеванія, какъ удаленныя отъ главныхъ

силъ народа, были плохо защищены и подвергались бы опасности быть снова завоеванными отъ римлянъ. Напротивъ, и здѣсь лангобарды не только удержались въ земляхъ занятыхъ ими сначала, но со временемъ раздвинули еще далѣе предѣлы своихъ первыхъ пріобрѣтеній. Такъ владѣнія сполетскія, въ началѣ едва выходившія къ морю, подъ конецъ прилегали къ нему вдоль всего относительнаго берега Адріатики. Герцогство беневентское, расширяясь мало-по-малу во всѣ стороны, наконецъ почти закрыло собою всю южную Италію, кромѣ самыхъ ея оконечностей. Сжатый имъ Неаполь едва удерживалъ за собой небольшой уголокъ въ западной части полуострова. Взятыя вмѣстѣ, герцогство сполетское и беневентское въ VIII вѣкѣ развѣ немногимъ чѣмъ уступали въ величинѣ остальнымъ владѣніямъ лангобардскимъ [1]). Невыгода состояла въ томъ, что сполетское и беневентское завоеванія, почти оторванныя отъ главной массы лангобардской національности, съ которою сообщались лишь посредствомъ узкаго перешейка между Пентаполисомъ и сѣверо-восточнымъ угломъ римской области [2]), попали будто въ римскую оправу, обложившись едва не со всѣхъ сторонъ римскими владѣніями и находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Римомъ, гдѣ была точка опоры для римской національности и центръ всего ея политическаго дѣйствія. Опасность была не въ завоеваніи, о чемъ вовсе не думали сами римляне, но во вліяніи ихъ на нравы, чего не избѣжали лангобарды даже во внутреннихъ земляхъ своего завоеванія. Лангобардамъ сполетскимъ и беневентскимъ тѣмъ труднѣе было уберечься отъ этого вліянія, что, по всей вѣроятности, они относились здѣсь къ римскому или покоренному народонаселенію въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ въ какой лангобарды были къ туземцамъ въ сѣверной Италіи. Ибо тамъ легла масса народа, сюда же шли только люди безпокойные и отважные съ своими дружинами. Чѣмъ шире раздвигались сполетскія и беневентскія владѣнія, тѣмъ больше численный перевѣсъ долженъ былъ оставаться на сторонѣ римскаго народонаселенія. Во взаимныхъ отношеніяхъ между двумя народами не было никакого мѣста спору о власти: она, вмѣстѣ съ вооруженною защитою страны, безъ всякаго прекословія принадлежала завоевателямъ, хотя до-

---

[1]) Предѣлы и относительная величина разныхъ лангобардскихъ областей въ Италіи приблизительно довольно хорошо изображены въ Spruner's Hist. *Atlas, Italien, N 1*.—[2]) См. ibid.

ступъ въ народное ополченіе, конечно, не былъ вовсе закрытъ и римлянамъ. Мѣстные династы, или герцоги, были неизмѣнно лангобардскаго происхожденія. Но разбросанные по обширной странѣ между римлянами, и находясь во всегдашнемъ сосѣдствѣ съ римлянами же, лангобарды въ Сполето и Беневентѣ не только освоивались съ понятіями и обычаями своихъ сосѣдей, но и входили въ самые ихъ интересы, наконецъ, особенно послѣ того, какъ исчезло религіозное разногласіе, не чуждались даже политическаго союза съ ними. Временемъ, правда, увлекаемые своимъ безпокойнымъ предпріимчивымъ духомъ, они продолжали еще тревожить независимыя римскія владѣнія, нападая на нихъ врасплохъ, какъ это сдѣлалъ въ 717 году герцогъ беневентскій съ Кумою. Но когда, десятью годами позже, наступили важныя событія, приготовленныя эдиктами Льва, когда всей католической Италіи угрожала общая опасность извнѣ, истина отношеній между римлянами и лангобардами въ средней и южной Италіи обнаружилась во всей ея силѣ: временныя вспышки старой вражды уступили мѣсто полной взаимности интересовъ, религіозныхъ и политическихъ.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ дѣятельномъ участіи, которое показывали лангобарды къ судьбѣ Рима и его епископа, вооружившись на ихъ защиту противъ экзарха Павла, и тогда же замѣтили, что это вооруженіе лангобардовъ въ пользу римлянъ произошло помимо воли самого Ліутпранда [1]. Теперь мы можемъ сказать нашу мысль еще опредѣленнѣе. Хотя Ліутпрандъ въ то время и былъ въ союзѣ съ Григоріемъ II, но скорое и рѣшительное вооруженіе въ пользу римскаго епископа дѣйствительно не лежало въ его политическихъ видахъ. Союзники, такъ поспѣшно вооружившіеся на помощь римлянамъ, были не кто иные, какъ ближайшіе ихъ сосѣди, сполетскіе и беневентскіе лангобарды, подъ предводительствомъ своихъ герцоговъ [2]. Историки Ита-

---

[1]) См. выше, стр. 285—286.—[2]) Анастасій (in vita Gregorii II) называетъ по имени только сполетинцевъ, но упоминаетъ также и о „герцогахъ лангобардскихъ“: atque hinc inde *duces Longobardorum* circumdantes Romanorum fines hoc praepedierunt. Итакъ, кромѣ герцога сполетскаго, въ предпріятіи участвовалъ по крайней мѣрѣ еще одинъ герцогъ: кто же скорѣе, какъ не герцогъ беневентскій? Въ томъ же смыслѣ, очевидно, употребляетъ біографъ слова „duces Longobardorum“ и ниже, говоря такимъ образомъ: Munera tunc hinc inde *ducibus Longobardorum* et *regi* pollicentes plurima, etc., гдѣ подъ общимъ именемъ герцоговъ лангобардскихъ можно разумѣть только сполетскаго и беневентскаго, ибо въ противномъ случаѣ біографъ не упомянулъ бы о нихъ прежде имени короля.

ліи не обращаютъ довольно вниманія на этотъ важный фактъ, въ которомъ, по нашему мнѣнію, лежитъ ключъ къ объясненію многихъ явленій того времени. Повидимому смѣшивая, подъ общимъ именемъ „лангобардовъ", своихъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей съ сѣверными ихъ одноплеменниками, римляне однако очень хорошо умѣли различать тѣхъ и другихъ, когда особо обращались съ своими требованіями къ королю и особо къ „герцогамъ лангобардскимъ". Означая послѣднимъ именемъ герцоговъ сполетскаго и беневентскаго, римляне очень ясно отдѣляли въ своемъ понятіи два герцогства отъ цѣлаго состава королевства. Они были правы: послѣдующія событія оправдали ихъ, уяснивъ эти отношенія до очевидности. Припомнимъ, какъ раздѣлились политическія силы Италіи въ то время, когда Ліутпрандъ предпринималъ свой походъ къ Риму: съ одной стороны были король лангобардовъ и равеннскій экзархъ, съ другой—римскій епископъ и герцоги сполетскій и беневентскій [1]). Итакъ сполетскіе и беневентскіе лангобарды дѣйствовали заодно съ римлянами даже въ войнѣ ихъ съ Ліутпрандомъ? Какой же былъ особенный мотивъ, который располагалъ ихъ къ такому неестественному союзу противъ своего же короля?

Мотивъ былъ очень старый: онъ лежалъ въ обычномъ стремленіи всѣхъ лангобардскихъ герцоговъ къ полной самостоятельности. Въ неравной борьбѣ, которую они постоянно вели съ возрастающею королевскою властію, имъ приходилось лишь считать свои потери. Не только погибали отдѣльныя лица, но сокрушались и самыя права. Уронъ на ихъ сторонѣ становился ощутительнѣе съ каждымъ значительнымъ лицомъ, вновь появлявшимся на лангобардскомъ престолѣ, и Ліутпранду стоило уже немного труда управляться съ герцогами внутреннихъ областей Ломбардіи. Но герцоги сполетскій и беневентскій вовсе не подходили подъ это правило. Благодаря своему исключительному положенію, они ушли отъ переворота, который совершился во внутреннихъ частяхъ королевства въ пользу центральной власти. Рука королей лангобардскихъ еще не доставала такъ далеко, чтобы держать южныя области въ равной зависимости съ сѣверными. Можно даже сказать, что

[1]) На этотъ разъ біографъ говоритъ гораздо опредѣленнѣе, прямо называя герцоговъ сполетскаго и беневентскаго: Eo vero tempore saepius dicti Eutychius patricius et Liutprandus rex inierunt consilium nefarium, ut congregatis exercitibus rex subjiceret duces Spoletanum et Beneventanum et exarchus Romam, etc.

чѣмъ больше падала самостоятельность герцоговъ на сѣверѣ, тѣмъ больше поднималась она на югѣ. Время проводило еще далѣе то отчужденіе, которое началось съ мѣстнаго отдаленія отъ главнаго центра лангобардской національности. Слишкомъ долго не доходила очередь до герцоговъ южныхъ областей; если иногда ударъ и достигалъ до нихъ, то онъ падалъ не съ такою силою, значительно ослабленный самымъ разстояніемъ. Чѣмъ болѣе пользовались они своею независимостію, тѣмъ ревностнѣе были къ сохраненію своихъ правъ. Войти въ интересы римской политики все ихъ располагало, и ничто не мѣшало, потому что отъ этого общенія нисколько не терпѣла ихъ самостоятельность. Совсѣмъ иное дѣло—король лангобардовъ и *его* отношенія къ римлянамъ: въ глубинѣ вещей, тамъ было гораздо болѣе скрытой противоположности интересовъ, чѣмъ взаимности; оттого—тѣснаго союза не состоялось между ними. Въ соединеніи герцоговъ Сполето и Беневента съ римлянами противъ византійцевъ выразилась независимость политики первыхъ отъ общей политики королевства. Послѣ того поддержать этотъ союзъ даже въ войнѣ съ самимъ королемъ лангобардовъ было совершенно послѣдовательно: ибо вмѣстѣ съ судьбою Рима рѣшалась и судьба герцоговъ южныхъ лангобардскихъ владѣній. Однимъ словомъ, дѣйствуя заодно съ римлянами въ войнѣ ихъ съ Ліутпрандомъ, герцоги сполетскій и беневентскій спасали отъ него свою собственную независимость.

Для Ліутпранда въ самомъ дѣлѣ вопросъ о покорности южныхъ герцоговъ былъ самый существенный. Только уравненіе ихъ въ правахъ съ прочими герцогами окончательно рѣшало торжество королевской власти, только подчиненіе Сполето и Беневента уничтожало невыгоды перваго завоеванія и утверждало единство всѣхъ частей государства. Не рѣшивъ напередъ этого вопроса внутренней политики, нельзя было привести къ окончанію и вопросъ римскій. Этимъ частію объясняется колебаніе, нерѣшительность внѣшней политики Ліутпранда, замѣтныя въ его дѣйствіяхъ даже послѣ занятія Равенны и Пентаполиса. Какъ ни скудны извѣстія, видно впрочемъ, что мысль о подчиненіи Сполето и Беневента давно занимала Ліутпранда. Но, кажется, онъ думалъ прежде ограничиться одними мирными средствами, напримѣръ, привязать къ себѣ владѣтельныхъ герцоговъ южной Италіи брачными союзами. Такъ Павелъ Діаконъ упоминаетъ между прочимъ о бракѣ *Ромоальда, герцога* беневентскаго, съ Гундебертою,

племянницею Ліутпранда [1]). Усиліе слабое, оно вовсе не дало ожидаемыхъ результатовъ. Мы видѣли, чѣмъ разрѣшились отношенія между королемъ и южными владѣльцами, когда Ліутпрандъ вмѣшался въ дѣла римской Италіи. Ударъ со стороны короля послѣдовалъ такъ быстро, что оба герцога должны были смириться. Но ни клятвы, ни заложники не могли упрочить мира, пока герцогская власть въ Сполето и Беневентѣ оставалась въ тѣхъ же рукахъ. Уступивъ на время превозмогающей силѣ, тамошніе герцоги вовсе не думали отказаться отъ своихъ притязаній на самовластіе и выжидали болѣе благопріятнаго времени, чтобы возстановить свою независимость. Въ особенности ненадежна была вынужденная покорность герцога сполетскаго, Траземунда. Какъ мало умѣлъ онъ полагать предѣлы своему властолюбію, можно судить по тому, что онъ силою лишилъ своего отца (Фароальда) герцогскаго достоинства, заключилъ его въ монастырь и самъ занялъ его мѣсто [2]). Только близость грозы, которая въ случаѣ новой войны съ Ліутпрандомъ должна была прежде всего пасть на его голову, нѣкоторое время могла сдерживать его нетерпѣніе; но и въ эти немногіе годы, пока продолжался миръ, едва ли онъ оставался недѣятельнымъ въ свою пользу, хотя и сохранялъ видъ наружной покорности. Для интриги было много простора. Съ одной стороны Римъ, который, почти совсѣмъ разорвавъ съ имперіею, продолжалъ однако питать недовѣрчивость и даже нѣкоторое враждебное расположеніе къ королю лангобардовъ и на всякій случай имѣлъ нужду въ вѣрныхъ и близкихъ союзникахъ. Съ другой стороны Беневентъ, гдѣ смерть Ромуальда, случившаяся около 733 года [3]), и малолѣтство сына его Гизульфа открывали интригѣ еще болѣе свободы. Не даромъ Павелъ Діаконъ, упомянувъ о смерти Ромуальда, вслѣдъ за тѣмъ прямо говоритъ, что нѣкоторые предпринимали было низложить его наслѣдника, и что только вѣрности народа обязанъ былъ онъ своимъ спасеніемъ [4]). По

[1]) Paul. Diac. VI, 50.—[2]) Id. VI, 44.—[3]) См. 223 замѣчаніе Мураторі къ Павлу Діакону (Rer. Ital. Scripp. T. I, p. 509).—[4]) Paul. Diac. VI, 50: Contra quem (Gisulfum) aliqui insurgentes, cum moliti sunt extinguere. Какъ это, такъ и послѣдующее извѣстіе историкъ приводитъ, правда, послѣ извѣстія о возстаніи Траземунда, которое произошло уже около 740 года (см. ниже); но онъ же самъ даетъ средство повѣрить себя, говоря, что Григорій правилъ Беневентомъ семь лѣтъ (с. 56), что три года потомъ держался преемникъ его Годескальнъ, и что Гизульфу еще при жизни Ліутпранда возвращено было герцогское достоинство (с. 58). Итакъ назначеніе Григорія должно было послѣдовать еще около 734 года, *или вскорѣ послѣ* смерти Ромуальда.

словамъ того же историка, эта интрига „нѣкоторыхъ", правда, никому такъ не послужила въ пользу, какъ Ліутпранду. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Гизульфъ еще не въ силахъ справляться съ беневентцами, онъ взялъ его къ себѣ въ Павію, а на мѣсто его поставилъ герцогомъ Беневента племянника своего Григорія, на преданность котораго могъ положиться гораздо болѣе. Но одна перемѣна лица не могла еще измѣнить всѣхъ отношеній беневентцевъ къ ихъ ближайшимъ сосѣдямъ. Неизвѣстно, откуда выходили первыя предложенія союза — изъ Рима или изъ Сполето; но можно утверждать съ достовѣрностію, что при Григоріи III опять возобновились тѣ отношенія между Римомъ, Сполето и Беневентомъ, какія завязаны были въ первый разъ при Григоріи II. Безпокойный и вмѣстѣ неукротимый Траземундъ снова былъ душою предпріятія, направленнаго противъ преобладанія Ліутпранда въ Италіи [1]). Нельзя также сомнѣваться въ полномъ сочувствіи этому дѣлу и римскаго епископа: Григорій III приносилъ съ собою еще больше непріязни къ преобладанію короля лангобардовъ, чѣмъ сколько предшественникъ его—ко власти восточныхъ императоровъ въ Италіи.

Если предположить, что союзники ждали только случая, чтобы открыть свои дѣйствія противъ Ліутпранда, то конечно лучшаго случая имъ не могло представиться, какъ когда Ліутпрандъ, вѣрный своимъ дружественнымъ связямъ съ Карломъ Мартеломъ, отправился помогать ему противъ арабовъ. Это было въ 739 году. Знаменитою побѣдою при Поатье еще не рѣшенъ былъ кровавый споръ о томъ, кому владѣть Галліею— сѣвернымъ ли ея завоевателямъ, нѣкогда вышедшимъ изъ глубины Германіи, или новымъ пришельцамъ съ отдаленнаго Востока, у которыхъ достало энергіи и фанатизма, чтобы, пройдя побѣдителями всю сѣверную Африку и насквозь весь Пиренейскій полуостровъ, не остановиться даже передъ оградою Пиренейскаго хребта. Едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ арабы готовили уже противъ франковъ новую экспедицію въ огромныхъ размѣрахъ. Опасность была тѣмъ чувствительнѣе, что южныя провинціи Галліи, Бургундія и Провансъ, поль-

---

[1]) Правда, что ни Анастасій, ни Павелъ Діаконъ не говорятъ прямо о существованіи подобнаго союза. Но этому виною, кажется, не столько тайна, въ которой до времени должны были содержать союзъ сами союзники, сколько необстоятельность разсказа, столько свойственная и тому и другому историку. Не упоминая прямо о союзѣ, они тѣмъ не менѣе сами выводятъ его наружу, какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ событій.

зуясь обстоятельствами, также отложились отъ франковъ. Правда, что Карлъ Мартелъ, предупреждая новое нашествіе арабовъ, однимъ быстрымъ движеніемъ перенесъ свои силы изъ-за Рейна, гдѣ они дѣйствовали противъ саксовъ, на Рону, въ короткое время усмирилъ Бургундію, взялъ Авиньонъ и угрожалъ самой Нарбоннѣ, главному оплоту арабовъ въ Септиманіи. Битва подъ стѣнами Нарбонны кончилась пораженіемъ арабскаго ополченія, вновь пришедшаго изъ Испаніи, и только часть его, проникнувъ въ городъ, могла содѣйствовать его защитѣ противъ усиленныхъ ударовъ побѣдителя. Спѣша на сѣверъ, гдѣ спокойствіе еще не было довольно обезпечено, Карлъ рѣшился снять осаду и покончить наступательное движеніе. Но едва только франкскія дружины оставили Галлію, какъ въ покоренной странѣ возстаніе вспыхнуло съ новою силою. Поддерживаемые арабами, туземцы снова овладѣли Авиньономъ, выгнавъ оттуда франкскій гарнизонъ, и мало-по-малу возстановили независимость цѣлаго края. Впрочемъ эта мнимая независимость собственно только начинала собою переходъ отъ франкскаго владычества къ арабскому: подъ видомъ союзниковъ, воинственные арабы безъ сомнѣнія не замедлили бы утвердиться и въ Провансѣ, какъ они уже тверды были въ Септиманіи. Тогда они равно могли бы угрожать франкамъ на сѣверѣ и лангобардамъ на востокѣ. Первый понялъ всю важность опасности Карлъ Мартелъ, и далъ ее почувствовать и своему старому союзнику, Ліутпранду. Противъ общей опасности положили дѣйствовать соединенными силами. Въ то время, какъ Карлъ Мартелъ, только-что покончившій войну съ безпокойными саксами, устремился на Провансъ съ сѣвера и быстро подвигался во внутренность страны, отовсюду вытѣсняя арабовъ, Ліутпрандъ со всѣми своими силами ударилъ на нихъ съ востока и дѣятельно способствовалъ Карлу къ очищенію отъ нихъ горныхъ частей Прованса[1]).

[1]) Paul. Diac. VI, 54: Tunc Carolus legatos cum muneribus ad Liutprandum regem mittens, ab eo contra Saracenos auxilium poposcit. Qui nihil moratus, *cum omni Longobardorum exercitu* in ejus adjutorium properavit.—Походы Карла Мартела противъ арабовъ въ южную Галлію весьма отчетливо разсказаны Форіелемъ, въ его Hist. de la Gaule méridionale, t. III, ct. 25; ср. также Paquis, Hist. de l' Espagne, I, 277—279.—Объ участіи Ліутпранда въ походахъ противъ арабовъ упоминаетъ также его надгробная надпись:

Roma suas vires jam pridem milite multo
Obsessa expavit, deinceps tremuere feroces
Usque Saraceni, quos dispulit impiger, ipsos
Quum premerent Gallos, Carolo poscente juvari.

Успѣхъ былъ столь рѣшительный, что послѣ того арабы уже не переходили болѣе за Рону и едва держались въ Септимaніи.

Удаленіе Ліутпранда на западъ не могло не быть замѣчено врагами его на югѣ. Уводя съ собою свои главныя силы къ Провансу, онъ вмѣстѣ съ ними отодвигалъ отъ южныхъ областей и страхъ той грозы, которая постоянно тяготѣла надъ ними, пока онъ оставался въ Павіи. Предпріятіе же его, по самой его трудности, не обѣщало скораго окончанія. Поэтому мы думаемъ не сдѣлать ошибки, относя къ этому времени глухое извѣстіе лангобардскаго историка о возстаніи герцога Траземунда [1]). Только соображая послѣдующія обстоятельства, находимъ, что возстаніе никакъ не ограничивалось одною сполетскою областію, но что въ связи съ нимъ вѣроятно было и параллельное движеніе въ Беневентѣ, и что то и другое находили себѣ полное сочувствіе и въ самомъ Римѣ. Нашъ историкъ, временемъ очень скупой на подробности, едва въ состояніи дать намъ понятіе объ исходѣ предпріятія Траземунда. Изъ него видно только, что Ліутпрандъ пришелъ съ войскомъ въ Сполето, заставилъ Траземунда бѣжать въ Римъ и на его мѣсто поставилъ нѣкоего Хильдерика герцогомъ сполетскимъ [2]). Но ужъ самое предположеніе о томъ, что возстаніе разсчитано было на отсутствіе Ліутпранда, необходимо ведетъ за собою и другое—что по крайней мѣрѣ должно было пройти довольно времени, прежде чѣмъ онъ могъ оборотить назадъ свои силы и привести ихъ на мѣсто движенія. Итакъ есть большая вѣроятность, что предпріятіе Траземунда было гораздо важнѣе, нежели какъ можно бы заключать изъ лаконическаго извѣстія Павла Діакона, и что по крайней мѣрѣ въ началѣ оно должно было сдѣлать значительные успѣхи. Впрочемъ историкъ и самъ, кажется, даетъ средство пополнить себя, хотя изъ другого мѣста. Такъ въ предыдущей главѣ, сказавъ о походѣ Ліутпранда противъ арабовъ, онъ говоритъ о войнахъ, веденныхъ имъ противъ *римлянъ*, и вообще приписываетъ ему верхъ надъ ними, за исключеніемъ двухъ случаевъ. Замѣчателенъ особенно первый, изъ котораго узнаемъ, что однажды, *въ отсутствіе Ліутпранда*, римляне избили его войско въ Ги-

[1]) Id. VI, 55: His diebus Trasemundus contra regem rebellavit.—Мураторн приводитъ это событіе подъ 740 годомъ. См. Ann. ad an. 740.—[2]) Ibid: Super quem (Trasemundum) rex cum exercitu veniens, ipse Trasemundus Romam fuga petiit. In cujus loco Hildericus ordinatus est.

мини (in Arimino) [1]). Отмѣченное историкомъ отсутствіе Ліутпранда не можетъ относиться только къ тому городу, въ которомъ произошелъ упомянутый случай: гораздо основательнѣе предположить вообще удаленіе короля отъ театра дѣйствія, чѣмъ и воспользовались его противники, чтобы начать свое дѣло съ успѣхомъ. Когда же, въ этой эпохѣ, говорится о военномъ успѣхѣ, одержанномъ римлянами, тамъ трудно не подразумѣвать за ними и лангобардовъ сполетскихъ. Положимъ, что одно такое соображеніе еще не даетъ права расширять предѣлы предпріятія Траземундова; но, по счастію, мы не вовсе лишены возможности повѣрить нашу мысль объ этомъ событіи показаніями другого историка. Это нашъ вѣрный, хотя и не всегда искренній, руководитель въ исторіи отношеній Рима къ Константинополю, біографъ римскихъ епископовъ, Анастасій. Ни однимъ словомъ не упоминая о началѣ предпріятія, онъ не могъ избѣжать, чтобы не войти въ нѣкоторыя подробности объ его окончаніи, и подарилъ исторіи немногія, но драгоцѣнныя извѣстія. Каковы бы ни были первые успѣхи Траземунда и его союзниковъ въ возстаніи противъ Ліутпранда, но чрезъ нѣсколько времени онъ долженъ былъ уступить превозмогающей силѣ и искать себѣ спасенія въ стѣнахъ города Рима. Къ послѣднему обстоятельству и привязанъ разсказъ Анастасія [2]). Уже то самое, что римляне укрываютъ въ своихъ стѣнахъ крамольнаго горцога отъ преслѣдованій Ліутпранда, достаточно показываетъ ихъ тѣсныя связи съ бѣглецомъ. Позже узнаемъ мы отъ біографа, что вмѣстѣ съ римлянами равное участіе въ замыслахъ Траземунда принимали и беневентцы [3]). Не ясно только, въ какой мѣрѣ прилагается это извѣстіе къ настоящему случаю [4]). Ліутпрандъ, преслѣдуя своего врага, не хотѣлъ оставить его въ покоѣ даже и въ Римѣ; или можетъ-быть онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать почувствовать свой гнѣвъ и самимъ римлянамъ. По этому случаю —

[1]) Id. VI, 54: Multa idem regnator contra Romanos bella gessit, in quibus victor extitit, praeter quod semel in Arimino, *eo absente*, ejus exercitus caesus est, etc. Ср. Muratori Ann. ad an. 741.—[2]) Съ перваго взгляда этотъ разсказъ представляется случайнымъ у біографа, потому что онъ помѣщенъ въ жизни епископа Захарія, хотя по времени долженъ бы занять мѣсто въ жизни Григорія. Отсюда можно бы заключать о различномъ происхожденіи двухъ біографій; но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ важности самаго факта, приводимаго въ одной изъ нихъ, и еще наводитъ на ту мысль, что біографъ Григорія III имѣлъ желаніе скрыть участіе его въ дѣйствіяхъ Траземунда. Лишь по необходимости долженъ былъ онъ же, или другой біографъ, коснуться того же происшествія въ жизни Захарія.—[3]) См. ниже.—[4]) Ср. Paul. Diac. VI, 56.

говоритъ біографъ—не только римское герцогство, но и вся римская Италія пришла въ сильную тревогу [1]). Но тутъ больше, чѣмъ когда-нибудь, обнаружилась взаимность интересовъ, соединявшая римлянъ, римскія власти въ особенности, съ герцогомъ сполетскимъ. Они положили не выдавать его Ліутпранду даже въ случаѣ осады города и твердо устояли въ своемъ словѣ. Это важное рѣшеніе біографъ преимущественно приписываетъ епископу Григорію и дуку Стефану, вѣроятно имъ же поставленному для управленія римскою областью [2]). Конечно подъ ихъ вліяніемъ дѣйствовала и римская милиція, съ успѣхомъ защищавшая городъ во время осады Ліутпрандомъ. Раздраженный безплодностію своихъ усилій, король лангобардовъ отступилъ отъ Рима и обратилъ свой гнѣвъ на другіе города римской области, въ особенности же на патримоніи римской церкви. Четыре города, лежащіе въ сѣверной части герцогства, Амелія, Горта, Полимарцо и Блера, были даже взяты имъ въ полное владѣніе. Удовольствовавшись этою добычею, Ліутпрандъ возвратился въ Павію. Переходилъ ли онъ притомъ и предѣлы герцогства беневентскаго, нельзя рѣшить по нашимъ источникамъ.

Возвращеніемъ Ліутпранда оконченъ былъ походъ. Сказать ли, что вмѣстѣ съ нимъ приведено было къ окончанію и самое дѣло, которое на него вызвало, что цѣль похода была достигнута? Правда, что сполетинцы были усмирены, и король возвращался не съ пустыми руками; но пока оставался назади главный виновникъ всего движенія, успѣхи Ліутпранда не представляли ничего прочнаго. Тамъ, гдѣ былъ неутомимый Тразенундъ, всегда было мѣсто новой интригѣ и новому замыслу. Въ Римѣ же, гдѣ пока оставался изгнанный герцогъ сполетскій, едва ли даже не удобнѣе было составлять коалицію противъ Ліутпранда, чѣмъ въ самомъ Сполето [3]). Не

1) Ibid: Hic (Zacharias) invenit totam Italiam provinciam valde turbatam semel et ducatum Romanum persequente Liutprando Longobardorum rege ex occasione Trasemundi ducis Spoletini, qui in hanc Romanam urbem rege persequente refugium fecerat. — 2) Anast. ibidem. — 3) По одному обстоятельству можно бы даже подозрѣвать, что Тразенундъ имѣлъ себѣ одномышленниковъ въ самой Павіи. Павелъ Діаконъ въ той же самой главѣ, гдѣ говоритъ о возстаніи Тразенунда, разсказываетъ потомъ, что когда Ліутпрандъ, по возвращеніи своемъ въ Павію, опасно занемогъ, лангобарды провозгласили королемъ племянника его Гильдпранда. Выздоровѣвъ, Ліутпрандъ принялъ эту вѣсть съ неудовольствіемъ, однако долженъ былъ признать Гильдпранда своимъ соправителемъ. Событіе не подлежитъ сомнѣнію; но нашъ историкъ, кажется, и здѣсь погрѣшилъ противъ хронологіи, по своему обычаю перемѣшавъ годы и происшествія: разска-

забудемъ, что за Траземундомъ скрывалось другое очень важное лицо, котораго дѣятельное участіе въ его замыслахъ и вооруженіяхъ потому только мало выходитъ наружу, что оно, кажется не безъ намѣренія, скрыто біографомъ, главнымъ источникомъ для исторіи этихъ происшествій. Изъ него однако узнаемъ мы, что, по удаленіи Ліутпранда, Траземундъ держалъ совѣтъ съ римлянами, послѣ чего собралось все ополченіе римской области (собственно дуката) и двумя отдѣленіями направилось на герцогство сполетское[1]). Нужно ли объяснять, кого преимущественно должно разумѣть подъ именемъ римлянъ, съ которыми Траземундъ держалъ свой совѣтъ? Нужно ли напоминать, чей авторитетъ былъ столь силенъ въ римской области, чтобы двинуть все народное ополченіе и заставить его дѣйствовать въ пользу тѣхъ или другихъ видовъ? При всемъ своемъ нежеланіи сказать полную истину, біографъ, очевидно, высказываетъ гораздо болѣе, нежели сколько лежало въ его намѣреніи: Григорій III не менѣе самого Траземунда былъ заинтересованъ успѣхомъ его предпріятія и помогалъ ему всѣми зависящими отъ него средствами. Разумѣется, что тутъ не было никакого самопожертвованія въ пользу другого: римскій епископъ преслѣдовалъ при этомъ свои собственныя цѣли. Участіе беневентцевъ въ союзѣ Григорія III съ Траземундомъ на этотъ разъ выше всякаго сомнѣнія: оно согласно подтверждается двумя различными свидѣтельствами[2]). Поставленнаго Ліутпрандомъ герцога Григорія не было болѣе въ живыхъ (хотя неизвѣстно, была ли смерть его естественная или насильственная), а заступившій его мѣсто Годескалькъ, до конца своего правленія, явно держалъ сторону Траземунда и раздѣлялъ его политическіе виды. По всей вѣроятности самое это возвышеніе Годескалька состояло въ связи съ рѣшительнымъ перевѣсомъ римско-сполетской партіи въ Беневентѣ. Въ Сполето, хотя имъ

занный имъ случай относится еще къ 756 году. Доказательства см. у Муратори: Ann. ad an. 736, и 227 замѣчаніе къ Павлу Діакону. — [1]) Anast. ibidem: Trasemundus vero dux habito consilio cum Romanis, collectoque generali exercitu ducatus Romani ingressi sunt per duas partes in fines ducatus Spoletani.—[2]) Ibid: Quoniam et Beneventani et Spoletani cum Romanis tenebant.—Paul. Diac. VI, 56: Rex vero Liutprandus talia *de Spoleto sive Benevento* audiens, rursum cum exercitu Spoletum petiit. Союзъ sive очевидно не можетъ здѣсь имѣть значенія раздѣлительнаго. Это видно между прочимъ и изъ того, что, упомянувъ о возвращеніи Траземунда въ Сполето, историкъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о началѣ правленія Годескалька, о враждѣ котораго съ Ліутпрандомъ знаемъ изъ его же повѣствованія.

продолжалъ управлять все тотъ же герцогъ, поставленный королемъ лангобардовъ по изгнаніи Траземунда, конечно всего менѣе могло быть недостатка въ сочувствіи изгнаннику. Такимъ образомъ, располагая въ извѣстномъ смыслѣ силами трехъ важнѣйшихъ областей южной половины полуострова, союзники могли съ большею смѣлостію начать вновь войну съ Ліутпрандомъ и ожидать отъ нея болѣе рѣшительныхъ послѣдствій, чѣмъ отъ прежнихъ предпріятій Траземунда, когда еще силы не были довольно сосредоточены.

Начало дѣйствія было ознаменовано важными успѣхами со стороны союзниковъ. Предводительствуя римскимъ ополченіемъ, Траземундъ безпрепятственно вступилъ въ сполетскую область. Города, встрѣчавшіеся ему на пути, сдавались безъ сопротивленія—не изъ страха предъ римскою военною силою, какъ хочетъ увѣрить біографъ [1]), но изъ сочувствія къ общему дѣлу римлянъ и сполетинцевъ, какъ можемъ думать мы, соображая всѣ обстоятельства. Даже реатинцы не сдѣлали Траземунду никакого отпора. Изъ Реате онъ спѣшилъ прямо въ Сполето, откуда немедленно изгналъ соперника своего Хильдерика [2]). Когда же потомъ Ліутпрандъ, встревоженный успѣхами Траземунда, двинулся противъ него съ войскомъ, сполетинцы не допустили его даже до своихъ предѣловъ, но, соединившись съ римлянами, бодро встрѣтили его еще въ Пентаполисѣ (близъ Forum Sempronii), и по признанію историка лангобардовъ, нанесли ополченію короля довольно чувствительное пораженіе [3]). Особенно потерпѣла та часть войска, которая, подъ начальствомъ фріаульскаго герцога Рачиса, занимала самый Forum Sempronii. Только благодаря необыкновенной храбрости самого герцога, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Айстульфомъ и избранною дружиною долго выдерживалъ напоръ сполетинцевъ, лангобарды могли спастись отъ плѣна или конечнаго истребленія [4]).

---

[1]) Anast. ibid: Qui continuo timore ductus (ducti) prae multitudine exercitus Romani, eidem Trasemundo se subdiderunt Marsicani et Forconini atque Baluenses, seu Prinenses. — [2]) Если только Хильдерикъ не погибъ во время сопротивленія Траземунду. Paul. Diac. VI, 55: Trasemundus... Spoletum rediens, Hildericum *extinxit*. — Странно, что Мураторн (Ann. ad an. 740), встрѣчая то же самое извѣстіе у Кампелло (въ его Istoria di Spoleti), удивляется и спрашиваетъ, не взялъ ли онъ его изъ своей головы?—[3]) Id. VI, 56: Qui (Liutprandus) Pentapolim veniens, dum a Fano civitate Forum Sempronii pergeret, in silvam, quae in medio est, Spoletani se cum Romanis sociantes, magna incommoda regis exercitui intulerunt. — [4]) О подвигахъ Рачиса и брата его Айстульфа см. Paul. Diac. ibidem.

Эта первая неудача, какъ кажется, имѣла важное вліяніе на ходъ всей войны. Не въ характерѣ Ліутпранда было прійти въ уныніе отъ одной неудачи и отступиться отъ своего предпріятія, когда перевѣсъ былъ на сторонѣ противниковъ. Во что бы то ни стало, онъ долженъ былъ смирить Траземунда, или для него навсегда была потеряна вся южная половина полуострова. Но какимъ путемъ еще возможно было проникнуть въ Сполето, гдѣ Траземундъ снова властвовалъ безъ совмѣстниковъ? Сѣверные проходы (черезъ Пентаполисъ) были крѣпко заперты, и покушаться вновь овладѣть ими значило бы подвергать войско безполезному истребленію; сосѣдственная римская область была въ союзѣ съ герцогомъ, и путь чрезъ нее въ Сполето представлялъ тѣ же самыя трудности. Вообще, пока римляне дѣйствовали заодно съ сполетинцами, Тразему ндъ былъ неодолимъ. Этого нельзя было наконецъ не понять Ліутпранду, что если крамольный герцогъ снова усилился въ Сполето, то тѣ средства, которыя помогли ему подняться послѣ пораженія и даже держаться противъ короля, выходили главнымъ образомъ изъ Рима. Чтобы уничтожить вражду въ самомъ корнѣ, надобно было побѣдить волю того, кто двигалъ римскими ополченіями. Таковъ былъ повидимому планъ Ліутпранда, когда онъ, послѣ безуспѣшной попытки пробиться въ Сполето изъ Пентаполиса, рѣшился войти въ предѣлы римской области, и вездѣ, гдѣ только могъ, началъ прибирать къ рукамъ богатыя патримоніи римской церкви [1]. Какъ извѣстно, онѣ были разсѣяны почти по всей Италіи, и потому Ліутпранду очень не трудно было привести свой планъ въ исполненіе. Начавъ съ равеннской области, гдѣ—замѣтимъ мимоходомъ—въ это время вовсе

[1]) Объ этомъ не говорятъ ни Павелъ Діаконъ, который тотчасъ же послѣ разсказа о дѣлѣ при Forum Sempronii переходитъ къ низложенію Тразему нда (c. 57), ни Анастасій, едва упоминающій о приготовленіяхъ Ліутпранда къ походу въ римскую область; но чего недостаетъ у нихъ, то частію дополняется изъ собственныхъ писемъ Григорія III, писанныхъ имъ къ Карлу Мартелу. См. Duchesne, Hist. Franc. Scriptores, T. III.—Нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ многое преувеличено или представлено въ ложномъ свѣтѣ; но пока его показанія не находятся въ явномъ противорѣчіи съ извѣстіями другихъ источниковъ, нѣтъ достаточной причины отвергать ихъ какъ ложныя. Ср. Murat. Ann. ad an. 741.—Анастасій здѣсь крайне непослѣдователенъ: чтобы оправдать предстоящій разрывъ римскаго престола съ Тразему ндомъ, говоритъ объ отказѣ послѣдняго вознаградить римлянъ за потерю городовъ, отторженныхъ Ліутпрандомъ, а вслѣдъ за тѣмъ—о намѣреніи его начать войну съ римлянами! *Истина та, что для* разрыва достаточно было и послѣдней причины.

не видится присутствія экзарха, онъ безостановочно продолжалъ свое дѣло и внутри собственно римскихъ предѣловъ, наконецъ едва ли даже не въ окрестностяхъ самаго Рима. По способу веденія войны, свойственному тому времени, каждый шагъ лангобардовъ впередъ сопровождался грабежемъ и опустошеніями [1]. Терпѣли жители патримоній, лишаясь всѣхъ средствъ существованія, еще болѣе терпѣлъ самый Римъ, для котораго патримоніи были однимъ изъ главныхъ источниковъ продовольствія. Траземундъ не трогался съ мѣста, вѣроятно потому, что считалъ не безопаснымъ для себя оставлять свой постъ, который каждую минуту могъ подвергнуться нападенію непріятеля, а римская милиція одна не въ состояніи была бороться съ Ліутпрандомъ. Годескальку беневентскому конечно также было самому до себя. Наконецъ Римъ, если и не былъ обложенъ, то былъ отрѣзанъ со всѣхъ сторонъ отъ своихъ союзниковъ [2]).

Положеніе Рима было крайнее, вполнѣ безпомощное. Нельзя было сильнѣе уязвить того, кто управлялъ политикою Рима, какъ захвативъ патримоніи и, такъ сказать, выжавъ изъ нихъ весь сокъ. Сверхъ того горькаго чувства, которое накоплялось въ душѣ Григорія III по мѣрѣ успѣховъ противниковъ, тутъ еще выходило наружу болѣзненное ощущеніе собственника, у котораго почти въ глазахъ горѣли цѣлыя помѣстья, погибали годовые запасы, разрушалось обширное хозяйство, доставлявшее богатые доходы. Дѣло становилось какъ бы личнымъ. Римскій епископъ былъ оскорбленъ въ самыхъ чувствительныхъ своихъ интересахъ. Невозможность собрать силы союзниковъ, чтобы обрушить ихъ всѣ однимъ разомъ на голову врага, должно было поддерживать въ немъ болѣзненное ощущеніе и давать ему характеръ досады, раздраженія. Какъ ни скрыты отъ насъ не только мотивы, но частію и самыя дѣйствія Григорія III, нельзя однако не видѣть его страстной натуры. Чувство, запавшее разъ въ его

---

[1]) Сюда относятся слѣдующія мѣста посланія Григорія III къ Карлу Мартелу: Propterea coartari dolore in gemitu et luctu consistimus, dum cernimus id, quod modicum remanserat praeterito anno pro subsidio et alimento pauperum Christi, seu luminariorum concinnatione in *partibus Ravennatium*, nunc gladio et igni cuncta consumi a Liutprando et Hilprando regibus Langobardorum: sed in istis *partibus Romanis*, mittentes plura exercita, similia nobis fecerunt et faciunt, etc... Christianissime fili, jubeas—tuum fidelissimum missum dirigere, ut propriis oculis persecutionem, nostram et Dei ecclesiae humiliationem, et ejus rerum desolationem, et peregrinorum lacrymas conspiciat. См. Duchesne, III, 703—704.—[2]) Ср. *Murat. Ann. ad an. 741.*

душу, онъ питалъ въ себѣ до крайнихъ размѣровъ; онъ же былъ первый, который внесъ страсть въ борьбу римской Италіи съ королями лангобардовъ. Крайность положенія вызывала Григорія не на уступки, но на новыя крайнія усилія, а чтобы только, во что бы ни стало, сокрушить силы своего противника. Если у Ліутпранда было много настойчивости, твердой воли, то Григорій не уступалъ ему настойчивостію страсти. Руки ближайшихъ союзниковъ были связаны: такъ онъ искалъ себѣ новыхъ, хотя бы то за предѣлами Италіи, хотя бы привлечь ихъ въ Италію значило накликать на нее новое нашествіе. Возвращеніе къ союзу съ Восточною имперіею невозможно было для того, кто произнесъ самое рѣшительное слово въ разрывѣ съ нею; сверхъ всего Григорій III такъ мало способенъ былъ отказаться отъ старой вражды. Гораздо естественнѣе было обращеніе къ Западу, тѣмъ болѣе, что связи съ повелителями франковъ были завязаны еще со временъ Бонифація, что первый шагъ къ сближенію съ ними былъ сдѣланъ еще предшественникомъ Григорія III. Но тогда еще не настояло такой крайней нужды. Теперь же она близко подошла къ самому римскому престолу,—и почему было не обратиться ея именемъ къ тому, кто показалъ столько ревности къ христіанскому дѣлу, поборая арабовъ въ южной Галліи?

До насъ дошли положительныя извѣстія о двухъ римскихъ посольствахъ къ Карлу Мартелу и сохранились самыя посланія Григорія III, писанныя по этому случаю [1]). Оба посланія, какъ и слѣдовало ожидать, исполнены горькихъ жалобъ на притѣсненія со стороны лангобардскихъ королей (Ліутпранда и Гильдпранда), на опустошенія, производимыя ихъ войсками въ римскихъ предѣлахъ. Такъ велики бѣдствія всѣми оставленной римской церкви, писалъ Григорій III, что онъ оплакиваетъ ихъ слезами денно и нощно. Всѣ мотивы были приведены имъ уже въ первомъ посланіи, чтобы возбудить Карла къ скорой и дѣятельной помощи Риму противъ лангобардовъ. То онъ обращался къ его совѣсти и выражалъ свой страхъ, не будетъ ли грѣхомъ для Карла, если онъ замедлитъ помощію при видѣ такого несчастія; то подстрекалъ его самолюбіе, приводилъ конечно вымышленную похвальбу

[1]) См. Contin. Fredeg. ad an. 741 (Bouquet, II, 457); Annales Metenses, ad *an 741 (Duchesne*, III, 271). Murat. Ann. ad an. 741. Всѣ они согласно относятъ *оба посольства* къ означенному году.

лангобардскихъ королей, которая будто бы заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „пусть придетъ Карлъ, котораго вы такъ усердно зовете, и попробуетъ защитить васъ своими войсками: увидимъ, много ли ихъ уйдетъ отъ нашихъ рукъ [1])“. Не потеряно было изъ виду Григоріемъ и то, что Карлъ недавно еще былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Ліутпрандомъ и могъ отъ него узнать настоящій ходъ дѣлъ въ Италіи: поэтому, предупреждая всякое сомнѣніе въ душѣ Карла, Григорій, въ подтвержденіе своихъ словъ, указывалъ ему на свой авторитетъ, на истинность своего характера, и необинуясь, называлъ внушенія своихъ враговъ ложными. Тѣмъ же авторитетомъ Григорій прикрывалъ и своихъ союзниковъ, прямо говоря, что они *состоятъ въ союзѣ* съ римскою церковію и за то терпятъ гоненія отъ своего короля, что они всегда готовы были повиноваться Ліутпранду по древнему обычаю, и если въ истекшемъ году отказались вмѣстѣ съ нимъ сдѣлать нападеніе на римскіе предѣлы, то потому только, что, какъ они сами говорили, не хотѣли сражаться противъ святой церкви и нарушать ея миръ; что, однимъ словомъ, всѣ обвиненія, взводимыя на герцоговъ сполетскаго и беневентскаго королями лангобардовъ, есть сущая клевета, достойная обратиться на голову самихъ обвинителей. Вмѣсто всякаго доказательства на свои слова, Григорій утверждалъ, что за него ручается сама истина [2]). Такъ далеко завлекли римскаго епископа ненависть его къ Ліутпранду и желаніе сохранить неприкосновенность патримоній римской церкви; такъ искажался мало-по-малу тотъ высокій и чистый характеръ, который данъ былъ римскому престолу основателемъ его политическаго значенія въ Италіи, великимъ Григоріемъ. Обвиняя

---

1) Duchesne, ibid: Et timemus, ne tibi respiciat ad peccatum; quando nunc, ubi resident ipsi reges, ad exprobrationem nostram ita proferunt verba dicentes: adveniat Carolus, apud quem refugium fecistis, et exercita Francorum, et si valent, adjuvent vos, et eruant de manu nostra.—2) Ibid: Omnia enim falso tibi suggeruut, scribentes circumventiones, quod quasi aliquam culpam commissam habeant eorum duces, id est, Spolentinus et Beneventanus. *Sed omnia mendacia sunt*. Non enim pro alio (*satisfaciat tibi veritas*, fili) eosdem duces persequuntur capitulo, nisi pro eo, quod noluerunt praeterito anno de suis partibus super nos irruere, et, sicut illi (reges) fecerunt, res Sanctorum Apostolorum destruere et peculiarem populum depredare: ita dicentes ipsi duces, quia contra ecclesiam sanctam Dei ejusque populum peculiarem non exercitamus: quoniam et pactum cum eis habemus et ex ipsa ecclesia fidem accepimus; ideoque mucro eorum desaevit contra eos, etc.—Ср. съ этимъ то, что̀ Анастасій ставитъ въ вину Тразмунду, *намѣреваясь говорить* о союзѣ Захарія съ Ліутпрандомъ.

другихъ въ клеветѣ, Григорій III самъ позволялъ себѣ двойную ложь и клевету и выдавалъ то и другое за слово самой истины! Въ заключеніе онъ заклиналъ Карла Мартела именемъ „Бога живаго и истиннаго“ не жертвовать дружбѣ короля лангобардовъ любовію верховнаго изъ апостоловъ, и безъ всякаго замедленія поспѣшать на помощь и утѣшеніе его церкви. Это заключеніе было еще закрѣплено приношеніемъ особаго рода, которое имѣло характеръ символическій, и особенно въ глазахъ современниковъ не должно было остаться безъ значенія: вѣроятно имѣя въ виду примѣръ великаго своего предшественника, Григорій III также приносилъ въ даръ повелителю франковъ ключи, названные имъ ключами св. Петра, но уже не какъ предохранительное средство отъ разныхъ золъ и искушеній, а какъ священный символъ, которымъ освящалось право владѣющаго имъ даже на самый престолъ [1]). Палатные меры Франціи дѣйствительно имѣли нужду въ чрезвычайномъ освященіи своей власти, чтобы утвердить свое право передъ Меровингами. Указывать имъ на ключи, то-есть на власть св. Петра, или, точнѣе, его намѣстника, какъ обыкновенно называлъ себя римскій епископъ, не значило ли однако вводить ихъ въ сильное искушеніе?

Изъ франкскихъ лѣтописцевъ узнаемъ мы сверхъ того, что вызовъ, сдѣланный Григоріемъ III Карлу Мартелу, не ограничивался только требованіемъ временной помощи, но что съ нимъ соединялось еще предложеніе постояннаго союза между римскимъ престоломъ и повелителемъ франковъ. Лѣтописцы называютъ и самую форму, подъ которою должно было совершиться это соединеніе. По словамъ Фредегаріева продолжателя, Григорій III, конечно отъ имени всей римской Италіи, отрекался отъ подчиненія восточному императору и предлагалъ Карлу Мартелу титло *римскаго консула*. Другой же современный лѣтописецъ даетъ еще замѣтить, что это предложеніе по-

---

1) Ibid: Conjuro te in Dominum vivum et verum, et ipsas sacratissimas claves confessionis Sancti Petri, *quas vobis ad regnum dimissimus*, ut non praeponas amicitiam regum Langobardorum amori principis Apostolorum, etc. Ср. письмо Григорія I къ Хильдеберту, о которомъ выше, гл. V, стр. 136.—Слова „ad regnum“, по нашему мнѣнію, могутъ относиться только къ королевской власти въ государствѣ франковъ. По крайней мѣрѣ ни изъ одного мѣста посланій Григорія III не видно, чтобы онъ думалъ передать Карлу королевскую *власть надъ Италіею*: онъ хотѣлъ отъ него только покровительства Риму и въ *этомъ смыслѣ* переносилъ на него титло патриція.

слѣдовало отъ Григорія не безъ согласія народа, по крайней мѣрѣ высшаго сословія [1]). Сверхъ всего оно было подкрѣплено богатыми дарами. Несмотря на то, что въ собственныхъ посланіяхъ Григорія III предложеніе не выговорено прямо, нельзя отрицать его полной достовѣрности. Въ немъ Григорій III является послѣдователенъ самому себѣ. Онъ началъ съ того, что рѣшеніемъ римскаго сбора въ 732 году произнесъ церковное отдѣленіе римской Италіи отъ власти восточнаго императора: онъ оканчивалъ тѣмъ, что отдѣлялся отъ него и политически. Первое рѣшеніе влекло за собою второе, какъ необходимое слѣдствіе. Мысль о томъ, что римскій престолъ можетъ замѣнить собою власть, отъ которой отрѣшалась Италія, впрочемъ еще не приходила ясно къ сознанію ни даже въ самомъ римскомъ епископѣ: нужна была чрезвычайная сила обстоятельствъ, чтобы утвердилось понятіе о возможности соединенія духовнаго авторитета съ высшею свѣтскою властію. Фактъ въ этомъ случаѣ предупредилъ самую мысль. Григорій III дѣйствовалъ въ качествѣ человѣка, принимающаго близко къ сердцу интересы собственности римской церкви. Какъ патримоніи, а съ ними почти вся римская Италія, подвергались расхищенію и разоренію, то онъ искалъ имъ сильнаго покровителя, который бы вооруженною рукою могъ спасти ихъ неприкосновенность. Прежде ближайшимъ ихъ покровителемъ считался (хотя и рѣдко былъ на самомъ дѣлѣ) патрицій или экзархъ равеннскій, какъ намѣстникъ императора въ Италіи. Теперь же „экзархъ“ было только имя, безъ всякой силы и значенія. Итакъ римской церкви нуженъ былъ только новый, болѣе сильный и болѣе заботящійся объ ея интересахъ экзархъ. Кто бы онъ ни былъ, какое бы титло ни носилъ въ своей землѣ, для римской церкви онъ былъ бы только патриціемъ. Въ такой формѣ привыкли римляне представлять свои отношенія къ политической власти. Не невѣроятно также, что идея продолженія экзархата или патриціата потому еще казалась римскому престолу предпочтительнѣе идеи о власти императорской, что послѣдняя заключала въ себѣ мысль о не-

---

1) Chron. Contin. ad an. 741: Papa Gregorius... legationem... memorato principi destinavit, eo pacto patrato, ut a partibus imperatoris recederet, et *Romanum consulatum* praefato principi Carolo sanciret. — Ann. Metenses ad an. 741: Epistolam quoque *decreto Romanorum* principum sibi (Carolo) praedictus praesul Gregorius miserat, quod sese populus Romanus, relicta imperatoris dominatione, ad suam defensionem et invictam clementiam convertere *voluisset*.—Итакъ рѣчь не о договорѣ, но лишь о предложеніи.

посредственномъ пребываніи императора въ самомъ Римѣ (если не въ Константинополѣ), тогда какъ съ первою соединялось понятіе о дѣйствіи власти изъ извѣстнаго отдаленія. Но перейдя совершенно на почву Рима, эта оффиція принимала еще болѣе мѣстный колоритъ. Патрицій, избранный или призванный свободною волею римскаго народа, представлялся уже національному сознанію „римскимъ консуломъ". Мы увидимъ скоро, что франкскіе лѣтописцы недаромъ говорятъ о „консулатѣ": слово и понятіе, имъ выражаемое, дѣйствительно начинали снова входить въ жизнь и сознаніе италіанскаго народа. Но мы касаемся этого пункта лишь мимоходомъ.

Говорить ли, какъ важенъ былъ шагъ, сдѣланный Григоріемъ въ его посланіяхъ къ Карлу Мартелу? Хотя бы на первый разъ они и не произвели своего дѣйствія, въ нихъ однако заключалось начало поворота, который долженъ былъ отозваться черезъ всю будущую исторію цѣлой Италіи. Какъ заклинательная формула, они останавливали прежній историческій ходъ страны, процессъ ея внутренняго образованія изъ самородныхъ элементовъ, и, выбивая ее изъ естественной колеи, направляли на новые пути, которые безуклонно вели къ чужеземному владычеству. Отнынѣ римскій престолъ принималъ на себя новую отвѣтственность передъ Италіею. Какъ прежде, служа вѣрнымъ органомъ возникающей италіанской національности, онъ на нѣсколько вѣковъ связалъ ея судьбу съ судьбою Восточной имперіи; такъ теперь, подъ тѣмъ же предлогомъ вражды къ чужеземцамъ, дѣйствительно же въ интересѣ своей собственной власти, онъ затягивалъ узелъ новаго союза съ отдаленнымъ Западомъ, и еще разъ, но уже безъ особенной нужды, обрекалъ ее на существованіе постороннею помощію. Владычество лангобардское было заподозрѣно, оклеветано въ глазахъ италіанцевъ; самъ собою римскій престолъ не могъ составить политическаго центра для цѣлой Италіи; итакъ ея будущность заранѣе предоставлялась произволу франковъ и тѣхъ, которые бы наслѣдовали ихъ политическое могущество на Западѣ.

Ни просьбы, ни заклинанія, ни самые богатые дары, которыми Григорій III думалъ привлечь на свою сторону сильнаго повелителя франковъ, не имѣли однако желаемаго успѣха. Не помогло даже посредничество самого Бонифація [1].

---

[1]) См. Guizot, Hist. de la civilisation, II, 105. Въ 738 г. Бонифацій самъ былъ въ Римѣ. Могло случиться, что онъ болѣе всего содѣйствовалъ къ тому, чтобы утвердить Григорія III въ мысли обратиться за помощію къ повелителю *франковъ*. *Ibid.* p. 101.

Едва ли можно объяснить холодность Карла Мартела одною пріязнію его къ Ліутпранду. Въ рѣшеніи его конечно не послѣднюю роль занимали и расчеты чисто политическіе, которые воспрещали ему искать себѣ новыхъ враговъ извнѣ, когда внутри еще неустроеннаго государства и безъ того было много безпокойныхъ элементовъ всякаго рода. Не забудемъ сверхъ всего, что Карлъ доживалъ послѣдніе годы своей жизни и, по всей вѣроятности, чувствовалъ нужду въ покоѣ послѣ своей многолѣтней, тревожной дѣятельности. Однимъ словомъ, просьба Григорія III пришла не ко времени. Онъ лишь увеличилъ ею затруднительность своего положенія и всей римской области передъ королемъ лангобардовъ. Какого снисхожденія могъ онъ ожидать себѣ отъ Ліутпранда послѣ того, какъ самъ предпринималъ вооружить противъ него самыхъ вѣрныхъ его союзниковъ? Источники молчатъ о происшествіяхъ въ Италіи, непосредственно слѣдовавшихъ за посольствомъ Григорія III къ Карлу Мартелу; впрочемъ нѣтъ никакой причины сомнѣваться, чтобы стѣснительныя мѣры, еще прежде принятыя Ліутпрандомъ противъ Рима, въ особенности же противъ патримоній римской церкви, не были имъ увеличены по извѣстіи о сношеніяхъ римскаго престола съ главою франковъ. Изъ возможныхъ послѣдствій этихъ вновь завязанныхъ связей Григорію III досталось извѣдать лишь самое невыгодное: ему досталось испытать всю безпомощность положенія между двумя сильными покровителями, изъ которыхъ отъ одного успѣли уже отречься за его явнымъ недоброжелательствомъ, а съ другимъ еще не могли скрѣпить довольно тѣснаго союза, чтобы воспользоваться его пособіемъ въ случаѣ крайности. Среди огорченій, неразлучныхъ съ такимъ положеніемъ, умеръ Григорій III, оставляя по себѣ въ наслѣдство римской Италіи свою вражду къ лангобардамъ и несчастную мысль о необходимости новаго чужеземнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла полуострова.

Заступившій мѣсто Григорія III, Захарій нашелъ римскій престолъ въ крайнемъ положеніи: гнѣвъ оскорбленнаго завоевателя могъ каждую минуту низвести его на степень равную съ другими епископскими престолами въ Италіи. Оставляя на время лишнія притязанія, надобно было спѣшить спасать то, что еще уцѣлѣло отъ прежней власти въ этой неравной борьбѣ. Захарій же, какъ видно, былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ, чѣмъ его предшественникъ: онъ приносилъ съ собою на престолъ не страсть, не заклятую вражду къ

лангобардамъ, а осторожность и благоразуміе, внушаемыя страхомъ близкой опасности. Чтобы выпутаться изъ бѣды, нужны были однако скорыя и рѣшительныя мѣры. Опыты Григорія III доказали невозможность вновь создать въ короткое время или отыскать политическую силу, которая бы въ состояніи была остановить успѣхи Ліутпранда: итакъ обезоружить его не оставалось иного средства, какъ отнять у него всѣ поводы къ враждѣ. Однимъ словомъ, надобно было измѣнить всю прежнюю политику и стараться вступить въ тѣсный союзъ съ тѣмъ, кого до сего времени во услышаніе всѣхъ оглашали непримиримымъ врагомъ римской церкви. Захарій не задумался передъ такимъ планомъ и тотчасъ же открылъ сношенія съ Ліутпрандомъ. Расчетъ на его великодушіе и умѣренность даже въ самой побѣдѣ былъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ открытая вражда противъ него. Ліутпрандъ въ самомъ дѣлѣ не прочь былъ отъ мира; но послѣ того, что произошло въ послѣдніе годы, онъ хотѣлъ болѣе прочныхъ ручательствъ въ томъ, что римскій престолъ искренно хочетъ возстановленія добрыхъ отношеній. Соглашаясь возвратить занятые имъ города, король лангобардовъ требовалъ, чтобы римская милиція содѣйствовала ему въ покореніи герцоговъ южныхъ областей, которые въ союзѣ съ Римомъ стремились утвердить свою самостоятельность. Простыми словами, это значило вооружить римлянъ противъ ихъ же союзниковъ. Дѣло было противно народной чести, унизительно для самаго престола римскаго: но для спасенія его интересовъ Захарій рѣшился пожертвовать самою честію. Тогда, вѣроятно, чтобы прикрыть подобное дѣло благовиднымъ предлогомъ, придумано было поставить въ вину прежнимъ союзникамъ, что они не старались отнять у Ліутпранда занятые имъ города, принадлежащіе къ римской области. Договоръ между Захаріемъ и Ліутпрандомъ былъ заключенъ, и когда послѣдній двинулся съ войскомъ противъ Сполето, на пути дѣйствительно присоединилась къ нему и римская милиція [1]). Такъ много вѣсилъ на политическихъ вѣсахъ Италіи союзъ съ римлянами: только увѣрившись въ ихъ содѣйствіи, могъ Ліутпрандъ повести рѣ-

---

[1]) Обо всемъ этомъ мы знаемъ изъ краткаго и какъ бы съ намѣреніемъ сжатаго разсказа Анастасія. Ibid: Cujus sancti viri (Zachariae) admonitionibus inclinatus, praenominatas quatuor, quas a ducatu Romano abstulerat, civitates reddere promisit (rex). Dumque motione militum facta ad comprehendendum ducem Spoletanum, *conjungeret se exhortatione sancti viri exercitus Romanus in adjutorium praedicti regis*, egressi sunt.

шительный ударъ противъ непокорныхъ ему герцоговъ. Біографъ не скрываетъ, что этимъ содѣйствіемъ онъ обязанъ былъ не столько доброй волѣ самихъ римлянъ, сколько настояніямъ Захарія: они такъ привыкли ввѣряться руководительству своего епископа, что не хотѣли противорѣчить ему и въ этомъ важномъ случаѣ.

Внезапное отдѣленіе римлянъ дѣйствительно рѣшило судьбу герцоговъ. До сего времени союзная римская область служила имъ щитомъ противъ нашествія Ліутпранда; теперь же они должны были защищаться противъ соединенныхъ силъ римлянъ и лангобардовъ. Особенно безнадежно было положеніе герцога сполетскаго: владѣнія его вдругъ обнажились съ той самой стороны, откуда онъ считалъ ихъ наиболѣе загражденными. Ліутпрандъ не хотѣлъ терять благопріятной минуты: соединившись съ римскою милиціей, онъ немедленно вступилъ въ сполетскіе предѣлы. Тогда Траземундъ совершенно упалъ духомъ. Оставляя всякую мысль о сопротивленіи, герцогъ не трогался изъ Сполето до тѣхъ поръ, пока приближеніе Ліутпранда не заставило его выйти изъ города и принести королю свою покорную голову [1]). Эта вынужденная покорность впрочемъ не спасла его отъ опалы. По повелѣнію Ліутпранда, онъ былъ постриженъ въ монахи, и мѣсто его занялъ Анспрандъ, близкій родственникъ короля [2]). Къ чему клонилась послѣдняя мѣра, легко понять безъ дальнихъ объясненій. Передавая власть сполетскаго герцога въ вѣрныя руки, Ліутпрандъ хотѣлъ не только обезопасить подчиненіе ея себѣ на будущее время, но нѣкоторымъ образомъ стереть и ея прежній характеръ: вмѣсто герцога онъ хотѣлъ поставить въ Сполето какъ бы своего намѣстника,—система, которую лангобардскіе короли старались мало-по-малу проводить въ областяхъ своего государства еще со временъ Ротари.

Пока Ліутпрандъ, вѣрный своимъ стремленіямъ, такимъ образомъ дѣлалъ свое дѣло, союзникъ его, римскій епископъ не спускалъ съ него глазъ. Покореніе Сполето условливало собою возвращеніе городовъ римской области, занятыхъ лангобардами — одно, что еще могло нѣсколько вознаградить римлянъ за стыдъ измѣны ихъ прежнимъ союзникамъ. Между

1) Такъ Анастасій: Et dum ipse Trasemundus suam deceptionem conspiceret, egressus a Spoletana civitate sese praedicto tradidit regi. Павелъ Діаконъ говоритъ просто о низложеніи Траземунда.—2) Paul. Diac. VI, 57: At vero Liutprandus Spoletum perveniens, Trasemundum ducatu expulit, eumque clericum fecit. Cujus *in loco Liutprandum* (Ansprandum) suum nepotem constituit.

тѣмъ Ліутпрандъ не торопился исполненіемъ послѣдней статьи договора. Въ нечистой совѣсти римлянъ, точнѣе сказать—ихъ главнаго политическаго представителя, тотчасъ явилось опасеніе, что новый ихъ союзникъ можетъ поступить съ ними такъ же недобросовѣстно, какъ они сами поступили съ сполетинцами. Захарій пришелъ въ безпокойство, и чтобы выиграть время, пока Ліутпрандъ не сполна утвердился на югѣ (гдѣ еще оставался герцогъ беневентскій), спѣшилъ объясниться съ нимъ лично и потребовать отъ него немедленнаго исполненія остальной статьи договора. Понималъ онъ впрочемъ, что запугать Ліутпранда нельзя, и хотѣлъ лучше подѣйствовать на него своимъ духовнымъ авторитетомъ и даже внѣшнею важностію своего сана. Онъ выѣхалъ изъ Рима въ сопровожденіи многочисленнаго клира, какъ слѣдовало главѣ римской церкви [1]). Ліутпрандъ ожидалъ его въ Интерамнѣ, нѣсколько ниже Сполето, на крайнихъ предѣлахъ герцогства. Услышавъ о приближеніи Захарія, онъ напередъ выслалъ для пріема его своихъ сановниковъ, даже отрядилъ съ ними часть дружины, и наконецъ самъ выѣхалъ встрѣчать его на осьмой милѣ отъ Нарни. Въ самомъ Интерамнѣ готовился сверхъ того Захарію пріемъ еще болѣе торжественный. Здѣсь король встрѣтилъ его, при входѣ въ соборную базилику, со всѣмъ остальнымъ синклитомъ и со множествомъ войска, и потомъ провожалъ около полумили по выходѣ изъ церкви [2]). Можно ли было требовать большаго почета? Захарія очевидно принимали такъ, какъ онъ только могъ желать. Ліутпрандъ умѣлъ быть признательнымъ за помощь, оказанную въ нуждѣ. Ободренный такимъ лестнымъ пріемомъ, Захарій наконецъ отложилъ, кажется, всякое сомнѣніе въ искренности и добросовѣстности своего союзника и, успокоившись духомъ, даже позволилъ себѣ нѣсколько возвысить свои прежнія требованія. Съ своей стороны Ліутпрандъ, потому ли что римскому епископу дѣйствительно удалось подѣйствовать на него своимъ авторитетомъ, или что онъ былъ радъ, найдя въ преемникѣ Григорія III человѣка столь миролюбиваго, показалъ полную готовность выполнить его желанія. Первое требованіе

[1]) Anast. ibidem. — [2]) По словамъ Муратори, Ann. ad an. 742, по выходѣ изъ церкви король около полумили велъ подъ уздцы лошадь Захарія. Не беремся рѣшить, точно ли такой смыслъ скрывается подъ простыми словами *Анастасія*, изъ котораго почерпается извѣстіе объ этомъ происшествіи: *in ejus obsequium* rex dimidium fere milliarium perrexit.

касалось возвращенія городовъ. Ему было удовлетворено безъ всякаго противорѣчія. Но тутъ представлялось одно новое обстоятельство: кому и на чье имя могли быть возвращены занятые города? Они были отторгнуты отъ римской области, но возвращеніе должно было послѣдовать на имя лица или опредѣленной власти. Само собою разумѣется, что этой власти не пошли искать ни въ Равеннѣ, ни въ Константинополѣ. Захарій не даромъ присутствовалъ лично при сдѣлкѣ. Города не были возвращены—они были *принесены въ даръ* тому самому лицу, которое такъ желало ихъ возвращенія [1]). Было время, когда римскій епископъ не осмѣливался подписать мирнаго договора съ непріятелями Рима; теперь же цѣлый край, незадолго передъ тѣмъ принадлежавшій римской области, онъ принималъ прямо на свое имя, какъ приношеніе отъ великодушія побѣдителя! Не удивительно даже, что этими четырьмя городами увеличивалось число *патримоній* римской церкви. Такую мысль по крайней мѣрѣ внушаетъ разсказъ самого біографа, который вслѣдъ за тѣмъ исчисляетъ и многія другія патримоніи, въ томъ числѣ нарнійскую [2]), нѣсколько лѣтъ бывшія во владѣніи лангобардовъ, и при этомъ случаѣ опять уступленныя церкви св. Петра подъ видомъ дара или приношенія [3]). Сверхъ того Ліутпрандъ велѣлъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ, между которыми къ удивленію встрѣчаемъ, подъ новымъ именемъ „консуловъ", и четырехъ равеннскихъ гражданъ, и на цѣлыя двадцать лѣтъ утвердилъ миръ съ римскою областію. Еще нѣсколько дней, проведенныхъ вмѣстѣ съ королемъ въ Интерамнѣ, должны были окончательно утвердить Захарія въ той мысли, что онъ имѣетъ дѣло съ союзникомъ честнымъ и вполнѣ добронамѣреннымъ. При прощаньи Ліутпрандъ отправилъ съ нимъ одного герцога и нѣсколькихъ гастальдовъ, которые должны были сопровождать его въ пути и кромѣ того имѣли еще особенное порученіе—*ввести его во владѣніе четырьмя городами,*

---

[1]) Anastasius: Cujus piis eloquiis flexus et constantiam sancti viri et admonitionem admiratus, omnia, quaecunque ab eo petiit, per gratiam Spiritus Sancti obtinuit, et praedictas quatuor civitates, quas ipse ante biennium per obsessionem factam pro praedicto Trasemundo duce Spoletino abstulerat, eidem sancto cum eorum habitatoribus *redonavit viro.* Quas et *per donationem firmavit* in oratorio Salvatoris sito intra ecclesiam b. Petri Apostoli in ejus nomine aedificato.—[2]) См. выше, стр. 294, п. I.—[3]) Anastasius: Nam et Sabinense patrimonium, quod per annos prope triginta fuerat ablatum, atque *Narniense* etiam, et Auximanum, etc... *per donationis titulum ipsi beato Petro Apostolorum* principi reconcessit.

вновь принесенными въ даръ римской церкви [1]). Воля короля была исполнена въ точности, и Захарій возвратился въ Римъ очень радостный.

Ліутпранду оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы довершить покореніе южной лангобардской Италіи. Когда Римъ и Сполето болѣе не закрывали собою Беневента, этотъ шагъ уже не представлялъ большихъ затрудненій. Годескалькъ еще менѣе, чѣмъ Траземундъ, могъ отважиться на сопротивленіе силамъ короля. Едва заслышавъ о движеніи Ліутпранда къ Беневенту, онъ спѣшилъ сѣсть на корабль и вмѣстѣ съ женою бѣжать въ Грецію. Но враги Годескалька, которыхъ довольно было въ самомъ Беневентѣ, не дали ему исполнить и этого намѣренія. Онъ былъ убитъ въ ту самую минуту, какъ думалъ отправляться въ путь, и только жена его спаслась отъ погибели [2]). Тогда Ліутпрандъ безпрепятственно вступилъ въ Беневентъ, и силою своей королевской власти поставилъ здѣсь герцогомъ также своего *родственника.* Это былъ тотъ самый Гизульфъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за малолѣтствомъ былъ вызванъ имъ изъ Беневента въ Павію [3]).

Далѣе Ліутпрандъ не простирался. Главная мысль, которая столько лѣтъ лежала въ основаніи его политики, была осуществлена. Герцогская власть даже въ южныхъ областяхъ потеряла свою прежнюю самостоятельность. Вездѣ, въ Фріаулѣ, въ Клюзіумѣ, въ Сполето, въ Беневентѣ, герцогами были или близкіе родственники Ліутпранда, или преданные ему люди, которые, будучи его же созданіемъ, мало чѣмъ отличались отъ королевскихъ гастальдовъ. Никогда еще, отъ начала своего существованія, государство лангобардовъ не было такъ крѣпко своимъ внутреннимъ единствомъ. Теперь одна рука держала всѣ его силы и могла по своему усмотрѣнію направлять къ той или другой цѣли. Казалось, наступила пора, когда государственная власть лангобардовъ наконецъ

---

1) Idem: Alia vero die... vale faciens ei ipse rex misit in ejus obsequium Agiprandum ducem Clusinum *nepotem* suum, seu Tacipertum castaldium in ejus obsequium, et Ramingum castaldum Tuscanensem, atque Grimoaldum, qui eidem sancto viro *usque* ad praedictas civitates obsequium facerent, *easdemque civitates cum suis habitatoribus traderent*, quod et factum est.—2) Paul. Diac. VI, 57: Qui postquam uxorem et cunctam supellectilem suam in navim imposuisset, et novissime ille ascendere vellet irruentibus Beneventanis Gisulfi fidelibus extinctus est.—3) Id. VI, 58: Tunc rex Liutprandus Beneventum perveniens, Gisulfum suum nepotem *iterum in loco proprio* ducem constituit.

могла съ полною свободою обратиться ко внѣшнимъ предпріятіямъ и въ нѣсколько сосредоточенныхъ ударовъ выполнить и то, что̀ лежало какъ бы въ самомъ ея назначеніи и должно было имѣть великое вліяніе на судьбу цѣлой Италіи. Сосредоточеніе всѣхъ силъ лангобардскихъ подъ одною властію, повидимому, было зарею политическаго единства цѣлаго полуострова. Ліутпранду не удалось увѣнчать свою многолѣтнюю дѣятельность послѣднимъ вѣнцомъ. На тридцать второмъ году правленія онъ кончилъ свои тревожные дни, къ великой радости римлянъ, всего же болѣе—ихъ епископа, лишь двумя годами переживъ своихъ политическихъ сверстниковъ, императора Льва и Карла Мартела [1]. Впрочемъ, пока еще не постигла его смерть, въ мысли его уже рѣшено было и послѣднее предпріятіе: такъ необходимо условливалось оно успѣхомъ перваго. Въ 742 окончено было покореніе южной лангобардской Италіи, а въ слѣдующемъ году онъ уже угрожалъ Равеннѣ. Это былъ не случайный набѣгъ съ цѣлію воспользоваться беззащитнымъ положеніемъ равеннской области и оторвать отъ нея нѣсколько городовъ: Ліутпрандъ вполнѣ обдумалъ свое предпріятіе, онъ рѣшился овладѣть самою Равенною, и это его рѣшеніе, какъ и всѣ другія, носило на себѣ характеръ непреклонной твердости [2]. Онъ спустился до Чезены (Cesena), и обойдя Равенну кругомъ, готовился начать ея осаду. По этому случаю узнаемъ мы о присутствіи въ Равеннѣ патриція или экзарха, извѣстнаго намъ Эвтихія. Гдѣ онъ скрывался, въ какое время опять появился въ своей резиденціи, и чѣмъ держался въ ней, объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій; видно только, что онъ попрежнему былъ безсиленъ въ равеннскихъ стѣнахъ, и когда новая бѣда грозила городу и цѣлой области, онъ, вмѣсто всякихъ мѣръ, искалъ себѣ помощи и заступленія—въ Римѣ! Туда же обратились съ своими просьбами архіепископъ равеннскій и жители городовъ (конечно тѣ, которые были не-лангобардской партіи). Захарій не могъ не принять посредничества, потому что опасность, хотя не прямо, грозила и ему самому. Однако его посольство и дары не имѣли никакого дѣйствія: Ліутпрандъ стоялъ твердо на своемъ намѣреніи. Тогда, вспомнивъ объ успѣхѣ перваго своего свиданія съ королемъ лангобардовъ,

---

1) См. Paul. Diac. VI, 58; Anast. in vita Zachariae. Ср. Murat. Ann. ad an. 744.—2) Dura perseverantia—какъ выражается Анастасій, говоря о послѣднемъ предпріятіи Ліутпранда.

Захарій подвигнулся самъ изъ Рима, пробылъ нѣсколько времени въ Равеннѣ, и когда Ліутпрандъ не хотѣлъ принять и вторыхъ его пословъ, отправился въ самую Павію [1]. Это средство оказалось вѣрнѣе другихъ. Передъ авторитетомъ римскаго епископа и его краснорѣчивыми убѣжденіями не устояла рѣшимость Ліутпранда. Проведя нѣсколько дней съ Захаріемъ, онъ согласился оставить въ покоѣ Равенну и возвратить назадъ занятые имъ города. Рѣшеніе вынужденное, оно было принято имъ вѣроятно не безъ надежды возобновить предпріятіе при другихъ, болѣе удобныхъ обстоятельствахъ. Но, какъ мы сказали, смерть прекратила всѣ его замыслы,— лучше сказать, она передала его политическую мысль въ другія руки, на его ближайшихъ преемниковъ возложила дѣло ея осуществленія.

Въ ближайшемъ будущемъ предстояла развязка всего лангобардскаго вопроса. Онъ уже настолько созрѣлъ, что его рѣшенія не могли болѣе замедлить никакія перемѣны въ мѣстныхъ правителяхъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ рѣшеніи все не могло уже зависѣть отъ одной предпріимчивости и способностей преемниковъ Ліутпранда: было близко время, когда въ домашнюю вражду двухъ народностей, занимавшихъ италіанскій полуостровъ, должны были привзойти чужія, стороннія силы, и своимъ вмѣшательствомъ совершенно извратить естественный ходъ борьбы и—что особенно важно—самый ея исходъ.

---

[1]) Анастасій представляетъ это путешествіе въ видѣ нѣсколько чудеснomъ: по его увѣренію, на всемъ пути Захарій и его спутники были защищены *„облакомъ“*, которое прикрывало ихъ отъ жара.

X.

Открытая вражда между римскимъ престоломъ и государствомъ лангобардовъ. Рачисъ и Айстульфъ. Сношенія Стефана II съ Пепиномъ Короткимъ. Походы Пепина въ Италію. Даръ его римскому престолу.

Со времени римскаго собора 732 года освобожденіе отъ византійскаго владычества перестало быть главнымъ пунктомъ въ дѣлѣ самостоятельнаго политическаго развитія новой Италіи. Самое разрѣшеніе этого вопроса, по мѣрѣ того, какъ оно совершалось, больше и больше выводило наружу другую, чисто внутреннюю тяжбу между двумя туземными началами, которыя тогда дѣлили между собою господство на полуостровѣ. Тяжба далеко не новая: она вела свое начало еще отъ перваго лангобардскаго завоеванія. Католицизмъ много смягчилъ прежній рѣзкій характеръ вражды; но онъ не могъ совершенно убить противоположности, лежавшей въ ея основаніи. Изъ религіозной и національной, какою эта вражда была въ своемъ началѣ, она мало-по-малу перерождалась въ политическую борьбу. Родовыя отличія, раздѣлявшія двѣ народности новой Италіи, стирались съ каждымъ поколѣніемъ, и на мѣсто ихъ утверждалась новая противоположность между двумя учрежденіями, которыя, выросши на почвѣ этихъ различныхъ народностей, стремились подчинить себѣ отъ ихъ имени всю Италію. Начиная съ Ліутпранда и Григорія III, споръ былъ не столько между римскою и лангобардскою народностями, сколько между римскимъ престоломъ и государствомъ лангобардовъ. Кому изъ нихъ господствовать въ Италіи и быть ли въ ней одному политическому центру—о томъ былъ новый важный споръ, который своимъ рѣшеніемъ надолго долженъ былъ опредѣлить будущую судьбу полуострова.

Лишь повидимому упростился италіанскій вопросъ, принявъ такую форму. Въ сущности же подъ самою этою формою скры-

валась возможность еще большаго его усложненія. Какъ мы показали выше, борьба не могла быть ведена съ обѣихъ сторонъ чисто національными силами. Объ одномъ государствѣ лангобардовъ можно утверждать, что оно, преслѣдуя свои цѣли, не переставало дѣйствовать въ духѣ народномъ. Нельзя того же сказать о римскомъ престолѣ. Долгое время истинный представитель римской Италіи въ борьбѣ ея съ варварскими народами, онъ послѣднее время довольно чувствительно началъ отдѣлять интересы своихъ патримоній, своей собственности вообще, отъ интересовъ римскаго народа. Правда, что римскіе епископы старались отождествлять эти понятія на своемъ дипломатическомъ языкѣ, употребляя ихъ одно вмѣсто другого. Нельзя не признать, что такимъ смѣшеніемъ понятій очень вѣрно выражалось стремленіе извѣстнаго рода; но какъ мало оно соотвѣтствовало истинѣ существовавшихъ отношеній, можно судить уже по тому малому участію, которое принимала городская милиція во всѣхъ предпріятіяхъ римскихъ епископовъ со времени Григорія III. Въ борьбѣ съ единовѣрными лангобардами не было больше мѣста тому единодушію между римскимъ престоломъ и римскимъ народомъ, какое было во время ихъ же борьбы съ лангобардами-еретиками. На лангобардовъ беневентскихъ и сполетскихъ также нельзя было много полагаться послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ ихъ политическомъ состояніи при королѣ Ліутпрандѣ. Для исполненія *своихъ* видовъ римскій престолъ по необходимости долженъ былъ разсчитывать на постороннихъ, не-италіанскихъ союзниковъ, и мы видѣли, что онъ уже заготовлялъ ихъ себѣ на Западѣ. На воинственныхъ Каролинговъ, которые стояли тогда во главѣ франковъ, хотѣлъ онъ перевести право патриціата, или патроната, надъ римскимъ престоломъ и римскою церковію, которое до сего времени соединено было со властію восточныхъ императоровъ и ихъ экзарховъ надъ Италіею. Ибо еще не созрѣла мысль о возможности перенесенія этихъ правъ прямо на римскій престолъ: все еще нужна была посредствующая форма свѣтской власти, чтобы подъ ея именемъ онъ могъ благовиднѣе утверждать за собою самыя важныя ея преимущества. Впрочемъ, такъ какъ на первый разъ Каролинги не показали особенной готовности служить римскому престолу противъ лангобардовъ, то римскіе политики не считали за лишнее пріудержать на-время и то право на Римъ, которое еще оставалось за Восточною имперіею, чтобы противопоставить его *лангобардамъ* въ случаѣ перевѣса ихъ оружія. По крайней мѣрѣ

право, какъ уже ни мало было оно действительно, не встрѣ-
ю себѣ никакого явнаго противорѣчія въ римской Италіи;
архъ, хотя лишенный почти всякаго значенія, продолжалъ
ть въ Равеннѣ, и даже прямо съ Византіею вновь завя-
ы были изъ Рима сношенія при сынѣ Льва, Константинѣ,
я онъ наслѣдовалъ отъ отца вмѣстѣ съ властію и его ре-
іозныя заблужденія. Однимъ словомъ, запасая себѣ новыхъ
ьныхъ союзниковъ на Западѣ, Римъ еще не выпускалъ изъ
ихъ рукъ и тѣхъ нитей, которыя продолжали связывать
съ Востокомъ. Поэтому и политическимъ противникамъ
скихъ епископовъ, въ борьбѣ за преобладаніе въ Италіи,
збѣжно приходилось имѣть дѣло столько же съ ними са-
ми, сколько и съ покровительствующими имъ чужеземцами.
юда чрезвычайная трудность задачи для лангобардовъ, ко-
ые не могли ввести въ борьбу иныхъ силъ, кромѣ своихъ
ціональныхъ; отсюда же и новая запутанность въ положе-
Италіи, которая вмѣсто того, чтобы утверждать свою само-
ятельность и преуспѣвать въ стремленіи къ единству, при-
ждена была снова открыть къ себѣ входъ чужеземцамъ и
союзѣ съ ними еще разъ приготовлять себѣ участь зави-
цей провинціи.

Таковъ послѣдующій ходъ исторіи Италіи вплоть до на-
а IX столѣтія. Обозначивъ его въ общихъ чертахъ, мы по-
раемся на основаніи историческихъ свидѣтельствъ объяс-
ь и главныя подробности событій, которыми приготовлена
а печальная развязка отношеній между римскимъ престо-
ъ и лангобардами, и проложенъ путь франкскому влады-
тву на полуостровѣ [1]).

---

[1]) Послѣдующія событія въ исторіи Италіи, вплоть до паденія лангобард-
го государства, довольно общеизвѣстны; несмотря на то задача историка,
орый взялъ бы на себя пересмотрѣть ихъ по источникамъ, много затруд-
тся тѣмъ, что, за совершеннымъ отсутствіемъ чисто лангобардскихъ извѣстій,
ѣрка оказывается почти невозможною. Главный нашъ руководитель въ ис-
іи лангобардовъ, Павелъ Діаконъ, къ крайнему сожалѣнію, оканчиваетъ свои
ѣстія смертію Ліутпранда. Остается Анастасій съ своими біографіями рим-
хъ епископовъ. Прибавивъ къ его повѣствованію скудныя извѣстія современ-
ъ франкскихъ лѣтописцевъ, мы получимъ весьма немногое. Излагая исторію
ки исключительно по римскимъ и франкскимъ источникамъ, историкъ необ-
имо впадаетъ въ односторонность. По счастію, Codex Carolinus, или собра-
довѣренныхъ посланій римскихъ епископовъ къ Каролингамъ, даетъ возмож-
ть если не пополнить недостатокъ лангобардскихъ извѣстій, то по крайней
ѣ лучше узнать внутреннюю сторону событій. Опытъ разъяснить исторію от-
еній римскихъ епископовъ къ Каролингамъ при помощи этихъ посланій—сдѣ-

Эти событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Ни смерть Ліутпранда, ни миролюбивая политика епископа Захарія, который, наученный неудачными опытами своего предшественника, находилъ, что гораздо вѣрнѣе дѣйствовать на лангобардовъ силою слова, убѣжденіемъ, даже авторитетомъ, чѣмъ оружіемъ, и расположенъ былъ больше въ пользу союза съ византійцами, чѣмъ съ франками — ничто не могло остановить и даже замедлить на долгое время приближеніе роковой развязки. Желаніе мира на одной сторонѣ вовсе не было ручательствомъ сохраненія его на другой. Направленіе, указанное силамъ лангобардскаго народа Ліутпрандомъ, вытекало не изъ личныхъ только свойствъ этого короля: потребность его была заложена гораздо глубже. Захарій могъ жить въ мирѣ съ ничтожнымъ Гильдпрандомъ, пока тотъ пользовался титломъ короля лангобардовъ, но не въ состояніи былъ погасить воинственнаго духа, вновь пробудившагося въ цѣломъ народѣ. Мы, правда, лишены подробныхъ и обстоятельныхъ извѣстій о томъ, чтó происходило въ государствѣ лангобардовъ послѣ смерти Ліутпранда; тѣмъ не менѣе, однако, нѣкоторые почти несомнѣнные признаки ясно даютъ замѣтить, что лангобарды не были болѣе равнодушны къ великимъ начинаніямъ завоевателя Равенны, Сполето и Беневента. Продолженіе его дѣла стало потребностію народа, долгомъ правителя. Неспособность къ тому Гильдпранда была почувствована очень скоро, и, черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ вступленія, его уже не было болѣе на престолѣ [1]. Кѣмъ бы ни была ведена интрига противъ него, во всякомъ случаѣ выборъ его преемника былъ какъ бы знакомъ возвращенія государства къ началамъ внѣшней политики Ліутпранда. Между мужественными сподвижниками этого короля Рахисъ, или Рачисъ, герцогъ фріаульскій, занималъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. О подвигахъ Рачиса, равно какъ и брата его Айстульфа, не разъ говоритъ лангобардскій историкъ, видимо отличающій ихъ передъ другими вождями лангобардскаго ополченія [2]. Онъ былъ обыкновенно впереди въ бою съ непріятелемъ, ему поручались важные пункты обороны, и самое возведеніе его въ герцогское достоинство было прямымъ выраженіемъ особенной довѣренности къ нему Ліутпранда. Ввѣряя ему власть короля, ланго-

ланъ былъ въ довольно обширномъ объемѣ Эллендорфомъ, въ сочиненіи его „Die Karolinger, die Hierarchie und ihrer Zeit". Но авторъ слишкомъ увлекся своею ненавистію къ римскому іерархическому началу, и потому сочиненіе его скорѣе имѣетъ видъ памфлета, чѣмъ ученаго изслѣдованія.—[1]) См. Murat. Ann. *ad an. 744.*—[2]) Paul. Diac. VI, 51, 52 и 56.

барды хотѣли конечно не воздать только должное заслугамъ, но и видѣть на престолѣ человѣка наиболѣе способнаго удовлетворить требованіямъ національнаго чувства, гордаго недавними побѣдами. Жаль впрочемъ одного: какъ ни много отваги и предпріимчивости сохранилъ Рачисъ для своихъ лѣтъ, онъ принадлежалъ къ одному поколѣнію съ Ліутпрандомъ и дѣлилъ съ нимъ извѣстную его слабость — излишнюю уступчивость передъ католическими авторитетами, какъ это ясно показали послѣдующія событія.

Епископъ Захарій, какъ кажется, былъ довольно встревоженъ перемѣною, которая произошла на лангобардскомъ престолѣ, и хотѣлъ обезпечить себя подтвержденіемъ прежнихъ договоровъ со стороны Рачиса. Посольство Захарія незамедлило по этому случаю явиться въ лангобардскихъ предѣлахъ, и уступая его настояніямъ, просьбамъ, Рачисъ согласился подтвердить миръ съ римскимъ престоломъ еще на 20 лѣтъ [1]). Трудно судить, на сколько искренно было съ обѣихъ сторонъ это соглашеніе, и распространялось ли оно на всѣ владѣнія восточныхъ императоровъ въ Италіи, или только на римскую область, преимущественно на патримоніи римской церкви; можно лишь подозрѣвать, что на первое время новый король лангобардовъ самъ имѣлъ нужду въ мирѣ, чтобы напередъ упрочить свое несовсѣмъ вѣрное положеніе внутри государства. Но миръ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть продолжителенъ. Непрочность его обнаружилась въ самомъ скоромъ времени. Уже въ третьемъ году царствованія Рачиса встрѣчаемъ между немногими его постановленіями одинъ запретъ, который показываетъ, что лангобардское правительство очень недовѣрчиво начинало смотрѣть на нѣкоторыя частныя сношенія, происходившія между его подданными съ одной стороны, и Римомъ, Равенною, Сполето и Беневентомъ съ другой. Правителямъ областей и всѣмъ вообще людямъ въ государствѣ лангобардовъ воспрещалось подъ страхомъ тяжелаго наказанія сноситься чрезъ своихъ особенныхъ повѣренныхъ съ Римомъ и Равенною, точно такъ же, какъ съ франками, алеманнами и другими чужеземцами [2]). На нѣсколько времени потомъ историки

---

1) Anast. in vita Zachariae: Ad quem missa relatione ipse beatissimus Pontifex—usque ad viginti annorum spatium inita pace universus Italiae quievit populus.—Нѣтъ нужды замѣчать, что „quievit" здѣсь означаетъ не фактъ, но лишь pium desiderium автора.—2) Rachis Legg. § 5 (Rer. It. Scripp. T. I, P. 2, p. 87): Si quis Judex, aut quicunque homo missum suum praesumserit dirigere Romam, Ravennam, Spoletum, Beneventum, Franciam, Bajoariam, vel Alemanniam sine

оставляютъ насъ совершенно безъ всякихъ извѣстій о государствѣ лангобардовъ. За то вдругъ узнаемъ мы, къ изумленію нашему, что Рачисъ „съ великимъ негодованіемъ“ выступилъ противъ городовъ Пентаполиса, въ особенности же противъ Перуджіи, которую обложилъ со всѣхъ сторонъ и угрожалъ взять приступомъ [1]). Это было черезъ два года послѣ изданія постановленій, о которыхъ мы только-что упомянули. Насъ не удивило бы ни предпріятіе Рачиса само въ себѣ, ни быстрота его исполненія: первое легко объясняется обстоятельствами времени и извѣстною непрочностію мирныхъ отношеній между римскою Италіею и государствомъ лангобардовъ, второе—личностію самого короля. Но откуда это „сильное негодованіе“, съ которымъ онъ, говорятъ, устремился на осаду Перуджіи? Не высказываетъ ли такимъ образомъ біографъ, противъ своей воли, что причины, ускорившія разрывъ между римскою Италіею и Рачисомъ, могли быть скорѣе на сторонѣ римской, чѣмъ лангобардской? Ищемъ хотя приблизительнаго отвѣта на нашъ вопросъ у самого Анастасія и узнаемъ изъ него — о сближеніи, которое вновь произошло между Римомъ и Константинополемъ. Какъ можно судить по самому порядку разсказа, это случилось незадолго передъ движеніемъ Рачиса къ Перуджіи. Поводомъ служило слѣдующее обстоятельство. Императоръ Константинъ, едва вступивъ на престолъ, долженъ былъ бороться съ страшнымъ возстаніемъ, во главѣ котораго былъ родственникъ его Артабаздъ. Послѣдній привлекъ на свою сторону приверженцевъ иконопочитанія и при ихъ содѣйствіи утвердился въ самомъ Константинополѣ [2]). Нѣкоторое время торжество его казалось несомнѣннымъ. Уже онъ самъ былъ провозглашенъ императоромъ, а сынъ его — цезаремъ. Константинъ едва держался въ Малой Азіи. Въ это самое время прибыли въ Константинополь апокрисіаріи римскаго престола съ грамотами къ духовенству и императору.

---

jussione regis, animae suae incurrat periculum, et res ejus infiscentur. — Judices принимаемъ здѣсь за общее выраженіе для означенія герцоговъ и гастальдовъ.— Рядомъ съ Римомъ и Равенною упоминается Сполето и Беневентъ: это показываетъ, что положеніе ихъ все еще было исключительное, что въ нихъ оставалась партія, тяготѣвшая къ Риму, и что въ отношеніи къ нимъ короли считали необходимыми особенныя мѣры строгости.—Ср. Murat. Ann. ad an. 746. — [1]) Anast. ibidem: Ipsis itaque temporibus Ratchis Longobardorum rex ad capiendam civitatem Perusinam, sicut caetera Pentapoleos oppida, vehementi profectus est cum indignatione, quam et circumdans fortiter expugnabat. — [2]) См. Schlosser, *Gesch. der bilderstürm.* Kaiser, p. 204, et seqq.

Это былъ первый политическій шагъ Захарія, который возвращался къ союзу съ Восточною имперіею. Что впрочемъ такой шагъ вовсе не былъ внушенъ ему благопріятною перемѣною на константинопольскомъ престолѣ, можно видѣть изъ того, что посланіе къ императору написано было, по увѣренію біографа, еще на имя Константина [1]. Итакъ даже самое разномысліе съ Константиномъ въ предметахъ вѣры не могло отклонить Захарія отъ попытки сближенія съ нимъ. Успѣхъ Артабазда, означавшій собою и торжество иконопочитанія надъ его противниками, едва ли могъ противорѣчить видамъ римскаго епископа и его апокрисіаріевъ. Они остались въ Константинополѣ, хотя мы и не можемъ утверждать положительно, что они были въ прямыхъ сношеніяхъ съ Артабаздомъ [2]. Между тѣмъ обстоятельства мало-по-малу измѣнились въ пользу Константина. Артабаздъ былъ побѣжденъ, и Константинополь, послѣ долгой и упорной обороны, долженъ былъ сдаться его сопернику. Торжествуя, по византійскому обычаю, жестокими казнями и преслѣдованіями возстановленіе своей власти, Константинъ между прочимъ взыскался пословъ отъ римскаго престола, о которыхъ ему извѣстно было, что они имѣли порученіе на его имя. Послы были „найдены" (вѣроятно ихъ заставили скрываться ужасы, соединенные съ послѣднимъ переворотомъ) и представлены императору. Онъ принялъ ихъ благосклонно, и на требованія, представленныя ими отъ имени Захарія, изъявилъ свое полное согласіе. Эти требованія касались двухъ небольшихъ земель, которыя принадлежали къ числу имперскихъ доменовъ въ Италіи, и которыя теперь, по приказанію Константина, отходили во владѣніе римскаго престола, или становились его патримоніями [3]. Вотъ все, что узнаемъ изъ Анастасія о сношеніяхъ между Захаріемъ и Константиномъ. Но какъ предположить, что уступки, сдѣланныя императоромъ въ пользу римскаго престола, были совершенно безвозмездны? что имъ не предшествовало со стороны римскаго

---

1) Anast. ibid: Hic beatissimus vir juxta ritum ecclesiasticum et fidei suae sponsionem orthodoxam Synodicam ecclesiae misit Constantinopolitanae, simulque et aliam suggestionem dirigens serenissimo Constantino principi. — 2) Вопреки Шлоссеру, который, не знаю на основаніи какого показанія, утверждаетъ: der Papst aber erkannte den Schützer der Bilder und liess sich in freundliches Verkehr mit ihm (ibid. p. 205).—3) Anastasius:... et juxta quod b. Pontifex postulaverat, donationem in Scriptis de duabus mansis, quae Nymphas et Normias appellantur, juris existentes publici, eidem sanctissimo ac beatissimo Papae S. R. ecclesiae jure perpetuo direxit possidendas.—Ср. Murat. Ann. ad an. 743.

епископа какое-нибудь важное обѣщаніе, всего скорѣе — обѣщаніе вѣрности и союзъ противъ общаго врага? А подобная сдѣлка противъ кого могла быть направлена въ Италіи, какъ не противъ лангобардовъ? Трудно было лишь первое начало такого союза, ибо для того надобно было римскому епископу напередъ побѣдить извѣстное предубѣжденіе противъ императора-иконоборца; но какъ скоро сдѣланъ былъ этотъ первый шагъ, едвали чтó уже могло помѣшать Захарію сближаться еще болѣе въ видахъ и планахъ съ Восточною имперіею. Въ нѣсколько лѣтъ—считая отъ пребыванія повѣренныхъ Захарія въ Константинополѣ — искусно питаемая интрига могла распространиться очень далеко; изъ Рима она могла пустить свои вѣтви туда, гдѣ еще недавно была побѣждена мужествомъ Ліутпранда, въ Сполето и Беневентъ, и снова угрожать цѣлости лангобардскаго государства. Не даромъ же Сполето и Беневентъ показаны были въ числѣ тѣхъ городовъ Италіи, съ которыми воспрещено было сноситься лангобардамъ безъ особеннаго позволенія короля. Видно, что государству опять выростала опасность съ этой стороны, и что ему приходилось бороться съ римскою интригою даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ [1]).

Итакъ не удивительно, если наконецъ Рачисомъ овладѣло негодованіе и побудило его, нарушивъ обманчивый миръ, побѣждать римскую интригу открытою силою оружія. Взятіемъ Перуджіи онъ какъ будто хотѣлъ обезпечить себѣ проходъ къ Риму. Еще держалась Перуджія благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, но уже въ самомъ Римѣ были не свободны отъ страха. У многихъ были въ памяти нашествія Ліутпранда: они угрожали повториться снова. Римъ могъ быть спасенъ развѣ помощію союзниковъ; но на этотъ разъ ни въ Сполето, ни въ Беневентѣ не произошло никакого движенія въ пользу римлянъ; что же касается до греческой помощи, то она, какъ извѣстно, никогда не была довольно надежна, и если бы даже Константинъ имѣлъ добрую волю послать вспомогательное войско въ Италію, оно не могло бы поспѣть во-время. Самая быстрота лангобардскаго напора требовала со стороны римскаго епископа мѣръ скорыхъ и рѣшительныхъ. Тогда Захарій, для отвращенія опасности, грозившей Риму, а всего болѣе его власти, положилъ еще разъ испытать то средство, которое два раза такъ хорошо удалось ему по отношенію къ Ліутпранду.

1) *Ср. Türk*, Das langob. Volksrecht, p. 126.

Взявъ съ собою нѣсколько духовныхъ сановниковъ (Захарій не любилъ являться иначе, какъ во всей важности своего сана) и именитыхъ гражданъ римскихъ, онъ лично отправился къ стѣнамъ осажденнаго города, явился въ самый лагерь короля, щедрою рукою разсыпалъ передъ нимъ дары, наконецъ прибѣгнулъ къ увѣщаніямъ. Краснорѣчивое слово Захарія не замедлило оказать свое дѣйствіе: Рачисъ не устоялъ противъ его внушеній и снялъ осаду Перуджіи [1]). Выигранное сраженіе не могло бы лучше рѣшить хода войны: она была кончена вмѣстѣ съ осадою. Такой успѣхъ не надобно приписывать даже и въ половину дарамъ Захарія: корысть не могла имѣть сильнаго голоса, когда было поражено самое воображеніе короля лангобардовъ. Подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ увѣщаній римскаго епископа, въ душѣ Рачиса совершилось удивительное превращеніе. Отъ воинственныхъ предпріятій онъ вдругъ обратился къ мысли объ аскетическихъ подвигахъ. Новый энтузіазмъ, овладѣвшій Рачисомъ, быстро распространился и на все его семейство. Черезъ нѣсколько времени послѣ свиданія своего съ Захаріемъ, Рачисъ, сложивъ съ себя вѣнецъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми прибылъ въ Римъ простымъ странникомъ и довершилъ свое отреченіе отъ власти и міра принятіемъ монашескаго сана. Семейство послѣдовало его примѣру. Захарій могъ по справедливости гордиться своею побѣдою. Какъ ни неукратимъ былъ духъ Рачиса, какъ ни мало надежно было его обращеніе, совершившееся подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ, затворенный въ монастырѣ, нѣкоторымъ образомъ становился плѣнникомъ римскаго епископа.

Какою тайною владѣлъ Захарій, чтобы съ такою неотразимою силою дѣйствовать на воображеніе властителей лангобардовъ и покорять ихъ волю своимъ рѣшеніямъ, хотя бы то было во вредъ лангобардской національности, это, къ сожалѣнію, вопросъ, на который исторія могла бы отвѣчать лишь предположительно. Краткія извѣстія біографа походятъ больше на намеки, чѣмъ на опредѣлительныя показанія. Впрочемъ подобныя явленія, какъ внезапное отреченіе Рачиса отъ міра, лежали такъ-сказать въ самыхъ свойствахъ вѣка, выходили изъ его потребностей. До сихъ поръ христіанство, несмотря на чрезвычайные успѣхи его между германскими народами, существовало между ними больше какъ внѣшній обрядъ, чѣмъ глубокое внутреннее дѣйствіе. Но пребывая

---

1) Anast. *ibidem.*

внѣшнимъ образомъ въ христіанствѣ, сердца новыхъ людей мало-по-малу раскрывались и для воспринятія его внутренняго, духовнаго. На людей впечатлительныхъ дѣйствовало оно въ такомъ случаѣ особенно поразительнымъ образомъ, въ короткое время измѣняя всѣ ихъ наклонности и производя въ нихъ родъ нравственнаго отвращенія къ міру и ко всякой свѣтской дѣятельности. Примѣровъ много въ самой современности Рачиса. Такъ было напримѣръ съ Гунальдомъ, герцогомъ аквитанскимъ: сложивъ съ себя герцогское достоинство, онъ потомъ оставилъ и жену и удалился въ монастырь, съ твердымъ намѣреніемъ—суровыми подвигами отшельника успокоить свою встревоженную совѣсть. Спустя 25 лѣтъ онъ впрочемъ опять воротился въ свѣтъ и снова вступилъ въ бракъ съ своею прежнею женою. Еще поразительнѣе случай, который произошелъ въ самомъ семействѣ Каролинговъ. Одинъ изъ сыновей Карла Мартела, по имени Карломанъ, доселѣ не отличавшійся ни кротостію нрава, ни строгостію поведенія, вдругъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе оставить свѣтъ и затвориться въ монастырскомъ уединеніи—переворотъ, въ которомъ много участвовалъ знаменитый Бонифацій своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Въ 747 году Карломанъ явился въ Римъ, открылъ свое намѣреніе Захарію и съ его благословенія удалился сначала на гору Соракте, гдѣ устроилъ свой монастырь, а потомъ въ знаменитую обитель Монте-Кассинскую, чтобы еще далѣе быть отъ міра и всѣхъ его искушеній [1]). Впрочемъ впослѣдствіи и ему пришлось однажды оставить монастырь, чтобы ѣхать съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ во Францію.—Въ самомъ государствѣ лангобардовъ подобные случаи также были нерѣдки. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Рачиса, Ансельмъ, герцогъ фріаульскій, близкій его родственникъ по сестрѣ, тоже покинулъ свѣтъ и свое достоинство для иноческаго уединенія, и былъ строителемъ знаменитаго монастыря Фанано близъ Модены [2]).

При такомъ расположеніи умовъ, римскимъ епископамъ можно было торжествовать надъ своими противниками и безъ помощи оружія. Католицизмъ былъ въ ихъ рукахъ—средство могущественное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неотразимое. Правда, что онъ болѣе дѣйствовалъ на отдѣльныя лица, чѣмъ на самое учрежденіе: но такова была сила этого дѣйствія, что черезъ него останавливались или по крайней мѣрѣ значитель-

---

1) *См. Murat.* Ann. ad an. 747.—2) Ibid. ad an. 750.

но замедлялись и успѣхи самаго государства лангобардовъ. Захарій, нѣсколько разъ испытавъ на дѣлѣ могущество оружія, которымъ онъ владѣлъ съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ, не думалъ измѣнять своей политики и послѣ отреченія Рачиса, когда престолъ занялъ младшій братъ его Айстульфъ, также одинъ изъ самыхъ воинственныхъ и вѣрныхъ сподвижниковъ Ліутпранда. Уже одно имя новаго короля говорило противъ надеждъ римскаго престола, что отношенія между нимъ и государствомъ лангобардовъ измѣнятся къ лучшему; однако Захарій оставался спокоенъ и не принималъ никакихъ особенныхъ мѣръ на случай возобновленія опасности со стороны лангобардовъ. Видно, что самоувѣренность стала въ немъ сильнѣе чаемаго страха. Гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнія отношенія, занимало Захарія внутреннее домоуправительство римской церкви. Пока еще Айстульфъ не обнаруживалъ своихъ истинныхъ намѣреній, онъ, какъ ревностный хозяинъ, всего болѣе озабоченъ былъ приращеніемъ поземельной собственности своего престола [1]). Само собою разумѣется, что всѣ вновь пріобрѣтаемыя земли записывались прямо на имя св. Петра. Старая политика римскихъ епископовъ, которая мало-по-малу должна была привести къ тому, что подъ конецъ вся римская область по частямъ превратилась бы въ собственность римской церкви.

Политика осторожнаго дѣйствія почти безъ всякой другой видимой опоры, кромѣ католическаго авторитета, какъ ни вѣрно была разсчитана, не могла впрочемъ дать въ короткое время рѣшительныхъ результатовъ. Но, помимо воли тѣхъ, которые тогда управляли римскою политикою, событія, какъ будто сами собою спѣшили къ развязкѣ. Еще при жизни Захарія повстрѣчались два обстоятельства чрезвычайной важности, которыя вдругъ должны были подвинуть на нѣсколько стадій впередъ замедлившееся движеніе италіанской исторіи въ данномъ направленіи. Таково было, во-первыхъ, знаменитое посольство, прибывшее въ 751 году въ Римъ отъ Пепина, майордома франкскаго государства, съ знаменитымъ запросомъ къ римскому епископу: кому должно принадлежать преимущественное *право* на французскую корону—славному

---

[1]) Слѣдъ такого стремленія, кромѣ приведеннаго выше дара императора Константина, находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ Анастасія: Hic massas, quae vocantur Antrus et Formias, *suo studio jure b. Petri* acquisivit, quas et domos cultas statuit. Ibid. p. 114.

ли роду Каролинговъ, располагающему всею дѣйствительною властію въ государствѣ франковъ, или титулярнымъ королямъ меровингскаго происхожденія? Въ предѣлахъ того же года, хотя неизвѣстно за вѣрное—прежде или послѣ, совершилось и другое важное событіе, которое также должно было много содѣйствовать къ ускоренію хода внутренней исторіи Италіи: это—занятіе Равенны, городовъ Пентаполиса и Истріи войсками Айстульфа, короля лангобардовъ [1]). Попробуемъ объяснить оба событія, сколько позволяютъ краткія современныя свидѣтельства.

Первое событіе знаменовало собою важный поворотъ въ исторіи западной Европы вообще. Поворотъ произошелъ не во внѣшнемъ только направленіи, но въ самыхъ идеяхъ. До сихъ поръ римскій престолъ пробовалъ, въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, искать себѣ опоры на Западѣ, но безъ особеннаго успѣха: теперь, напротивъ, онъ самъ былъ взысканъ, какъ высшій авторитетъ въ католическомъ мірѣ, и притомъ съ той самой стороны, къ которой до сего времени напрасно обращался съ своими требованіями помощи. Въ свою очередь франки прибѣгали къ римскому престолу, прося его нравственнаго содѣйствія при рѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ: осязательный признакъ того, что римскій авторитетъ начиналъ пріобрѣтать вѣсъ въ политическихъ дѣлахъ даже за предѣлами Италіи.

Запросъ, сдѣланный римскому престолу, послѣдовалъ отъ Пепина и притомъ въ его собственномъ интересѣ, но онъ условливался почти всѣмъ ходомъ исторіи франковъ въ послѣднее время. Изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ германскими народами на римской почвѣ, государство франковъ носило въ себѣ наиболѣе залоговъ прочности. Его существованіе надолго было обезпечено постоянными и близкими отношеніями къ Германіи, откуда былъ къ нему непрерывный приливъ свѣжихъ силъ чисто германскаго происхожденія. Государство франковъ было неодолимо, ибо, распространяясь большею частію по галльской землѣ, оно впрочемъ имѣло своимъ широкимъ базисомъ едва не цѣлую Германію. Государство франковъ имѣло передъ собою великую будущность, ибо все больше и больше простиралось впередъ и утверждалось въ размѣрахъ той страны, которая служила ему основаніемъ.

---

[1]) Относительно года, въ которомъ случились упомянутыя событія, см. *Murat. Ann. ad* an. 751 и 752; ср. также Türk, Das lang. Volksrecht, p. 126.

Только ревность миссіонеровъ, въ то же время покорявшихъ Германію христіанству и римской церкви, могла равняться съ воинственною предпріимчивостію шефовъ и дружинъ франкскихъ, которые приходили, одни за другими, завоевывать ее мечомъ. Объ эту силу, которая закалялась въ постоянныхъ походахъ противъ сѣверныхъ германскихъ народовъ, оставшихся непокоренными, сокрушился и мощный ударъ арабовъ. Въ опасныхъ зарейнскихъ войнахъ образовались тѣ крѣпкія дружины, которыя побѣдили съ Карломъ Мартеломъ при Поатье и покорили вмѣстѣ съ нимъ южную Галлію [1]). Внутри государства остатки галлоримскихъ учрежденій еще боролись съ германскими, но тѣ принимали на себя неблагодарный трудъ, которые хотѣли покорить первымъ вольную натуру франковъ: они упорно противились всѣмъ покушеніямъ на дикую свободу ихъ необузданныхъ нравовъ. Меровинги лишь возбуждали противъ себя опасную вражду лейдовъ, когда хотѣли и ихъ подчинить условіямъ римскаго государственнаго порядка [2]). Чѣмъ больше входили въ кругъ римскихъ понятій, тѣмъ больше отчуждали отъ себя франкскую національность. Сохраняя за ними весь внѣшній почетъ, она мало-по-малу переносила свое уваженіе и свою довѣренность на другой родъ, который болѣе соотвѣтствовалъ ея воинственнымъ наклонностямъ. Работая неутомимо въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній къ ряду, Каролинги не только пріобрѣли популярное имя между франками, но и создали себѣ болѣе чѣмъ независимое положеніе въ государствѣ. Тѣнь, падавшая отъ ихъ славнаго имени на Меровинговъ, невыгодно засловяла послѣднихъ въ глазахъ народа. Рядомъ съ меровингскимъ престоломъ образовалось, подъ названіемъ майордомата, новое учрежденіе, располагавшее почти всѣми государственными силами. Таланты рода, который присвоилъ себѣ наслѣдственное право на должность майордома въ Австразіи и Нейстріи, какъ будто росли вмѣстѣ съ увеличивающимися трудностями ихъ положенія. Нашествіе арабское лишь доставило случай Каролингамъ покрыть себя новою славою и даже заслужить право на признательность со стороны націи. Въ эту трудную минуту, когда опасность грозила не только свободѣ народа, но и его вѣрованіямъ, не

---

[1]) Ср. Fauriel, Hist. de la Gaule méridionale, III, p. 111.—[2]) См. объ этомъ предметѣ въ особенности превосходное изслѣдованіе Lehuërou въ 1-мъ томѣ его Institutions mérovingiennes et carolingiennes.

кто, какъ Карлъ Мартелъ, спасъ Францію отъ двойного рабства. Передъ такою національною заслугою, какъ еще болѣе унижался и безъ того столько упавшій въ народѣ авторитетъ Меровинговъ! Побѣждая арабовъ, Каролинги наносили послѣдній тяжелый ударъ дому Хлодвига. Майордоматъ пріобрѣталъ значеніе, какого не имѣлъ и самый престолъ въ государствѣ франковъ. Чтобы увѣнчать свой подвигъ вѣнцомъ, Каролингамъ, повидимому, оставалось только устранить Меровинговъ—мысль, окончательно созрѣвшая при ближайшемъ преемникѣ Карла Мартела. Но когда надобно было приступить къ дѣлу, оказалось одно весьма важное сомнѣніе. Домъ Хлодвига былъ такъ-сказать сверстникомъ самому государству. По личному ничтожеству членовъ этого дома не трудно было устранить ихъ съ дороги: но чѣмъ было восполнить для себя недостатокъ историческаго *права*, которое неоспоримо оставалось за ними? откуда было Пепину взять то *полномочіе*, которое Меровинги вели прямо отъ народнаго избранія [1])? Какъ мы замѣтили выше, духъ времени особенно благопріятствовалъ возвышенію въ общемъ сознаніи духовныхъ авторитетовъ. Пепинъ былъ сынъ своего времени; съ воинственною предпріимчивостію, наслѣдованною имъ отъ отца, онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ его предшественниковъ, соединялъ духъ благочестивой готовности служить интересамъ церкви. Поборая саксовъ оружіемъ, Пепинъ, равно какъ и братъ его Карломанъ, въ то же время утверждали между ними сѣмена христіанства [2]). Но, между всѣми авторитетами католическаго міра, преимущество первенства безспорно принадлежало римскому. Ему подчинялась вся церковная Италія; о высокомъ значеніи его въ Испаніи можно судить по извѣстному рѣшенію сардинскаго собора; британская церковь была прямою отраслію римской; наконецъ св. Бонифацій посвятилъ цѣлую жизнь, исполненную высокихъ подвиговъ самоотверженія, чтобы подчинить римскому престолу всю просвѣщенную имъ Германію. Служить той же самой идеѣ Бонифацій имѣлъ случай и въ своихъ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Каролингами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ всего

---

[1]) Здѣсь кстати припомнимъ вѣрное замѣчаніе Гизо: Je l'ai fait remarquer plusieurs fois, et ne me lasse point de répéter, la force ne se suffit point à elle-même; elle veut quelque chose de plus que le succès, elle a besoin de se convertir en droit; elle demande ce caractère tantôt au libre assentiment des hommes, tantôt à la consecration religieuse.—Hist. de la civilisation en France, *II, p. 106.*—[2]) *См.* Ann. Metenses, ad an. 745, 753 etc.

болѣе содѣйствовалъ къ тому, чтобы направить виды Пепина на римскій авторитетъ [1]). По многимъ обстоятельствамъ Пепинъ былъ гораздо доступнѣе его вліянію, чѣмъ Карлъ Мартелъ. Не забудемъ, что это вліяніе могло начаться для Пепина еще въ то время, когда онъ былъ юношею, и слѣдовательно полонъ воспріимчивости для идей своего вѣка. Къ той же самой мысли приходимъ, стараясь объяснить себѣ побудительныя причины позднѣйшей дѣятельности Пепина во время пребыванія его въ Италіи. Поэтому посредничество Бонифація между нимъ и римскимъ престоломъ кажется болѣе, чѣмъ только вѣроятнымъ предположеніемъ. Запросъ Пепина, запросъ, внушенный потребностію права, высшаго освященія для власти, которою Каролинги уже располагали на дѣлѣ, приходилъ въ Римъ какъ нельзя болѣе во-время. У Рима, какъ мы видѣли, были свои нужды; Римъ еще прежде началъ искать союза съ Каролингами, и если возвращался снова къ Константинополю, то потому только, что на первый разъ не нашелъ себѣ между ними дѣятельнаго сочувствія. Вообще была нѣкоторая аналогія въ условіяхъ существованія двухъ учрежденій, изъ которыхъ каждое выросло подъ сѣнію другой власти и каждое хотѣло себѣ всѣхъ ея выгодъ, съ тою разницею, что одно нуждалось для своей цѣли болѣе въ матеріальной силѣ, а другое искало для себя нравственной опоры, духовнаго авторитета. Итакъ одна нужда подавала руку другой. Неудивительно, если при такихъ отношеніяхъ запросъ Пепина нашелъ себѣ въ Римѣ самое удовлетворительное разрѣшеніе. Захарій отвѣчалъ не медля, что тому, кто располагаетъ всею властію въ государствѣ, прилично носить и самое титло короля, и далъ совѣтъ вѣнчать Пепина на царство [2]). Имѣя на своей сторонѣ авторитетъ римскаго престола, Пепинъ отложилъ всѣ сомнѣнія и провозгласилъ себя королемъ франковъ. Торжественное вѣнчаніе, совершенное надъ нимъ Бонифаціемъ, окончательно утвердило за нимъ всѣ права, принадлежавшія до сего времени Меровингамъ.

Союзъ великой важности для всей исторіи западной Европы. Во-первыхъ—по тѣмъ моментамъ, которые онъ заключалъ въ себѣ. Отъ него начинается существенное измѣненіе въ публичномъ правѣ римско-германскаго міра: церковное освященіе высшей власти вмѣсто народнаго избранія; въ немъ же находимъ и первое признаніе римскаго авторитета въ выс-

---

[1]) Ср. Guizot, ibid. — [2]) См. Annales Einhardi, ad an. 749.

шемъ его значеніи со стороны политическихъ властей за предѣлами Италіи. Во-вторыхъ—по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ неминуемо вело заключеніе этого союза. Зачиналась тѣсная связь, основанная на взаимныхъ нуждахъ, между двумя учрежденіями, изъ которыхъ одно располагало большею частію матеріальныхъ силъ германскаго племени, а другое, въ качествѣ перваго духовнаго авторитета, имѣло вѣсъ во всѣхъ концахъ католическаго міра. Кому, какъ не имъ, или ихъ тѣсному союзу, принадлежало ближайшее будущее Европы?

Передъ этимъ союзомъ какъ малы были тѣ силы, которыми могло располагать государство лангобардовъ! Онѣ всѣ заключались лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ лангобардской національности. Тогда какъ франки, опираясь на Германію, постоянно расширяли область своей политической силы, лангобарды, заслоненные почти сплошною цѣпью Альповъ съ сѣвера, больше и больше уединялись отъ Германіи и заключались въ тѣсный кругъ своихъ италіанскихъ завоеваній. Даже тѣ родственныя и политическія связи, которыя прежде соединяли лангобардскихъ королей съ герцогами баварскими, и которыя особенно могли быть полезны имъ въ случаѣ борьбы съ франками, почти совершенно прекратились къ концу VII столѣтія.

Чѣмъ больше освоивались лангобарды съ италіанскою почвою и принимали въ себя римскихъ элементовъ, тѣмъ больше отчуждались они отъ своей прежней родины и отъ всего родственнаго имъ племени. Въ послѣднее время ихъ политическіе виды почти исключительно обратились на остальную Италію: они какъ будто торопились слиться въ одно съ цѣлою италіанскою національностію. Съ другой стороны, въ противоположность Риму, недостатокъ родственныхъ и племенныхъ связей лангобарды нисколько не старались вознаградить искусною политикою. Имъ было напримѣръ гораздо сподручнѣе заключить союзъ съ Каролингами, и представлялся къ тому довольно удобный случай при Ліутпрандѣ, когда онъ дѣйствовалъ дружно съ Карломъ Мартеломъ противъ арабовъ, занимавшихъ Провансъ; но это временное сближеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій: лангобарды и здѣсь дали обойти себя римскому престолу. О другихъ же, болѣе отдаленныхъ союзникахъ едва ли имъ можно было и думать. Такимъ образомъ въ самую рѣшительную минуту существованія государства, когда противъ него сбирались грозныя тучи *и уже облегали* половину политическаго горизонта, положе-

ніе его оказывалось крайне изолированнымъ: у него не было иныхъ средствъ вести борьбу, какъ силами чисто національными. Но не умерла прежняя бодрость духа, отвага и предпріимчивость лангобардовъ. Поколѣніе, выросшее при Ліутпрандѣ, окрѣпшее въ его походахъ, ни на минуту не теряло изъ виду его цѣлей, къ нимъ направляло всѣ свои стремленія. Впереди были сами вожди-короли народа, какъ бы наслѣдовавшіе прямо отъ Ліутпранда его лучшую мысль. Со дня на день живѣе чувствовалась необходимость утвердить на будущее время самостоятельность государства сліяніемъ его съ остальною Италіею. Внезапный оборотъ, которымъ кончилось предпріятіе Рачиса противъ Перуджіи, очень мало имѣлъ вліянія на политику преемника его, Айстульфа. Она измѣнилась только въ томъ отношеніи, что вмѣсто Рима поставила Равенну ближайшею цѣлію для лангобардскаго завоеванія. Это значило, что Айстульфъ приносилъ съ собою менѣе горячности, болѣе обдуманности на предпріятія. Еще въ завоевательныхъ планахъ Ліутпранда Равенна занимала самое первое мѣсто. Айстульфъ превосходно воспользовался этою мыслію, чтобы открыть свое собственное наступательное движеніе. Можетъ-быть его намѣренію благопріятствовала болѣзнь, а потомъ и самая смерть Захарія, послѣдовавшая около того же времени, и наконецъ то неизбѣжное замѣшательство, безъ котораго, хотя на короткое время, не могла обойтись ни одна перемѣна на римскомъ престолѣ. Какъ бы то ни было, Равенна была взята, повидимому безъ значительнаго сопротивленія, и вслѣдъ за нею заняты Айстульфомъ и всѣ города въ Пентаполисѣ. Греки не сдѣлали никакого усилія, чтобы отстоять свои старыя владѣнія въ Италіи. Императорскій намѣстникъ Эвтихій, до сего времени все еще проживавшій въ Равеннѣ, постыдно бѣжалъ передъ королемъ лангобардовъ, унося съ собою незавидную честь—послѣдняго экзарха, пережившаго паденіе экзархата и имѣвшаго несчастіе спасти свое имя отъ забвенія, которое одно достойно было покрыть собою его ничтожество. Успѣхи лангобардскаго оружія простерлись и на самую Истрію [1]). На всемъ сѣверо-западномъ берегу Адріатическаго моря имперія не сохранила ни одного оплота. Безславно, даже не дѣлая большого шума, приходила къ концу безсильная власть ея надъ Италіею, и государство лангобардовъ принимало отъ нея экзархатъ какъ бы свое законное наслѣдіе.

[1]) См. Murat. Annal. ad an. 752.

Исполнялась мысль Ліутпранда. Завоеваніе не могло остановиться на предѣлахъ равеннской области и Пентаполиса: здѣсь было только его начало, а окончаніе—развѣ въ Римѣ и въ Неаполѣ. Таковъ былъ полный планъ Айстульфа, и какъ скоро удалась первая его половина, завоеватель не видалъ болѣе никакой причины отлагать исполненіе другой. Съ Равенны, уже взятой и покоренной, опасность переходила на Римъ. Между тѣмъ въ Римѣ произведены были выборы: мѣсто умершаго Захарія занялъ Стефанъ II. Насколько этотъ выборъ приспособленъ былъ къ обстоятельствамъ времени, неизвѣстно за вѣрное. Знаемъ только, что избранный былъ родомъ римляниннъ и, оставшись еще въ дѣтствѣ сиротою, былъ взятъ въ Латеранскій дворецъ, гдѣ и провелъ свою молодость такъ-сказать на глазахъ Григорія III и Захарія, предшественниковъ его на римскомъ престолѣ [1]. Едва прошло два мѣсяца послѣ избранія Стефана, какъ усиленный напоръ со стороны лангобардовъ заставилъ его немедленно озаботиться принятіемъ необходимыхъ мѣръ для предотвращенія опасности. Въ политикѣ новаго епископа Рима сначала видно еще нѣкоторое колебаніе. Начавшіяся связи съ Каролингами еще не внушали полной довѣренности; никто въ Римѣ не могъ сказать заранѣе, какъ далеко простиралась готовность преемника Карла Мартела служить интересамъ римскаго престола. Къ тому же едва ли было достаточно времени, чтобы обсылаться посольствами. Неуклонно подвигаясь впередъ, Айстульфъ началъ уже занимать города, лежавшіе въ римской области. Лангобардское нашествіе подвигалось къ самому Риму [2]. Стефану II почти не оставалось другого выбора, какъ принять образъ дѣйствій своего предшественника. Самъ впрочемъ онъ не рѣшился явиться въ лагерь Айстульфа, но отправилъ отъ себя своихъ первостепенныхъ чиновниковъ, чтобы условиться съ королемъ лангобардовъ о мирѣ: личный талантъ Захарія, очевидно, не перешелъ вмѣстѣ съ саномъ, по наслѣдству, къ его преемнику. Вѣроятно, посламъ поручено было сначала испытать то средство, которое такъ дѣйствительно было въ рукахъ послѣдняго епископа Рима, но на случай неуспѣха въ

---

[1] Anast. in vita Stephani II.—Собственно послѣ Захарія избранъ былъ одинъ пресвитеръ, по имени также Стефанъ; но онъ оставался на престолѣ не болѣе двухъ дней и умеръ до посвященія, отчего и не вносится въ число римскихъ епископовъ. Ср. Muratori, ibidem.—[2] Anast. ibid: Inter haec vero dum magna persecutio a Longobardorum rege Aistulfo in hac Romana urbe, vel sub*jacentibus ei ci*vitatibus extitisset, etc.

хъ же распоряженіе отдавались еще другія, болѣе матеріаль-ыя убѣжденія. Излишняя впечатлительность Рачиса, какъ идно, не была удѣломъ его брата: гораздо сильнѣе подѣй-твовали на него подарки, привезенные римскими послами, ѣмъ ихъ краснорѣчивыя увѣщанія. Обольщенный римскою цедростію, онъ и самъ хотѣлъ быть щедръ—по крайней мѣрѣ іа обѣщанія, и отпустилъ пословъ съ тою увѣренностію, что цѣль ихъ посольства вполнѣ достигнута: они въ самомъ дѣлѣ ривезли съ собою въ Римъ извѣстіе, что между римскимъ рестоломъ и королемъ лангобардовъ состоялся миръ—на цѣ-ыя сорокъ лѣтъ [1]).

Прочности вновь заключеннаго мира едва ли вѣрили и ъ Римѣ; что же касается до Айстульфа, то его терпѣнія не тало и на одинъ годъ: не больше какъ черезъ четыре мѣ-яца послѣ переговоровъ съ римскими посланными, неизвѣст-о подъ какимъ предлогомъ, онъ ужъ снова грозилъ Риму и сей области. Нападеніе произошло со стороны Сполето—изъ его можно заключать, что это герцогство попрежнему оста-алось въ составѣ лангобардскаго государства [2]). Въ намѣ-еніяхъ Айстульфа не могло быть болѣе никакихъ сомнѣній; нъ шелъ присоединить римскую область къ своимъ владѣ-іямъ и ужъ заранѣе облагалъ ея жителей поголовною да-ію, которая должна была свидѣтельствовать объ нхъ покор-ости завоевателю [3]). Стефанъ II, до послѣдней минуты со-тоявшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ императоромъ, въ жиданіи отъ него несбыточной помощи, былъ застигнутъ расплохъ новымъ лангобардскимъ нападеніемъ. Не дожи-аясь болѣе никакихъ сообщеній изъ Константинополя, онъ олженъ былъ наскоро отправить отъ себя двухъ аббатовъ ъ лагерь Айстульфа, чтобы тѣми или другими средствами асположить его къ миру. Къ удивленію, король не хотѣлъ нимать никакимъ предложеніямъ: богатые дары такъ же ало дѣйствовали на него, какъ и слова. Онъ принялъ по-ловъ „съ презрѣніемъ“ и, отпуская отъ себя, совѣтовалъ имъ овсе миновать Римъ и отправляться прямо въ свои мона-

---

1) Ibid: Qui praefati viri ad eum (regem) convenientes, impartitis muneribus, uo *facilius eadem pro re apud eum impetrarent*, in quadraginta annorum spatio acis foedus cum eo ordinantes confirmaverunt.—2) Ibid: At vero isdem protervus ongobardorum rex—ipsa foedera pacis post poene quatuor menses in perjurii cidens reatum disrupit.—3) Ibid: Per unumquodque sc. caput singulos auri so-dos annue inferre inhiabat, et suae jurisdictioni civitatem hanc Romanam, vel ubjacentia ei castra *subdere* indignanter asserebat.

стыри. Не одна твердая настойчивость Айстульфа сказалась въ такомъ отвѣтѣ: въ немъ слышалась еще несомнѣнная увѣренность въ близкомъ исходѣ всего предпріятія. Айстульфъ былъ правъ отчасти: онъ не видалъ передъ собою никого, кого бы могъ считать достойнымъ соперникомъ. О борьбѣ съ франками онъ могъ думать всего менѣе, когда еще и самъ Стефанъ не помышлялъ объ ихъ содѣйствіи. Также безуспѣшно было и второе посольство, сопровождавшее императорскаго силенціарія, по имени Іоанна, который въ это время прибылъ въ Римъ съ порученіемъ требовать отъ Айстульфа, при содѣйствіи римскаго епископа, возвращенія занятыхъ лангобардами земель въ римской Италіи [1]). Время отъ времени имперія считала неизлишнимъ напоминать о существованіи своихъ правъ на италіанскія владѣнія; но Айстульфъ зналъ настоящую цѣну ея требованіямъ, не подкрѣпленнымъ никакою дѣйствительною силою, и отвѣчалъ на нихъ только-что не презрѣніемъ. Онъ отдѣлилъ римское посольство отъ византійскаго, отослалъ первое назадъ безъ всякаго удовлетворенія, а со вторымъ отправилъ въ Константинополь своего собственнаго повѣреннаго, чтобы вести тамъ отдѣльные переговоры съ имперіею. Послѣднее распоряженіе конечно сдѣлано было также не безъ особенной цѣли: нечего было и думать о томъ, чтобы Айстульфъ добровольно отказался отъ своихъ завоеваній; итакъ переговоры съ имперіею могли быть ведены развѣ объ уступкѣ *правъ* ея на экзархатъ и на всю римскую область лангобардскому престолу, который съ своей стороны могъ предложить за нихъ денежное вознагражденіе. Это обстоятельство, какъ скоро оно дошло до свѣдѣнія Стефана, встревожило его еще болѣе: чтобы предупредить Айстульфа, онъ и самъ, ни мало не медля, отправилъ пословъ въ Константинополь и черезъ нихъ умолялъ императора—не откладывать далѣе давно обѣщанной помощи, но поспѣшить съ войскомъ на защиту Рима и исхитить его

---

[1]) Anast. ibid: Et dum haec agerentur, conjunxit Romam Ioannes, imperialis silentiarius, deferens eidem sanctissimo Pontifici regiam *jussionem*, simulque et aliam ad nomen praedicti regis *impii* detulit adhortationis annexam *jussionem*, ut reipublicae loca diabolico ab eo usurpata ingenio, proprio restitueret dominio. Требованіе относилось, безъ сомнѣнія, не только къ городамъ римской области, но и ко всему экзархату. Имперія сохранила еще настолько важности, чтобы посылать *требованія* даже королямъ лангобардовъ; за то впрочемъ все дѣло только и ограничивалось одними требованіями. Замѣчательно также, что въ разсказѣ біографа эпитетъ „impius" прилагается не къ еретическому императору, который продолжалъ съ ожесточеніемъ преслѣдовать иконы, но къ *католическому* королю Айстульфу, какъ врагу римскаго престола.

и цѣлую Италію изъ рукъ „сына нечестія“ [1]). До того наконецъ измѣнились отношенія, что король лангобардовъ, начиная переговоры съ восточнымъ императоромъ, наводилъ тѣмъ страхъ на римскаго епископа, и что послѣдній, ища покровительства еретика, въ то же время называлъ сыномъ нечестія единовѣрнаго съ собою короля, который ни въ чемъ не отступалъ отъ католической церкви.

Но не отъ Константинополя было ждать рѣшенія національнаго италіанскаго вопроса. Пока дипломатія дѣлала свое дѣло, Айстульфъ, гораздо больше полагавшійся на силу своего меча, чѣмъ на все искусство переговоровъ, продолжалъ безостановочно свое наступательное движеніе, и чѣмъ ближе подвигался къ Риму, тѣмъ грознѣе становился языкъ его въ отношеніи къ римлянамъ. Подъ страхомъ приближающейся грозы и въ ожиданіи вѣстей изъ Константинополя, епископъ Стефанъ собиралъ народъ, установлялъ общественныя моленія и совершалъ торжественныя религіозныя процессіи по городу. Въ одной изъ такихъ процессій онъ самъ шелъ босыми ногами, неся на рукахъ нерукотворное изображеніе Спасителя, и въ заключеніе всего привязалъ ко кресту договоръ свой съ Ліутпрандомъ, нарушенный послѣднимъ [2]). Если подобный образъ дѣйствія и не приводилъ прямо къ цѣли, то по крайней мѣрѣ онъ возбудительно дѣйствовалъ на народъ: во множествѣ стекались римляне на установленныя Стефаномъ процессіи, и посыпая головы пепломъ, съ воплями и плачемъ шли во слѣдъ своему епископу. Къ несчастію Стефана, все это искусственное движеніе, произведенное имъ въ Римѣ, нисколько не дѣйствовало на самого Айстульфа, противъ котораго оно главнымъ образомъ было направлено, какъ противъ нечестивца и богохульца (blasphemum); не болѣе трогали его и „безчисленные дары“, которые въ то же время не переставалъ разсыпать передъ нимъ римскій епископъ, въ своей неусыпной заботливости о потерянной паствѣ равеннской [3]); наконецъ, что касается до помощи, такъ „давно обѣщанной“ изъ Константинополя, то о

---

1) Ibid: Tunc praefatus s. vir *agnito maligni regis consilio* misit in regiam urbem suos missos et apostolicos affatus cum imperiali praefato misso, deprecans imperialem clementiam, ut *juxta quod ei saepius scripseret*, cum exercitu ad tuendas has Italiae partes, modis omnibus adveniret, et de *iniquitatis filii* morsibus Romanam hanc urbem et cunctam Italiam provinciam liberaret.—2) Anast. ibidem (p. 118).—3) Слова Анастасія: Immensis vicibus innumerabilia tribuens munera—deprecaretur pro gregibus sibi a Deo commissis et perditis civibus, sc. pro universo exarchatu Ravennae.

ней не было вовсе никакихъ слуховъ, и съ каждымъ днемъ исчезала надежда когда-нибудь увидать ее въ Италіи [1]). Послѣднее обстоятельство болѣе всего огорчало и приводило въ уныніе поборниковъ римской независимости. Невозможность борьбы съ лангобардами безъ посторонней помощи ни для кого уже не была тайною въ Италіи. Еще нѣкоторые твердые пункты пока задерживали лангобардовъ, но отъ ихъ наѣздовъ уже не безопасны были самыя окрестности Рима [2]). Истощивъ всѣ средства, которыя отъ него зависѣли, Стефанъ II искалъ вокругъ себя совѣта и вразумленія: весьма понятное недоумѣніе овладѣло имъ передъ тѣмъ, какъ надобно было сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ. Въ это время очень кстати подоспѣлъ совѣтъ одного чужеземца, проживавшаго въ Римѣ. Надобно полагать, что этотъ чужеземецъ былъ родомъ франкъ, потому что совѣтъ его еще разъ возвратилъ политику римскаго престола къ тѣсному союзу съ франками. Мнѣніе неизвѣстнаго совѣтника и можетъ-быть надежды, имъ поданныя, имѣли столько вѣса въ глазахъ Стефана, что онъ рѣшился немедленно отправить письмо къ Пепину съ жалобами на стѣсненное положеніе римской области. По словамъ Анастасія, онъ вслѣдъ за тѣмъ поспѣшилъ извѣстить Пепина и о своемъ желаніи переговорить съ нимъ лично, и съ этою цѣлію просилъ его выслать нарочныхъ пословъ въ Италію, которые бы дали благовидный предлогъ и облегчили переѣздъ ему въ землю франковъ [3]).

Такъ, лишь въ нѣсколькихъ словахъ, извѣщаютъ насъ ближайшіе современные свидѣтели объ одномъ изъ самыхъ важныхъ поворотовъ въ исторіи Италіи. Обращеніе Стефана II къ Каролингамъ окончательно рѣшало то колебаніе, въ которомъ до сихъ поръ находилась римская Италія по отношенію къ

[1]) Объ этомъ также положительно говоритъ Анастасій: Cernens praesertim (Stephanus) et ab imperiali potentia nullum esse subveniendi auxilium.— [2]) У него же читаемъ нѣсколько ниже: Cumque a Longobardis, ut *praefatum est*, antiqua Romana urbs et castra universa distringerentur, ita etiam Ciccanense castellum, quod colonorum s. Dei ecclesiae existebat, usurparet, etc.—Всѣ извѣстія о вторженіяхъ Айстульфа въ римскую область мы беремъ у Анастасія на вѣру, хотя неопредѣленность его общихъ выраженій, какъ бы съ умысломъ избранныхъ, могла бы навести сомнѣніе на самую подлинность его показаній.— [3]) Ibid: Ita modo (т. е. по примѣру Григорія III и Захарія) et ipse venerabilis Pater divina gratia inspirante clam *per quendam peregrinum* suas misit literas Pipino regi Francorum nimio dolora huic provinciae inherenti conscriptas. Adhuc etiam nunc (non) cessavit dirigens, ut suos hic Romam ipse Francorum rex mitteret missos, *per quos eum ad se accersiri fecisset*.

Востоку и Западу. Пепинъ далеко не былъ въ положеніи Карла Мартела, который по обстоятельствамъ долженъ былъ дорожить союзомъ съ лангобардами. Онъ, напротивъ, какъ мы видѣли, имѣлъ важныя причины искать большаго сближенія съ римскимъ престоломъ. Такимъ образомъ тяготѣніе римской Италіи къ германскому Западу разрѣшалось въ положительный союзъ съ нимъ. Нѣтъ нужды объяснять, почему это же обстоятельство должно было имѣть рѣшительное вліяніе и на судьбу государства лангобардовъ. Намъ остается только пересказать дошедшія до насъ подробности о томъ, какъ желаніе Стефана II мало-по-малу перешло въ самое дѣло, и какъ изъ тѣснаго союза его съ Пепиномъ выросли дѣйствительныя выгоды для римскаго престола.

Пепинъ какъ будто торопился отвѣтомъ на посланіе римскаго епископа. Сначала прибылъ отъ него въ Римъ аббатъ Дроктегангъ, имѣвшій порученіе извѣстить епископа о совершенной готовности короля франковъ исполнить его желаніе [1]. Вскорѣ послѣ того явился и другой посолъ: онъ носилъ титулъ герцога и, по увѣренію біографа, принадлежалъ къ числу довѣреннѣйшихъ лицъ между приближенными Пепина. Въ чемъ же состояло порученіе, данное послѣднему? Конечно не въ томъ только, чтобы подтвердить извѣстія, сообщенныя аббатомъ. Принимая въ соображеніе виды и желанія Стефана II, какъ они были высказаны имъ въ посланіи къ Пепину, не трудно догадаться, что второй посолъ имѣлъ преимущественно своимъ назначеніемъ—прикрывать предположенный переѣздъ римскаго епископа въ государство франковъ черезъ владѣнія лангобардскія [2]. Пепинъ, очевидно, и самъ не менѣе Стефана II чувствовалъ нужду видѣться съ нимъ лично, чтобы переговорить и условиться обо всѣхъ подробностяхъ. Обезпеченный согласіемъ сильнаго короля франковъ и присутствіемъ его уполномоченнаго, римскій епископъ однако не рѣшался явно приступить къ испол-

---

[1]) Анастасій называетъ перваго посла Rodigangus abbas; мы исправляемъ это имя по Codex Carolinus (Bouquet, V, 485), не сомнѣваясь, что лицо, встрѣчающееся здѣсь въ надписаніи посланія Стефана II къ Пепину, есть одно и то же съ упомянутымъ аббатомъ.—[2]) Подтвержденіе нашей догадки находимъ также у Анастасія. Послѣ, говоря о приготовленіяхъ Стефана II къ отъѣзду изъ Рима, онъ какъ бы случайно прибавляетъ: Ipsoque reverso ex templo, et missi jam fati Pepini regis Francorum conjunxerunt, id est Rodingangus episcopus et Autcharius dux, quatenus praedictum s. Papam (*juxta quod petendo miserat*) *ad suum Franciae regem deducerent.*—Изъ этого же мѣста заключаемъ и о томъ, что второй посолъ былъ не кто иной, какъ упомянутый здѣсь герцогъ Аутхаръ.

ненію своего предпріятія. До времени ему еще нужно было скрывать свои настоящіе виды: иначе онъ могъ возстановить противъ себя, кромѣ Айстульфа, и самого императора, который не терялъ еще надежды возвратить потерянный экзархатъ чрезъ посредство римскаго епископа. Императорскій силенціарій, незадолго передъ тѣмъ вторично прибывшій въ Римъ, открылъ Стефану предложенія, сдѣланныя посломъ Айстульфа въ Византіи, и непосредственно за тѣмъ передалъ ему волю императора, состоявшую въ томъ, чтобы епископъ лично отправился къ королю лангобардовъ и условился съ нимъ о возвращеніи экзархата [1]). Если бы тогда же открылись истинныя намѣренія Стефана II, легко могло случиться, что имперія вошла бы въ прямыя сношенія съ Айстульфомъ и, въ противодѣйствіе римской политикѣ, заключила бы съ нимъ союзъ противъ епископа. Поэтому Стефанъ нашелъ гораздо выгоднѣе для себя, прикрывшись волею императора, объявленною ему черезъ силенціарія, немедленно отправиться въ Павію, будто бы для извѣстныхъ переговоровъ. Повидимому для той же самой цѣли были избраны и всѣ лица, которымъ назначалось сопровождать епископа въ его путешествіи. Это были, кромѣ императорскаго силенціарія, или духовные сановники, окружавшіе римскій престолъ, или знатнѣйшіе представители римскихъ граждaнъ, „начальники милиціи" [2]). Между тѣмъ, для безопасности своей личности и всѣхъ сопровождавшихъ его лицъ, епископъ не забылъ запастись охраннымъ листомъ, который, по его желанію, былъ высланъ ему отъ самого короля лангобардовъ. Впрочемъ, противъ всѣхъ покушеній на свою личную свободу, онъ имѣлъ еще при себѣ и другое, не менѣе сильное средство: послы Пепина также не остались позади, и одинъ изъ нихъ даже предупредилъ самого Стефана пріѣздомъ въ Павію.

---

1) Приводимъ опять собственныя слова Анастасія, чтобы читатели могли видѣть, что всѣ обстоятельства, излагаемыя нами въ текстѣ, болѣе или менѣе заключаются въ его разсказѣ, какъ онъ ни скуденъ повидимому:.... Illico a regia urbe conjunxit saepefatus Ioannes imperialis silentiarius cum missis ipsis s. Pontificis, deferens secum et quae deportaverat iniqui Longobardorum regis missus, simul et jussionem imperialem, in qua inherat (erat) insertum a (ad) Longobardorum rege (m) eundem s. Papam esse properatum (properandum) ob recipiendam Ravennatium urbem et civitates ei pertinentes.—Нѣсколько ниже говорится, что послы Пепина нашли Стефана II уже готовымъ отправиться къ Айстульфу по дѣлу о возвращеніи Равенны. — 2) Ibid: Et assumens secum ex hac s. ecclesia quosdam sacerdotes, proceres etiam et caeteros clericorum ordinis, nec non et ex *militiae optimatibus*, Christo praevio, ceptum prosecutus est iter.

Такъ искусно воспользовался Стефанъ II порученіемъ восточнаго императора, чтобы проложить себѣ дорогу въ землю франковъ. Отсюда становится понятно, почему онъ не избралъ кратчайшаго пути моремъ, но предпочелъ ѣхать черезъ владѣнія своего врага. Неисполнимость мнимой цѣли, которая служила предлогомъ для предпринятой поѣздки, обнаружилась скорѣе, чѣмъ открылись настоящіе виды епископа. Еще онъ только подъѣзжалъ къ Павіи, какъ Айстульфъ выслалъ къ нему навстрѣчу своихъ пословъ предупредить его, чтобы онъ не смѣлъ и думать просить о возвращеніи экзархата съ принадлежащими къ нему городами, равно какъ и всѣхъ прочихъ мѣстъ, занятыхъ имъ самимъ или его предшественниками во владѣніяхъ римской области (vel de reliquis reipublicae locis). Стефанъ не пропустилъ и этого случая, чтобы показать свою ревность по данному ему порученію. Онъ очень кстати отвѣчалъ, что никакія угрозы не въ состояніи поколебать его твердой рѣшимости. Прибывши въ Павію, онъ дѣйствительно перепробовалъ еще разъ всѣ мирныя средства, къ которымъ римскіе епископы обыкновенно прибѣгали противъ лангобардской гордости: дары, моленія, слезы — все было употреблено Стефаномъ, хотя можетъ-быть и не совсѣмъ для той цѣли, къ которой прежде всего слѣдовало ему направить свои усилія согласно съ волею византійскаго правительства [1]. Но Айстульфъ не трогался ничѣмъ: государственный интересъ слился въ одно съ его волею и далъ его рѣшеніямъ касательно послѣднихъ лангобардскихъ завоеваній характеръ неизмѣняемости. Онъ одинаково оставался глухъ и къ слезнымъ, хотя не совсѣмъ искреннимъ, мольбамъ римскаго епископа, и къ представленіямъ императорскаго силенціарія, который съ своей стороны тоже прилагалъ стараніе, чтобы побудить короля къ возвращенію экзархата. Когда, несмотря на всѣ усилія представителей Рима и имперіи, дѣло ихъ нисколько не подвигалось впередъ, надобно было ожидать, что они, убѣдившись въ совершенной безплодности своихъ стараній, предпримутъ обратный путь изъ лангобардскихъ владѣній. Но въ это время подали свой голосъ послы Пепина, до сихъ поръ не участвовавшіе въ переговорахъ. Послышалось требованіе, къ которому

---

[1] Анастасій употребляетъ здѣсь лишь самыя общія выраженія, но изъ нихъ можно заключать, что Стефанъ II хлопоталъ больше объ увеличеніи того, что онъ называлъ своею паствою, нежели объ интересахъ имперіи:.. nimis eum (Aistulphum) obsecratus est atque lacrymis profusis eum petivit, *dominicas*, quas *abstulerat*, *redderet oves* et propria propriis restitueret.

Айстульфъ, какъ можно полагать, былъ всего менѣе приготовленъ: сбираясь къ отъѣзду, франки потребовали отъ короля, чтобы онъ не задерживалъ Стефана, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ ними долженъ отправляться во Францію [1]). Никогда еще римскіе епископы не совершали подобнаго пути, никогда еще не простирались они такъ далеко въ своихъ странствованіяхъ. Своею необычайностію такое извѣстіе не могло не изумить всякаго, кто слышалъ его въ первый разъ. Но, вдумавшись въ него, особенно съ лангобардской точки зрѣнія, нельзя было не угадать тотчасъ же возможной цѣли предпріятія. Требованіе франковъ видимо смутило Айстульфа. Первымъ дѣломъ его было удостовѣриться, точно ли таково было намѣреніе самого Стефана. Призванный передъ лицо короля, римскій епископъ не скрылъ отъ него, что послы дѣйствительно выразили его собственное желаніе [2]). Біографъ говоритъ, что Айстульфъ послѣ того разсвирѣпѣлъ какъ левъ. Легко повѣрить такому извѣстію: онъ понялъ, что дѣло идетъ о судьбѣ не только всѣхъ его новыхъ пріобрѣтеній, но можетъ-быть и самаго государства. Открытіе было не много лучше того, какъ если бы кто почувствовалъ, что онъ питаетъ у себя змѣю на груди. Въ самой резиденціи короля и, можно сказать, въ его личномъ присутствіи, зрѣлъ коварный замыселъ, веденъ былъ подкопъ, который долженъ былъ подорвать крѣпость и силу лангобардской національности. Было отъ чего прійти въ ярость тому, кому дорога была народная честь и безопасность. Конечно, въ волѣ Айстульфа было, нарушивъ данное слово, задержать епископа и такимъ образомъ испортить весь его планъ; но, по какимъ бы то ни было причинамъ, онъ не рѣшился на вѣроломство, и удовольствовался лишь тѣмъ, что убѣждалъ его черезъ своихъ приближенныхъ добровольно отказаться отъ принятаго имъ намѣренія. Всѣ убѣжденія оставались безполезны, а послы между тѣмъ продолжали настаивать на своемъ требованіи. Наконецъ, призвавъ еще разъ епископа, Айстульфъ повторилъ ему свой вопросъ въ присутствіи одного изъ франкскихъ пословъ. Стефанъ II отвѣчалъ: „Отъ тебя зависитъ пустить или задержать меня, но что касается до меня,

---

1) Anast. ibid: Praedicti vero Francorum missi imminebant fortiter apud eundem Aistulphum, ut praefatum s. Papam in Franciam pergere relaxaret.— 2) Ibid: Ad haec convocans jam dictum b. virum interrogavit (Aistulphus), si ejus *in Franciam* properandi esset voluntas? Quod videlicet ille nequaquam siluit, sed *suam illi propalavit* voluntatem.

то я рѣшительно остаюсь при моемъ намѣреніи" [1]). Тогда Айстульфъ нашелся принужденнымъ уступить. Какъ бы боясь, чтобы онъ не взялъ назадъ своего слова, Стефанъ II торопился отъѣздомъ и, ровно черезъ мѣсяцъ со дня своего отправленія изъ Рима, выѣхалъ изъ Павіи въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ и другихъ чиновъ римской церкви. Айстульфъ и послѣ того думалъ еще какими-то средствами помѣшать римлянамъ достигнуть Франціи; но было уже поздно: Стефанъ съ чрезвычайною скоростію сдѣлалъ весь этотъ путь и благополучно перешелъ лангобардскіе предѣлы [2]).

Дальнѣйшее продолженіе пути, за лангобардскими предѣлами, не представляло болѣе никакихъ трудностей, ибо напередъ условлены были всѣ становища, и самъ Пепинъ ѣхалъ навстрѣчу римскому епископу. Сначала положено было встрѣтиться въ одномъ монастырѣ въ Валлисѣ; но прибывши сюда, Стефанъ II нашелъ здѣсь лишь новыхъ пословъ отъ Пепина, которые извѣстили его о желаніи короля принять гостей въ своемъ королевскомъ домѣ, въ Понтіонѣ (Pons-Hugonis), гдѣ онъ отдыхалъ послѣ своего послѣдняго похода въ Саксонію [3]). Чѣмъ далѣе подвигались римляне впередъ, тѣмъ болѣе обнаруживалось, что они были весьма вожделѣнные гости во Франціи. Прежде всего, еще на разстояніи ста миль отъ Понтіона, выѣхалъ навстрѣчу Стефану сынъ Пепина, Карлъ, съ нѣкоторыми вельможами, а потомъ, когда уже они были въ трехъ миляхъ отъ дворца, встрѣтилъ ихъ и самъ король съ своею женою, прочими дѣтьми и всѣмъ своимъ дворомъ. Завидѣвъ епископа, онъ съ уничиженіемъ упалъ передъ нимъ на землю, и потомъ нѣкоторое время шелъ подлѣ него пѣшкомъ, ведя подъ узду его лошадь. На другой день зрѣлище перемѣнилось: римскій епископъ и весь клиръ, бывшій при немъ, посыпавъ головы пепломъ, поверглись къ ногамъ Пепина

---

1) Ibidem: Quod si tua voluntas est me relaxandi, mea omnino est ambulandi.—2) Анастасій не говоритъ, въ чемъ именно состояли средства, которыми думалъ Айстульфъ задержать Стефана; но изъ словъ его не видно также, чтобы они были насильственныя: Et post ejus absolutionem adhuc nitebatur suprascriptus Longobardorum rex a praedicto itinere eum deviare, quod minime ipsum s. virum latuit. Можетъ-быть не надѣялся ли онъ совратить Стефана съ настоящаго пути посредствомъ подставленныхъ проводниковъ?—3) См. Annales Metenses, ad an. 753.— Мѣсто, куда Пепинъ приглашалъ Стефана, такъ опредѣляется комментаторомъ лѣтописи: Pons-Hugonis seu Pontigo et Pontico, vulgo Pontion, villa regia sita in pago Pertensi, non procul a Victoriaco incenso, super fluvios Galtum et Brussionem, ut legitur in diplomate Caroli Simplicis.

и именемъ верховныхъ апостоловъ умоляли его спасти ихъ и весь римскій народъ отъ лангобардскаго плѣна [1]). Пепинъ не заставилъ долго просить себя о томъ, что̀ нѣкоторымъ образомъ уже условлено было прежде: въ присутствіи своего семейства и всего двора онъ подалъ Стефану II руку и поднялъ его отъ земли, клятвенно обѣщая всякое содѣйствіе римской церкви въ ея стѣснительномъ положеніи. Рѣчь была собственно о возстановленіи „правъ республики“ на экзархатъ и другія мѣста, занятыя лангобардами, но никто и словомъ не упомянулъ о Восточной имперіи. Это умолчаніе было своего рода важнымъ актомъ, свидѣтельствовавшимъ то забвеніе, въ которое начали приходить отношенія римской Италіи къ Константинополю; въ прочемъ же понтіонская церемонія была лишь торжественнымъ заключеніемъ союза между римскимъ престоломъ и Западомъ, союза, котораго первыя условія были положены еще въ Римѣ. Двѣ нужды, узнавшія одна другую издали, встрѣчались здѣсь лицомъ къ лицу и взаимнымъ рукопожатіемъ скрѣпляли свою начинающуюся дружбу. Отсюда слѣдуетъ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя были уже не что иное, какъ прямое выраженіе новыхъ дружественныхъ связей между римскимъ епископомъ и главою франкскаго го̀сударства, закрѣпленныхъ ихъ обоюднымъ согласіемъ въ Понтіонѣ. Сначала Пепинъ, чтобы доставить вѣрное убѣжище и вмѣстѣ удобное мѣстопребываніе своему новому союзнику, который на время самъ заградилъ себѣ путь въ Италію, указалъ ему для жительства богатый монастырь св. Діонисія [2]); тогда же, во исполненіе своего главнаго обѣта, отправилъ онъ посольство къ королю лангобардовъ, чтобы внушить ему болѣе уваженія къ римскому престолу и положить предѣлъ его завоеваніямъ [3]). Въ свою очередь Стефанъ II, поселившись въ обители св. Діонисія, дождался тамъ короля и еще разъ вѣнчалъ его короною, какъ бы желая дать торжественное и несомнѣнное доказательство того, что римская церковь охотно благословляетъ сына побѣдителя арабовъ на царство. Вмѣстѣ съ Пепиномъ

---

[1]) Ibidem: cp. Anast. in vita Stephani III.—Свиданіе въ Понтіонѣ произошло въ январѣ 754 года.—[2]) По словамъ лѣтописца, Ann. Metenses, l. c., Пепинъ и въ этомъ случаѣ исполнялъ только желаніе самого Стефана: Tunc rex Pipinus omnem Pontificis voluntatem adimplens, direxit eum ad monasterium s. Dionysii Martyris, eumque ibi cum summo honore et diligentia hiemare praecepit.—[3]) Лѣтописецъ говоритъ довольно неопредѣленно: ut propter reverentiam bb. Apostolorum Petri et Pauli Romanas urbes non affligeret superstitiose (?), ac *impias praesumptiones* contra Pontificem Romanae urbis non moveret.

были вѣнчаны и его сыновья, Карлъ и Карломанъ, какъ будущіе короли франковъ: итакъ римская церковь благословляла на царство не одно только лицо своего новаго союзника, но и весь его родъ. Есть вѣрное основаніе думать, что тогда же съ титломъ нововѣнчанныхъ королей соединилось и достоинство „римскихъ патриціевъ“ [1]). Такой актъ заслужилъ полную признательность Пепина и побудилъ его немедленно приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ лангобардовъ. На первомъ же послѣ того мартовскомъ собраніи (слѣд. черезъ два мѣсяца послѣ прибытія Стефана II во Францію) онъ держалъ совѣтъ съ своими вельможами и въ заключеніе объявилъ народу, что намѣренъ со всѣмъ своимъ ополченіемъ предпринять походъ въ Италію. И въ самомъ дѣлѣ, только-что разошлось собраніе, какъ войско Пепина направилось черезъ Ліонъ и Вьенну къ лангобардскимъ предѣламъ.

Что́ дѣлалъ между тѣмъ Айстульфъ? Какія мѣры принималъ онъ, чтобы противодѣйствовать римской интригѣ, которая открыто вооружала противъ него самое сильное изъ германскихъ учрежденій на Западѣ? Нельзя предположить, чтобы въ виду собиравшейся грозы онъ оставался недѣятельнымъ и не готовилъ отпора. Совѣщанія Стефана II съ Пепиномъ не могли для него остаться тайною, цѣль ихъ была совершенно ясна: есть ли какая вѣроятность думать, что неробкій Айстульфъ смотрѣлъ сложа руки на приготовленія своихъ противниковъ и не предпринималъ ничего для своей безопасности? Къ сожалѣнію, мы лишены возможности подтвердить наше предположеніе прямыми историческими показаніями. Для эпохи, въ которой мы находимся, до насъ не дошло ни одного лангобардскаго источника, и потому нѣтъ почти никакого средства повѣрить или хотя пополнить извѣстія, сообщаемыя писателями противной стороны, о послѣднихъ судьбахъ лангобардскаго государства. Лишь одна мѣра Айстульфа, впрочемъ весьма мирнаго свойства, проникла въ разсказъ Анастасія и франкскихъ лѣтописцевъ. Нѣкоторое время онъ надѣялся еще противодѣйствовать интригѣ римскаго епископа въ самой Франціи, и съ этою цѣлію отправилъ къ Пепину весьма близкаго къ нему человѣка, котораго представленія, казалось, должны были имѣть много вѣса въ его мнѣніи [2]). Это былъ братъ Пепина, Карломанъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принялъ монашескій чинъ

[1]) Основаніе заключается въ посланіяхъ Стефана II, писанныхъ имъ послѣ къ Каролингамъ. См. Bouquet, V, 336, n. d. Ср. Hegel, 1, 209.—[2]) Ann. Metenses, ad an. 754. Ср. Anast. in vita Stephani II.

и жилъ въ монастырѣ Монте-Кассино. Иноческая жизнь, какъ видно, не убила въ немъ политическаго смысла; не ясно только, какимъ образомъ этотъ отшельникъ могъ до такой степени забыть интересы римскаго престола, что расположился, вопреки имъ, дѣйствовать въ пользу лангобардовъ. Прибывъ во Францію, онъ прямо обратился къ своему брату и горячо отстаивалъ передъ нимъ короля лангобардовъ. Но Пепинъ до того уже вошелъ въ виды своего союзника, что не внималъ ни чьимъ представленіямъ. Стефанъ II былъ близко: ему не стоило большого труда заподозрить въ глазахъ довѣрчиваго короля франковъ намѣренія Карломана. Съ общаго согласія они положили не отпускать его обратно въ Италію, но, какъ опаснаго человѣка, удержать во Франціи, помѣстивъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, уже въ качествѣ „защитника римской церкви", Пепинъ еще разъ послалъ сказать свою волю Айстульфу, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ церковь, состоящую подъ его покровительствомъ, и спѣшилъ бы исправить свою несправедливость въ отношеніи къ ней [2]). Требованіе было тѣмъ значительнѣе, что было сдѣлано съ самой границы, гдѣ Пепинъ стоялъ уже съ своимъ войскомъ, готовый каждую минуту вступить въ лангобардскія владѣнія. Но внушенія страха не были извѣстны старому сподвижнику Ліутпранда. Онъ попрежнему стоялъ на своемъ, позорилъ, въ присутствіи пословъ Пепина, римскаго епископа и предлагалъ съ своей стороны лишь одну уступку—дозволить ему обратный проѣздъ въ Римъ черезъ свои земли. На это послы отвѣчали, что Пепинъ не отойдетъ отъ границы, пока король лангобардовъ не согласится воздать должное „св. Петру", исправить свою несправедливость передъ нимъ. Айстульфъ хотѣлъ положительно знать, какой требуютъ отъ него справедливости. „Возврати Пентаполисъ, Нарни, Чекано (?) и все, что присвоилъ ты себѣ вопреки правамъ римскаго народа"—отвѣчали послы [3]). Въ случаѣ согласія Айстульфа,

---

[1]) Anast. ibidem: Tunc pari consilio isdem s. Papa cum denominato Francorum rege *consilo inito* juxta id, quod praefatus Carolomannus Deo se devoverat monachicam degere vitam, in monasterio eum illic in Francia collocaverunt.—[2]) Ann. Metenses, ibidem: Pippinus itaque Alpes transiens et legatos suos ad Haistulphum praemittens, postulavit, ut s. ecclesiam, cujus ille *defensor per divinam ordinationem fuerat*, non affligeret, sed omnem ei justitiam de rebus ablatis faceret.—[3]) Ibidem: Ut reddas ei Pentapolim, Narnias et Cecanum, et omnia unde populus Romanus de tua iniquitate conqueritur. Нѣсколько ниже тотъ же лѣтописецъ даетъ замѣтить, что это требованіе относилось также и къ Равеннѣ, *что впрочемъ* разумѣется само собою.

Пепинъ обѣщалъ ему съ своей стороны нѣсколько тысячъ солидовъ: такъ дороги стали ему въ послѣднее время интересы римскаго престола. Но Айстульфъ такъ же мало способенъ былъ сдаваться на посулы, какъ не сдавался онъ на однѣ угрозы. Равенна съ Пентаполисомъ были ему дороже обѣщаній Пепина и всей его благосклонности. Онъ не соглашался признать за собою никакой несправедливости передъ римскою церковію, и своимъ отказомъ вызвалъ у Пепина рѣшеніе начать войну.

Весь походъ совершенъ былъ Пепиномъ въ короткое время. Быстрота дѣйствія, смѣлость и сила удара всегда выгодно отличали первыхъ Каролинговъ отъ ихъ противниковъ. Правда, что и Айстульфъ не далъ застать себя врасплохъ: онъ бодро и отважно вышелъ франкамъ навстрѣчу и даже нѣсколько предупредилъ вступленіе ихъ въ лангобардскую землю. Но излишняя горячность завлекла его слишкомъ далеко и съ самаго начала лишила тѣхъ выгодъ, которыя онъ несомнѣнно могъ имѣть передъ Пепиномъ, если бы оставался въ оборонительномъ положеніи. Достигнувъ съ войскомъ горныхъ альпійскихъ проходовъ, которыми франкскія владѣнія отдѣлялись отъ лангобардскихъ, Айстульфъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться здѣсь наступательнаго движенія Пепина, увлекся желаніемъ отбросить передовой отрядъ франковъ, который стерегъ выходъ съ противоположной стороны. Разсчитывая на малочисленность франковъ, Айстульфъ слишкомъ довѣрился превосходству своихъ собственныхъ силъ. Франки, несмотря на численное неравенство, умѣли дать мужественный отпоръ лангобардамъ. Вѣроятно они держались до тѣхъ поръ, пока Пепинъ не подоспѣлъ къ нимъ на помощь съ главнымъ ополченіемъ [1]). Тогда стойкое мужество франковъ, закаленное въ бояхъ съ свободными германцами, окончательно

---

1) Такъ соединяемъ мы въ одно—извѣстія Анастасія и франкскихъ лѣтописцевъ. О нападеніи Айстульфа на передовой отрядъ франковъ по *ту сторону* Альповъ, говоритъ одинъ только первый. Но онъ приписываетъ и весь успѣхъ этому передовому отряду, который будто бы своими малыми силами разбилъ все многочисленное ополченіе лангобардовъ, тогда какъ Annales Francorum, Metenses и другія—вездѣ показываютъ дѣйствующимъ лицомъ самого Пепина. Замѣчательны слова Эйнгардовой лѣтописи (ad an. 755): Resistentibus Langobardis et claustra Italiae tuentibus, ad ipsas montium angustias, quas clusas vocant, *acerrime pugnatum* est. Изъ нихъ видно, что борьба была гораздо упорнѣе, чѣмъ можно бы полагать съ перваго взгляда, и что лангобардовъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ храбрости.—Нельзя опять не пожалѣть, что для повѣрки событій этого времени мы совершенно лишены лангобардскихъ источниковъ.

одолѣло самоувѣренную лангобардскую необузданность, которая, не видя себѣ достойныхъ соперниковъ въ Италіи, мало была приготовлена встрѣтить ихъ и во Франціи. Айстульфъ самъ едва избѣжалъ плѣна и долженъ былъ спасать себя и остатки своего войска поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Павію. Но побѣдитель шелъ по его слѣдамъ, скоро явился подъ стѣнами самой резиденціи и обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Главный виновникъ всего предпріятія, Стефанъ II, также находился въ лагерѣ франковъ. Айстульфъ держался сколько могъ въ стѣнахъ Павіи; но, не имѣя ни одного союзника ни внутри Италіи, ни даже за ея предѣлами, онъ ни откуда не могъ ждать себѣ помощи или подкрѣпленія, и наконецъ, въ крайнемъ стѣсненіи, долженъ былъ принять предложеніе Пепина [1]). Договоръ состоялся на условіяхъ, которыя еще до похода предложены были со стороны римскаго епископа и короля франковъ. Айстульфъ обязался клятвенно *возвратить св. Петру*, т. е. римскому престолу, Равенну, Пентаполисъ и всѣ прочія мѣста, занятыя имъ внутри римской области. Но къ прежнимъ условіямъ прибавлены были еще новыя, крайне невыгодныя для чести и самостоятельности лангобардскаго государства. Уплативъ побѣдителю значительную сумму денегъ единовременно, Айстульфъ сверхъ того долженъ былъ принять на себя обязательство—и впредь каждый годъ выплачивать ему же по 5,000 тысячъ солидовъ. Клятву его подтвердили и всѣ знатнѣйшіе лангобарды, герцоги и другіе, находившіеся тогда въ Павіи [2]). Тогда только побѣдители были удовлетворены сполна. Взявъ съ собою обѣтную грамоту и—для большей вѣрности—сорокъ человѣкъ заложниковъ изъ благородныхъ лангобардовъ, Пепинъ выступилъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ изъ лангобардскихъ владѣній.

---

[1]) По увѣренію Анастасія, Айстульфъ обязанъ былъ ходатайству Стефана же тѣмъ, что Пепинъ склонился на милость и заключилъ мирный договоръ съ нимъ. См. Anast. p. 124. Но здѣсь мы имѣемъ средство повѣрить Анастасія словами самого Стефана II въ посланіи его къ Пепину, писанномъ въ концѣ того же года: Videns namque suam deceptionem iniquus Haistolphus rex cum suis a Deo destructam judicibus, per blandos sermones et suasiones atque sacramenta illuserunt prudentiam vestram, et *plus illis falsa dicentibus, quam nobis veritatem asserentibus, credidistis*. Codex Carolinus, Epist. N 4. Изъ этихъ словъ ясно, какъ не хотѣлъ Стефанъ II воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Айстульфа.—[2]) Ann. Met. ad an. 754: Haec omnia jurejurando Haistulphus *cum suis optimatibus* et omnibus nobilibus Langobardorum se adimpleturum esse spopondit:—Anastasius: Spopondit ipse Aistulphus cum *universis suis judicibus sub terribili* et fortissimo sacramento, etc.

И епископъ Стефанъ спѣшилъ обратиться въ Римъ, довольный униженіемъ лангобардской гордости и полнымъ торжествомъ своего дѣла. Онъ надѣялся въ скоромъ времени вступить, отъ имени римской церкви, во владѣніе землями и городами, на которыя давалъ ему право послѣдній договоръ. Прошло нѣсколько времени въ ожиданіи распоряженій со стороны лангобардскаго правительства. Думали можетъ-быть видѣть въ Римѣ комиссаровъ Айстульфа, какъ онъ, въ январѣ слѣдующаго года (755), двинулся впередъ „со всѣмъ ополченіемъ своего народа“ и подступилъ къ самому Риму [1]). Понятно, чтó привело его къ стѣнамъ епископской резиденціи, и откуда происходила та необузданная ярость, съ которою онъ, по словамъ біографа, приступилъ къ осадѣ ея. Лукавое, если не вѣроломное, поведеніе Стефана II подавало дурной примѣръ его политическому противнику. Обманутый имъ въ глаза, Айстульфъ послѣ того считалъ себя въ правѣ платить ему тою же монетою. Но прежде чѣмъ обнаружилась на дѣлѣ предполагаемая перемѣна въ его образѣ мыслей, ему уже приходилось искупать тяжелою цѣною свою первую ошибку, т. е. излишнюю снисходительность къ епископу во время перваго его пребыванія въ Павіи. Не потерять только свои лучшія пріобрѣтенія, Айстульфъ былъ обреченъ отступиться отъ нихъ въ пользу того, кто такъ коварно умѣлъ воспользоваться его простодушіемъ. Было отъ чего прійти въ ярость и негодованіе. Тогда, подъ вліяніемъ страстнаго раздраженія, явилась рѣшимость, которой недоставало прежде. Граница собственной римской области опять перестала быть для Айстульфа священною. Если ненависть къ лангобардамъ завела римскаго епископа въ самую Францію, то весьма понятное желаніе мести влекло теперь короля лангобардовъ въ самый Римъ. Тамъ хотѣлъ онъ отплатить за безчестіе договора, подписаннаго въ Павіи. Силы, приведенныя Айстульфомъ подъ стѣны Рима, обличали въ немъ намѣреніе рѣшительнаго удара. Чтобы вѣрнѣе удержать за собою Равенну и Пентаполисъ, онъ не находилъ лучшаго средства, какъ покорить себѣ и остальную Италію. Грозою подвигались лангобарды впередъ, нигдѣ не встрѣчая открытаго сопротивленія. Подступивъ къ Риму, они

---

[1]) Anast. ibid: Dum enim saepefactus s. Papa conjungeret Romam, post aliquanti temporis spatium furore vehementi repletus adversarius ille—generalem faciens commotionem, cum universo regni sui Longobardorum populo contra hanc Romanam venit urbem.

разорили всѣ его окрестности и потомъ плотно обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Началась стѣснительная для римлянъ осада, вовсе не обѣщавшая имъ добраго исхода.

Изъ рукъ римскаго епископа уходила самая дорогая добыча. Ненадеженъ былъ даже Римъ, независимость котораго была главнымъ условіемъ самостоятельности римскаго престола. Допустить лангобардовъ овладѣть Римомъ и утвердиться въ сердцѣ Италіи—значило отказаться и на будущее время отъ всякой надежды управлять ея судьбами. Пока было время, пока еще стояли крѣпкія римскія стѣны, надобно было спѣшить спасать достояніе, накопленное вѣками. И пока еще было горячо усердіе новаго союзника, пріобрѣтеннаго въ послѣднее время римскою церковію—должны мы прибавить: потому что, если и можно было думать о спасеніи Рима, то не иначе, какъ его скорою и дѣятельною помощію. Стефанъ II зналъ цѣну помощи Пепина и не прерывалъ съ нимъ сношеній и послѣ возвращенія его изъ Италіи. Какъ только не стало больше сомнѣнія, что Айстульфъ не хочетъ выполнять договора, онъ писалъ къ королю франковъ, жалуясь ему въ сильныхъ выраженіяхъ на вѣроломство лангобардовъ [1]). Когда же Айстульфъ обступилъ Римъ своими войсками и держалъ его въ тѣсной осадѣ, когда къ горькому чувству одной неудачи присоединилась еще невыносимая для римскихъ епископовъ мысль о возможности полнаго торжества лангобардовъ въ Италіи, тогда Стефанъ II, подъ впечатлѣніемъ ужасовъ, сопровождавшихъ это нашествіе, написалъ новое посланіе къ „Пепину, Карлу и Карломану, римскимъ патриціямъ“, и при первомъ удобномъ случаѣ отправилъ его съ нарочными послами во Францію [2]). Посланіе, драгоцѣнное для историка

[1]) См. Codex Carolinus, Epp. Stephani II, N 3 и 4. Оба они писаны въ концѣ 754 года. Изъ нихъ не видно, чтобы Айстульфъ тогда уже началъ свое наступательное движеніе на римскую область, что очень вѣрно замѣчаетъ и Элleндорфъ, 1, 121. Замѣчательны нѣкоторыя отдѣльныя выраженія въ посланіяхъ, показывающія, какъ мало-по-малу устанавливалось понятіе о независимости владѣній римскаго престола. Такъ земли, которыя долженъ былъ возвратить Айстульфъ, называются уже „Propria Petri“. Поступленіе римскаго престола подъ покровительство Пепина выражается въ такой формѣ: Princeps Apostolorum omnes suas causas vobis commisit—пишетъ ему Стефанъ.—[2]) Cod. Car. N 5.—Слова Анастасія, что послы должны были отправляться *моремъ* (per marinum iter suos ordinans—dirigit missos), подтверждаются и словами самаго посланія: Quamobrem constricti vix potuimus *marino itinere* praesentes nostras litteras et missum ad vestram christianitatem dirigere. Bouquet, V, p. 491.—Итакъ, если самъ Стефанъ II прежде не избралъ для себя морского пути, то тому были особенныя причины.

по нѣкоторымъ содержащимся въ немъ подробностямъ объ осажденіи Рима лангобардами. Такъ узнаемъ изъ него, что передовое ополченіе лангобардовъ проникло въ римскую область изъ Тусціи и, подступивъ къ Риму съ одной стороны, расположилось противъ воротъ св. Петра и св. Панкрація [1]. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и самъ Айстульфъ съ остальнымъ войскомъ и сталъ противъ Саларскихъ воротъ, и другихъ, смежныхъ съ ними. Наконецъ съ юга подошли еще беневентцы и обложили городъ со стороны воротъ св. Іоанна и ап. Павла: ясный знакъ, что южныя герцогства не думали отлагаться отъ государства, но дѣйствовали за одно съ королемъ [2]. Такимъ образомъ Римъ былъ стѣсненъ и запертъ со всѣхъ сторонъ. Жители города были въ безпрестанной тревогѣ; день и ночь лангобарды возобновляли на нихъ свои нападенія, требуя отъ нихъ покорности и выдачи ненавистнаго имъ епископа. Лишь черезъ 55 дней послѣ того, какъ началась осада, представилась Стефану возможность переправить нарочныхъ къ королямъ франковъ съ извѣстіемъ о своемъ крайнемъ положеніи. Дѣйствія осаждающихъ изображены въ посланіи самыми черными красками. Всѣ зданія, лежащія за стѣнами, не только простыя жилища, но самыя церкви и фермы (domi cultae) римскихъ епископовъ сожжены ими и разорены до основанія. Никому нѣтъ пощады отъ непріятеля—ни старикамъ, ни женщинамъ, ни даже дѣтямъ: однихъ они убиваютъ безжалостно, другихъ безчестятъ насильственно, и даже къ груднымъ младенцамъ не знаютъ никакого снисхожденія. „Самые камни"—пишетъ епископъ—„видя наше болѣзнованіе, жалобно вопіютъ вмѣстѣ съ нами". Безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствія лангобардовъ, когда они стояли подъ стѣнами Рима, не отличались особеннымъ великодушіемъ. Ни понятія того времени, ни образъ веденія войны вообще, не располагали побѣдителей къ умѣренности и снисхожденію. Война еще продолжала носить характеръ кровавой мести и обыкновенно сопровождалась жестокостями и насиліями. Неудивительно даже, что на этотъ разъ лангобарды, раздѣляя чувства своего вождя, дѣйствительно обнаруживали

---

1) Собственно: juxta portam s. Petri atque b. Pancratii et Portuensem.—
2) Ibid: Sed et *Beneventani omnes generaliter* in hanc Romanam urbem conjungentes, resederunt juxta portam b. Ioannis et b. Ap. Pauli et ceteras istius R. U. portas. О сполетинцахъ не упоминается особенно; но и нѣтъ никакой причины думать объ ихъ измѣнѣ Айстульфу.

болѣе непримиримости и раздраженія, чѣмъ прежде. Впрочемъ едва ли можно принять на слово все, что́ говоритъ Стефанъ II объ ихъ жестокостяхъ. Уже по тому самому, что въ посланіи его заботливо собраны всѣ черты безчеловѣчія, какія только при разныхъ случаяхъ возможны въ обращеніи варваровъ-побѣдителей съ побѣжденными, можно подозрѣвать, что епископъ въ своемъ изображеніи хотѣлъ быть вѣрнымъ не столько истинѣ, сколько чувству своей ненависти къ лангобардамъ, и нарочно представилъ ихъ поступки въ преувеличенномъ видѣ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Пепина. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ также не забылъ представить лангобардовъ подсмѣивающимися надъ безсиліемъ франковъ. „Пусть приходятъ теперь франки"—говорятъ у него лангобарды осажденнымъ римлянамъ—„и попробуютъ вырвать васъ изъ нашихъ рукъ". Однимъ словомъ, свою ненависть, свой страхъ опасности и даже самое нетерпѣніе скорѣе освободиться отъ нея, римскій епископъ желалъ передать и своимъ защитникамъ. Крайность нужды тѣснѣе стягивала узелъ, завязанный при другихъ, менѣе трудныхъ обстоятельствахъ. Заключая свое посланіе прошеніемъ помощи, Стефанъ II заклинаетъ патриціевъ Богомъ истиннымъ и живымъ и именемъ верховнаго апостола спѣшить въ Италію для спасенія Рима. Внутренняя тревога живо отозвалась и въ самой рѣчи его. „Помогите намъ скорѣе, возлюбленные наши"—взывалъ Стефанъ къ покровителямъ Рима: „спѣшите, спѣшите, пока еще не поздно, пока мечъ враговъ не поразилъ сердца нашего". За ихъ помощь онъ обѣщаетъ имъ скорую и вѣрную помощь Божію во всѣхъ предпріятіяхъ, и наконецъ—чтобы не было недостатка и въ послѣднемъ побужденіи—показываетъ имъ вдали карающую руку Бога, грозитъ послѣднимъ судомъ, если они сверхъ чаянія останутся глухи ко всѣмъ просьбамъ его и допустятъ лангобардовъ восторжествовать надъ римлянами [1]).

Въ то же самое время другое посланіе подобнаго же содержанія и лишь съ малыми отличіями въ самыхъ выраженіяхъ, отправлено было черезъ тѣхъ же пословъ особо къ Пепину, какъ тому изъ трехъ названныхъ римскихъ патри-

1) Ibid: Non nos permittatis perire—sic non sitis alieni a regno Dei, et ne obduret Dominus aurem suam vestras ad exaudiendas preces, et ne avertat faciem suam a vobis in illo futuri examinis die, quando cum b. Petro et ceteris suis apostolis ad judicandum sederit omnem ordinem, omnemque potestatem humanam et seculum per ignem.

ціевъ, на котораго собственно возложены были всѣ надежды римскаго престола. Здѣсь Стефанъ II уже не обинуясь возлагаетъ на Пепина всю отвѣтственность и вмѣняетъ ему прямо въ „грѣхъ", если попущеніемъ Божіимъ Римъ впадетъ въ руки лангобардовъ. „Подумай и разсуди самъ съ собою"—пишетъ онъ королю франковъ: „на чью душу долженъ будетъ пасть грѣхъ этотъ, если мы въ самомъ дѣлѣ погибнемъ? Повѣрь мнѣ, христіаннѣйшій король, что въ случаѣ какого несчастія съ нами, ты со всѣми твоими совѣтниками первый отвѣтишь за насъ Богу: ибо не кому другому, какъ тебѣ, твоимъ дѣтямъ и всему народу франковъ поручили мы подъ покровительство святую нашу церковь и все наше римское государство" [1]).

Хотя ни одно современное извѣстіе не говоритъ, чтобы Пепинъ прямо отклонялъ отъ себя честь оказать послѣднюю и самую важную услугу римскому престолу—впрочемъ, не извѣстно почему, онъ не давалъ Стефану никакого отвѣта и медлилъ походомъ въ Италію. Могло случиться, что, при всей его готовности исполнить желаніе епископа, повстрѣчались внутреннія, домашнія обстоятельства, которыя неотмѣнно требовали его присутствія въ государствѣ. Да и самыя приготовленія къ походу должны были взять у него немало времени и вносили неизбѣжное замедленіе въ предпріятіе. Между тѣмъ въ Римѣ дорога была каждая проходящая минута. Подъ гнетомъ стѣснительной нужды, подъ страхомъ безпрестанно возрастающей опасности, которая однимъ разомъ могла осуществиться и убить всѣ надежды римскаго престола, тамъ не понимали никакихъ отсрочекъ, хотя бы самыхъ законныхъ; тамъ медленность Пепина готовы были приписать его нерѣшимости, недостатку усердія, можетъ-быть даже тайнымъ связямъ съ лангобардами, и предавались отчаянію. Но въ крайнихъ положеніяхъ отчаяніе и становится главнымъ совѣтникомъ. Мѣры, внушаемыя подобнымъ совѣтникомъ, не отличаются конечно ни большимъ достоинствомъ, ни даже простымъ благоразуміемъ; часто онѣ есть не что иное, какъ этотъ самый пронзительный вопль, которымъ нужда кличетъ себѣ на спасеніе: но чѣмъ пронзительнѣе крики, тѣмъ сильнѣе пора-

[1]) Cod. Car. N 6: Et si perire (quod absit, et avertat divina clementia) nos contigerit, perpende, obsecro, et omni modo perpensa, in cujus animum respiciat ad (id) peccatum. Certe enim omnino credo, Christianissime, si nobis aliqua evenerit calamitas periclitandi, tu de omnibus ante tribunal Dei eris redditurus rationem, etc.

жаютъ они воображеніе, тѣмъ болѣе возбуждаютъ силы къ напряженному дѣйствію.

Не иное было и положеніе Стефана II. Никакіе утѣшительные слухи не приходили изъ Франціи. Посланіе, написанное въ самыхъ настоятельныхъ выраженіяхъ, повидимому не произвело желаемаго дѣйствія. Въ немъ однако истощены были всѣ средства убѣжденія. Повторять ихъ въ другомъ значило еще разъ обречь себя на пустыя ожиданія и, слѣдовательно, на потерю неискупимаго времени. Отказаться отъ союзника тоже было нельзя, потому что только къ нему и была привязана послѣдняя надежда. Болѣзненное чувство собственника, предвидящаго потерю всего своего достоянія, не знало себѣ покоя. Оно-то породило отчаянную и вмѣстѣ наглую рѣшимость Стефана II написать свое второе посланіе къ Пепину—прямо отъ лица св. Петра, какъ если бы его чувства и дѣйствія не различались отъ чувствъ и дѣйствій римскаго епископа: начало несчастнаго смѣшенія, котораго губительныя слѣдствія простираются на цѣлый рядъ послѣдующихъ вѣковъ. Не приводя цѣлаго посланія, мы возьмемъ изъ него нѣкоторыя, самыя видныя мѣста [1]). Не нужно предупреждать, что тонъ посланія по преимуществу патетическій.

„Я, Петръ апостолъ"—такъ начинаетъ посланіе, надписанное ко всѣмъ тремъ патриціямъ—„по волѣ божественнаго милосердія званный Христомъ, Сыномъ Бога живаго, поставленъ его властію быть просвѣтителемъ всего міра (слѣдуютъ тексты). Посему всѣ, слышавшіе мое благовѣстіе и принявшіе его, да увѣруютъ несомнѣнно, что, по повелѣнію Божію, имъ отпустятся всѣ грѣхи въ семъ мірѣ, и они безъ порока перейдутъ въ жизнь будущую. Поелику же просвѣщеніе св. Духа озарило ваши пресвѣтлыя сердца, и вы, воспринявъ евангельскую проповѣдь, возлюбили святую и единичную Троицу: то во ввѣренной намъ апостольской римской церкви сберегается и для васъ несомнѣнная надежда будущихъ наградъ. Итакъ къ вамъ, какъ возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ, обращаю я глаголъ мой, и любовію вашею ко мнѣ убѣждаю васъ, чтобы не оставили вы городъ Римъ и народъ, мнѣ Богомъ ввѣренный, безъ защиты, но исхитили бы ихъ изъ рукъ враговъ, и спасли бы домъ, въ которомъ покоятся мои останки, отъ оскверненія, и избавили бы церковь, мнѣ Богомъ ввѣренную, отъ нужды и притѣсненій всякаго рода, которыя она

---

1) *См.* Cod. Car. N 7 (Bouquet, V, 495).

принуждена терпѣть отъ злобы лангобардовъ (a pessima Langobardorum gente).

„И пусть не будетъ у васъ никакихъ сомнѣній, возлюбленные, но имѣйте за вѣрное, что я самъ обязую и связываю васъ сими моими увѣщаніями такъ же точно, какъ если бы я предсталъ предъ вами во плоти: ибо по обѣщанію, данному намъ самимъ Искупителемъ, вы, франки, любезнѣе намъ всѣхъ народовъ земли...

„Поспѣшайте, поспѣшайте, Богомъ истиннымъ и живымъ убѣждаю васъ, поспѣшайте намъ на помощь, пока еще не изсохъ тотъ живой источникъ, отъ котораго возродились вы, пока еще не погасла послѣдняя искра отъ того яркаго пламени, отъ котораго вы заимствовали свѣтъ свой, пока ваша духовная мать, святая церковь, отъ которой вы чаете будущей жизни, не потерпѣла послѣдняго униженія и насилія отъ рукъ нечестивыхъ.

„Заключаю мои вамъ увѣщанія. Будьте скоры на послушаніе, и вы уготовите себѣ великую награду: я обѣщаю вамъ мое постоянное заступленіе, чтобы вы побѣждали всѣхъ вашихъ враговъ, и были долговѣчны въ сей жизни и имѣли бы несомнѣнную надежду на блаженство въ будущей. Если же—чего мы впрочемъ не думаемъ—станете вы медлить, или вздумаете подъ какимъ ни есть предлогомъ откладывать лежащій на васъ долгъ защиты, знайте, что за такое пренебреженіе моего къ вамъ увѣта, властію св. Троицы и благодатію апостольства, мнѣ даннаго свыше, я отрѣшу васъ отъ царства небеснаго и будущей жизни“.

Никогда низкая лесть и безчестный обманъ не соединялись такъ безстыдно съ самыми дерзкими угрозами, и никогда самая необузданная фантазія не злоупотребляла такъ прозопопеею, какъ это дозволило себѣ испуганное воображеніе римскаго епископа!

Католическіе современники Стефана II руководились впрочемъ иными понятіями. Сознаніе ихъ было несвободно. Авторитетъ римскаго престола, утвердившись въ немъ, мало-помалу дѣйствительно становился мѣриломъ его вѣрованій. Состоя подъ нимъ, нельзя было не признать и всѣхъ его увѣреній. Странность формъ, если она была, поражала не столько смыслъ, сколько воображеніе. Вотъ почему посланіе, написанное отъ лица св. Петра, вмѣсто того, чтобы казаться страннымъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на современниковъ. Пепинъ не уступалъ другимъ въ благоговѣйной

преданности къ римскому авторитету. Неизвѣстно за подлинное, въ какой мѣрѣ его рѣшимость зависѣла именно отъ этого посланія; но послѣ того онъ уже не откладывалъ болѣе предпріятія и опять со всѣмъ своимъ ополченіемъ двинулся къ предѣламъ Италии [1]. Его движеніемъ рѣшена была участь всего лангобардскаго похода. Спѣша на защиту своихъ собственныхъ владѣній, Айстульфъ принужденъ былъ снять осаду Рима, продолжавшуюся цѣлые три мѣсяца. Но онъ не имѣлъ довольно времени, чтобы предупредить Пепина, который быстро наступалъ черезъ Бургундію, Женеву и Монъ-Сени, и не могъ лично распорядиться защитою горныхъ проходовъ (clusae), которые, какъ доказалъ двукратный опытъ, были ключомъ къ владѣніямъ лангобардовъ съ западной стороны [2]. Не воодушевляемые присутствіемъ короля-вождя, лангобарды не долго держались противъ стремительнаго напора франковъ, которые взобрались на самыя высоты и оттуда бросились на своихъ противниковъ. Имѣя въ своей власти горные проходы, Пепинъ могъ свободно простираться впередъ во внутренность страны. Айстульфъ потерялъ присутствіе духа и опять спѣшилъ запереться въ Павіи. Но положеніе его оттого не сдѣлалось лучше. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ въ многолюдномъ городѣ, онъ не могъ долго выдерживать осады, и во второй разъ долженъ былъ принять условія побѣдителя. Такъ кончилась вторая война, предпринятая Пепиномъ на защиту и пользу римскаго престола противъ лангобардовъ.

Главный результатъ двухъ походовъ Пепина въ Италію выразился въ условіяхъ послѣдняго мира, заключеннаго въ Павіи. Они впрочемъ были только повтореніемъ условій перваго. По ясному выраженію Анастасія, побѣжденный король лангобардовъ вторично обязался клятвою—возвратить римскому престолу города и земли, условленные въ первомъ договорѣ его съ Пепиномъ [3]. Единственнымъ прибавленіемъ къ преж-

[1]) Анастасій приписываетъ эту рѣшимость Пепина посланіямъ римскаго епископа: Ad haec vero christianissimus Pipinus rex Francorum fervore fidei motus iterum cum Dei virtute generalem faciens motionem in Longobardorum partes conjunxit.—[2]) Что на этотъ разъ Айстульфъ не участвовалъ лично въ оборонѣ клюзъ, ясно видно изъ извѣстій франкскихъ лѣтописцевъ. Такъ читаемъ у продолжателя Фредегаріева: Rex Aistulphus, cum hoc reperisset, iterum ad clusas exercitum Langobardorum *misit*, qui regi Pippino et Francis resisterent, etc. Contin. Fred. ad an. 755. Ср. также Ann. Met. ad an. 755.—[3]) Anast. ibid: Tunc Aistulphus atrocissimus rex Longobardorum, ut veniam illi (Pipino) tribueret, et ab obsidione cessaret, quas *prius* contempserat *conscriptas in pacti foedere reddere civitates*, se *modis* omnibus professus est redditurum.

нимъ уступкамъ былъ, по его же словамъ — лишь укрѣпленный городъ Комаккіо (Eugubium или Comaclum). Чтобы впрочемъ болѣе обезпечить всѣ эти владѣнія за римскою церковію и какъ бы засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ ея право на нихъ, Пепинъ, не довольствуясь клятвеннымъ обѣщаніемъ Айстульфа, далъ еще отъ себя *дарственную грамоту*, которою римскіе епископы утверждались на вѣчныя времена во владѣніи городами и землями, возвращенными отъ лангобардовъ [1]. Сверхъ того, рѣшившись твердо не допускать ни малѣйшей отсрочки въ исполненіи договора, онъ тогда же назначилъ отъ себя аббата Фульрада, чтобы онъ немедленно отправился вмѣстѣ съ повѣренными Айстульфа во всѣ города экзархата и Пентаполиса и принялъ ихъ во владѣніе римской церкви. Въ силу такого порученія аббатъ дѣйствительно объѣхалъ почти весь экзархатъ и Пентаполисъ, вездѣ заставилъ вручить себѣ ключи отъ городскихъ воротъ, взялъ потомъ съ собою изъ каждаго города по нѣскольку первостепенныхъ гражданъ (primates), можетъ-быть самыхъ магистратовъ, и съ этими мирными трофеями отправился въ Римъ. Города и укрѣпленныя мѣста, принятыя имъ такимъ образомъ во владѣніе, были слѣдующіе: Равенна, Римини, Пезаро, Фано, Чезена, Синигалія, Њзи, Форлимпополи, Форли, Монтеферсти, Аччераджіо, Монте ди Люкаро, Серра, Сантъ-Маріано, Бобіо, Урбино, Кальи, Губбіо, Комаккіо и Нарни [2]. Честно выполняя свой обѣтъ, данный римскому престолу, Пепинъ не забылъ также и себя и своихъ сподвижниковъ. При заключеніи мира, Айстульфъ долженъ былъ уступить ему третью часть всей своей казны и сверхъ того щедро надѣлить всѣхъ знатныхъ франковъ, находившихся въ свитѣ короля [3]. Наконецъ нѣсколько благородныхъ лангобардовъ должны были, въ качествѣ заложниковъ, отправиться съ Пепиномъ во Францію.

Римскому епископу можно было напутствовать Пепина, возвращавшагося во Францію, всѣми благословеніями. Благодаря его мужеству, усердію и строгой честности въ исполненіи даннаго слова, патримоніи римской церкви вдругъ увеличились, сверхъ Нарни, съ которой она начала свои притязанія,

1) Idem: De quibus omnibus receptis civitatibus *donationem in scriptis* a b. Petro atque a s. R. Ecclesia, vel omnibus in perpetuum Pontificibus Ap. Sedis, misit possidendam, quae et usque hactenus in archivio s. nostrae ecclesiae recondita tenetur.—2) Ibidem. Ср. Murat. Ann. ad an. 755. См. также Türk, Das lang. Volksrecht, p. 130.—3) См. Contin. Fredeg. ibidem.

цѣлымъ экзархатомъ, Пентаполисомъ и еще частію Эмиліи. Но эти новыя патримоніи никакъ не подходили подъ одинъ разрядъ съ прежними: это были уже не отдѣльныя мѣста, угодья, земли съ колонами, ихъ населяющими, а большіе свободные города и даже цѣлыя области. Потому и самый характеръ владѣнія ими долженъ былъ быть отличный отъ перваго: тогда какъ прежнія патримоніи составляли лишь частное владѣніе римской церкви, новопріобрѣтенныя ею земли необходимо принимали характеръ владѣнія публичнаго, которое давало ей право высшаго распоряженія ими и управленія. Здѣсь было однимъ словомъ начало *территоріальной* власти римскихъ епископовъ. Напрасно хотятъ подозрѣвать какія-то условія зависимости, подъ которыми будто бы Пепинъ могъ уступить римской церкви владѣніе экзархатомъ и прочими землями [1]): никто изъ современниковъ не говоритъ о подобныхъ условіяхъ, и мы дѣйствительно не знаемъ ни одной претензіи Пепина въ этомъ смыслѣ. Ясно, что, *даря* римскому престолу земли, возвращенныя отъ лангобардовъ, онъ не выговаривалъ себѣ никакихъ особенныхъ правъ и оставался только ея „защитникомъ", или „патриціемъ" [2]). Но экзархатъ съ прилежащими къ нему областями составлялъ только часть большого государственнаго цѣлаго, недавно разложившагося: доставъ себѣ эту важную часть съ характеромъ владѣнія публичнаго, какъ было не подумать новому владѣльцу и о томъ, чтобы около своего перваго пріобрѣтенія собрать и остальныя части и мало-по-малу возстановить, хотя подъ другими формами, и весь государственный организмъ? Фактъ владѣнія экзархатомъ такимъ образомъ открывалъ начало римскимъ претензіямъ и на прочія части римской Италии, какъ такія, которыя вмѣстѣ съ нимъ должны быть соединены подъ однимъ государственнымъ началомъ. Это такъ вѣрно, что не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же году, принося Пепину благодарность за всѣ его благодѣянія римскому престолу, Стефанъ II не стыдился уже просить

---

1) См. Türk, ibidem. — 2) Что касается до права, на основаніи котораго Пепинъ могъ отдать экзархатъ римскому престолу, то очевидно, что это было право побѣдителя или сильнаго. Въ этомъ смыслѣ не лишено справедливости замѣчаніе Эллендорфа, хотя можетъ-быть онъ выражено слишкомъ рѣзко: Fragen wir nach dem Rechte, womit Pipin die genannten Länder an den Papst verschenkte, so war es nur das der Gewalt; denn jene Länder gehörten mit allem (?) Rechte den griechischen Kaisern. Wenn die Besitznahme des Exarchats durch die Langobarden ein Ländenraub war, so fand sich Pipin in der Lage eines Mannes, der einem Raüber eine Beute abnimmt und sie nicht dem bekannten rechten Herrn, *sondern einem Freunde* schenkt.

у него и еще нѣсколько городовъ, какъ-то: Фавенцію, Имолу, Феррару, Болонію, Анкону, подъ тѣмъ предлогомъ, что они нѣкогда состояли подъ однимъ управленіемъ съ экзархатомъ, и выражалъ, свою несомнѣнную увѣренность въ его помощи, въ случаѣ, если бы встрѣтилось какое препятствіе со стороны короля лангобардовъ [1]).

Но точно ли экзархатъ и Пентаполисъ были отданы римскому престолу? Не та ли была собственная мысль Пепина, чтобы, передавая эти земли римской церкви, черезъ ея посредство возвратить ихъ государству, т. е. римской имперіи? Нѣкоторыя выраженія посланій Стефана II къ Пепину дѣйствительно могли бы подать поводъ къ подобному сомнѣнію. Такъ жалуется онъ на Айстульфа, что тотъ, вопреки своему обѣщанію, не возвратилъ ни клочка земли „св. Петру и его церкви, или римской республикѣ" [2]). И впослѣдствіи, когда ужъ дѣло состояло въ томъ, чтобы, для округленія дарственныхъ земель, присоединить къ нимъ и еще нѣкоторые города, онъ опять пишетъ къ Пепину, что король лангобардовъ съ своей стороны обѣщалъ уступить ихъ—„св. церкви, или римской республикѣ". [3]) Каковъ бы ни былъ настоящій смыслъ этихъ выраженій, вѣрно впрочемъ то, что Пепинъ, принося экзархатъ въ даръ св. Петру, или римской церкви, вовсе не думалъ о римской республикѣ въ смыслѣ Восточной имперіи. По отношенію къ послѣдней истинныя намѣренія Пепина очень ясно обнаружились при одномъ обстоятельствѣ. Мы разскажемъ его такъ, какъ оно передано намъ современными извѣстіями. Дѣло происходило во время второго похода Пепина противъ Айстульфа. Имперія наконецъ спохватилась, когда до Константинополя дошли вѣсти о послѣднихъ происшествіяхъ въ Италіи. Экзархатъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а между тѣмъ никто и не думалъ справляться о правахъ на него имперіи. Пора было догадаться, что надобно было или проститься

---

[1]) Cod. Car. N 8:.. Flexis genibus petens peto te, — ut civitates reliquas, *quae sub unius dominii ditione* erant connexae, atque constitutos fines, territoria, etiam loca et saltora, *in integro* matri tuae spirituali s. ecclesiae restituere praecipiatis, etc.—Извѣстно, что у Leo Ostiensis эти и другія претензіи римскаго престола являются уже положительными правами.—[2]) Cod. Car. N 3: Nec unius enim palmi terrae spatium b. Petro sanctaeque Dei ecclesiae, vel reipublicae Romanorum reddere passus est.—И ниже: Petro sanctaeque D. ecclesiae et reipublicae civitates et loca restituenda confirmastis. —[3]) Cod. Car. N 8: Unde petimus te, — ut si praedictus Desiderius, quemadmodum spopondit, justitiam s. Dei Ecclesiae suae, sive reipublicae Romanorum, b. Petro protectori tuo plenius restituere, etc.

съ нимъ навсегда, или принять дѣятельныя мѣры для сохраненія его за собою. Усилить свою дѣятельность сверхъ обыкновеннаго—имперія впрочемъ была рѣшительно не въ состояніи. Нельзя развертывать силъ, которыхъ нѣтъ въ запасѣ. Чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, положили обратиться къ Пепину, какъ побѣдителю лангобардовъ, въ той надеждѣ, что можетъ-быть онъ сдастся, если не на справедливыя представленія имперіи, то по крайней мѣрѣ на ея золото, и отступится въ ея пользу отъ своего завоеванія. Въ Константинополѣ, очевидно, никому и въ голову не приходило, чтобы былъ еще третій претендентъ на экзархатъ, или чтобы римскій епископъ могъ требовать его прямо въ пользу своего престола. Нарочное посольство, состоявшее изъ высшихъ императорскихъ чиновниковъ, Григорія и извѣстнаго намъ силенціарія Іоанна, назначено было для переговоровъ съ королемъ франковъ [1]). Путь ихъ лежалъ на Римъ. Здѣсь съ удивленіемъ узнали они отъ самого епископа, что Пепинъ уже вторично находится на походѣ въ Италію. Не будучи хорошо извѣщены о сношеніяхъ, происходившихъ между римскимъ престоломъ и королемъ франковъ, они не могли понять цѣли этого движенія и сначала не хотѣли ему повѣрить [2]). Но пребываніе въ Римѣ если еще не вполнѣ раскрыло имъ глаза, то навело на многія подозрѣнія. Догадываясь, въ чемъ дѣло, и желая предупредить Пепина насчетъ требованій византійскаго правительства, они поспѣшно оставили Римъ и моремъ поѣхали въ Массилію. Стефанъ II, которому это посольство было весьма не по мысли, тоже отправилъ съ ними своего повѣреннаго, повидимому съ тою цѣлію, чтобъ поддерживать ихъ требованія, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы лучше наблюдать за ихъ дѣйствіями и втайнѣ отстаивать противъ нихъ интересы римскаго престола передъ Пепиномъ. Лишь въ Массиліи послы узнали за достовѣрное, что экзархатъ дѣйствительно обѣщанъ римскому епископу, и что, исполняя свои обѣщанія, Пепинъ уже вступилъ во владѣнія лангобардовъ. Можно представить, какъ непріятно подѣйствовала эта новость на пословъ императора. Тогда объяснилось имъ и порученіе бывшаго съ ними римскаго повѣреннаго. Видя себя кругомъ обманутыми, они пришли въ

---

[1]) Anast. ibid: Etenim cum ad praedictas Longobardorum clusas jam fatus chr. Pipinus Francorum appropinquaret rex, conjunxerunt in hac R. urbe imperiales missi, Gregorius sc. protosecreta et Ioannes silentiarius, directi ad praedic*tum Francorum* regem. Cp. Murat. Ann. ad an. 755. — [2]) Ibid: Quod quidem illi *dubium habuerunt* credendi.

большую досаду, которую особенно дали почувствовать своему спутнику [1]). Послѣ всѣхъ объясненій они потребовали отъ него, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не ѣхалъ далѣе и оставался въ Массиліи, и когда тотъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи продолжать путь вмѣстѣ, то старшій изъ императорскихъ пословъ, по имени Григорій, отправился впередъ, вѣроятно предоставивъ своему товарищу хлопотливую заботу — задержать еще на нѣсколько времени безотвязнаго римлянина. Пепина настигъ Григорій уже неподалеку отъ Павіи. При немъ не было Стефана и даже никакого повѣреннаго отъ него; но и это обстоятельство не принесло никакой пользы послу императора. Напрасно расточалъ онъ передъ Пепиномъ свое краснорѣчіе, напрасно кланялся ему и, по византійскому обычаю, сулилъ богатые дары, неотступно убѣждая его отдать Равенну и всѣ прочіе города и укрѣпленныя мѣста экзархата — снова *подъ императорскую власть*. Намѣренія Пепина были неизмѣнны. Посолъ имперіи, приходившій униженно просить о возвращеніи того, что́ должно было принадлежать ей по праву, не могъ внушить никакого уваженія ни къ своей особѣ, ни къ силамъ представляемаго имъ государства. На всѣ просьбы Григорія король отвѣчалъ рѣшительно, что „никогда онъ не согласится тѣмъ или другимъ способомъ взять назадъ земли и города, однажды поставленные имъ подъ власть св. Петра, римской церкви и апостольскаго престола“, и подтвердилъ подъ клятвою, что „вовсе не въ интересѣ того или другого лица (хотя бы то былъ и самъ императоръ?), но единственно изъ любви къ св. Петру и ради оставленія своихъ грѣховъ предпринималъ и предпринимаетъ онъ свои походы въ Италію“ [2]). Послѣ того онъ отпустилъ отъ себя посла, предоставивъ ему сообщить византійскому двору не совсѣмъ пріятное извѣстіе, что экзархатъ отнынѣ принадлежитъ не имперіи, но римскому престолу.

Еще менѣе можно разумѣть подъ „римской республикой“, упоминаемой въ посланіяхъ римскаго епископа, старое римское государство; оно давно кончило свое существованіе и не могло принимать на свое имя никакихъ приношеній. Память о немъ,

[1]) Ibid: Et haec cognoscentes ipsi imperiales missi tristes effecti nitebantur dolose missum Ap. S. detinere Massiliam, ut minime ad praedictum properaret regem, affligentes eum valide.— [2]) Anast. ibid: Asserens isdem Dei cultor, mitissimus rex, nulla penitus ratione easdem civitates a potestate b. Petri et jure ecclesiae Romanae, vel Pontificis Ap. Sedis quoque modo alienari, affirmans etiam sub juramento, quod per nullius hominis favorem sese certamini saepius dedisset, nisi pro amore b. Petri et venia delectorum; asserens et hoc, quod nulla eum thesauri copia suadere valeret, ut, quod semel b. Petro obtulit, auferret.

память о независимой имперіи съ своимъ самостоятельнымъ центромъ внутри полуострова, правда, никогда не умирала въ Италіи, какъ это мы видѣли на многихъ примѣрахъ. Жители Италіи весьма охотно возвращались къ ней всякій разъ, какъ только обстоятельства казались довольно благопріятны. Но это значитъ только, что въ италіанскомъ народѣ никогда не переставало жить стремленіе къ возстановленію своего политическаго единства, и что еще отъ древнихъ временъ „римская республика" осталась для него символомъ этого единства. Не дѣйствительно существующій государственный организмъ, но самый процессъ его постепеннаго образованія изъ разныхъ элементовъ и всеобщая наклонность къ его воспріятію, скрывались подъ названіемъ „римской республики", какъ наиболѣе понятномъ общему смыслу народа въ значеніи единаго и самостоятельнаго государства. Съ нѣкотораго времени римскій престолъ старался поставить себя исключительнымъ центромъ всѣхъ стремленій италіанскаго народа къ независимости, и мало-по-малу обратить ихъ въ пользу своего авторитета. Но, предпринимая неслыханное дѣло—дать своему церковному авторитету и характеръ власти государственной, римскіе епископы имѣли довольно благоразумія, чтобы до времени не называть своихъ стремленій ихъ настоящимъ именемъ. Поэтому, для прикрытія своихъ видовъ, они пользовались, вмѣстѣ съ именемъ св. Петра, и старымъ названіемъ римскаго государства, столько знакомымъ слуху римлянина и столько ласкающимъ народное самолюбіе. Другого значенія не имѣла „римская республика" въ посланіяхъ римскихъ епископовъ.

Айстульфъ не долго пережилъ несчастіе свое и своего государства. Однажды, во время охоты, онъ упалъ съ лошади и черезъ нѣсколько дней кончилъ жизнь. Это было въ слѣдующемъ году послѣ второго похода Пепина въ Италію (756). Говорятъ впрочемъ, что до самаго конца жизни онъ не переставалъ думать о томъ, какъ бы возвратить потерянное [1]). Немного спустя (въ первой половинѣ 757) умеръ и Стефанъ II, завѣщая своимъ преемникамъ по возможности увеличивать „даръ Пепина" новыми пріобрѣтеніями.

---

1) См. Einh. Ann. ad an. 756.—Съ своей стороны Стефанъ II также до конца дней не могъ забыть своей вражды къ нему. Въ своемъ благодарственномъ посланіи къ Пепину, упомянувъ о смерти Айстульфа, онъ тутъ же честитъ его слѣдующими словами: tyrannus, sequax diaboli, devorator sanguinum christianorum, ecclesiarum Dei destructor. Все это, конечно, въ примѣръ христіанскаго *прощенія* обидъ!

XI.

Римскій престолъ подъ патриціатомъ Каролинговъ. Мѣстныя власти въ римской Италіи по освобожденіи ея отъ византійскаго владычества. Лангобардская политика при Дезидеріи. Партіи въ Римѣ. Стефанъ III. Родственный союзъ между Дезидеріемъ и Каролингами. Адріанъ I и Карлъ Великій. Завоеваніе лангобардскаго государства.

Даръ Пепина римскому престолу, облегчивъ разрѣшеніе одной исторической задачи, въ то же время положилъ начало новымъ, еще болѣе запутаннымъ отношеніямъ.

Вопросъ о власти Восточной имперіи надъ Италіею былъ рѣшенъ окончательно. Отъ всего экзархата, который нѣкогда вмѣщалъ въ себѣ цѣлый полуостровъ, ей остались лишь нѣкоторыя владѣнія на югѣ. Вновь предпринять отсюда завоеваніе Италіи было больше не по силамъ имперіи, у которой не достало энергіи и на то, чтобы спасти прежде пріобрѣтенное. Еще не вдругъ отказались въ Константинополѣ отъ всякой мысли объ экзархатѣ и, чтобы возстановить на него права имперіи, не забывали при всякомъ случаѣ — предъявлять ихъ Пепину! Нѣсколько разъ послы императорскіе являлись во Франціи съ представленіями отъ константинопольскаго двора; однажды даже составился было планъ породнить Каролинговъ съ Исаврійскою династіею, конечно для того, чтобы экзархатъ вмѣстѣ съ другими италіанскими владѣніями могъ обратно отойти къ имперіи въ видѣ приданаго каролингской принцессы [1]. Но римскіе епископы бдительно стояли

[1] Бракъ предположенъ былъ между Гизелою, дочерью Пепина, и сыномъ Константина Копронима. Объ этомъ упоминаетъ Стефанъ III въ одномъ изъ своихъ посланій къ Карлу и Карломану. Cod. Car. N 45 (Bouquet, V, 543).— Вообще же о пребываніи пословъ императорскихъ во Франціи нѣсколько разъ упоминаютъ посланія римскихъ епископовъ къ Каролингамъ. См. напр. Cod. Car. N 8, etc.

на стражѣ своихъ интересовъ: ихъ повѣренные почти не оставляли двора „римскихъ патриціевъ“ и своимъ вліяніемъ обращали въ ничто всѣ покушенія византійскихъ дипломатовъ. Экзархатъ былъ невозвратимъ.

Укрѣпленный за римскимъ престоломъ, экзархатъ вмѣстѣ съ Пентаполисомъ полагалъ прочное начало территоріальной власти римскихъ епископовъ въ Италіи. Такимъ образомъ осуществлялось стремленіе, котораго успѣхъ казался болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, и которое до сего времени обыкновенно прикрывали чужими именами. Измѣнился прежній чисто патримоніальный характеръ владѣній римскаго престола, и учрежденіе духовное заключало свою національную заслугу тѣмъ, что само выступало на чреду государственныхъ авторитетовъ полуострова. У него теперь открывалась своя будущность и въ этомъ отношеніи. Владѣніе экзархатомъ давало ему смѣлость и поводъ распространять свои притязанія и далѣе. Еще никакой актъ не передавалъ новой власти—Рима съ его областію; но тотъ, кто былъ господиномъ Равенны и имѣлъ Римъ своею постоянною резиденціею, развѣ только сильною оппозиціею могъ быть приведенъ къ сознанію, что онъ живетъ не въ своемъ городѣ. Оппозиціи же пока ни откуда не обнаруживалось, кромѣ устраненной власти византійскаго правительства. Сверхъ того римскіе епископы могли думать, что они заслужили себѣ нѣкоторое право на Римъ своими заслугами его независимости. Вообще, владѣя экзархатомъ, римскій престолъ отсюда выводилъ для себя право быть первымъ правительственнымъ авторитетомъ и въ цѣлой римской Италіи. Но чѣмъ болѣе римскій авторитетъ распространялся въ сферѣ новыхъ правъ, тѣмъ болѣе уклонялся онъ отъ своего первоначальнаго направленія, которое было основаніемъ его популярности въ Италіи. Частные интересы римскаго престола не совпадали болѣе съ интересами національными. Преслѣдуя исключительно первые, вездѣ поставляя ихъ на переднемъ планѣ, епископы Рима не замѣчали изъ-за нихъ послѣднихъ, и уже не задумываясь приносили ихъ въ жертву своимъ расчетамъ. Прежде они служили національному дѣлу Италіи, а теперь Италія должна была послужить видамъ ихъ властолюбія.

Помогая своею сильною рукою римскимъ епископамъ противъ лангобардовъ, Каролинги утверждали и на будущія времена свое вліяніе на дѣла Италіи. Конечно походы Пепина противъ лангобардовъ не имѣли цѣлію завоеванія, и Италія

не превратилась въ покоренную провинцію, какъ при Юстиніанѣ I, когда, за свое освобожденіе отъ владычества готовъ, она должна была пожертвовать своею политическою самостоятельностію Восточной имперіи. Между тѣмъ начинавшіяся отсюда отношенія Италіи къ франкамъ, хотя и не уничтожали совершенно ея независимости, впрочемъ вовсе не болѣе благопріятствовали ея самостоятельному развитію, чѣмъ прежнее подчиненіе Византіи, и неминуемо вели вновь къ утвержденію чужого владычества на полуостровѣ. Не забудемъ прежде всего, что государство, съ которымъ Италія вновь соединяла свою судьбу чрезъ посредство римскаго престола, представляло собою гораздо болѣе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и вообще носило въ себѣ болѣе залоговъ прочности, чѣмъ Восточная имперія. Отъ него нельзя было отдѣлаться легко и скоро, въ случаѣ, если бы покровительство его оказалось слишкомъ отяготительно. Италія не подчинялась Пепину, какъ страна завоеванная, но, волею или неволею, она становилась подъ его опеку, слѣдовательно отказывалась въ пользу другого отъ права свободнаго самоопредѣленія во внутреннемъ устройствѣ своей судьбы. Благодаря честности Пепина и преданности его церкви св. Петра, римская Италія дѣйствительно пока не потерпѣла никакихъ невыгодъ отъ вмѣшательства франковъ, но за то оно легло тяжелымъ бременемъ на Италіи лангобардской. Перемѣна была очень чувствительна. Короли лангобардовъ, которымъ уже открывались виды на господство въ цѣлой Италіи, вдругъ становились данниками Каролинговъ. Съ точки зрѣнія римскаго престола можно было, пожалуй, порадоваться начинающемуся плѣну „иноплеменниковъ"; но кромѣ того, что недобросовѣстно было причислять къ иноплеменникамъ народъ, около двухъ вѣковъ жившій на италіанской почвѣ, не надобно забывать еще, что безчестіе, которому подвергались лангобарды, какъ данники чужихъ королей, необходимо падало и на самую землю, ими занимаемую, а эта земля—составляла значительную часть Италіи. Что касается до отношеній, которыя начались собственно между римскимъ престоломъ и Пепиномъ, то они получили для себя оффиціальное выраженіе во вновь учрежденномъ „римскомъ патриціатѣ", который какъ бы долженъ былъ замѣнить собою упразднившійся экзархатъ равеннскій. Конечно, перенося на Пепина и его сыновей титло „римскихъ патриціевъ", римскіе епископы не думали налагать на себя, по отношенію къ нимъ, иныхъ обязанностей, кромѣ вѣрности и

должной признательности за ожидаемыя отъ нихъ помощь и содѣйствіе римскому престолу въ его нуждахъ: они хотѣли имѣть въ нихъ себѣ сильныхъ покровителей и защитниковъ, и отвѣчали развѣ только въ случаѣ нарушенія съ своей стороны добраго мира и согласія съ ними [1]). Но всякое политическое покровительство, хотя бы оно и не налагало никакихъ формальныхъ обязанностей, есть уже шагъ къ преобладанію. Мы дѣйствительно весьма бы затруднились, если бы захотѣли съ точностію опредѣлять права и обязательства новыхъ союзниковъ по отношенію другъ къ другу и отыскивать въ самомъ первомъ моментѣ союза признаки рѣшительнаго преобладанія Каролинговъ: это потому, что отношенія были еще слишкомъ новы, что они находились такъ-сказать въ процессѣ своего образованія, и потому самому не могли заключать въ себѣ ничего строго опредѣленнаго. Лишь впослѣдствіи должны были они опредѣлиться сполна, развиваясь вмѣстѣ съ событіями, которыя сами необходимо условливались ими въ своемъ движеніи. Итакъ союзъ между Стефаномъ II и Пепиномъ важенъ былъ не столько самъ по себѣ, сколько потому, что онъ былъ основаніемъ и зачиномъ для развитія будущихъ отношеній между римскою церковію и Каролингами. Но въ чью пользу могло всего скорѣе клониться это будущее развитіе, какъ не въ пользу сильныхъ покровителей? Уже самыя первыя сношенія новыхъ патриціевъ съ римскими епископами открывали вліянію первыхъ Римъ и черезъ него всю римскую Италію. Послы Каролинговъ не переставали одни за другими являться въ Римъ и часто оставались тамъ на долгое время. Въ городѣ, гдѣ такъ легко составлялись партіи по малѣйшему поводу, пребываніе пословъ сильнаго короля также не могло пройти даромъ. Какъ люди съ большимъ вліяніемъ на всю римскую политику, они составляли собою центръ, около котораго собиралась изъ римскихъ сановниковъ новая политическая партія, находившая

---

1) Такъ обозначены эти отношенія, напримѣръ, въ 1 посланіи епископа Павла къ Пепину: Quoniam hoc pro certo agnoscas, excellentissime et a Deo protecte, *noster post Deum auxiliator et defensor*, rex, quod firmi et robusti usque ad animam et sanguinis nostri effusionem in ea fide et dilectione, et caritatis concordia, atque pacis foedere, quae praefatus b. memoriae dominus et germanus meus s. Pontifex vobiscum confirmavit, permanentes, et cum nostro populo permanebimus usque in finem. Unde et indesinenter... D. Dei nostri exoramus clementiam, ut semper *tuum auxilium et firmissima protectio* extendatur *super nos. Cod. Car.* № 13 (Bouquet, V, 501).

для себя важную выгоду въ томъ, что могла непосредственно обращаться къ представителямъ франкскаго могущества. Такимъ образомъ около самаго римскаго престола зарождался новый элементъ силы, который могъ сдѣлаться для него даже опаснымъ въ случаѣ, если бы между ними дошло до разногласія. Главная опасность впрочемъ лежала далѣе впереди. Въ начинающемся преемствѣ римскихъ патриціевъ не всѣмъ наслѣдникамъ Пепина могли достаться въ удѣлъ и самыя его свойства. Безкорыстіе перваго патриція по отношенію къ интересамъ римскаго престола условливалось его личнымъ характеромъ и не могло быть обязательнымъ примѣромъ для его потомковъ. Естественнѣе было ожидать, что между ними не замедлятъ явиться люди болѣе властолюбивые и менѣе связанные уваженіемъ къ римскому авторитету, которые не пропустятъ случая воспользоваться своими отношеніями къ Италіи для увеличенія своей власти. Патриціатъ въ своемъ началѣ былъ какъ бы обновленною формою экзархата (въ смыслѣ авторитета). Поэтому открывавшіяся имъ отношенія Италіи къ Западу какъ бы вообще заступали мѣсто прежнихъ отношеній ея къ Востоку. Но экзархатъ никогда не имѣлъ собственнаго полномочія: онъ непосредственно зависѣлъ отъ имперіи и былъ только представителемъ ея авторитета въ Италіи. Новые римскіе патриціи, какъ самостоятельные короли, не зависѣли ни отъ кого: если для нихъ не были совершенно потеряны историческія воспоминанія, то имъ естественнѣе было понимать себя на мѣстѣ императоровъ, чѣмъ ихъ намѣстниковъ. Правда, что правительственныя права прежняго равеннскаго авторитета, по крайней мѣрѣ въ границахъ извѣстной территоріи, перешли къ римскимъ епископамъ. Но споръ едва ли могъ быть успѣшно веденъ на этомъ основаніи, потому что этими самыми правами епископы Рима обязаны были не иному кому, какъ именно своимъ патриціямъ, и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ становились по отношенію къ нимъ почти въ ту же зависимость, въ какой были экзархи отъ императоровъ. Такъ запутывались вновь отношенія. Только этою формою, т. е. формою имперіи, и могли они опредѣлиться окончательно. Однимъ словомъ, въ далекой перспективѣ Италіи представлялось новое будущее, которое очень походило на возвращеніе къ старому порядку вещей.

Но на пути къ этому болѣе или менѣе отдаленному будущему Италія должна была еще разрѣшить себѣ вопросъ пап-

гобардскій. Послѣднія событія показали ясно, на чью сторону клонилась побѣда въ борьбѣ на жизнь и смерть между двумя учрежденіями, которыя стояли на очереди политическаго преобладанія въ Италіи. Тѣми или другими средствами, но римскій престолъ уже торжествовалъ надъ своими противниками, такъ что если не принимать въ соображеніе отношеній его къ Каролингамъ, то почти не было больше сомнѣнія, что всѣ результаты борьбы обратятся въ его пользу. Мы видѣли выше, какъ невыгоденъ былъ для самостоятельности лангобардскаго государства договоръ, окончившій войну Айстульфа съ Пепиномъ. Дѣло впрочемъ не ограничилось одною данію и потерею вновь пріобрѣтенной области, которая составляла ключъ къ обладанію полуостровомъ. Побѣды Пепина невыгодно отозвались даже во внутреннемъ составѣ государства, какъ оно было до послѣдняго завоеванія. Самое важное дѣло Ліутпранда, подчиненіе Сполето и Беневента, было ими снова ниспровергнуто. Еще не далѣе, какъ во время послѣдней осады Рима Айстульфомъ, видѣли мы сполетскихъ и беневентскихъ лангобардовъ дѣйствующими заодно съ королемъ подъ стѣнами осажденнаго города. Но неудачи, понесенныя потомъ Айстульфомъ, снова пробудили между ними сепаратныя стремленія. Пользуясь униженіемъ короля, опять разумѣется не безъ содѣйствія римской интриги, сначала сполетинцы, а потомъ вслѣдъ за ними и беневентцы поставили себѣ, по своей волѣ, новыхъ герцоговъ и спѣшили поручить себя, чрезъ посредство римскаго престола, покровительству того же сильнаго поборника всѣхъ стремленій, направленныхъ противъ лангобардскаго владычества въ Италіи [1]). Это значило, ни болѣе ни менѣе, какъ то, что герцогства сполетское и беневентское снова отдѣлялись отъ единства лангобардскаго государства и, чтобы лучше обезопасить свою малонадежную независимость, временно отдавались подъ власть Пепина. Пока существовалъ лангобардскій престолъ, для него конечно не могло быть потери чув-

---

1) Въ благодарственномъ посланіи Стефана II къ Пепину читаемъ: Nam et Spoletani ducatus generalitas per manus b. Petri et suum fortissimum brachium constituerunt sibi ducem, et tam ipsi Spoletani, quamque etiam Beneventini, omnes se commendare per nos a Deo servatae excellentiae tuae cupiunt, et imminent, anhelantius in hoc deprecando bonitatem tuam. См. Cod. Car. N 8 (Bouquet, V, 499). Нѣсколько позже Павелъ писалъ Пепину же о Дезидеріи, что онъ Spoletanum et Beneventanum, qui se sub vestra a Deo servata potestate contulerunt, ad magnum spretum regni vestri desolavit, etc. См. ibid. N 15 (*Bouquet, V, p. 504*).

ствительнѣе. Отпаденіе Сполето и Беневента лишало его весьма важной части національныхъ силъ и вдругъ возвращало государство на нѣсколько стадій назадъ—такъ, какъ если бы все царствованіе Ліутпранда однимъ почеркомъ пера было вычеркнуто изъ лангобардской исторіи. Мысль о покореніи Италіи лангобардскому началу становилась уже почти неисполнимою. Преемники Айстульфа не иначе могли возвратиться къ ней, какъ возстановивъ напередъ свой авторитетъ въ Сполето и Беневентѣ и вторично приведя ихъ въ полную зависимость отъ себя—предпріятіе, требовавшее гораздо больше твердости духа и энергіи, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ правителей государства, которое въ короткое время потерпѣло столько тяжелыхъ пораженій и со всѣхъ сторонъ было окружено сѣтью франко-римской интриги. Положимъ впрочемъ, что у нихъ достало бы силы и ловкости для того, чтобы въ одну благопріятную минуту возстановить свою власть въ отторгнувшихся провинціяхъ: имъ тѣмъ болѣе не уйти было отъ римской ненависти, а она — всегда готова была вооружить небо и землю, чтобы только положить конецъ существованію лангобардскаго авторитета въ Италіи. Такъ, даже самые успѣхи лангобардскихъ королей внутри ихъ законной области не обѣщали имъ ничего добраго въ будущемъ. Судьба государства была уже отмѣчена, и самыя благородныя усилія не могли болѣе предотвратить его паденія.

Итакъ нельзя было больше и думать, что внутреннія отношенія Италіи устроятся когда-нибудь подъ преобладающимъ вліяніемъ лангобардскаго начала. Его будущее невѣчно было даже въ предѣлахъ стараго лангобардскаго завоеванія. Торжествующій надъ нимъ римскій авторитетъ вездѣ мало-по-малу заступалъ и его мѣсто. Поэтому и господствующее вліяніе на образованіе внутреннихъ отношеній въ Италіи, преимущественно гражданскихъ и правительственныхъ, должно было принадлежать римскому началу, по крайней мѣрѣ на то время, пока еще вмѣшательство Каролинговъ въ дѣла полуострова ограничивалось только благосклоннымъ покровительствомъ римскому престолу, и патриціатъ ихъ не получилъ характера власти. Любопытно теперь знать, въ какой мѣрѣ римскій церковный авторитетъ, по своему положенію въ самой римской Италіи, способенъ былъ поставить себя какъ высшій правительственный авторитетъ также и въ свѣтскихъ отношеніяхъ, и могъ выгодно замѣнить собою вытѣсненное имъ лангобардское начало въ дѣлѣ сосредоточенія всѣхъ народныхъ

силъ полуострова около одного политическаго центра. Замѣтимъ при этомъ, что сила нашего вопроса простирается не на ближайшія только времена Италіи, когда впереди у ней было почти уже неотвратимое владычество Каролинговъ, но и на всю послѣдующую ея исторію въ продолженіе Среднихъ вѣковъ. Ибо послѣ Каролинговъ, какъ и передъ ними, римскій престолъ одинаково оставался при своемъ притязаніи— быть первымъ между туземными авторитетами полуострова.

Возьмемъ для сравненія соотвѣтствующее положеніе лангобардскаго королевскаго авторитета, какъ мы нашли его въ эпоху Ліутпранда. На чемъ утверждалась сила этого авторитета внутри лангобардской Италіи? Чтó внушало ему смѣлость и давало средства, не стѣсняясь предѣлами перваго завоеванія, подходить грозою къ стѣнамъ Равенны и потомъ самаго Рима? Не то ли, что, благодаря энергіи королей, всѣ герцоги одинъ за другимъ были приведены въ полную зависимость отъ престола, что изъ самостоятельныхъ правителей они сдѣлались намѣстниками короля и были, каждый во ввѣренной ему области, лишь исполнителями его распоряженій? Когда Сполето и Беневентъ покорились Ліутпранду и приняли назначенныхъ имъ герцоговъ, всѣ лангобардскія земли составили одно крѣпкое цѣлое, которое какъ будто имѣло своимъ назначеніемъ собрать около себя всѣ разрозненныя части Италіи. Естественно, что, куда бы потомъ ни проникъ лангобардскій авторитетъ, въ Равенну, Римъ, Неаполь и даже въ Калабрію и Луканію, вездѣ долженъ былъ онъ установить вмѣстѣ съ собою и новый порядокъ, то-есть извѣстныя отношенія мѣстныхъ властей къ одной центральной. То же самое единство, которымъ держалась связь между отдѣльными частями собственно лангобардскаго государства, должно было связать и всю остальную Италію. Въ римской Италіи въ соотвѣтствующую эпоху происходило совершенно обратное явленіе. Отъ военной организаціи, введенной нѣкогда византійцами, не осталось здѣсь почти никакихъ слѣдовъ (за исключеніемъ развѣ Неаполя, который рано отсталъ отъ общаго движенія). Чѣмъ болѣе возрастало народное движеніе въ римской Италіи, и милиція заступала въ городахъ мѣсто военныхъ гарнизоновъ, тѣмъ болѣе падалъ авторитетъ дуковъ, или мѣстныхъ правителей. Наконецъ, во время большого народнаго возстанія по случаю распространенія на Италію второго иконоборческаго эдикта, они были совершенно низложены, *и какъ экзар*хату тоже нанесенъ былъ сильный ударъ, отъ

котораго онъ не могъ потомъ оправиться, то учрежденіе и не могло быть болѣе возстановлено въ прежнемъ его значеніи. Спрашивается—какія же были слѣдствія этого переворота во внутреннемъ управленіи Италіи? Кому досталась власть низложенныхъ дуковъ, и имѣлъ ли римскій престолъ какую-нибудь долю участія въ назначеніи тѣхъ областныхъ чиновъ, которые должны были занять ихъ мѣста? Какъ мы видѣли прежде, эти мѣста не остались праздными: катастрофа, открывшаяся низложеніемъ прежнихъ правителей, кончилась тѣмъ, что тогда же постановлены были новые чины, о которыхъ мы знаемъ, что они были избраны самимъ народомъ. Учрежденіе осталось, но характеръ его существенно измѣнился. Какъ плодъ народнаго движенія, оно само сдѣлалось чисто народнымъ. Подражали Риму, но никто не думалъ спрашивать совѣта у Рима, и римскій авторитетъ при этой быстрой перемѣнѣ остался совершенно въ сторонѣ. Поставивъ своихъ магистратовъ, провинціи римской Италіи, города въ особенности, естественно пріобрѣтали самостоятельность, какой они не имѣли подъ византійскимъ владычествомъ, и едва ли не болѣе отходили отъ новаго политическаго центра, который установлялся въ самомъ Римѣ, чѣмъ въ прежнее время отдаленныя лангобардскія герцогства—отъ Павіи. Римскій авторитетъ могъ пользоваться между ними большимъ почетомъ и даже нѣкоторымъ вліяніемъ, но отъ этого почета и отъ этого вліянія было еще далеко до настоящаго характера центральной власти.

Весьма многое могло бы объясниться во внутренней исторіи полуострова, если бы мы имѣли болѣе подробностей о ходѣ и развитіи городскихъ учрежденій, особенно въ средней Италіи, въ продолженіе лангобардскаго періода. Къ сожалѣнію, историки этой эпохи, занятые преимущественно римско-лангобардскими отношеніями, очень рѣдко касаются перемѣнъ, которыя происходили въ устройствѣ и внутреннемъ управленіи городской общины. Все, что мы имѣемъ отъ нихъ касательно этого предмета, походитъ больше на намеки, чѣмъ на положительныя извѣстія. Но тамъ, гдѣ нѣтъ другого средства возстановить историческую истину, изслѣдователь долженъ дорожить и самыми намеками, чтобы хотя по нимъ отыскать потерянный слѣдъ ея и по возможности способствовать къ уясненію вопроса. Держась этого способа, мы можемъ прійти къ нѣкоторымъ довольно важнымъ соображеніямъ и о состояніи италіанской городской общины *послѣ* катастрофы, кончившейся постановленіемъ новой, чисто народной магистратуры въ горо-

дахъ, то-есть въ эпоху, соотвѣтствующую открытой враждѣ римскаго престола съ лангобардами. Начнемъ съ отрицательнаго факта. Въ самомъ дѣлѣ очень важно замѣтить, что послѣ низложенія дуковъ, это титло очень рѣдко встрѣчается въ современныхъ или близкихъ по времени историческихъ памятникахъ. Между тѣмъ учрежденіе, какъ мы видѣли, измѣнившись въ характерѣ, не уничтожилось совершенно. Итакъ надобно искать его подъ другимъ названіемъ. Совѣтуемся съ Анастасіемъ, и въ послѣдовательномъ разсказѣ его дѣйствительно вновь встрѣчаемъ нѣкоторые термины, давно вышедшіе изъ употребленія въ римской общественной жизни. Такъ въ жизни Григорія III, говоря о римскомъ соборѣ 782 года, онъ упоминаетъ между присутствующими и „благородныхъ консуловъ“ [1]). Нѣсколько позже, исчисляя плѣнныхъ, возвращенныхъ Ліутпрандомъ Захарію, нѣкоторыхъ между ними онъ опять называетъ „консулами“ [2]). Изъ біографіи Адріана I узнаемъ, что онъ былъ воспитанъ нѣкоторымъ Теодатомъ, „бывшимъ консуломъ и дукомъ“ [3]). Два другія извѣстія, помѣщенныя въ той же самой біографіи, прямо указываютъ на существованіе особаго консульства въ городѣ Равеннѣ [4]). Отъ консуловъ надобно отличать „трибуновъ“, которыхъ тамъ же не разъ встрѣчаемъ въ качествѣ пословъ отъ того же города [5]). Въ жизни Стефана III упоминается также объ одномъ трибунѣ, по имени Грацилисѣ, который имѣлъ большую силу въ Кампаніи [6]). Но довольно примѣровъ; теперь слѣдуетъ поискать имъ объясненія. По даннымъ, какія находимъ у Анастасія,

---

1) Anast. in vita Gregorii III: Unde majore fidei ardore permotus Pontifex cum caeteris episcopis istius Hesperiae partis numero XCIII, seu praesbyteris s. hujus Ap. Sedis, astantibus diaconibus, cum cuncto clero, *nobilibus etiam consulibus* et reliquis christianis plebibus astantibus decrevit.—2) Idem, in vita Zachariae: Sed et captivos omnes, quos detinebat ex diversis provinciis Romanorum una cum Ravennatibus captivis, Leonem, Sergium, Victorem et Agnelum *consules* praedicto b. redonavit Pontifici. Варіянтъ „consulares“ еще лучше поясняетъ дѣло: находясь въ плѣну, названныя лица могли не считаться въ должности.—3) Idem, in vita Hadriani I: Hic namque b. vir, defuncto ejus genitore, atque parvulus nobilissimae suae genitrici relictus, studiose patre (patruo?) Theodato dudum *consule et duce*, postmodum vero primicerio s. nostrae ecclesiae, post s. suae genitricis obitum nutritus atque educatus est.—4) Ibidem: Et continuo praenominatus archiepiscopus, *accersito consulare Ravennatium urbis*, praecepit ei ipsum interficiendum Paulum.—5) Ibidem: Direxerunt (Ravennates) huc Romam suos missos sc. Julianum, Petrum et Vitalianum *tribunos*, etc.—6) Idem, in vita Stephani III: Post. haec vero aggregati universi exercitus R. civitatis et Tusciae et Campaniae, pergentes Alatrum partis Campaniae, ubi erat Gracilis *tribunus*,—per quem plura mala in Campaniae parte perpetrata sunt, etc.

фактъ существованія въ римской Италіи консуловъ и трибуновъ послѣ низложенія дуковъ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ же относилось это возстановленное учрежденіе временъ старой римской имперіи къ новой народной магистратурѣ, которая, по свидѣтельству того же источника, установлена была въ городахъ римской Италіи тотчасъ послѣ катастрофы, ниспровергнувшей власть дуковъ? Кажется, не нужно много распространяться въ доказательство того, что было бы ошибкою различать два учрежденія, которыя могли быть только тождественны между собою. Для магистратовъ, которые народному избранію обязаны были своимъ назначеніемъ, и не могло быть болѣе приличнаго назначенія, какъ то, которое обыкновенно прилагалось къ нимъ въ старыя времена римскаго государства. Эти названія продолжали жить въ воспоминаніяхъ римлянъ новой Италіи и представились имъ сами собою, какъ скоро событія возвратили мѣстной власти ея прежній народный характеръ. Такимъ образомъ, вмѣсто низложенныхъ дуковъ опять появились консулы [1]), а вмѣстѣ съ ними и городская община возвращалась къ своему прежнему муниципальному устройству. Нельзя надѣяться опредѣлить со всею точностію, въ чемъ собственно состояли права и обязанности новыхъ консуловъ по управленію городскими дѣлами, но едва ли можетъ быть какое сомнѣніе касательно общаго характера ихъ власти. На основаніи извѣстій, которыя мы привели выше, оказывается несомнѣннымъ и то, что это новое устройство городской общины въ средней Италіи не только сохранилось въ томъ же духѣ до конца лангобардскаго періода, но что оно не чуждо было даже и нѣкотораго развитія. Такъ въ Равеннѣ сверхъ консуловъ находимъ еще трибуновъ, на которыхъ возлагаются важныя дипломатическія порученія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи трибунатъ, въ рукахъ искусныхъ демагоговъ, возвышался на степень власти почти самостоятельной; но здѣсь, очевидно, начиналось уже злоупотребленіе, и потому неудивительно, если въ подобныхъ случаяхъ за возвышеніемъ быстро слѣдовало паденіе. Почти въ такомъ же видѣ представляется власть дуковъ въ немногихъ отдаленныхъ пунктахъ, гдѣ еще она устояла противъ послѣдняго переворота. Такъ правитель Римини, по имени Маурицій, продолжалъ носить титло дука, но дѣйствовалъ за-

1) Иногда консулы, какъ видно изъ примѣра Теодата (см. выше), назывались также и дуками: очевидно въ память того, что они были прямыми наслѣдниками ихъ власти.—Адріанъ, въ одномъ изъ своихъ посланій, также упоминаетъ о нѣкоторомъ Теодорѣ, „консулѣ и дукѣ“. См. Cod. Car. № 69.

одно съ королемъ лангобардовъ, безъ всякаго отношенія къ римскому епископу [1]). Подобное же явленіе находимъ на южныхъ оконечностяхъ римской Италіи, въ Неаполѣ и Гаэтѣ; переворотъ, правда, вовсе не проникъ сюда, но какъ византійскій авторитетъ, отъ котораго прежде назначались дуки, почти уже не простирался на эту область, то неаполитанскій и гаэтскій властители, какъ бы впрочемъ они ни назывались, представлялись совершенно независимыми, отчего иногда, въ отличіе отъ народныхъ властей прочихъ городовъ римской Италіи, имъ придавали титло „царей" [2]). Что касается до отдаленной Венеціи, то она попрежнему продолжала оставаться подъ управленіемъ своихъ дуковъ; но, какъбы въ соотвѣтствіе тому явленію, которое въ то же самое время совершалось въ большей части городовъ твердой земли, восточные императоры начали давать этимъ дукамъ титло „ипатовъ", чтó на оффиціальномъ языкѣ имперіи обыкновенно означало консуловъ [3]). Этого только не доставало, чтобы параллелизмъ во внутреннемъ устройствѣ и въ самомъ духѣ учрежденій, который со времени низложенія дуковъ дѣйствительно начался между Венеціею и городами средней Италіи, получилъ себѣ и внѣшнее выраженіе. Лишь нѣтъ никакого помина о консулахъ въ самомъ Римѣ; но здѣсь точно также не видимъ *въ дѣйствіи* и дуковъ, хотя отъ времени до времени и встрѣчаются имена съ этимъ достоинствомъ: если оно еще и сохранилось, то по всей вѣроятности потеряло всякій политическій характеръ [4]).

Теперь мы можемъ съ большею отчетливостію, хотя и въ немногихъ словахъ, показать, чтó должно было означать собою преобладаніе римскаго начала въ данномъ случаѣ, и въ чемъ состояло существенное его различіе отъ преобладанія ланго-

---

1) См. ниже.—2) Такъ епископъ Павелъ писалъ къ Пепину: In embolo vero direxit nobis a Deo protecta excellentia vestra, praefatum vos Desiderium admonuisse, reges Neapolitanos et Cajetanos constringere ob restituenda patrimonia protectori vestro b. Petro illic Neapoli sita, etc.—3) См. Murat. Ann. ad an. 741. Впрочемъ въ другихъ случаяхъ то же самое слово употреблялось для означенія достоинства magister militum. Въ такомъ смыслѣ правители Неаполя, Гаэты, Амальфи, также назывались ипатами.—4) Замѣчательно, что одна и та же расправа принадлежитъ въ Равеннѣ тамошнему консулу, а въ Римѣ—городскому префекту: Tunc praefatus s. praesul, precibus judicum universique populi Romani, jussit contradere antefatum Caluulum cubicularium et praenominatos Campanos *praefecto urbis*, ut more homicidarum eos coram universo populo examinaret.... Suscipiens vero Leo archiepiscopus Ravennatium eadem gesta, confestim, sine authoritate apostolica, tradidit eundem Paulum *consulari* Ravennatium urbis; examinatusque coram omnibus *Ravennatibus, etc.* Anast. in vita Hadriani (p. 146—147).

бардскаго. Если лангобардское начало въ своемъ послѣднемъ развитіи представляло перевѣсъ государственной силы, централизаціи, то постепенное усиленіе римскаго авторитета насчетъ лангобардовъ означало собою успѣхи совершенно противоположныхъ стремленій, возвышеніе самостоятельности отдѣльныхъ общинъ, политическое раздробленіе, побѣду сепаратизма надъ централизаціею. Окончательное торжество римскаго авторитета надъ лангобардами, поэтому, должно было открыть этимъ стремленіямъ свободный доступъ и въ самыя лангобардскія земли, и тогда политическое разложеніе, уже охватившее всю среднюю и южную Италію, распространилось бы и на всю сѣверную часть полуострова, до самыхъ крайнихъ его оконечностей. Однимъ словомъ, разбиваемое по частямъ лангобардское государство, если бы не предстояло ему въ ближайшемъ будущемъ франкское владычество, должно бы было прямо уступить свое мѣсто лангобардской городской общинѣ.

У себя дома, въ своей резиденціи и нѣкоторымъ образомъ въ цѣлой римской области, авторитетъ римскихъ епископовъ повидимому гораздо болѣе приближался къ характеру власти государственной. По крайней мѣрѣ вся обстановка была такого рода, что римскій дворъ могъ казаться центромъ управленія всею среднею Италіей (разумѣется, за исключеніемъ лангобардскихъ областей). Сами жители Рима титуловали обыкновенно епископа „своимъ господиномъ“ [1]). Хотя никто не передалъ ему формально власти надъ Римомъ, впрочемъ, когда въ городѣ не было больше ни сената, ни дука съ прежнимъ авторитетомъ, казалось некому было больше и оспаривать ее у епископскаго престола [2]). Сообразно съ этимъ характеромъ своей власти, епископъ Рима постоянно былъ окруженъ сановниками,

---

1) Такъ въ посланіи отъ „римскаго народа“ къ Пеппну читаемъ: At vero in ipsis vestris mellifluis apicibus nos salutari providentia vestra ammonere praecellentia vestra studuit, firmos nos ac fideles debere permanere erga b. Petrum principem Apostolorum, et s. Dei ecclesiam, et circa b. et coangelicum spiritalem patrem vestrum, a Deo decretum *dominum nostrum* Paulum summum Pontificem et universalem Papam. Cod. Car. N 36 (Bouquet, V, 502).—2) Вопросу о существованіи сената послѣ паденія имперіи мы не даемъ особаго мѣста въ нашемъ обозрѣніи—во-первыхъ потому, что онъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о куріи, во-вторыхъ потому, что находимъ его достаточно рѣшеннымъ Гегелемъ, и отсылаемъ читателей къ его сочиненію. Hegel, 1, Kap. 1, § V (p. 267 et seqq.). Если иногда и встрѣчается слово „сенатъ“, какъ напримѣръ въ заглавіи вышеприведеннаго посланія, то, разумѣется, не надобно видѣть въ немъ стараго римскаго сената. Порядокъ до такой степени измѣнился, что даже подъ старыми именами скрывались *новыя понятія*.

которые составляли при немъ какъ бы высшій правительственный совѣтъ и завѣдывали разными отраслями управленія. Первое мѣсто между ними занималъ „примицерій“ (primicerius), который почти всегда былъ при епископѣ и замѣнялъ ему канцлера, иногда же самъ отправлялся отъ него съ важными дипломатическими порученіями. Можно сказать, что послѣ епископовъ примицеріи были первыми двигателями римской политики. Вѣроятно на случай отсутствія примицерія мѣсто его заступалъ „секундицерій“ (secundicerius), котораго поэтому можно считать за второго канцлера римскихъ епископовъ. Особую отрасль высшей администраціи составляли доходы римскаго престола: управленіе ими поручалось „аркарію“ (arcarius). Сверхъ того упоминаются еще — „сацелларій“ (sacellarius), главный милостынераздаватель, который также производилъ уплату жалованья войскамъ; „протоскриніарій“ (protoscriniarius), управлявшій всею епископскою канцеляріею; „первый дефенсоръ“ (primus defensor), который завѣдывалъ дѣлами патримоній римской церкви, какъ предсѣдатель коллегіи дефенсоровъ; наконецъ „админикулаторъ“ (adminiculator), которому поручалось имѣть особое попеченіе о вдовахъ, сиротахъ, плѣнныхъ и другихъ безпомощныхъ. Всѣ эти сановники находились почти неотлучно при римскомъ епископѣ, вмѣстѣ съ нимъ засѣдали при судѣ, сопровождали его въ церковныхъ процессіяхъ, сопутствовали ему въ путешествіяхъ, вообще составляли при немъ какъ бы высшую коллегію государственныхъ чиновъ, извѣстную впослѣдствіи подъ техническимъ названіемъ „семи палатинскихъ судей“ (septem judices palatini) [1]. Поставленный во главѣ всего этого управленія, римскій епископъ не долженъ ли былъ казаться и дѣйствительнымъ главою не только Рима, но и всей римской области?

Но, во-первыхъ, общее названіе „dominus“, какъ величали жители Рима своихъ епископовъ, ничего не доказываетъ. Это было болѣе почетное титло, чѣмъ означеніе дѣйствитель-

---

[1]) См. Hegel, I, 244—246.—Полное образованіе этого штата высшихъ государственныхъ чиновъ при римскомъ престолѣ относится уже къ X столѣтію, по крайней мѣрѣ въ первый разъ они исчисляются *сполна* въ одномъ памятникѣ, который относится уже ко второй половинѣ этого столѣтія (изд. Мабильономъ въ Museum Italicum, потомъ Блюме въ Rhein. Museum); но порознь они встрѣчаются гораздо раньше, и уже въ началѣ VIII вѣка упоминаются у Анастасія всѣ, за исключеніемъ примицерія и аркарія, въ числѣ духовныхъ сановниковъ, сопровождавшихъ епископа Константина въ Константинополь. См. Anast. in vita *Constantini* (p. 92).

наго достоинства, и относилось скорѣе къ духовному сану римскихъ епископовъ, чѣмъ къ ихъ свѣтской власти. Въ этомъ смыслѣ даже самъ епископъ могъ назвать, напримѣръ, своего предшественника „господиномъ“, въ знакъ своего уваженія къ его памяти [1]). Чины же, которые окружали епископа, были не просто его сторонниками или помощниками по управленію: они также представляли собою подлѣ римскаго престола свои особые интересы. Давно уже въ новомъ римскомъ обществѣ отдѣлился отъ прочихъ особый классъ почетныхъ гражданъ, состоявшій преимущественно изъ владѣльцевъ земли и зажиточныхъ городскихъ жителей. Когда трудныя обстоятельства Италіи заставили его вооружиться, онъ пріобрѣлъ силу и значеніе, какого не имѣли даже мѣстныя власти, поставленныя въ городахъ византійскимъ правительствомъ. Освобожденіе же отъ Восточной имперіи передало въ его руки почти все политическое вліяніе и возвысило его на степень господствующей аристократіи. По обыкновенному порядку вещей, весь вѣсъ и вся сила этой аристократіи скоро сосредоточились въ рукахъ нѣсколькихъ значительнѣйшихъ фамилій, и чѣмъ больше росли ихъ гражданскія преимущества, тѣмъ неумѣреннѣе становились ихъ притязанія. Въ другихъ частяхъ римской Италіи, въ экзархатѣ, въ Пентаполисѣ, честолюбіе ихъ легко могло быть удовлетворено занятіемъ первыхъ мѣстъ въ городской магистратурѣ; потому что, хотя бы и весь народъ участвовалъ въ выборахъ, они должны были падать преимущественно на тѣхъ, которые пользовались въ городѣ наибольшимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, „начальники милиціи“ (optimates militiae) становились и консулами. Не такъ легко было удовлетворить честолюбію первыхъ аристократическихъ фамилій въ Римѣ и въ принадлежащей къ нему области. Представители ихъ также могли здѣсь возвышаться до самыхъ видныхъ степеней въ городской магистратурѣ, занимать первыя мѣста въ народномъ ополченіи, и все высшее сословіе, возводя свое происхожденіе и свои права къ древнимъ римскимъ патриціямъ, могло тщеславиться именемъ „сената“, которое оно себѣ присвоило [2]): но пока у нихъ въ виду былъ римскій престолъ, притягивавшій къ себѣ всѣ національныя силы и управлявшій всею внѣшнею политикою

[1]) Какъ напримѣръ епископъ Павелъ говоритъ (въ посланіи къ Пепину) о предшественникѣ своемъ Стефанѣ II: dominus et germanus meus s. Stephanus Papa. Cod. Car. № 27.—[2]) Cunctas procerum senatus—какъ говоритъ епископъ Павелъ *въ одномъ своемъ* посланіи къ Пепину. См. Cod. Car. № 25.

Италіи, ихъ честолюбію трудно было успокоиться на однихъ титлахъ и достоинствахъ, которыя имѣли лишь областное значеніе. Поэтому тѣ, которые не хотѣли ограничивать своей дѣятельности предѣлами городской общины, слагали съ себя даже консульское достоинство и вступали въ духовное званіе, чтобы только занять мѣсто подлѣ римскаго престола, между первыми его сановниками [1]). Но, мѣняя свою одежду и дѣятельность, многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, оставались вѣрными своимъ прежнимъ интересамъ, какъ личнымъ, такъ и фамильнымъ. Каждый членъ римской аристократіи, для успѣха своихъ честолюбивыхъ стремленій, необходимо долженъ былъ опираться на расположеніе и содѣйствіе нѣсколькихъ родственныхъ ему фамилій, и когда онъ самъ, сдѣлавшись, напримѣръ, примицеріемъ, достигалъ значительнаго вѣса и вліянія въ высшей римской администраціи, черезъ него или вмѣстѣ съ нимъ достигали до нѣкотораго преобладанія и цѣлые роды, связанные съ нимъ родствомъ или другими узами. То же можно сказать и о прочихъ должностяхъ въ римской правительственной іерархіи: каждая изъ нихъ въ извѣстной степени могла открывать собою доступъ вліянію тѣхъ или другихъ аристократическихъ родовъ на дѣла управленія. Но съ преобладаніемъ однихъ родовъ необходимо соединялось униженіе для другихъ, а соревнованіе и соперничество между ними прямо вели къ образованію партій. Удивительно ли при такомъ порядкѣ вещей, что между ближайшими совѣтниками римскаго престола находились люди, которые, для своихъ личныхъ видовъ или ради интересовъ своей партіи, готовы были пожертвовать всѣмъ достоинствомъ его авторитета? Хорошо еще, если епископъ самъ былъ человѣкъ самостоятельнаго ума и независимаго нрава, какихъ было довольно между настоящими римлянами, и умѣлъ, не подчиняясь ничьему вліянію, всему давать тонъ и направленіе; въ противномъ же случаѣ, тѣмъ болѣе въ случаѣ смерти епископа, выступали на сцену примицеріи и другіе высшіе сановники, и начиналась вольная игра партій, которыя, если не встрѣчали сильнаго противодѣйствія со стороны, наполняли весь Римъ смятеніемъ и простирали свою дерзость до самаго епископскаго престола. Тогда епископъ, не располагая прямо отъ себя никакою вооруженною силою, долженъ былъ или отдаться въ руки предводителей партій и дѣйствовать по ихъ внушеніямъ, или именемъ

1) *Какъ это* видно изъ примѣра Теодата, о которомъ см. выше, стр. 419.

в. Петра опять взывать о помощи къ стороннимъ союзникамъ. реди такого хаоса было мѣсто не только франкской, но даже лангобардской интригѣ. Такъ даже въ самой резиденціи имскихъ епископовъ была ненадежна ихъ независимость, и чѣмъ ольше удавалось задуманное имъ ниспроверженіе лангобардкаго авторитета въ Италіи, тѣмъ больше они давали въ ней росторъ анархіи. Скоро мы увидимъ на самыхъ событіяхъ правданіе того, что теперь представляемъ какъ историческое ображеніе.

Но пора намъ возвратиться къ государству лангобардовъ, тобы присутствовать при послѣднихъ его судьбахъ. Мы оставили его въ самомъ незавидномъ положеніи: истощеннымъ несчастною войною съ франками, потерявшимъ свои лучшія пріобрѣтенія, безсильнымъ поддержать свой авторитетъ даже нутри своихъ старыхъ предѣловъ, и сверхъ того—съ обязательствомъ платить ежегодную дань побѣдителямъ. Нечаянною мертію Айстульфа еще болѣе увеличивалось внутреннее разстройство. Онъ умеръ безъ наслѣдника, и обезсиленная власть олжна была достаться тому, кто между лангобардами имѣлъ це довольно мужества, чтобы взять ее на себя въ такихъ рудныхъ обстоятельствахъ. Такой человѣкъ дѣйствительно ашелся между сподвижниками умершаго короля. Это былъ динъ изъ лангобардскихъ герцоговъ, по имени Дезидерій, недолго до смерти Айстульфа посланный имъ въ Тусцію—для правленія ли этою областію, или съ какимъ другимъ назначеніемъ—неизвѣстно навѣрное [1]). Съ помощію преданнаго ему ароднаго ополченія Тусціи онъ предпринялъ сдѣлать движеніе ь Павіи и занять тамъ упразднившійся престолъ. Предпріяе, само по себѣ нелегкое, затруднилось еще болѣе, когда ачисъ, братъ Айстульфа, одумавшись послѣ восьмилѣтняго ребыванія въ монастырѣ, снялъ съ себя рясу и захотѣлъ нова замѣнить ее порфирою, т. е. объявилъ свои притязанія а лангобардскій престолъ. При тогдашнемъ состояніи государства выборъ новаго короля не могъ состояться безъ согласія римскаго епископа, которымъ вмѣстѣ обезпечивалось и

---

1) Anast. in vita Stephani II: Tunc Desiderius quidam dux Longobardorum, qui eodem nequissimo Aistulpho Tusciae in partes erat directus, audiens praefatum iisse Aistulphum, illico aggregans ipsius Tusciae universam exercitus multitudim, regni Longobardorum arripere nixus est fastigium.—Cp. Türk, das Langob. olksr. p. 131.—По одному позднѣйшему извѣстію (Якова Мальвеція въ его оникѣ), Дезидерій, до вступленія на престолъ, былъ гражданиномъ города решіи. См. Rer. It. Scripp. T. XIV.

согласіе короля франковъ. Римскій дворъ вовсе не расположенъ былъ поддерживать монаха-претендента, который на опытѣ доказалъ ему свое непостоянство и измѣнчивость и сверхъ того еще имѣлъ несчастіе быть братомъ ненавистнаго Айстульфа. Находя гораздо благонадежнѣе для себя Дезидерія [1]), онъ впрочемъ и ему не иначе соглашался продать свое согласіе, какъ дорогою цѣною, и весьма невеликодушно воспользовался его затруднительными обстоятельствами, чтобы прибавить къ своему экзархату еще нѣсколько городовъ, на которые еще Стефанъ II объявилъ свои притязанія на томъ основаніи, что они когда-то состояли вмѣстѣ съ экзархатомъ подъ одною властію [2]). Дезидерій, хотя едва ли искренно, соглашался на все. Близость Тусціи къ римской области благопріятствовала сношеніямъ. Изъ Рима были посланы особые уполномоченные въ Тусцію, чтобы условиться съ Дезидеріемъ о предполагаемыхъ уступкахъ: одинъ изъ нихъ былъ братъ епископа, діаконъ Павелъ, другой—примицерій Христофоръ, человѣкъ очень замѣчательный по силѣ того вліянія, которое онъ имѣлъ до сего времени на ходъ римской политики, скрываясь за лицомъ епископа. Вмѣстѣ съ ними туда же отправился и аббатъ Фульрадъ въ качествѣ повѣреннаго отъ короля франковъ. Въ присутствіи всѣхъ этихъ пословъ, Дезидерій долженъ былъ повторить и подтвердить клятвенно свое обѣщаніе—уступить еще римскому престолу Фавенцію, Имолу, Феррару, Анкону, Болонію и другіе города съ принадлежащими къ нимъ землями, подъ тѣмъ предлогомъ, что они нѣкогда входили въ составъ экзархата [3]). Такія обѣщанія заслужили Дезидерію полную благосклонность римскаго епископа. Особыми грамотами онъ рекомендованъ былъ всей лангобардской націи, какъ достойнѣйшій чести носить королевскій вѣнецъ, а въ случаѣ нужды ему обѣщано было даже содѣйствіе римской милиціи. Но едва ли не сильнѣе всего говорило въ пользу Дезидерія то обстоятельство, что Фульрадъ, повѣренный Пепина, взялся сопровождать его „съ нѣсколькими франками“ [4]). Тогда оставленный всѣми Рачисъ, сознавъ свое

---

1) Vir mitissimus—какъ называетъ его Стефанъ II въ томъ же посланіи, въ которомъ особенно достается отъ него Айстульфу, въ то время уже умершему.—2) См. выше, стр. 405.—3) Anast. ibid. Cod. Car. № 8.—Анастасій, который имѣетъ особенныя причины выставлять на видъ обѣщанія Дезидерія, говоритъ, что онъ клялся—terribili juramento.—Ср. также Murat. Ann. ad an. 757. — 4) И то и другое обстоятельство приводится Анастасіемъ. Понятно, почему *обѣщанію* римскаго епископа помогать Дезидерію войскомъ нельзя при-

безсиліе, снова заключился въ монастырь, и Дезидерій скоро провозглашенъ былъ королемъ лангобардовъ.

Никогда долгъ правителя не былъ такъ тяжелъ, никогда исполненіе его не соединялось съ такими трудностями, какъ при Дезидеріи. Кромѣ тѣхъ обязанностей, которыя налагали на него недавнія потери государства, на его же совѣсти былъ и тотъ ущербъ, котораго стоило государству самое вступленіе его на престолъ. Римскій престолъ не терялъ своего нигдѣ: еще Дизидерій не успѣлъ утвердиться въ правахъ своей новой власти, какъ римскіе повѣренные, въ силу послѣдняго договора съ нимъ, вступили уже во владѣніе Фавенціею съ нѣкоторыми укрѣпленіями и Феррарою со всею принадлежащею къ ней областію (universum ducatum Ferrariae) [1]. Идеи Ліутпранда все больше и больше застилались тѣнью отъ послѣднихъ событій. Прежде чѣмъ возвратиться къ нимъ, новому королю лангобардовъ надобно еще было позаботиться объ исполненіи двойного долга, который лежалъ на немъ. Но можно ли было думать о возвращеніи экзархата или хотя городовъ, вновь уступленныхъ римскому престолу, пока былъ живъ усердный поборникъ римскихъ интересовъ, готовый по первому вызову снова явиться въ Италіи и обрушить на лангобардовъ свои огромныя силы? Правда, что Стефанъ II, который умѣлъ такъ сильно дѣйствовать на Пепина, умеръ въ томъ же году; но избранный ему въ преемники братъ его, діаконъ Павелъ, тотъ самый, который передъ вступленіемъ Дезидерія на престолъ, велъ съ нимъ переговоры въ Тусціи, не прерывалъ сношеній съ Пепиномъ и, повидимому, не менѣе своего предшественника пользовался его расположеніемъ. Итакъ Дезидерій ничего не выигрывалъ отъ перемѣны лица на римскомъ престолѣ, и обезсиленное государство лангобардовъ попрежнему было окружено двумя врагами, которые были въ тѣсномъ союзѣ между собою.

Какъ ни скудны положительныя извѣстія, дошедшія до насъ о послѣднемъ королѣ лангобардскомъ, видно впрочемъ, что онъ былъ одаренъ умомъ, смѣтливостію и весьма тонкимъ

давать большой силы. Франки, которыхъ привелъ Фульрадъ, хотя и въ маломъ числѣ (cum aliquantis Francis), были въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе и значительнѣе; не ясно только, откуда они явились.—[1]) Anast. ibid.—Онъ вовсе не упоминаетъ о прочихъ условленныхъ городахъ. Но изъ другого источника, именно изъ посланія Павла къ Пепину, мы положительно знаемъ, что Имола, Болонія, Озимо и Анкона были еще удержаны Дезидеріемъ,—подъ какимъ предлогомъ, увидимъ ниже. См. Cod. Car. № XV.

соображеніемъ. Не имѣя рьяной, необузданной отваги своихъ предшественниковъ, онъ за то выгодно отличался отъ нихъ вѣрнымъ пониманіемъ своего положенія, нуждъ своего государства, и въ своихъ предпріятіяхъ болѣе соображался съ своими средствами и обстоятельствами. Какъ и они, какъ и всѣ лучшіе люди большой народной семьи лангобардской, Дезидерій также незнакомъ былъ съ робостію, но тяжелый опытъ Рачиса и Айстульфа не прошелъ для него даромъ: онъ научился большей осторожности и не всегда полагался на силу оружія, но старался, гдѣ только было можно, достигать своихъ цѣлей политическимъ искусствомъ, дипломатическими сношеніями, брачными союзами. Вообще, если онъ не имѣлъ свободной рѣшимости своихъ предшественниковъ, то былъ выше ихъ своимъ политическимъ смысломъ [1]). Пониманіе обстоятельствъ и нуждъ своего государства онъ доказалъ самымъ первымъ своимъ предпріятіемъ. Оставляя экзархатъ и Пентаполисъ со вновь занятыми Фавенціею и Феррарою во владѣніи римскаго престола и нисколько не нарушая своего наружнаго согласія съ нимъ, Дезидерій впрочемъ вовсе не спѣшилъ уступкою прочихъ городовъ, условленныхъ во время переговоровъ въ Тусціи. Обѣщаніе оставалось въ прежней своей силѣ, но римляне не могли болѣе взять самовольно то, чего они не успѣли дохватить во время междуцарствія, когда еще

---

1) Неудивительно, что Дезидерій обыкновенно представляется въ неблагопріятномъ свѣтѣ историками: все, что мы знаемъ о первыхъ 10 годахъ его царствованія, почерпается лишь изъ показаній его неутомимаго обвинителя, римскаго епископа, который не переставалъ жаловаться на него Пепину въ своихъ посланіяхъ! По несчастію, даже Анастасій остается совершенно безполезенъ для этого времени: въ его біографіи Павла вовсе не упоминается объ отношеніяхъ римскаго престола къ Дезидерію. Итакъ, волею или неволею, и мы должны ограничиться тѣми показаніями, которыя находимъ въ посланіяхъ Павла къ Пепину (числомъ 31), входящихъ въ собраніе, извѣстное подъ именемъ „Каролингскаго кодекса". Надобно только пользоваться ими съ большою осторожностію и строго повѣрять ихъ одно другимъ. Здѣсь, правда, представляется еще новая трудность: сохранившіяся посланія римскихъ епископовъ дошли до насъ—безъ всякой *даты*. Мы впрочемъ имѣемъ не одинъ опытъ привести ихъ въ хронологическій порядокъ. Первый изъ нихъ принадлежитъ Pagi; второй, по нашему мнѣнію болѣе удачный, сдѣланъ былъ потомъ Муратори въ его Annali. Мы совѣтуемся съ тѣмъ и другимъ, болѣе впрочемъ съ послѣднимъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволяемъ себѣ и отступать отъ нихъ, соображаясь съ самымъ содержаніемъ посланій. — Изъ новыхъ изслѣдователей, сколько мы знаемъ, одинъ Тюркъ указалъ на настоящій характеръ и важность извѣстій Кар. кодекса о Дезидеріи; но въ своемъ изложеніи онъ ограничился лишь нѣкоторыми данными, заимствованными изъ этого источника. См. Türk, D. lang. *Volksr. p. 133.*

не было всѣми признаннаго главы государства, а король естественно находилъ выгоднѣе для себя отложить исполненіе своего обѣщанія до неопредѣленнаго времени. Между тѣмъ, пока еще эти города не были отняты силою, и чрезъ то не заслоненъ вовсе путь въ среднюю и южную Италію, Дезидерій хотѣлъ еще воспользоваться этимъ невѣрнымъ владѣніемъ для нѣкоторыхъ своихъ плановъ. Потрясеніе, которое потерпѣло государство въ войнѣ съ Пепиномъ, какъ мы видѣли, особенно чувствительно отозвалось въ отдаленныхъ лангобардскихъ провинціяхъ: Сполето и Беневентъ, подражая примѣру римской Италіи, выбрали своихъ дуковъ или герцоговъ и поставили себя подъ покровительство римскаго патриція. Возстановленіе въ нихъ лангобардскаго авторитета было первымъ условіемъ прочности и крѣпости государства лангобардовъ. Дезидерій какъ нельзя лучше понялъ важность такой задачи, и какъ въ этомъ случаѣ никто не могъ упрекнуть его въ нарушеніи договора, ибо отдѣленіе герцогствъ никогда не было признано формально государствомъ, то онъ рѣшился немедленно приступить къ исполненію предпріятія. Сочувствіе націи, повидимому, также не мало способствовало къ тому, чтобы утвердить его въ этомъ намѣреніи. Путь былъ открытъ, никто не готовился къ оборонѣ, и Дезидерій съ войскомъ направился черезъ Пентаполисъ прямо къ Сполето. Сопротивленіе было или очень слабо, или оно оказалось совершенно безуспѣшно. Легко также могло быть, что Дезидерію благопріятствовала въ Сполето тамошняя лангобардская партія. Въ короткое время онъ занялъ всѣ города и укрѣпленія и захватилъ въ плѣнъ самого герцога Альбина, поставленнаго народнымъ выборомъ [1]). Отсюда онъ направился къ Беневенту. Жители этого герцогства, испуганные покореніемъ Сполето, показали еще менѣе готовности сопротивляться. Герцогъ, по имени Ліутпрандъ, не желая подвергнуться одной участи съ Альбиномъ, искалъ убѣжища въ крѣпкихъ стѣнахъ Отранто. Послѣ того Дезидерію не стоило большого труда овладѣть Беневентомъ и поставить въ немъ на всей своей волѣ новаго

---

[1]) Cod. Car. N 15 (по Муратори — 758 года): Praefatus Langobardorum rex Pentapolensium per civitates transiens.... Spoletinum et Beneventanum, qui se sub vestra (Pipini) a Deo servata potestate contulerunt, ad magnum spretum regni vestri desolavit, atque ferro et igne eorundem ducatuum loca et civitates devastavit, et comprehensum Albinum ducem Spoletanum, et cum eo satrapos (?), qui in fide b. Petri et vestra sacramentum praebuerunt, infixis in eis pessimis vulneribus, in vinculis detinet.—Ср. Murat. Ann. ad an. 758.

герцога, по имени Арихиза, человѣка вполнѣ ему преданнаго и сверхъ того близкаго родственника по женѣ [1]).

Главная цѣль похода была достигнута; но Дезидерій имѣлъ еще другіе планы, которые не терпѣли ни малѣйшей отсрочки, и вмѣсто того, чтобы возвращаться на Сполето, пошелъ въ обратный путь черезъ Неаполь и Римъ. Въ Неаполѣ онъ имѣлъ свиданіе съ посломъ восточнаго императора, Георгіемъ, который въ то время находился здѣсь проѣздомъ изъ Франціи [2]). По самому простому соображенію можно заключать, что Дезидерій, не желая оставлять позади себя никакихъ сомнѣній и боясь новыхъ интригъ со стороны изгнаннаго герцога, который продолжалъ держаться въ Отранто и оттуда легко могъ завязать связи съ греческимъ намѣстникомъ въ Сициліи, спѣшилъ снестись по этому поводу съ императорскимъ посломъ, и чтобы не умножать числа своихъ враговъ, хотѣлъ съ своей стороны завѣрить черезъ него византійское правительство въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Скоро мы увидимъ, что свиданіе короля лангобардовъ съ Георгіемъ объясняемо было другимъ образомъ. Наконецъ, продолжая свой обратный путь, Дезидерій прибылъ въ Римъ. Эта остановка сдѣлана была имъ также не безъ цѣли: онъ являлся сюда союзникомъ, не врагомъ римскаго епископа, но хотѣлъ окончательно порѣшить, чтó еще оставалось между ними нерѣшеннаго. Время было благопріятно: послѣ покоренія Сполето и Беневента можно было вести переговоры смѣлѣе. Неизвѣстно, былъ ли епископъ радъ, или не радъ своему гостю, но онъ не пропустилъ случая напомнить ему обѣщаніе и потребовать отъ него остальныхъ городовъ, которые по договору должны были, вмѣстѣ съ Фавенціею и Феррарою, отойти къ римскому престолу— Имолы, Болоніи, Озимо и Анконы. Представляя свои требованія, епископъ подкрѣплялъ ихъ всѣми обычными аргументами, заимствованными отъ власти св. Петра и могущества Пепина, усерднаго покровителя римской церкви; т. е., дѣлая мирныя увѣщанія, онъ въ то же время не забывалъ показывать вдали грозный мечъ мстителя. Дезидерій однако не склонялся ни на какія убѣжденія: какъ видно, онъ принесъ съ

---

1) Ibid: Appropinquante autem eo (Desiderio), ilico dux Beneventanus fugam arripuit in Otorantinam civitatem, et dum diu immineret, ut ex ipsa sua civitate exire eundem ducem suaderet, nequaquam in eo suam adimplens voluntatem, constituit ducem alium in eodem Beneventano ducatu, nomine Arigis. Объ имени изгнаннаго и низложеннаго герцога, см. Murat. Ann. ad an. 758.—2) Ibidem.

собою уже готовое рѣшеніе, твердо установленный планъ. Не отрицая вовсе лежавшаго на немъ обязательства, онъ приводилъ въ свое извиненіе различные предлоги и въ заключеніе объявилъ епископу, что между ними не можетъ быть и рѣчи объ уступкѣ извѣстныхъ городовъ и слѣдовательно о совершенномъ замиреніи—пока лангобардскіе заложники не будутъ отпущены изъ Франціи [1]). Теперь понятно, почему Дезидерій до конца старался удержать за собою выговоренные города, которые еще не попали въ руки римскаго правительства: онъ разсчитывалъ на извѣстное корыстолюбіе римскаго престола и хотѣлъ изъ обладанія ими извлечь для своего государства еще одну выгоду. Принимая въ соображеніе предшествующія обстоятельства, покореніе Сполето и Беневента, переговоры съ императорскимъ уполномоченнымъ и наконецъ нечаянное появленіе въ Римѣ самого Дезидерія съ войскомъ, впрочемъ безъ враждебныхъ намѣреній, нельзя не сознаться, что весь этотъ планъ былъ устроенъ имъ очень хитро. Такъ, по примѣру своихъ лукавыхъ противниковъ, научались мало-по-малу хитрить и воинственные лангобарды и скрывать подъ видомъ умѣренности весьма дальновидные расчеты. Дезидерій выдержалъ свою роль до конца: по его настоянію римскій епископъ дѣйствительно согласился писать къ Пепину и просить его о возвращеніи лангобардскихъ заложниковъ и объ утвержденіи прочнаго мира съ преемникомъ Айстульфа [2]).

Казалось, расчетъ Дезидерія былъ очень вѣренъ; казалось, не могло уже быть никакого сомнѣнія и въ его успѣхѣ: въ томъ ручалось согласіе римскаго епископа принять на себя посредничество между Пепиномъ и лангобардами. Но, при всей своей дальновидности, король лангобардовъ былъ еще новичокъ въ политическомъ искусствѣ: думая перехитрить римскаго епископа, онъ не замѣчалъ, что далъ ему обмануть себя. Павелъ дѣйствительно отправилъ свое просительное посланіе къ Пепину въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ того Дезидерій: но вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ отправлено было

---

1) Ibidem: Et cum eo (Desiderio) loquentes, nimis eum adhortati sumus, et per s. corpus b. Petri, atque etiam per tuam a Deo protectam excellentiam fortiter illum conjuravimus, ut civitates illas — quas nobis praesentialiter, simul per vestros missos — excellentissimae christianitati tuae et per te etiam b. Petro Apostolorum principi pollicitus est redditurum, restituere deberet. Quod minime adquiescere inclinatus est, sed simulans, *ut certe strofarius*, varias occasiones adhibuit, inquiens, ut si suos, quos illic Franciae habere videtur, obsides reciperet, tunc in pacis concordia nobiscum conversaretur.—2) Ibidem.

имъ другое—совершенно противоположнаго содержанія[1]). Онъ нарочно принялъ видъ, будто принимаетъ предложеніе Дезидерія, чтобы тѣмъ удобнѣе было ему съ тѣми же послами, которые должны были передать Пепину условленное посланіе, переправить къ нему и ту грамоту, въ которой высказывались настоящія желанія римскаго престола: ибо предусмотрительный Дезидерій зорко смотрѣлъ за перепискою римскаго епископа съ Пепиномъ и стерегъ ее, черезъ вѣрныхъ людей, на всѣхъ путяхъ[2]). Въ случаѣ, если бы пословъ задержали и стали осматривать въ лангобардскихъ владѣніяхъ, они могли показать своимъ досмотрщикамъ оффиціальное посланіе епископа и такимъ образомъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе.

Предположеніе Павла сбылось въ точности. Еще Дезидерій, возвратившись изъ похода, ожидалъ, какое дѣйствіе произведетъ на Пепина мнимое посредничество римскаго епископа, а во Франціи уже читались его тайныя, довѣренныя посланія. Что же составляло ихъ содержаніе? Во-первыхъ. римскій епископъ распространялся въ нихъ о походѣ Дезидерія въ Сполето и Беневентъ и старался представить все предпріятіе въ самомъ дурномъ свѣтѣ: болѣе всего онъ выставлялъ на видъ, что Дезидерій имѣлъ дерзость опустошать такія области, „которыя отдались подъ покровительство

---

[1]) Ibidem: Attamen ecce jam duas Apostolicarum litterarum adsertiones excellentiae vestrae clam per maximam industriam misimus, et ignoramus, si ad vos ipsae pervenerint litterae. Unde ambigimus ne a Langobardis comprehendantur. Pro quo et nunc *per praenominatos nostros missos alias vobis litteras misimus, quasi obtemperantes praefati Desiderii regis voluntati*, ad suos hospites (obsides) absolvendum et pacem confirmandum.—До насъ дошло также и первое писаніе, посланное съ тою цѣлію, чтобы отвести глаза Дезидерію. Въ немъ читаемъ: Agnoscat siquidem excellentissima bonitas tua, quia conjungens ad limina Apostolorum *excellentissimus filius noster* Desiderius rex, *pacifice et cum magna humilitate*, cum quo salutaria utrarumque partium locuti sumus, et pollicitus est nobis restituere civitatem Immolas, ea videlicet ratione, ut nostros ad tuam excellentiam dirigere debeamus missos, et suos obsides, quos ibidem ad vos habere videtur, recipere debeat, et pacem cum eo confirmare studeatis. *Unde petimus te, ut jubeas ipsos obsides praedicto filio nostro Desiderio regi restituere*, etc. Cod. Car. N 29.—[2]) Также собственныя слова епископа: sed, bone excellentissime filii et *spiritalis compater*, adeo istas litteras (т. е. писанное по желанію Дезидерія) tali modo exaravimus, ut ipsi nostri missi ad vos in Franciam valerent transire: quoniam si hoc non egissemus, nulla penitus ratione per Langobardorum fines transire valuissent. — Скажутъ: отчего же онъ не отправлялъ своихъ посланій моремъ? Но, во-первыхъ, не вдругъ могъ къ тому представиться случай; а во-вторыхъ, ему нужно было завлечь въ свои сѣти лангобардовъ.

короля франковъ", что́, по мнѣнію епископа, было поруганіемъ власти римскаго патриція [1]). Далѣе, свиданіе Дезидерія съ императорскимъ посломъ въ Неаполѣ разрасталось въ обширный заговоръ главы лангобардскаго государства съ Восточною имперіею, котораго главною цѣлію было будто бы возстановленіе византійскаго владычества въ экзархатѣ. По увѣренію епископа, Дезидерій, послѣ переговоровъ съ посломъ, писалъ къ самому императору, чтобы онъ немедленно присылалъ свои войска въ Италію, и обѣщалъ ему съ своей стороны и отъ имени всего лангобардскаго народа всякое содѣйствіе; между тѣмъ съ Георгіемъ у него уже было условлено, чтобы, когда византійцы начнутъ приступать съ одной стороны къ Равеннѣ, лангобарды помогали бы имъ съ другой, и наоборотъ—когда лангобарды будутъ осаждать Отранто, чтобы греческій флотъ, стоявшій въ Сициліи, содѣйствовалъ имъ съ моря [2]). Повѣривъ во всемъ этомъ на слово епископу, Пепинъ долженъ былъ считать Дезидерія отъявленнымъ врагомъ римскаго престола и видѣть въ немъ опаснаго соперника себѣ. Въ заключеніе же посланія епископъ убѣдительно упрашивалъ короля франковъ—никакъ не исполнять того, о чемъ онъ же просилъ его въ другихъ посланіяхъ, т. е. не отпускать лангобардскихъ заложниковъ изъ Франціи, а вмѣсто того понудить Дезидерія силою—отдать римской церкви обѣщанные имъ города.

---

[1]) См. выше, стр. 429, п. 1.—[2]) Ibidem: Cum quo (misso imperiali) nefarie clam locutus est, iniens cum eo consilium, atque suas imperatori dirigens litteras, adhortans eum, ut suos imperiales dirigat exercitus in hanc Italiam provinciam, et ipse Desiderius cum universo Langobardorum populo professus est, Deo sibi contrario, auxilium praefatis imperialibus exercitibus impertire, etc. Мы не можемъ, конечно, прямо называть вымысломъ всего, что говорится въ посланіи римскаго епископа о сношеніяхъ короля лангобардовъ съ восточнымъ императоромъ и объ ихъ общемъ умыслѣ противъ римской Италіи; впрочемъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе въ томъ, что всѣ эти страхи жили только въ напуганномъ воображеніи самого епископа. Что касается, во-первыхъ, до восточной имперіи, то нѣтъ ни одного извѣстія, которое бы показывало, что въ Византіи тогда думали еще о завоеваніи Италіи силою оружія. О союзѣ ея съ лангобардами также нѣтъ никакихъ извѣстій; заключать же о немъ изъ одного свиданія Дезидерія съ Георгіемъ было бы слишкомъ поспѣшно. Наконецъ — и это для насъ всего убѣдительнѣе — ни одно событіе потомъ не оправдало опасеній римскаго епископа: греки не дѣлали ни одной высадки на берега Италіи, и Дезидерій никогда не дѣйствовалъ заодно съ ними. Что впрочемъ римскій епископъ съ своей стороны вѣрилъ въ дѣйствительность воображаемой опасности, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онъ и впослѣдствіи не переставалъ тревожиться тѣмъ же страхомъ, и однажды даже писалъ къ Пепину, что шесть греческихъ патриціевъ идутъ прямо къ Риму съ 30 кораблями и со всею сицилiанскою флотиліею. См. Cod. Car. NN 24, 34 и пр.

Такимъ образомъ римскій епископъ, подавая одну руку на мирное соглашеніе съ Дезидеріемъ, другою составлялъ противъ него цѣлый обвинительный актъ, чтобы совершенно очернить его въ глазахъ короля франковъ. Насколько было искренности и честности въ такомъ поведеніи, легко можетъ судить всякій. Говорить ли, что угрожало Дезидерію и лангобардамъ въ случаѣ, если бы всѣ представленія и жалобы римскаго епископа были серьезно приняты во вниманіе Пепиномъ? Довольно, кажется, указать на примѣръ Айстульфа и припомнить понесенныя имъ потери. Но, какъ можно догадываться, самою неумѣренностію своихъ обвиненій и притязаній, римскій епископъ возбудилъ къ себѣ нѣкоторую недовѣрчивость своего покровителя. Изъ современныхъ извѣстій вовсе не видно, чтобы требованія, которыя римскій престолъ не переставалъ предъявлять на Анкону, Озимо, Имолу и Болонію, когда-нибудь нашли себѣ полное признаніе и со стороны Пепина; поэтому въ его глазахъ не могло имѣть большого вѣса обвиненіе, основанное на томъ, что Дезидерій продолжаетъ удерживать эти города за собою. Еще лучше могъ взвѣсить римскій патрицій тѣ опасности, которыя будто бы возникали для Италіи изъ мнимаго союза лангобардовъ съ Восточною имперіею. Для того, кто имѣлъ безпрестанныя сношенія съ константинопольскимъ дворомъ и, по всей вѣроятности, довольно хорошо былъ знакомъ съ тамошними отношеніями, несбыточность ихъ была очевидна[1]. Впрочемъ, если бы даже Пепинъ и раздѣлялъ страхи римскаго престола, не начинать же было ему новый походъ въ Италію для предупрежденія византійцевъ, которые нигдѣ еще не думали показываться. Что же касается до главнаго обвиненія, которое прежде всего выставлялось на видъ въ посланіи римскаго епископа, то оно предполагало въ Пепинѣ гораздо болѣе мелочного самолюбія и притязательности, чѣмъ дѣйствительно было ихъ у него. Если бы Пепинъ хотѣлъ покорыстоваться отъ лангобардовъ какими-нибудь владѣніями, онъ гораздо удобнѣе могъ бы сдѣлать это послѣ своихъ побѣдъ надъ Айстульфомъ, когда въ сѣверной Италіи онъ не встрѣчалъ себѣ болѣе никакого сопротивленія. Но онъ тогда уже показалъ, что цѣль походовъ его въ Италію была отнюдь не завоевательная. Было бы очень странно послѣ того и вовсе не похоже на благо-

---

[1] О послахъ императорскихъ къ Пепину безпрестанно упоминается въ *посланіяхъ самого* Павла.

разумнаго и послѣдовательнаго въ своихъ дѣйствіяхъ Пепина, если бы онъ, никогда не предъявлявшій никакихъ правъ на Сполето и Беневентъ, вдругъ вздумалъ вступиться за нихъ какъ за свою собственность, и потребовать у Дезидерія отчета въ его самовластныхъ распоряженіяхъ.

На первое время, полагаемъ мы, достаточно было и этихъ причинъ, чтобы обвинительное посланіе римскаго епископа, направленное противъ короля лангобардовъ, не произвело на Пепина обычнаго дѣйствія. Мы пока не можемъ итти далѣе предположенія, потому что не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о развязкѣ этого дѣла; впрочемъ сумма разныхъ косвенныхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ, какъ мы увидимъ ниже, даетъ почти равносильный результатъ. Еще менѣе можно было достигнуть цѣли подобными обвиненіями въ слѣдующихъ годахъ. Не далѣе, какъ въ 760 году, началась война съ герцогомъ аквитанскимъ, которая потребовала отъ Пепина чрезвычайныхъ усилій и заняла все его вниманіе до самаго конца его жизни. По примѣру короля, даже франкскія лѣтописи этихъ годовъ почти исключительно заняты походами его въ Аквитанію. Въ это время Пепину было самому до себя: отъ успѣха аквитанской войны нѣкоторымъ образомъ зависѣла и участь прежнихъ его воинственныхъ предпріятій, судьба цѣлаго дома Каролинговъ вообще. Римской интригѣ противъ лангобардовъ тѣмъ меньше было тогда простора во Франціи, что владѣнія Вафра (Vaiffre), герцога аквитанскаго, почти соприкасались со владѣніями Дезидерія. Пусть и не прекращались сношенія между римскимъ престоломъ и его патриціемъ: но послѣдній болѣе, чѣмъ прежде, долженъ былъ дорожить миромъ съ лангобардами, если не хотѣлъ видѣть ихъ въ союзѣ съ однимъ изъ самыхъ опасныхъ своихъ противниковъ. Съ 763 года, несмотря на побѣды Пепина, въ положеніи его оказалось одною слабою стороною болѣе: отъ него отложился еще Тассилонъ, сильный герцогъ баварскій, до сего времени вѣрный сподвижникъ франковъ въ войнѣ ихъ съ Вафромъ [1]. Тассилонъ былъ также близкій сосѣдъ лангобардовъ, и Дезидерій, въ случаѣ разрыва съ Пепиномъ, легко могъ соединиться противъ него съ лангобардами. Въ такихъ обстоятельствахъ у Пепина не было достаточно даже и времени, чтобы много заниматься римскими антипатіями; внушенія же,

[1] Отложеніе Тассилона почти всѣми лѣтописями согласно относится къ 763 году. См. напр. Ann. Franc., Ann. Einhardi, etc.

направленныя прямо противъ Дезидерія, онъ долженъ былъ и вовсе отвергнуть, какъ самыя неблаговременныя.

Стеченію обстоятельствъ такого рода особенно обязанъ былъ Дезидерій тѣмъ, что епископъ Павелъ, перехитривъ его, впрочемъ не могъ сдѣлать ему никакого существеннаго вреда— не только своимъ первымъ обвинительнымъ посланіемъ, но и всѣми послѣдующими своими внушеніями Пепину. По крайней мѣрѣ, послѣ того во всей перепискѣ ни разу болѣе не упоминается о притязаніяхъ римскаго престола на извѣстные города, хотя съ другой стороны есть вѣрное основаніе думать, что они попрежнему оставались во владѣніи лангобардовъ [1]. Патрицій, правда, не переставалъ пересылаться посольствами съ римскимъ епископомъ и не забывалъ увѣрять его при всякомъ случаѣ въ своемъ горячемъ усердіи къ римской церкви и неизмѣнной готовности защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ противъ враговъ всякаго рода [2]; но самыя дѣйствія Пепина такъ мало соотвѣтствовали этимъ увѣреніямъ, или, лучше сказать, нетерпѣливымъ ожиданіямъ ревностныхъ приверженцевъ римскаго престола, что выраженіе неудовольствія проникало даже въ самыя посланія епископа [3], а въ Италіи начали даже распространяться такого рода толки, что въ случаѣ какой крайности, римскому престолу нечего больше ждать отъ короля франковъ [4]. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не показывалъ ни малѣй-

---

1) Къ этому заключенію можно приходить, во-первыхъ, отрицательно: нигдѣ не видимъ благодарности Пепину за требуемые города, слѣдовательно благодарности не было мѣста. Во-вторыхъ, къ тому же заключенію приходимъ посредствомъ одного косвеннаго обстоятельства: впослѣдствіи Дезидерій, начавъ свое наступательное движеніе противъ римской области, прежде всего овладѣлъ Фавенціею и Феррарою (См. Anast. in vita Hadriani I и Supplem. Pauli Diaconi, Bouquet, V, 189). Это тѣ самые города, о которыхъ мы положительно знаемъ, что они были захвачены римскимъ епископомъ во время междуцарствія у лангобардовъ. Но извѣстіе Анастасія и продолжателя Павла Діакона тѣмъ только и ограничивается: объ Имолѣ и прочихъ городахъ—ни слова. Очевидно, что Дезидерій не спѣшилъ завоевать ихъ обратно, потому что они никогда не выходили изъ-подъ его власти. — 2) См. напр. Cod. Car. № 25, 20, 40, etc. — 3) Cod. Car. № 27: Unde certam a Deo protectam eximietatem vestram reddimus, nihil nos usque hactenus recepisse de his, quae per nostros legatos excellentiae vestrae petendo mandavimus. — 4) Cod. Car. № 32: Sed et hoc in ipsis vestris relationum apicibus continebatur, per vestros vobis fuisse nuntiatum legatos, quod a quibusdam malignis et mendacium proferentibus in istis partibus divulgatum esset, quia si aliqua nobis necessitas eveniret, nullum nobis auxilium praebere volueritis. Едва ли можетъ быть сомнѣніе касательно источника, изъ котораго проистекали подобные толки. — По Pagi, это посланіе принадлежитъ тому же *758 году*.

шаго намѣренія начинать войну съ Дезидеріемъ, и послѣ всѣхъ жалобъ и обвиненій, представленныхъ противъ него Павломъ, ограничился лишь тѣмъ, что отправилъ отъ себя въ Римъ особыхъ повѣренныхъ для разбирательства спорныхъ пунктовъ между римскимъ престоломъ и королемъ лангобардовъ [1]). Къ тому времени между тѣмъ и самый вопросъ уже значительно измѣнился: дѣло шло не объ уступкѣ условленныхъ городовъ, о которыхъ никто болѣе не упоминалъ, но о томъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ разобраться какъ слѣдуетъ границами, и чтобы каждому потомъ получить свои патримоніи, или частныя владѣнія, хотя бы они оказались за установленною пограничною чертою. Что впрочемъ такой оборотъ данъ былъ дѣлу вовсе не по волѣ римскаго епископа, можно судить потому, что онъ говоритъ о немъ съ неохотою. На совѣщаніяхъ, происходившихъ потомъ въ присутствіи повѣренныхъ Пепина между римскимъ епископомъ и послами лангобардскаго короля, находимъ еще какъ бы посредниковъ: это — особые представители (missi) отъ городовъ римской области и Пентаполиса, которые какъ будто для того были призваны сюда, чтобы засвидѣтельствовать вѣрность показаній епископа [2]). Все это показываетъ, что разбиратели или слѣдователи, какими почти можно считать присланныхъ Пепиномъ повѣренныхъ, вовсе не были заражены пристрастіемъ къ истцу, но что, напротивъ, имъ внушено было соблюдать строжайшую справедливость въ отношеніи къ обѣимъ тяжущимся сторонамъ. Покончивъ засѣданіе въ Римѣ, они еще должны были, и съ представителями городовъ, отправляться къ Дезидерію, чтобы принятыя ими рѣшенія были подтверждены и его личнымъ согласіемъ. Но Дезидерій былъ столько благоразуменъ, что — или предупредилъ ихъ, или уже послѣ переговоровъ съ ними самъ явился въ Римъ и, для полнаго соглашенія съ епископомъ, вошелъ съ нимъ въ непосредственныя сношенія. Такъ какъ обѣ стороны напередъ уже были приготовлены ко взаимнымъ уступкамъ, къ умѣренности вообще,

---

1) Cod. Car. № 17: Unde et in nostra fixi caritatis connexione, ideo juxta id quod petendo direximus, praefatos ad nos vestros videmini direxisse missos qui apud Langobardorum imminerent regem, pro diversis s. ecclesiae causis ac justitiis, et in nostro assisterent solatio. — И ниже: Unde constitit, ut nostri *ac singularum nostrarum civitatum missi* ad Desiderium Lang. regem cum vestris progredi debeant missis, ut in eorum atque praedicti regis praesentia pro eisdem finibus ac patrimoniis comprobatio fiat, nobisque omnia juxta pactionem restituamur. Et nescimus quid ex hoc proveniendum sit.. По Муратори это посланіе принадлежитъ слѣдующему, т. е. 759 году.—2) Ibidem.

то все дѣло скоро устроилось между ними очень миролюбивымъ образомъ. Согласившись признать патримоніальныя владѣнія римскаго епископа и соединенныя съ ними права (patrimonia et jura) даже внутри лангобардскихъ владѣній, Дезидерій за то выговорилъ себѣ подобныя же привилегіи во всѣхъ областяхъ римской Италіи. Изъ этого обстоятельства усматриваемъ, что лангобардскій элементъ, хотя лишь подъ формою частнаго владѣнія, тогда уже распространенъ былъ и за предѣлами собственно лангобардскихъ земель. Отсюда объясняется возможность лангобардской партіи даже въ самой римской области, въ ближайшемъ сосѣдствѣ римскаго престола. По взаимномъ соглашеніи между королемъ лангобардовъ и римскимъ епископомъ, положено было, чтобы послы перваго вмѣстѣ съ повѣренными Пепина тотчасъ же отправились въ лангобардскія владѣнія и вездѣ возстановили права римской церкви, какъ они были условлены въ послѣднемъ договорѣ. Посланіе, въ которомъ дошли до насъ эти извѣстія, писано было по истеченіи нѣкотораго срока послѣ всѣхъ упомянутыхъ рѣшеній, такъ что мы изъ него же узнаемъ, что договоръ частію уже былъ приведенъ въ исполненіе, то-есть, что, получивъ свое въ предѣлахъ беневентскихъ, тосканскихъ и сполетскихъ, римскій епископъ съ своей стороны также сдѣлалъ соотвѣтствующее удовлетвореніе Дезидерію [1]). И что касается до осталь-

---

[1]) Всѣ приводимыя нами подробности извлечены изъ посланія Павла, которое въ Кар. кодексѣ стоитъ подъ № 26 и должно относиться, по мнѣнію Муратори, къ 760 году. Вотъ что читаемъ въ немъ о пребываніи Дезидерія въ Римѣ: Illud praeterea excellentia vestra innotuit, Desiderio vos Lang. regi direxisse, ut Saxulum puerum nostrum, qui a nobis fugam arripuerat, reddere deberet. Sed agnoscet Christianitas vestra, quod etiam vos creditum cognitum habere puto, conjunxisse hoc praeterito autumni tempore eundem Desiderium Lang. regem ad Apostolorum limina, causa orationis, eumdemque nostrum puerum secum deferens nobis contradidit. Cum eodem quippe rege, pro justitiis inter partes perficiendis loquente, constitit, ut vestris ejusque missis per diversas civitates progredientibus, ipsae praeparatae fuissent justitiae. Et ecce, Deo propitio, de partibus Beneventanis atque Tuscanensibus et fecimus et ad invicem nostras recepimus. Nam de ducatu Spoletino, nostris vel Langobardorum missis illic adhuc existentibus, ex parte justitias fecimus ac recepimus. Sed et reliquas, quae remanserunt, modis omnibus plenissime inter partes facere student. (Что условія точно такъ же простирались на собственныя римскія земли, какъ на Тоскану, Сполето, Беневентъ и другія лангобардскія владѣнія, это можно видѣть изъ другого посланія: Itaque et hoc conservandae eximietati vestrae innotescimus, quod quemadmodum in praesentia missorum vestrorum constitit cum Desiderio Lang. rege, ut nostras Romanorum justitias ex omnibus Lang. civitatibus plenius primitus acciperemus, et ita postmodum ad vicem *ex omnibus nostris civitatibus* integras Langobardis faceremus *justitias*, freti in hujuscemodi ejus pollicitatione, quam in praesentia

ныхъ, еще не размѣненныхъ патримоній, то, судя по увѣрительному тону посланія, также не предвидѣлось никакихъ сомнѣній, что и въ нихъ законныя права той и другой стороны будутъ возстановлены согласно съ договоромъ. Для полнаго примиренія римскаго епископа съ лангобардами, повидимому, не доставало лишь очень немногаго.

Въ продолженіе всего слѣдующаго десятилѣтія (760—770) дѣйствительно не было болѣе открытой вражды между римскимъ престоломъ и лангобардами. Впрочемъ наружный миръ, продолжавшійся между ними все это время, никакъ не должно смѣшивать съ добрымъ согласіемъ. Съ обѣихъ сторонъ было слишкомъ мало искренности и доброжелательства, чтобы между ними могли имѣть мѣсто въ прямомъ смыслѣ слова дружественныя отношенія. Оставаясь повидимому въ союзѣ между собою, римскій епископъ и король лангобардовъ втайнѣ продолжали работать каждый для своей цѣли. Особенно неутомимъ былъ первый, пользовавшійся всякимъ предлогомъ, чтобы обносить Дезидерія въ глазахъ своего покровителя. Посланія къ Пепину попрежнему слѣдовали одно за другимъ, и рѣдкое изъ нихъ не содержало въ себѣ какого-нибудь новаго обвиненія на короля лангобардовъ. Не долго еще Павелъ хвалилъ добросовѣстность Дезидерія въ исполненіи договора и выражалъ надежду, что и всѣ прочія требованія римскаго престола найдутъ себѣ полное удовлетвореніе [2]). Черезъ нѣсколько времени тотъ же самый предметъ подавалъ уже поводъ къ жалобамъ съ его стороны. Дезидерій, по словамъ епископа въ посланіи

---

praedictorum missorum vestrorum exhibuit, nostros missos direximus ad easdem recipiendas faciendasque justitias. См. Cod. Car. № 24. Изъ того, что переговоры Дезидерія съ епископомъ въ присутствіи повѣренныхъ Пепина приводятся здѣсь какъ прошедшіе и потомъ присоединяются жалобы на Дезидерія, мы заключаемъ, что это посланіе писано позже перваго, и потому не согласны съ Муратори, который относитъ его къ 758 году, хотя съ другой стороны не можемъ допустить и распредѣленія Pagi, который относитъ его уже къ 765 году). Что посланіе подъ № 26 непосредственно слѣдовало за тѣмъ, которое въ Кодексѣ значится подъ № 17, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію: сравнивая ихъ между собою, мы находимъ во второмъ изъ нихъ начало именно тѣхъ отношеній, которыхъ продолженіе излагается въ первомъ. Относительно „justitiae", о которыхъ говорится въ посланіяхъ, мы согласны, вмѣстѣ съ Муратори, разумѣть подъ ними поземельныя владѣнія съ наслѣдственнымъ характеромъ (см. Ann. ad an. 760), но не рѣшаемся назвать ихъ *аллодами* (beni patrimoniali ed *allodiali*), чтó предполагало бы совершенное высвобожденіе ихъ изъ-подъ сеньйоріальной власти.—

[2]) Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ такой отзывъ Дезидерія въ посланіи подъ № 21, которое Pagi и Муратори согласно относятъ къ 760 году. См. Bouquet, V, 522.

къ Пепину, не думалъ исполнять договоръ сполна: произведя условленный размѣнъ правъ въ пограничныхъ областяхъ, онъ потомъ лукаво пріостановился и нарочно не спѣшилъ распространять его на прочія (вѣроятно внутреннія) области, въ надеждѣ выиграть время и отсрочкою ослабить римскія претензіи, которыя еще оставалось ему выполнить [1]. Обвиненіе тѣмъ не ограничивалось; изъ того же посланія узнаемъ мы, что Дезидерій простеръ свою дерзость и еще далѣе: въ великомъ киченіи сердца и озлобленіи забывъ уваженіе, подобающее св. Петру и могущественному покровителю его церкви, онъ позволилъ себѣ грабительскіе набѣги въ римскихъ предѣлахъ и сверхъ всего осмѣлился писать оскорбительныя письма къ римскому епископу и грозить ему разными бѣдствіями. Для большаго удостовѣренія Пепина, вмѣстѣ съ посланіемъ препровождались къ нему и самыя эти письма или вѣрныя копіи съ нихъ [2]. Не оправдывая Дезидерія, мы впрочемъ должны замѣтить касательно всѣхъ этихъ обвиненій, что знаемъ о нихъ лишь изъ показаній его противника, которыя, естественно, подвержены различнымъ толкованіямъ. Жалобы на Дезидерія повторились и въ слѣдующемъ году [3]. Рѣчь была опять о набѣгахъ и опустошеніяхъ, и съ перваго взгляда можно бы было подумать, что Дезидерій предпринималъ систематическія вторженія въ римскую область. На самомъ дѣлѣ впрочемъ было нѣсколько иначе. Принужденный на этотъ разъ быть обстоятельнѣе (на что были особенныя причины), епископъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ два случая, одинъ въ окрестностяхъ Сенегаліи, другой — въ Кампаніи. И тамъ и здѣсь говорится о лангобардахъ, но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не упоминается о личномъ участіи Дезидерія. Очевидно,

---

[1]) Cod. Car. № 24: Ipse vero (Desiderius) varias adhibens occasionum versutias, nequaquam nobis primitus, ut constitit, plenarias de omnibus suis civitatibus (въ смыслѣ областей) facere voluit quas exquirimus justitias, et demum suas in integro ex omnibus nostris civitatibus recipere; sed singillatim tantummodo de una civitate facere, et de alia recipere maluit, volens per hoc dilationem inferre, ne pars nostra Romanorum propriam consequatur justitiam.—Мураторн, очевидно, не правъ, относя это посланіе къ 758 году; но едва ли правъ и Pagi, который уже слишкомъ отодвигаетъ его впередъ, ставя подъ 765. — [2]) Ibidem. — [3]) См. Cod. Car. № 14.—Что это посланіе слѣдовало *послѣ* приведеннаго выше, несомнѣнно видно изъ самаго его содержанія; что впрочемъ они писаны въ различные годы, показываетъ выраженіе, употребленное въ послѣднемъ (№ 14) о письмахъ Дезидерія—*hoc praeterito anno* vestrae excellentiae direximus intuendas. Вотъ почему мы опять не можемъ согласиться съ Муратори, который относитъ это посланіе еще къ 759 году.

что дѣло шло собственно о наѣздахъ на сосѣдственныя земли ради добычи, столько обыкновенныхъ между вольными лангобардами даже и въ мирное время, и что, за недостаткомъ другихъ данныхъ, изъ нихъ составлялось общее обвиненіе короля лангобардовъ во враждебныхъ покушеніяхъ на неприкосновенность римскихъ владѣній. Изъ того же посланія видно впрочемъ, что и Дезидерій, который также имѣлъ важныя причины дорожить расположеніемъ короля франковъ, не переставалъ сноситься съ нимъ и постоянно держалъ отпоръ всѣмъ недоброжелательнымъ внушеніямъ римскаго епископа, опровергая одно за другимъ его показанія о нарушеніи мира лангобардами [1]). Представленія Дезидерія не оставались безъ дѣйствія, какъ можно судить по тому, что они потомъ были поставляемы на видъ самому епископу со стороны Пепина. Да и не могло быть иначе, когда упорная война съ герцогомъ аквитанскимъ все еще продолжалась, и исходъ ея пока еще былъ очень невѣренъ. Въ такихъ обстоятельствахъ вниманіе къ представленіямъ короля лангобардовъ было тѣмъ болѣе нелишнимъ, что оно обезпечивало Пепина со стороны лангобардовъ и давало ему весьма благовидный предлогъ, чтобы отдѣлываться отъ докучливыхъ просьбъ и напоминаній римскаго епископа, которому такъ хотѣлось поссорить его съ Дезидеріемъ. Подъ конецъ Пепинъ и самъ, кажется, увидѣлъ, какъ недобросовѣстны были римскіе политики въ этомъ своемъ стремленіи, и чтобы внушить имъ болѣе скромности, совѣтовалъ имъ съ своей стороны—оставя лишнія претензіи, по возможности стараться жить въ мирѣ и любви съ Дезидеріемъ [2]). Урокъ былъ тѣмъ значительнѣе, что онъ шелъ отъ такого лица, которое нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ усердія къ римскимъ интересамъ. Волею или неволею римскому престолу надобно было принять къ свѣдѣнію совѣтъ своего патриція и хотя на время воздержаться отъ излишней притяза-

[1]) Ibidem: De eo vero, quod innotuit excellentia vestra, *vobis a Desiderio Langob. rege insinuatum esse*, nullam malitiam vel invasionem a Langobardis in nostris partibus fuisse illatas, omnino credat nobis benivola excellentia vestra, veridice in hoc vobis direxistis (dictum esse), etc.—[2]) Cod. Car. № 30 и 33: Hoc interea vestram meminisse volumus excellentiam, nuper nobis direxisse, quatenus in pacis dilectione cum Desiderio Lang. rege conversari studeamus. — Муратори относитъ это посланіе къ 761 году. Мы не думаемъ, чтобы можно было опредѣлить годъ его съ точностію; но съ другой стороны мы весьма наклонны считать его—годомъ или даже двумя позднѣе, напр. послѣ 763, когда въ рядахъ Пепина обнаружилась измѣна, и онъ, ради своихъ собственныхъ выгодъ, долженъ былъ стараться внушить римскому епископу болѣе умѣренности.

тельности. На нѣсколько времени потомъ въ самомъ дѣлѣ затихли всѣ жалобы, и римская политика, перемѣнивъ направленіе, искала уже посредничества Пепина, чтобы обезпечить себѣ помощь Дезидерія въ случаѣ византійскаго нашествія, о которомъ темные слухи не переставали пугать воображеніе обладателей Рима и Равенны [1]).

Итакъ, если еще держался союзъ между римскимъ престоломъ и государствомъ лангобардовъ, и между ними не доходило до открытой вражды, то виною этому были отношенія обоихъ союзниковъ къ Пепину, который имѣлъ свои важныя причины не допускать до разрыва между ними и не хотѣлъ дать рѣшительнаго перевѣса ни той, ни другой сторонѣ. Епископъ Павелъ долженъ былъ болѣе и болѣе ограничивать свои притязанія, потому что не ожидалъ поддержки имъ со стороны Пепина; но и Дезидерій, конечно, потому только не рѣшался выступить изъ границъ умѣренности, что боялся навлечь на себя гнѣвъ римскаго патриція. Такое состояніе могло кончиться не иначе, какъ развѣ смертію того, чья рука держала равновѣсіе. Утомленные безплодною борьбою, веденною втайнѣ, оба противника, казавшіеся союзниками лишь по наружности, замолкли въ ожиданіи перемѣнъ, и наступила обманчивая тишина, какая обыкновенно бываетъ передъ бурею. Впрочемъ, еще за годъ до смерти Пепина, тишина въ политическомъ мірѣ Италіи вдругъ была нарушена однимъ чрезвычайнымъ движеніемъ, которое произошло въ Римѣ по случаю болѣзни и смерти епископа Павла. Еще онъ не успѣлъ закрыть глазъ, какъ въ городѣ и во всей окрестной странѣ началось волненіе. Мысль о предстоящихъ выборахъ на римскій престолъ заняла всѣ умы, пробудила страсти народа. Между партіями, которыя образовались по этому случаю, одна возымѣла дерзкую рѣшимость тотчасъ же овладѣть престоломъ и замѣстить его преданнымъ ей орудіемъ. Въ то время, какъ примицерій и другіе ближайшіе сановники епископа, отъ которыхъ преимущественно долженъ былъ зависѣть выборъ преемника ему, находились въ церкви при умирающемъ, одинъ изъ римскихъ старожиловъ, по имени Тото, бывшій въ то время дукомъ въ тосканскомъ городѣ Непе, вмѣстѣ съ своими брать-

---

[1]) Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ, если принять вмѣстѣ съ Муратори, что посланіе подъ № 34 писано годомъ позже предыдущаго (№ 30 и 33). Здѣсь въ самомъ дѣлѣ не находимъ болѣе никакихъ навѣтовъ противъ Дезидерія, а вмѣсто того—лишь прямое желаніе римскаго епископа, чтобы король лангобардовъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно противъ византійцевъ.

ями, Константиномъ, Пассивомъ и Пасхаліемъ, подошелъ къ Риму, и поддерживаемый тосканскою милиціею и толпою поселянъ, которые пришли за нимъ также изъ предѣловъ Тусціи, черезъ ворота св. Панкрація проложилъ себѣ путь въ самый городъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что партія, во главѣ которой былъ Тото, считала много приверженцевъ въ самомъ Римѣ, и потому ей нетрудно было, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, провозгласить одного изъ братьевъ Тото, по имени Константина, римскимъ епископомъ. Какъ мало думали о соблюденіи должнаго чина и каноническихъ правилъ при поставленіи новаго епископа, можно судить по тому, что Константинъ до самой этой минуты оставался міряниномъ, и уже послѣ того, какъ рѣшено было его избраніе, въ продолженіе двухъ дней былъ постриженъ, поставленъ въ субдіаконы и потомъ въ діаконы. Рядъ этихъ противозаконныхъ дѣйствій завершенъ былъ посвященіемъ его въ епископскій санъ въ базиликѣ св. Петра, куда онъ также явился въ сопровожденіи множества вооруженныхъ. Что посадивъ Константина на римскомъ престолѣ, Тото и его партія хотѣли имѣть въ немъ лишь слѣпое орудіе для своего властолюбія, прямо слѣдуетъ изъ тѣхъ добровольныхъ признаній, которыя самъ новопоставленный епископъ счелъ за нужное сдѣлать Пепину въ своихъ къ нему посланіяхъ: ибо, какъ и его предшественники, онъ также счелъ первымъ своимъ долгомъ, по поставленіи въ епископы, искать благосклонности римскаго патриція и просить его о продолженіи покровительства римскому престолу [2]). Извиняя передъ Пепиномъ свое незаконное избраніе, Константинъ писалъ ему о себѣ, что все случившееся въ Римѣ произошло сверхъ его собственнаго ожиданія, что онъ никогда не смѣлъ и помыслить о такой высокой чести для себя, и что, вдругъ увидѣвъ себя на римскомъ престолѣ, онъ почувствовалъ страхъ, какой

---

[1]) Anast. in vita Stephani III: At vero Paulus Papa in aegritudine positus cum nondum adhuc spiritum exhalaret, illico Toto quidam dux Nepesinae civitatis *dudum habitator* (Romae?), etc.—Тото называется дукомъ, но, какъ послѣ извѣстной катастрофы названія дука и консула смѣшивались между собою, то, кажется, не будетъ ошибкою считать его за консула въ Непе. Въ связяхъ съ нимъ, по увѣренію того же Анастасія (p. 134), былъ также одинъ трибунъ, по имени Грацилисъ, который имѣлъ большую силу въ Кампаніи. Сверхъ того мы называемъ Тото римскимъ старожиломъ, такъ заключая изъ словъ „dudum habitator“ съ принятымъ нами дополненіемъ, и изъ того обстоятельства, что онъ имѣлъ свой домъ въ Римѣ: „in domo antedicti Totonis“. Подъ Тосканою здѣсь надобно разумѣть римскую ея часть.—[2]) См. Cod. Car. №№ 98 и 99. (Bouquet, V, 534—537).

бываетъ по пробужденіи отъ тяжелаго сна; наконецъ, онъ даже не скрывалъ своего „несчастія“ и говорилъ, сравнивая себя съ кораблемъ, носимымъ бурями, что такъ вздымается и онъ, противъ своей воли, бурными народными кликами и воплями.

Мы не останавливаемся особо на объясненіи этого событія, полагая, что оно достаточно объясняется и тѣмъ, что̀ мы сказали выше о состояніи Рима и всей римской области подъ управленіемъ римскихъ епископовъ. Сущность факта состоитъ въ томъ, что сила партій въ Римѣ съ его областію возрасла до такой степени, что одной изъ нихъ удалось захватить въ свои руки, самый престолъ и замѣстить его своимъ человѣкомъ, чтобы имѣть въ немъ потомъ послушное орудіе своихъ видовъ. Если кого особенно чувствительно долженъ былъ поразить такой внезапный переворотъ, то конечно клерикальную партію, которая управляла дѣлами при жизни епископа Павла и, безъ сомнѣнія, надѣялась сохранить свое вліяніе и по смерти его. Во главѣ ея стоялъ тогда примицерій Христофоръ, довѣреннѣйшій и самый надежный совѣтникъ римскаго престола при двухъ епископахъ (Стефанѣ II и Павлѣ I), который, не выставляя себя прямо на видъ, умѣлъ впрочемъ давать тонъ и направленіе всей римской политикѣ [1]). Въ послѣднее время вліяніе его въ коллегіи епископскихъ совѣтниковъ должно было усилиться еще болѣе, потому что въ ней находимъ также и сына его, по имени Сергія, въ должности сацелларія [2]). Застигнутая, какъ видно, врасплохъ смѣлымъ ударомъ Тото, эта партія принуждена была на время скрыть свое неудовольствіе и покориться обстоятельствамъ, но не забыла нанесеннаго ей униженія и искала вокругъ себя средствъ возстановить свою самостоятельность и свое вліяніе. На Пепина или уже не надѣялись много по извѣстнымъ намъ причинамъ, или трудно было вести съ нимъ прямыя сношенія, пока господствовала противная партія. Внутри же Италіи развѣ только король лангобардовъ былъ въ состояніи замѣнить собою римскаго патриція. Ненависть къ Тото заставила его противниковъ забыть всѣ прежнія неудовольствія римскаго престола

---

[1]) По одному случаю Павелъ писалъ о немъ Пепину: Nihil enim ipse noster consiliarius extra nostram voluntatem aliquando egit vel agere praesumpsit, quoniam nostri praedecessoris ac germani, domini Stephani Papae, simul et noster sincerus atque probatissimus fidelis extitit, et in omnibus existit, et satisfacti sumus de ejus immaculata fide et firma cordis constantia, etc. См. Cod. Car. № 20.—[2]) Anast. in *vita Stephani III*.

противъ Дезидерія, чтобы только съ его помощію снова восторжествовать въ Римѣ. Опытный въ интригѣ Христофоръ рѣшился съ этою цѣлію пробраться вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Сергіемъ въ лангобардскія владѣнія. Чтобы впрочемъ не подать о себѣ никакого подозрѣнія, оба они приняли очень смиренный видъ, говорили всѣмъ о своемъ желаніи удалиться отъ міра, и наконецъ, обратившись къ Константину, просили у него позволенія отправиться въ одинъ монастырь и тамъ вступить въ монашество [1]). Монастырь, куда они готовились ѣхать, лежалъ въ лангобардскихъ предѣлахъ; однако и это обстоятельство не внушило довѣрчивому Константину никакихъ подозрѣній, и онъ отпустилъ ихъ изъ Рима безъ всякаго препятствія. Сначала Христофоръ и Сергій дѣйствительно взяли путь по направленію къ назначенному ими монастырю, и ужъ аббатъ, вѣроятно предызвѣщенный о приближеніи именитыхъ путешественниковъ, готовился къ ихъ пріему, какъ они, вдругъ перемѣнивъ направленіе, очутились въ Сполето и настоятельно просили тамошняго герцога—немедленно препроводить ихъ въ самую резиденцію короля. Герцогъ, преданный Дезидерію, спѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Достигнувъ Павіи, Христофоръ и Сергій явились прямо къ Дезидерію, объяснили ему настоящее состояніе дѣлъ въ Римѣ, и отложивъ римскую гордость, умоляли его вступиться за честь римскаго престола и возстановить его достоинство. Само собою разумѣется, что къ Дезидерію обращались какъ къ королю католическому: о мнимомъ еретичествѣ лангобардовъ уже не было болѣе рѣчи.

Для короля лангобардовъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ его къ римской Италіи, не могло быть ничего болѣе лестнаго, какъ приглашеніе явиться въ Римъ, выходившее отъ самихъ же римлянъ. Правда, что до сихъ поръ въ дѣйствіи находимъ только примицерія Христофора съ сыномъ; но по всей вѣроятности, прося Дезидерія о помощи, они съ своей стороны открывали ему виды на содѣйствіе цѣлой партіи въ Римѣ, которой они были только главными представителями. Не надобно забывать притомъ, что это была та самая партія, которая до послѣднихъ событій управляла всей римской политикой, постановивъ краеугольнымъ ея камнемъ интересы римскаго престола. Дезидерію представлялся прекрасный случай утвердить свое вліяніе въ Римѣ—съ согласія и даже при помощи тѣхъ самыхъ лицъ, которыя до сего времени употребляли всѣ уси-

1) Ibidem.

лія, чтобы вредить успѣхамъ его въ Италіи. Для этого вліянія была уже и готовая форма. Явившись въ Римъ по приглашенію важнѣйшихъ поборниковъ римскихъ епископскихъ интересовъ и возстановивъ достоинство престола низложеніемъ его похитителя, Дезидерій естественно заступилъ бы мѣсто главнаго защитника римской церкви, или, говоря другими словами, римскаго патриція. Казалось, это достоинство, которому искони слѣдовало быть соединеннымъ со властію королей лангобардскихъ, подъ конецъ дѣйствительно должно было перейти на нихъ, и государству лангобардовъ снова открывалась возможность—самымъ естественнымъ путемъ и подъ установившеюся прежде формою достигнуть политическаго преобладанія на полуостровѣ. Послѣдняя обманчивая надежда, отъ которой въ дѣйствительной исторіи едва осталось слабое отраженіе!

Какъ видно изъ послѣдующихъ событій, Дезидерій нисколько не противорѣчилъ желанію Христофора и Сергія, но на первое время устранилъ отъ себя личное участіе въ этомъ дѣлѣ и довольствовался лишь тѣмъ, что дозволилъ сполетскимъ лангобардамъ вооружиться и итти вмѣстѣ съ примицеріемъ къ Риму [1]). Можно думать, что, по свойственной ему осторожности, онъ боялся открытымъ вмѣшательствомъ въ римскія дѣла возбудить подозрѣнія въ Пепинѣ и потерять его расположеніе, тогда какъ вооруженіе сполетскихъ лангобардовъ на помощь римскому престолу онъ могъ извинить ихъ старыми симпатіями къ римлянамъ. Какъ бы то ни было, Христофоръ и Сергій, получивъ разрѣшеніе отъ Дезидерія [2]), отправились прямо въ сполетское герцогство и въ самомъ дѣлѣ встрѣтили между тамошними жителями много симпатіи къ своему предпріятію. Въ Реате, Форконе и другихъ мѣстахъ нашлось много охотниковъ, изъ которыхъ они составили себѣ значительное ополченіе и выступили съ нимъ по дорогѣ къ Риму. Здѣсь является еще одно новое лицо, которое также нельзя пропустить безъ вниманія: это одинъ священникъ (presbyter), по имени Вальдипертъ, лангобардъ не по происхожденію только, но и по сердцу и духу, человѣкъ очень смѣлаго и предпріимчиваго нрава, который повидимому состоялъ въ ближайшихъ связяхъ съ герцогомъ сполетскимъ и особенно содѣйствовалъ вооруженію сполетинцевъ. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его дѣйствующимъ въ полномъ согласіи съ примицеріемъ. Когда

---

1) Cp. Murat. Ann. ad an. 768.—2) Anastasius: absoluti a Langobardorum *rege*.

готово было ополченіе, онъ вмѣстѣ съ Сергіемъ повелъ его впередъ, и одинъ изъ первыхъ подступилъ къ Риму. Весь переходъ сдѣланъ былъ такъ тихо, что появленіе лангобардовъ въ окрестностяхъ города не сдѣлало въ немъ никакой тревоги. Лишь нѣкоторые изъ соумышленниковъ Христофора и Сергія, предызвѣщенные заранѣе, стерегли ихъ у воротъ св. Панкрація. Лангобарды, которые вышли къ Риму со стороны саларскихъ воротъ, должны были еще сдѣлать значительный обходъ за стѣнами, чтобы добраться до того пункта, гдѣ вѣрная рука обѣщала безъ шума провести ихъ въ самый городъ. И здѣсь, благодаря ночному времени, никто не замѣтилъ приближенія лангобардовъ, кромѣ тѣхъ, которые нарочно для того были поставлены на стражѣ. Тогда, подъ покровомъ ночной тишины и съ помощію измѣны, совершилось неслыханное дѣло. По данному знаку ворота св. Панкрація отворились, и толпа вооруженныхъ лангобардовъ, подъ предводительствомъ Вальдиперта и Сергія, вступила въ Римъ, не встрѣчая себѣ никакого сопротивленія. Въ улицахъ все было спокойно, но, по замѣчанію біографа, невольный страхъ объялъ лангобардовъ, когда они почувствовали себя внутри римскихъ стѣнъ: передъ ними лежалъ, погруженный въ сонъ, большой городъ, въ которомъ вѣками была воспитана ненависть къ лангобардамъ, и который при одномъ ихъ имени привыкъ устремляться къ оружію. Появленіе въ Римѣ нежданныхъ гостей недолго оставалось тайною для жителей. Тото, вовсе неприготовленный къ такому извѣстію, имѣлъ впрочемъ довольно духа, чтобы вмѣстѣ съ братомъ своимъ Пассивомъ и нѣсколькими вооруженными людьми тотчасъ же выйти навстрѣчу лангобардамъ и своимъ измѣнникамъ. Но измѣна была гораздо ближе къ нему, нежели онъ предполагалъ. Секундицерій Димитрій и хартуларій Граціозъ, находившіеся въ числѣ вооруженныхъ людей, которые сопровождали его къ воротамъ св. Панкрація, втайнѣ принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ сообщниковъ Христофора. Сойдясь съ лангобардами, Тото скоро далъ почувствовать имъ силу своей руки. Выѣхавшій къ нему навстрѣчу, лучшій лангобардскій наѣздникъ, по имени Раципертъ, палъ на мѣстѣ подъ его ударами. Лангобарды дрогнули; но въ эту самую минуту Димитрій и Граціозъ, бросившись на Тото съ тылу, повергли его мертвымъ на землю. Смерть вождя тотчасъ же разсѣяла его немногочисленныхъ приверженцевъ. Пассивъ спѣшилъ къ брату своему Константину, чтобы заблаговременно извѣстить его объ ихъ общемъ несчастіи.

Спасая себя отъ преслѣдованія, оба они бѣжали изъ дворца, переходили изъ базилики въ базилику, и наконецъ заперлись въ ризницѣ одной церкви. Но римская милиція скоро открыла ихъ слѣды, и по распоряженію начальствовавшихъ надъ нею, они были посажены подъ стражу [1].

За низложеніемъ похитителя престола должно было слѣдовать возстановленіе законнаго порядка вещей. Для этого необходимо было предпринять правильный выборъ епископа. Естественно, что первый голосъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ принадлежать Христофору, какъ главному виновнику всего предпріятія; но еще не успѣлъ онъ прибыть въ Римъ, какъ Вальдипертъ, по свойственной лангобардскому характеру отвагѣ и необузданности, подумалъ, что для него наступила пора дѣйствовать. При этомъ случаѣ обнаружилось еще болѣе, что онъ имѣлъ тайное полномочіе если не отъ самого короля лангобардовъ, то по крайней мѣрѣ отъ сполетскаго герцога. На другой же день послѣ низложенія Константина, пользуясь отсутствіемъ Христофора и безъ вѣдома сына его Сергія, Вальдипертъ взялъ съ собою нѣсколькихъ римлянъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ и начальниковъ милиціи [2], которыхъ онъ успѣлъ склонить на свою сторону, и отправился вмѣстѣ съ ними въ монастырь св. Вита. Оттуда они вывели одного священника, по имени Филиппа, и соблюдая всѣ предписанныя формы, провозгласили его римскимъ епископомъ. Въ короткое время былъ оконченъ весь обрядъ поставленія, и уже новый епископъ, занявъ Латеранскій дворецъ, праздновалъ въ немъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, свое вступленіе на престолъ [3]. Вальдипертъ, казалось, могъ поздравить себя съ полнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ прибытіе Христофора совершенно измѣнило ходъ дѣла. Узнавши о причинахъ избранія Филиппа и еще не въѣзжая въ городъ, примицерій объявилъ римлянамъ, что они до тѣхъ поръ не увидятъ его въ Римѣ, пока Филиппъ не будетъ изгнанъ ими изъ Латеранскаго дворца. Легко догадаться, что

---

[1]) Anast. ibidem: Et venientes post aliquantas horas hujus R. militiae judices et eos ex ipso oratorio ejicientes, sub cautela munierunt.—Отсюда заключаемъ, что римская милиція, въ смыслѣ вооруженной городской аристократіи, въ этомъ случаѣ была большею частію на сторонѣ лангобардовъ.—[2]) Ibidem: Alio vero die dominico congregans Vualdipertus presbyter, ignorante autem praedicto Sergio, aliquantos Romanos, etc.—И ниже: Sedebant cum eo aliquanti ex primatibus ecclesiae et optimatibus militiae.—[3]) Ibidem: Et mensam, ut assolent Pontifices, tenuit.

„причины избранія Филиппа", которыя, по словамъ біографа, привели въ такое негодованіе примицерія, были ни что иное, какъ нѣкоторыя обязательства, напередъ принятыя новоизбраннымъ епископомъ въ пользу лангобардовъ. Старый поборникъ независимости римскаго престола не хотѣлъ потерпѣть, чтобы возстановленіе его достоинства было куплено какими-нибудь уступками лангобардамъ. Даже когда нужда заставила его прибѣгнуть къ Дезидерію и искать его покровительства римскому престолу, и тогда онъ едва ли искренно думалъ о союзѣ съ нимъ и хотѣлъ навсегда измѣнить своей прежней политикѣ; тѣмъ рѣшительнѣе возвращался онъ къ ней теперь, какъ, въ самую минуту торжества надъ противнѳю партіей, лангобардъ предвосхитилъ у него вліяніе въ Римѣ, что́ должно было сильно затронуть его самолюбіе. Между тѣмъ онъ имѣлъ еще много преданныхъ ему друзей между римлянами, для которыхъ голосъ его сохранилъ все свое прежнее значеніе. Число ихъ увеличивалось еще тѣми, которые почему бы то ни было недовольны были послѣднимъ выборомъ. Собравшись всѣ вмѣстѣ, они, подъ предводительствомъ хартуларія Граціоза, устремились къ Латеранскому дворцу и заставили Филиппа снова искать убѣжища въ монастырѣ. Когда такимъ образомъ Вальдипертъ былъ устраненъ со сцены вмѣстѣ съ своимъ претендентомъ, Христофоръ вошелъ въ городъ и немедленно собралъ всѣ сословія, духовныхъ сановниковъ, именитыхъ и почетныхъ гражданъ, всю милицію и даже низшіе классы народа, для выбора новаго епископа [1]). Конечно желая обезпечить прочность выбора общимъ согласіемъ, онъ предоставилъ собранію полную свободу совѣщанія, и, по увѣренію Анастасія, всѣ голоса соединились на лицѣ Стефана (III), родомъ изъ Сициліи, съ особеннымъ усердіемъ служившаго при трехъ своихъ предшественникахъ. При неумолкающихъ кликахъ народа его тотчасъ же перенесли въ Латеранскій дворецъ, гдѣ онъ и водворился. Сомнѣній болѣе не было, и Стефану недоставало только посвященія, чтобы вступить во всѣ права римскаго епископа.

Римъ готовился къ этому послѣднему торжеству, однако не переставалъ волноваться. Анархическое состояніе, котораго начало можно считать съ самой смерти епископа Павла, про-

---

1) Почти въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ сословія у Анастасія: sacerdotes, ac primates ecclesiae, et optimates militiae, atque universum exercitum, et cives honestos, omnisque populi Romani caetum. Замѣчательно, что optimates militiae здѣсь отличаются отъ cives honesti.

должалось такъ долго, что страсти народа, имъ возбужденныя и безпрестанно волнуемыя вновь различными перемѣнами, никакъ не могли скоро успокоиться и войти въ свои прежніе предѣлы. Каждый новый взрывъ народныхъ восклицаній былъ вихремъ, раздувающимъ ихъ огонь, и самое торжество избранія Стефана, довершившее побѣду повидимому самой многочисленной изъ римскихъ партій, вмѣсто того, чтобы внушить ей умѣренность, лишь пробудило въ ней мстительные, кровожадные инстинкты. Остатки разбитой и разсѣянной партіи Тото первые сдѣлались жертвою народной ярости. Толпа вооруженныхъ людей, напередъ заглушившихъ въ себѣ всякое чувство жалости, ходила по городу и безпрепятственно неистовствовала надъ ними. Первый попавшійся къ нимъ въ руки, былъ епископъ Теодоръ, состоявшій при Константинѣ въ должности его главнаго домоуправителя [1]). Ему выкололи глаза, истерзали языкъ, и потомъ, заключивъ въ одномъ монастырѣ, обрекли его на голодную смерть. Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ, прося хоть капли воды, чтобы затушить пожиравшій его пламень жажды. Почти такая же участь угрожала и Пассиву, но какимъ-то счастливымъ случаемъ онъ спасся отъ искаженія и отдѣлался лишь заключеніемъ въ монастырь. Наконецъ дошла очередь и до самого Константина: его также извлекли изъ-подъ стражи, подъ которою онъ находился со дня своего низложенія, посадили на лошадь въ женское сѣдло, и привѣсивъ къ ногамъ его множество тяжестей, съ безчестіемъ водили по улицамъ города. Черезъ нѣсколько времени потомъ, призванный въ собраніе епископовъ и пресвитеровъ, онъ долженъ былъ еще подвергнуться унизительному обряду разстриженія. Тогда только послѣдовало и торжественное вѣнчаніе Стефана III, и первымъ актомъ новопосвященнаго епископа было—посредствомъ общественнаго покаянія очистить городъ отъ духовной проказы, которой, предполагалось, онъ подвергъ себя невольнымъ соучастіемъ въ успѣхахъ узурпатора. Въ церквахъ молились объ отпущеніи грѣховъ римлянамъ, а между тѣмъ страсти попрежнему кипѣли на улицахъ. Мало уже казалось той мести, отъ которой пострадали въ Римѣ самъ похититель престола и его ближайшіе сообщники: опьянѣвъ отъ успѣха, торжествующая партія хотѣла достать даже и тѣхъ его единомышленниковъ, которые были

---

[1]) Anastasius: comprehendentes Theodorum episcopum et vicedominum ejus (Constantini). Ср. Hegel, 1, 247.

далеко на сторонѣ, и наложить на нихъ свою руку. Болѣе всѣхъ пользовался въ Римѣ этою опасною извѣстностію Грацилисъ, жившій и дѣйствовавшій въ Кампаніи подъ именемъ трибуна. Римляне ополчились какъ противъ непріятеля; имъ пришли помогать даже изъ Тусціи и изъ Кампаніи, и вся эта вооруженная толпа пошла доставать ненавистнаго трибуна въ самомъ его убѣжищѣ. Вломившись въ городъ, гдѣ держался Грацилисъ, она захватила его силою и съ торжествомъ отвела въ Римъ, какъ своего плѣнника. Еще римляне были столько умѣренны, что удовольствовались его заключеніемъ; но бывшіе съ ними кампанцы вырвали его изъ-подъ стражи, и вмѣсто того, чтобы, какъ говорили, отвести его въ монастырь, привели къ Колизею и тамъ безчеловѣчно лишили его языка и зрѣнія. И этой жертвою еще не утолилась жажда мести. Ревность къ пролитію крови обуяла въ свою очередь и тосканцевъ, находившихся въ Римѣ. Они тоже не хотѣли успокоиться, пока оставался живъ и невредимъ хоть одинъ человѣкъ изъ ненавистной имъ партіи Тото. До сего времени изъ трехъ братьевъ уцѣлѣлъ лишь Константинъ, едва ли не самый невинный изъ всей этой шайки зачинщиковъ римскихъ безпорядковъ. Собравшаяся на кликъ тосканцевъ свирѣпая толпа силою исторгла Константина изъ монастыря, который былъ для него тюрьмою и убѣжищемъ, вырвала ему глаза и потомъ бросила несчастнаго слѣпца на мѣстѣ преступленія. Изъ разсказа не видно, чтобы главные виновники послѣдняго переворота на римскомъ престолѣ, Христофоръ и его сообщники, прямо участвовали во всѣхъ этихъ буйствахъ, но съ другой стороны не видно и того, чтобы они старались имъ противодѣйствовать. Надобно полагать, что разнузданныя страсти народа подъ конецъ взяли верхъ даже надъ тѣми, которые сначала были во главѣ движенія, и что они сами нѣкоторое время были осуждены на чисто страдательную роль. Изъ нихъ оставался на сценѣ лишь одинъ Граціозъ, и то потому, что дѣйствовалъ заодно съ анархистами. О немъ мы знаемъ съ опредѣленностію, что, при вторженіи тосканцевъ въ монастырь, гдѣ держали въ заключеніи Константина, онъ былъ вмѣстѣ съ ними и поддерживалъ ихъ своею дружиною, и вообще есть причины думать, что во все это время безъ Граціоза не обходилось ни одного движенія и, слѣдовательно, ни одного злодѣйства [1]).

1) Anast. ibidem: Porro aliquantis post haec praeteritis diebus dum Tuscani et Campani hic Romae aggregati fuissent, initio consilio cum praefato Gratioso

Кто бы впрочемъ ни былъ душою всѣхъ этихъ событій, несомнѣнно то обстоятельство, что Римъ съ самой смерти епископа Павла былъ добычею анархическихъ партій, которыя смѣнялись одна другою и какъ будто старались превзойти одна другую буйствомъ и жестокостями разнаго рода. Чѣмъ больше продолжалась анархія, тѣмъ больше всплывали наружу народныя страсти, и какъ между партіями не было посредника, то взаимная вражда ихъ болѣе и болѣе принимала характеръ непрощающей мести съ обѣихъ сторонъ, такъ что успѣхъ партіи былъ вмѣстѣ знакомъ къ истребленію ея противниковъ. Сцены, послѣдовавшія въ Римѣ за низложеніемъ партіи Тото, въ состояніи напомнить собою тѣ, которыя нѣкогда происходили въ Равеннѣ, съ тою разницею, что первыя имѣли болѣе важное значеніе политическое. Всего замѣтнѣе этотъ политическій оттѣнокъ на послѣднемъ мщеніи торжествующей партіи въ Римѣ. Покончивъ съ тосканскою партіей, которой единственнымъ представителемъ оставался теперь слѣпой и ничтожный Константинъ, она принялась за лангобардскую. Еще Римъ не пришелъ въ себя отъ тѣхъ безпокойствъ и неистовствъ, которыми ознаменовалось паденіе Константина, какъ въ народѣ распространился слухъ, что извѣстный Вальдипертъ, не покидавшій Рима съ того самаго дня, какъ измѣна отворила ему, вмѣстѣ съ Сергіемъ, ворота города, замышляетъ, сообща съ сполетскимъ герцогомъ и *нѣкоторыми римлянами*, умертвить примицерія Христофора и другихъ знатныхъ римлянъ, его приверженцевъ, и потомъ предать городъ лангобардамъ [1]). Каковы бы ни были настоящія основанія этого обвиненія, очевидно впрочемъ, что Вальдипертъ имѣлъ въ городѣ свою особую партію, и что она крайне не нравилась тѣмъ, которые въ то время располагали судьбами Рима. Народъ римскій, всегда подозрительный къ лангобардскому имени, и еще не остывъ отъ недавняго раздраженія, пришелъ снова въ сильное волненіе. Спасаясь отъ ярости безпощадной толпы, Вальдипертъ укрылся въ одной церкви и ожидалъ своихъ враговъ съ образомъ Богоматери въ рукахъ. Но и двойная

---

et fortioribus ejus, per quorum auctoritatem tanta mala operabantur, perrexit cum cuneo militum Tusciae ac Campaniae primo diliculo in monasterium Cellanovas, etc.—[1]) Ibidem: His itaque gestis peractisque insurrexerunt quidam dicentes, quod antedictus Vualdipertus presbyter Long. genere ortus consilium cum Theodorico duce Spoletino et aliquibus Romanis iniisset ad interficiendum praefatum Christophorum primicerium et alios Romanos primates et civitatem Romanam Long. *genti tradendam.*

ограда церковной святыни не защитила его отъ насилія. Исторгнутый силою изъ церкви, онъ принужденъ былъ въ самомъ тѣсномъ заключеніи ждать рѣшенія своей участи. Черезъ нѣсколько дней дверь тюрьмы отворилась, но узникъ лишь затѣмъ выведенъ былъ на свѣтъ, чтобы тутъ же лишиться его навсегда. Безъ глазъ и безъ языка, онъ потомъ перенесенъ былъ въ страннопріимный домъ и тамъ вскорѣ умеръ отъ изліянія крови. Этою жертвою господствующая партія заключила свое кровавое торжество. Тогда только римскія духовныя власти сдѣлали усиліе возвратиться къ порядку и открыли свою мирную дѣятельность тѣмъ, что созвали въ Римѣ соборъ, на которомъ произнесено окончательное осужденіе Константина и подтверждено вновь почитаніе иконъ.

Что Дезидерій не оставался вовсе безучастнымъ зрителемъ римскихъ происшествій, довольно ясно выходитъ изъ той роли, которая приписывается Вальдиперту, и изъ тѣхъ намековъ, которые дѣлаетъ Анастасій относительно связей его съ герцогомъ сполетскимъ и черезъ него съ лангобардами вообще. Попытка утвердить въ Римѣ лангобардское вліяніе не удалась, но она по крайней мѣрѣ оставляла послѣ себя увѣренность въ возможности лангобардской партіи даже между римлянами. Подобное обстоятельство, вмѣстѣ съ безсиліемъ власти римскаго епископа въ самой его резиденціи, должно было внушить королю лангобардовъ много смѣлыхъ надеждъ. До сего времени Дезидерій былъ столь остороженъ, что дѣйствовалъ лишь издали и не позволялъ своимъ агентамъ въ Римѣ произносить своего имени. Теперь же, какъ не было болѣе сомнѣнія, что, при раздѣленіи римлянъ на партіи, между ними было мѣсто даже сочувствію лангобардамъ, онъ смѣло могъ сдѣлать шагъ впередъ и стараться дѣйствовать на Римъ прямо отъ себя, безъ посредства герцога сполетскаго. Такая политика оправдывалась сверхъ всего еще однимъ важнымъ современнымъ обстоятельствомъ. Въ концѣ 768 года, немного спустя по окончаніи аквитанской войны, умеръ Пепинъ, и римскій престолъ лишился въ немъ самаго ревностнаго и самаго безкорыстнаго своего покровителя. Двое сыновей его, Карлъ и Карломанъ, были наслѣдниками его власти. Хотя принятый Пепиномъ римскій патриціатъ и не уничтожался его смертію, но кто могъ поручиться заранѣе, что извѣстное усердіе Пепина къ интересамъ римскаго престола перейдетъ по наслѣдству и къ его преемникамъ? Личныя расположенія новыхъ королей франковъ еще мало были извѣстны свѣту; между тѣмъ они

принадлежали уже къ позднѣйшему поколѣнію, чѣмъ ихъ отецъ, были оба довольно молоды, воинственны, и вообще до сихъ поръ не обнаружили ничѣмъ особеннымъ своихъ симпатій къ стремленіямъ римскихъ епископовъ. И если бы даже одинъ изъ нихъ пошелъ по слѣдамъ своего отца, то не было ли также большой вѣроятности, что другой, по соревнованію очень естественному, совершенно отдѣлится отъ него и будетъ искать себѣ союзниковъ въ противоположномъ направленіи? Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, государство франковъ, раздѣленное между двумя лицами, уже не представляло того опаснаго соединенія силъ, которымъ оно такъ грозно было при Пепинѣ. Если Карломанъ, которому въ удѣлъ достались Бургундія, Провансъ, Лангедокъ, вообще болѣе южныя земли, казалось, по самому положенію своей территоріи, долженъ былъ обѣщать собою союзника римскаго престола, то Карлъ, напротивъ, располагавшій Австразіею, Турингіею, Баваріею, повидимому всего скорѣе могъ подать руку на союзъ съ королемъ лангобардовъ. Во всемъ этомъ для Дезидерія было, конечно, сильное поощреніе къ тому, чтобы опять сдѣлать Римъ главнымъ пунктомъ лангобардской политики.

И римскія внутреннія отношенія, въ особенности же дѣйствіе лицъ, окружавшихъ римскій престолъ, къ тому же призывали Дезидерія. Примицерій Христофоръ, какъ главный виновникъ всего переворота, естественно хотѣлъ сохранить свою силу и свое вліяніе и на все послѣдующее управленіе. Въ Стефанѣ III онъ видѣлъ лишь свое созданіе, и какъ бы не предполагая въ немъ даже никакого самолюбія, подъ его именемъ думалъ самостоятельно управлять римскою областію. Разорвавъ съ Вальдипертомъ и со всею лангобардскою партіею, онъ впрочемъ опять долженъ былъ искать опоры себѣ въ римскомъ патриціи. Прекрасный случай вновь завязать съ нимъ прежнія связи представлялся уже въ то время, когда нарочное посольство отправилось изъ Рима во Францію, чтобы, съ согласія Пепина, пригласить нѣкоторыхъ франкскихъ епископовъ на римскій соборъ [1]). Не даромъ же сынъ Христофора, извѣстный Сергій, который въ это время занималъ уже должность секундицерія, былъ самымъ важнымъ лицомъ этой миссіи. Прибывъ во Францію, послы, правда, не застали въ живыхъ Пепина; но за то они имѣли возможность ближе познакомиться съ ихъ преемниками, узнать ихъ наклонности и расположенія, и зало-

---

1) *Anast.* ibid.

жить камень для будущихъ отношеній. Изъ двухъ братьевъ, Карломанъ, кажется, особенно пришелся имъ по мысли: ничего неизвѣстно о сношеніяхъ, происходившихъ между нимъ и римскими послами, но скоро мы увидимъ, какъ много разсчитывали на него приверженцы примицерія. Впрочемъ оба брата сохранили титло римскихъ патрпціевъ, и въ этомъ качествѣ каждый изъ нихъ продолжалъ содержать въ Римѣ своихъ особыхъ повѣренныхъ, или миссовъ (missi), какъ они обыкновенно называются у современниковъ. Обезпеченные съ этой стороны, Христофоръ и Сергій потомъ смѣло уже могли поднять свое прежнее знамя и возвратиться къ политикѣ, которой во времена епископа Павла они же были главными органами. Какъ извѣстно, вражда противъ лангобардовъ и стремленіе распространить на ихъ счетъ владѣнія римской церкви, были главными пружинами этой политики. Тотъ же самый духъ встрѣчаемъ и теперь: тѣ самые, которые недавно еще искали помощи Дезидерія, не только не признавали уже за нимъ никакихъ заслугъ своему дѣлу, но не хотѣли даже оставить его въ покоѣ, привязчиво возвращались къ старымъ претензіямъ, и настоятельно, съ угрозами, требовали отъ него разныхъ недоимокъ, которыя числились за нимъ по прежнимъ счетамъ съ римскимъ престоломъ [1]). Прежде чѣмъ послѣдовалъ какой-нибудь вызовъ со стороны Дезидерія, римскія правители сами уже подавали ему поводъ ко враждѣ съ Римомъ! Между тѣмъ римскія внутреннія отношенія были вовсе не такого рода, чтобы Дезидерій могъ испугаться сдѣланнаго ему вызова: напротивъ, они еще болѣе должны были располагать его къ прямому вмѣшательству въ дѣла римской области. Кромѣ того, что все народонаселеніе Рима было раздѣлено на партіи, между которыми были и остатки прежней лангобардской, единодушія не было даже между лицами, составлявшими римское правительство. По ясному выраженію Анастасія, требованія,

---

1) Ibidem: Nam sedule isdem b. Pontifex suos missos atque litteras admonitorias dirigere studebat antedicto excellentisimo Carolo regi Francorum et ejus germano Carolomano item regi: *imminentibus atque decertantibus in hoc saepius nominatis Christophorus primicerius et Sergius secundicerius* pro exigendis a Desiderio rege Langobardorum justitiis b. Petri, quos *obdurato corde* reddere s. Dei ecclesiae nolebat.—Мураторн, Ann. ad an. 769, полагаетъ, что прежнія требованія римскаго престола были удовлетворены Дезидеріемъ еще при жизни епископа Павла, и что вновь представленныя касались уже новыхъ предметовъ. Мы, напротивъ, въ самыхъ словахъ Анастасія думаемъ видѣть лишь новыя доказательства того, что тѣ требованія римскаго престола остались безъ удовоплетворенія, что и было причиною возобновленія ихъ *при* Стефанѣ III.

вновь предъявленныя Дезидерію, сдѣланы были отъ имени Стефана III, но лишь по неотступному настоянію примицерія Христофора и секундицерія Сергія: видимое дѣло, что эти требованія были навязаны епископу его совѣтниками или министрами, и что онъ терпѣлъ отъ нихъ нѣкотораго рода моральное принужденіе. Какъ ни много обязанъ былъ Стефанъ III той партіи, которая наиболѣе содѣйствовала избранію его на престолъ, онъ впрочемъ имѣлъ довольно гордости, чтобы понять свое унизительное положеніе и постараться тѣмъ или другимъ способомъ выйти изъ-подъ чужой опеки. Отсюда—начало важныхъ неудовольствій между римскимъ епископомъ и партіею Христофора, вслѣдствіе чего Римъ снова становился поприщемъ интригъ всякаго рода. Съ обѣихъ сторонъ чувствовали неизбѣжность разрыва, и потому каждая сторона видѣла для себя необходимость запастись надежными союзниками. Партія Христофора, которая уже успѣла забѣжать къ Карломану, всего болѣе возлагала свои надежды на помощь франковъ; посолъ Карломана, по имени Додонъ, жившій въ Римѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими франками, находился съ нею въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ [1]). Что же касается до епископа, который еще сильнѣе долженъ былъ чувствовать необходимость посторонней помощи, то ему оставался неизбѣжный выборъ — между Карломъ, братомъ Карломана, и Дезидеріемъ, королемъ лангобардовъ.

Дезидерій, по всей вѣроятности хорошо извѣщенный о внутреннихъ отношеніяхъ въ Римѣ, не пропустилъ случая подслужиться римскому епископу въ нуждѣ и собрать около него остатки разсѣянной лангобардской партіи. Она, какъ мы сказали выше, не перестала вовсе существовать въ Римѣ и послѣ своего пораженія, но по смерти Вальдиперта ей недоставало искуснаго и предпріимчиваго руководителя. Дезидерій отыскалъ такого человѣка между самыми приближенными епископа. Это былъ его кубикуларій (мы могли бы сказать — камердинеръ), по имени Павелъ Афіарта, повидимому происходившій отъ лангобардскаго рода. По увѣренію Анастасія, Дезидерій купилъ

---

1) Стефанъ III къ Карлу: Cum magno dolore et gemitu cordis.... Christianitatis tuae auribus intimare studemus, eo quod nefandissimus Christophorus et Sergius nequissimus ejus filius consilium ineuntes cum Dodone, misso germani tui Carlomani regis, nos interficere insidiabantur. См. Cod. Car. № 46; Bouquet, V, 537. Это драгоцѣнное посланіе служитъ вмѣстѣ дополненіемъ и повѣркою разсказа Анастасія, который по весьма понятнымъ причинамъ старается *смягчить роль* Христофора и Сергія въ этихъ происшествіяхъ.

деньгами содѣйствіе кубикуларія. Какъ бы то ни было, онъ нашелъ въ немъ вѣрное орудіе для своихъ цѣлей, такъ что въ одно время могъ чрезъ него дѣйствовать на епископа и управлять движеніями всѣхъ враговъ примицерія въ Римѣ [1]). Представленія кубикуларія не замедлили произвести свое дѣйствіе на Стефана III, и онъ рѣшился подать руку на союзъ съ Дезидеріемъ. При посредничествѣ Афіарты, между ними было условлено, чтобы Дезидерій съ войскомъ подступилъ къ стѣнамъ Рима и потомъ старался проникнуть въ самый городъ будто бы для поклоненія тамошней святынѣ, а въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью — рѣшительнымъ ударомъ низложить Христофора и его партію. Хотя вся эта интрига ведена была втайнѣ, но большое движеніе Дезидерія къ Риму не могло укрыться отъ бдительности тѣхъ, противъ кого оно было направлено. По первому слуху о приближеніи лангобардовъ, Христофоръ и его партія вооружились, призвали къ себѣ на помощь многихъ своихъ единомышленниковъ изъ Тусціи, Кампаніи, даже Перуджіи, заперли городскія ворота и приготовились къ оборонѣ. Дезидерій дѣйствительно не замедлилъ явиться подъ стѣнами Рима, но видя, что жители встрѣчаютъ его какъ непріятеля, расположился въ окрестностяхъ города и уже вызывалъ епископа въ свой лагерь, для переговоровъ, какъ онъ говорилъ, по дѣлу о послѣднихъ требованіяхъ римскаго престола. Стефанъ III не заставилъ себя ждать. Неизвѣстно, въ чемъ собственно состояли и чѣмъ кончились происходившіе между ними переговоры; лишь на основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно догадываться, что Дезидерій не поскупился на обѣщанія. Замѣчательно еще то обстоятельство, что едва только Стефанъ III, послѣ своего свиданія съ королемъ, воротился въ городъ, какъ тамъ началось волненіе. Павелъ Афіарта и его сообщники, конечно ободренные тѣми вѣстями, которыя епископъ привезъ изъ лангобардскаго лагеря, вышли на улицу и начали возбуждать народъ противъ Христофора и Сергія. Это раздражило послѣднихъ до того, что они, съ оружіемъ въ рукахъ и въ

---

[1]) Anast. ibidem: Dirigens ergo (Desiderius) clam munera Paulo cubiculario cognomento Afiarta et *aliis ejus impiis sequacibus*, suasit eis, ut in apostolicam indignationem eos (Christophorum et Sergium) deberent inducere. Eique isdem Paulus consentiens de eorum perditione absconse decertabat. Отсюда видно, что Павелъ Афіарта имѣлъ въ Римѣ своихъ „послѣдователей": подъ ними конечно должно разумѣть не личныхъ его приверженцевъ, но всѣхъ тѣхъ, которые соединялись съ нимъ для низложенія Христофора. Между ними, безъ сомнѣнія, должны мы искать и остатковъ прежней лангобардской партіи.

сопровожденіи многочисленной толпы своихъ приверженцевъ, ворвались въ Латеранскій дворецъ, проникнули даже во внутреннѣйшее его святилище, базилику Теодора, гдѣ въ то время находился епископъ, и требовали выдачи своихъ противниковъ. Такъ разсказываетъ Анастасій. По его словамъ, епископъ грозно встрѣтилъ крамольниковъ, напомнилъ имъ святость мѣста, въ которомъ они позволили себѣ такъ безчинствовать, и приказалъ имъ немедленно выйти вонъ, что̀ они и исполнили. Но мы имѣемъ средство повѣрить Анастасія изъ другого, по крайней мѣрѣ столько же достовѣрнаго источника. Стефанъ III въ своемъ посланіи къ Карлу описываетъ вторженіе Христофора съ его приверженцами въ Латеранскій дворецъ гораздо болѣе мрачными красками, и сверхъ того прямо утверждаетъ, что дѣло шло объ его собственной головѣ. Допустивъ такое извѣстіе, трудно уже повѣрить, чтобы епископъ такъ легко отдѣлался отъ крамольниковъ, какъ выходило бы по разсказу біографа. Правда, что Стефанъ III и самъ говоритъ о своемъ спасеніи лишь въ общихъ выраженіяхъ и не сообщаетъ ничего положительнаго; но уже изъ того обстоятельства, что онъ потомъ бѣжалъ вмѣстѣ съ клиромъ изъ Рима и искалъ убѣжища въ лагерѣ Дезидерія, легко усмотрѣть, что Анастасій не сказалъ всей правды [1])

Выбравшись изъ города, бѣглецы помѣстились вмѣстѣ съ епископомъ въ храмѣ св. Петра, который тогда находился еще за стѣнами, и тамъ—прибавляетъ біографъ—оставались какъ бы подъ стражею у Дезидерія, который велѣлъ затворить всѣ двери и никого не выпускать изъ церкви. Онъ не хотѣлъ разстаться съ ними, пока Христофоръ и Сергій не были въ его рукахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, исполняя ли только волю короля, или вмѣстѣ и по своему собственному побужденію, Стефанъ III отправилъ къ примицерію и его сыну двухъ бывшихъ при немъ епископовъ, требуя отъ нихъ, чтобы они смирились и избрали одно изъ двухъ—или удалились бы въ монастырь для

---

1) Вотъ въ какихъ словахъ пишетъ Стефанъ III о своемъ спасеніи: Sed omnipotens Deus cernens rectitudinem cordis nostri, quod nulli unquam malum cogitavimus (!), de eorum nos eripuit manibus; et vix per multum ingenium, dum hic apud nos excellentissimus filius noster Desiderius Lang. rex pro faciendis nobis diversis justitiis b. Petri existeret, per eandem occasionem voluimus cum nostro clero refugium facere ad protectorem nostrum. Ср. съ этимъ извѣстіе Анастасія о вторичномъ отправленіи епископа въ лагерь Дезидерія. Alia die denuo egressus est saepedictus Pontifex ad b. Petrum cum eodem rege loquendum. Можно подумать, что епископъ отправлялся такъ же мирно, какъ и въ *первый разъ!*

спасенія своихъ душъ, или бы съ повинными головами явились къ нему въ церковь св. Петра. Нѣкоторое время Христофоръ и Сергій еще выдерживали свою роль: вмѣсто отвѣта депутаціи епископа, они, при содѣйствіи Додона и прочихъ франковъ, опять поставили свои дружины въ строй и снова заперли всѣ ворота, угрожая Стефану III болѣе не пускать его въ городъ. Между тѣмъ приверженцы епископа, оставшіеся въ Римѣ, продолжали работать въ его пользу. Скоро поколебались и тѣ, которые до сего времени держали сторону примицерія, и толпами начали выходить изъ Рима. Даже извѣстный Граціозъ, самый буйный изъ римскихъ анархистовъ, не хотѣлъ болѣе служить подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ прежде онъ считалъ себѣ позволительными всѣ неистовства [1]. Подъ предлогомъ возвращенія домой, онъ, вмѣстѣ съ цѣлою вооруженною толпою, ночью выѣхалъ изъ Рима Портезскими воротами (porta Portuensis), сорвавъ ихъ напередъ съ петель, и явился прямо къ епископу. Христофоръ и Сергій, видя, какъ рѣдѣли ряды ихъ сообщниковъ, и сами начали приходить въ отчаяніе. Сергій измѣнилъ первый своему дѣлу: въ ту же ночь онъ тайно спустился со стѣны и, по слѣдамъ Граціоза, направилъ свой путь къ храму св. Петра. Но прежде чѣмъ онъ переступилъ черезъ порогъ храма, лангобардскіе стражи схватили его и отвели къ Дезидерію. (Надобно полагать, что онъ былъ освобожденъ потомъ уже по ходатайству Стефана III). Оставленный даже роднымъ сыномъ, Христофоръ, чтобы только спасти свою голову отъ ярости народа и мести лангобардовъ, тоже спѣшилъ укрыть ее подъ покровомъ епископа. Согласно съ біографомъ, Стефанъ III также увѣряетъ въ своемъ посланіи, что онъ дѣйствительно желалъ избавить ихъ отъ смерти, и для того велѣлъ тотчасъ же постричь ихъ въ монахи. Однако это средство оказалось очень невѣрнымъ противъ ярости враговъ примицерія. Вечеромъ же слѣдующаго дня, когда епископъ снова вступилъ въ свою резиденцію, Павелъ Афіарта и его единомышленники, собравъ большую толпу народа, вышли съ нею изъ города, имѣли совѣщаніе съ Дезидеріемъ, и потомъ, подкрѣпленные уже лангобардами, устремились къ церкви св. Петра, гдѣ было убѣжище Христофора и Сергія. По увѣренію самого Стефана III (которое также подтверждается сви-

[1] Anast. ibid: Правда, что Анастасій называетъ здѣсь Граціоза дукомъ; но судя по самому имени и по тѣснымъ связямъ его съ Сергіемъ, почти нельзя сомнѣваться, чтобы это не былъ тотъ же самый Граціозъ, котораго дѣйствія мы разсказали выше. Дукомъ онъ могъ сдѣлаться послѣ.

дѣтельствомъ біографа), онъ нарочно оставилъ ихъ въ церкви до ночи, чтобы подъ ея прикрытіемъ безопаснѣе было переправить ихъ въ Римъ [1]). Лишенные всѣхъ средствъ защиты, примицерій и сынъ его не могли болѣе избѣжать своей участи. Одно чувство ненависти къ нимъ соединяло лангобардовъ и римлянъ, которые пришли искать ихъ въ церкви св. Петра. При видѣ своихъ жертвъ, толпа ожесточилась еще болѣе. Она вспомнила казни, послѣдовавшія за низложеніемъ Константина, преслѣдованія и смерть Вальдиперта, и загорѣлась желаніемъ мести. Никто не останавливалъ этого порыва, и немного не доходя до города, почти передъ самымъ входомъ въ него, Христофоръ и Сергій были насильственно лишены зрѣнія. Отвезенный въ одинъ монастырь, Христофоръ жилъ послѣ того лишь три дня; Сергій же заключенъ былъ въ самомъ Латеранскомъ дворцѣ и оставался тамъ до смерти Стефана III. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, Сергій даже и ослѣпленный не былъ въ безопасности отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Такъ, переходя отъ мщенія къ мщенію, римляне успокоивались лишь на послѣднихъ жертвахъ!

Для короля лангобардовъ не могло быть развязки болѣе счастливой. Безъ пролитія крови на своей сторонѣ, онъ однимъ разомъ достигалъ нѣсколькихъ цѣлей, которыя лежали на пути къ возвышенію лангобардскаго авторитета въ Италіи. Вальдипертъ былъ отомщенъ, антилангобардская партія въ Римѣ была совершенно подавлена, и сверхъ того римскому епископу оказана важная услуга, которая обязывала его признательностію лангобардскому престолу. По признанію самого Стефана III, „если бы не покровительство Ап. Петра и не помощь возлюбленнаго сына, короля Дезидерія, жизнь епископа и всѣхъ вѣрныхъ его послѣдователей была бы въ крайней опасности отъ коварства и злобы враговъ“, между которыми онъ преимущественно называетъ Додона, посла Карломанова [2]). Миновавшая

---

1) Стефанъ III (ibid.): Et dum intra civitatem, nocturno silentio ipsos salvos introducere disponeremus, ne quis eos conspiciens interficeret, etc.. — Анастасій: Post haec—ingressus est isdem b. Pontifex Roma relictis praefatis Christophoro et Sergio in ecclesia b. Petri Apostoli, cupiens eos noctis silentio propter insidias inimicorum salvos introduci Romam.—Подозрѣніе объ участіи самого епископа въ умыслѣ Афіарты можетъ имѣть здѣсь мѣсто какъ догадка; но должно замѣтить, что оно не подтверждается никакимъ положительнымъ извѣстіемъ. — 2) Ibidem: Et credite nobis, a Deo consecrata filia atque excellentissime fili, nisi Dei protectio atque b. Petri Apostoli, et auxilium excellentissimi filii nostri Desiderii regis fuisset, jam tam nos quamque noster clerus, et universi fideles *s. Dei ecclesiae* et nostri, in mortis decidissemus periculum. — Мнѣніе, ви-

опасность казалась такъ значительна, и чувство удовольствія по случаю почти неожиданнаго избавленія было такъ велико, что епископъ согласился на радостяхъ, хотя и не совсѣмъ по доброй волѣ, отступиться отъ извѣстныхъ безсильныхъ претензій римскаго престола на разныя владѣнія и права въ лангобардскихъ предѣлахъ, и не усомнился внести свою уступку даже въ свое посланіе къ Карлу, которому писалъ увѣрительно, что на всѣ требованія римской церкви послѣдовало со стороны Дезидерія полное и совершенное удовлетвореніе: другими словами это значило, что ихъ слѣдовало считать погашенными [1]. Повидимому начинался новый порядокъ вещей: старая вражда между епископомъ и королемъ разрѣшалась въ добрый миръ и согласіе, потому что стирался самый постоянный предлогъ къ ней, и Дезидерій, благодаря своимъ заслугамъ римскому престолу, казалось, становился къ нему въ тѣ же самыя отношенія, въ какихъ до сего времени были такъ называемые римскіе патриціи, или короли франковъ.

Далѣе наружнаго вида впрочемъ это согласіе и не простиралось. Ни та, ни другая сторона не заботились о томъ, чтобы поддержать его, но каждая старалась лишь извлечь изъ своего положенія всѣ возможныя выгоды для себя. Епископъ Стефанъ III не долго считалъ себя обязаннымъ королю лангобардовъ. Какъ скоро прошла нужда, власть его утвердилась

ставленное Pagi и другими, будто посланіе писано въ то время, когда Стефанъ III былъ въ плѣну у Дезидерія, откуда они заключаютъ, что нельзя придавать большой цѣны и тѣмъ увѣреніямъ, которыя находятся въ этомъ посланіи, опровергнуто Муратори въ его Ann. ad an. 769.—1) Другого объясненія мы не можемъ дать словамъ Стефана III, которыя находимъ въ томъ же посланіи: Agnoscat autem Deo amabilis religiositas vestra, atque christ. excellentia tua, eo quod in nomine Domini bona voluntate nobis convenit cum praefato excellentissimo et a Deo servato filio nostro Desiderio rege, et omnes justitias b. Petri ab eo pleniun et in integro suscepimus.—Нельзя, во-первыхъ, допустить, чтобы Дезидерій согласился на римскія требованія въ такую благопріятную для него минуту; да если бы онъ и согласился, нельзя представить себѣ, чтобы въ такое короткое время послѣдовало уже и самое удовлетвореніе по требованіямъ, какъ пишетъ Стефанъ III. Сверхъ того мы имѣемъ положительное извѣстіе, что Дезидерій наотрѣзъ отказалъ Стефану III, когда тотъ, по окончаніи римскихъ смутъ, попробовалъ было напомнить ему свои старыя претензіи и можетъ-быть сдѣланныя имъ прежде обѣщанія по этому предмету. См. ниже, стр. 462. Съ другой стороны мы не видимъ, чтобы посланіе къ Карлу было вынуждено у Стефана III Дезидеріемъ. (Иное дѣло сказать, что оно писано подъ диктовку Павла Афіарты). Итакъ остается принять, что епископъ говорилъ неправду, что со стороны Дезидерія уже сдѣлано надлежащее удовлетвореніе, и что это означало, что онъ самъ отступался отъ своихъ требованій.

въ Римѣ, и лангобарды не стояли болѣе подъ стѣнами города, онъ опять возвратился къ старымъ римскимъ претензіямъ, отъ которыхъ такъ формально отказался въ посланіи къ Карлу, и черезъ пословъ напоминалъ уже Дезидерію, что римскій престолъ считаетъ за нимъ разныя недоимки. Отвѣтъ Дезидерія, какъ и слѣдовало ожидать, давалъ чувствовать епископу его неблагодарность. „Довольно съ него и того"—рѣзко отвѣчалъ онъ черезъ тѣхъ же пословъ Стефану III—„что я уничтожилъ Христофора и Сергія, которые дѣлали изъ него, что хотѣли; какого еще хочетъ онъ отъ меня удовлетворенія (justitias)? Пусть не спѣшитъ онъ ссориться со мною; съ нимъ можетъ еще случиться очень не хорошо. Карломанъ, король франковъ, не забылъ свою дружбу съ Христофоромъ и Сергіемъ, и готовъ съ войскомъ явиться въ Италію, чтобы отмстить за ихъ смерть и добраться до самого епископа" [1]). Но Стефанъ III не думалъ уже внимать совѣтамъ короля лангобардовъ, и не относясь болѣе къ нему съ своими требованіями, обратился съ ними прямо къ Каролингамъ, въ имени которыхъ Дезидерій думалъ еще указывать ему новую грозу [2]). Еще оба Каролинга удерживали за собою титло римскихъ патриціевъ, и съ однимъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, епископъ состоялъ въ сношеніяхъ даже во время самаго тѣснаго союза своего съ лангобардской партіей. Что же до Карломана, то вѣроятно и въ его понятіяхъ многое передѣлалось послѣ того, какъ не удалась интрига, въ которой былъ замѣшанъ посолъ его, такъ что Стефану III не трудно уже было и съ нимъ возобновить сношенія [3]). Вообще, несогласіе, раздѣлявшее предъ тѣмъ двухъ братьевъ, между ними кончилось, и римскій епископъ надѣялся соединить ихъ силы на пользу своихъ стремленій [4]). Дезидерій съ своей стороны, не разрывая прямо съ Римомъ и не навязываясь ему въ повелители, обдѣлывалъ впрочемъ свои дѣла не хуже епископа. Онъ дѣйствовалъ весьма послѣдовательно и, возстановивъ королевскій авторитетъ въ Сполето и Беневентѣ,

---

[1]) Это важное извѣстіе вмѣстѣ съ отвѣтомъ Дезидерія сохранено Анастасіемъ въ жизни Адріана I, который впослѣдствіи ставилъ это обстоятельство въ упрекъ королю лангобардовъ. Вотъ собственный отвѣтъ Дезидерія посламъ Стефана III: Sufficit apostolico Stephano quia tuli Christophorum et Sergium de medio, qui illi dominabantur, et non illi sit necesse justitias requirendas. Nam certe, si ego ipsum apostolicum non adjuvero, magna perditio super eum eveniet. [2]) См. Cod. Car. № 44—47.—[3]) Cod. Car. № 38.—[4]) Какъ много занимало и безпокоило Стефана III несогласіе между Карломъ и Карломаномъ, можно видѣть изъ посланія подъ № 47.

хотѣлъ потомъ утвердить свое вліяніе въ экзархатѣ. И здѣсь однако осторожность была главнымъ его правиломъ. Чтобы не возбудить опасной подозрительности римскихъ патриціевъ, онъ никакъ не позволялъ себѣ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла Равенны, тѣмъ менѣе вторженія въ ея область, но не пропускалъ удобнаго случая дѣйствовать на нее косвенно, стороною. Въ 770 году (по мнѣнію Муратори) смертію Сергія упразднился равеннскій архіепископскій престолъ [1]). Выборы на епископскія мѣста въ римской Италіи всегда почти сопровождались волненіемъ и смутами въ народѣ. И при этомъ случаѣ въ Равеннѣ не обошлось безъ несогласій и раздѣленія на партіи. Наибольшая часть голосовъ соединились въ пользу архидіакона Льва, и имъ дѣйствительно удалось провести его выборъ. Но той же чести искалъ еще нѣкто Михаилъ, скриніарій (архиварій) равеннской церкви, хотя до того времени вовсе не проходившій духовныхъ должностей. Партія, его поддерживавшая, была вѣроятно очень малочисленна, и онъ, потерявъ надежду сдѣлать что-нибудь прямыми средствами, ушелъ въ Римини и искалъ содѣйствія тамошняго дука, по имени Мауриція [2]). По этому поводу дукъ тотчасъ вошелъ въ сношенія съ королемъ лангобардовъ; не мудрено даже, что дѣло полажено было между ними еще прежде. Когда Дезидерій также объявилъ себя на сторонѣ Михаила, дукъ Маурицій, условившись съ нимъ, собралъ войско, подступилъ къ Равеннѣ и силою возвелъ скриніарія на престолъ. Низложенный Левъ былъ подъ стражею отправленъ въ Римини. Стефанъ III отказался признать Михаила, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не имѣлъ никакого духовнаго сана; но какъ на его сторонѣ, кромѣ Мауриція и за нимъ самого короля лангобардовъ, были еще высшіе равеннскіе чины (judices Ravennatium) [3]), то онъ могъ нѣкоторое время держаться на равеннскомъ престолѣ и безъ посвященія. Замѣчательно, что все это происходило въ той самой области, которая со времени Пепина, состояла въ прямой зависимости отъ римскаго престола. Поэтому можно судить, что́ такое былъ авторитетъ римскихъ епископовъ въ тѣхъ земляхъ, которыя считались подъ ихъ властію. Умершій передъ тѣмъ архіепископъ Сергій не имѣлъ никакихъ особенныхъ покровителей, однако и о немъ уже Аньелъ замѣчаетъ, что онъ, совершенно какъ экзархъ, властвовалъ надъ всею равеннскою областію и Пентаполи-

---

[1]) См. Murat. Ann. ad an 770.—[2]) Anast. in vita Stephani III.—[3]) Ibid.

сомъ [1]). Михаилъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Маурицію и Дезидерію, не могъ безъ сомнѣнія похвалиться такою же самостоятельностію; но и римскій епископъ отъ того не больше имѣлъ власти надъ Равенною, что съ преемникомъ Сергія сюда проникло лангобардское вліяніе: ибо Дезидерій, прямо или непрямо содѣйствуя къ возвышенію Михаила, конечно хлопоталъ не столько для него, сколько для самого себя.

Но старые соперники могли, сколько хотѣли, подыскиваться одинъ подъ другого, и то одинъ, то другой хвалиться своими успѣхами надъ противникомъ, — послѣднее рѣшеніе въ этой тяжбѣ, послѣдній успѣхъ и приговоръ вмѣстѣ, въ чью бы то ни было пользу, неизбѣжно зависѣли отъ Каролинговъ. Съ той минуты, какъ римскій престолъ призвалъ ихъ къ участію во внутреннихъ дѣлахъ Италіи, они своими силами, какъ рокъ, не переставали тяготѣть надъ судьбами ея. Это хорошо понимали оба соперника, римскій епископъ и король лангобардовъ, и каждый изъ нихъ старался расположить Каролинговъ въ свою пользу, привязать ихъ исключительно къ своимъ интересамъ. Мы уже видѣли, что Стефанъ III, даже состоя въ союзѣ съ Дезидеріемъ и имѣя важныя причины неудовольствія на одного изъ двухъ братьевъ (Карломана), продолжалъ однако сноситься съ другимъ (Карломъ), а черезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе новой размолвки съ королемъ лангобардовъ, опять возобновилъ сношенія и съ первымъ. На этотъ разъ желаніе какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Карломъ заставило его сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Такъ какъ плотского родства между ними не было и не могло быть, то Стефанъ III воспользовался рожденіемъ сына у Карломана, чтобы предложить себя въ воспріемники и хотя кумовствомъ замѣнить недостатокъ родственныхъ связей [2]). Еще бдительнѣе былъ въ этомъ отношеніи Дезидерій, котораго близкое сосѣдство франковъ постоянно держало на стражѣ лангобардскихъ интересовъ. Всѣ его предпріятія до сего времени были соображены такимъ об-

---

[1]) См. Agnel. In vita Sergii XL: Igitur judicavit iste a finibus Perticae totam Pentapolim, et usque ad Tusciam, et usque ad mensam Valani, veluti exarchus, sic omnia disponebat, ut soliti sunt modo Romani facere.—[2]) At vero—писалъ онъ ему—quia amoris vestri fervor in nostris firmiter viget praecordiis, magna nobis desiderii ambitio insistit, praecellentissime regum, ut Spiritus sancti gratia, sc. *compaternitatis affectio* inter nos adveniet. См. Cod. Car. № 48. Впрочемъ онъ былъ не первый, который кумовствомъ старался скрѣпить связи съ Каролингами: епископъ Павелъ былъ также воспріемникомъ дочери Пепина и поэтому называлъ *себя*—его „spiritalis compater". Ibid. № 27.

разомъ, что ни одно изъ нихъ не должно было чувствительно затронуть самолюбіе Каролинговъ. Не имѣя ихъ на своей сторонѣ, онъ старался по крайней мѣрѣ не допускать до разрыва съ ними и всячески избѣгать необходимости новаго вмѣшательства ихъ въ дѣла Италіи. Смерть Пепина нѣсколько развязала ему руки. Онъ сталъ смѣлѣе въ своихъ начинаніяхъ, но попрежнему не спускалъ глазъ съ Каролинговъ. Впрочемъ, какъ видно по всему, молодые преемники Пепина внушали ему гораздо болѣе надеждъ, чѣмъ опасеній. Чистаго, безкорыстнаго усердія къ интересамъ римскаго престола въ нихъ пока еще не замѣчалось много, а предугадывать между ними будущаго Карла Великаго едва ли могли даже самые проницательные умы того времени. Это равнодушіе римскаго патриціата къ покровительствуемому имъ престолу, наступившее тотчасъ по смерти Пепина, не укрылось отъ зоркихъ глазъ Дезидерія. Онъ умѣлъ, какъ мы видѣли, обращать его въ свою пользу у себя въ Италіи; но это была лишь одна сторона его обширнаго плана, другая же, гораздо болѣе значительная, простиралась на самихъ Каролинговъ. Мысль была смѣлая и дальновидная: она состояла въ томъ, чтобы, пользуясь неопредѣленностію отношеній между Римомъ и его новыми патриціями, отбить у римскаго престола самыхъ надежныхъ его союзниковъ и пріобрѣсти ихъ на будущее время дѣлу лангобардскому. Желанію римскаго епископа скрѣпить ослабѣвшія связи съ Каролингами посредствомъ кумовства—Дезидерій противопоставилъ свой планъ обыкновеннаго родственнаго союза съ ними же посредствомъ браковъ между членами того и другого дома. Скудость современныхъ извѣстій такъ велика, что изъ нихъ не узнаешь, были ли какія предварительныя сношенія по этому предмету между Дезидеріемъ и Каролингами, и если были, то какой имѣли успѣхъ. Лишь то извѣстно съ достовѣрностію, что въ 770 году планъ уже совершенно созрѣлъ, и Дезидерій воспользовался пребываніемъ въ Италіи Берты, матери Карла и Карломана, чтобы окончательно условиться съ нею о предположенномъ родственномъ союзѣ между двумя фамиліями [1]).

[1]) О пребываніи Берты въ Италіи въ 770 году говорятъ лѣтописи франковъ—Metenses, Einhardi, etc. О предположеніяхъ Дезидерія касательно родственнаго союза съ Каролингами обстоятельнѣе знаемъ изъ знаменитаго посланія Стефана III къ Карлу и Карломану (Cod. Car. № 45). О Бертѣ посланіе не упоминаетъ вовсе, и весь планъ приписываетъ прямо Дезидерію, чтó впрочемъ едва ли и могло быть иначе. Загадкою остается лишь самое путешествіе Берты въ Италію: было ли оно предпринято съ готовою цѣлію по предварительному

Двойныя узы должны были соединить Каролинговъ съ Дезидеріемъ: во-первыхъ, черезъ сына и соправителя его Адальгиза, которому въ супружество назначалась дочь Берты, Гизела, и во-вторыхъ, черезъ одну изъ дочерей его, которую предположено было выдать за Карла или Карломана. Получивъ на свои предложенія согласіе матери Каролинговъ, Дезидерій въ правѣ былъ надѣяться, что планъ его скоро осуществится, и заранѣе поздравлять себя съ полнымъ торжествомъ надъ своимъ политическимъ противникомъ.

Планъ Дезидерія, хотя нѣсколько запоздавшій, въ самомъ дѣлѣ обѣщалъ привести государство лангобардовъ къ разрѣшенію самой трудной его задачи. Родственнымъ союзомъ съ Каролингами, казалось, должно было увѣнчаться все дѣло лангобардской политики. До сихъ поръ въ своемъ стремленіи къ преобладанію въ Италіи она встрѣчала только одно серьезное и опасное препятствіе: это римскій патриціатъ, другими словами — несокрушимыя силы Каролинговъ, состоявшихъ въ тѣсномъ союзѣ съ римскимъ престоломъ. Побѣдить ихъ въ открытой борьбѣ было невозможно, а между тѣмъ, пока они были въ союзѣ съ Римомъ, лангобарды не могли сдѣлать ни одного значительнаго шага впередъ, не столкнувшись враждебно съ ними. Это препятствіе устранялось само собою, какъ скоро Каролинги, связанные родственными узами съ королемъ лангобардовъ, становились его естественными союзниками. Римскій патриціатъ терялъ свое значеніе, опасность съ запада исчезала, и лангобардамъ открывалась свободная дорога къ Риму. Вообще Дезидерій понялъ важность союза съ сѣверозападными сосѣдями лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ совсѣми зависящими отъ него средствами старался исправить ихъ старую ошибку. Сколько можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, дѣло никакъ не ограничивалось одними Каролингами. Вѣрный преданіямъ тѣхъ временъ, когда короли лангобардовъ находили убѣжище у баварцевъ, Дезидерій считалъ также полезнымъ, для возобновленія прежнихъ связей съ этимъ сосѣдственнымъ народомъ, породниться съ ихъ герцогомъ, столько извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ Тас-

вызову Дезидерія, или оно было совершенно случайно, и Дезидерій лишь умѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для своихъ намѣреній? Во всякомъ случаѣ согласіе ея на предложеніе Дезидерія было такъ твердо, что, отъѣзжая обратно во Францію, она взяла съ собою и его дочь, предназначенную невѣсту одному изъ королей франковъ: Berta duxit filiam Desiderii regis Langobardorum in Franciam. *См.* Ann. Franc. breves, ad an. 770. Ср. Mur. Ann. подъ тѣмъ же годомъ.

силона. Надобно полагать, что бракъ герцога съ одною изъ дочерей Дезидерія состоялся еще прежде, и что потомъ, вѣроятно, онъ былъ первымъ органомъ своего тестя, когда тотъ возымѣлъ мысль о родственномъ союзѣ съ Каролингами[1]). Во всякомъ случаѣ впрочемъ, какова бы ни была настоящая роль Тассилона въ этомъ дѣлѣ, тройственный союзъ родства между королемъ лангобардовъ, герцогомъ баварскимъ и королями франковъ, долженъ былъ многое измѣнить въ политическомъ состояніи юго-западной Европы и съ особенною силою отозваться на римско-лангобардскихъ отношеніяхъ.

Стефанъ III возмутился духомъ, когда узналъ о томъ, чтó готово было сбыться между Дезидеріемъ и Каролингами. Какъ онъ ни былъ недалекъ въ политикѣ, какъ ни мало добра видѣлъ до сихъ поръ отъ своихъ патриціевъ, однако понялъ, что союзъ ихъ съ королемъ лангобардовъ былъ бы гробомъ для независимости и преобладанія римскаго престола въ Италіи, и хотѣлъ лучше отречься отъ истины, чѣмъ допустить такое зло. Страхъ наполнилъ его воображеніе фантастическими образами, которымъ ничто не соотвѣтствовало въ дѣйствительности. Лангобарды представлялись ему не иначе, какъ въ самомъ отвратительномъ и чудовищномъ видѣ, способными порождать отъ себя только прокаженныхъ, такъ что между всѣми народами земли не находилось для нихъ довольно низкаго мѣста. Сообразно съ этимъ представленіемъ, и самое намѣреніе Каролинговъ вступить въ родство съ ними казалось ему намѣреніемъ безумнымъ, внушеніемъ дьявола, которое и на франковъ должно было распространить лангобардскую заразу и вмѣстѣ съ нею — гнѣвъ Божій на нихъ. Въ такомъ тревожномъ состояніи духа Стефанъ III писалъ къ римскимъ патриціямъ, заклиная ихъ всѣмъ—воздержаться отъ предположеннаго родства съ Дезидеріемъ. Здѣсь далъ онъ полную свободу своей страсти, такъ что не оставалось болѣе

---

[1]) Не развиваемъ въ подробности этого положенія, или точнѣе предположенія, вообще лишь мимоходомъ касаясь отношеній Тассилона къ лангобардамъ и франкамъ. О родствѣ его съ Дезидеріемъ знаемъ опредѣлительно изъ Эйнгарда: Qui (Tassilo) hortatu uxoris, quae filia Desiderii regis erat, etc. См. Vita Car. an. 787. Что этотъ бракъ предшествовалъ родственному союзу Дезидерія съ Каролингами, можно догадываться потому, что при послѣднемъ случаѣ упоминается лишь объ одной невѣстѣ, хотя женниховъ на лицо было двое. Наконецъ о посредничествѣ Тассилона между Дезидеріемъ и Каролингами можно предположительно заключать изъ того, что Берта, на пути своемъ въ Италію, посѣтила напередъ Баварію. Кто скорѣе могъ рекомендовать ей союзъ съ Дезидеріемъ, какъ не зять его?

мѣста приличіямъ. „Дошло до нашего слуха"—писалъ онъ—„и мы узнали объ этомъ съ сильнымъ душевнымъ огорченіемъ, будто Дезидерій хочетъ навязать одному изъ васъ въ супружество свою дочь. Если это не обманъ, то настоящее дьявольское наущеніе, и союзъ, который состоится между вами, будетъ не бракъ, а развѣ сожительство самаго гнуснаго свойства. Ибо откуда, какъ не отъ дьявола, возьмется такое безуміе, что преславный родъ франковъ, затмившій всѣ другіе народы своимъ блескомъ, въ особенности же вашъ столько знаменитый и благородный родъ рѣшится осквернить себя союзомъ съ такимъ вѣроломнымъ и непотребнымъ народомъ, какъ лангобарды, которые даже не считаются между народами, и отъ которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, происходитъ родъ прокаженныхъ. Нѣтъ, кто только не лишенъ здраваго смысла, не можетъ даже мысленно представить себѣ, чтобы такіе именитые короли могли когда-нибудь унизить себя такимъ гнуснымъ и безчестнымъ союзомъ"[1]). Нельзя повѣрить, чтобы римскій епископъ намѣренно прибѣгнулъ къ клеветамъ, чтобы только очернить лангобардовъ во мнѣніи Каролинговъ: чувство ненависти къ лангобардамъ вмѣстѣ съ тѣмъ ужасомъ, который навели на него послѣдніе планы Дезидерія, въ самомъ дѣлѣ произвели въ немъ родъ нравственнаго омерзѣнія къ лангобардскому имени и до того занимали его умъ, что онъ отнюдь не лучше думалъ и чувствовалъ, чѣмъ говорилъ въ своемъ посланіи. Лишь изливъ свою досаду, выговоривъ свое озлобленіе, могъ онъ продолжать въ тонѣ болѣе умѣренномъ, по крайней мѣрѣ съ соблюденіемъ приличій и безъ гиперболической лжи. Но гдѣ оканчивалось страстное раздраженіе, еще не прекращалась старая вражда къ ланго-

[1]) Cod. Car. N 45: Quod certe, si ita est, haec propria *diabolica est immissio*: et non tam matrimonii conjunctio, sed consortium nequissimae adinventionis esse videtur. Quae est enim, praecellentissimi filii, magni reges, talis desipientia, ut penitus vel dici liceat, quod vestra praeclara Francorum gens, quae super omnes gentes enitet, et hac splendidissima ac nobilissima regalis vestrae potentiae proles, perfida (quod absit) ac *foetentissima Langobardorum gente polluetur*, *quae in numero gentium nequaquam computatur*, *de cujus natione leprosorum genus oriri certum est.*—Добросовѣстный Мураторн въ свое время приведенъ былъ въ крайнее затрудненіе этимъ посланіемъ: съ одной стороны не могъ онъ не признать въ немъ неумѣренности тона и выраженія; съ другой стороны—какъ было помирить этотъ тонъ съ достоинствомъ римскаго епископа, съ католическою увѣренностію въ непогрѣшительности его характера? По этой причинѣ Мураторн почти готовъ былъ допустить догадку о подложности всего посланія. Понятно, *что мы не можемъ* раздѣлять съ Мураторн ни его сомнѣній, ни слѣд. его догадки.

бардамъ, и она-то продиктовала послѣднія страницы посланія, исполненныя непримиримаго духа и самыхъ строгихъ наказаній и воспрещеній Каролингамъ родниться съ Дезидеріемъ. При этомъ случаѣ Стефанъ III припоминалъ имъ всѣ прежнія, дѣйствительныя и мнимыя, обязательства ихъ римскому престолу, такъ что изъ словъ его можно было бы заключить, что Каролинги обречены были на вѣчное послушаніе римскимъ епископамъ, и безъ ихъ согласія не смѣли вступать ни въ какіе брачные или родственные союзы. Еще и это казалось недостаточнымъ для того, чтобы направить Каролинговъ на путь истины. Въ заключеніе епископъ писалъ, что, отправляя къ нимъ это свое посланіе, онъ совершилъ надъ нимъ, въ храмѣ св. Петра, безкровную жертву (какъ будто бы это было посланіе любви и мира!), и грозилъ — силою власти, данной апостолу, предать проклятію и осудить на вѣчный огонь *всякаго*, кто осмѣлится дѣйствовать вопреки его увѣщаніямъ[1]). Вѣчное осужденіе и адъ одному христіанскому королю за родственный союзъ его съ другимъ — угроза страшная и вмѣстѣ безсмысленная: ее опять можно объяснять лишь великостію испуга, въ которомъ находился римскій епископъ, когда писалъ свое посланіе.

Въ VIII вѣкѣ впрочемъ можно было сознавать лишь первую сторону угрозы римскаго епископа, и чтобы не поколебаться передъ нею, нужна была очень крѣпкая индивидуальная воля. Понятно, что подъ словомъ „всякій" посланіе Стефана III прежде всего и прямѣе всего разумѣло одного изъ Каролинговъ, смотря по тому, который изъ нихъ осмѣлится подать руку на союзъ съ Дезидеріемъ. Любопытно при этомъ случаѣ наблюдать разницу характеровъ двухъ лицъ, между которыми раздѣлена была тогда власть въ большомъ государствѣ франковъ. До сихъ поръ Карломанъ былъ извѣстенъ лишь своею зависимостію отъ вельможъ и своими несогласіями съ братомъ; не принимая никакого участія въ его дѣятельности, онъ впрочемъ не дѣлалъ никакихъ особенныхъ зачинаній и отъ себя лично. Что-то пассивное вообще замѣчалось въ его характерѣ. Карлъ, напротивъ того, кромѣ воинственной отваги, свойственной всѣмъ первымъ Каролингамъ, рано обнаружилъ

---

[1]) Ibid: Et si quis, quod non optamus, contra hujusmodi nostrae adjurationis atque exhortationis seriem agere praesumpserit, sciat se auctoritate domini mei b. Petri Apostolorum principis anathematis vinculo esse innodatum, et a regno Dei alienum, atque cum diabolo et ejus atrocissimis pompis et coeteris impiis, aeternis incendiis concremandum deputatum.

духъ предпріимчивости и твердую, рѣшительную волю. Въ первый же годъ своего правленія, однимъ смѣлымъ ударомъ онъ подавилъ опасное возстаніе въ Аквитаніи [1]). Ударъ былъ такъ силенъ, что отозвался даже на отдаленной Гасконіи. Карлъ не успокоился, пока главный виновникъ возстанія не былъ въ его рукахъ. Уже по этому первому опыту можно было угадывать, что силы Карла не будутъ ниже задачи, которую Пепинъ оставилъ своимъ преемникамъ. По поводу предположеннаго союза съ Дезидеріемъ эта разница въ характерахъ двухъ братьевъ обозначилась еще рѣзче. Невѣста, привезенная Бертою изъ Ломбардіи, какъ видно изъ посланія Стефана III, не имѣла напередъ назначеннаго жениха. Тотъ или другой изъ двухъ братьевъ могъ сдѣлаться ея мужемъ, смотря по обстоятельствамъ и по ихъ личному расположенію. Кто же, вопреки всѣмъ воспрещеніямъ и угрозамъ римскаго епископа, согласился, по совѣту матери, подать руку дочери Дезидерія? Кто вмѣстѣ съ ея рукою отважился принять на себя и всю тяжесть римскаго проклятія? Извѣстно, что это былъ Карлъ. Обстоятельства брака его съ ломбардскою принцессою, правда, мало извѣстны, но фактъ не подлежитъ сомнѣнію [2]). Дезидерій, котораго главная цѣль была лишь породниться съ Каролингами, могъ считать за особенное счастіе для себя, что рука его дочери досталась старшему изъ братьевъ. Кромѣ того, что Карлъ во всѣхъ отношеніяхъ обѣщалъ собою достойнѣйшаго представителя силы и власти Каролинговъ, своею рѣшимостію на бракъ съ Дезидератою противъ воли римскаго епископа онъ обнаруживалъ независимость характера, чего никакъ нельзя было предполагать въ Карломанѣ. Имѣя своимъ зятемъ такого человѣка, каковъ былъ Карлъ, король лангобардовъ больше чѣмъ когда-нибудь въ правѣ былъ надѣяться, что могущество Каролинговъ впредь не будетъ уже послушнымъ орудіемъ властолюбивыхъ видовъ римскаго престола.

---

[1]) См. Einh. Ann. ad an. 769.— [2]) Что браку Карла съ Дезидератою долженъ былъ предшествовать разводъ его съ первою супругою франкскаго происхожденія, ясно видно изъ посланія Стефана III. Мураторн, не находя въ лѣтописяхъ никакихъ слѣдовъ этого перваго брака, сомнѣвается въ его дѣйствительности. Но въ лѣтописяхъ не записанъ также и бракъ Карла съ Дезидератою. Очевидно, что оба эти обстоятельства, по какимъ бы то ни было причинамъ, равно пропущены лѣтописцами. Поэтому, конечно, и объ *отказѣ* Карломана вступить въ родство съ Дезидеріемъ можно говорить лишь предположительно. Но, съ другой стороны, мы не видимъ основанія утверждать вмѣстѣ *съ Лео, 1, p. 199*, что Дезидерата прямо назначена была въ супружество Карлу.

Государство лангобардовъ было у своей цѣли. На завоевательномъ походѣ къ Риму, если бы онъ былъ предпринятъ вновь, не предвидѣлось болѣе никакихъ серьезныхъ препятствій. Пусть Карлъ и не согласился бы участвовать въ предпріятіи Дезидерія и содѣйствовать ему къ покоренію римской Италіи,—что́, конечно, невѣроятно: довольно было бы, если бы онъ только воздержался отъ всякаго вмѣшательства въ борьбу лангобардовъ съ римскимъ престоломъ, — что́ было болѣе чѣмъ вѣроятно по родственнымъ связямъ его съ Дезидеріемъ. По всѣмъ соображеніямъ наступало то время, когда долговременныя напрасныя усилія предшественниковъ Дезидерія и его самого должны были увѣнчаться полнымъ торжествомъ лангобардской національности въ Италіи. Никто и не подозрѣвалъ, чтобы лангобардская принцесса, отправляясь во Францію для брачнаго союза съ королемъ франковъ, уносила съ собою и самую судьбу лангобардскаго престола. Никто не предчувствовалъ, чтобы камень, къ которому только что успѣли привязать самыя важныя надежды государства, могъ потомъ обрушиться на него же и задавить его своею тяжестію. Таково однако было дѣйствительное состояніе лангобардскаго вопроса послѣ брака Карла съ Дезидератою: когда лангобарды стояли повидимому у края самыхъ смѣлыхъ своихъ надеждъ, государство ихъ находилось на краю своей погибели.

Въ Каролингахъ, сказали мы, заключалась роковая сила для полуострова. Патриціатъ былъ лишь первою, неопредѣленною формою отношеній ихъ къ Италіи, весьма подверженною измѣненіямъ посредствомъ дальнѣйшаго развитія. Изъ сыновей Пепина Карлъ дѣйствительно имѣлъ всѣ преимущества, чтобы быть настоящимъ представителемъ своего рода. Но между этими преимуществами была и неукротимая сила воли, не сносившей никакого принужденія. Великое орудіе въ дѣятельности политической, она впрочемъ, пока не смягчили ее опытъ жизни и свойственное ему благоразуміе, заключала въ себѣ также возможность бурныхъ, необузданныхъ порывовъ, способныхъ разорвать самыя крѣпкія узы. Она внушила Карлу смѣлость, несмотря на авторитетъ римскаго епископа и всѣ его угрозы, принять руку лангобардской принцессы; она же потомъ, когда между новыми супругами не оказалось большой взаимности, побудила Карла — безъ всякаго отлагательства расторгнуть непріятный ему союзъ. Лишь въ 770 году дочь Дезидерія, въ качествѣ невѣсты одного изъ королей франковъ, оставила Ломбардію, а въ 771 году она уже съ безчестіемъ возвращалась въ

отцу, отвергнутая своимъ мужемъ [1]). Никакое яблоко раздора не могло скорѣе и рѣшительнѣе поссорить двухъ новыхъ родственниковъ, какъ это несчастное обстоятельство. Дезидерій не могъ не почувствовать глубокаго оскорбленія, нанесеннаго ему въ лицѣ его дочери. Отнынѣ въ Карлѣ онъ видѣлъ своего личнаго врага и не зналъ другого чувства къ нему, кромѣ желанія мщенія. Конечно, не королю лангобардовъ было первому бросать перчатку тому, кто располагалъ большею частію силъ государства франковъ; противъ этого были всѣ расчеты политическаго благоразумія; но мира и согласія болѣе не могло быть между ними, и рано или поздно распря ихъ должна была рѣшиться мечемъ, потому что и Карлъ неспособенъ былъ подать руку на примиреніе. Роковою силою обстоятельствъ раздоръ между Дезидеріемъ и его зятемъ скоро увеличился вдвое. Въ томъ же году умеръ Карломанъ, братъ Карла. Оставшіяся послѣ него дѣти были прямыми его наслѣдниками, но Карлъ не пропустилъ благопріятнаго случая соединить подъ одною рукою всѣ владѣнія своего отца, и заставилъ провозгласить себя королемъ и на мѣсто умершаго брата. Обиженная и беззащитная вдова Карломана не хотѣла однако отступиться отъ правъ, принадлежавшихъ ея дѣтямъ, и искала имъ и себѣ безопаснаго убѣжища. Дезидерій, по своимъ личнымъ отношеніямъ къ Карлу, казался естественнымъ покровителемъ дѣтей умершаго его брата. Вдова бѣжала къ нему вмѣстѣ съ сиротами; туда же удалились за нею и нѣкоторые изъ первыхъ сановниковъ двора Карломанова. Принимая ихъ у себя, Дезидерій явно бралъ сторону противниковъ Карла, враговъ его власти во Франціи. Въ свою очередь Карлъ былъ оскорбленъ Дезидеріемъ, и безъ сомнѣнія, это оскорбленіе для его властолюбиваго духа было одно изъ самыхъ чувствительныхъ.

Отсюда событія съ чрезвычайною быстротою идутъ къ развязкѣ. Римскій дворъ спѣшилъ обратить въ свою пользу перемѣну, которая произошла въ отношеніяхъ между Дезидеріемъ и его зятемъ, чтобы скрѣпить союзъ свой съ послѣднимъ. Кто не былъ съ королемъ лангобардовъ, тому естест-

[1]) Извѣстно, что настоящей причины развода не зналъ даже Эйнгардъ (какъ по крайней мѣрѣ говоритъ онъ самъ). Въ чемъ бы впрочемъ она ни состояла, понятно, что рѣшеніе зависѣло не отъ жены, а отъ мужа. Позднѣйшее свидѣтельство Пасхазія Радберта (въ жизни св. Адоларда) прямо говоритъ въ пользу Дезидераты: propria sine aliquo crimine repulsa uxore. См. Murat. Ann. *ad an. 771*.

венно слѣдовало быть на сторонѣ его противниковъ. Еще не кончился этотъ столько роковой для Дезидерія годъ, какъ уже Карлъ успѣлъ оказать римскому престолу важную услугу: послы его, явившись вмѣстѣ съ повѣренными Стефана III въ Равенну, произвели тамъ низложеніе Михаила, чтó означало побѣду надъ лангобардской партіей [1]). Еще Дезидерій впрочемъ не терялъ надежды восторжествовать въ Римѣ при помощи средствъ, не разъ испытанныхъ имъ прежде. Преданная ему партія, во главѣ которой оставался Павелъ Афіарта, не переставала противиться рѣшительному возвращенію къ политикѣ Христофора, и въ одну благопріятную минуту, вѣроятно воспользовавшись предсмертною болѣзнію Стефана III, успѣла даже взять верхъ надъ послѣдователями знаменитаго примицерія и опять захватить въ свои руки власть въ городѣ. Это кратковременное торжество лангобардской партіи тоже не обошлось безъ насилій разнаго рода. Сынъ Христофора, секундицерій Сергій, уже лишенный зрѣнія, не былъ забытъ даже и въ заключеніи. По прежней ли ненависти къ нему, или по подозрѣнію новыхъ интригъ съ его стороны, нѣсколько человѣкъ изъ партіи кубикуларія, между которыми называютъ двухъ жителей города Ананьи, одного пресвитера и одного трибуна, ночью ворвались въ темницу, гдѣ находился Сергій, взяли его отсюда силою и отправили въ Ананьи, гдѣ, такъ или иначе, онъ долженъ былъ проститься и съ самою жизнію. Потомъ опала была распространена и на другихъ жителей Рима, которые имѣли несчастіе принадлежать къ антилангобардской партіи. Особенно потерпѣла высшая римская аристократія. Казней не было, но многіе сановники и именитые люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, принуждены были оставить Римъ и отправляться въ изгнаніе [2]). Но

---

[1]) См. Murat. ibid.—[2]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что передъ смертію и послѣ смерти Стефана III въ Римѣ происходили весьма важныя событія. Къ сожалѣнію, о нихъ можно знать только изъ тѣхъ отрывочныхъ извѣстій, которыя разсѣяны Анастасіемъ въ жизни Адріана I, между тѣмъ какъ въ біографіи Стефана III о нихъ не упоминается вовсе. Біографъ не сообщилъ даже никакихъ подробностей объ избраніи его преемника. Мы привели все, чтó можно было извлечь изъ нашего источника. Что лангобардская партія пришла въ движеніе еще *до* смерти Стефана III, очевидно изъ опредѣленнаго показанія біографа, что упомянутое происшествіе съ Сергіемъ въ темницѣ случилось—vivente D. Stephano Papa, ante octo dies, quam de hac luce migrasset (p. 145). Почти можно подозрѣвать, что извѣстное посланіе Стефана III къ Каролингамъ (о бракѣ съ дочерью Дезидерія) было написано имъ вопреки желанію кубикуларія, и что съ того времени между ними началась размолвка.

въ Римѣ ни одна партія не могла похвалиться прочнымъ успѣхомъ; лучше сказать, торжество одной партіи тотчасъ же вызывало за собою чрезвычайное усиліе со стороны ея противниковъ, которое часто оканчивалось ихъ побѣдою. Смерть Стефана III, послѣдовавшая черезъ нѣсколько дней послѣ умерщвленія Сергія (772), вмѣсто того чтобы устранить и послѣднее препятствіе къ полному торжеству приверженцевъ Дезидерія въ Римѣ, была въ нѣкоторомъ смыслѣ лишь прибавленіемъ къ тѣмъ превратностямъ, которыя произошли въ его положеніи. Римскому престолу служило какъ бы особенное счастіе въ томъ отношеніи, что въ трудныя и важныя минуты, интересы его всегда почти были въ надежныхъ и искусныхъ рукахъ. Стефанъ III, безспорно, не принадлежалъ къ числу людей особенно способныхъ; недостатокъ самостоятельности и вѣрнаго такта не разъ ставили его въ фальшивое положеніе. За то Римъ могъ по справедливости гордиться его преемникомъ. Это былъ Адріанъ I, истый римлянинъ по своему происхожденію, еще болѣе по своему духу и характеру. Онъ происходилъ отъ одной изъ благородныхъ римскихъ фамилій, рано остался сиротою, и былъ воспитанъ однимъ своимъ родственникомъ, о которомъ біографъ замѣчаетъ, что онъ нѣкогда былъ консуломъ и дукомъ, а потомъ—примицеріемъ римской церкви [1]. Лучшаго воспитателя едва ли можно было найти для будущаго римскаго епископа. Замѣчательную силу воли обнаружилъ Адріанъ еще въ первой своей юности: посвятивъ себя преимущественно религіозной жизни, онъ изнурялъ себя постомъ и проводилъ дни и ночи на молитвѣ въ церкви [2]. Съ того времени уже римляне привыкли произносить его имя съ уваженіемъ. Подробности вступленія на престолъ неизвѣстны, но изъ одного обстоятельства легко усмотрѣть, что съ нимъ былъ соединенъ очень важный переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ римскаго престола. Въ самый день, или даже, по весьма опредѣлительному выраженію Анастасія, въ самый часъ вступленія своего на престолъ, Адріанъ приказалъ немедленно воротить всѣхъ сановниковъ и прочихъ гражданъ, высланныхъ изъ Рима передъ смертію Стефана III [3]. Новый епископъ повернулъ такъ круто, что Павелъ Афіар-

---

[1]) См. выше, стр. 561, п. 2.—Мураторн, называя этого консула отцомъ Адріана, очевидно смѣшиваетъ два лица. Слово „patre", употребленное Анастасіемъ, есть конечно ошибка, требующая исправленія.—[2]) Anast. ibid.—[3]) Ibidem: *Hic (Hadrianus)* namque in ipsa electionis suae die, confestim eadem hora, qua

та не могъ отстоять даже своихъ послѣднихъ распоряженій. Какова бы ни была роль лангобардской партіи при избраніи Адріана, видно впрочемъ, что въ лицѣ его возставалъ мститель за Христофора и Сергія, и что вступленіе его на престолъ было побѣдою старой клерикальной партіи въ Римѣ, которая всегда отличалась своею нетерпимостію къ лангобардскому владычеству, и особенно Дезидерію не могла простить отказа его уступить нѣкоторые города въ пользу римскаго престола. Но Дезидерій и его приверженцы не скоро еще вдумались въ значеніе перемѣны, которая произошла на римскомъ престолѣ, и не вдругъ разгадали характеръ и направленіе новаго епископа. Одно обстоятельство, какъ кажется, особенно способствовало къ тому, чтобы продолжилось ихъ заблужденіе. При всей своей рѣшительности, Адріанъ имѣлъ столько самообладанія, что, поднимая анти-лангобардскую партію въ Римѣ, на первое время однако воздержался отъ преслѣдованія ея недавно торжествовавшихъ противниковъ и удержалъ при себѣ даже главу ихъ, кубикуларія Павла. Дезидерій, конечно въ надеждѣ на то, что вѣрный агентъ его, оставшись при римскомъ дворѣ, сохранилъ при немъ и свое прежнее вліяніе, спѣшилъ войти въ сношенія съ новымъ епископомъ и повидимому вовсе не отчаявался найти въ немъ союзника себѣ въ предстоявшей борьбѣ съ королемъ франковъ. Лангобардскіе послы, между которыми еще разъ встрѣчаемъ герцога сполетскаго, извѣстнаго по своимъ связямъ съ Вальдипертомъ, явившись въ Римѣ, предложили Адріану миръ и любовь отъ имени своего короля. Но тутъ разрѣшилось недоразумѣніе. Холодно принялъ Адріанъ пословъ Дезидерія и отвѣчалъ имъ съ суровостію, что, желая жить въ мирѣ со всѣми христіанами, онъ съ своей стороны конечно постарается сохранить миръ и съ Дезидеріемъ, но что король самъ своею лживостію и недобросовѣстностію лишилъ себя всѣхъ правъ на довѣріе римскаго престола. При этомъ случаѣ епископъ напомнилъ посламъ извѣстныя обѣщанія Дезидерія, которыхъ онъ никогда не думалъ исполнять, назвалъ его обманщикомъ и клятвопреступникомъ и прямо обвинялъ въ смерти Христофора и Сергія, говоря, что убійцы ихъ были только вѣрными исполнителями его воли [1]. Въ такомъ отвѣтѣ ясно сказался человѣкъ съ волею и харак-

---

electus est, reverti fecit judices illos hujus R. urbis tam de clero, quam de militia, qui in exilium ad transitum D. Stephani Papae missi fuerant a Paulo cubiculario cognomento Afiarta et aliis consenteneis impiis satellitibus.—[1]) Anast. ibid.

теромъ, который давно уже симпатизировалъ знаменитому примицерію и его сыну, вполнѣ раздѣлялъ ихъ ненависть къ лангобардамъ, и теперь, когда для него наступила пора дѣйствовать, не хотѣлъ болѣе скрывать своего враждебнаго чувства къ нимъ. Послѣ того нельзя было не понять лангобардамъ, чего они могли ожидать себѣ отъ новаго римскаго епископа.

Тогда Дезидерій увидалъ свою ошибку и началъ дѣйствовать другими средствами. Еще послы нѣсколько времени оставались въ Римѣ, и чтобы лучше усыпить Адріана, увѣряли его въ непреложности обѣщаній своего короля, утверждая клятвенно, что всѣ требованія римской церкви будутъ исполнены имъ въ точности, какъ онъ выступилъ съ войскомъ изъ своихъ предѣловъ и безъ сопротивленія занялъ Фавенцію, Феррару и Комаккіо. Приводя это извѣстіе, біографъ тутъ же замѣчаетъ, что города, вновь занятые Дезидеріемъ, принадлежали римской церкви [1]). Мы съ своей стороны должны сказать, что не знаемъ ни одного свидѣтельства, которое бы подтверждало сомнительное для насъ показаніе біографа. По нашему мнѣнію, Дезидерій началъ свое наступательное движеніе съ этихъ городовъ на томъ же основаніи, на какомъ удерживалъ до сего времени за собою Болонію, Имолу, Анкону. Всѣ они вмѣстѣ входили въ извѣстный договоръ между римскимъ епископомъ и Дезидеріемъ, когда онъ былъ еще претендентомъ на престолъ, но римляне успѣли захватить только первые. Дезидерій, до конца удержавшій за собою Болонію, Имолу, Анкону, никогда не отказывался и отъ своихъ правъ на Фавенцію и Феррару, и теперь, какъ вмѣстѣ съ обстоятельствами уничтожилась для него неприкосновенность римскихъ владѣній, счелъ какъ бы первымъ своимъ долгомъ возвратить то, что онъ не переставалъ почитать своею собственностію. Впрочемъ, разумѣется, изъ-за двухъ городовъ не стоило поднимать оружіе, и завоевательное предпріятіе Дезидерія въ самомъ дѣлѣ не ограничивалось ими. Надобно полагать, что оно особенно было разсчитано на отсутствіе Карла изъ внутреннихъ земель франкскаго государства. Въ Карлѣ съ каждымъ годомъ зрѣли и раскрывались новыя силы. Семейное неустройство не имѣло

---

1) Ibidem:.. conjunxit mandatum, quod jam fatus Desiderius abstulisset civitatem Faventiam, et ducatum Ferrariae, seu Comaclium de exarchatu Ravennate, quas s. memoriae Pipinus rex et ejus filii—b. Petro concedentes obtulerunt.—Supplem. Pauli Diaconi: Hic vero (Desiderius) confirmato regno, cum jam per annos plures regnasset, imitator factus Aistulpti, abstulit civitatem Faventinam et *ducatum Ferrariae*, seu Comaclium de exarchatu Ravennate. См. Bouquet, V, 189.

никакого вліянія на его духъ. Напротивъ, онъ больше и больше входилъ въ ту дѣятельность, которая прилична была ему, какъ преемнику власти Пепина и Карла Мартела: какъ будто неодолимое стремленіе влекло его окончить всѣ ихъ великія начинанія. Едва только довершено было покореніе Аквитаніи, какъ онъ думалъ уже объ окончательномъ усмиреніи жителей сѣверной Германіи, а въ нравѣ его было—тотчасъ же переводить свои думы въ самое дѣйствіе. Отославъ отъ себя въ 771 году Дезидерату, Карлъ слѣдующею же весною выступилъ въ походъ противъ Саксовъ и употребилъ на него большую часть года (772) [1]. Дезидерій, кажется, спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы запугать римскаго епископа и по своему желанію устроить свои отношенія къ нему. Занятіе Феррары и Фавенціи было только началомъ дѣлу: оно естественно открывало лангобардамъ путь къ Равеннѣ, постоянной и любимой цѣли ихъ воинственныхъ предпріятій. Дезидерій точно двинулся далѣе въ этомъ направленіи, въ короткое время завладѣлъ всѣми фортами (praesidia Ravennatia), которыми Равенна оберегалась извнѣ, и отрѣзалъ всѣ ея сообщенія. Антилангобардская партія, которая послѣ низложенія Михаила управляла Равенною, имѣя во главѣ своей архіепископа Льва, была поставлена въ крайнее положеніе. Если бы даже городскія стѣны и выдержали всѣ нападенія Дезидерія, то не было никакихъ средствъ спастись отъ другого, внутренняго врага— голода, котораго опустошительное дѣйствіе съ каждымъ днемъ становилось ощутительнѣе въ Равеннѣ. Въ этой крайности, когда, по словамъ Анастасія, не оставалось уже никакой надежды на спасеніе, архіепископъ и граждане равеннскіе отправили отъ себя къ Адріану троихъ „трибуновъ" просить его — въ наискорѣйшемъ времени помочь имъ тѣмъ или другимъ способомъ и возвратить отъ лангобардовъ уже занятыя ими мѣста, безъ которыхъ равеннцамъ пришлось бы умереть съ голода [2]).

Римскому епископу, кто бы онъ ни былъ, нельзя было не смущаться духомъ при такомъ опасномъ оборотѣ вещей. Врагъ наступалъ, почти не встрѣчая себѣ сопротивленія, а тотъ, отъ кого римскій престолъ могъ бы еще ожидать себѣ защиты и покровительства, находился далеко, занятый своимъ важнымъ предпріятіемъ, которое одно требовало отъ него чрезвычайныхъ усилій. При всемъ томъ, однако, Адріанъ не поте-

---

1) См. Ann. Francorum, Einhardi, etc.—2) Anastasius, ibid.

рялся. Первымъ дѣломъ его, по полученіи извѣстій изъ Равенны, было отправить къ королю лангобардовъ нарочное посольство, чтобы поставить ему на видъ всѣ его несправедливости и требовать отъ него немедленнаго возвращенія вновь занятыхъ городовъ. Никто конечно не повѣритъ, чтобы этимъ способомъ епископъ серьезно думалъ остановить успѣхъ лангобардскаго оружія въ экзархатѣ. Адріану, очевидно, нужно было перехитрить Дезидерія, занять его переговорами и выиграть время, пока еще Карлъ не возвратился изъ своего похода въ землю саксовъ. Когда превозмогающей силѣ Каролинговъ принадлежала вся тяжесть главнаго рѣшенія, соперникамъ въ Италіи почти не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ искусно отводить одинъ другому глаза и стараться выигрывать время другъ у друга. Адріанъ—по выраженію Анастасія—твердый какъ адамантъ, съ этимъ даромъ соединялъ еще рѣдкую способность къ макіавелистическимъ расчетамъ. Не только выждать время, онъ надѣялся своимъ посольствомъ къ Дезидерію достигнуть и еще одной цѣли. Сначала кажется страннымъ встрѣтить въ этомъ посольствѣ, которое все состояло изъ двумъ римскихъ сановниковъ, имя Павла Афіарты, извѣстнаго предводителя лангобардской партіи въ Римѣ, къ которому Адріанъ не могъ имѣть ни малѣйшей довѣренности, и если терпѣлъ около себя, то развѣ только по необходимости. Но въ томъ и состоялъ тонкій расчетъ епископа, что онъ, во-первыхъ, отправляя кубикуларія посломъ, безъ всякаго шума удалялъ отъ себя ненавистнаго и опаснаго ему человѣка, а во-вторыхъ, подсылая его къ Дезидерію, тѣмъ легче надѣялся заинтересовать послѣдняго предложеніемъ переговоровъ и внушить ему мысль, что римскій престолъ дѣйствительно ищетъ сближенія съ нимъ. Дезидерій поддался хитрому плану своего соперника. Кубикуларій, сойдясь лицомъ къ лицу съ старымъ своимъ союзникомъ, тоже не устоялъ противъ искушенія, и вмѣсто того, чтобы передавать ему волю епископа, самъ вдался во всѣ его виды. Военныя дѣйствія были пріостановлены (по крайней мѣрѣ нѣсколько времени о нихъ болѣе не упоминается), и римскій посолъ вмѣстѣ съ королемъ лангобардовъ принялись строить планы, какъ бы пріобрѣсти Адріана лангобардскому дѣлу и навсегда поссорить его съ Карломъ. По увѣренію біографа, мысль Дезидерія состояла въ томъ, чтобы выманить Адріана, будто бы для личныхъ совѣщаній и переговоровъ о мирѣ, въ Ломбардію, и тамъ заставить его вѣнчать сыновей Карломана *королевскою* короною. Съ своей стороны Павелъ Афіарта обѣ-

щалъ королю всякое содѣйствіе и говорилъ весьма энергически, что „если бы даже ему пришлось связать епископа веревкою по ногамъ и притащить его силою, и въ такомъ случаѣ онъ не отказался бы представить его ко двору Дезидерія“. Въ случаѣ исполненія такого плана, оба они не сомнѣвались, что не только Римъ, но и вся Италія поступятъ во владѣнія лангобардовъ [1]).

Казалось, Адріанъ былъ въ обманутыхъ, между тѣмъ какъ все дѣлалось не только не безъ вѣдома его, но даже по его мысли и предусмотрѣнному имъ плану. Не забудемъ, во-первыхъ, что въ посольствѣ находилось другое лицо, сацелларій Стефанъ, который не принималъ участія въ интригѣ кубикуларія и, слѣдовательно, состоялъ съ королемъ лишь въ оффиціальныхъ сношеніяхъ: черезъ него римскій епископъ могъ быть хорошо извѣщенъ какъ о дѣйствіяхъ второго посла, такъ и о замыслахъ Дезидерія. Но болѣе всего дѣйствія самого Адріана, пока послы его находились въ Ломбардіи, показываютъ, что измѣна Павла Афіарты отнюдь не была для него нечаянностію, и что онъ вообще былъ гораздо предусмотрительнѣе своего кубикуларія. Въ мысляхъ епископа погибель Павла Афіарты рѣшена была еще до отправленія его въ Ломбардію. Принимая посольство къ Дезидерію, онъ никакъ не подозрѣвалъ, что сѣть разставлена была ему въ этомъ самомъ порученіи, и потомъ, какъ мы видѣли, соединялъ съ нимъ разныя надежды въ совершенно противоположномъ смыслѣ.

---

1) Всѣ обстоятельства, касающіяся до дипломатическихъ сношеній, происходившихъ въ это время между Адріаномъ и Дезидеріемъ, извлечены нами изъ Анастасія. Онъ, правда, не объясняетъ настоящей мысли Адріана, руководившей имъ при этихъ сношеніяхъ, но она легко можетъ быть найдена при помощи простого соображенія. Вотъ нѣкоторыя видныя мѣста: Tunc ipse almificus Pontifex, dum adhuc praenominati ejus missi, essent Romae, per Stephanum sacellarium, et Paulum cubicularium super ista ut ad praenominatum pergerent regem, direxit eidem regi suas deprecatorias literas, ut easdem redderet civitates, etc.—Dum vero talia eidem proteruo Desiderio antefatus sanctissimus Pontifex deprecando, admonendo, et coujurando direxisset, ita illi remisit in responsis, quod nisi prius secum eo ipse almificus Praesul conjungeret ad pariter loquendum, minime eosdem redderet civitates.... Et ob hoc ipsum sanctissimum Praesulem ad se properandum seducere conabatur, ut ipsos antefati Carolomanni filios reges ungeret, cupiens divisionem in regno Francorum immittere, ipsumque beatissimum Pontificem à charitate, et dilectione excellentissimi Caroli regis Francorum, et Patritii Romanorum separare, et Romanam Urbem, cunctamque Italiam sui regni Langobardorum potestati subjugere... Sicque factum est, ut eodem Paulo in eodem itinere existente palam omnibus fieret, qualiter necare fecisset Sergium secundicerium, qui caecus in cellario erat, etc.

Время готовило ему самое сильное разочарованіе. Когда, несмотря на всѣ приглашенія Дезидерія, Адріанъ отказался явиться къ нему на свиданіе, и Павелъ Афіарта возвращался назадъ съ мыслію—другими средствами заставить епископа быть уступчивѣе, въ Римѣ вдругъ опять заговорили о насильственной смерти секундицерія Сергія и объ участіи въ ней кубикуларія, и епископъ самъ открылъ процессъ для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла. Въ то же самое время дано было знать въ Равенну тамошнему архіепископу, чтобы онъ, гдѣ бы то ни случилось, въ самой ли Равеннѣ, или въ Римини, непремѣнно старался задержать кубикуларія на возвратномъ пути его отъ Дезидерія. По наивному толкованію Анастасія, римскій епископъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ предосторожности изъ опасенія, чтобы Павелъ Афіарта, узнавъ о томъ, чтó происходило въ Римѣ, не вздумалъ опять бѣжать къ Дезидерію и вмѣстѣ съ нимъ не надѣлалъ бы новыхъ бѣдъ въ экзархатѣ или даже въ самыхъ римскихъ предѣлахъ. Между тѣмъ римскій процессъ шелъ своимъ чередомъ. Сначала допрошены были тюремщики, которые стерегли Сергія въ заключеніи. Они показали на нѣкотораго Кальвенція (тоже кубикуларія), говоря, что онъ, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Туниссономъ и трибуномъ Леонаціемъ изъ Ананьи, ворвался ночью въ темницу Сергія и потомъ передалъ его кампанцамъ. Допрошенный въ свою очередь Кальвенцій, не отрицая своей вины, объявилъ впрочемъ, что онъ былъ посланъ на это дѣло Павломъ Афіартою, дефенсоромъ Григоріемъ и нѣкоторымъ дукомъ Іоанномъ, котораго біографъ тутъ же называетъ братомъ епископа Стефана III [1]). Туниссонъ и Леонацій, нарочно вызванные изъ Ананьи, показали то же самое. Еще не довольствуясь ихъ показаніями, Адріанъ послалъ въ Ананьи особую комиссію освидѣтельствовать самый трупъ Сергія, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ несомнѣнныя доказательства его насильственной смерти. Прибывши на мѣсто, слѣдователи вскрыли одинъ гробъ и дѣйствительно нашли въ немъ трупъ съ веревкою на шеѣ и съ пятнами по всему тѣлу, такъ что они болѣе не сомнѣвались, что покойникъ еще заживо былъ зарытъ въ землю и тамъ уже

[1]) Anastasius: Confestimque deductus est ad medium isdem cubicularius, et inquisitus: quis illi praecepisset eundem Sergium a praefato abstrahi cellario, et praenominatis Campanis tradendum? Respondit, a Paulo cubiculario cognomento Afiarta, et Gregorio defensoreregionario et Ioanne duce germano Domini Stephani Papae atque a Calvulo cubiculario sibi hoc fuisse praeceptum, tradi eisdem *Campanis.*

задохся (?). Трупъ, по освидѣтельствованіи его на мѣстѣ, перевезенъ былъ въ Римъ, чтобы каждый могъ видѣть его своими глазами. Это позорище не замедлило произвести то дѣйствіе, на которое оно такъ искусно было разсчитано. Страсть, такъ недавно еще заснувшая въ жителяхъ Рима, пробудилась снова. Представители высшихъ сословій (между которыми первое мѣсто занимали конечно возвращенные передъ тѣмъ изгнанники) со множествомъ народа тотчасъ направились къ Латеранскому дворцу, и повергнувшись ницъ передъ епископомъ, умоляли его не отлагать болѣе мщенія (vindictam) надъ злодѣями. Они увѣряли, что весь Римъ находится въ страшномъ волненіи, и говорили, что если преступники не будутъ въ скорости наказаны по мѣрѣ ихъ вины, то найдутся злонамѣренные люди, которые возьмутъ на себя всю расправу, и тогда уже ни за что нельзя будетъ поручиться. Само собою разумѣется, что Адріанъ не противорѣчилъ желанію народа. Виновные, сколько ихъ оказалось на лицо, немедленно были переданы имъ городскому префекту, съ тѣмъ, чтобы онъ „допросилъ ихъ еще разъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно съ убійцами, передъ цѣлымъ народомъ“ [1]). Это значило, что отъ нихъ хотѣли публичнаго сознанія въ томъ злодѣяніи, какое имъ приписывалось, хотя бы для того нужно было употребить и нѣкоторыя понудительныя средства. Что признанія, сдѣланныя при этомъ допросѣ, были не совсѣмъ добровольны, можно видѣть изъ самого Анастасія. По его словамъ, одинъ изъ мнимыхъ или истинныхъ преступниковъ „лишь съ трудомъ былъ доведенъ до сознанія и вскорѣ потомъ умеръ въ своей тюрьмѣ мучительною смертію“ [2]). Къ чести Адріана впрочемъ должно замѣтить, что онъ не хотѣлъ новаго пролитія крови, и тѣ, которые такъ или иначе повинились въ смерти Сергія, поплатились за свою вину лишь изгнаніемъ. Окончивъ судъ надъ виновными, Адріанъ хотѣлъ произнести какъ бы символическое осужденіе и надъ цѣлою партіею. Для этого онъ приказалъ вырыть изъ земли тѣло Христофора и вмѣстѣ съ тѣломъ сына его похоронить въ церкви св. Петра. Этою послѣднею честію, оказанною памяти примицерія, Адріанъ какъ бы указалъ въ немъ римлянамъ образецъ для подражанія.

Понятно впрочемъ, что побѣда надъ лангобардскою партіею въ Римѣ была бы очень невѣрна, если бы глава ея, Па-

1) См. выше, стр. 420, п. 4.—2) Ibidem: Calvulus vero obdurans cor suum, vix confessus est ita omnia esse, qui tamen in eodem carcere *crudeli morte* amisit spiritum.

велъ Афіарта, сохранилъ свободу и возможность дѣйствовать. Но Адріанъ, какъ мы видѣли, позаботился о немъ еще гораздо прежде. Согласно съ его желаніемъ, архіепископъ равеннскій, и самъ не менѣе горячій противникъ лангобардскаго владычества, задержалъ кубикуларія на пути его изъ Павіи, и потомъ, когда въ Равеннѣ стали извѣстны послѣднія римскія происшествія, отдалъ его въ распоряженіе городскому консулу (consulari) [1]. Взявъ себѣ въ примѣръ дѣйствія римскаго префекта, равеннскій консулъ также подвергнулъ своего подсудимаго публичному допросу и, неизвѣстно какими средствами, заставилъ его сдѣлать подобныя же признанія. Черезъ нѣсколько времени послѣдовалъ и самый приговоръ, но онъ уже значительно разнился отъ римскаго: по волѣ архіепископа, которому и въ этомъ случаѣ консулъ служилъ орудіемъ, Павелъ Афіарта былъ лишенъ жизни. Была ли это казнь, или просто темное убійство, трудно рѣшить съ достовѣрностію, хотя выраженія нашего источника болѣе способны внушить послѣднее понятіе. Едва ли также можно утверждать навѣрное, что это случилось совершенно противъ желанія Адріана. Правда, что Анастасій всѣми силами старается выгородить его отъ подобнаго упрека и всю вину складываетъ на архіепископа. По его словамъ, человѣколюбивый Адріанъ, заботясь „о спасеніи души“ Павла Афіарты, хотѣлъ въ наказаніи его ограничиться лишь изгнаніемъ, и нарочно писалъ восточнымъ императорамъ, Константину и Льву, прося ихъ принять подъ свое наблюденіе виновнаго. Далѣе узнаемъ отъ него же, что Адріанъ писалъ также въ Равенну къ тамошнему архіепископу, требуя отъ него немедленнаго отправленія виновнаго въ назначенное ему мѣсто изгнанія — черезъ Венецію, или какимъ другимъ путемъ, но что архіепископъ, по злобѣ своей къ кубикуларію, нашелъ благовидный предлогъ отклонить отъ себя это требованіе [2]. Наконецъ, когда сацелларій Григорій отправлялся въ качествѣ посла отъ римскаго престола въ Павію, ему поручено было между прочимъ заѣхать въ Равенну и твердо наказать архіепископу и гражданамъ, чтобы они сохранили невредимымъ

---

[1]) Anast. ibid.—[2]) По словамъ Анастасія, предлогъ состоялъ въ томъ, что такъ какъ Дезидерій держалъ у себя въ плѣну сына венеціанскаго дожа, то не вздумалъ бы дожъ, когда Павелъ Афіарта будетъ переправляться черезъ Венецію, задержать его, чтобы потомъ размѣнять на его сына.—Обстоятельство немаловажное: оно заставляетъ предполагать, что венеціане также участвовали въ послѣднихъ происшествіяхъ и вѣроятно поддерживали равеннцевъ при нападеніи Дезидерія на экзархатъ.

своего плѣнника до возвращенія посольства и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, отпустили бы его обратно въ Римъ; но, прибывъ снова въ Равенну на обратномъ пути изъ Павіи, сацелларій уже не нашелъ въ живыхъ кубикуларія. Все это на самомъ дѣлѣ могло происходить такъ, какъ разсказываетъ біографъ римскихъ епископовъ. Но какое мы имѣемъ ручательство, что это поведеніе Адріана было вполнѣ искренно? Не забудемъ, что отъ него шло первое приказаніе задержать Павла Афіарту въ Равеннѣ, и что послѣдній, какъ глава партіи и самый близкій человѣкъ къ королю лангобардовъ, былъ опаснѣе всѣхъ своихъ единомышленниковъ: его едва ли можно было поравнять съ ними и въ наказаніи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что средство, употребленное Львомъ для погибели кубикуларія, и самоуправство, обнаруженное имъ при этомъ случаѣ, дѣйствительно не нравились римскому епископу; но трудно повѣрить, чтобы смерть Павла Афіарты не доставила ему и другихъ, болѣе пріятныхъ ощущеній. Какъ бы то ни было, но римскій престолъ навсегда избавлялся отъ самаго опаснаго и неутомимаго изъ своихъ внутреннихъ враговъ.

Дезидерію можно было поправить дѣло лишь скорымъ и рѣшительнымъ дѣйствіемъ. Всякая медлительность и остановка обращались во вредъ ему. Эта не довольно рѣшительная политика помогла его противникамъ восторжествовать—сначала въ экзархатѣ, гдѣ они, низложивъ Михаила, успѣли поставить на его мѣсто своего архіепископа, а потомъ и въ самомъ Римѣ, гдѣ такъ искусно воспользовались временемъ переговоровъ, чтобы нанести лангобардской партіи самый чувствительный ударъ и однимъ разомъ уничтожить всѣ ея надежды. Поэтому, даже не дожидаясь рѣшенія участи Павла Афіарты и, какъ кажется, лишь по первому слуху объ его задержаніи, Дезидерій положилъ немедленно возобновить свои нападенія и еще съ большею энергіею продолжать остановленное на время движеніе во внутренность римскихъ земель [1]). Оставя въ сторонѣ Равенну, онъ двинулъ свое войско далѣе на югъ. Лангобарды вошли въ Пентаполисъ, заняли въ немъ Монтеферети, Урбино, Сенегалію, и проникли даже въ Эйгубіумъ, откуда могли

[1]) Анастасій, какъ кажется намъ, слишкомъ уже сокращаетъ срокъ между началомъ военныхъ дѣйствій и ихъ продолженіемъ, говоря, что Дезидерій тотчасъ же послѣ того, какъ овладѣлъ нѣкоторыми городами экзархата, отправилъ войско и для занятія городовъ Пентаполиса: Ravennatium abstulit, confestim direxit multitudinem exercitus et occupare fecit fines civitatum, id est Senogalliensis, Monteferreti, Urbini, Eugubii, etc. Самъ же онъ однако приводитъ это по-

угрожать самой Перуджіи. Въ то же время другое лангобардское ополченіе, вышедши изъ Тусціи, устремилось прямо въ предѣлы римской области, овладѣло Блерою и распространялось отсюда далѣе по направленію къ самому Риму. Новый страхъ въ Римѣ и новая попытка со стороны епископа—остановить воинственное движеніе лангобардовъ просьбами и увѣщаніями. Послы Адріана, явившись къ Дезидерію, въ присутствіи многихъ герцоговъ, упали къ ногамъ его и со слезами умоляли возвратить странѣ миръ, а римскому престолу—вновь занятые города. Анастасій ничего не приводитъ изъ отвѣта Дезидерія, который въ правѣ былъ выговорить посламъ многое, и упоминаетъ только, что они никакъ не могли тронуть „его каменное сердце“. Лишь на одномъ условіи соглашался Дезидерій договариваться съ римскимъ епископомъ, т. е. чтобы онъ самъ своею особою явился въ Ломбардію для переговоровъ. Какъ видно, его еще не оставляла мысль о томъ, чтобы, при содѣйствіи римскаго епископа, хотя бы и вынужденномъ, перевести королевское достоинство на дѣтей Карломана и потомъ противопоставить ихъ Карлу. На это предложеніе послѣдовалъ изъ Рима извѣстный отвѣтъ, что епископъ готовъ явиться, куда угодно, по приглашенію короля, если только онъ поспѣшитъ возвратить римской церкви всѣ города, отнятые у нея въ послѣднее время. Впрочемъ, какъ опасность была теперь на нѣсколько стадій ближе къ Риму, чѣмъ въ то время, когда въ первый разъ сдѣланъ былъ подобный же отвѣтъ, то Адріанъ прибавлялъ еще увѣреніе, что, въ случаѣ неустойки съ его стороны, король будетъ въ правѣ вновь занять возвращенные имъ города. Особенное посольство наряжено было для того, чтобы передать этотъ отвѣтъ Дезидерію и попробовать еще разъ тронуть его слезами, а можетъ-быть и за тѣмъ, чтобы выиграть также время. Но „желѣзное сердце и загрубѣлый нравъ“ Дезидерія остались непреклонны даже и передъ обильными слезами второго посольства. Мысль Дезидерія наконецъ утвердилась послѣдними опытами, и внушила ему самому болѣе твердости. Все время, пока происходили переговоры, лангобарды не переставали подвигаться впередъ и опустошать рим-

слѣднее извѣстіе не прежде, какъ уже разсказавши римскій процессъ и судьбу Павла Афіарты. Что впрочемъ нападенія возобновились еще до смерти Павла, можно видѣть изъ самаго посольства сацелларія Григорія, который, какъ говоритъ Анастасій, отправленъ былъ для переговоровъ съ Дезидеріемъ именно по поводу занятія Пентаполиса и, проѣзжая въ первый разъ черезъ Равенну, еще *засталъ кубикуларія* въ живыхъ.

-скую область; въ заключеніе же всѣхъ сношеній съ Адріаномъ, Дезидерій объявилъ ему свое рѣшительное намѣреніе—итти къ Риму и взять его силою. Въ началѣ это слово было только угрозою, сказанною съ тою цѣлію, чтобы заставить римскаго епископа быть уступчивѣе и—главное—выманить у него согласіе на предложеніе, сдѣланное ему прежде; когда же Адріанъ, у котораго между тѣмъ къ прежнимъ неяснымъ надеждамъ на помощь прибавилось уже и чаяніе ея, еще рѣшительнѣе повторилъ свой прежній отказъ, у Дезидерія достало воли и духа, чтобы превратить свою угрозу въ самое дѣло. Ужъ послѣдній запросъ сдѣланъ былъ имъ съ дороги изъ Павіи къ Риму, и какъ отвѣтъ былъ не по желанію, то онъ, не употребляя болѣе угрозъ, самъ продолжалъ грозою подвигаться къ Риму. Съ нимъ было главное лангобардское ополченіе, и кромѣ сына его Адальгиза, его сопровождали еще вдова и дѣти Карломана и главный ихъ совѣтникъ и руководитель, герцогъ Аутхаръ, бѣжавшій вмѣстѣ съ ними изъ Франціи. Дезидерій замышлялъ очень многое и важное.

Нисколько не уступая Дезидерію въ твердости, Адріанъ превосходилъ его въ тонкости и вѣрности расчета. Особенно хорошо разсчитано было имъ время, нужное для того, чтобы обратить усилія и угрозы короля лангобардовъ противъ него же самого. Въ Римѣ ему нечего было опасаться съ тѣхъ поръ, какъ лангобардская партія была поражена въ лицѣ главныхъ ея предводителей; за постороннею же помощію онъ обратился лишь послѣ того, какъ Дезидерій прислалъ ему свою угрозу, относившуюся прямо къ Риму, впрочемъ еще прежде, чѣмъ онъ выступилъ въ походъ [1]). Находясь въ великомъ стѣсненіи, и побуждаемый необходимостію—говоритъ Анастасій—Адріанъ послалъ отъ себя (моремъ) пословъ къ Карлу, королю франковъ и римскому патрицію, напомнить ему, какъ отецъ его помогъ въ крайности римской церкви и равеннскому экзархату, и просить его помощи и заступленія противъ всѣхъ притѣсненій, которыя римскій престолъ долженъ вновь терпѣть отъ Дезидерія. Это была самая настоящая пора, чтобы подобное прошеніе не воротилось назадъ безъ успѣха. Только-что окончивъ свой блестящій походъ противъ саксовъ, Карлъ отдыхалъ на свѣжихъ лаврахъ [2]). Кромѣ славы, добытой въ этомъ походѣ, онъ вынесъ изъ него еще болѣе увѣренности въ своей силѣ и побужденіе къ новой дѣятельности. Первое проситель-

1) Anast. ibid.—2) См. Ann. Einhardi, ad an. 772—773.

ное посланіе Адріана къ Карлу не дошло до насъ; съ вѣроятностію впрочемъ можно полагать, что онъ не забылъ поставить ему на видъ всѣ планы Дезидерія, указать на присутствіе въ его лагерѣ дѣтей Карломана и объяснить тѣ замыслы, которые онъ на нихъ основывалъ. Не только о пользахъ римскаго престола, Карлъ долженъ былъ позаботиться также и о безопасности своей собственной. Дѣло ихъ было общее. Въ предпріятіи, направленномъ противъ Рима, заключалось сѣмя другого, еще болѣе значительнаго предпріятія. И всякому другому на мѣстѣ Карла нельзя было остаться равнодушнымъ при такихъ обстоятельствахъ. Карлъ же по своей натурѣ менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ — сложа руки ожидать развязки, когда дѣло касалось и его лично. Поэтому вызовъ, сдѣланный ему римскимъ епископомъ, никакъ не могъ остаться безуспѣшенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первый же посолъ, возвратившійся въ Римъ (опять тѣмъ же путемъ) тотчасъ послѣ свиданія своего съ Карломъ [1]), привезъ Адріану и благопріятный отвѣтъ.

Въ ожиданіи посторонней помощи, римскій епископъ впрочемъ и самъ не оставался недѣятеленъ. Чтобы выдержать хотя первый напоръ лангобардовъ, онъ укрѣпилъ городъ и созвалъ на защиту его народъ изъ всѣхъ римскихъ областей, не исключая даже и Пентаполиса, т. е. тѣхъ его частей, которыя еще не были заняты непріятелемъ. Сверхъ того у Адріана были еще въ запасѣ средства совершенно особеннаго рода. Хотя изъ церкви св. Петра, какъ лежащей внѣ стѣнъ, были уже взяты всѣ украшенія и для безопасности перенесены въ городъ, онъ однако приказалъ затворить въ ней всѣ двери и задѣлать ихъ на-крѣпко. Расчетъ состоялъ въ томъ, что въ случаѣ, если бы Дезидерій, подступивъ къ Риму, захотѣлъ проникнуть во внутренность церкви, ему пришлось бы изломать затворы и такъ сказать силою ворваться въ святилище: а поступить такимъ образомъ—значило принять на душу смертный грѣхъ [2]). Наконецъ Адріанъ подобнымъ же образомъ позаботился и о неприкосновенности границъ самой римской области: всякій, начиная отъ короля до послѣдняго лангобарда, перешедшій съ оружіемъ въ рукахъ римскую границу, подвергался епископской „анаѳемѣ“. Изготовленная заранѣе, она, съ увѣщаніями,

---

[1]) Ibidem.—[2]) Anastasius: Ut si ipse protervus rex sine licentia et permisso Pontificis advenisset, minime aditum in eandem ecclesiam introeundi haberet, nisi *brachio forti* ad suae animae interitum ipsas confringeret januas.

и заклинаніями разнаго рода, въ видѣ особаго посланія, напередъ отправлена была къ королю лангобардовъ для свѣдѣнія. До того впрочемъ не дошло, чтобы Дезидерій и его войско подпали церковному проклятію. Уже онъ стоялъ со всѣмъ своимъ ополченіемъ подъ Витербо, какъ вдругъ, перемѣнивъ намѣреніе, повернулъ назадъ и поспѣшно вышелъ изъ римскихъ предѣловъ. Біографъ прямо приписываетъ это рѣшеніе тому обстоятельству, что здѣсь только, у Витербо, застигла Дезидерія вѣсть о грозящемъ ему проклятіи, и утверждаетъ, что онъ, въ смущеніи, тотчасъ послѣ того началъ свое отступленіе. Какъ бы ни былъ великъ страхъ короля лангобардовъ передъ римской анаѳемой, впрочемъ едва ли она одна въ состояніи была измѣнить весь его планъ и заставить его отказаться отъ всего предпріятія, когда ужъ, по словамъ самого біографа, граница римской области была у него далеко назади [1]). Гораздо понятнѣе будетъ намъ смущеніе Дезидерія и рѣшеніе его немедленно возвратиться въ Ломбардію, если предположимъ, что у того же самаго Витербо извѣстился онъ о другой грозѣ, которая готова была разразиться надъ нимъ и надъ всѣмъ его государствомъ съ сѣвера. Сношенія Адріана съ Карломъ и ихъ сближеніе между собою для противодѣйствія замысламъ Дезидерія не могли же навсегда остаться тайною для послѣдняго. Не даромъ самъ Анастасій, сказавъ объ отступленіи лангобардовъ, вслѣдъ за тѣмъ приводитъ извѣстіе о прибытіи въ Римъ пословъ короля франковъ по тому же самому дѣлу. Нельзя было не смутиться Дезидерію, вдругъ почувствовавъ себя между двумя врагами—превозмогающею силою съ одной стороны и не менѣе опасною интригою съ другой. Чтобы не попасть въ затруднительное положеніе своего предшественника, который лишь подъ стѣнами Рима узналъ о наступательномъ движеніи Пепина и отсюда долженъ былъ спѣшить на защиту самыхъ отдаленныхъ предѣловъ своего государства, осторожный Дезидерій конечно увидѣлъ необходимость пожертвовать своимъ первоначальнымъ планомъ, и уже ради своей собственной безопасности спѣшилъ заблаговременно возвратиться въ Ломбардію.

Въ Карлѣ между тѣмъ происходило еще какъ бы нѣкоторое колебаніе. Сомнѣніе состояло не въ выборѣ союзника:

---

[1]) Ibid: Susceptoque eodem obligationis verbo per antefatos episcopos ipse Langobardorum rex illico cum magna reverentia *a civitate Viterbiense* confusus ad propria reversus est. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы видѣть, на какомъ разстояніи былъ уже Дезидерій отъ сѣверной границы римскаго дуката, оставшейся у него назади.

этотъ выборъ рѣшенъ былъ извѣстными отношеніями Карла къ Дезидерію, прежде чѣмъ римскій епископъ обратился къ нему съ прошеніемъ помощи; но Карлъ не рѣшался прямо дѣйствовать въ пользу своего союзника вооруженною силою, не испытавъ напередъ мирныхъ средствъ. По словамъ біографа, Адріанъ, прося ходатайства патриція для возвращенія занятыхъ лангобардами городовъ, хотѣлъ, чтобы эта цѣль была достигнута безъ пролитія крови (sine certamine). Но Карлъ имѣлъ довольно и своихъ причинъ, чтобы нѣсколько задуматься передъ такимъ предпріятіемъ, какъ открытая война съ лангобардами: въ случаѣ ея неблагопріятнаго оборота, чего не могъ онъ опасаться со стороны Дезидерія, когда въ его рукахъ былъ такой важный залогъ, какъ наслѣдники Карломана съ правомъ на половину всего Пепинова наслѣдства, и когда въ самомъ государствѣ франковъ была сочувствующая имъ партія? Лишь принимая въ соображеніе это обстоятельство, можно понять то необыкновенное миролюбіе, которое Карлъ показалъ въ переговорахъ съ своимъ явнымъ противникомъ: оно доходило съ его стороны даже до готовности на нѣкоторыя пожертвованія. Ссылаемся на Анастасія, который положительно увѣряетъ, что, когда требованія Карла, переданныя Дезидерію въ одно время франкскими и римскими послами, были отвергнуты, онъ отправилъ вторичное посольство въ Павію, обѣщая отъ себя 14,000 солидовъ, частію золотомъ, частію серебромъ, если король согласится покончить дѣло мирнымъ соглашеніемъ [1]). По увѣренію біографа, онъ назначалъ эту сумму Дезидерію за возвращеніе занятыхъ имъ городовъ въ римской Италіи, но мы не можемъ предположить въ сынѣ Пепина такого безкорыстнаго усердія къ выгодамъ римскаго престола, и почти не сомнѣваемся, что выдача наслѣдниковъ Карломана входила въ условія соглашенія по крайней мѣрѣ наравнѣ съ уступкою городовъ, принадлежавшихъ къ экзархату и римской области. Хлопоча объ интересахъ своего союзника, Карлъ не могъ же потерять изъ виду своихъ собственныхъ. Когда же Дезидерій отвергнулъ и это предложеніе, Карлъ, не сомнѣваясь болѣе въ его враждебныхъ намѣреніяхъ не только противъ римскаго епископа, но даже и противъ себя, положилъ дѣйствовать противъ него, какъ противъ личнаго врага, открытою силою. Такъ рѣшенъ былъ

---

[1]) Anastasius: Promittens insuper ei (Desiderio) tribui quatuordecim millia *auri solidorum,* quantitatem in auro et argento.

третій и послѣдній походъ Каролинговъ въ лангобардскую Италію.

Въ 773 году Карлъ со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся по направленію къ сѣверо-западнымъ лангобардскимъ предѣламъ. Прибывъ въ Женеву, онъ раздѣлилъ войско на два отдѣльныя ополченія. Одно изъ нихъ, подъ предводительствомъ Бернгарда, направилось къ Монжу (Montjoue), другое самъ Карлъ повелъ къ Монсени [1]. Прямая цѣль ихъ была—овладѣвъ горными проходами, проникнуть во внутренность государства лангобардовъ и стѣснить непріятеля въ самой Павіи. Франкскія дружины уже два раза совершали этотъ путь вмѣстѣ съ Пепиномъ. Дезидерій, несмотря на примѣръ своего предшественника, не предвѣщавшій и ему ничего добраго, имѣлъ довольно мужества и рѣшимости, чтобы принять всѣ нужныя мѣры для отраженія своего противника. Впрочемъ положеніе его было несравненно выгоднѣе того, въ которомъ находился Айстульфъ передъ нашествіемъ Пепина. Отступивъ заблаговременно отъ Рима, Дезидерій имѣлъ полную возможность распорядиться обороною безъ спѣха и употребить въ дѣло всѣ, какъ естественныя, такъ и искусственныя средства защиты, какими только онъ могъ располагать въ предѣлахъ своего государства. Еще прежде чѣмъ франки начали свое наступательное движеніе, тѣсные горные проходы, естественный оплотъ лангобардскихъ владѣній со стороны Франціи, были вновь укрѣплены разными искусственными работами, такъ что казались неодолимыми [2]. За этою первою оградою слѣдовала другая, живая стѣна ея защитниковъ. Самъ король вмѣстѣ съ сыномъ стоялъ вплоть у самыхъ укрѣпленій, готовый со всѣмъ лангобардскимъ ополченіемъ встрѣтить непріятеля, если бы ему удалось пройти черезъ тѣснины. Какъ спасительны были эти мѣры, принятыя во-время, можно судить по тому впечатлѣнію, которое онѣ произвели на духъ самого Карла. Уже подойдя съ войскомъ къ горнымъ проходамъ, онъ остановился передъ ними и два раза пытался склонить Дезидерія на мирное соглашеніе. Прежде обѣщанная сумма въ 14,000 солидовъ и теперь должна была остаться главнымъ основаніемъ переговоровъ. Возобновляя свое обѣщаніе, Карлъ вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилъ и свои прежнія тре-

---

1) См. Anast. ibid; ср. Ann. Einhardi ad an. 773.—2) Anastasius: Jam dictus vero Desiderius et universa Lang. exercituum multitudo ad resistendum in ipsis clusis assistebant, quas fabricis et diversis maceriis curiose munire nisi sunt.

бованія, настаивая на томъ, чтобы они немедленно были исполнены; когда же Дезидерій отказался войти въ переговоры на этомъ основаніи, онъ до того простеръ свою уступчивость, что соглашался удовольствоваться лишь тремя заложниками и вовсе отступить отъ лангобардскихъ предѣловъ, если только Дезидерій съ своей стороны *обѣщаетъ* сдѣлать ему условленное удовлетвореніе. Но самая эта уступчивость Карла давала чувствовать Дезидерію его преимущество, по крайней мѣрѣ въ случаѣ нападенія со стороны франковъ, и тѣмъ болѣе поддерживала его непреклонность. Послѣднее предложеніе было отвергнуто имъ, какъ и первое. Отчаявшись въ мирѣ и не надѣясь взять силою, франки упали духомъ и приготовлялись начать на другой день отступательное движеніе во внутреннія области Франціи [1]). Конечно, лишь неодолимыя трудности, предстоявшія впереди, могли внушить побѣдителю аквитанцевъ и саксовъ мысль о необходимости хотя временнаго отступленія.

Вдругъ обстоятельства измѣнились такъ, какъ если бы всѣ выгоды были на сторонѣ франковъ, и Дезидерій находился въ гораздо худшемъ положеніи по отношенію къ Карлу, чѣмъ Айстульфъ по отношенію къ Пепину. Принужденные при изложеніи этихъ происшествій ограничиваться однимъ главнымъ источникомъ, мы должны слѣдовать ему до конца. Внезапный оборотъ дѣла франковъ, когда ужъ они потеряли надежду на счастливый его исходъ, біографъ представляетъ какъ истинное чудо и приписываетъ его непосредственному дѣйствію Промысла [2]). Вдругъ, говоритъ онъ, этотъ самый Дезидерій, до сихъ поръ упорно отвергавшій даже выгодныя для него условія, почувствовалъ въ себѣ такой страхъ и такое сильное внутреннее смятеніе, что, покинувъ весь лагерь и все добро, какое въ немъ находилось, предался бѣгству вмѣстѣ съ сыномъ и со всѣмъ своимъ войскомъ. Видя это, франки стремительно ударили имъ въ тылъ и преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ. Адальгизъ, какъ кажется, съ частію войска пытался еще защищаться, чтобы хоть нѣсколько сдержать напоръ франковъ. Между тѣмъ самъ король вмѣстѣ съ герцогами и съ частію ополченія спѣшилъ запереться въ Па-

1) См. ниже.—Ср. Türk, p. 141.—2) Ibidem: Unde omnipotens Deus, conspiciens ipsius maligni Desiderii iniquam *perfidiam* (!) atque intolerabilem protervіam, *dum vellent Franci alio die ad propria reverti*, misit terrorem et validam trepidationem in cor ejus, vel filii ipsius Adalgisi sc. et universorum Longobardorum, *etc.*

віи. Приготовивъ все необходимое для обороны, онъ рѣшился выдерживать здѣсь осаду. Адальгизъ же вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ отправился далѣе и затворился въ Веронѣ. Такъ какъ на его рукахъ оставались, кромѣ Аутхара, вдова и дѣти Карломана, то онъ, безъ сомнѣнія, желалъ сколько можно долѣе сохранить этотъ драгоцѣнный залогъ въ своей власти и надѣялся доставить имъ въ Веронѣ, какъ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ во всемъ государствѣ [1]), болѣе вѣрное убѣжище отъ Карла, чѣмъ если бы они остались въ резиденціи. Павія была осаждена франками первая, и Дезидерій сверхъ чаянія попалъ въ положеніе своего предшественника.

Уже по самой этой аналогіи между двумя положеніями (Айстульфа и Дезидерія) можно было предугадывать, что королю лангобардовъ, какъ скоро онъ былъ осажденъ въ Павіи, придется дорого заплатить за свою упорную рѣшимость возобновить неравную борьбу съ Каролингами. Какъ личный врагъ Карла, Дезидерій сверхъ того долженъ былъ потерпѣть даже болѣе въ сравненіи съ своимъ предшественникомъ. Но прежде чѣмъ простираться впередъ, намъ слѣдуетъ еще поискать объясненія этому странному обороту, который однимъ разомъ разрушилъ всѣ надежды лангобардовъ. Слѣпая преданность римскому авторитету готова видѣть, пожалуй, чудо во всякой перемѣнѣ обстоятельствъ, сколько-нибудь благопріятной интересамъ власти римскихъ епископовъ. Научное изслѣдованіе не можетъ удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ: историческое явленіе должно имѣть и историческія причины. Анастасій, который видитъ столько чудеснаго въ послѣднихъ успѣхахъ франковъ надъ лангобардами, самъ же потомъ даетъ ключъ къ разрѣшенію этой трудности. Разсказавъ о бѣгствѣ Дезидерія и Адальгиза, онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ, что „*прочіе* лангобарды (т. е. кромѣ тѣхъ, которые заключились въ Павіи и Веронѣ) разошлись по своимъ городамъ, т. е. гдѣ кто считался на жительствѣ“ [2]). Что дѣло состояло для нихъ отнюдь не въ томъ только, чтобы укрыть свои головы отъ преслѣдованія франковъ, показываетъ біографъ слѣдующею за тѣмъ ссылкою на сполетскія происшествія. Въ Сполето же произошло вотъ что. Едва только Дезидерій началъ свое обратное движеніе отъ Витербо, спѣша

---

[1]) Ibid: Pro eo quod fortissima prae omnibus civitatibus Long. esse videretur.—[2]) Ibid: Porro Langobardi reliqui dispersi in proprias reversi sunt civitates. Собственно civitas должно означать здѣсь цѣлую область или герцогство.

на защиту границъ своего государства, какъ нѣкоторые граждане изъ гг. Сполето и Реате явились въ Римъ и изъявили желаніе остаться подъ властію римскаго епископа. Съ нихъ немедленно взяли присягу въ вѣрности и остригли имъ волосы по римскому обычаю (изъ чего слѣдуетъ заключать, что бѣглецы были чисто лангобардскаго происхожденія). Этому примѣру тогда же готовы были послѣдовать и многіе другіе жители Сполето, но, удержанные страхомъ, они остались въ ополченіи Дезидерія, и въ ожиданіи удобнѣйшаго времени, принуждены были вмѣстѣ съ нимъ отправляться въ сѣверную Италію. Итакъ Дезидерій имѣлъ въ своемъ ополченіи людей, готовыхъ измѣнить ему при первомъ случаѣ. Далѣе не ясно— измѣна ли ихъ ускорила пораженіе Дезидерія, или они уже воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы привести въ исполненіе свое прежнее намѣреніе. Изъ показаній Анастасія видно лишь то, что сполетинцы, бывшіе въ ополченіи Дезидерія, послѣ того вмѣстѣ съ своими семьями прибыли въ Римъ и просили епископа „принять ихъ на службу св. Петра и римской церкви и остричь имъ волосы по римскому обычаю“ [1]). Желаніе ихъ тотчасъ было исполнено. Приведенные во храмъ, они всѣ, отъ мала до велика, клятвенно обѣщались за себя и за все свое потомство служить вѣрою и правдою верховному апостолу, намѣстнику его, епископу Адріану, и всѣмъ будущимъ его преемникамъ“. Это значило ни болѣе, ни менѣе, какъ вступить въ подданство римскаго епископа. Тогда же избрали они изъ среды себя новаго герцога по имени Гильдебранда, и этотъ выборъ, конечно сдѣланный не безъ согласія Адріана, былъ потомъ подтвержденъ имъ, какъ высшею властію. Анастасій не скрываетъ далѣе, что то же самое повторилось и во многихъ другихъ мѣстахъ. Изъ Анконы, Озимо, Фирміума и другихъ городовъ, близкихъ къ римской области, многіе точно также, послѣ бѣгства изъ лангобардскаго лагеря, явились къ Адріану и принесли ему присягу въ вѣрности. Какъ лангобарды, и они тоже должны были обрѣзать свои длинные волосы, чтобы даже и внѣшнимъ образомъ не отличаться отъ настоящихъ римскихъ подданныхъ.

По этимъ показаніямъ и намекамъ можно составить себѣ понятіе о томъ, что̀ происходило въ государствѣ лангобардовъ въ самую рѣшительную для него минуту. Въ то время, какъ главная опасность, казалось, угрожала извнѣ, и Дезидерій

---

[1]) *Ibidem.*

напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы отвратить ударъ съ этой стороны, интрига еще дѣятельнѣе работала у него въ тылу. Начало этой интриги, очевидно, относится еще ко времени извѣстнаго римскаго процесса, окончившагося смертію Павла Афіарты. Пораженіе, нанесенное лангобардской партіи въ Римѣ, отозвалось и въ другихъ частяхъ полуострова и вездѣ оживило вновь надежды ея противниковъ. Римская партія опять подняла голову — сначала въ Сполето, потомъ въ городахъ Пентаполиса, и прежнія сепаратныя стремленія пробудились въ ней съ новою силою. Само собою разумѣется, что римскій епископъ былъ душою и опорою всѣхъ подобныхъ стремленій. Еще партія не осмѣливалась дѣйствовать открыто противъ Дезидерія, но, какъ мы видѣли, измѣна скрывалась уже въ самомъ его ополченіи. Не надобно впрочемъ думать, что римская интрига ограничивалась только Сполето и Пентаполисомъ. По нѣкоторымъ признакамъ прямо слѣдуетъ заключить, что она успѣла проникнуть и въ собственную Ломбардію и дѣйствовала тамъ въ связи съ одною изъ внутреннихъ лангобардскихъ партій, ожидавшей только удобнаго случая, чтобы низложить Дезидерія. По всей вѣроятности, эта партія осталась еще отъ времени Рачиса, который, какъ намъ извѣстно, будучи уже монахомъ, оспаривалъ у Дезидерія право на лангобардскій престолъ. Анастасій ничего не говоритъ объ ея существованіи, но оно оказывается несомнѣннымъ по одному важному мѣсту, которое находимъ у салернскаго лѣтописца, извѣстнаго подъ именемъ „анонима". „Когда"—говоритъ онъ—„внутренняя вражда раздѣлила лангобардовъ, нѣкоторые изъ лангобардскихъ вельможъ (читай—герцоговъ) отправили отъ себя пословъ къ Карлу, приглашая его съ войскомъ въ Ломбардію и обѣщая—не только выдать ему руками тирана Дезидерія со всѣмъ его достояніемъ, но и утвердить за нимъ самый престолъ" [1]). Изъ этого извѣстія видно, во-первыхъ, что между лангобардскими герцогами, какъ всегда, были люди, замышлявшіе недоброе противъ короля, и во-вторыхъ, что они дѣйствовали въ согласіи съ Римомъ, ибо также искали себѣ опоры въ его союзникѣ. По соображеніямъ, сдѣланнымъ еще Муратори, по-

---

[1]) Anonymus Salernitanus: Dum iniqua cupiditate Langobardi inter se consurgerent, quidam ex proceribus Langobardis talem legationem mittunt Carolo Francorum regi, quatenus veniret cum valido exercitu et regnum sub sua ditione obtineret, asserentes, quia istum Desiderium tyrannum sub potestate ejus traderent vinctum, et opes multas cum variis indumentis, auro argentoque intextis, in suum committerent dominium. Rer. Ital. Scriptt. T. II, p. 1. (См. Mur. Annal. ad an. 774).

чти можно указать самое лицо, которое служило посредникомъ между недовольными герцогами и римскимъ епископомъ: это Ансельмъ, близкій родственникъ Рачиса (братъ его жены) и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ его приверженцевъ. Объ немъ извѣстно, что онъ былъ прежде герцогомъ во Фріаулѣ, потомъ—аббатомъ знаменитаго монастыря „Нонантола", и какъ по своимъ связямъ, такъ еще болѣе по своему личному авторитету, имѣлъ большое значеніе между лангобардами. За родство и связи свои съ Рачисомъ онъ заплатилъ при Дезидеріи семилѣтнимъ заточеніемъ; за то впослѣдствіи онъ былъ вознагражденъ щедростію Карла, который надѣлилъ его богатыми владѣніями. Всѣ эти извѣстія, думаетъ Муратори, дѣлаютъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что аббатъ Ансельмъ, недовольный Дезидеріемъ, вступилъ въ связи съ римскимъ епископомъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы склонить на свою сторону многихъ лангобардовъ и вмѣстѣ съ ними содѣйствовать Карлу въ его предпріятіи. Это мнѣніе, дважды повторенное ученымъ изслѣдователемъ италіанскихъ древностей, достаточно говоритъ само за себя и не имѣетъ нужды въ новыхъ объясненіяхъ [1]).

Итакъ измѣна окружала Дезидерія со всѣхъ сторонъ и подкапывалась подъ него всѣми возможными для нея средствами. Она тайно присутствовала въ его военномъ станѣ, подготовляла возстаніе въ отдаленныхъ провинціяхъ, раздувала недовольство во внутреннихъ областяхъ государства и изъ самаго сердца Ломбардіи подавала руку на союзъ съ отъявленными врагами лангобардскаго владычества въ Италіи. Римская интрига прошла насквозь все государство и черезъ лагерь Дезидерія перебрасывала руководительную нить завоевателю. Лишь одинъ Беневентъ оставался чуждъ этой интригѣ, и то потому, что за нимъ смотрѣлъ вѣрный глазъ Арихиза, въ которомъ король имѣлъ зятя и вмѣстѣ преданнаго ему человѣка. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если та же самая измѣна указала франкамъ тайные пути черезъ Альпы и завела ихъ въ тылъ Дезидерію, когда онъ можетъ-быть ожидалъ ихъ отступленія. Не даромъ одно темное извѣстіе упоминаетъ о проводникѣ, будто бы послужившемъ франкамъ при переходѣ, другое же прямо говоритъ, что Дезидерій былъ выданъ Карлу руками недовольныхъ [2]). Впрочемъ средства

---

[1]) См. Murat. Antiqq. Ital. Dissert. 67 и его Ann. ad an. 774. — [2]) См. Chron. Novalic. c. 10 и Anon. Saler. ibid.

могли быть тѣ или другія — вѣрно то, что не недостатокъ мужества и ошибки въ распоряженіяхъ погубили Дезидерія и съ нимъ самое государство, но измѣна и предательство своихъ, опутанныхъ римскою интригою.

Даже и послѣ катастрофы, постигшей ополченіе лангобардовъ у горныхъ проходовъ, Дезидерій не потерялъ совершенно присутствія духа и твердо держался въ Павіи. Извѣстно впрочемъ, что это уже было послѣднее убѣжище лангобардскихъ королей, поставленныхъ между силою Каролинговъ и римскою интригою. Какъ ни велики были трудности, которыя представляла осада укрѣпленнаго города, защищаемаго мужественнымъ королемъ и вѣрнѣйшими его сподвижниками, Карлъ настолько уже вошелъ въ свое предпріятіе, что никакія препятствія не могли болѣе поколебать его намѣренія. Въ умѣ его была уже рѣшена погибель Дезидерія и его государства. Онъ хорошо зналъ, что отъ него потребуется еще много усилій, и не разсчитывая на скорое возвращеніе во Францію, призвалъ къ себѣ все свое семейство. Осада, лучше сказать, тѣсное обложеніе Павіи въ самомъ дѣлѣ длилось потомъ цѣлую зиму, и однако безъ всякаго успѣха. Карлъ конечно не оставался все это время недѣятельнымъ. Пока главныя силы его находились у Павіи, онъ самъ съ избранными отрядами предпринималъ родъ военныхъ экскурсій во внутренность страны. Въ одной изъ нихъ онъ доходилъ до самой Вероны, и хотя не могъ взять города, однако воротился не съ пустыми руками: предупреждая гнѣвъ побѣдителя, вдова и дѣти Карломана вмѣстѣ съ Аутхаромъ добровольно сдались ему на милость [1]). О дальнѣйшей ихъ участи молчатъ историки. Въ другомъ подобномъ походѣ Карлъ переходилъ р. По и покорилъ своей власти многіе лангобардскіе города. Но Павія продолжала держаться съ прежнимъ упорствомъ. Прошла зима, и наступилъ праздникъ Пасхи, а дѣло нисколько не подвигалось. Между тѣмъ продолжительное отсутствіе Карла изъ Франціи начинало невыгодно отзываться въ отдаленныхъ краяхъ его обширнаго государства. Безпокойные саксы поднялись первые, и въ той надеждѣ, что рука мстителя не настигнетъ ихъ скоро, снова угрожали германскимъ владѣніямъ Каролинговъ. Вторженіе ихъ въ сопредѣльныя земли гессовъ или древнихъ хаттовъ (Hassorum) кончилось, по обыкновенію, разореніемъ страны [2]).

---

1) Anast. ibid. — Что Верона не была еще взята при этомъ случаѣ, см. Murat. Ann. ad an. 774.—2) См. Ann. Einh. ad an. 774.

Однако и это важное обстоятельство нисколько не смутило Карла и не измѣнило его рѣшимости. Вмѣсто того, чтобы спѣшить на сѣверъ, онъ отправился далѣе, на югъ, въ намѣреніи праздновать Пасху въ самомъ Римѣ. Тамъ встрѣтили его со всѣми почестями, *съ какими нѣкогда принимали экзарховъ* [1]. По распоряженію епископа, первая почетная встрѣча сдѣлана была ему еще за 30 миль отъ города. Ближе къ Риму дожидалась его римская милиція съ миртовыми и оливными вѣтвями въ рукахъ. Сначала привѣтствовали Карла мальчики, а потомъ, вслѣдъ за ними, всѣ хоромъ воспѣли ему хвалебную пѣснь. Затѣмъ вышли къ нему навстрѣчу со крестами, и наконецъ самъ епископъ, со всѣмъ духовенствомъ и съ народомъ, торжественно принялъ его на ступеняхъ храма св. Петра. Они обнялись, какъ два человѣка, тѣсно соединенные однимъ интересомъ, и потомъ Карлъ взялъ епископа за правую руку. Вся церемонія кончилась уже въ храмѣ, при пѣніи всѣми присутствующими „Благословенъ грядый во имя Господне". Такой пріемъ долженъ былъ не только польстить королю франковъ, но нѣкоторымъ образомъ даже возвысить его въ собственныхъ глазахъ. И потомъ все время, пока онъ оставался въ Римѣ, его чествовали какъ самаго высокаго гостя, какой только когда-либо посѣщалъ Римъ. Адріанъ почти не отпускалъ его отъ себя. Въ бесѣдахъ между собою они лучше узнали другъ друга, еще больше убѣдились во взаимности своихъ интересовъ, и мысленно уже дѣлили между собою государство лангобардовъ. Пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа своего союзника, Адріанъ тогда же предложилъ ему подписать новую дарственную грамоту, въ которой, подъ предлогомъ прежнихъ обѣщаній Каролинговъ римскому престолу, содержалось бы подтвержденіе новыхъ уступокъ ему городами и цѣлыми территоріями [2]. Карлъ, говорятъ, согласился безъ

---

1) Собственныя слова Анастасія: sicut mos est ad exarchum, aut patricium suscipiendum.—2) По словамъ Анастасія, римскій епископъ распространялъ свои притязанія уже не только на всю Эмилію (Парма, Реджіо и пр.), герцогство сполетское и беневентское, но даже на Венецію, Истрію и Корсику. Въ такихъ размѣрахъ требованія римскаго престола конечно становятся невѣроятными. Особенно трудно повѣрить, чтобы Адріанъ хотѣлъ уже распространить свою власть на Венецію и Истрію, къ чему онъ не имѣлъ ни малѣйшаго предлога. Итакъ въ показаніи Анастасія есть неоспоримое преувеличеніе. Но нѣтъ причины не вѣрить, что Карлъ дѣйствительно не сдѣлалъ при этомъ случаѣ новыхъ обѣщаній римскому престолу. Указанія на нихъ не разъ встрѣчаются въ послѣдующихъ отношеніяхъ между Карломъ и Адріаномъ. Ср. Murat. Ann. ad *an. 774.*

прекословія. Неудивительно: онъ такъ полюбилъ Италію, что сгоряча готовъ былъ на всѣ уступки, лишь бы только сохранить въ ней свою долю. Карлъ былъ еще довольно молодъ и неодинаково умѣлъ противиться всѣмъ искушеніямъ.

Приговоръ, подписанный Дезидерію и его государству въ Римѣ, скоро былъ приведенъ въ исполненіе. Когда Карлъ возвратился изъ Рима, Павія уже едва держалась. Тѣсная блокада, продолжаясь непрерывно почти двѣ трети года, совершенно истощила всѣ ея средства. Запертые со всѣхъ сторонъ, лишенные всѣхъ подкрѣпленій, наконецъ изнуренные голодомъ и болѣзнями, защитники ея дошли до крайности и поколебались духомъ. Когда къ другимъ бѣдствіямъ присоединилась еще смертность, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ, они рѣшились сдать городъ и себя на волю побѣдителя. Договора не было: прямо изъ своего дворца Дезидерій вмѣстѣ съ своею женою перешелъ въ руки Карла, какъ его безусловный плѣнникъ. Недолго послѣ того держалась и Верона: послѣдній представитель королевской власти въ государствѣ лангобардовъ, Адальгизъ, спасая свою голову, бѣжалъ (черезъ Пизу) изъ Италіи и искалъ себѣ убѣжища въ Греціи [1]). Тамъ оставался онъ съ титломъ патриція до конца своихъ дней, напрасно выжидая, что восточный императоръ подвигнется на защиту и возстановленіе правъ его. Плѣнъ Дезидерія и жены его продолжился до самой ихъ смерти. Печальные изгнанники, они умерли гдѣ-то на далекомъ сѣверѣ, немного переживъ паденіе лангобардской независимости. Послѣ взятія Павіи и Вероны, въ странѣ не оказывалось болѣе открытаго сопротивленія франкамъ. Еще оставался непокореннымъ отдаленный Беневентъ, но самостоятельность и цѣлость государства лангобардовъ были навсегда уничтожены.

Обыкновенно историки довольно равнодушно проходятъ это событіе, если только не дѣлаютъ упрековъ поведенію Дезидерія. По нашему мнѣнію, здѣсь есть мѣсто — не упрекамъ и даже не равнодушію, а сожалѣнію. Паденіе лангобардскаго государства есть одно изъ тѣхъ великихъ историческихъ несчастій, отъ которыхъ печальный слѣдъ долго потомъ остается въ исторіи народа и страны. Государство лангобардовъ пало не отъ оплошности, нерѣшительности или слабости своего короля, но отъ римской ненависти, которая со всѣхъ сторонъ вела подъ него подкопы. Никто, за исключеніемъ развѣ одного

---

[1]) См. Paul. Diac: De episcopis Metensibus.

Ліутпранда, не былъ внимательнѣе Дезидерія къ истиннымъ интересамъ лангобардскаго государства; едва ли кому изъ своихъ предшественниковъ уступалъ онъ и въ рѣшимости, когда нужно было употребить чрезвычайныя усилія для сохраненія чести и независимости націи; мы видѣли также, что у него было довольно твердости, чтобы даже послѣ пораженія не искать милости побѣдителя и защищаться противъ него до послѣдней крайности. Но какой плодъ могли принести самыя благородныя усилія, когда римская интрига подъѣдала ихъ въ самомъ корнѣ? Въ то время какъ Дезидерій ждалъ непріятеля извнѣ, и стоя у тѣснинъ, наблюдалъ его появленіе на горныхъ высотахъ, у него подъ ногами разступалась родная земля, подточенная измѣною. Государство лангобардовъ пало, но отъ паденія его потерпѣла не одна только самостоятельность лангобардской націи—потерпѣла цѣлая Италія, которая утратила въ этомъ учрежденіи самый вѣрный залогъ своего будущаго политическаго единства и соединенной съ нимъ независимости. Лангобардскій плѣнъ кончился: это значило, что горныя цѣпи, лежащія на сѣверо-западѣ Италіи, перестали быть раздѣляющею чертою между нею и владѣніями Каролинговъ.

XII.

Измѣненіе въ характерѣ римскаго патриціата. Распространеніе власти Каролинговъ на всю лангобардскую Италію. Отношенія Карла Великаго къ Адріану I и римской Италіи вообще. Левъ III. Бѣгство его въ Падерборнъ. Вѣнчаніе Карла императорскою короною. Заключеніе.

Новая римская политика начинала приносить свои плоды. Въ ней какъ будто ожилъ духъ стараго римскаго государства. Другими средствами, она впрочемъ достигала почти тѣхъ же цѣлей. Римъ опять становился центромъ, около котораго сосредоточивалось главное политическое дѣйствіе въ Италіи. Самыя прочныя туземныя учрежденія не выдерживали борьбы съ римскимъ престоломъ, какъ главнымъ органомъ этой политики. Равеннскій экзархатъ, которому нѣкогда принадлежала вся Италія, послѣ 200-лѣтняго существованія превратился въ патримонію римской церкви. Его паденіе немного пережило и самое государство лангобардовъ: и оно, долгое время бывъ грозою Рима, наконецъ не устояло противъ римскаго политическаго искусства. Римскій престолъ оставался безъ совмѣстниковъ и, повидимому, могъ успѣшнѣе чѣмъ когда-нибудь итти далѣе къ своей цѣли, т. е. къ распространенію своей территоріальной власти внутри полуострова.

Понятно, что на очереди были теперь лангобардскія земли. Какъ нетерпѣливо хотѣлъ Адріанъ подчиненія ихъ римскому престолу, можно судить по тому, что еще прежде, чѣмъ рѣшена была судьба государства, онъ уже успѣлъ принять отъ сполетинцевъ присягу въ вѣрности. Присвоивъ себѣ Сполето, онъ могъ, по тому же самому праву, искать и Беневента. Наконецъ, отчего же было не желать „возвращенія св. Петру“,

какъ обыкновенно выражались въ Римѣ, и цѣлой лангобардской Италіи, на которую римскій престолъ имѣлъ ровно столько же правъ, сколько и на экзархатъ до извѣстной дарственной грамоты Пепина? Но — времена перемѣнчивы, а вмѣстѣ съ ними мѣняются люди и самыя положенія. Въ то время какъ римскій престолъ, казалось, былъ всего ближе къ своей цѣли, для него выростали самыя важныя трудности изъ отношеній повидимому весьма благопріятныхъ. Своимъ походомъ противъ Дезидерія Карлъ самымъ рѣшительнымъ образомъ доказалъ римскому престолу, что въ Каролингахъ живетъ попрежнему расположеніе къ нему и готовность защищать его противъ самаго опаснаго врага: однако результаты этого похода далеко не походили на тѣ, которыми Пепинъ заключилъ свои войны съ лангобардами. Ударъ былъ еще сильнѣе, цѣлое государство лангобардовъ сдѣлалось добычею Каролинговъ, но никакая дарственная грамота не передавала новаго завоеванія римскому престолу: оно осталось за самимъ завоевателемъ, и мы увидимъ ниже, что онъ не хотѣлъ отступиться въ пользу своего римскаго союзника даже отъ сполетской области. Преданность Карла римскому престолу, очевидно, не простиралась до пожертвованія собственными выгодами. Уничтожилось прежнее государство независимыхъ лангобардовъ, но на мѣстѣ его тотчасъ же явилось новое лангобардское государство подъ властію Каролинговъ, поддерживаемое всею ихъ силою. Римскій престолъ выигрывалъ развѣ въ томъ, что становился ближе къ своему патрицію: но зачѣмъ еще нуженъ былъ ему этотъ патрицій, когда не стало главнаго повода, который до сего времени заставлялъ римскихъ епископовъ дорожить его союзомъ? Римскій патриціатъ былъ учрежденъ прямо противъ лангобардовъ: какъ скоро опасность съ этой стороны миновала, кончилась и главная потребность защиты противъ нея, и покровительство патриціата римскому престолу теряло свою прежнюю цѣнность. Во всякомъ случаѣ, конечно, для римскаго епископа было гораздо лучше имѣть въ королѣ лангобардовъ вѣрнаго союзника себѣ, чѣмъ несговорчиваго соперника; но въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ сильнаго союзника были также и свои важныя невыгоды. Съ нимъ нельзя было поступать, какъ со врагомъ; если можно было чего ожидать впередъ, то развѣ отъ его милости и снисхожденія; интригѣ же, подорвавшей лангобардскую самостоятельность, здѣсь вовсе не было мѣста. Даже не дѣлая предположенія о возможности разрыва между римскимъ престоломъ и его патриціемъ, послѣ того какъ онъ

заступилъ мѣсто короля лангобардовъ, нельзя не видѣть, что прежнія отношенія между ними во многомъ существенно измѣнились. Патриціатъ, соединившись съ королевскою властію въ государствѣ лангобардовъ, вступалъ въ новую фазу своего развитія, и римскій престолъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ на лангобардскую Италію.

Впрочемъ развитіе патриціата, какъ скоро онъ утвердился въ самой Италіи, не могло уже ограничиться однѣми лангобардскими землями. Какъ самое сильное изъ всѣхъ учрежденій на полуостровѣ, патриціатъ естественно долженъ былъ оказывать нѣкоторое давленіе и на земли съ нимъ сосѣдственныя. Завоеваніе лангобардскаго государства, уничтожая то пространство, которое до сего времени раздѣляло римскую область отъ Франціи, прежде всего подвергало вліянію Каролинговъ владѣнія римскаго престола. При самомъ добромъ согласіи между двумя учрежденіями, римская Италія впрочемъ не могла уже совершенно уклониться отъ прямого или косвеннаго каролингскаго преобладанія. Здѣсь, какъ намъ извѣстно, никогда не было недостатка въ элементахъ неудовольствія и раздѣленія, и какъ римскій политическій авторитетъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы держать ихъ въ повиновеніи своими собственными средствами, то постороннее посредничество между ними становилось совершенно неизбѣжнымъ. Какая бы сторона ни воспользовалась помощію Карла—самого ли епископа, или его политическихъ противниковъ, во всякомъ случаѣ вмѣшательство патриція во внутреннія дѣла самой римской Италіи, хотя бы и безъ вооруженной силы, не могло обойтись безъ нѣкотораго ущерба для ея независимости. При этомъ не надобно терять изъ виду, что возможность такого вмѣшательства была не только въ экзархатѣ и Пентаполисѣ, но даже и въ самомъ Римѣ: ибо власть епископа нигдѣ не была менѣе обезпечена противъ наглости и буйства партій, какъ въ самой его резиденціи. Даже Дезидерію однажды досталась роль укротителя римскихъ партій и покровителя тамошняго епископа; если бы еще разъ повторились подобныя обстоятельства (а въ этомъ не было ничего невозможнаго), то само собою разумѣется, что *каролингскій* король лангобардовъ еще скорѣе былъ бы призванъ въ Римъ, и ужъ конечно не разстался бы съ нимъ даромъ.

Къ той же цѣли необходимо вело патриціатъ и его собственное, внутреннее саморазвитіе. Что онъ способенъ былъ развиваться, это доказалъ Карлъ, соединивъ въ своемъ лицѣ обязанность римскаго патриція съ достоинствомъ короля лангобар-

довъ. Но здѣсь развитіе не могло остановиться; напротивъ, это было только начало дальнѣйшаго движенія. По какой бы причинѣ Карлъ ограничился лишь Павіей? Ужъ приличнѣе было бы ему, какъ преемнику экзарховъ въ извѣстномъ смыслѣ, остановиться въ Равеннѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ борьба установилась прямо между римскимъ и лангобардскимъ началами, Равенна перестала быть посредствующимъ членомъ и понемногу совершенно утратила свое прежнее политическое значеніе. Изъ Павіи ужъ не стоило болѣе труда заходить въ Равенну, когда можно было прямою дорогою достигнуть Рима и тамъ покончить все дѣло. А развитіе патриціата, если только ему суждено было дойти до конца, какъ мы видѣли, дѣйствительно должно было заключиться не иначе, какъ въ Римѣ. Прежніе патриціи, или экзархи, были въ Италіи лишь представителями власти *императорской*: отъ императоровъ заимствовали они свое полномочіе, отъ ихъ имени управляли страною. Такимъ образомъ самое понятіе патриціата необходимо приводило къ понятію о другой, высшей власти, при которой только онъ и былъ дѣйствителенъ. Новымъ патриціямъ несвойственно было, какъ независимымъ и самостоятельнымъ королямъ, быть чьими бы то ни было представителями; если они хотѣли вполнѣ опредѣлиться въ своей новой власти, имъ необходимо было уничтожить ея производный характеръ, а это они могли сдѣлать не иначе, какъ сливъ ее въ одно съ тѣмъ авторитетомъ, котораго она была лишь неполнымъ отраженіемъ. Однимъ словомъ, послѣднее опредѣленіе патриціата было во власти императорской. Это не значило, безъ сомнѣнія, что Каролинги должны были искать себѣ короны Юстиніана и отправляться за нею въ Константинополь: гораздо естественнѣе и проще можно было то же самое сдѣлать въ Римѣ на основаніи тѣхъ преданій, которыя сохранились и еще живы были въ народной памяти отъ временъ Западной Римской имперіи. Сюда вело крайнее развитіе римскаго патриціата. Карлъ обладалъ необыкновенною смѣтливостію. Отъ мысли его не ускользало ни одно изъ современныхъ отношеній. Идея же, которая разъ проникла въ его голову, не залеживалась въ ней праздною, а начавши дѣйствовать, Карлъ не умѣлъ останавливаться на половинѣ дороги. Никто конечно не будетъ утверждать, что Карлу тогда же уяснился весь планъ будущаго развитія: мысль, въ началѣ смутная, могла разъясняться вмѣстѣ съ ходомъ событій. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что съ завоеваніемъ лангобардскаго государства у Карла соединялась уже мысль о

покореніи цѣлой Италіи [1]). Иначе впрочемъ едва ли и могло быть, когда самая важная часть римской Италіи, т. е. Римъ съ его областію, со времени отторженія ихъ отъ Восточной имперіи, оставались безъ главы юридически установленнаго: ибо Римъ никѣмъ не былъ переданъ формально во власть епископа. Съ другой стороны, внушенія самого Адріана должны были наводить Карла на ту же самую мысль. Состоя съ нимъ въ частой перепискѣ, Адріанъ никогда не пропускалъ случая превознести похвалами величіе своего патриція: возвышалъ его передъ всѣми властителями земли, обѣщалъ ему именемъ апостола побѣду надъ всѣми врагами, называлъ его спасителемъ церкви и римскаго народа, христіаннѣйшимъ королемъ и даже „новымъ императоромъ Константиномъ", и заранѣе превозносилъ его будущее господство надъ всѣми народами [2]). Онъ только что не говорилъ прямо, что Карлъ достоинъ носить корону римскихъ императоровъ. Почти постоянный успѣхъ, сопровождавшій воинственныя предпріятія Карла, былъ для него лучшимъ истолкователемъ подобныхъ внушеній. Чѣмъ дальше простирался онъ въ своихъ завоеваніяхъ, тѣмъ больше по головѣ его приходился вѣнецъ, которымъ время отъ времени манилъ его воображеніе римскій епископъ, вѣнецъ высшаго покровителя всего христіанства и побѣдителя всѣхъ враждебныхъ ему народовъ.

Итакъ распространеніе власти Каролинговъ на римскую Италію и самый Римъ было почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ завоеванія лангобардскаго государства. Занятые исключительно

---

[1]) Cum nobilissimam Longob. civitatem cum suis civibus omnibus nostro dominatui subjugaverimus, et *Italiam totam* nostro imperio feliciter subjugaverimus, etc.—писалъ Карлъ къ Оффѣ, королю Мерціи, вѣроятно около времени послѣдняго своего похода въ Италію. См. Bouquet, V, 620. Эти собственныя слова Карла, взятыя изъ его переписки, тѣмъ драгоцѣннѣе, что прочіе источники изъ его исторіи носятъ на себѣ болѣе или менѣе оффиціальный характеръ: если нельзя утверждать прямо, что они вездѣ стараются скрывать истинныя его намѣренія, то и нельзя не замѣтить, что они какъ бы намѣренно умалчиваютъ о нихъ, ссылаясь на свое мнимое или истинное незнаніе, которому однако трудно повѣрить. (См. особенно Einh. Vita Karoli). Вообще вопросъ объ источникахъ исторіи Карла Великаго требовалъ бы новаго переизслѣдованія. — [2]) Quia ecce novus christianissimus Dei *Constantinus imperator his temporibus surrexit*, per quem omnia Deus s. suae ecclesiae bb. App. principis Petri largiri dignatus est. — Et inantea magnam habeto fiduciam, quia ejus suffragiis, tuis regalibus vestigiis ceteras barbaras nationes omnipotens Dominus substernet.—Nos quidem die noctuque nunquam desistimus—suppliciter exorare, ut victorem te super omnes barbaras nationes faciat, quatenus omnes sub tuo brachio humiliati, vestigia pedum tuorum prorsus osculentur. См. Cod. Car. NN 49, 51, 53, 62, etc., etc.

своимъ стремленіемъ превратить всю Италію въ свою патримонію, и ужъ думая быть у своей цѣли, римскіе епископы сами не замѣчали, какъ пролагали Каролингамъ путь къ Риму и указывали имъ даже ту форму, подъ которою они могли утвердить надъ нимъ свое господство. Когда же такъ ясно обозначалась цѣль впереди, при извѣстныхъ свойствахъ завоевателя не могло быть сомнѣнія и въ томъ, что онъ не останется позади ея. Поэтому мы отсюда уже можемъ смотрѣть на Италію въ ея ближайшемъ будущемъ какъ на достояніе Каролинговъ, и для полноты нашего обзора намъ остается лишь прослѣдить цѣпь тѣхъ событій, черезъ которыя римскій патриціатъ долженъ былъ пройти по завоеваніи Павіи, чтобы увѣнчаться послѣднимъ вѣнцомъ въ Римѣ.

Какъ всякое большое предпріятіе, дальнѣйшее развитіе каролингскаго патриціата на италіанской почвѣ представляло еще свои важныя трудности. Первая состояла въ томъ, что Карлу нельзя было простираться впередъ внутри Италіи, не утвердивъ своей власти во всѣхъ лангобардскихъ земляхъ безъ исключенія. Ибо покореніемъ Павіи, Вероны и смежныхъ съ ними областей было положено только начало дѣлу. Другія же, болѣе отдаленныя земли или признали власть Карла лишь по имени, или, какъ Беневентъ, остались для нея вовсе неприкосновенными. Кромѣ того, въ Константинополѣ, куда бѣжалъ послѣдній законный преемникъ власти лангобардскихъ королей, постоянно готовились разныя махинаціи для возстановленія независимости лангобардскаго государства. Употребивъ всѣ свои силы, Карлъ могъ бы конечно, тотчасъ по покореніи Павіи, однимъ разомъ довершить свое завоеваніе и тѣмъ предупредить всѣ покушенія лангобардскихъ эмигрантовъ, направленныя противъ франкскаго владычества; но, имѣя почти всегда на рукахъ у себя нѣсколько одновременныхъ и обширныхъ предпріятій, онъ обыкновенно долженъ былъ, еще не докончивъ одного, возвращаться къ другому. Мы видѣли, что еще продолжалась осада Павіи, какъ неукротимые саксы опять взялись за оружіе. Надобно было имѣть духъ Карла, чтобы нисколько не поколебаться при этой тревогѣ и вести свое дѣло съ прежнею настойчивостію. Но какъ скоро Павія была взята, и Дезидерій находился въ вѣрныхъ рукахъ, Карлъ не могъ болѣе медлить. Оставивъ гарнизонъ въ Павіи и поручивъ власть въ завоеванной Ломбардіи своимъ намѣстникамъ, онъ въ самомъ дѣлѣ отправился самъ на защиту сѣверо-восточныхъ предѣловъ своего наслѣдственнаго государства. Въ странѣ,

едва покоренной въ половину, преждевременное удаленіе завоевателя не могло пройти безъ важныхъ послѣдствій. Въ лангобардахъ свободнѣе заговорило оскорбленное національное чувство; честь народа требовала возстановленія его независимости. Общее несчастіе опять соединяло тѣхъ, которыхъ прежде раздѣлила интрига. Между лангобардами начиналось глухое броженіе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ готовились даже прямо къ возстанію. Зрѣлъ обширный заговоръ, котораго прямою цѣлію было изгнаніе франковъ изъ Италіи. Сильные лангобардскіе герцоги, въ томъ числѣ даже нѣкоторые изъ прежнихъ враговъ Дезидерія, были теперь во главѣ этого предпріятія. На сѣверо-востокѣ главнымъ двигателемъ его былъ герцогъ фріаульскій, Ротгаудъ: онъ замышлялъ, нарушивъ присягу, данную имъ Карлу въ вѣрности, поднять противъ него всю лангобардскую Италію [1]). Не невѣроятно предположеніе, что и самъ знаменитый аббатъ Ансельмъ не отказывался помогать ему своимъ совѣтомъ и вліяніемъ [2]). Герцогъ беневентскій, Арихизъ, былъ самою важною опорою тѣхъ же замысловъ на югѣ: ему тѣмъ легче было приступить къ подобному дѣлу, что онъ не былъ связанъ никакою присягою. Герцогъ сполетскій, Гильдебрандъ, тотъ самый, который клялся въ вѣрности римскому престолу, и герцогъ клюзійскій (Clusinae civitatis), Регинальдъ, были какъ бы средними членами, которыми связывались концы этой длинной цѣпи лангобардскаго заговора [3]). Душою же всего предпріятія былъ Адальгизъ, который, оставаясь въ Константинополѣ, не переставалъ сноситься, вѣроятно черезъ Фріауль и Венецію, съ лангобардскою Италіею и обѣщать ей помощь восточнаго императора. Герцоги, принимавшіе участіе въ заговорѣ, также находились между собою въ частыхъ сношеніяхъ. Въ Сполето сходились послы Ротгауда, Регинальда и Арихиза. Такъ составился планъ открытаго нападенія на франковъ и ихъ союзниковъ въ Италіи. Положено было—въ мартѣ слѣдующаго года (776), соединенными силами и съ помощію грековъ, дѣйствовать сначала противъ Рима, захватить епископа, и потомъ уже направить общія усилія противъ франковъ въ лангобардской Италіи [4]). Хранимое въ тайнѣ и дружно исполненное въ свое время, это предпріятіе легко могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Но трудно было уберечь тайну, когда приготовленія дѣлались на такомъ обширномъ простран-

---

[1]) См. Ann. Bertin. ad an. 775. — [2]) См. Leo, Gesch. v. Ital. 1, 205. — [3]) См. Cod. Car. № 59 (Bouquet, V, 549). — [4]) Ibidem.

ствѣ, и притомъ почти въ виду у римлянъ и франковъ, находившихся въ Ломбардіи. Самого Карла хотя и не было въ Италіи, но вѣрный его союзникъ неусыпно слѣдилъ не только за движеніями, но даже за самыми намѣреніями лангобардовъ. Онъ имѣлъ для того различныя средства: одни извѣстія приходили къ нему черезъ его собственныхъ повѣренныхъ, другія—черезъ мѣстныхъ епископовъ, которые находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ римскимъ и тайно передавали ему всѣ лангобардскіе замыслы [1]). Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія о лангобардскомъ заговорѣ Адріанъ поспѣшилъ сообщить Карлу. Донесенія королевскихъ миссовъ, находившихся въ Италіи, вѣроятно подтверждали то же самое. Никто лучше самого Карла не могъ обсудить важности этихъ извѣстій. Чтобы имѣть возможность спасти свои новыя пріобрѣтенія въ Италіи, которыя были ему особенно дороги, онъ рѣшился даже остановить на время военныя дѣйствія противъ саксовъ—что́ значило дать имъ время оправиться и опять собраться съ силами—и еще разъ мѣняя направленіе, съ величайшею поспѣшностію снова отправился за Альпы, сопровождаемый цвѣтомъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ [2]). Быстрое и неожиданное появленіе его въ Италіи разстроило весь планъ заговорщиковъ. Они застигнуты были имъ прежде, чѣмъ успѣли соединить свои силы. Первый и самый страшный ударъ палъ на голову Ротгауда, герцога фріаульскаго: побѣжденный въ неравной битвѣ, онъ былъ казненъ, и весь Фріауль былъ опять приведенъ къ покорности. Та же самая участь ожидала и прочихъ соумышленниковъ Ротгауда—въ Клюзіумѣ, Сполето и другихъ мѣстахъ; уничтожая ихъ поодиночкѣ, Карлъ наконецъ могъ достать и самого Арихиза, который до сихъ поръ уходилъ отъ его рукъ и власти. Но какъ этотъ второй походъ въ Италію былъ лишь урывкомъ отъ большой войны съ саксами, то онъ необходимо требовалъ извѣстной срочности. Спѣша опять обратно во Францію, Карлъ долженъ былъ довольствоваться лишь первыми успѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, едва только возвратился онъ изъ своего похода, какъ гонецъ, прибывшій съ сѣвера, привезъ извѣстіе о новомъ опасномъ возстаніи саксовъ: они взяли и разорили до основанія Эресбургъ и угрожали другому укрѣпленію, Сигисбургу [3]). Итакъ завоеваніе лангобардскихъ

1) Какъ это видно особенно изъ Cod. Car. N 20.—2) Strenuissimum quemque suorum secum ducens, raptim Italiam proficiscitur. Ann. Einh. ad an. 775.—3) *См. Ann.* Bertin. ad an. 776.

земель и на этотъ разъ не могло быть приведено къ окончанію; но, покидая Италію, Карлъ, чтобы не оставлять позади себя никакихъ опасныхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ въ покоренныхъ областяхъ, рѣшился положить конецъ существованію въ нихъ лангобардскихъ авторитетовъ и замѣнить ихъ франками. Фріауль первый подвергся этому важному нововведенію. Низложивъ Ротгауда, Карлъ, хотя и назначилъ на его мѣсто новаго герцога, по имени Маркарія, но роздалъ города его области своимъ франкамъ, которые должны были управлять ими подъ именемъ графовъ. Была ли эта мѣра приложена въ то же самое время и къ другимъ лангобардскимъ герцогствамъ, не извѣстно за достовѣрное [1]. Какъ бы то ни было впрочемъ, въ лангобардской Италіи было положено начало франкскимъ учрежденіямъ, и рано или поздно они должны были вытѣснить собою лангобардскія.

За лангобардскимъ началомъ оставалась еще южная Италія. Герцогство беневентское, счастливо избѣжавшее послѣднихъ переворотовъ, было еще довольно просторнымъ убѣжищемъ для свободныхъ лангобардовъ. Самое паденіе государства Арихизъ нѣкоторымъ образомъ обратилъ въ свою пользу: перемѣнивъ герцогское достоинство на княжеское (princeps), онъ чрезъ это объявилъ свою полную самостоятельность. Пока существовалъ независимый Беневентъ, чужое владычество въ Италіи не могло похвалиться прочностію. Если не самъ по себѣ, то онъ былъ опасенъ своими связями съ цѣлою лангобардскою національностію: ибо ее нельзя еще было считать совершенно отжившею, когда она была только подавлена превозмогающею силою. Наконецъ, независимый Беневентъ составлялъ главный пунктъ опоры для Адальгиза, который, кромѣ ожидаемой помощи отъ имперіи, дѣйствительно могъ надѣяться собрать около своего имени не только людей преданныхъ его отцу, но и всѣхъ недовольныхъ франкскимъ владычествомъ. При этомъ не надобно вовсе терять изъ виду и Тассилона, герцога баварскаго: онъ состоялъ въ той же степени родства съ Адальгизомъ, какъ и Арихизъ, и весьма нетерпѣливо сносилъ надъ собою власть Каролинговъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ всѣ они трое, дѣйствуя дружно,

---

[1]) Лео, ibid. p. 206, положительно утверждаетъ то же самое и о прочихъ герцогствахъ, даже прямо о сполетскомъ; но источники вовсе не говорятъ съ такою опредѣленностію. О Регинальдѣ клюзійскомъ, напротивъ, почти положительно можно сказать, что онъ остался на своемъ мѣстѣ. Ср. Murat. Ann. ad an. 780.—О герцогѣ Маркаріи знаемъ изъ посланія Адріана, подъ N 57.

могли бы еще многое сдѣлать для поддержанія лангобардскихъ учрежденій на полуостровѣ.

Обстоятельства и были благопріятны для Беневента, по крайней мѣрѣ настолько, что ему долгое время вовсе не нужно было опасаться прямого нападенія со стороны франковъ. Причины этому заключались не въ одной только мѣстности Беневента. Гораздо важнѣе были тѣ неудобства, которыя представляло новое направленіе дѣятельности завоевателя. Благодаря внушеніямъ римскаго престола Карлъ болѣе и болѣе входилъ въ роль новаго Константина, котораго первый долгъ—покорять христіанству язычниковъ и другихъ невѣрующихъ. Покорять же на языкѣ Каролинговъ обыкновенно значило побѣждать съ оружіемъ въ рукахъ. Отсюда это необычайное развитіе, которое получила мало-по-малу большая сѣверная или саксонская война и ея ожесточенный характеръ: ибо саксы должны были бороться не только за свою политическую независимость, но и за свободу своихъ вѣрованій, религіозныхъ обычаевъ, цѣлаго культа; германскій языческій міръ отстаивалъ свое послѣднее убѣжище на твердой землѣ Европы; побѣжденный саксъ не иначе возвращался къ пользованію гражданскими правами, какъ черезъ крещеніе. Въ той же самой ревности Карла, конечно, должно искать главнаго побужденія и къ походамъ его въ Испанію, которые онъ открылъ еще въ 778 году, т. е. задолго прежде, чѣмъ можно было предвидѣть рѣшительный исходъ войны сѣверной: направленные противъ послѣдователей ислама, эти походы также должны были содѣйствовать успѣхамъ христіанства въ борьбѣ его съ невѣрующими. Увлеченный этими предпріятіями, Карлъ цѣлые четыре года послѣ своего второго похода за Альпы не могъ найти у себя довольно свободнаго времени, чтобы хотя только посѣтить италіанскія владѣнія. Лишь къ концу 780 года, послѣ новыхъ побѣдъ надъ саксами, которыя на время утвердили миръ въ сѣверныхъ предѣлахъ государства, онъ имѣлъ возможность отправиться въ Италію, праздновалъ Рождество у себя въ Павіи, а къ Пасхѣ слѣдующаго года былъ уже въ Римѣ. Здѣсь крестилъ онъ своего сына Карломана, названнаго потомъ Пепиномъ, при чемъ Адріанъ былъ воспріемникомъ: извѣстно, какъ римскіе епископы дорожили честію быть хотя въ духовномъ родствѣ съ Каролингами. Вслѣдъ за тѣмъ, въ первый торжественный день, этотъ же самый Пепинъ былъ вѣнчанъ римскимъ епископомъ на *царство Италіи* [1]. Понятно,

[1] *Pipinus* in Italiam rex constituitur. См. Ann. Bertin. ad an. 781.

что власть новаго • короля относилась собственно къ Италіи лангобардской, но едва ли совсѣмъ безъ значенія оставалось и это общее титло, которое съ того времени начали прилагать къ королямъ лангобардовъ изъ Каролингскаго дома. Герцога беневентскаго не коснулись и въ этотъ разъ. Гораздо болѣе безпокоилъ Карла своякъ Арихиза, Тассилонъ баварскій, отказывавшій королю въ должномъ повиновеніи. Карлъ не хотѣлъ запутываться въ новую опасную войну съ наслѣдственнымъ главою одного изъ самыхъ сильныхъ германскихъ племенъ и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Римѣ, чтобы убѣдить Адріана принять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Римскіе послы, въ томъ числѣ два епископа, дѣйствительно отправились къ Тассилону и уговорили его явиться въ Вормсъ для соглашенія съ королемъ. Какъ ни малонадежна была мирная покорность со стороны герцога, впрочемъ эта новая заслуга Адріана пріобрѣтала ему и новое право на довѣренность и уваженіе его патриція. Тѣмъ окончилось третье пребываніе Карла въ Италіи: не обнаруживъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Арихиза, онъ въ слѣдующемъ (782) году мирно возвратился во Францію.

Но дни Беневента также были сочтены. Пусть самъ Карлъ и не спѣшилъ распространять на него свою власть: былъ впрочемъ у Арихиза другой гораздо болѣе неутомимый недоброжелатель, который не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Беневентъ оставался независимымъ. Римскій престолъ былъ вѣренъ себѣ въ преслѣдованіи лангобардовъ до конца. Ненависть, погубившая Дезидерія, обратилась теперь преимущественно противъ Арихиза. И средства, избранныя римскимъ престоломъ для его погибели, были тѣ же самыя,—т. е. сколько можно болѣе чернить его въ глазахъ патриція и поселить между ними совершенный раздоръ. Сколь ни остороженъ былъ Арихизъ въ своихъ дѣйствіяхъ, однако Адріанъ никогда не имѣлъ недостатка въ матеріалѣ для обвиненій. Постоянно извѣщаемый черезъ своихъ агентовъ обо всемъ, что́ происходило или готовилось въ Беневентѣ, онъ немедленно передавалъ всѣ эти вѣсти Карлу въ своихъ посланіяхъ и такимъ образомъ питалъ его подозрѣнія относительно намѣреній герцога беневентскаго. Чрезъ Адріана зналъ Карлъ о связяхъ Арихиза съ Ротгаудомъ фріаульскимъ; черезъ него же потомъ узналъ онъ о мнимыхъ или истинныхъ сношеніяхъ того же лица со Львомъ, архіепископомъ равеннскимъ; нѣсколько позже, Арихизу же вмѣнялось въ вину взятіе Террачины неаполитанцами, какъ главному

ихъ совѣтнику; о немъ же говорилось далѣе, что онъ безпрестанно принимаетъ пословъ отъ греческаго намѣстника Сициліи и ежеминутно ждетъ къ себѣ Адальгиза, чтобы вмѣстѣ съ нимъ начать, въ возмездіе Карлу, нападенія на римскую область, и т. п. [1]). Во всемъ этомъ могло быть много и правды; но въ римскихъ донесеніяхъ и самая правда являлась непремѣнно въ преувеличенномъ видѣ [2]). При такомъ посредникѣ, какъ Адріанъ, Арихизу почти невозможно было уйти отъ гнѣва короля франковъ и избѣжать участи Дезидерія. Даже удивительно, какъ особенно третье пребываніе Карла въ Италіи обошлось безъ похода въ Беневентъ. Впрочемъ назначеніе Пепина королемъ Ломбардіи уже приближало развязку. Какъ молодой, неопытный человѣкъ, онъ на своемъ важномъ постѣ естественно долженъ былъ руководиться чужими совѣтами—и чьими скорѣе, какъ не своего крестнаго отца, который притомъ считался другомъ его родителя? Плодомъ этихъ совѣтовъ, какъ можно подозрѣвать по крайней мѣрѣ, были воинственныя предпріятія молодого Пепина, направленныя противъ Беневента, при чемъ впрочемъ нѣтъ никакой нужды предполагать, что совѣты Адріана расходились съ желаніями самого Карла. Къ сожалѣнію, о походахъ Пепина дошли до насъ лишь самыя темныя извѣстія [3]): изъ нихъ видно только, что Арихизъ приготовился какъ слѣдуетъ къ оборонѣ (заключивъ миръ съ неаполитанцами, съ которыми до того времени былъ въ войнѣ) и защищался храбро, и что до прибытія Карла въ Италію не произошло между противниками ничего рѣшительнаго. Итакъ, чтобы совершенно покончить съ лангобардами, необходимо было присутствіе на мѣстѣ самого патриція. Цѣлые три года еще удерживала его война съ саксами, которая въ это время достигла крайней степени ожесточенія. Карлъ нѣсколько разъ ходилъ до Везера и Эльбы, предавая окрестную страну нещадному опустошенію. Наконецъ, въ 785 году, главные вожди саксовъ, Ведекиндъ и Альбіонъ, доведенные до крайности, явились къ Карлу съ покорною головою и приняли крещеніе. Наступило затишье. Саксы, истощенные своими усиліями, присмирѣли. Успокоенный съ этой стороны, Карлъ въ слѣдующемъ году рѣшился еще разъ перенести свое оружіе въ Италію. Это былъ настоящій походъ: большое ополченіе франковъ сопровождало Карла въ пути [4]). Перейдя Альпы среди суроваго

---

1) См. Cod. Car. №№ 59, 52, 64, 66, etc.—2) Ср. Murat. Ann. ad an. 787.—3) См. Erchemperti Hist. Langobardorum, ad an. 781 et seqq.—4) См. Ann. Einh. *ad an. 786.*

зимняго времени, онъ былъ къ празднику Рождества во Флоренціи и потомъ съ величайшею поспѣшностію переправился въ Римъ. Здѣсь, въ бесѣдахъ съ Адріаномъ, окончательно установилось его намѣреніе положить конецъ независимому существованію Беневента [1]). Заслышавъ, что готовится гроза, Арихизъ спѣшилъ предотвратить ее благовременною уступчивостію и выслалъ въ Римъ старшаго своего сына Ромуальда съ дарами. Но въ Римѣ ли, вблизи ли римскаго престола, было надѣяться расположить Карла въ пользу лангобардской независимости? Подарки нисколько не подѣйствовали, Ромуальдъ былъ задержанъ, и вмѣсто отвѣта Карлъ со всѣмъ своимъ войскомъ переступилъ предѣлы беневентской области. Война открылась осадою Капуи. Бороться съ такимъ противникомъ одному Арихизу было не подъ силу; помощи ни откуда не было, и онъ принужденъ былъ, покинувъ Беневентъ, бѣжать въ болѣе крѣпкій Салерно. Отсюда отправилъ онъ къ Карлу другое посольство, съ изъявленіемъ полной покорности и съ предложеніемъ обоихъ сыновей въ заложники. Карлъ удовлетворился. Принявъ Гримоальда, младшаго сына Арихиза, онъ отослалъ старшаго къ отцу, а вмѣсто его потребовалъ еще одиннадцать заложниковъ отъ народа. Послѣ того особые комиссары привели къ присягѣ какъ самого герцога, такъ и весь народъ беневентскій. Такъ закрылось и послѣднее убѣжище лангобардской независимости въ Италіи. Погибла навсегда свобода благородной націи лангобардовъ, но римская ненависть пережила даже ихъ политическую смерть. Это очень ясно обнаружилось по случаю смерти Арихиза. Потерявъ независимость, онъ вслѣдъ за тѣмъ лишился старшаго своего сына и вкорѣ потомъ умеръ самъ отъ огорченія. Когда беневентцы, оставшись безъ герцога и даже безъ прямого наслѣдника его власти, просили Карла отпустить къ нимъ Гримоальда, бывшаго при немъ въ качествѣ заложника, Адріанъ тотчасъ вмѣшался въ это дѣло, и подъ видомъ желанія добра своему патрицію, настоятельно требовалъ отъ него, чтобы онъ никакъ не отпускалъ Гримоальда отъ себя [2]). При этомъ случаѣ онъ, разумѣется, не пожалѣлъ самыхъ черныхъ обвиненій, чтобы какъ можно болѣе заподозрить вѣрность беневентцевъ въ глазахъ ихъ побѣдителя. Но Карлъ былъ гораздо великодушнѣе своего союзника: не внимая его представленіямъ, онъ

---

1) Ср. Leo, 1, р. 229.—2) См. Cod. Car. № 90.

отпустилъ Гримоальда, и по крайней мѣрѣ въ первые годы его правленія не имѣлъ особенныхъ причинъ раскаяваться.

Замѣчательно также, что политическій ударъ постигшій Беневентъ, почти съ тою же силою отразился на отдаленной Баваріи. Еще Карлъ былъ въ Римѣ, какъ герцогъ Тассилонъ прислалъ къ Адріану пословъ, изъявляя желаніе мира съ королемъ франковъ и прося его быть посредникомъ между ними. Карлъ оставилъ это предложеніе почти безъ отвѣта, но, по возвращеніи во Францію, опять началъ готовиться къ походу. Чрезъ нѣсколько времени три большія арміи съ трехъ сторонъ обступили Баварію. Спасая себя отъ конечной бѣды, Тассилонъ лично явился въ лагерь Карла съ повинною головою. Чтобы получить прощеніе, онъ долженъ былъ, въ залогъ вѣрности, отдать Карлу своего сына и еще двѣнадцать заложниковъ. Сверхъ того народъ баварскій, какъ и беневентцы, снова приведенъ былъ къ присягѣ[1]). Такъ, почти въ одно время, были убиты всѣ надежды Адальгиза на успѣхъ въ Италіи, и онъ до конца своей жизни долженъ былъ оставаться изгнанникомъ.

Главный интересъ эпохи впрочемъ представляютъ современныя этимъ событіямъ отношенія римскаго престола къ его патрицію. Вопросъ здѣсь собственно состоялъ въ томъ—какія выгоды приносило римскому престолу завоеваніе лангобардскаго государства франками? На первомъ планѣ, конечно, стоятъ дружественныя связи Адріана съ Карломъ, заступившія мѣсто прежнихъ враждебныхъ отношеній римскихъ епископовъ къ національнымъ королямъ лангобардовъ. Какъ мы видѣли, съ самаго 774 года Адріанъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Карломъ и былъ во всемъ, что́ касалось до лангобардской Италіи, предупредительнымъ его совѣтникомъ и вѣрнымъ союзникомъ. Можно бы сказать, что онъ предупреждалъ самого Карла своимъ усердіемъ къ его интересамъ и былъ самымъ неусыпнымъ хранителемъ ихъ противъ всѣхъ лангобардскихъ замысловъ. Въ своей перепискѣ съ Карломъ особенно, Адріанъ не зналъ какими именами возвеличить его, какими эпитетами выразить свою любовь и преданность къ нему: не довольствуясь прежними, съ которыми обыкновенно римскіе епископы обращались къ своимъ патриціямъ, онъ называлъ его то превосходнѣйшимъ изъ королей, великимъ, Богомъ поставленнымъ, то добрымъ, сладчайшимъ и возлюблен-

[1]) *См.* Ann. Einh. ad an. 787.

лицѣ Льва, архіепископа равеннскаго. До сего времени, какъ мы видѣли, онъ дѣйствовалъ заодно съ римскимъ епископомъ; но какъ только не стало общаго ихъ врага, интересы ихъ тотчасъ же раздѣлились. Имѣя передъ глазами постоянный примѣръ римскихъ епископовъ и идя по слѣдамъ Сергія и нѣкоторыхъ другихъ своихъ предшественниковъ по равеннской каѳедрѣ, Левъ также возымѣлъ намѣреніе быть полнымъ господиномъ своей духовной эпархіи [1]). Обстоятельства казались ему благопріятны, лучше сказать, онъ умѣлъ довольно искусно воспользоваться ими для своей цѣли. Всего удобнѣе было начать съ придаточныхъ городовъ, т. е. Фавенціи, Феррары, Имолы, Болоніи и другихъ, пока еще они не перешли во власть римскаго престола, ибо относительно ихъ можно было обойтись безъ насилія. Какъ видно изъ посланія Адріана, архіепископъ умѣлъ подбиться къ Карлу, расположить его въ свою пользу, и потомъ, конечно не безъ его согласія, занялъ одинъ за другимъ упомянутые города. Послѣ того нетрудно было ему прибрать къ своимъ рукамъ и еще нѣсколько городовъ, сосѣдственныхъ съ первыми, какъ-то: Forum-Populi, Forum-Julii, Чезену, и другіе. Если гдѣ оказались римскіе чиновники (actores), ихъ тотчасъ удалили и замѣнили своими [2]). Мало-по-малу дѣло коснулось и самой Равенны: въ ней также произведены были многія перемѣны въ томъ же самомъ духѣ. Простираясь такимъ образомъ впередъ, Левъ могъ бы отбить у римскихъ епископовъ весь экзархатъ и начать съ ними споръ о первенствѣ въ Италіи. Само собою разумѣется, что Адріанъ никакъ не остался равнодушенъ къ этому расхищенію лучшаго достоянія своего престола. Впрочемъ, если еще можно было поправить дѣло, то опять не иначе, какъ съ помощію патриція. Между тѣмъ Карла въ то время не было въ Италіи, и проситель, чтобы объяснить ему свои нужды, долженъ былъ прибѣгнуть къ перепискѣ, чтó много замедляло ходъ дѣла и благопріятствовало успѣхамъ архіепископа. Адріанъ, обыкновенно довольно умѣренный, выходилъ изъ себя, называлъ Льва „мятежникомъ", обвинялъ его въ связяхъ съ Арихисомъ беневентскимъ, и имѣлъ смѣлость даже самому Карлу сказать много горькихъ словъ въ упрекъ за его равнодушіе къ пользамъ римской церкви, которая считаетъ

---

[1]) Что Левъ ссылался на примѣръ Сергія, о которомъ см. выше, видно изъ словъ посланія Адріана: proponens occasionem, in ea potestate sibi exarchatum Ravennatium, quam Sergius arch. habuit, tribui. Cod. Car. № 64.—[2]) Ibidem.

его своимъ единственнымъ защитникомъ и покровителемъ и на него возлагаетъ всѣ свои надежды. Однако и это не помогло просителю. Левъ опять успѣлъ забѣжать впередъ, самъ ѣздилъ во Францію для переговоровъ съ Карломъ, и возвратившись оттуда, положительно утверждалъ, по крайней мѣрѣ о Болоніи и Имолѣ, что эти города предоставлены ему во владѣніе самимъ королемъ [1]). Собственно говоря неизвѣстно, чѣмъ кончился этотъ важный споръ. Судя по тому, что жалобы Адріана относительно городовъ экзархата скоро вовсе прекращаются, съ вѣроятностію можно полагать вмѣстѣ съ Муратори, что онъ наконецъ получилъ желаемое удовлетвореніе [2]). Но съ другой стороны остается почти неменьшая вѣроятность, что архіепископъ успѣлъ удержать за собою хотя нѣкоторые изъ спорныхъ городовъ: ибо никакое извѣстіе не говоритъ, чтобы онъ вдругъ потерялъ все расположеніе Карла и остался совершенно ни при чемъ.

Когда попытки увеличить владѣнія римскаго престола *новыми* землями удавались такъ трудно, или даже вовсе не удавались, Адріанъ возвратился къ старымъ претензіямъ и опять началъ отыскивать по всей Италіи такъ называемыя *патримоніи*, какъ древнее и неоспоримое достояніе римской церкви. Здѣсь онъ могъ ожидать болѣе податливости отъ Карла, ибо дѣло имѣло видъ большей законности. Особенно чувствительна была для римскаго престола потеря сполетской области, которая была ему такъ подручна и казалась уже довольно упроченною за нимъ. Чтобы нѣсколько вознаградить себя за это лишеніе, Адріанъ тотчасъ предъявилъ, но уже подъ другимъ титломъ, права своей церкви на такъ называемый „Сабинскій край“ (Sabinense territorium), лежавшій въ южной Тосканѣ и причислявшійся въ послѣднее время къ сполетскому герцогству, говоря, что земли и города, извѣстные подъ этимъ общимъ названіемъ, изстари составляли римскую патримонію [3]). Требованіе казалось тѣмъ неоспоримѣе, что оно въ нѣкоторой степени признано было даже прежними

---

[1]) См. Cod. Car. №№ 52 и 53. — [2]) Murat. Ann. ad an. 777. Подъ этимъ годомъ приводитъ онъ всѣ обстоятельства спора, полагая не безъ основаній, что онъ не могъ кончиться ранѣе.—[3]) См. Cod. Car. № 69. По мнѣнію Эллендорфа, territorium Sabinense или savinense есть ни что иное, какъ Suanense, отъ Suana, что въ Тосканѣ, 1, п. 182. Вѣроятно сюда же принадлежали Populonia и Rosellae, на которыя римскій епископъ также не замедлилъ объявить притязанія. *См. Cod. Car.* № 91. Ср. также Bouquet, V, 591, п. а.

лангобардскими королями [1]). Карлъ въ свою очередь также не отказался подтвердить право римской церкви на этотъ край во всей его цѣлости (sub integritate). Однако, когда надобно было вступить во владѣніе имъ, сверхъ чаянія оказалось такое множество неодолимыхъ трудностей, что Адріанъ по крайней мѣрѣ въ осьми посланіяхъ долженъ былъ повторить Карлу свою просьбу и жаловаться на его миссовъ, которые, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ, никакъ не хотѣли привести начатаго дѣла къ окончанію [2]). По словамъ самого епископа, главною причиною замедленія были миссы Карла, но и здѣсь едва ли можно предположить, чтобы они дѣйствовали совершенно вопреки волѣ своего короля. Вообще видно, что новые распорядители Италіи весьма неохотно отступались отъ того, что́ однажды попало въ ихъ руки. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла также неизвѣстенъ съ достовѣрностію. Едва ли впрочемъ оно не кончилось тѣмъ же, чѣмъ и другой искъ римскаго епископа, относившійся къ нѣкоторымъ территоріямъ въ Беневентѣ. Объ этомъ послѣднемъ искѣ, благодаря откровенности епископа, мы извѣщены лучше и болѣе. Съ приведеніемъ къ покорности Арихиза, Адріану открылась возможность отыскивать патримоніи и въ беневентскихъ владѣніяхъ. Отъ имени своего престола онъ дѣйствительно не замедлилъ объявить притязанія на нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ даже на Капую. Какъ вездѣ почти, въ Капуѣ тоже нашлись люди, которые очень льстились переходомъ подъ власть римскаго епископа. Нетерпѣніе ихъ было такъ велико, что едва только открылся искъ, какъ они уже явились въ Римъ, чтобы торжественнымъ актомъ засвидѣтельствовать свою покорность новой власти. Принимая отъ нихъ присягу, Адріанъ самъ чувствовалъ, что шагъ былъ слишкомъ поспѣшенъ и потому неосторожень, и чтобы успокоить Карла, писалъ къ нему, что присяга дана капуанцами—на *имя ихъ обоихъ* [3]). Отъ этого впрочемъ зачинаніе его нисколько не выиграло: оно точно оказалось слишкомъ поспѣшнымъ. Послѣ многихъ докучныхъ просьбъ и представле-

---

[1]) См. Cod. Car. № 78. Изъ этого же посланія видно, что жители этого края были большею частію лангобарды.—[2]) Cod. Car. № 90. Quia sunt alii ex missis vestris, qui contemnere moliuntur et foedare vestram sacram oblationem. Ср. также № 86.—[3]) Cod. Car. № 88. Quatenus dum ipsas nostras vobis emisissemus syllabas, post aliquantos dies, praefatos Capuanos in Confessione b. Petri jurare fecimus in fide ejusdem Dei Apostoli *et nostrae atque vestrae* regalis potentiae.

ній онъ, правда, добился того, что Карлъ изъявилъ свое согласіе на возвращеніе римской церкви требуемыхъ ею патримоній. Но самое исполненіе этого рѣшенія вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ епископа. По его же словамъ, королевскіе миссы, явившись на мѣсто съ повѣренными отъ римскаго престола, сдали имъ вездѣ—монастыри, епископскіе дворы, нѣкоторыя другія общественныя зданія и даже ключи отъ городовъ; только относительно ихъ народонаселенія, или самыхъ жителей, объявили, что—вся эта сдача къ нимъ ни сколько не относится! [1]) Такъ понималъ Карлъ Великій право римской церкви на патримоніи: онъ отдавалъ ей стѣны, зданія, а народъ и землю, имъ обитаемую, удерживалъ за собою. „Какъ же"—спрашивалъ въ недоумѣніи епископъ, еще непонявшій всей ироніи, которою проникнуто было это распоряженіе королевскихъ миссовъ—„какъ же будемъ мы управлять этими городами, когда жители, не спрашиваясь насъ, могутъ дѣлать, что́ имъ угодно?"

Не къ этимъ только городамъ—мы могли бы приложить нашъ вопросъ и ко многимъ другимъ, давно состоявшимъ подъ властію римскаго престола. Карлъ былъ правъ, когда такъ неохотно подавался на всякое новое расширеніе свѣтскихъ его владѣній: римскій епископъ не могъ хорошо управиться даже и съ тѣмъ, что́ прежде было пріобрѣтено его церковію. Въ этомъ отношеніи самое паденіе лангобардскаго государства не принесло ему ощутительной пользы. Какъ безсиленъ былъ онъ охранять безопасность своихъ владѣній отъ нападеній внѣшнихъ враговъ даже послѣ катастрофы, уничтожившей самостоятельность лангобардской націи, мы уже видѣли на примѣрѣ нѣкоторыхъ городовъ экзархата, которые едва не присвоилъ себѣ равеннскій архіепископъ, и потомъ на примѣрѣ Террачины, нѣсколько позже занятой неаполитанцами [2]). Чтобы возстановить права своего престола на эти владѣнія, римскій епископъ, хотя то былъ самъ Адріанъ, опять долженъ былъ обращаться къ своему патрицію, опять просить его содѣйствія. Откажи ему патрицій въ своей помощи—тогда нельзя бы было поручиться за цѣлость и без-

---

[1]) Cod. Car. N 86: Sed nulla alia illis tradere voluerunt, nisi episcopia, monasteria et curtes publicas, simul claves de civitatibus sine hominibus; et ipsi homines in eorum potestate introëuntes et exeuntes manent. Передъ тѣмъ рѣчь идетъ о патримоніяхъ, какъ беневентскихъ, такъ и тосканскихъ (Популоніи и Розеллѣ): отсюда мы заключаемъ, что распоряженіе миссовъ относилось также и къ послѣднимъ. *Ср.* также Epist. № 90. – [2]) См. выше, стр. 509.

опасность ни одной римской патримоніи. Овладѣвъ Террачиною, неаполитанцы въ соединеніи съ беневентцами простирали уже свои виды и на нѣкоторые другіе города Кампаніи. Вмѣсто того, чтобы заблаговременно принять свои мѣры для предотвращенія опасности, пока еще она грозила издали, Адріанъ и здѣсь не нашелся ничего лучше сдѣлать, какъ принести жалобы патрицію и просить его о заступленіи[1]). То же самое въ случаѣ частныхъ вторженій, которыя для грабежа предпринимаемы были нѣкоторыми смѣльчаками во внутренность римскихъ земель: иной защиты и опоры не было у епископа, кромѣ того же патриція[2]). Во внутренней администраціи римскихъ владѣній было почти не лучше того: и здѣсь безпрестанно чувствовалась потребность въ сильной рукѣ короля франковъ, какъ для утвержденія мѣстныхъ правительственныхъ авторитетовъ, такъ и для усмиренія внутреннихъ враговъ и вообще для охраненія общественнаго порядка. Мы уже видѣли, какъ не удалась первая попытка Адріана постановить въ городахъ экзархата своихъ чиновниковъ (actores), которые бы, подъ именемъ duces и comites, управляли ими отъ имени римскаго престола. Къ общему извѣстію, приведенному выше, прибавимъ еще одно частное. Нѣкто Доминикъ, рекомендованный епископу самимъ Карломъ, назначенъ былъ правителемъ (comes) небольшого городка Габелло; но только-что онъ занялъ свой постъ, какъ архіепископъ Левъ выслалъ противъ него вооруженную силу (вѣроятно равеннскую милицію), и безпомощный правитель, скованный цѣпями, былъ приведенъ въ Равенну и посаженъ подъ крѣпкую стражу[3]). Можно полагать, что не лучше было поступлено и съ другими, хотя бы они также указаны были вниманію епископа самимъ патриціемъ. Что же такъ плохо удавалось въ экзархатѣ, то еще менѣе могло имѣть успѣха въ прочихъ частяхъ римской Италіи, которыя никогда не составляли прямой собственности римскаго престола. Наконецъ, самая эта администрація, происходившая отъ римскаго авторитета, если гдѣ она и устанавливалась, какъ это повидимому случилось нѣсколько позже въ экзархатѣ, никогда не была достаточно тверда и сильна, чтобы держать подчиненную ей страну или городъ въ повиновеніи, и своими собственными средствами подавлять всѣ возникавшіе въ нихъ безпорядки. Между тѣмъ это было дѣломъ первой необходимости

---

1) См. Cod. Car. № 73. — 2) См. напр. Cod. Car. №№ 60 и 84. — 3) Cod. *Car. № 51.*

въ такой странѣ, какъ римская Италія, гдѣ еще въ первой половинѣ VIII столѣтія были потрясены всѣ мѣстные правительственные авторитеты, и съ того времени накопилось много безпокойныхъ элементовъ, отъ которыхъ благосостояніе и самая жизнь мирныхъ гражданъ были въ постоянной опасности. Римская администрація сама чувствовала свое безсиліе и обыкновенно искала себѣ опоры—опять въ той же власти новаго короля лангобардовъ. Живой примѣръ тому видимъ на Равеннѣ, когда она, какъ надобно полагать, опять воротилась подъ власть римскаго престола. Странное дѣло! Среди мира въ цѣлой странѣ, внутри своихъ стѣнъ и конечно подъ управленіемъ законныхъ властей, мирные жители Равенны терпѣли больше, чѣмъ въ осадѣ, и даже въ своихъ собственныхъ домахъ не находили убѣжища отъ насилія. И откуда было все зло? Два человѣка изъ равеннцевъ же, по имени Элевтерій и Григорій, повидимому принадлежавшіе къ городской знати и располагавшіе большими средствами, взяли такую волю въ городѣ, что никто не могъ унять ихъ буйства. Окруживъ себя толпою вооруженныхъ людей самаго низкаго сорта, они потѣшались надъ безсиліемъ мирныхъ гражданъ и безнаказанно позволяли себѣ въ городѣ разнаго рода насилія и жестокости. Особенно доставалось отъ нихъ бѣдному и беззащитному классу народа. Имъ ничего не стоило ограбить бѣднаго человѣка, отнять у него послѣдній кусокъ хлѣба, даже продать его въ неволю невѣрнымъ. Они смѣялись надъ властію и не знали предѣловъ своему самовольству. Рѣдкій день въ Равеннѣ обходился безъ пролитія крови. Даже церковныя стѣны не были отъ нихъ довольно безопаснымъ убѣжищемъ: однажды они затѣяли буйство во время самой службы и обагрили церковный помостъ кровію убитаго ими человѣка. Все это мы знаемъ изъ посланія самого Адріана, который, видя совершенное безсиліе властей, имъ постановленныхъ или отъ него зависѣвшихъ, принужденъ былъ, по обычаю, просить Карла объ усмиреніи этихъ буйныхъ подданныхъ римскаго престола [1]). Впрочемъ виновные предупредили Адріана: еще онъ не успѣлъ представить своей просьбы и жалобы вмѣстѣ, какъ они уже спѣшили лично явиться къ Карлу, чтобы искать его милости и можетъ-быть даже суда на епископа. Объ окончаніи этого процесса не сохранилось извѣстій, но важно не оно, а то обстоятельство, что подданные римскаго еписко-

---

1) См. *Cod. Car.* № 75.

па ѣздили искать себѣ и оправданія—къ римскому патрицію. Этотъ важный фактъ еще яснѣе подтверждается другимъ посланіемъ Адріана, изъ котораго положительно узнаемъ, что многіе люди изъ экзархата и Пентаполиса, отвергая всякое право римскаго престола производить судъ и расправу, обращались съ своими исками и жалобами прямо къ Карлу, въ которомъ видѣли своего настоящаго и законнаго судью [1]). Какъ видно, въ послѣдніе годы жизни Адріана эти случаи повторялись особенно часто, такъ что въ душѣ епископа, несмотря на всю довѣренность его къ патрицію, возникли нѣкоторыя сомнѣнія, и онъ долженъ былъ просить его—по крайней мѣрѣ *не умалять* приношенія, сдѣланнаго римской церкви еще первымъ ея патриціемъ, но сохранить этотъ даръ во всей его неприкосновенности [2]).

Сообразивъ всѣ эти факты и отношенія, безсиліе римскаго епископа во внутреннемъ управленіи, слабость, часто даже ничтожество поставляемыхъ имъ мѣстныхъ авторитетовъ и происходившую отсюда постоянную зависимость его отъ патриція съ одной стороны, вѣсъ и силу распоряженій Карла, хотя бы даже они касались прямой собственности римской церкви, т. е. ея патримоній, и наконецъ апелляціи къ нему римскихъ подданныхъ съ другой, мы въ правѣ спросить, кто же былъ настоящимъ главою римской Италіи—епископъ Рима или король франковъ? Отвѣтъ едва ли можетъ быть сомнителенъ. Еще не найдено было постоянной формы, въ которой бы опредѣленно выразилось это развитіе патриціата до степени высшей власти даже въ римской половинѣ Италіи, и Карлъ никогда еще не требовалъ формальнаго подчиненія себѣ со стороны римскаго епископа; но послѣдній самъ до того уже проникнулся невольнымъ чувствомъ своей зависимости отъ Карла, что не иначе принималъ во владѣнія самыя патримоніи, вновь возвращаемыя римской церкви, какъ на свое и *его* имя [3]). Еще

---

[1]) Cod. Car. N 85: Ipsi vero Ravenniani et Pentapolenses, ceterique homines, qui sine nostra absolutione ad vos veniunt, fastu superbiae elati, nostra ad justitias faciendas contemnunt mandata, et nullam ditionem, sicut a vobis B. Petro Apostolo et nobis concessa est, tribuere dignantur. И ниже—qualiscunque ex nostris aut pro salutationis causa, aut quaerendi justitiam, ad vos properaverit. Посланіе обыкновенно относятъ къ 789 году. Ср. Муратори подъ тѣмъ же годомъ.—[2]) Ibid. Sed quaesumus vestram regalem potentiam, ut nullam novitatem in holocaustum, quod b. Petro s. recordationis genitor vester obtulit, et vestra excellentia amplius confirmavit, imponere satagat.—[3]) Кромѣ приведеннаго выше мѣста ссылаемся еще на посланіе подъ № 64, гдѣ дѣло идетъ о Террачинѣ, и гдѣ также встрѣчаемъ выраженіе о патримоніяхъ—ut sub vestra atque nostra sint ditione.

виднѣе участіе власти патриція въ управленіи экзархатомъ и Пентаполисомъ: кромѣ того, что дуки, посылаемые въ эти страны для управленія, назначались большею частію по его рекомендаціи, они и потомъ продолжали считаться на службѣ столько же короля франковъ, сколько и римскаго престола [1]). Изъ всей римской Италіи, кромѣ Неаполя и Венеціи, оставался только Римъ съ его областію, на который власть патриція еще не простиралась видимымъ образомъ. Но эта кажущаяся независимость Рима была всего обманчивѣе и ненадежнѣе. Во-первыхъ, Римъ никогда не составлялъ собственности римскаго престола и, слѣдовательно, болѣе всѣхъ его патримоній подверженъ былъ чужимъ притязаніямъ. Во-вторыхъ, для самого епископа нигдѣ столько не чувствовалась потребность въ сильной рукѣ патриція, какъ въ самомъ Римѣ, гдѣ—мы уже видѣли это не на одномъ примѣрѣ — епископскій престолъ такъ легко могъ сдѣлаться добычею политическихъ партій. Адріанъ не даромъ уклонялся отъ всякаго повода къ разрыву съ Карломъ, и какъ ни много имѣлъ онъ причинъ къ неудовольствію на своего патриція, впрочемъ до конца своей жизни не переставалъ увѣрять его, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ своемъ искреннемъ расположеніи и неизмѣнной преданности. Но Адріанъ по своему уму и характеру имѣлъ еще столько авторитета между римлянами, что Карлу ни разу не представился случай выручить его изъ бѣды въ самой его резиденціи. Нельзя было поручиться, что этотъ порядокъ вещей сохранится и по смерти Адріана. Многіе могли занять его постъ, но не легко было наслѣдовать его авторитетъ, политическое искусство, главное же—личныя связи, соединявшія его съ королемъ франковъ. Что же, если бы при преемникѣ Адріана Карлу представился случай вмѣшаться во внутреннія дѣла Рима? Вѣроятно ли, что онъ довольствовался бы только возстановленіемъ порядка въ городѣ и вышелъ бы оттуда съ тѣмъ же, съ чѣмъ вошелъ, т. е. съ титломъ патриція, ничего не прибавивъ къ своимъ прежнимъ правамъ на Италію?

Не таковы были свойства Карла, не къ тому вела исторія, чтобы онъ остановился въ нерѣшимости, когда ему надобно было завершить свою дѣятельность и положить послѣдній камень на вершину воздвигнутаго имъ зданія. До сихъ поръ

---

1) Vestri nostrique fideles—говоритъ Адріанъ о нѣкоторыхъ Константинѣ *и Романѣ, прежде* рекомендованныхъ ему Карломъ. Cod. Car. № 88; ср. также *сказанное выше* о Доминикѣ.

исторія знаменитаго Каролинга была не что иное, какъ безостановочное движеніе впередъ. Въ то время, какъ римскій престолъ, отступая шагъ за шагомъ передъ своимъ патриціемъ, долженъ былъ безпрестанно сокращать свои притязанія и урѣзывать свои требованія, предпріимчивая дѣятельность Карла не переставала съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе расширять свои предѣлы и собирать на головѣ его новую славу. Остановить успѣхи этого движенія могли только—или неодолимыя препятствія, полагаемыя природою, мѣстностію, или несокрушимыя силы новыхъ народностей, вновь выступавшихъ тогда на историческую сцену. Наконецъ на юго-западѣ и сѣверо-востокѣ нашлись эти естественные предѣлы, въ которыхъ должна была заключиться прошедшая и будущая дѣятельность завоевателя: тамъ—живая стѣна арабовъ, здѣсь—густыя массы славянъ и аваровъ. Лишь на Апеннинскомъ полуостровѣ стремленіе остановилось, не достигнувъ своей естественной границы, хотя другихъ препятствій здѣсь не было, кромѣ извѣстныхъ личныхъ отношеній, существовавшихъ между римскимъ епископомъ и его патриціемъ. Понятно, что эта преграда, державшаяся только личными отношеніями, съ ними должна была и кончиться. Смерть Адріана, послѣдовавшая въ концѣ 795 года, въ самомъ дѣлѣ уничтожила послѣднюю уважительную причину, которая еще замедляла движеніе въ одномъ изъ самыхъ важныхъ его направленій; событія же, которыя произошли въ Римѣ послѣ этого обстоятельства, еще болѣе ускорили развязку, съ нѣкотораго времени совершенно неизбѣжную.

Неизвѣстно, подъ какимъ собственно вліяніемъ совершился выборъ преемника Адріану. Онъ носилъ имя Льва (III), былъ простого и кроткаго нрава, и до сего времени занимался больше дѣлами христіанскаго милосердія, чѣмъ политикою [1]). По словамъ Анастасія, онъ былъ избранъ единодушно, хотя едва ли это можетъ значить, что всѣ партіи были согласны на его выборъ: мы скоро увидимъ, что недовольные были даже между первыми сановниками римскаго престола. За то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что выборъ, сдѣланный римлянами, вполнѣ угоденъ былъ патрицію — обстоятельство, которое одно могло бы подать поводъ ко многимъ соображеніямъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, новый епископъ писалъ къ Карлу посланіе, въ которомъ, предупреждая всѣ вопросы, увѣрялъ

---

[1]) См. *Anast. in vita Leonis* III.

его „въ своей вѣрности и готовности повиноваться ему“ [1]). Отвѣчая Льву III на эти увѣренія, Карлъ съ своей стороны также выражалъ полную готовность служить всѣми своими силами христіанской церкви и защищать ее отъ всѣхъ враговъ. Но дѣло отнюдь не состояло лишь въ обмѣнѣ учтивостей и въ подтвержденіи прежнихъ обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Къ удивленію, въ томъ же отвѣтномъ посланіи, т. е. въ самомъ началѣ сношеній Карла съ новымъ епископомъ Рима, встрѣчаемъ уже и довольно ясный слѣдъ той великой мысли, которая должна была завершить собою всемірно-историческую дѣятельность побѣдителя саксовъ и лангобардовъ. Дѣло въ томъ, что тотъ же самый посолъ, который отправленъ былъ въ Римъ съ отвѣтнымъ посланіемъ, имѣлъ еще другое, гораздо болѣе важное порученіе — лично переговорить и окончательно условиться съ епископомъ относительно мѣръ, которыя, какъ говоритъ посланіе, Карлъ *хотѣлъ* принять для поддержанія чести епископскаго престола и для упроченія своего патриціата, и въ *необходимости* которыхъ Левъ III еще прежде согласился съ патриціемъ [2]). Какъ ни таинственно кажется это порученіе съ перваго взгляда, настоящій смыслъ и цѣль его впрочемъ едва ли трудно разгадать. Кто не видитъ, что патриціатъ въ прежнемъ его видѣ болѣе не удовлетворялъ Карла, и что онъ предпринималъ съ новымъ епископомъ сдѣлку, которая должна была кончиться признаніемъ правъ патриція на всю римскую Италію? Ничего неизвѣстно далѣе о ходѣ этихъ переговоровъ: они, очевидно, оставались тайною между договаривающимися и ихъ повѣренными. Лишь въ слѣдующемъ (796) году тайна вышла наружу. Подъ этимъ годомъ находимъ въ нѣкоторыхъ франкскихъ лѣтописяхъ важное извѣстіе, что Левъ III прислалъ Карлу, вмѣстѣ съ другими дарами, не только ключи отъ главной римской святыни, но и самое знамя города Рима (vexillum R. urbis) [3]): не ясный ли знакъ, что епископъ сдавался на всѣ требованія своего патриція? Ибо что́ иное могла

---

[1]) Caroli M. epistola ad Leonem III: Perlectis excellentiae vestrae litteris, et audita Decretali Corfula, valde, ut fateor, gavisi sumus, seu in humilitatis nostrae obedientia, et in *promissionis ad nos fidelitate.*—[2]) Ibid: Illique (misso) omnia injunximus, quae vel *nobis voluntaria*, vel *vobis necessaria videbantur*, ut ex conlatione mutua conferatis, quiquid ad exaltationem s. Dei ecclesiae, vel *ad stabilitatem honoris vestri*, vel *patriciatus nostri firmitatem*, necessarium intellegeretis. Изъ этихъ словъ между прочимъ видно, что предположенныя мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь въ посланіи, частію были условлены уже прежде. Если такъ, то естественно *представляется вопросъ*—не согласію ли на нихъ обязанъ былъ Левъ III своимъ *избраніемъ на римскій* престолъ?—[3]) См. Ann. Bertin. Metenses, etc.

означать присылка римскаго знамени королю франковъ, какъ не передачу въ его власть самаго Рима? Эйнгардъ, упоминающій о томъ же обстоятельствѣ, разрѣшаетъ намъ и послѣднее недоумѣніе. По его словамъ, Карлъ черезъ то же самое посольство получилъ отъ епископа приглашеніе—немедленно отправить въ Римъ своего уполномоченнаго, который бы отъ его имени привелъ римлянъ въ подданство и принялъ отъ нихъ присягу въ вѣрности [1]). Нужны ли болѣе осязательныя доказательства въ подтвержденіе того, что Карлъ наконецъ хотѣлъ формальнаго признанія своей власти въ Римѣ, и что новый епископъ былъ въ этомъ дѣлѣ лишь покорнымъ орудіемъ его воли?

На первое время для предназначенной цѣли дѣйствительно могли ограничиться лишь мѣрою, предложенною римскимъ епископомъ, т. е. принятіемъ отъ римлянъ присяги въ вѣрности патрицію. Впрочемъ неудовлетворительность одной этой мѣры для основанія и утвержденія новыхъ отношеній очевидна съ перваго взгляда. Кромѣ того, что для новыхъ отношеній нужна была и новая, болѣе соотвѣтствующая имъ форма,—такъ легко и просто, безъ всякихъ колебаній и потрясеній, не могло обойтись въ Римѣ нововведеніе столь коренное и существенное, какъ перемѣна политической власти. Напротивъ, въ такомъ подвижномъ городѣ, какъ Римъ, самая эта попытка подчинить его власти короля франковъ должна была вызвать много противоположныхъ стремленій и особенно невыгодно отозваться на томъ, кто могъ казаться главнымъ ея виновникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтó должны были сказать послѣдователи знаменитаго Христофора и другіе поборники независимости римскаго престола, когда тайна переговоровъ Льва III съ Карломъ вышла наружу, и они увидѣли измѣну со стороны самого епископа? Зная, какъ легко разыгрывались страсти между римлянами, никто конечно не подумаетъ, что они остались совершенно равнодушны при перемѣнѣ, подчинившей Римъ, хотя только по виду, власти патриція. Существованіе же въ это время такой партіи въ Римѣ, которая держалась политики Христофора и готова была дѣйствовать въ томъ же самомъ духѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она осталась еще отъ времени Адріана и имѣла во главѣ своей близкихъ его родственниковъ.

---

1) Einh. Ann. ad an. 796: Rogavitque (Leo III) ut aliquem de suis optimatibus Romam mitteret, ut Populum Romanum *ad suam fidem atque subjectionem* per sacramenta firmaret.

По странному стеченію обстоятельствъ, напоминающему положеніе Стефана III, первые сановники Льва III, примицерій Пасхалисъ и сацелларій Кампулъ, были и главными его врагами. Можно подозрѣвать, что оскорбленное самолюбіе было первою причиною тайной вражды ихъ ко Льву, который предвосхитилъ у нихъ честь епископства; когда же потомъ обнаружились намѣренія новаго епископа передать Римъ во власть патриція, имъ уже не трудно было собрать около себя всѣхъ недовольныхъ. Столкновеніе было неизбѣжно. Если съ одной стороны страшило ихъ имя Карла, то съ другой—его постоянное отсутствіе изъ Италіи и безсиліе самого епископа въ состояніи были внушить имъ очень дерзкія мысли. Собственно мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о римскихъ происшествіяхъ двухъ послѣдующихъ годовъ (797 — 98): но, кажется, не будетъ ошибкою полагать, что это время прошло не праздно, и что тогда уже подготовленъ былъ ударъ, который разразился надъ головою епископа въ послѣднемъ году истекавшаго столѣтія. Во время одной торжественной процессіи, когда епископъ, въ сопровожденіи клира и при стеченіи многочисленнаго народа, проходилъ по улицамъ города, Пасхалисъ и Кампулъ разбойнически напали на него съ толпою вооруженныхъ людей, опрокинули его на мѣстѣ и тутъ истерзали страшнымъ образомъ, стараясь лишить его языка и зрѣнія. Сопротивленія ни откуда не было, ибо весь народъ разбѣжался при видѣ вооруженныхъ, и заговорщики могли, сколько хотѣли, тѣшиться надъ своею несчастною жертвою. Недовольные первымъ своимъ подвигомъ, они перенесли епископа въ церковь ближайшаго монастыря, снова подвергли его ударамъ и жестокимъ истязаніямъ и наконецъ оставили его еле-живого у алтаря, въ увѣренности, что онъ не можетъ больше ни видѣть, ни говорить; вскорѣ впрочемъ, одумавшись, они опять держали совѣтъ, и изъ опасенія, чтобы приверженцы епископа не вздумали подать ему помощь и спасти его отъ преслѣдователей, перенесли въ монастырь св. Эразма и посадили тамъ въ тѣсномъ заключеніи и подъ крѣпкою стражею.

Неизвѣстно, чтó еще думали предпринять заговорщики, захвативъ въ свои руки епископа и страхомъ своего имени держа весь городъ въ нѣмомъ повиновеніи. Судя по первымъ ихъ дѣйствіямъ, надобно было ожидать цѣлаго ряда подобныхъ злодѣйствъ впереди. Казалось, для Рима еще разъ возращались страшныя времена Христофора, Сергія, Граціоза, опять наступала длинная эпоха кровавой внутренней борьбы, жестокостей,

казней всякаго рода. Между тѣмъ, кровавыя сцены, которыми открылось присутствіе въ Римѣ партіи, враждебной епископу, лишь ускорили давно приготовлявшуюся развязку. При помощи вѣрныхъ и преданныхъ людей, между которыми называютъ особенно кубикуларія Альбина, Левъ III скоро освободился изъ своего заключенія и бѣжалъ изъ Рима. Герцогъ сподетскій, Гвинихизъ, дѣйствовавшій вѣроятно по соглашенію съ кубикуларіемъ, поспѣшилъ выѣхать съ войскомъ навстрѣчу епископу и доставилъ ему безопасное убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Здѣсь въ короткое время собрались около него всѣ важнѣйшіе его приверженцы, и онъ вмѣстѣ съ ними отправился искать защиты и оправданія у своего высокаго покровителя. Карлъ, уже извѣщенный о римскихъ происшествіяхъ, ожидалъ епископа въ Падерборнѣ. Торжественный пріемъ, сдѣланный имъ изгнаннику, былъ лучшимъ доказательствомъ, что послѣдній и въ несчастіи сохранилъ всю довѣренность и расположеніе патриція. Напрасно потомъ враги епископа, очищая себя, старались очернить его и заподозрить въ глазахъ Карла разными обвиненіями: имъ уже не разорвать было стараго союза, который еще тѣснѣе скрѣпился послѣдними происшествіями. Если что̀ прежде было неискренняго въ этомъ союзѣ, отпадало теперь само собою. Не для своихъ только видовъ, но и для самого Рима, для спасенія его отъ ужасовъ угрожавшей ему анархіи, Карлъ долженъ былъ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, спѣшить исполненіемъ своей мысли: ибо Римъ еще разъ доказалъ свою совершенную неспособность — своими собственными средствами предохранять себя отъ буйства и неистовства партій. Съ своей стороны римскій епископъ, уже ради своей собственной безопасности, долженъ былъ позаботиться о томъ, что̀ прежде отчасти налагаемо было на него, какъ обязанность или послушаніе, сильною волею патриція: ибо только власть Карла въ состояніи была укротить буйство римскихъ партій и обезпечить епископа противъ новыхъ оскорбленій со стороны раздраженныхъ враговъ его. Однимъ словомъ, вслѣдствіе римскихъ безпорядковъ, личная идея Карла становилась какъ бы исторической необходимостію. Въ нѣсколько недѣль, а можетъ-быть даже и мѣсяцевъ, проведенныхъ Львомъ III въ Падерборнѣ, предметъ могъ быть зрѣло и обстоятельно обсужденъ въ частыхъ ихъ совѣщаніяхъ между собою. Карлъ, какъ видно изъ одного мѣста посланія его къ Алкуину, къ которому онъ обращался за совѣтомъ по поводу римскихъ происше-

ствій [1]), былъ сильно встревоженъ ими и видѣлъ въ нихъ причину опасаться не только за положеніе своего союзника, но даже за прочность своихъ собственныхъ владѣній въ Италіи. Мысль его, сначала очень наклонная къ употребленію суровыхъ мѣръ противъ мятежниковъ, скоро приняла противоположное направленіе: чтобы удержать ихъ въ повиновеніи и не затруднить своего положенія на полуостровѣ, онъ чувствовалъ нужду подать имъ надежду на возможность примиренія и отложить крутыя мѣры до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ [2]). Миролюбивые совѣты Алкуина еще болѣе должны были утвердить его въ этомъ намѣреніи. Тогда же наконецъ, для покрытія всѣхъ прежнихъ недоразумѣній и для полной опредѣленности будущихъ отношеній къ римлянамъ, могла представиться ему и форма императорской власти, какъ самая способная выразить настоящій характеръ его власти надъ Римомъ, и въ то же время—какъ наиболѣе привлекательная для суетности его жителей, которые легко могли помириться изъ-за нея даже съ чужеземнымъ владычествомъ. Лишь въ этомъ году по крайней мѣрѣ встрѣчаемъ первое опредѣленное указаніе на мысль объ императорскомъ достоинствѣ римскаго патриція [3]). Насколько Левъ III участвовалъ въ этомъ рѣшеніи своего покровителя, можно судить лишь предположительно; съ достовѣрностію же извѣстно, что оно, безъ сомнѣнія съ согласія обоихъ союзниковъ, было принято еще въ Падерборнѣ, и потомъ оставалось глубокою тайною между ними и развѣ еще нѣкоторыми довѣреннѣйшими лицами—до самаго прибытія Карла въ столицу Италіи.

Обратный путь Льва III отъ Падерборна до Рима походилъ болѣе на длинный рядъ тріумфовъ, чѣмъ на возвращеніе изгнанника. Онъ ѣхалъ въ сопровожденіи множества королевскихъ миссовъ, архіепископовъ, епископовъ и графовъ, которые всѣ имѣли порученіе сопутствовать ему до самой резиденціи и разсудить его съ обвинителями [4]). Предшествовавшая ему

---

1) Это мѣсто приводитъ между прочимъ Муратори въ своихъ Annali подъ 799 годомъ. Здѣсь встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе „levius est pedes tollere, quam caput“, употребленное по отношенію къ римскому епископу.—2) Ibid. Componatur pax cum populo nefando, si fieri potest; relinquatur aliquantulum minae, ne obdurati fugiant, sed in spe retineantur, donec salubri consilio ad pacem revocentur.—3) Въ извѣстномъ посланіи къ Карлу Алкуина: Diu deliberans, quid mentis meae devotio ad *splendorem imperialis potentiae vestrae et augmentum* opulentissimi thesauri vestri, muneris condignum reperire potuisset, tandem Spiritu Sancto inspirante inveni.—Ep. 103.—Ср. особенно—Lorentz, Alcuin's Leben. p. 227—236.—4) *Имена большей* части этихъ миссовъ приводитъ Анастасій въ той же біо*графіи, на стр. 183.*

слава чудеснаго исцѣленія (возвращенія языка и зрѣнія) особенно увеличивала торжественность встрѣчъ, которыя вездѣ на пути приготовляемы были ему усердіемъ его почитателей и приверженцевъ. Противная партія, и безъ того испуганная великостію отвѣтственности, которая лежала на ней, совершенно смирила свою дерзость, и уже не отваживаясь болѣе на новыя оскорбленія, едва осмѣливалась, въ очищеніе себѣ, повторять свои прежнія клеветы на епископа. Прибытіе Льва III въ Римъ довершило побѣду его надъ противниками. Призванные къ допросу королевскими миссами, они принуждены были взять назадъ всѣ свои обвиненія, и вслѣдъ за тѣмъ, по распоряженію тѣхъ же миссовъ, были отправлены узниками во Францію, чтобы тамъ ожидать себѣ приговора. Наконецъ и Карлъ не замедлилъ явиться въ Римѣ. Первою его заботою, по прибытіи сюда, было какъ можно скорѣе привести къ окончанію начатый процессъ надъ епископомъ и снять съ него въ глазахъ народа всѣ подозрѣнія. Когда епископы, нарочно для того собранные въ Римѣ, отказались произнести приговоръ надъ тѣмъ, кого они считали своимъ духовнымъ главою, Левъ III самъ очистилъ свое имя отъ всѣхъ нареканій, засвидѣтельствовавъ свою невинность торжественною клятвою, данною имъ всенародно въ церкви св. Петра. За окончаніемъ одного дѣла скоро послѣдовало и рѣшеніе другого, гораздо болѣе важнаго по своимъ послѣдствіямъ. Карлъ оставался въ Римѣ до конца года. Въ самый праздникъ Рождества, во время церковной службы, когда Карлъ въ благоговѣніи преклонилъ голову передъ алтаремъ, епископъ возложилъ на него корону, а клиръ и за нимъ народъ, присутствовавшій въ церкви, провозгласили его „римскимъ императоромъ и августомъ“ [1]). Этимъ актомъ заключился большой политическій переворотъ, который еще со времени завоеванія

1) См. Anast. ibid.; Einh. Ann. ad an. 801 и прочія лѣтописи франковъ. Само собою разумѣется, что слова cunctus populus Romanus означаютъ здѣсь отнюдь не болѣе, какъ чтó можно разумѣть подъ „римскимъ народомъ“ выше, когда говорится объ избраніи Льва III на престолъ.—Обыкновенно вѣнчаніе Карла представляется лѣтописцами въ такомъ видѣ, какъ если бы это было совершенный сюрпризъ для него. Эйнгардъ, Vita Caroli, готовъ бы былъ даже увѣрить насъ, что для Карла крайне непріятно это происшествіе, и что если бы онъ зналъ о немъ напередъ, то вовсе не пошелъ бы въ церковь. Очень сомнѣваемся въ искренности этого извѣстія и противополагаемъ ему все, что извѣстно намъ о видахъ Карла на Италію. По нашему мнѣнію, слова Эйнгарда доказываютъ лишь одно — что Карлъ по нѣкоторымъ причинамъ считалъ за нужное показывать видъ, какъ если бы онъ принималъ корону противъ *собственной воли.*

лангобардскаго государства начался для другой половины Италіи. Титло патриція было отмѣнено, и возстановленное достоинство римскаго императора заступило его мѣсто. Лучше сказать, Италія опять потеряла свою, такъ недавно еще возвращенную независимость, и впредь, до будущихъ переворотовъ, должна была войти въ составъ большой имперіи Каролинговъ.

Итакъ, послѣ многихъ переворотовъ и сильныхъ потрясеній, Италія опять возвращалась къ имперіи. Заключая здѣсь наше обозрѣніе, мы припомнимъ еще разъ, хотя въ главныхъ чертахъ, важнѣйшія событія и политическія перемѣны, изъ которыхъ сложилась исторія новой Италіи въ продолженіе перваго ея періода.

Съ паденіемъ Западной римской имперіи, разнесенной по частямъ бурнымъ стремленіемъ германскихъ народовъ и дружинъ, для Италіи открывалась новая эра исторической жизни и политическаго образованія. Первый самый жизненный вопросъ для будущей исторіи страны состоялъ въ томъ: какіе войдутъ въ нее новые элементы, и подъ какимъ преобладающимъ началомъ совершится ея политическое возрожденіе? За тѣмъ уже должно было послѣдовать и рѣшеніе второй, не менѣе важной и существенной задачи: успѣетъ ли Италія, хотя бы съ помощію новыхъ элементовъ, вошедшихъ въ нее, отстоять свою политическую независимость и соединенную съ ней самостоятельность, чтобы потомъ занять почетное мѣсто въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ, которыя въ продолженіе того же періода выростали на земляхъ бывшей римской имперіи?

На первое время Италія такъ же неизбѣжно должна была подвергнуться чужеземному владычеству, какъ и самая послѣдняя римская провинція. Изъ рукъ сборной германской дружины, которой первой досталось римское наслѣдство на полуостровѣ, она скоро перешла подъ власть шефа цѣлаго народа. Ост-готское владычество казалось тѣмъ прочнѣе въ Италіи, что не сопровождалось никакими насиліями и направлено было къ мирному сліянію побѣдителей и побѣжденныхъ въ одну націю. Но самый этотъ миръ, который оно принесло съ собою, много способствовалъ къ тому, чтобы поднять упавшій духъ римлянъ, а религіозное раздѣленіе, постоянно питавшее вражду *побѣжденнаго* народонаселенія къ побѣдителямъ, указало первому и путь къ освобожденію. Римскія симпатіи обратились

къ Востоку, и союзъ, составившійся при посредствѣ римскаго престола между Римомъ и Константинополемъ, положилъ конецъ ост-готскому владычеству и на долгое время привязалъ судьбу Италіи къ Восточной имперіи.

Византійское владычество, замѣнившее собою ост-готское, не возстановило независимости Италіи, но и не въ состояніи было оградить ее отъ новаго нашествія. Лангобардское завоеваніе, въ противоположность ост-готскому, носило на себѣ характеръ жестокости и насилія, и своею неукротимою свирѣпостію особенно давало чувствовать жителямъ страны ихъ безпомощность. Въ этомъ несчастномъ положеніи, когда равеннскій экзархъ, т. е. намѣстникъ восточнаго императора, почти ничего не предпринималъ на защиту Италіи, римскій престолъ оказалъ ей истинно великую услугу, своими собственными средствами остановивъ, хотя на время, дальнѣйшіе успѣхи лангобардовъ и положивъ начало обращенію ихъ въ католицизмъ,—ибо они явились въ Италію также аріанами. Дѣйствуя въ этомъ случаѣ какъ органъ возникающей италіанской національности, римскій престолъ утвердилъ за собою значеніе національной власти въ римской Италіи.

Лангобардское завоеваніе не покрыло собою всей италіанской территоріи: занявъ весь сѣверъ Италіи, оно потомъ узкою, но длинною полосою проникло глубоко во внутренность страны и отрѣзало равеннскій экзархатъ отъ Рима и его области. Такимъ образомъ вся Италія раздѣлилась между тремя политическими авторитетами. Разливъ лангобардскаго наводненія мало-по-малу прекратился, и короли лангобардовъ, пріостановивъ свои завоеванія, обратились къ устройству внутреннихъ отношеній въ новопріобрѣтенныхъ ими владѣніяхъ. Но римская Италія не успѣла еще вздохнуть свободно, какъ уже новая опасность угрожала ей со стороны тѣхъ, отъ которыхъ она вправѣ была ожидать себѣ покровительства и защиты. Восточные императоры, покровительствуя монофелитскому ученію, хотѣли силою утвердить его и въ своихъ италіанскихъ владѣніяхъ. Римскій престолъ, который взялъ подъ свою защиту религіозную совѣсть народа, сдѣлался предметомъ систематическихъ преслѣдованій со стороны имперіи. Но эти преслѣдованія лишь тѣснѣе сомкнули около него католическое народонаселеніе Италіи. Не прошло полвѣка, какъ вся почти римская Италія вооружилась противъ своихъ притѣснителей, и уполномоченные имперіи, сознавъ свое безсиліе, должны были искать спасенія или въ бѣгствѣ, или подъ

защитою того самаго престола, который до сего времени былъ предметомъ ихъ неутомимыхъ преслѣдованій. Когда же, черезъ нѣсколько десятилѣтій, восточные императоры предприняли еще разъ сдѣлать насиліе религіозной совѣсти католическаго народонаселенія Италіи, съ цѣлію распространить между ними иконоборческое заблужденіе, слѣдствіе было то, что даже лангобарды, какъ католики, подали руку на союзъ съ римлянами и дѣйствовали заодно съ ними для отраженія общаго врага. Въ это время пали всѣ авторитеты, поставленные въ римской Италіи Восточною имперіею, и на мѣстѣ ихъ возвысились новые, чисто національнаго происхожденія.

Освобожденіе Италіи отъ Востока впрочемъ еще не заключало въ себѣ всего рѣшенія вопроса о судьбахъ новой италіанской національности. Чтобы окончательно утвердить свою самостоятельность и отстоять ее отъ всѣхъ стороннихъ нападеній, Италія должна была, по примѣру прочихъ странъ Европы, соединить всѣ свои элементы въ одномъ крѣпко сочлененномъ государственномъ тѣлѣ. Изъ двухъ политическихъ началъ, между которыми она тогда была раздѣлена, лангобардское конечно было самое сильное и носило въ себѣ наиболѣе залоговъ прочности. Какъ бы сознавъ свое призваніе, лангобардскіе короли, еще во время послѣдней борьбы римлянъ съ имперіею, начали дѣлать усилія, чтобы мало-помалу подчинить своему авторитету и всю остальную Италію. Соединившись подъ ихъ властію, Италія по крайней мѣрѣ избавилась бы отъ опасности новаго завоеванія со стороны. Къ сожалѣнію, римскіе епископы не хотѣли отказаться отъ своихъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ борьбѣ за независимость римской Италіи, и занятые интересами своей власти, изъ-за нихъ не видѣли болѣе интересовъ національныхъ. На Италію они смотрѣли какъ на патримонію своего престола, и упорно стояли на томъ, что лангобарды—нечестивый народъ, хотя они давно уже были добрыми католиками. Такъ, ради особенныхъ цѣлей, поддерживалось раздѣленіе между двумя главными народностями Италіи, когда уже оно готово было уступить мѣсто сліянію ихъ въ одну національность. Чѣмъ болѣе росла энергія предпріимчивыхъ лангобардскихъ королей, которые старались ввести свое государство въ естественные его предѣлы, тѣмъ изобрѣтательнѣе становилась римская ненависть, употреблявшая всѣ усилія, чтобы подорвать ихъ владычество въ самомъ его корнѣ. Въ этой неравной борьбѣ, въ которой, повидимому, все превосходство было на

сторонѣ лангобардовъ, она однако умѣла одержать верхъ своимъ политическимъ искусствомъ. Когда уже съ Востокомъ разорваны были всѣ связи, римскіе епископы обратились къ Западу, нашли тамъ очень усерднаго союзника и вымолили себѣ его сильное содѣйствіе. Благодаря его крѣпкой рукѣ и безкорыстному усердію къ интересамъ церкви св. Петра, римскій престолъ могъ не только торжествовать побѣду надъ лангобардами, но и положить начало своей территоріальной власти на полуостровѣ.

Призвавъ Каролинговъ, какъ своихъ патриціевъ, ко вмѣшательству во внутреннія дѣла Италіи, римскій престолъ вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ ее и ихъ завоевательнымъ стремленіямъ. Съ того времени рука сильныхъ Каролинговъ отяготѣла надъ судьбами обезсиленной внутреннимъ раздѣленіемъ Италіи. Преемники перваго патриція не уступали ему въ силѣ, но не отличались его безкорыстіемъ. Когда одному изъ нихъ, величайшему изъ Каролинговъ, представился случай—въ интересѣ римскаго престола снова начать войну съ лангобардами, онъ нанесъ рѣшительный ударъ ихъ государству, но вмѣсто того, чтобы принести свое пріобрѣтеніе въ даръ св. Петру, очень спокойно удержалъ его за собою. Послѣ того, какъ прямой наслѣдникъ власти лангобардскихъ королей, онъ не затруднился уже осуществить и задушевную ихъ мысль. Не осмѣливаясь въ своемъ безсиліи противорѣчить волѣ своего патриція, римскіе епископы наконецъ должны были признать власть его и надъ самымъ Римомъ, а это послѣднее обстоятельство само собою условливало перемѣну прежняго достоинства патриція на власть императора.

Такимъ образомъ, то же самое учрежденіе, которому Италія преимущественно обязана была своимъ освобожденіемъ отъ ост-готовъ и потомъ отъ Восточной имперіи, было и главною причиною того, что она, когда уже была на шагъ отъ политическаго единства, которое должно было упрочить ея независимость на будущее время, подпала вновь чужой власти, которая утвердилась въ ней подъ именемъ новой Западной имперіи. Этотъ послѣдній плѣнъ, повидимому вовсе нечувствительный для Италіи, въ сущности былъ самымъ рѣшительнымъ для будущей ея участи, ибо не оставлялъ ей позади себя никакой надежды на самобытное возстановленіе ея политической независимости.

Но, кромѣ этого главнаго результата, въ исторіи новой Италіи *остгото-лангобардскій* періодъ важенъ еще и въ другомъ

отношеніи. Пока страна проходила одно за другимъ разныя испытанія, все яснѣе и яснѣе обрисовывались индивидуальныя черты новой италіанской національности. Укажемъ на самыя видныя изъ нихъ. Зародившись среди глубокаго внутренняго раздѣленія, воспитанная постоянною враждою одного народнаго элемента съ другимъ, враждою вмѣстѣ религіозною и политическою, италіанская національность носила на себѣ живой отпечатокъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ произошла и образовалась. Безпрестанно бросаемая изъ стороны въ сторону политическими переворотами, и не имѣя никакой постоянной точки опоры, она рано уже сдѣлалась тревожна, легко-подвижна и вмѣстѣ непостоянна. Въ странѣ, гдѣ политическіе авторитеты долго не имѣли никакой прочности, и гдѣ однако политическимъ страстямъ всегда было такъ много пищи и простора, легко также было образоваться и этой мстительности, которая съ того времени стала какъ бы неразлучною спутницею жизни италіанскаго народа. Недостатокъ же посредничества долженъ былъ сверхъ того придать ей еще характеръ особеннаго ожесточенія: безпощадная месть не только врагу, но и сопернику, до послѣдняго его воздыханія! Раздѣленіе италіанцевъ на партіи, и легкость, съ которою онѣ образовались въ каждой общинѣ, отнюдь не есть исключительно произведеніе позднѣйшей гвельфо-гибеллинской эпохи: начало ихъ восходитъ ко временамъ того же остгото-лангобардскаго періода. Довольно припомнить сцены равеннскихъ и римскихъ внутреннихъ смутъ и междоусобій, разсказанныя мѣстными историками. Все это основныя черты народнаго италіанскаго характера, которыя, зародившись здѣсь, долго потомъ оставались неразлучны съ народомъ и въ его послѣдующей исторіи.

